

РОССИЯ И ТЕПЛОЙ МИР ЕВРАЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВНЕШНЕСВЯЗИ» (МОСКВА)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЯ И СТЕПНОЙ МИР ЕВРАЗИИ

Очерки

Под редакцией проф. Ю.В.Кривошеева

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2006

ББК 63.3

P76

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга

А в т о р ы : В. М. Викторин, М. В. Кривошеев, Ю. В. Кривошеев,
И. Б. Михайлова, В. В. Шапошник

Р е ц е н з е н т ы : д-р ист. наук *Н. Н. Крадин* (Ин-т истории,
археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской
Академии наук), д-р ист. наук *Д. Г. Савинов* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Россия и степной мир Евразии: Очерки / Под ред. Ю.В.Криво-
P76 шеева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. — 432 с.
ISBN 5-288-04023-0

Книга петербургских историков посвящена актуальной в современной отечественной исторической науке теме — взаимоотношениям Руси и России с различными кочевыми образованиями, от племен аваров и печенегов до государственных структур степей Поволжья и пустынь Средней Азии, с которыми в силу своего геополитического евразийского положения Россия всегда соседствовала. В книге подробно и вместе с тем доступно для широкого круга читателей рассматриваются этапы взаимоотношений двух миров — степного (кочевого) и земледельческого (оседлого).

Адресована всем интересующимся историей народов нашей страны.

ББК 63.3

ISBN 5-288-04023-0

© Коллектив авторов, 2006
© Издательство С.-Петербургского
университета, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Степь и лес — вот два историко-географических фактора, которые на всем протяжении русской истории играли выдающуюся роль.

Пожалуй, первым, кто выделил эту тему из общего потока русской истории, был Андрей Иванович Лызлов, в 1692 г. окончивший свой труд «Скифская история», написанный «от разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей». В ее четырех частях писалось «о названии Скифии, и границах ея, и народах скифийских монгаллах и прочих... и коих времен и яковаго ради случая татаре прозвашася и от отеческих мест в наши страны приидоша, и яковыя народы во оных странах быша, и идеже ныне татарове обитают. И о начале и умножении Золотыя орды и царех бывших тамо. О Казанской орде и царех их. О Перекопской или Крымской орде и царех их».

Как видим, в труде царского стольника, отнюдь не профессионального историка, был представлен почти весь спектр проблем, волнующих научный мир (да и не только его) и поныне. И в данном случае совсем не важно, насколько «Скифская история» — научно-самостоятельный труд, важнее, повторим, другое: здесь впервые в отечественной историографии ставится и решается вполне самостоятельная проблема — взаимоотношения Руси и России с меняющимся миром кочевников в древности, средневековье и раннем Новом времени — в том временном историческом промежутке, который мог охватить А. И. Лызлов, современник и активный участник событий на степных пограничьях России второй половины XVII в.

Уже на новом витке развития отечественной научной исторической мысли это было подчеркнуто крупнейшим

русским историком Сергеем Михайловичем Соловьевым. Будучи приверженцем геодетерменизма — концепции неразрывного единства общественных и природных явлений при определяющем воздействии последних, он уже на первых страницах своей великой «Истории России» страстно пишет «о народных движениях с Запада навстречу кочевым ордам», когда «на берегах Днепра и его притоков, на востоке и западе, селятся племена земледельческие с характером европейским; они движутся все далее и далее на восток, но кочевники не скоро уступят им свои привольные степи. Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить на счет оседлого народонаселения; ясно, что в истории последнего одним из главных явлений будет постоянная борьба со степными варварами».

Исторически конкретизируя эти далеко не простые взаимоотношения, С. М. Соловьев историю России представляет как непрекращающееся соперничество в пределах лесостепной Великой (Восточно-Европейской, или Русской) равнины кочевников южной степи и оседлого населения северной «страны, покрытой девственными лесами, наполненной реками, озерами и болотами».

Первый период, когда «от половины IX века до сороковых годов XIII нет резкого перевеса ни на стороне кочевников, ни на стороне славянских племен, объединенных под именем Руси; печенеги, а за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью, но зато иногда и русские князья входят вглубь степей их, за Дон, и пленят их вежи». В течение второго периода «от сороковых годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиаты в лице монголов». В третий период «с конца XIV века пересиливает Европа в лице России; северо-западная, европейская часть Великой равнины начинает распространяться на счет юго-восточной, азиатской».

Как и во многом другом, мысли и труды С. М. Соловьева дали толчок новым исследованиям взаимоотношений «леса и степи» в русской истории. Понятно, что на очереди стояла уже конкретизация этого процесса в пространстве и времени. В последующие десятилетия русская историческая наука обогатилась фундаментальными трудами Г. И. Перетятковича по истории Поволжья с XV по начало XVIII в., Д. И. Багалея по «истории колонизации и быта

степной окраины Московского государства», М. К. Любавского по истории русской колонизации вплоть до конца XIX в.

На «лесостепную» составляющую русского исторического процесса было обращено внимание и в XX в., особенно представителями так называемого евразийства. Один из них историк Георгий Владимирович Вернадский подчеркивал, что евразийцами «понятия “степи” и “леса” употребляются... в совокупности их природного и историческо-культурного значения». Он же сконструировал и периодизацию русской истории в зависимости от противоборства Руси и степи, схожую, но и отличную в своей развитости от схемы С. М. Соловьева.

В первый период, продолжающийся «приблизительно до конца X в., мы видим попытки объединения степи и леса для использования выгод обмена их природными богатствами». Далее «с конца X до середины XIII века связь между лесом и степью разорвана. Идет отчаянная борьба между русскими князьями и печенегами (затем половцами). Русский народ сбивается к лесу, удерживается в пристепье, но не в самой степи. Период этот может быть назван борьбой между лесом и степью». «Монгольское завоевание, по Г. В. Вернадскому, кладет предел раздорам степи и леса; оно несет с собой победу степи над лесом... Хронологические грани третьего периода: от 1238 года до 1452 года (1452 год — это год основания зависимого от Москвы Касимовского татарского царства: Москва становится отныне собирательным центром в том мире, который возник в результате распада золотоордынской державы)». «Четвертый период (условно 1452–1696): наступление русского севера на монголо-турецкий юг и восток; обозначается решительная победа леса над степью: происходит завоевание Казани, Астрахани, Сибири и, после многовекового перерыва, овладение вновь устьями Дона (взятие Азова Петром Великим в 1696 году)». Пятый период (условно 1696–1917 гг.) — «распространение Российского государства почти до естественных пределов Евразии: объединение леса и степи в отношении хозяйственно-колонизационном». К этому Г. В. Вернадский добавляет необходимое замечание, что «для истории русского народа область евразийских пустынь непосредственной роли почти не играет

до XVIII века и собственно имеет значение лишь для истории XIX века».

В советской историографии, пронизанной, как известно, формационно-классовым подходом, «лесостепная проблематика» все же не была забыта. Но, как следует из литературы, завершающей каждый очерк, она была ограничена поставленными исследовательскими задачами.

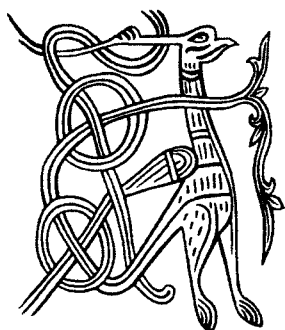
В предлагаемых вниманию читателей очерках, написанных в научно-популярном жанре и объединенных одной темой — лес и степь в русской истории, встретятся как уже знакомые читателям концепции и суждения по рассматриваемым проблемам, так и новые, прежде, может быть, не встречавшиеся.

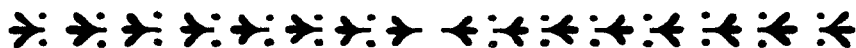
Очерки написаны в основном сотрудниками исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета в рамках программы, подготовленной кафедрой исторического регионоведения по изучению общероссийских и региональных историко-географических процессов.

Ю. В. Кривошеев

Очерк первый

Древняя Русь и Степь

Гунны. — Авары-обры. — «Великая Болгария». —
Волжско-Камская Болгария. — Хазары. — Восточные славяне и Хазарский
каганат. — Древняя Русь и Хазария в IX–X вв. — Венгры. — Печенеги. —
Усиление печенежской агрессии и разгром «Пачинакии». — Торки. —
«Черные клобуки». — «Свои поганые» на русской службе. — Кипчаки-
половцы. — Русско-половецкие войны 1093–1096 гг. —
Военная «доктрина» и победоносные походы Владимира Мономаха. —
Консолидация половецких орд и борьба с кочевниками в 70–80-е годы XII в. —
Загадочный поход князя Игоря Святославича. — Русь и половцы
в конце XII — первой трети XIII в.

В середине I тыс. до н. э. из огромного конгломерата племен, проживавших в Европе, — индоевропейской языковой общности, выделились славяне. Вовлеченные в процесс Великого переселения народов, они обосновались в Южной, Центральной и Восточной Европе, в том числе на землях, граничивших с зоной причерноморских степей, — на Балканском полуострове, в Карпатах, освоили лесную и лесостепную полосы междуречья Днестра и Днепра. Степи принадлежали многочисленным разноэтничным ордам кочевников. Последние устремлялись в Причерноморье из Азии, накатывая лавинами многолюдных волн, каждая из которых разбивала, уничтожала или поглощала предыдущий поток воинственных переселенцев.

Кочевничество — это такой тип экономики, при котором основным производящим хозяйством является экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом табунов, стад и отар. Увеличение количества скота, сопряженное с ростом благосостояния его владельцев, подъемом рождаемости в орде, обуславливало потребность в новых пастбищах. Поэтому завоевательные войны были неотъемлемой чертой жизнедеятельности кочевых сообществ. Другой причиной, приводившей номадов в движение и заставлявшей их нападать на соседние государства и народы, было давление новых потоков переселенцев, периодически устремлявшихся с востока на запад. В периоды нашествий с обжитых пастбищ и стойбищ снималось все степное население со своими табунами, юртами и кибитками: женщины, дети, старики, огромное количество воинов-всадников. Начиная перемещение по степи в поисках района, заселенного более слабыми в военном отношении соседями, кочевники, как правило, принадлежали к одной этнолингвистической группе. Постепенно эта группа обрала ордами, попадавшимися

ей на пути, и попутно побежденными племенами. Так формировалась новая этническая общность. За долгие годы перекочевков, слияния с покоренными племенами и добровольно примкнувшими ордами культура первичной этнолингвистической группы почти совсем исчезала, сохранялись только военный опыт, стратегические методы и тактические приемы ведения боевых действий — все то, что делало кочевников хитроумными и непобедимыми.

Во время успешных походов номады не только приобретали земли побежденных народов, но также захватывали их богатства, которые применяли в быту, продавали или обменивали. Завоеванное население уничтожали, обращали в рабство с последующей продажей его на невольничих рынках, частично включали в объединения степных племен.

В процессе развития кочевых сообществ принадлежавшие им территории распределялись между отдельными ордами. Соответственно ограничивался район кочевания каждой орды, появлялись постоянные стойбища — летовки и зимники. В военных операциях — походах и набегах — стали принимать участие только мужчины-воины, женщины и дети оставались в вежах — поставленных в крут юртах, с внешней стороны укрепленных кибитками и подручными средствами защиты. Все завоеванные богатства свозились в такие вежи, которые длительное время находились в четко локализованных стойбищах, а потому стали доступнее для неприятеля.

Одновременно шел процесс образования союзов кочевых орд во главе с избранными на племенных и межплеменных съездах ханами (каганами). Ханы регулировали и направляли всю внешнюю и внутреннюю политику кочевых сообществ. Они организовывали широкомасштабные военные походы и молниеносные локальные набеги на соседние государства, заключали с ними мирные договоры, предотвращали грабежи и междоусобные столкновения внутри подвластных им союзов племен. Вокруг ханов группировалась родовая аристократия, им подчинялись более мелкие племенные предводители — царевичи, малики, беки и др.

В некоторых кочевых сообществах с ограниченными территориями пастбищ, постоянными летовками и зимниками, с оформившейся сильной публичной властью интенсивно протекал процесс перехода значительной части населения к оседлости. Вдоль оживленных торговых путей появились своеобразные степные города, разноэтническое и поликонфессиональное население которых занималось ремеслом, обменом товаров и ростовщичеством. В новых социально-политических образованиях формировался государственный аппарат управления: действовали отряды вооруженных блюстителей порядка, сборщики налогов, судьи. Власть прав-

вителей стала наследственной. Войны теперь велись не для того, чтобы приобрести дотла разоренные земли, а с целью установления политического господства над соседними народами. Значительную часть завоеванного населения оставляли на прежнем месте жительства и облагали тяжелой данью, поступавшей в казну победителей.

Государственные образования оседлых и полукочевых степняков в письменных источниках обычно называются каганатами. Они возникали и разрушались вследствие совокупности разнообразных причин: изменений климатических условий жизнедеятельности в степях — засух и похолоданий, эпидемий и эпизоотий, приводивших к демографическим колебаниям в обществе, а также побед над другими народами и сокрушительных поражений от врагов (*История Европы*: В 8 т. Т. 2. М., 1992. С. 213–215).

Полиэтничные степные сообщества, находившиеся на различных стадиях кочевания и оседлости, более тысячи лет оказывали непосредственное влияние на генезис и развитие родо-племенного общества ранних, затем восточных славян, а также на процесс формирования древнерусского народа и становления его государственности. В свою очередь, они испытали сильное воздействие соседей-земледельцев. В ожесточенных войнах, сменявшихся недолгими периодами мирных взаимоотношений, формировались новые этнические массивы, пришедшие на смену уничтоженному или ассимилированному населению античного мира, которые положили начало процессу становления современных народов.

Гунны. Издавна в северных областях Китая и Монголии кочевали воинственные племена хунну, наносившие большой урон хозяйству сельских жителей и горожан. Для предотвращения набегов степняков была выстроена Великая китайская стена. В конце концов под ударами императорского войска мощное объединение кочевых племен распалось на две части: одна из них, южная, подчинилась победителям и перестала нападать на китайских земледельцев, другая, северная, ушла на запад. Во II в. н.э. часть хунну-переселенцев продвинулась из Центральной и Средней Азии в Приуралье, затем — в Поволжье. В период длительной миграции кочевники ассимилировались с угорскими и сарматскими племенами, усвоили их культуру и даже приобрели новый физический облик. Их многочисленное социальное образование стали называть гуннами.

По свидетельству римского историка конца IV в. н.э. Аммиана Марцеллина, который участвовал в описанных им военных кампаниях на востоке страны и, разумеется, встречался с кочевыми «варварами»,

гунны были коренастыми, безбородыми людьми. Они питались кореньями и полусырым мясом скота, одевались в шкуры или холщовые рубахи, на голове носили кривые шапки, обувались в мягкие сапоги из козьей кожи. «Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь... Придя на изобильное травоя место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках». Никто из кочевников «не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше». Особую заботу гунны проявляли о лошадях, они «приросли к коням» и воевали только верхом. Их оружие составляли меч, тяжелый лук со стрелами и аркан. Они почти никогда не сходились с противником врукопашную, но издали осыпали его стрелами, потом ловили отступавших и «выбившихся из общей массы воинов арканами». Аммиан Марцеллин отметил, что гунны «не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что находится на пути». Вести с ними переговоры не имело смысла, потому что жестокие завоеватели «вероломны, непостоянны... они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, не связаны уважением ни к какой религии или суевию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников» (Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. С. 491–492).

В 70-е годы IV в. гунны вышли на берега Дона, в жестоких сражениях разбили проживавших там сармато-алан. Дальнейший их путь на запад преградило аморфное и многоэтничное государственное образование, раскинувшееся на обширном степном и лесостепном пространстве от бассейна Северского Донца до Приднестровья (с востока на запад) и от среднего течения Днестра до берегов Черного моря (с севера на юг). Его возглавляли остготы, подчинявшиеся королю Германариху. В это образование входили и раннеславянские племена антов, которые в процессе расселения на обозначенной территории ассимилировали проживавших здесь до их прихода ираноязычных скифов.

Во II–IV вв. н. э. анты потерпели поражение в упорной борьбе с готами, пришедшими на их землю с южного побережья Балтийского моря, после чего частично отступили на север, где поселились в труднопроходимых и малообжитых лесах верхнего Поднепровья. Переселенцы сохранили этническую чистоту и самобытную культуру, в то время как их сородичи, оставшиеся на прежнем месте жительства, сли-

лись с завоевателями — готами, и создали археологическую культуру черняховских древностей. Для черняховской культуры характерны: пашенное земледелие и развитое скотоводство, высокий уровень ремесла и широкие рыночные связи с использованием римской монеты, начало распространения письменности на основе греческого и латинского алфавитов. При этом следует отметить, что роль славянских племен в полиэтничном социальном образовании, созданном готами, была скромной. Они производили минимум материальных благ, необходимых для поддержания жизнедеятельности их общин, и главным образом потребляли созданное другими племенами, а также перенимали отдельные элементы их культур.

В 375 г. гунны обрушились на аморфный и непрочный конгломерат племен и формировавшихся народов — «державу» остготов. При первых же ударах она рассыпалась, король Германарих покончил жизнь самоубийством. С беспредельной жестокостью орды кочевников прошли по процветающим землям, истребляя все местное население, встречавшееся на их пути. Кочевники не щадили никого, и через несколько лет обширные сельскохозяйственные области Крыма и Приднепровья превратились в безлюдные пастбища с руинами сожженных и разграбленных городов и селений.

На берегах Днестра гунны разбили вестготов, преследуя их, огнем и мечом прошли по Фракии, затем заняли Паннонию (находившуюся в Подунавье). Их вторжения стали одной из причин распада Римской империи, образования Византии и западноевропейских «варварских» государств. Наибольшего могущества гунны достигли в правление Атилы (433–454 гг.), подчинившего значительную часть германских племен — франков, бургундов, тюрингов, а также славян, проживавших в верховьях Вислы и Одера. Грозный властелин создал огромную, но лоскутную и связанную только силой оружия «империю», центром которой стали степные становища с бескрайними пастбищами вокруг них, а на периферии этой «державы» находились земли покоренных земледельцев. Завоеванные племена платили дань и поставляли войска для дальнейших походов кочевников. Наступление гуннов было остановлено в 451 г. на Каталаунских полях (в 150 км восточнее Парижа), когда римляне и их «федераты» — германцы и аланы, разгромили войска Атилы. После смерти завоевателя, испутившего дух в первую брачную ночь с бургундкой Ильдикой, возможно, отомстившей супругу-повелителю за порабощение ее сородичей, «империя» гуннов распалась. Большая часть входивших в нее кочевых племен ушла в заволжские степи. На освободившиеся территории Среднего Поднепровья и Подунавья вернулись славяне.

Миграция славянских племен на юг и юго-запад, завершившаяся в VII в. завоеванием ими Балканского полуострова, ознаменовала окончание эпохи Великого переселения народов. Ученые восстановили картину жизни и деятельности славянских племен, которые во второй половине I тыс. н. э. расселились на обширной территории, простиравшейся от Карпат на западе до бассейна Северского Донца на востоке, и пришли к выводу о том, что, испытав незначительное воздействие германцев и кочевников, они в целом сохранили экономические и социальные отношения, культуру и быт, существовавшие у них до нашествия иноземных завоевателей (готов и гуннов).

Славяне жили в небольших неукрепленных или обведенных тыном поселках, которые располагались на мысах рек, надпойменных террасах, островах и лесных прогалинах, окруженных топями и болотами. На поселениях размещалось 5-7 полуземлянок площадью 9-12 кв. м каждая. Обязательной принадлежностью славянских жилищ в третьей

Расселение восточных славян и их соседи

четверти I тыс. стала печь, сложенная из камней или сделанная из глины, которая заменила прежде существовавший открытый очаг.

В полуземлянках хранили орудия труда, посуду (большинство керамических изделий было изготовлено вручную), домотканую и меховую одежду, оружие. Между жилищами находились большие колоколовидные земляные ямы, изнутри обмазанные глиной. Их заполняли зерном (полбой, просом, ячменем, овсом, пшеницей), которое принадлежало всей сосредоточенной в поселке общине.

Местные жители занимались земледелием, обрабатывали огороды, разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, охотились на зверя, птицу, рыбу, добывали мед диких пчел, заготавливали впрок грибы, ягоды и орехи, обменивались продукцией с иноземными купцами. Ремесло у славян было развито слабо. Они обрабатывали железо, дерево и кожу, пряли, ткали и шили, изготавливали керамику и ювелирные украшения из драгоценных металлов — иными словами, делали все необходимое в их несложном натуральном хозяйстве (*Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л., 1982. С. 14, 87, 97–98; *История Европы*. Т. 2. С. 216–218; *Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002. С. 67–76).

В середине VI в. славянские племена антов и дулебов подверглись новому сильному удару кочевников — на их земли пришли авары (точнее, псевдоавары), или, по терминологии начальной русской летописи, обры.

Авары-обры. После распада гуннской «державы» в европейских степях кочевали многочисленные финно-угорские и тюркские племена — акациры, барсилы, кутригуры (кутургуры), оногуры, савиры, сарагуры, утигуры и др. В первой половине VI в. среди них выделялась орда авар. Одни ученые считают их потомками монгольских кочевников жууженей (жуаньжуаней), которые в IV — начале VI в. создали в восточной части азиатских степей обширный каганат: его территория простиралась от Большого Хингана на востоке до озера Балхаш на западе. Под натиском тюркских племен это огромное образование распалось, а выделившиеся из него авары переместились в европейские степи (об этой точке зрения см.: *История Европы*. Т. 2. С. 219; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 87, прим. 70; с. 126, прим. 11, 12). Другие исследователи полагают, что авары были выходцами из среды многочисленных угорских племен Северного Казахстана (*Артамонов М. И.* История хазар. С. 126–127) или «народом неясного, очевидно, смешанного тюркско-угорского происхождения» (*Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 73).

Как называли себя переселенцы — неизвестно, но в европейских степях они встретились с кутригурами, савирами и утигурами, которые приняли их за племена а-ба. Последние издавна жили в районе Семиречья, в конце V в. переселились в северные области Тянь-Шаня, откуда неоднократно нападали на предков угров-эмигрантов, в конечном счете изгнали их из Южной и Западной Сибири на территорию водораздела Волги и Дона и дальше — в Северное Причерноморье. Заблуждавшиеся обитатели восточноевропейских степей направили к беглецам почетное посольство и богатые дары, а переселенцы, поддерживая миф о своем могуществе, стали именовать себя а-барами — аварами, а своего предводителя называть каганом.

Однако слухи о новоявленных завоевателях были сильно преувеличены. Теснимые тюрками, малочисленные мигранты (всего два тумена — около 100 тыс. человек, из них — 20 тыс. воинов) искали безопасное прибежище и надежных союзников. В 558 г. они отправили посольство в Константинополь. Византийцы с большим интересом рассматривали рослых, сильных, высокомерных варваров с длинными волнистыми волосами, заплетенными в косы. С дерзостью отчаяния аварский посол Кандих заявил византийскому императору: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо, оно способно отразить и истребить противников. И поэтому тебе полезно будет принять авар в союзники и приобрести себе в них отличных защитников; они только в том случае будут в дружеских связях с Римской державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобой в плодотворной земле» (Артамонов М. И. История хазар. С. 128–129). Эта надменная речь была благосклонно выслушана, авар решили использовать в борьбе с кочевыми племенами, враждебными империи. Однако новые «федераты» не оправдали надежд византийского василевса: очень скоро они втянулись в междоусобную борьбу разноэтничных кочевых группировок и, быстро меняя союзников, то вступая с ними в альянс или силой заставляя их биться со своими прежними соратниками, то изменяя им, постепенно стали усиливаться.

Их успехи на полях сражений также были обусловлены применением новых тактических приемов и эффективного оружия, не известного европейцам. Луки авар отличались более крупными размерами, чем дальноточное оружие их противников, стрелы с тяжелыми трехлопастными наконечниками поражали врага с большего расстояния. Копья мигрантов были длиннее и массивнее, чем те, которыми пользовались другие кочевники. Но главное отличие в наступательном оружии авар состояло в том, что они ловко владели гибкими, однолезвий-

ными, пока еще слабо изогнутыми саблями, которыми в конных битвах мгновенно наносили крутовые, режущие удары, глубоко поражающие поверхность туловища противника. Европейцы еще не умели защищаться от сабельных ударов, а потому сотнями гибли на полях сражений и от тяжелых ран после прекращения боевых действий. Использование всех этих новых видов и форм вооружения стало возможным благодаря изобретению стремян, которые обеспечили более устойчивую посадку всадника и позволили ему, не спускаясь с коня, вступать даже в рукопашную схватку с противником. Впервые стремяна стали применяться именно в аварской коннице, которая во второй половине VI — первой четверти VII в. покорила степи Причерноморья и Подунавья, завоевала Паннонию и Далмацию, неоднократно совершала опустошительные вторжения на территорию Византийской империи.

В период продвижения авар на запад они подчинили не только многочисленные разноэтничные орды, кочевавшие в степях, но и некоторые славянские племена. Византийский историк второй половины VI в. Менандр Протиктор сообщает, что «когда правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье, авары сразу же стали опустошать [их] землю и грабить [их] страну». Тогда анты направили к завоевателям посольство во главе с Мезамером. Содержание его переговоров с кочевниками не известно, византийский историк упоминает только о стремлении славян «выкупить некоторую часть пленных из их племени». Однако договаривавшиеся стороны не нашли взаимопонимания: Мезамер не принял предложенной кочевниками тональности диалога, чем сильно их разгневал. Разумеется, с подачи степняков Менандр Протиктор охарактеризовал посла антов как «пустослова и хвастуна», произносившего «слова высокомерные и в чем-то даже наглые». Авары убили Мезамера. «С того времени более, чем раньше, стали они разорять землю антов и не переставали поработать жителей, грабя и опустошая [ее]» (*Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. I. М., 1994. С. 317).

Разобщенные племена антов были покорены и почти на столетие попали в зависимость от кочевников. Франкский хронист VII в. Фредегар сообщает, что завоеванные славяне поставляли ополчения для участия в военных операциях степняков. Авары применяли жестокую и хитроумную тактику сражений. Они прятались в укрытии в то время, когда славяне и другие поработанные племена начинали битву, принимали на себя решающий удар противника и соответственно несли наибольшие потери. Когда наступал перелом и определялся благоприятный для кочевников исход сражения, они внезапно ввязывались в схватку, добивали врага и присваивали себе победу. Если побоище за-

канчивалось неудачно для степняков, они успевали бежать, бросив на произвол судьбы его главных участников. Например, в 601 г. византийское войско перешло Дунай и в двух сражениях на реке Тиссе разгромило аварские ополчения. Среди пленных, взятых победителями, только пятая часть оказалась аварами, половина захваченных воинов была славянами, остальные происходили из разных «других варваров». О количестве и значении славян в аварском войске был хорошо осведомлен византийский полководец второй половины VI в. Тиверий, который при заключении мирного договора с кочевниками предпочел получить в качестве заложников детей не самого кагана, а «скифских» князей. Он был убежден, что таким способом надежно обеспечил мир с номадами, потому что в случае их измены «скифы», спасая своих сыновей, могли поднять против степняков все их ополчение, почти целиком состоявшее из покоренных племен.

Ежегодно зимой авары отправлялись к славянам за данью. Их обременительные приезды оборачивались для данников не только материальными издержками, но и унижением, насилием, возможно, гибелью тех местных жителей, которые оказывали сопротивление завоевателям, бесчинствовавшим в их селениях. Так, согласно хронике Фредегара, авары принуждали жен и дочерей славян становиться их наложницами. Это свидетельство подтверждает археологический материал: ученые обнаружили могильники с совместными захоронениями мужчин-кочевников, погребенных по аварскому обряду — с боевым конем и набором характерного оружия, и женщин-славянок. О неоднократных публичных издевательствах над поработанными женщинами сообщает и Повесть временных лет: «Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина, — и так мучили дулебов» (*Повесть временных лет*. СПб., 1999 (далее — ПВЛ). С. 146).

Анты не вынесли жестокого угнетения авар. Разумеется, они принимали попытки объединить усилия в борьбе с завоевателями, однако созданные ими племенные образования были непрочными и быстро распадались. Об этом свидетельствует Маврикий, предполагаемый автор византийского сочинения о военном искусстве «Стратегикон», написанного в конце VI в. «Не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они (анты. — И.М.) не признают военного строя... Так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и соберутся, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу и при этом никто не хочет уступить другому», — по-

учал он ромеев и советовал соотечественникам в дальнейшем сеять раздоры между антскими племенами, поддерживать их противостояние друг другу, чтобы не допустить объединения воинственных славян «под власть одного вождя». Эта непримиримость, постоянно вспыхивавшие военные конфликты, порожденные межплеменными противоречиями, а также происками византийских политиков, обусловили завоевание антов обрами, а затем и уход их с исторической сцены. В начале VII в. этноним «анты» исчез из исторических источников, на смену этим раннеславянским племенам пришли восточные славяне — древяне, поляне, дреговичи и радимичи.

Другая группа раннеславянских племен — дулебы, проживавшие «по Бугу», т. е. в Прикарпатье, — напротив, оказала упорное сопротивление аварам. В борьбе с завоевателями дулебы сплотились в единое сильное племенное образование, о котором арабский энциклопедист X в. ал-Масуди писал: «Его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались».

Союз дулебских племен, разумеется, принимал участие в военных операциях, проводившихся против авар византийскими василевсами и франкскими королями. В 626 г., когда уже шел процесс разложения Аварского каганата, византийский император Ираклий разбил войска некогда могущественных завоевателей под Константинополем. Следствием этой победы стало образование самостоятельного славянского государства Само, существовавшего на территории современной Чехии. Еще более тяжелое поражение кочевники потерпели в конце VIII в. В 791 г. создатель огромной европейской империи Карл Великий начал наступление на аварскую «державу». В 795 г. его войска, состоявшие из разнообразных формирований покоренных и союзных племен и народов, в том числе и славян, вступили в ставку кагана, находившуюся в среднем течении реки Тиссы. На территории междуречья Дравы и Тиссы, в центральной части бывшего Аварского союза, было создано новое государственное образование — Паннонская марка. Некоторые уцелевшие в годы войны 791–795 гг. становища авар были взяты и разорены сыном Карла Великого Пипином. Обширная и лоскутная «держава» грозных кочевников прекратила существование. Русский летописец по этому поводу заметил: «Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: “Погибли как обры”, — их же нет ни племени, ни потомства».

Когда авары перестали представлять угрозу для союза дулебских

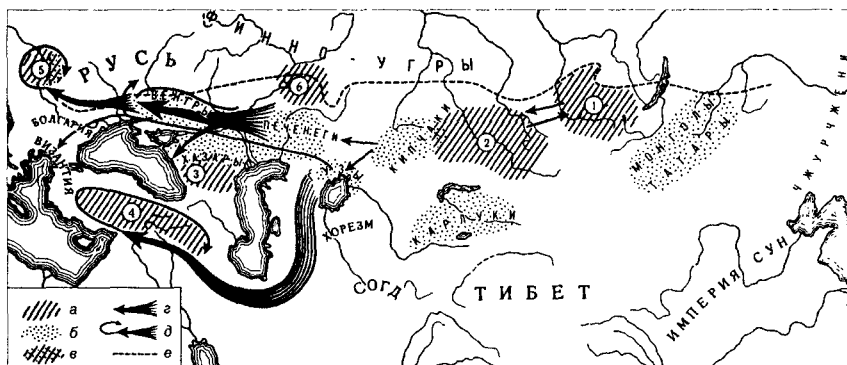
племен, его единство, обусловленное внешней опасностью, начали разжедать внутренние противоречия, и в итоге Валинана распалась. Согласно ал-Масуди, «пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена и каждое племя избрало себе царя» (Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских СПб., 1870. С. 137–138). Но тем не менее в борьбе с аварами появилась новая, более совершенная, чем племя и союз племен, форма социальной организации — объединение племенных союзов. Прошли годы, и опыт дулебов использовали их преемники — восточные славяне в борьбе с новыми владыками степей — хазарами (Там же. С. 135–138; Маврикий. Стратегикон//Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 254–255; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 367; Фроянов И. Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 724–727, 754–755; Артамонов М. И. История хазар. С. 123–133).

«Великая Болгария». Грозный гуннский правитель Аттила, обосновавшись в Паннонии, удерживал в своей власти многочисленные кочевые племена Северного Причерноморья, в том числе и болгар — точнее, булгар или протоболгар. Этноним «булгары» («болгары») означает «смешанные угры» (в переводе с тюркского «булга» — «смешивать», «у-гары» указывает на угорское происхождение этих племен), т. е. тюркизированные угры. Их предки изначально кочевали в Приуралье и северной части Казахстана, во время гуннского нашествия присоединились к переселенцам и были увлечены ими на запад. В письменных источниках булгары впервые упоминаются в начале V в. Тогда они внезапно напали на лангобардов, убили их короля Агельмунда и взяли в плен его единственную дочь. Наследник Агельмунда Ламискон решил отомстить степнякам, но при первой же встрече с ними его воины бежали. После распада гуннской «державы» булгары недолго были союзниками Византии и в ее интересах воевали с готами, однако в конце V в. обратили оружие против Восточной Римской империи, причем с каждым годом их натиск на ее земли усиливался.

Возросшая активность и успехи кочевников объясняются изменениями в их социальной организации. Первоначально булгары объединялись в племена и небольшие союзы племен. После распада «империи» Аттилы они откочевали в приазовские и прикаспийские степи, где стали развиваться в составе огромного межплеменного образования — Тюркского каганата: он сложился в середине VI в. и охватывал обширные территории от Дона на западе до Северного Китая (включительно) на востоке. Сирийский историк VI в. Захарий Ритор охарактеризовал современных ему булгар как «народ языческий и варварс-

кий», живший «в палатках» и питавшийся «мясом скота и рыб, (а также. — И. М.) дикими зверями». Между тем шел процесс консолидации их племен, социальной дифференциации, обогащения и усиления знати, правда, еще не обособившейся от рядовых общинников и действовавшей в их интересах.

В начале VII в. вследствие внутренних противоречий Тюркский каганат распался. Представитель знатного и влиятельного рода Дулохан Кубрат (Куврат) объединил кочевавшие в Приазовье и Северном Причерноморье булгарские орды, частично освободил их от подданства аварам, переподчинив своей власти, и создал новое межплеменное образование, которое византийские писатели VII в. называли «Великой Болгарией». Его «столицей» стал древний греческий город Фанагория на Таманском полуострове. Разоренное в период гуннского нашествия, это некогда большое и богатое поселение постепенно восстанавливалось из руин. Но кочевники не способствовали его возрождению, они использовали древний город главным образом как торговый и перевалочный пункт, в котором находилась фактория крымских и византийских купцов.

Степи Евразии в X — начале XI в. (по С.А. Плетневой):

а) оседло-земледельческая экономика; б) вторая стадия кочевания; в) оседло-кочевая смешанная экономика; г) нашествия; д) переход от первой стадии кочевания к оседло-земледельческой экономике; е) граница леса. 1) Кыргызский каганат; 2) Кимакский каганат; 3) Алания; 4) государство Сельджукидов; 5) Венгрия; 6) Волжская Болгария

Византийский историк VII в. Иоанн Никиусский писал, что в юности Кубрат «был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства и вырос в царском дворце. Он был соединен тесной дружбой

с (императором. — И. М.) Ираклием и после его смерти, как осыпанный его милостями, оказывал признательную преданность его детям и супруге Мартине. В силу святого и животворящего крещения, им полученного, он побеждал всех варваров и язычников. Говорили, что он поддерживал права детей Ираклия и был против Константина. Вследствие этих слухов византийское войско и народ подняли восстание». Преданный друг василевса Ираклия хан Кубрат, разумеется, при помощи византийцев воевал с их непримиримыми врагами аварами, объединял протоболгар, расширял и укреплял в Приазовье влияние Восточной Римской империи. Однако «Великая Болгария» существовала всего одно десятилетие: после смерти Кубрата (около 642 г.) она распалась на несколько больших орд, которые подверглись нападению хазар, кочевавших в прикаспийских степях.

В ожесточенной борьбе с протоболгарами хазары вытеснили их с обжитых пастбищ, прорвались к устью Дона, вышли на восточное побережье Азовского моря. Живший в середине X в. хазарский каган Иосиф, основываясь на древних преданиях своего народа, писал об этих событиях: «Когда мои предки были еще малочисленны, всеятой, — благословен он, — дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божьей они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде в-н-нт-р'ы (не точно переданное в древнееврейской транскрипции название болгарского союза племен *оногуры*. — И. М.). Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-нт-р'ы были более многочисленны — так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна (Дунай. — И. М.). До настоящего дня они расположены на реке Дуна и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня». Действительно, потерпев поражение в кровопролитной борьбе с хазарами, часть протоболгарских племен во главе со старшим сыном Кубрата Батбаем покорилась завоевателям, покинула приазовские степи и ушла на Дон и Кубань. Здесь переселенцы стали называть себя *черными болгарами*, подчеркивая свое унижительное, подчиненное положение.

В 40-е годы X в. они активизировались и представляли серьезную угрозу для византийских владений в Крыму, поэтому в договоре 944 г. с киевским князем Игорем василевсы ставили условие: «И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране (Херсонесской феме, т. е. на территории современного Севастополя. — И. М.), то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят

ущерб и его стране». По мнению В.Ф. Миллера, Н.А. Караулова и М.И. Артамонова, память о черных болгарх (болгарцах) сохранилась в названии балкарцев — одного из народов Северного Кавказа.

В период массовой миграции некоторые соплеменники донских и кубанских переселенцев продвинулись еще дальше на север и восток: они откочевали в Среднее Поволжье и появились в нижнем течении реки Камы. В IX–X вв. здесь сформировалось самостоятельное межплеменное образование — Волжско-Камская Болгария.

В то время, когда Батбай и его сторонники признали победу хазар, другой сын Кубрата — хан Аспарух, не желая подчиняться завоевателям, увел значительную часть приазовских болгар за Дунай, на территорию Византийской империи. Орды Аспаруха появились в дельте Дуная около 660 г. Когда они переправились на правый берег реки, император Константин IV Погонат выступил им навстречу и сначала оттеснил кочевников на исходные позиции, но затем заболел и покинул войско. Оставшись без полководца, византийцы растерялись и в 679 г. были разбиты номадами-переселенцами. Преследуя бежавшие фаланги ромеев, степняки ворвались в Мизию (Добруджу) и вскоре заняли всю страну между Дунаем и Балканским хребтом. Они разными способами — уговорами или насилием — подчинили проживавшее здесь славянское население, отчасти вытеснив его за пределы захваченной территории. Русский летописец кратко и сдержанно, но по сути точно сообщил о масштабных событиях, происходивших в Подунавье во второй половине VII в. Он заметил: «Когда же славянский народ... жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян».

Вступив в союз с местной знатью, возглавлявшей крупное племенное объединение «Семь родов» (или «Семь племен»), хан Аспарух создал под своей верховной властью новую социально-политическую организацию. Ее цель заключалась в том, чтобы удерживать под жестким контролем все подчиненное население — и земледельцев, и кочевников, регулярно получать доходы в казну, добиться отделения страны от Византийской империи, обеспечить ее безопасность от внешнего неприятеля, прежде всего — ромеев и авар. Охранять особо опасные участки границы завоеватели поручили двум славянским племенным союзам. Набеги воинственных переселенцев на Фракию заставили византийского императора смириться с появлением нового разнородного межплеменного образования. В 681 г. он признал существование Первого Болгарского царства, заключил с его лидером Аспарухом мирный договор и даже обязался выплачивать ему дань. Победу над Византией и образование в Европе нового суверенного «государства» сим-

волизирует знаменитый болгарский монумент конца VII или VIII в. «Мадарский всадник». Он представляет собой высеченное на скале (на высоте более 20 м) изображение гордого пышноволосяного всадника в широком, красиво задрапированном плаще, который поражает копьем льва, свернувшегося у ног его коня. Долгое время ученые отождествляли «всадника» с ханом Аспарухом или его преемниками, первыми правителями независимой Болгарии, однако в современной историографии принято мнение о метафорическом значении памятника, при этом исследователи обращают внимание на поверженного льва, в Средние века считавшегося символом Византийской империи.

Уже в правление хана Аспаруха (он умер около 700 г.) начался процесс ассимиляции более многочисленного местного земледельческого населения и воинственных кочевых орд, последние переходили к оседлости, усваивали славянский язык и культуру. Постепенно ликвидировались разобщенность и партикуляризм кочевых и земледельческих племен, конституировались органы центральной и местной власти единого «царства», повышался потенциал его вооруженных сил, определялись границы страны, сформировалась система их обороны. В результате ожесточенной межплеменной борьбы середины VIII в. славянская знать добилась преобладания в политической сфере жизнедеятельности общества, заняла ключевые посты в органах «государственного» управления. Шел процесс формирования болгарского народа. Первое Болгарское царство существовало более трех столетий. Оно процветало в конце VIII–IX в., пережило тяжелый кризис в 967–971 гг., когда войска русского князя Святослава, а затем византийцы захватили его северо-восточные и некоторые южные земли, в 1018 г. было целиком завоевано Восточной Римской империей, после чего окончательно потеряло независимость (*Новосельцев А. П.* Хазарское государство. С. 72; *История Европы*. Т. 2. С. 157, 161, 220; *ПВЛ*. С. 146, 162; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 100–102, 104, 119–120, 179–180, 184, 189–191).

Волжско-Камская Болгария. Крушение «Великой Болгарии» сопровождалось массовой миграцией кочевых орд, теснивших и гнавших друг друга все дальше от родных пастбищ. Часть булгар переселилась на Дон, затем в Среднее Поволжье и Прикамье. Эти территории были заняты финно-угорскими племенами, которые в IX в. оставили мигрантам свои кочевья и двинулись на запад. В X в. булгары прочно обосновались на новой «родине», стали оседать на землю и строить города, контролировавшие оживленную торговлю по Великому Волжскому пути. Их самыми значительными городскими центрами были Булгар, Биляр и Сувар.

Важнейшие отрасли экономики волжских болгар составляли зем-

леделение и торговля, в первую очередь пушниной и рабами. Меха пушного зверя пользовались постоянным спросом у восточных купцов, которые их высоко оценивали и закупали большими партиями. Местные жители добывали доходный товар в землях висов (веси, предков финно-угорских вепсов) и йуры-югры (обских угров — хантов и манси). Его также перекупали у русских «гостей», в IX в. регулярно плававших по Великому Волжскому пути.

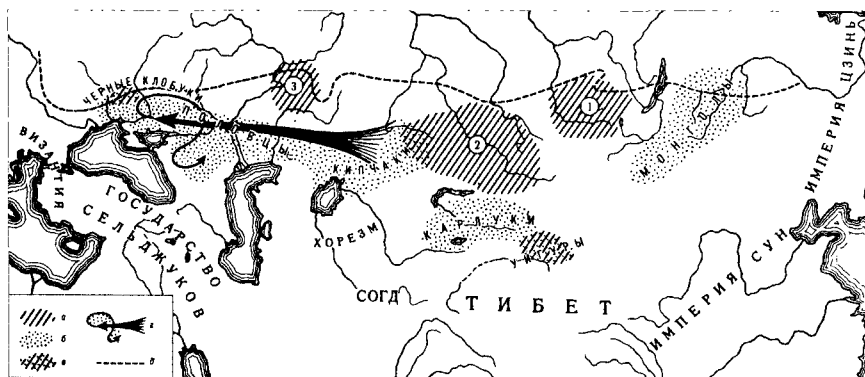
В болгарских городах устанавливались и непосредственные контакты русов с восточными торговцами. Об этом писал посол багдадского халифа Ибн Фадлан, в 922 г. посетивший Булгар и оставивший интересные зарисовки его повседневной жизни: «И как только их (русов. — *И. М.*) корабли прибывают к этой пристани, тотчас выходит каждый из них (неся) с собой хлеб, мясо, лук, молоко и набиз, чтобы подойти к длинному, воткнутому (в землю) бревну, у которого (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений длинные бревна, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: “О мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мной девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур”, — пока не назовет всего, что прибыло с ним из его товаров — “и я пришел к тебе с этим даром”, — потом (он) оставляет то, что имел с собой, перед (этим) бревном, — “итак, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы, чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю”».

Немалую прибыль волжским болгарам приносила также торговля рабами. Восточные писатели IX–X вв. неоднократно упоминают о славянских рабах, поступавших на местные невольничьи рынки. Один из них (Гардизи) свидетельствует: «Постоянно эти люди (имеются в виду русы — варяги или поляне. — *И. М.*) ходят войной на славян, [идут] на кораблях, захватывают славян, превращают в рабов, отвозят к хазарам и булгарам и продают» (*Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С.142; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. М., 1967. С. 82).

Первоначально волжские болгары считались подданными Хазарского каганата. В начале X в. они объединились под властью хана Альмаса (Алмуша) и вступили в борьбу с Хазарией. При этом Альмас сделал ставку на помощь Арабского халифата, признал его власть и провозгласил религией Волжско-Камской Болгарии ислам. Уже тогда возглавлявшееся им социально-политическое образование было многоэтничным: болгарскому «царю» подчинялись берсулы (гуннское пле-

менное объединение барсилы), сувазы (предки современных чувашей) и эсегелы (эскелы) (Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана... С. 139). Во второй половине X в. стольный город Булгар превратился в крупный международный центр торговли и главный оплот мусульманства в Поволжье. Здесь были построены мавзолеи, соборная мечеть, минареты, общественные бани. В городе чеканилась собственная монета и было развито декоративно-прикладное искусство.

В 965 г. Среднее Поволжье было разорено полками киевского князя Святослава. Новые мощные удары русских войск волжские болгары испытали в последней четверти X в. Согласно летописи Авраамки, в 977 г. состоялся поход на их землю войск Владимира Святославича. Другие летописи сведений об этой кампании не содержат. Однако победоносная операция Владимира Святославича 985 г. хорошо известна древнерусским книжникам. Она закончилась заключением мирного договора, и побежденные болгары поклялись: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть». После этого поволжские мусульманские проповедники стали «учить» князя Владимира «закону магометанскому» и попытались убедить его в необходимости принять на Руси ислам. Для «испытания веры» в Волжско-Камскую Болгарию было направлено киевское посольство. Но в итоге этот религиозный выбор Русью был отвергнут. Более того, в 990 г. князь Владимир отправил в Волжскую Болгарию миссионера Марка Македонянина с предложением креститься, но его замысел тоже не увенчался успехом.

Степи в Евразии в XI — начале XII в. (по С. А. Плетневой):

а) оседло-земледельческая экономика; б) вторая стадия кочевания; в) оседло-кочевая смешанная экономика; г) нашествие и переход ко второй стадии кочевания; д) граница леса; 1) Кыргызский каганат; 2) Кимакский каганат; 3) Волжская Болгария

Союз с болгарами был разорван, и русские снова «исполчились» против богатого восточного соседа. Согласно Никоновской летописи, в 994 и 997 гг. князь Владимир совершил удачные походы против волжских и камских болгар. Период конфронтации закончился договором 1006 г., о котором упоминал В. Н. Татищев. В соответствии с этим договором князь Владимир разрешил болгарским купцам свободно продавать и покупать товары во всех русских городах, а восточнославянские купцы получили такое же право в землях союзника. Но в некоторых поселениях — там, где взимались пошлыны — волжским купцам торговать запрещалось. Руководствуясь договором 1006 г., в голодном 1024 г. суздальцы закупили в Волжской Болгарии хлеб, которым накормили своих умиравших от истощения соплеменников (*Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993. С. 8; ПВЛ. С. 176, 186, 202).

В конце XI в. начались русско-болгарские столкновения из-за спорных территорий в низовьях Оки, где проживало финно-угорское племя мурома. В 1088 г. болгары захватили главный город этого района Муром. Он был построен русскими, и местное население признавало их власть. Город отбил Олег Святославич, который в ознаменование победы оставил здесь своего посадника (ПВЛ. С. 226, 234). В 1103 г. к Мурому подошли союзники болгар — племена мордвы. В сражении с ними войска мурома-рязанского князя Ярослава Святославича потерпели поражение (*Полное собрание русских летописей* (далее — ПСРЛ). Т. III. М., 2000. С. 19). Успехом союзников воспользовались болгары, в 1107 г. они дошли до Суздаля, осадили его и разорили окрестности города (Там же. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 73). В борьбе с противником суздальские князья опирались на «донских» половцев, учитывая, что последние враждовали с болгарами из-за пастбищ на территории Волго-Донского междуречья. В 1117 г. орды хана Аепы, тестя Юрия Долгорукого, вторглись в Волжскую Болгарию, но «выслал им князь болгарский питье с отравою, и, выпив, Аепа и прочие князья половецкие умерли» (ПВЛ. С. 268). В 1120 г. Юрий Долгорукий сам повел полки в Поволжье. Поход был успешен. Победители «взя полонъ многъ и полкъ ихъ победи и воевавъ приде по здорову с честию и славою» (ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 286).

Во второй половине XII в. Северо-Восточная Русь переживала период расцвета, ускорился процесс колонизации Поволжья, что вызывало противодействие со стороны болгар и приводило к военным конфликтам с ними. В 1152 г. они осадили, но не смогли взять Ярославль: на помощь местным жителям пришло ростовское ополчение (Там же. Т. XXIV. С. 77). В последующие годы князья Северо-Восточной Руси

предприняли несколько победоносных походов против беспокойного восточного соседа. В 1164 г. полки Андрея Боголюбского разбили болгарское войско, возглавлявшееся самим «царем», взяли «славный», «великий» Бряхимов (Булгар) и сожгли еще три поволжских мусульманских города (Там же. Т. I. М., 1997. Стб. 352–353).

В 1173 г. новый поход против болгар возглавил сын Андрея Боголюбского Мстислав. Поход начался зимой, передвигаться по глубокому снегу было трудно, поэтому воины «идучи не идяху». Тем не менее они «въехаха без вести въ поганыя и взяша сел б, а самое городъ, муже исьсекоша, а жены и дети поимаша». Военные отряды из других городов пытались догнать противника и отбить полон, но русские быстро ретировались. В одном из этих походов была захвачена пленница, ставшая второй женой Андрея Боголюбского. Гордая женщина не смирилась с постигшей ее участью и «держала против него (vlадимирского князя. — И. М.) злую мысль» за то, что ее муж «много воевал Болгарскую землю, и сына посылал, и много зла учинил болгарам» (Там же. Т. XV. М., 1965. С. 250–251). В 1174 г. она стала соучастницей убийства ненавистного супруга.

Брат Андрея Боголюбского Всеволод Большое Гнездо в 1183 г. организовал самый масштабный поход в Волжскую Болгарию. Поводом для него стало избиение болгарских купцов, торговавших в русских городах зерном, украшениями и другими товарами. В ответ их воинственные сородичи разорили окрестности Рязани и Мурома. Тогда Всеволод Юрьевич собрал войско Северо-Восточной Руси, присоединил к нему киевские, черниговские полки, а также половецкие орды и двинулся в поход. Союзники разбили рать противника около Биляра и после десятидневной осады Булгара вынудили болгар заключить выгодный для победителей мир (Там же. Т. II. Стб. 625–626; *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария. С. 8–9).

Поражение 1183 г. сильно подорвало военный потенциал Волжско-Камской Болгарии, поэтому в последующие годы Рюриковичам достаточно было посылать против нее небольшое ополчение периферийного русского центра Городца, чтобы сохранять установившуюся после победы Всеволода Большое Гнездо расстановку сил в Поволжье. Так, в 1186 г. городецкая рать опустошила «многие» болгарские села (ПСРЛ. Т. I. Стб. 400). Русская военная угроза заставила поволжских мусульман перенести свою столицу вглубь территории страны, в город Биляр, который был расположен на левом берегу р. Черемшан в 100 км к востоку от Булгара. Биляр был богатым, хорошо укрепленным городом. Археологи обнаружили на его территории руины 30 каменных зданий.

После смерти Всеволода Юрьевича русско-болгарские отношения

резко обострились. В 1219 г. болгары захватили Устюг, важный форпост русской колонизации в Поволжье. В ответ на это в 1220 г. против них двинулось войско, возглавлявшееся владимирским князем Юрием Всеволодичем и воеводой Еремеем Глебовичем. Русские ратники взяли хорошо укрепленный болгарский центр Ошел и «много градковъ» на берегах Камы. Волжско-камские мусульмане признали себя побежденными. Они дважды отправляли к Юрию Всеволодичу послов, «мира просяще», но те возвращались в степь, не добившись взаимовыгодного прекращения конфликта. В третий раз болгарские послы обратились к противнику «с молбою великою и с дары многими, и с челом биемъ». После этого в Городце был заключен мирный договор «яко же было при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи» (Там же. Т. I. Стб. 445; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 116–117).

В 20-е годы XIII в. Волжско-Камская Болгария несколько раз подвергалась набегам монголо-татар, а в 1236 г. была завоевана ордами Батые и вошла в состав Золотой орды.

Хазары. Кроме булгар на западной оконечности Тюркского каганата кочевали хазары. Их колыбелью были предкавказские степи, раскинувшиеся вдоль северо-западного берега Каспийского моря. В письменных источниках сведения о тюркоязычных хазарах стали появляться с начала VI в. В то время они вместе с другими ордами, подвластными кагану, вели упорные войны с Персией, глубоко проникая на территорию Закавказья.

Для защиты от кочевников персидский шах Хосров (Хосрой) I Ануширван развернул грандиозное фортификационное строительство. Наиболее известным памятником военного зодчества его архитекторов стал комплекс защитных сооружений в Дербенте. Строители укрепили город параллельными, прикрывавшими его с севера и юга, высокими каменными стенами и возвели на них множество сторожевых башен различной формы и величины, которые были приспособлены для ведения боевых действий на дальнем и близком расстоянии. Все это сооружение облицевали большими тесаными блоками. Одним концом городские стены вдавались в море и в сочетании с окрестными горами образовывали хорошо защищенную гавань, другим концом они упирались в мощную крепость Нарын-Кала, стоявшую на высокой скале, с которой открывался обзор жилых кварталов. От цитадели Нарын-Кала на 40 км вглубь горного массива тянулись каменные оборонительные сооружения, сначала непрерывной линией, затем цепью труднопреодолимых стен и фортов, расположенных в местах, наиболее доступных для продвижения войск противника. В опасной пограничной

местности разместили отряды персидских стражников, а верную шаху туземную знать наделили местными землями и пожаловали административными и придворными санами и титулами. Вся эта деятельность, по словам ал-Масуди, служила «для защиты от нападений народов, при-мыкающих к горам Кабх (Кавказа. — И. М.), каковы хазары... и другие племена кяфиров».

Во второй половине VI в. на Северном Кавказе функционировало несколько социально-политических образований, признававших власть Тюркского каганата. Самым влиятельным из них было объединение хазарских племен во главе с «царем» — маликом (иначе шадом-беком). В первой четверти VII в. хазары еще больше усилились, что, возможно, было обусловлено их союзом с земледельцами Прикавказья — аланами и проживавшими на территории современного Дагестана маскутами (потомками античных массагетов). В 20-е годы федерация кочевых, полукочевых, оседлых и традиционно земледельческих племен, возглавлявшаяся хазарами, номинально подчинялась верховному правителю Тюркского каганата, но фактически проводила самостоятельную политику. В 40–70-е годы союзники одержали верх над протоболгарами, захватили их пастбища и, преследуя отступавшего противника, к началу VIII в. расселились в предгорьях современного Дагестана, приазовских и кубанских степях, в Северном Причерноморье, заняли значительную часть Крыма, где интенсивно отстраивались разрушенные гуннами древнегреческие и византийские города.

Между тем в Закавказье полыхал пожар арабских войн. В начале VIII в. войска язычников-хазар и исповедовавших ислам арабов дрались на западном побережье Каспийского моря — в Албании и возле Дербента. В 713 г., взяв Дербент, мусульмане вторглись на территорию противника и дошли до города Самандара. Длительная, кровопролитная, завершившаяся победой мусульман война 721–737 гг. велась в основном на земле Хазарии. Здесь арабы жгли и разоряли города и селения, угоняли скот, уничтожали нивы, сады и виноградники, убивали и угоняли в рабство местное население. В эти годы аланы, булгары и сами хазары переселялись в волжские, донские и донецкие степи, а оттуда еще дальше на север — на берега Камы. На обширной территории, занятой переселенцами, в VIII в. окончательно сформировалось этнически пестрое, экономически неравномерно развитое, социально нестабильное, неустойчивое в политическом отношении, но тем не менее развивавшееся и несколько столетий процветавшее государственное образование — Хазарский каганат. Его границы протянулись от Кавказа до Камы и — в период наивысшего развития — от левых притоков Волги до Дуная (Плетнева С. А. Хазары. М., 1986. С. 15, 21–22, 34–35;

Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 86–88, 91–92, 111–112; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 141–143, 221–238).

Полиэтническое население Хазарского каганата было занято в различных отраслях многопрофильной экономики государства.

Переселенцы-аланы обосновались в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона. Они проживали в больших селах, которые группировались «гнездами» вокруг укрепленных центров. Аланское село представляло собой бессистемное скопление полуземлянок и юрт с открытыми очагами. В некоторых жилищах имелись печи. Крепости мигрантов возвышались на высоких берегах речных излучин и были возведены на развалинах древних скифских городищ. Аланы обновляли древние укрепления и на них ставили двойные щиты из «рваного» мелового камня, между которыми засыпали щебень. Ширина возведенных ими стен достигала 6 м. Возле каждого «куста» поселений находились могильники с катакомбными захоронениями. Катакомбы сооружали из двух частей: дромоса (входной ямы) и погребальной полусферической камеры. Покойников помещали в камеру поодиночке, парами или семейными группами. Иногда останки ранее умерших сдвигали в сторону, освобождая место для новых трупов. Тела мужчин погребали лежащими на спине, в вытянутом положении, женщинам придавали форму эмбриона и переворачивали их на бок. Вместе с усопшими в могилах оставляли большое количество их личных вещей, оружие, убитых во время похорон лошадей, коз, собак, сосуды с пищей и ритуальными напитками.

На той же территории, где обосновались аланы, проживали славяне, создатели «пеньковской археологической культуры». Они сжигали своих покойников, затем их прах ссыпали в урны, которые вместе с сосудами, наполненными ритуальной пищей и напитками, опускали в могилы. Аланы и славяне были земледельцами, но рядом с их поселениями во второй половине IX в. кочевали племена угуров. Кочевники тоже кремировали умерших, их прах погребали в урнах или рассыпали по дну продолговатых ям. Рядом с могильными ямами угры сооружали «тайники», в которых прятали вещи покойных сородичей — оружие, серебряные пояса воинов, конскую сбрую, характерные женские украшения.

В донских степях кочевали протоболгары. Их стойбища были разбросаны по берегам Донца, в среднем течении Дона и по притокам обеих рек. Часть протоболгар жила оседло, в больших неукрепленных поселениях, застроенных полуземлянками и округлыми в плане жилищами, похожими на юрты. Отдельные поселки были обведены рвами и земляными валами. Местные жители занимались земледелием, разво-

дили виноград, изготавливали вино. Они хоронили умерших в неглубоких прямоугольных ямах, по внутренним стенкам выложенных досками. В каждую отдельную яму помещали одного покойника, которого укладывали на спине головой на север или на запад. Вместе с ним в могилу опускали небольшое количество недорогого оружия или единичные украшения, один-два сосуда с ритуальной пищей, кости овцы, свиньи или коровы. Рядом с могилой воина сооружали погребальную камеру для его убитого коня.

Население приазовских степей вело аналогичный образ жизни, но здесь поселки в два-три раза превышали размерами донские центры хлебопашества и виноделия. Местные общинники возводили двухкамерные жилища из сырца на каменных цоколях. Стены их домов представляли собой два щита с забутовкой щебнем между ними. Входное помещение не имело очага. В зимнюю пору оно превращалось в хлев для скота. Вторая, жилая, камера обогревалась огнем, горевшим в очаге, который находился в центре помещения. Такие же большие поселки, как и на азовском побережье, функционировали в Крыму, только здесь двухкамерные дома были построены не из сырца, а целиком из камня. Местное население занималось земледелием и виноградарством, а также повсеместно изготавливало керамические изделия.

Над аланами, протоболгарами, славянами, уграми, потомками готов и древних греков возвышались собственно хазары — этнос неоднородный, состоявший из кочевников и полуоседлых общинников с соответствующими каждому экономическому укладу бытовыми особенностями и идеологическими воззрениями. К тому же в имущественном и социальном отношении господствующее население каганата было резко дифференцированным и подразделялось на черных (рядовых) и белых (знатных, богатых, влиятельных) хазар.

Все хазары были монголоидами: с круглыми (брахикранными) головами, широкоскулыми лицами, небольшими узкими глазами, едва прикрытыми короткими ресницами, плоскими носами с раздвинутыми ноздрями. Они носили длинные, распущенные по плечам волосы, редкую бороду и усы. В большинстве они кочевали по бескрайним степям созданной ими «державы». Зимой номады жили в неукрепленных стойбищах, летом перегоняли скот на пастбища. Часть хазар вела оседлый или полуоседлый образ жизни. В сельской местности они обрабатывали поля, разводили сады, занимались виноградарством. Городское население обеспечивало безопасность и порядок на территории каганата, служило в государственном административном аппарате.

С первых дней своего существования Хазарское государство установило жесткий контроль над проходившими по его территории тор-

говыми путями, которые связывали Восточную Европу со странами Передней Азии. Наиболее оживленной и экономически прибыльной была трасса, тянувшаяся вдоль западного берега Каспийского моря к устью Волги, затем вверх по реке до современного города Волгограда. Отсюда часть торговых караванов продолжала путь на север, пока не достигала земли буртасов (мордвы). В крупном городе Волжско-Камской Болгарии Булгаре иноземцы обменивались товарами с местными купцами и возвращались обратно: севернее этого центра, по их представлениям, простиралась «страна мрака», где проживали русы — Арса, убивавшие чужестранцев, поэтому восточные «гости» ездить туда не отваживались. До конца VIII в. торговля по Великому Волжскому пути носила спорадический характер, в IX — первой половине X в. эта магистраль функционировала интенсивно. Некоторые караваны в районе современного Волгограда сворачивали на запад и по Переволоке двигались к Дону, затем спускались в Азовское море, выходили на Таманский полуостров, морским путем перебирались в Крым и оттуда поднимались вверх по Днепру, уводившему их в земли восточных славян. Эта торговая трасса бесперебойно действовала с IX в. до нашествия на Русь монголо-татар.

Оживленная международная торговля на территории Хазарии носила транзитный характер. Хазарские товары, кроме рыбьего клея, спросом на иностранных рынках не пользовались. Однако по дорогам каганата везли: из Руси и Волжско-Камской Болгарии — мед, воск, бобровые, соболиные, лисьи меха, клыки моржей («рыбий зуб»), рабов — товары дорогие и ценные, хорошо раскупавшиеся на восточных базарах; из арабских стран на запад поступали серебряная и бронзовая культовая и пиршественная утварь, изысканные поясные наборы, женские украшения (стеклянные и каменные бусы, ожерелья, подвески, серьги), шелка, пряности, благовония. Сами хазары, как правило, не торговали, они осуществляли жесткий и тщательный контроль над международными путями, охраняли иноземных купцов в пути и во время пребывания их на стоянках-факториях взимали высокие пошлины в государственную казну. Но транзитный оборот товаров обеспечивал высокую прибыль перекупщикам и ростовщикам, поэтому он оказался «в руках трансэтнического еврейского торгового капитала» (*Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 116*). Обладавшие высокими доходами, игравшие первостепенную роль в экономической жизни страны, еврейские «предприниматели» оказывали существенное влияние на обстановку в придворном обществе, политику кагана и его приближенных, на социально-политическое развитие Хазарского государства в целом (*Даркевич В. П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. М.,*

1985. С. 388–390; Плетнева С. А. Хазары. С. 41–46; Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 112–116).

В Раннем Средневековье продвижение торговых караванов осуществлялось медленно. На ладьях, конях и верблюдах купцы неделями и месяцами добирались до узловых пунктов маршрута — колоритных хазарских городов, где, заплатив пошлину, распаковывали товары, устанавливали нужные связи, отдыхали, запасались всем необходимым для дальнейшего пути. Крупнейшими городами в Хазарии были Самандар (Семендер), Атиль (Итиль), Самкерц (Таматарха, Тмутаракань). Важное оборонительное значение имела крепость Саркел (Белая Вежа).

Самандар находился в северной части современного Приморского Дагестана. В источниках он упоминается с середины VII в. В 20–30-е годы VIII в. город был столицей Хазарии. Его название в иранских языках означает «белый (благородный) дворец, дом», что указывает на высокий статус древнего поселения. После перенесения столицы в Атиль Самандар считался вторым по значению городом Хазарского каганата. Здесь правил малик, находившийся в родстве с каганом. В многонаселенном городе преимущественно проживали мусульмане. Здесь действовало несколько мечетей, административные, жилые, хозяйственные постройки были деревянными. Земельные владения Самандара охватывали сельскую округу радиусом 12–16 км. В пределах этого кольца росли густые сады и виноградники. По свидетельству современников, в X в. местные жители обрабатывали до 4 тыс. виноградных лоз.

В IX–X вв. столицей Хазарского каганата был город Атиль. Он находился в нижнем течении Волги и назывался в честь этой реки (слово «ати́ль» — финно-угорское и в переводе на русский язык означает «река»). Город состоял из трех частей: два обширных района располагались на противоположных берегах Волги. Третий квартал представлял собой укрепленную резиденцию отстраненного от власти кагана и фактического правителя малика (шада-бека). Их дворец-замок размещался на острове, который был соединен с жилыми кварталами плавучими мостами. Вдоль берега реки Хазарская столица тянулась на 1 фарсах, т. е. на 6–8 км. Местное население (до 10 тыс. человек) отличалось этнической и конфессиональной пестротой. Здесь проживали мусульмане, иудеи, язычники, предположительно, христиане. Жилые и административные сооружения — деревянные здания, глинобитные мазанки, юрты утопали в садах. Люди молились в мечетях с минаретами, синагогах, возможно, христианских храмах, посещали медресе, базары и бани. Жители городских кварталов и сельской округи, представлявшей собой кочевые и пахотные участки, разбросанные по берегу реки и в степи на расстоянии 20 фарсахов, были обязаны поставлять провиант гвар-

дейцам кагана — привилегированному отряду в 4 тыс. человек.

На мысу Таманского полуострова, на берегу Керченского пролива процветал большой оживленный город Самкерц. Он возродился на развалинах античной Гермонассы как крупнейший перевалочный пункт, узел морских и сухопутных торговых магистралей. Жилые и административные постройки города плотно покрывали огромный холм высотой 10–15 м и его округу. Дома здесь возводились без определенного плана: античные здания в монолитных кварталах подновляли, надстраивали сначала камнем, затем саманным кирпичом, между ними появлялись новые сооружения. В IX–X вв. большая часть городского населения проживала в саманных и турлучных мазанках. Каждые 20 лет улицы Самкерца мостили битой керамикой и костями животных. Этот материал утрамбовывали, втапывали в нижние, изношенные слои покрытий, а весь настил спрессовывался под тяжестью пешеходов, всадников, повозок с разнообразным товаром, которые ежедневно заполняли улицы древнего города.

В нижнем течении Дона, на высоком правом берегу реки в VIII — первой четверти IX в. функционировала сильная крепость, построенная из белого известняка. Археологи называют ее Правобережным Цимлянским городищем. Крепость имела форму треугольника с вписанным в него ромбом внутреннего двора. По углам цитадели и посредине ее восточной стены возвышались башни. Подступы к укрепленному поселению преграждали глубокие овраги с крутыми склонами и вал, сооруженный из щебенки. Во внутреннем дворе по кругу стояли углубленные в землю юрты. Самая большая юрта находилась в центре двора. В каждом сооружении имелся открытый очаг. Некоторые крепостные здания были построены из сырцового кирпича и покрыты черепицей. Здесь также имелось зернохранилище. Цитадель стояла на Переволоке, ее гарнизон контролировал продвижение торговых караванов, направлявшихся из Поволжья в Азовское море и обратно. В первой четверти IX в. в Правобережную крепость внезапно ворвался враг. Местные жители, главным образом женщины и дети, были безжалостно перебиты, в некоторых жилищах вырезаны целые семьи. Разграбив постройки, победители подожгли их. Трупы людей поглотил огонь или растащили звери. Уцелевшие родственники погибших не имели возможности предать мертвецов погребению, но через некоторое время засыпали тела землей и камнями, оставив их на месте трагической гибели.

В 30-е годы IX в. на противоположном берегу Дона был возведен Саркел — «Белая крепость», которую русские называли Белая Вежа. Городище Саркела почти полностью исследовано археологами, в на-

стоящее время оно затоплено Цимлянским морем и находится в 15 км от его берега. Согласно византийскому императору Константину Багрянородному, крепость была возведена по проекту ромейского инженера Петроны Каматира и под его непосредственным руководством. Однако М. И. Артамонов, проводивший раскопки городища, предположил, что миссия Петроны была в большей мере разведывательной и дипломатической, чем строительной. М. И. Артамонов и А. П. Новосельцев убеждены в том, что строительство Саркела осуществлялось с оборонительной целью: власти Хазарии были обеспокоены усиливавшейся активностью воинственных русов. По мнению исследователей, цитадель выполняла исключительно защитные функции и городом в социальном значении этого термина не стала. С. А. Плетнева, напротив, полагает, что донская крепость превратилась «в цветущий город».

Крепость стояла на невысоком мысу коренного берега реки и была защищена двойной линией рвов и недостроенным валом. Она имела форму четырехугольника со стенами 186×126 м (по другим сведениям — 193,5×133,5 м). Толщина стен достигала 3,75 м. По углам и по периметру цитадели располагались массивные башни. В двух из них находились ворота с тяжелыми, окованными железом дверями. Все укрепления были возведены из толстого короткого кирпича с продавленными в них рисунками, который скрепляли известью. Стены и башни не имели фундаментов и стояли прямо на земле — так традиционно строили форты в Хазарии. Длинная поперечная стена и кирпичные постройки разделяли внутреннее пространство крепости на четыре отсека.

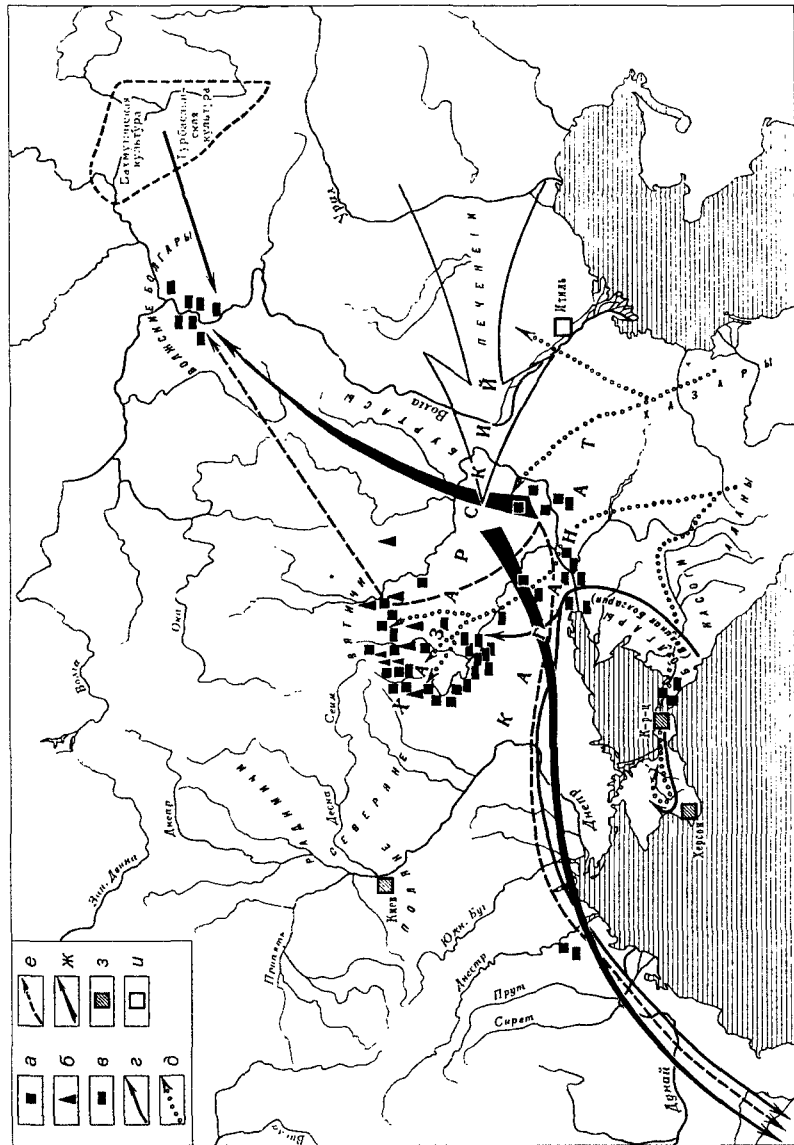
Саркел был плотно заселен представителями разных этнических групп. Одни из них жили в землянках с углубленными в пол очагами и пользовались посудой, изготовленной на гончарном круге. Это могли быть оседлые протоболгары или даже, по предположению С. А. Плетневой, славяне. Другие поселенцы сооружали легкие наземные курты, делали временные очаги из четырех вертикально поставленных кирпичей и изготавливали посуду вручную. Они базировались в восточной, наименее доступной части цитадели, дополнительно укрепленной двумя сторожевыми башнями. По мнению исследователей, в восточном отсеке размещался довольно многочисленный гарнизон Саркела, который, согласно Константину Багрянородному, состоял из 300 ежегодно сменявшихся воинов. Эти воины были хазарами или служившими кагану кочевниками-наемниками.

В Хазарии были и другие города и укрепленные поселения, например, Фанагория (бывший центр «Великой Болгарии»), Керчь (древняя столица Боспорского царства Пантикапей), множество цитаделей на Дону и в Восточном Предкавказье (Плетнева С. А. Хазары. С. 50–55; Но-

восельцев А. П. Хазарское государство. С. 125, 127–132; Артамонов М. И. История хазар. С. 303–309, 314–327, 396–400). В целом в каганате интенсивно шел процесс оседания кочевников на землю, формирования единой «государственной культуры», о чем свидетельствует широкое распространение тюркского языка и рунической письменности, однако при этом сохранялось социальное неравенство населения и подчеркивалось главенствующее положение «чистых» хазар, т. е. собственно хазарской этнической общности, возвышавшейся над зависимыми иноэтничными подданными (Плетнева С. А. Хазары. С. 46–48; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 30–31).

В VIII в. Хазарское государство возглавлял каган — реально правивший верховный владыка, которому подчинялись властители более низкого ранга. Тогда его также называли царем. Однако в первой четверти IX в. функции и титул царя перенял влиятельный сановник шад-бек, который во второй половине того же столетия стал полновластным лидером Хазарской «державы», в то время как каган превратился в номинального главу государства. Эти метаморфозы ученые объясняют по-разному. По мнению Д. Данлопа, М. И. Артамонова, Б. Н. Заходера и С. А. Плетневой, в Хазарии IX–X вв. существовал дуумвират власти неограниченных правителей. М. И. Артамонов считал, что их соправление — результат «внутренних процессов в Хазарском государстве... рядом с каганом встала фигура военачальника, бека, власть которого, вероятно, постепенно выросла настолько, что за каганом осталось одно почетное положение». С. А. Плетнева увязывает ограничение функций верховного владыки с сакрализацией его персоны. Она пишет: «Вера в божественную силу кагана и страх потерять ее приводили к тому, что почти все действия кагана и все предметы вокруг него табуировались. Жизнь его превращалась в цепь тяжелых запретов. Естественно, что в таком положении каган не имел возможности править страной. Ею правил... царь». А. П. Новосельцев отрицает существование в Хазарском государстве дуумвирата верховной власти и прослеживает процесс усиления влияния шада-бека за счет постепенной ликвидации полномочий кагана. Согласно А. П. Новосельцеву, шады-беки воспользовались тем, что неудачная внешняя политика каганов в VIII в. сильно скомпрометировала их власть. Дополнительным стимулом для присвоения влиятельными сановниками царского титула стала их инициатива принять в Хазарии в качестве государственной веры иудаизм (Плетнева С. А. Хазары. С. 30–31; Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 135, 139–142; Артамонов М. И. История хазар. С. 285).

Основные функции центральных органов власти в Хазарском каганате сводились к управлению войском, численность которого дохо-

Хазарский каганат и его соседи (по С. А. Плетневой):

- а) города; б) катакомбные могилы; в) ямные могилы; г) миграция праболгар в VII в.; д) переселение алан, авар и хазар в VIII в.; е) переселение праболгар в начале IX в.; ж) русские города в начале X в.; з) русские города в начале IX в.; и) возможное место города Итиля

дила до 10–12 тыс. человек, личной гвардией царя (4 тыс. воинов), сбору дани и пошлин, судопроизводству, осуществлению религиозных культов. Организация местного управления зависела от разновидностей административно-территориальных единиц, в совокупности составлявших территорию государства. Области, непосредственно подчинявшиеся высшей администрации, управлялись наместниками верховных владык. В Волжской Болгарии, восточнославянских племенных союзах, у кочевников-венгров, болгар, печенегов, на землях буртасов и горцев современного Дагестана власть находилась в руках местных вождей, князей, старейшин, принадлежала народным собраниям.

Изначально хазары и подвластные им племена были язычниками, но, потерпев поражение от арабов-мусульман, в условиях участвовавших конфликтов с христианской Византией и под давлением международного еврейского капитала, создавшего в этом регионе крупнейший центр своего влияния, правящая верхушка каганата приняла иудаизм. Первым в новую веру обратился хазарский «князь» Булан. Это произошло в 30-е годы VIII в. В последней четверти VIII — начале IX в. царь-бек Обадий провозгласил иудаизм государственной религией. «Возведение иудаизма в государственную религию имело значение политического самоутверждения, демонстрации не только независимости, но и равенства Хазарского каганата с Византийской империей и Арабским халифатом и явилось ответом на попытки той и другой стороны подчинить хазар своим интересам. Внешнеполитически это был в высшей степени эффективный акт. Хазары выдвинули иудаизм на место третьей мировой религии, но не сумели закрепить за ним это место потому, что... иудаизм — национальная религия; дух и буква иудейского закона не допускают прозелитизма; хотя в древности наблюдались факты обращения иноплеменников, но это противоречило принципу “избранности народа”... Национальный характер иудейской религии противоречил превращению ее в идеологию... разноплеменного государства. Эта религия не объединяла разноплеменное население, а наоборот, разъединяла его... и отделяла исповедующее ее правительство от народа» (Артамонов М. И. История хазар. С. 274). Подданные каганов и царей-иудеев продолжали исповедовать ислам, христианство и отправлять различные языческие культы. Противостояние правящей верхушки и провинциальной знати, возглавлявшей рядовое иноконфессиональное население каганата, вылилось в длительную и ожесточенную гражданскую и религиозную войну, которая привела Хазарское государство к гибели.

Восточные славяне и Хазарский каганат. В период формирования Хазарского каганата в сферу его влияния попали восточнославян-

ские союзы племен — поляне, северяне, радимичи, вятичи, возможно, уличы и тиверцы. Это произошло в VIII в., когда славяне осваивали территорию Восточно-Европейской равнины. Разобщенные, рассеянные в густых, труднопроходимых лесах племена не смогли противостоять хазарам и оказались в даннической зависимости от них. Размер дани, взимавшейся с полян, северян и вятичей, составлял «по беле и веверице от дыма», с радимичей — «по щелягу» с определенной социальной группы, возможно, с родового поселка или даже отдельной полуземлянки (ПВЛ. С. 12, 14). Ученые спорят по поводу того, что обозначали термины «бела», «веверица», «щеляг»: фиксированное количество натуральных продуктов, в частности мехов и зерна, или их денежный эквивалент и, если верно последнее, то какими монетами расплачивались данники — славянскими гривнами, кунами и веверицами, германскими шиллингами или широко распространенными в Хазарском каганате арабскими дирхемами, ходившими также под еврейским названием «шэлэги», т. е. «белые», «серебряники».

Однако вольнолюбивые славяне не покорились хазарам. Их племенные территории покрылись укрепленными поселениями — «градами» (*Дяпушкин И. И.* 1) Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // *Материалы и исследования по археологии СССР.* 1961. № 104. С. 262–263; 2) Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) // Там же. 1968. № 152. С. 60, 71, 81; *Мезенцева Г. Г.* Древньюоруське місто Родень. Княжа Гора. Київ, 1968; *Древнерусские поселения Среднего Поднепровья.* (Археологическая карта). Киев, 1984. С. 141, 144–145; *Археология Украинской ССР: В 3 т.* Т. 3. Киев, 1986. С. 314–315, 319–322; *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988), а сами они для борьбы с завоевателями объединили усилия и создали новое социально-политическое образование — «Русскую землю». В освободительном движении участвовали поляне, часть северян, радимичей, вятичей, возможно, уличей и тиверцев. Его возглавили поляне, их стольный город Киев стал центром «Русской земли», поэтому арабские средневековые энциклопедисты называли ее также Куябой или Куявий. Под руководством полян их соратники ликвидировали хазарское иго (подробнее см.: *Михайлова И. Б.* Племенные центры Киевского Поднепровья // *Вестн. С.-Петер. гос. ун-та.* 1993. Сер. 2. Вып. 1 (№2). С. 17–18). Это произошло в первой трети IX в., когда в Хазарии началась кровопролитная смута.

О хазарском властвовании в восточнославянских землях и борьбе с завоевателями было сложено предание, которое древнерусский книжник XII в. включил в *Повесть временных лет*. «По прошествии времени, —

писал инок Киево-Печерского монастыря Нестор, — после смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: “Платите нам дань”. Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: “Вот, новую дань нашли мы”. Те же спросили у них: “Откуда?” Они же ответили: “В лесу на горах над рекою Днепром”. Опять спросили те: “А что дали?” Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: “Не добрая дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель”. И сбылось все это» (ПВЛ. С. 148).

Л. Н. Гумилев считал, что это предание зафиксировало момент подчинения восточных славян хазарам, «лишения» их «военного потенциала» и установления даннических отношений, потому что победители изъяли у полян оружие. По мнению Б. А. Рыбакова и С. А. Плетневой, необычные действия поднепровских славян — это символическое объявление войны завоевателям. «Очевидно, здесь рассказано о последнем “полюдье” хазар в полянскую землю. Они получили в ответ на требование дани мечи, что, несомненно, означало вызов (не мир, но меч!)», — пишет С. А. Плетнева. Согласно Г. И. Магнеру, дань мечами следует понимать как иносказание, готовность славян биться с врагом: «На требование дани поляне... ответили гордой иронией: мы готовы выставить вам дань — по мечу от дыма, т. е. по воину с мечом от каждой семьи, мы встретим вас всенародным ополчением». И. Я. Фроянов обнаружил в этом предании «смысловую многозначность, объединяющую отголоски различных эпох в одном повествовании». По его мнению, «данное предание включает в себе как бы спрессованную в одном эпизоде целую историю поляно-хазарских отношений: первоначальное поражение полян, обложение их данью и последовавшее со временем освобождение от хазарского владычества, а затем полное торжество над бывшими победителями» (Рыбаков Б. А. 1) Русь и Хазария // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952. С. 76, 88; 2) К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. 1953. Т. VIII. С. 131, 135, 150; Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани: опыт критического комментария летописного сюжета // Русская литература. 1974. № 3. С. 164; Плетнева С. А. Хазары. С. 58; Магнер Г. И. От дыма меч. Историческая основа легенды о полянской дани хазарам // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 192; Фроянов И. Я. Начала русской истории. С. 756–757).

Вытеснив завоевателей из Среднего Поднепровья, поляне переняли от них некоторые особенности организации высшей власти, в част-

ности, титул кагана, что зафиксировано в сообщении под 839 г. Бертинских анналов — раннесредневековой западноевропейской хроники, составленной епископом Пруденцием. Тогда император Людовик Благочестивый принимал в Игельгейме послов византийского василевса Феофила. Вместе с византийцами ко двору императора прибыли «некие люди», «которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос, и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан, отправил к нему [Феофилу] ради дружбы». В процессе дальнейших расспросов выяснилось, что таинственные представители «народа... Рос» — «свеоны», то есть шведы. Они не решались возвращаться на родину обычным путем, по Черному морю и Днепру, так как боялись нападения «варваров, весьма бесчеловечных и диких племен», и просили пропустить их через земли франков. Уполномоченных «царя... Хакана» заподозрили в шпионаже и задержали до полного выяснения их личностей и обстоятельств прибытия в Игельгейм. Дальнейшая судьба их неизвестна.

В историографии более двух веков обсуждался вопрос об этнической принадлежности послов-«свеонов». Возможно, они, действительно, были варягами, стремившимися к расширению влияния на освобожденной от хазар территории, но в то же время «свеоны» сами себя «росами» никогда не называли (в отличие от финнов, византийцев и русских, обозначавших их этим термином), значит, они защищали интересы восточных славян, точнее — племенных союзов «Русской земли». Их «царь» (полянский или варяжский) правил в Киеве, возглавлял суверенное межплеменное образование, ему подчинялись местные славянские князья и родовые старейшины. Эту вертикаль власти недавние данники каганата, постепенно превращавшиеся из свободных союзников в зависимых подручников полян, разумеется, сопоставляли с организацией высшего государственного управления в Хазарии. В их представлении, глава «Русской земли» перенял функции и титул кагана, верховного правителя поверженных хазар. По наблюдениям И. Я. Фроянова, «перенос титула “каган” на киевского князя нельзя истолковывать как чисто внешнее заимствование, а тем более подражание. Тут срабатывали принципы языческого мышления, по которому побежденный или теряющий удачу властитель лишался божественной благодати, уступая ее победителю. Вместе с этой благодатью к удачливому сопернику переходила власть, а с нею и титул потерпевшего поражение правителя. Так, киевский князь, побеждая хазар, становился каганом» (*Памятники истории Киевского государства IX–XII вв.* Л., 1936. С. 23; *Фроянов И. Я. Начала русской истории.* С. 758). Восточные источники свидетельствуют о том, что в IX–X вв. киевские князья продолжали считать себя каганами, в «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион называл так

князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого. Однако этот титул применялся только во взаимоотношениях с восточными странами, Иларион упоминал о нем в контексте рассуждений о христианстве и иудаизме. В договорах с Византией, заключенных в X в., киевские правители Олег, Игорь и Святослав традиционно титуловали себя «великими князьями русскими».

Вместе с тем заметим, что затрагивая вопрос о хазарском влиянии на структуру власти у восточных славян — в Древней Руси, нельзя увлекаться проецированием внешне схожих институтов и явлений в сопредельных «каганатах». Например, «дуумвираты» Аскольда и Дира (если эти «бояре», действительно, совместно возглавляли полянский племенной союз и «Русскую землю», а не наследовали друг другу), Олега и Игоря, Ольги и Святослава, Ярослава Мудрого и Мстислава Владимировича Черниговского, в XII в. — Юрия Долгорукого и Вячеслава Владимировичей, Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича не следует напрямую увязывать с «диархией» хазарских владык — кагана и шада-бека, тем более, что «соправление» последних — явление спорное. Разумеется, восточные славяне знали о том, что один из правителей восточной «державы» был сакральной фигурой и номинальным главой государства, в то время как другой, формально подчинявшийся ему придворный сановник, обладал всей полнотой военно-политической власти. Однако на Руси подобного соотношения «должностных» полномочий «дуумвиров» не прослеживается: за исключением Аскольда, возможно, Дира и Олега, все они были князьями, следовательно, священными персонами. К тому же ни один соправитель не может быть соотнесен с придворным сановником — беком: все они принадлежали к дому Рюриковичей и соподчинялись иначе, чем происходившие из разных родов хазарские владыки. Форма и содержание «дуумвиратов» у восточных славян и на Руси в каждом отдельном случае были обусловлены конкретно-историческими обстоятельствами их возникновения и функционирования, а не калькировали внешне схожие институты, существовавшие в Хазарии.

Древняя Русь и Хазария в IX–X вв. В первой трети IX в., когда в Поднепровье шел процесс формирования «Русской Земли», славяне, проживавшие на севере Восточно-Европейской равнины, стали проявлять интерес к богатствам Хазарского каганата и вторгаться в его пределы. Так, Житие Стефана Сурожского, раннесредневековое греческое сказание, в XV в. обработанное русским книжником в стиле агиографического произведения, содержит сведения о состоявшемся в начале IX в. походе словенского войска под руководством князя Бравлина в

крымский город Сурож (ныне Судак), находившийся на территории Хазарской «державы». Город был взят и разграблен (Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 209). Вероятно, агрессивность проявляли также освободившиеся из-под власти хазар поднепровские славяне. В ответ хазары стали укреплять сухопутные и водные пути, на которых неожиданно мог появиться неприятель. В 30-е годы IX в. они построили крепость Саркел, возможно, предназначенную для защиты от славянских ополчений. Тем временем русские полукупеческие, полувоенные караваны интенсивно осваивали Волжский торговый путь. В Атиле их участники платили пошлину, после чего двигались дальше — к южному побережью Каспийского моря. Здесь купцы высаживались на берег и торговали, а иногда, навьючив верблюдов, отправлялись в Багдад (Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей. С. 49). В 864–884 гг. они совершили разбойные нападения на прикаспийские поселения, но точных сведений об этих событиях нет.

В X в. походы русских купцов и ратников на Каспий участились. С каждым годом они вызывали все большую тревогу у местного населения и властей Хазарского каганата. В 909 г. русы на 16 судах приплыли на остров Абесгун и уничтожили размещавшуюся здесь торговую флотилию. В 910 г. они взяли и сожгли город Сари в Мазендаране, но на обратном пути их настигли хазары и в морском сражении разбили. В 913 г. они предприняли хорошо организованный поход на Каспий.

Согласно ал-Масуди, посетившему прикаспийские области через 20–30 лет после свершившихся событий, и в соответствии с местными кавказскими преданиями русское войско на 500 кораблях вошло в Керченский пролив. Путь по нему контролировал гарнизон сильной крепости. Русы явились в цитадель и отсюда направили письмо царю с просьбой пропустить их через хазарские земли в Каспийское море. По возвращении из похода они обещали отдать шаду-беку половину добычи. В то время хазары воевали с закавказскими мусульманами и нуждались в союзниках. К тому же войска кагана упорно отбивались от продвигавшейся вглубь страны коалиции печенегов, гузов и асиев, организованной византийцами, а потому не могли противостоять русам. В этих условиях шад-бек разрешил русской рати пройти через территорию каганата. Когда согласие царя было получено, славяне по Дону поднялись до Переволоки, перетасили ладьи на волжский берег, по полноводной реке спустились в Каспийское море, здесь разделились на отряды и стали опустошать близлежащие области Гиляна, Табаристана, Азербайджана и Ширвана. Местное население, привыкшее встре-

чать на морском побережье только купеческие и рыбацьи суда, оказалось беспомощным перед внезапно появившимся неприятелем. Русы безнаказанно убивали людей, жгли селения и забирали добычу, пока, наконец, правитель Ширвана не собрал ополчение, которое погрузилось на лодки, купеческие суда и выступило навстречу врагу. Восточные славяне без труда победили ширванцев, «тысячи (которых) были убиты или потоплены», и затем почти два года продолжали внушать ужас местным жителям.

Когда с огромной добычей захватчики вернулись на Волгу, мусульманская гвардия кагана (арсии) потребовала задержать их и заявила, что будет мстить за убийства и насилия единоверцев. «Разреши нам расправиться с этими людьми, — говорили гвардейцы царю. — Они разбойничали в странах наших братьев мусульман, проливали кровь и поработали женщин и детей». Шад-бек и сам понимал, что возвращавшиеся из похода русы представляли серьезную угрозу для населения каганата. Он принял решение истребить доверившихся ему славянских ратников, но в то же время, получив обещанную часть добычи, предупредил их об опасности. Шад-бек опоздал. Против русов поднялось почти все мужское население Атиля: и мусульмане, и христиане. Согласно ал-Масуди, из хазарской столицы выступило около 15 тысяч всадников. Русы высадились из кораблей на берег и бросились на врага. Сражение продолжалось три дня. Русские воины были разбиты, сложили головы на поле боя или утонули в реке. Но пять тысяч ратников пробившись к своим судам и ушли вверх по Волге. Когда они достигли Переволоки и стали вытаскивать ладьи на сушу, на них напали буртасы (мордва) и, частично уничтожив, загнали на территорию волжских булгар. Здесь почти все они были перебиты местными мусульманами. Возможно, некоторые участники похода вернулись домой, но потери русского войска были огромны (*Там же*. С. 130–133; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство. С. 212–215; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 373–375).

Почти десять лет восточные славяне и возглавлявшие их варяго-русские князья от походов к Каспийскому морю воздерживались. Но в 20–40-е годы X в. они оказались втянутыми в запутанный клубок хазаро-византийских отношений и стали активными участниками международных конфликтов. Чтобы понять их роль в событиях второй четверти X в., вернемся во времена правления в Новгороде и Киеве первых Рюриковичей.

Воинственный предводитель варягов, правитель при малолетнем Игоре Рюриковиче Олег (согласно Повести временных лет, он был князем, по Новгородской Первой летописи — воеводой-боярином) в 882 г. подчинил северному союзу славянских и финно-угорских племен Куя-

бу, но в Новгород он не вернулся, а перенес резиденцию в поднепровскую «столицу», провозгласив ее «матерью городов русских». Утвердившись в Киеве, Олег стал «примучивать» окрестные восточнославянские племена, ранее не входившие в «Русскую землю». В 884 г. он покорил подвластных каганату северян «и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: “Я враг их, и вам (им платить) незачем”». На следующий год «послал (Олег) к радимичам, спрашивая: “Кому даете дань?” Они же ответили: “Хазарам”. И сказал Олег: “Не давайте хазарам, но платите мне”. И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали». Объединительная политика киевского воителя не могла не вызвать ответной реакции со стороны хазар, но сведений, подтверждающих эту догадку, нет, за исключением одного туманного сообщения о гибели «вещего» полководца. Составитель Новгородской Первой летописи упомянул: «Друзии же говорят, яко идущу ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре» (ПСРЛ. Т. III. С. 109). Значит, вопреки сообщению Повести временных лет, Олег скончался не в 912 г., а в 922 г., и не в Киеве, а «за морем». Однако о том, где его укусила змея — в Хазарии или Византии (после успешного похода 907 г. на Царьград) — приходится только гадать. Не исключено и то, что запись о «заморской» смерти полуполюгендарного правителя от змеи-тотема — метафора, не имеющая конкретно-исторического содержания.

После смерти Олега началось самостоятельное княжение Игоря. После краткого сообщения о его борьбе с «отложившимися» древлянами и печенегами летописец подробно осветил перипетии походов на Византию в 941 и 944 гг., закончившихся подписанием невыгодного для Руси договора. Сведения о международных отношениях того времени на Северном Кавказе и в Причерноморье содержит также анонимный Кембриджский документ. Он был составлен «чистым» хазаринном или некогда подчинявшимся кагану евреем в последней трети X в. Речь в нем идет о событиях периода правления византийского императора Романа I Лекапина (920–944 гг.) и его современника, хазарского царя Иосифа. Роман Лекапин проводил политику насильственной христианизации подданных и жестоко преследовал евреев, не желавших принимать новую веру. Последние перебирались в Хазарию, где обретали прибежище и, разумеется, подстрекали власти каганата отомстить за единоверцев. Царь Иосиф ответил на гонения византийских евреев репрессиями против «необрезанных» — христиан и, возможно, язычников. Тогда византийский василевс обратился за помощью к русам. Он предложил им выступить против хазар и в знак установления дружеских отношений, а также стимулируя военную активность «варваров», «послал большие дары Хлгу, царю Руси».

«Варвары» приняли предложение императора. Они неожиданно вошли в Керченский пролив, ночью напали на город Самкерц и захватили «его обманным путем, так как не было там правителя, раб-Хашмоная». С богатой добычей воины Хелгу ретировались. Когда хазары опомнились, русы уже были далеко от их владений. Тогда хазарский военачальник Песах «пошел... в гнев на (крымские. — И. М.) города Романуса и перебил (всех) от мужчин до женщин. И захватил он три города и, кроме того, много селений». Хазары также предприняли осаду Херсонеса, но удалось ли им взять этот цветущий город, неизвестно. Затем Песах двинулся «на Хлгу и воевал с ним (четыре) месяца, и Бог подчинил его Песаху, и он направился и нашел добычу, которую (Хлгу) захватил в СМКРИУ. Тогда сказал (Хлгу), что это Романус побудил меня сделать это. И сказал ему Песах: если это так, то иди войной на Романуса, как ты воевал со мной, и тогда я оставлю тебя в покое. Если же нет, то умру или буду жить, пока не отомщу за себя». Согласно Кембриджскому документу, Хелгу подчинился Песаху и повел войска на Царьград.

Описание военных действий в Византии совпадает у Кембриджского анонима и в Повести временных лет. Аноним указывает, что Хелгу «воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там его мужи, так как македоняне победили его огнем. И бежал он, и устыдился возвращаться в свою землю и пошел морем в Прс и пал там он сам и войско его». Согласно Повести временных лет, огромное войско русов в составе 10 тыс. кораблей захватило и разорило «землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли». Однако византийцы подтянули многочисленные войска из провинций, которые «окружили русь». Несмотря на численное превосходство, «в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламя, бросились в воду морскую, стремясь спастись, и так оставшиеся возвратились домой».

При сопоставлении двух источников — Повести временных лет и Кембриджского документа — возникает ряд вопросов, и прежде всего — о личности «царя Руси» Хелгу и о возможности его отождествления с князем Игорем. Хорошо известно, что современником Романа I Лекапина был князь Игорь, а Олега в период правления этого византийского императора уже не было в живых (если он, действительно, умер в 912 г., а не в 922 г.). Тогда какого Хелгу имел в виду хазарский аноним?

Исследователи отождествляли царя Хелгу с самостоятельным князем «Тмутараканской Руси» (В. А. Мошин), воеводой киевского прави-

теля Игоря (М. И. Артамонов), усматривали в сообщении Кембриджского документа смешение имен Олега (Хелгу) и Игоря (П. Бруцкус, И. Берлин, М. Ландау). По поводу последней точки зрения М. И. Артамонов писал: «Одни исследователи полагают, что наименование князя Руси в письме хазарского еврея является простой ошибкой, что автор спутал Игоря с его славным предшественником Олегом, другие считают, что путаница произошла не с Игорем, а с его женой Ольгой, третьи думают, что полное имя Игоря было скандинавское Хельги Ингер, что по-русски значило бы Игорь Младший, в отличие от Олега Старшего или Вещего, наконец, четвертые утверждают, что эпитет Хельги, по-шведски “святой”, прилагался ко всем русским князьям и входил в состав их титула и что еврейский аноним пользуется этим эпитетом, не упоминая имени, которое было Игорь» (Артамонов М. И. История хазар. С. 380.). Если вышеуказанные исследователи пытались идентифицировать Хелгу с конкретным правителем Руси, то А. П. Новосельцев высказал мнение о соединении автором Кембриджского документа разновременных пластов информации. Он предположил, что документ был составлен в конце X в., «после падения Хазарии». Его составитель писал «по памяти, слухам и отчасти по книгам что-то вроде справки о Хазарии. В частности, он знал, что когда-то часть славян подчинялась хазарам, но перенес это на время Иосифа. Он слышал о князе Олеге, о походе 941 г. на Византию и о походах русов на Каспий, но точных данных и дат в его распоряжении не было, и он объединил все это в один весьма впечатляющий рассказ для просвещения своего любознательного, но малоосведомленного корреспондента» (Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 216–218; Артамонов М. И. История хазар. С. 376–379).

Крупное поражение 941 г. в Византии не сломило дух русов. В 943 г. они снова отправились на Кавказ. Они двигались тем же путем, что и в 913 г. Обескровленные религиозной войной и вторжениями кочевников, хазары не оказали русским ратникам сопротивления и пропустили их через свои владения. Последние вторглись в Закавказье и захватили богатый город на реке Куре Бердаа. Здесь они попытались обосноваться на длительный срок, но встретили упорное сопротивление местных жителей. Ослабленные эпидемией, русы провели в городе зиму 943/944 г., в течение которой были вынуждены неоднократно отбивать нападения туземных горцев. В одной из стычек погиб их военачальник. Весной 944 г. они выбрались из осажденного города, прорвались к своим судам и уплыли в Хазарию. Обратный путь русов прошел благополучно, без столкновений с хазарами. Они прибыли на родину с большими богатствами и в сопровождении пленников (*Памятники истории Киевского государства*. С. 49–52; Артамонов М. И. История хазар. С. 379).

Внешнеполитический статус Хазарии в Северном Причерноморье сильно подорвал русско-византийский договор 944 г. В соответствии с ним Рюриковичи и подчиненные им славянские князья обязывались не воевать в «Корсунской стране... во всех городах той земли», т. е. на территории Херсонесской фемы, при условии поставки на Русь по первому требованию союзников необходимого количества византийских войск. Взаимное обязательство об отправке затребованного контингента славянских ополчений в дружественную Византию принял на себя и киевский правитель Игорь. Кроме того, василевсы поставили «князю русскому» условие не пропускать в «Корсунскую страну» черных болгар. «По этому договору, — пишет А. Н. Сахаров, — Русь “официально” заступила место Хазарии как союзника Византии на северных берегах Черного моря. Более того, союз империи и древнерусского государства был направлен в первую очередь против Хазарии, исконного противника Руси, ставшего здесь и врагом Византии» (ПВЛ. С. 161–162; Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 96).

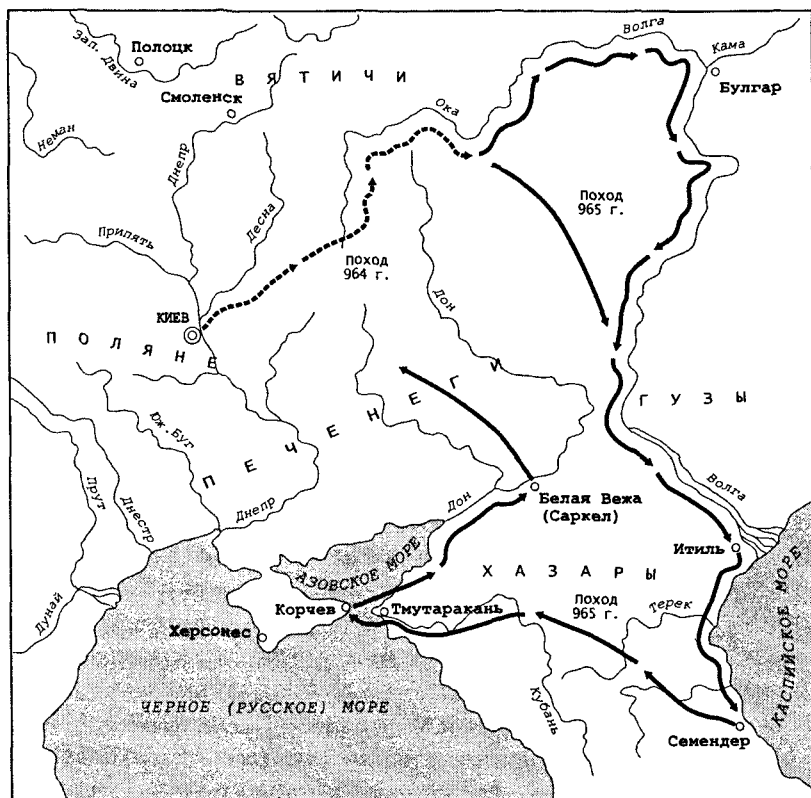
Во второй половине X в. Хазарский каганат был сильно ослаблен. Его силы истощили затянувшиеся гражданские и религиозные войны, ежегодно усиливавшийся натиск венгров и печенегов, не прекращавшиеся конфликты с мусульманским Закавказьем, Византией и Русью. Некогда мощная Хазария клонилась к закату. Только на речных и морских трассах продолжали шуметь крупные торговые города. Именно по ним нанес сокрушительный удар киевский князь Святослав Игоревич.

В 964 г. князь-воитель прошел землю хазарских данников — вятичей, и обрушился на волжско-камских болгар и буртасов. Эти племена были давними союзниками хазар, поэтому Святослав намеренно начал разгром каганата с разорения их земель, чтобы ослабить военный потенциал противника. В том же году поволжские племена были побеждены, а их города и селения сожжены и разграблены. Так, арабский историк второй половины X в. Ибн Хаукаль отметил: «Булгар — город небольшой... и опустошили его русы». Воины Святослава «захватили» земли побежденных племен, т. е. прочно утвердились на территории волго-донского междуречья. Уцелевшие местные жители сначала разбежались, но потом вернулись к родным очагам и просили русов заключить с ними договор, тем самым они признавали себя данниками Святослава. В 965 г. киевский князь нанес удар непосредственно по Хазарии.

О маршруте похода Святослава ученые пишут по-разному. Согласно М. И. Артамонову, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто и С. А. Плетневой, подчинив болгар и буртасов, он спустился по Волге к Атилю, взял и разорил столицу Хазарии, затем вышел в Каспийское море, достиг Са-

мандара, захватил и опустошил его, вернулся в Предкавказье, развернул полки и повел их на запад, к побережью Азовского моря. По пути он разбил вооруженные силы каганата, завоевал донских ясов (алан) и живших в Прикубанье касогов (адыгов). Затем русская рать поднялась по Дону к крепости Саркел, взяла ее, оставила здесь свой гарнизон и двинулась дальше вверх по реке, а потом по степям, пока не достигла границ Чернигово-Северской земли. На следующий год Святослав Игоревич подчинил вятичей.

Существенные коррективы в схему восточного похода 965 г. внес А. В. Гадло. По его мнению, опустошив Булгар, рать Святослава выступила к Атилю, возле которого разбила войска каганата. При этом исследователь акцентирует внимание на особой значимости этой победы. Он подчеркивает, «что хазары вышли против Святослава “с князем своим каганом”, как сообщает источник, т.е. прибегли к совершенно чрезвычайному средству защиты — вынесли на поле битвы живого бога —

Восточные походы князя Святослава

кагана, в лице которого персонифицировались мощь и жизнь Хазарского государства». Значит, генеральное сражение кампании 965 г. происходило «вблизи Итиля, где в островном дворце под присмотром царя/бега содержался каган». «Итиль был разрушен, — рассуждал исследователь, — но пути назад, видимо, уже не было, вернуться после такого похода на Русь мимо Булгара или идти Донским путем Святослав не мог. Поэтому он и вынужден был двигаться на юг к Самандару, откуда начинался путь по предгорьям на запад, здесь Святослав оказался союзником (а не завоевателем. — И.М.) алан/ясов, а в дальнейшем адыгов/касогов, для которых он был освободителем от хазарской зависимости. Путь вдоль Кавказского хребта выводил к Керченскому проливу, где находился сильный хазарский гарнизон, преграждавший дороги, ведущие через южную Хазарию в Таврику. Как развивались события в этом районе, мы можем только предполагать, но вполне вероятно, что из Страны касогов, т.е. из низовий Кубани, Святослав двинулся на Дон, где им была взята хазарская крепость Саркел (с этого времени ставшая русской Белой Вежей), а затем пошел в земли вятичей, которые, как сообщает “Повесть временных лет”, были наконец обложены данью и присоединены к Руси» (*Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. С. 55–57*).

Иначе маршрут русских войск представляет А. Н. Сахаров. По его наблюдениям, победив болгар и бургасов, Святослав «встретился с основными силами кагана, разгромил их и взял Белую Вежу, т. е. основным удар после похода на Волгу был нанесен по течению Дона». Тем самым киевский князь «прежде всего осуществил основную цель восточного похода — разгромил Хазарский каганат. И лишь затем он двинулся на Северный Кавказ и далее к Семендеру, но это было уже тогда, когда основное предприятие оказалось осуществленным, когда в тылу у русов не оставалось не тронутых завоеванием основных владений кагана. Поход на Семендер явился лишь данью традиционным русским устремлениям на Каспии; он был быстротечен». Вышеупомянутые исследователи пришли к выводу о том, что поход 965 г. стал роковым для Хазарского каганата: вследствие побед русского оружия огромное восточное государство прекратило существование.

Иного мнения придерживается А. П. Новосельцев, который утверждает, что результаты восточной политики князя Святослава были намного скромнее, чем принято считать. В его представлении, «вначале главной целью Святослава было отнятие у хазар страны вятичей — единственной славянской земли, еще платившей дань каганату». Однако поход 964 г. успехом не увенчался. «В 965 г. Святослав взял Саркел и воевал в Северо-Западном Предкавказье, а в 966 г. покорил землю вя-

тичей». Этим его личное участие в военных операциях на территории Хазарского каганата и ограничилось. Более значимыми были итоги похода 968/969 г. Тогда Святослав, заручившись поддержкой наседавших на Хазарию гузов, отправил в каганат отряды служилых варягов-русов. Сам он остался в Киеве и участия в походе не принимал. Варяги прошли мимо «русского Саркела через Переволоку на Волгу», частично razорили «страну буртасов, подвластную хазарам, но основной целью (похода. — И. М.) стали обе хазарские столицы — новая Атиль и старая Самандар. Цель эта была достигнута, хазарские города взяты и разграблены, а население в панике бежало буквально в разные стороны — от дагестанского побережья и областей Хорезма или прилегающих к нему до южного побережья Каспийского моря». «Варяжская вольница» разбойничала в низовьях Волги и на территории современного Дагестана до 989/990 г. и продолжала бы разорять хазарские земли, если бы в дела каганата не вмешались власти Хорезма. По предположению исследователя, эмир Гурганджи Ма'мун «освобождал Хазарию от русов или от русов и турок (огузов) вместе». Согласно А. П. Новосельцеву, «Хазарское государство окончательно было ликвидировано в ходе бурных политических событий 50–60-х годов XI в.», когда половцы вытеснили из прикаспийских и поволжских степей огузов, а аланы расселились в Приморском Дагестане.

Мнение А. П. Новосельцева подверг критике А. В. Гадло. Он утверждал, что именно в 965 г. полки Святослава разгромили вооруженные силы Хазарского каганата и уничтожили базу для развития его экономики. «Главное, — писал исследователь, — было сбросить ту военно-административную паразитическую верхушку, которая держала в своих руках нити управления империей, и это было сделано. Вятичи перестали платить хазарам дань, освободились касоги, аланы/ясы, перестали зависеть от хазар буртасы, булгары, печенеги и гузы. Собственно хазарский этнос утратил свое единство и начал концентрироваться в виде отдельных локальных сообществ на наиболее удобных для него окраинах бывшего государства: на Тамани, в Крыму, в низовьях Терека и Сулака, вблизи Самандара и в районе разрушенного Итиля в дельте Волги. Последний раз хазары упоминаются как живая реальная общность в 1064 г. Под этим годом автор хроники “Тарих ал-Баб” отметил переселение 3 тыс. хазарских семейств, которых он называет “остатками хазар”, в город Кахтан, который, вероятнее всего, тождественен Самандару» (Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. С. 97–98; Плетнева С. А. Хазары. С. 71; Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 225–231; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. С. 71; Артамонов М. И. История хазар. С. 429–430).

Уже более двух столетий в отечественной и зарубежной историографии не утихают споры о значении хазар и созданного ими государства в истории восточных славян и Древней Руси. Исследователи рассматривали проблему славяно-русских и хазарских взаимоотношений в разных ракурсах. Они изучали экономические связи двух регионов, освещали вопрос о влиянии каганта на генезис и развитие Древнерусского государства, писали о войнах и локальных конфликтах.

В XIX в. разгорелась дискуссия об участии восточных славян в международной торговле. Норманисты (М. П. Погодин, А. А. Куник) отрицали его или считали весьма незначительным. Им возражали антинорманисты (Д. И. Иловайский, И. Е. Забелин, К. Н. Бестужев-Рюмин), которые утверждали, что основными субъектами торговли в Причерноморье и на Кавказе были восточные славяне и хазары. По мнению В. О. Ключевского, поляне, северяне, радимичи и вятичи, будучи данниками каганата, учились у опытных хазарских купцов торговать со странами Востока. Их племенные территории покрылись сетью городов, в которых процветали предприимчивые «гости». Концентрация в поднепровских городах торгового капитала обусловила переход политической власти в руки купцов. Последние созывали и возглавляли вечевые собрания, на которых проводили выгодные для них решения. Официальные правители — князья, по сути превратились в исполнителей воли населения торговых городов, которое, в свою очередь, всецело зависело от всемогущих купцов. Концепция В. О. Ключевского получила признание в историографии. Идею о значительном влиянии хазар на развитие восточнославянской, затем древнерусской торговли развивали С. А. Корф, М. С. Грушевский, С. Ф. Платонов, А. А. Спицын, М. К. Любавский, П. Г. Любомиров, В. А. Пархоменко, Ю. Д. Бруцкус, П. И. Лященко, Ю. В. Готье и другие исследователи. При этом М. С. Грушевский отметил, что Хазарский каганат в VIII–IX вв. сдерживал мощный натиск азиатских кочевников и тем самым обеспечивал благоприятные условия для развития экономики всех расположенных к западу от него племен и народов. М. К. Любавский считал, что защита хазар позволила славянам колонизировать обширные территории Восточно-Европейской равнины. Исследователи второй половины XX в. конкретизировали представление о весомом вкладе хазарских купцов в международную раннесредневековую торговлю. Вместе с тем они показали, что в IX в. возросла активность восточнославянских «гостей» в Поволжье и на Каспийском море, а также интенсивно функционировал путь «из варяг — в греки», и это было обусловлено внутренним развитием племенных союзов полян, северян, радимичей, вятичей, уличей, тиверцев и пр.

В поле зрения ученых постоянно находились вопросы о влиянии хазар на социально-политическое развитие восточнославянских племенных союзов и становление Древнерусского государства, которые в историографии XIX–XX вв. вызывали непрекращавшиеся споры. В XVIII в. было распространено мнение о том, что центр Хазарского каганата находился в Среднем Поднепровье, поэтому кочевники полностью подчинили восточных славян, уничтожили их самоуправление и, не встречая сопротивления со стороны подвластных племен, брали с них дань. Однако М. В. Ломоносов и И. Н. Болтин заметили, что, вопреки этому мнению, данники созывали вечевые собрания и возглавлялись собственными князьями и старейшинами. И. Н. Болтин и Екатерина II считали, что они боролись с хазарским владычеством, поэтому обратились за помощью к варяжскому конунгу Рюрику.

А. Л. Шлецер гипертрофировал представление о значении прибывших с Рюриком варягов, он изображал восточных славян в качестве безвольных статистов исторического процесса, оказавшихся в эпицентре борьбы хазар и норманов за земли покорных данников и распределение поступающих с них доходов. В полемике с А. Л. Шлецером была создана концепция хазарского происхождения варягов. Ее автор И. Ф. Г. Эверс неправильно перевел арабские источники, вследствие чего сделал вывод о южном происхождении варягов-руси. К тому же он считал, что хазары, турки и венгры были родственными этносами. Подытоживая эти ошибочные умозаключения, И. Ф. Г. Эверс утверждал, что восточные славяне призвали Рюрика с братьями из Тмутаракани — родового владения варягов-хазар, а Аскольд, Дир и Олег были венграми, также прибывшими из каганата. Концепцию И. Ф. Г. Эверса приняли М. Т. Каченовский и его ученики — создатели «скептической школы» в отечественной дореволюционной историографии. Однако норманисты Н. М. Карамзин, А. А. Куник, М. П. Погодин, П. Г. Бутков подвергли ее резкой критике. Полемика норманистов и антинорманистов вступила в новую фазу развития.

Наиболее ожесточенные споры по вопросу о происхождении хазар и их влиянии на развитие восточных славян — древнерусского общества, разгорелись в 70–90-е годы XIX в. Тогда в научный оборот были введены новые исторические источники (публикации В. Г. Тизенгаузена, А. Я. Гаркави, В. Р. Розена, Д. А. Хвольсона). Норманисты по-прежнему изображали восточных славян безынициативными, второстепенными персонажами бурного исторического процесса, в котором первые роли отводили варяжским конунгам и их дружинам. Антинорманисты (Е. И. Забелин, Д. И. Иловайский, С. А. Гедеонов) писали об активной созидательной деятельности восточнославянских племен на освоенной

ими территории и об успешной борьбе полян и их союзников с завоевателями-хазарами.

На рубеже XIX–XX вв. широкое признание в отечественной историографии получила концепция В. О. Ключевского о поднепровских торговых городах, развивавшихся под эгидой «мирного», доброжелательного Хазарского государства.

В 30-е годы XX в. в марксистской историографии утвердилось представление о том, что Древнерусское государство или его отдельные институты не были привнесены извне, они возникли в недрах восточнославянского родо-племенного общества. Хазарское влияние стали рассматривать как внешний фактор, в большей или меньшей степени ускорявший или тормозивший внутренние процессы древнерусской государственности.

На рубеже 40–50-х годов подход к изучению проблемы славяно-русско-хазарских взаимоотношений резко изменился, что было обусловлено сложным международным и внутренним положением СССР. После окончания Второй мировой войны, в начале «холодной войны», сопровождавшейся гонкой вооружений, в разоренной, но победившей стране развернулась кампания по борьбе с космополитизмом. В этих условиях научная деятельность обществоведов была поставлена под жесткий идеологический контроль, что в первую очередь сказалось на исследованиях по истории межэтнических и межгосударственных отношений. В статье П. И. Иванова, опубликованной в газете «Правда», а затем в работах Б. А. Рыбакова, Б. Д. Грекова, Н. Я. Мерперта, В. В. Мавродина Хазария была охарактеризована как «маленькое, паразитарное государство», не способное оказывать какое-либо существенное влияние на развитие соседних регионов, в том числе восточнославянских племенных союзов. Этот вывод, на первый взгляд негативный для развития хазароведения, в действительности побудил исследователей пересмотреть устоявшиеся и превратившиеся в догму представления о «мирном» характере Хазарского каганата, заслонявшего и защищавшего западных данников от азиатских кочевников. Об этом писал М. И. Артамонов, не принявший в угоду идеологам 50-х годов идею о «маленькой, паразитарной» Хазарии. Во «Введении» к фундаментальной монографии, вышедшей в свет в 1962 г. и ставшей классическим трудом по истории кочевников, кочевавших в европейских степях в VI–X вв., М. И. Артамонов отметил: «Изучение истории хазар в СССР отнюдь не прервалось в 1951 г., как это представляется иностранной печатью, в результате вмешательства в науку некомпетентных лиц, выразившегося в появлении в «Правде» статьи П. И. Иванова «Об одной ошибочной концепции». Действительно, после появления этой статьи имело место некоторое

замешательство в разработке вопросов истории хазар. В то же время были опубликованы работы, извращающие подлинную историю с целью во что бы то ни стало принизить историческое значение хазар и созданного ими государства. Но так продолжалось недолго. В целом же выступление “Правды” сыграло положительную роль: оно обратило внимание историков на бесспорную идеализацию хазар в буржуазной науке и на преувеличение их значения в образовании Русского государства и сложения русской культуры, характерное для предшествующей русской историографии и принявшее у некоторых авторов гиперболические формы. Не вызывает сомнения, вместе с тем, полная несостоятельность проявившегося после выступления “Правды” уклона в сторону отрицания какого бы то ни было исторического значения хазар. Хазары создали обширное государство, в течение длительного времени вели ожесточенную борьбу с арабами и остановили их продвижение на север. С их помощью Византия выстояла в схватке с Арабским халифатом. Одного этого достаточно, чтобы обеспечить хазарам прочное место на страницах всемирной истории и истории нашей страны и привлечь к ним внимание исторической науки» (Артамонов М. И. История хазар. С. 62–63).

В 60–80-е годы XX в. исследование славяно-русско-хазарских взаимоотношений продолжалось. Проводились археологические раскопки на Дону, в Поволжье и на Северном Кавказе, вводились в научный оборот новые источники. Получили освещение такие вопросы, как влияние даннических отношений на имущественное расслоение восточных славян (И. И. Ляпушкин), преемственность хазаро-венгерских и древнерусских социально-политических институтов (В. П. Яйленко), консолидирующее значение фактора внешней угрозы (А. Н. Насонов, И. Я. Фроянов) (подробнее см.: Ващенко Э. Д. Восточное славянство и Хазария в трудах отечественных историков XVIII–XX веков: Автореф. канд. дис. СПб., 2000). Однако в 90-е годы появились работы, в которых возрождаются некоторые положения и выводы, справедливо отвергнутые предшествующей историографией. Четко обозначился крен в сторону преувеличения роли варягов и хазар, якобы подавлявших безвольных, безынициативных и бездеятельных восточных славян (А. П. Новосельцев, Л. Н. Гумилев и др.). В результате одностороннего, предвзятого подхода к использованию источников делаются надуманные выводы об основании Киева хазарским евреем-военачальником Ахмадом бен Куйа (Кйуа), о преобладании в стольном городе Руси иудеев, о Среднем Поднепровье X в. как территории каганата, его западном пограничном форпосте (см., например: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим. 1997. С. 66, 86–96). Эти выводы, неоднократно

подвергавшиеся критике в отечественной и зарубежной историографии, тенденциозны и неубедительны. Спекуляции современных идеологов, выступающих под маской специалистов-историков, разумеется, не имеют ничего общего с подлинно научными исследованиями, освещающими проблемы становления сильной многоэтничной восточной «державы» и ее взаимоотношений с западными соседями — свободолюбивыми созидателями древнерусской государственности — восточными славянами.

Венгры. В IX в. на южной границе восточнославянского мира появились новые кочевники-переселенцы — венгры, или, как их называл древнерусский летописец, угры.

Историческая прародина венгров находилась между Волгой и Южным Уралом, на территории современной Башкирии. В середине I тыс.н.э. кочевавшие здесь племена начали движение на запад. Некоторое время они проживали на территории «державы» гуннов, затем Хазарского каганата.

В первой трети IX в. отдельные племена венгров сплотились в союз, получивший название «оногуры», что значит: «он» — «десять», «огур» — «стрела». Под пером летописца термин «оногуры» превратился в «угры». Сами себя кочевники называли мадьярами, т. е. «людьми», «сородичами». В середине X в. византийский император Константин Багрянородный записал древние предания мадьяр о предводителях их племенного союза, его социальной организации и образе жизни кочевников в Хазарском каганате. Василевс указывал, что «древнее поселение» угров (которых он считал «турками») находилось «в местности, называвшейся Леведия — по прозвищу их первого воеводы. Этот воевода прозывался личным именем Леведия, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него... Турок было семь племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Леведия. Они жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их военной помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой» (*Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 159*). Некоторые историки считают, что легендарный «воевода» возглавлял союз угорских племен в 30–80-е годы IX в. (Там же. С. 391, прим. 2).

В середине IX в. под натиском печенегов венгры ушли с обжитых

пастбищ, разделились на две группы, одна из которых откочевала на восток, в Персию, а другая под предводительством старого Леведии и влиятельного «воеводы» Альмоша (Алмуца), сына Юдьека, двинулась на запад. Малорослые кочевники с тремя косичками на бритых головах, одетые в звериные шкуры, передвигались на небольших, но выносливых лошадях и искусно сражались на открытой местности. Выступая в поход, они посылали вперед разведку; обнаружив неприятеля, осыпали его стрелами, затем стремительно налетали мобильными отрядами, стремясь разъединить и рассеять строй противника. Когда это не удавалось, венгры обращались в притворное бегство, а затем снова нападали на рассыпавшееся для преследования хитрецов войско неприятеля и одерживали над ним верх. В критический момент битвы врага внезапно окружал заранее подготовленный резерв свежих сил, который обеспечивал мадьярам полную победу (*Артамонов М. И. История хазар. С. 351–352*).

Путь соратников Леведии и Альмоша пролегал по землям восточных славян. «Шли угры мимо Киева горою, которая называется теперь Угорской, пришли к Днепру и стали вежами», — свидетельствует летописец и добавляет: «Ходили они так же, как теперь половцы» (ПВЛ. С. 151). Тем самым древнерусский книжник намекает на то, что по отношению к местному славянскому населению кочевники вели себя враждебно. Анонимный мадьярский историк в написанном на рубеже XII–XIII вв. сочинении «Деяния венгров» изобразил кочевников-мигрантов сильным, воинственным противником полян, покорившим Киев и заставившим его жителей не только выплатить единовременную контрибуцию, но и давать ежегодную дань победителям. Согласно анониму, венгры «достигли области Русов (*ad partes Rutenorum*) и, не встретив какого-либо сопротивления, прошли до самого города Киева (*Kyev*). А когда проходили через город Киев, переплывая [на пароме — *transnavigando*] реку Днепр, то захотели подчинить себе королевство Русов. Узнав об этом, вожди (*duces*) Русов сильно перепугались, ибо они слышали, что вождь Альмош, сын Юдьека, происходит от рода короля Аттилы, которому их предки платили ежегодную дань. Однако киевский князь (*dux de Kyev*) собрал всех своих вельмож (*primates*), и, посоветовавшись, они решили начать битву с вождем Альмошем, желая лучше умереть в бою, нежели потерять свое королевство и помимо своей воли подчиниться вождю Альмошу». Русы проиграли сражение. А «вождь Альмош и его воины, одержав победу, подчинили себе земли Русов и, забрав их имения (*bona*), на вторую неделю пошли на приступ города Киева». Тогда местные правители изъявили полную покорность «воеводе» венгров, который потребовал у побежденных князей и бояр отдать «ему своих

сыновей в качестве заложников», уплатить «в виде ежегодного налога десять тысяч марок» и, кроме того, предоставить «продовольствие, одежду и другие необходимые вещи». Требование было выполнено, но с условием, что венгры уйдут из Киева «на запад, в землю Паннонии». В действительности находившиеся в состоянии миграции мадьяры не могли принудить киевлян к длительному данничеству. К тому же они сами нуждались в продовольствии, одежде и «других необходимых вещах», которые киевляне отдали кочевникам, чтобы те прекратили военные действия и ушли из их города (*Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 306–308).

Через некоторое время переселенцы достигли области, которую Константин Багрянородный называл Ателькузу, а сами венгры — Этелькёз, т. е. Междуречье. Современные исследователи локализуют ее на территории водораздела Днестра и Днепра. Обосновавшись в Ателькузу, кочевники изыскивали источники доходов. Наиболее выгодной оказалась торговля рабами. Как сообщает персидский историк XI в. Гардизи, опиравшийся на более ранние сведения, мадьяры «ходят к гузам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут в Рум (Византию) и продают... И постоянно нападают на славян, и от венгров до славян два дня пути» (*Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 389–390).

На новом месте жительства ускорился процесс интеграции венгерских племен. Согласно мадьярскому анониму, в период миграции семь предводителей кочевых орд провозгласили Альмоша своим «вождем и повелителем» с правом наследственной передачи власти, а остальные «воеводы» были объявлены участниками его совета, им предназначалась соответствующая часть военной добычи. В Ателькузу переселенцы выбрали нового правителя, наделив его еще более обширной властью. Согласно Константину Багрянородному, «турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, по обычаю — “закону” хазар — подняв его на щите. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Турции из этого рода». Под влиянием хазарских обычаев Арпад и его потомки пользовались титулом «кархан» («кенде»), созвучным с термином «каган». Они возглавляли войско (примерно 20 тыс. всадников) и были верховными судьями. Большой властью обладал также «воевода» — «джила» («гилас»), ведавший всеми судебными и административными делами венгерского племенного объединения.

Этим двум «вождям» подчинялись прочие главы кочевых орд (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 161; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 349–350). Консолидацию переселенцев ускорила внешняя опасность: по следам мадьяр шли печенеги, устанавливавшие свое господство в Северном Причерноморье.

Под их ударами венгры «устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и стали воевать с жившими там волохами и славянами... угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской» (ПВЛ. С. 151). На территорию Паннонии венгры переселились в начале X в. В течение того же столетия они завоевали земли Великой Моравии. Истребив часть проживавших там славян, кочевники подчинили уцелевшее население и заставили его принять угорский язык, однако сами под влиянием менее многочисленных местных земледельцев стали переходить к оседлости, усваивать многие их обычаи и культурные достижения (*История Европы*. Т. 2. С. 147, 227–228).

Печенеги. Во второй половине IX в. в заволжских степях, простиравшихся до Урала и Приаралья, сформировался союз тюркоязычных, угорских и сарматских кочевых племен, который возглавили выходцы из давно распавшегося азиатского политического объединения Кангюй. Новое образование стали называть печенегами (в латиноязычной и византийской литературе они именовались пацинаками или пачинакитами, в арабской — баджнак). О происхождении термина «печенег» («беченег») существует несколько мнений. Согласно одному из них, этот термин восходит к имени первого вождя печенежского кочевого союза, которого звали Бече. Согласно другой версии, он означает «муж старшей сестры». Смысл этого словосочетания становится понятным, если учесть, что счет родства и наследование власти у печенегов велись по женской линии, поэтому семейство «старшей сестры» пользовалось особым почетом и уважением.

Разросшийся племенной союз, испытывавший потребность в новых пастбищах, начал расширять свои владения на запад и пришел в соприкосновение с Хазарией. Защищая подвластные им территории, хазарские правители заключили договор с кочевывшими в северном Прикаспии и Приаралье узами (или, как называли их русские летописцы, торками), и последние вступили в войну с печенегами. Прогнозы хазар не оправдались. Под ударами противника печенеги сначала оставили обжитые кочевья, но затем, неожиданно для союзников, мощной лавиной устремились в междуречье Дона и Кубани и далее на запад, заполнив причерноморские степи от Днепра до Дуная. Первое упо-

минание об их пребывании в Северном Причерноморье содержится в записи под 889 г. хроники Регинона. По пути кочевники жгли и разоряли все встречные поселения, опустошили территорию Хазарского каганата, перекрыли его важнейшие торговые пути и отрезали уже фактически уничтоженное государство от Византийской империи. В 90-е годы IX в. они изгнали из Днестро-Днепровского междуречья венгров, которые двинулись через Карпаты в Паннонию. На рубеже IX–X вв. жертвами печенегов стали восточнославянские племенные союзы уличей, проживавших в излучине Днепра, и тиверцев, обосновавшихся в Приднестровье. Уличи отступили на северо-запад, в Поросье и Верхнее Побужье, а тиверцы ушли в Карпаты (*Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 129–132). Закрепившись на обширной территории, имевшей стратегически важное значение, воинственные печенеги вынудили сопредельные племена и страны пересмотреть их взаимоотношения в Северном Причерноморье.

Территория «Пачинакии» делилась на 8 орд, которые включали в себя 40 племен (разросшихся родов). На западе она простиралась до левого берега Дуная. Здесь печенеги кочевали в 15–20 км от Болгарии (полдня пути до ее границ), в 160 км (4 дня пути) от Венгрии, их северные орды подступали к южным границам восточнославянских земель (1–2 дня пути). На востоке их соседями были мордва (10 дней пути, около 400 км), Хазария и Узия (5 дней пути), а также Алания, земли которой лежали на расстоянии 6 дней пути от рубежей «Пачинакии». На юге кочевники приблизились к Херсонесу, «а к Боспору еще ближе» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 157). Их сородичи, перешедшие под власть торков, остались в заволжских степях и в знак покорности обрили бороды (*Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана. С. 129). «Одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали до самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 157). Значит, вольнолюбивые печенеги-переселенцы носили длинную одежду с рукавами и отращивали бороды.

Пачинакиты находились на родоплеменной стадии развития. Их племена возглавляли военные предводители, по терминологии византийцев, — архонты, подчинявшиеся вождям орд — «великим архонтам», последние правили пожизненно. «После же их смерти должно было избирать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом», — свидетельствует Константин Багрянородный (Там же. С. 155).

В 896 г. в союзе с болгарским царем Симеоном печенеги нанесли поражение Византии и ее союзникам — венграм в сражении при Болгарофиге, после чего империя была вынуждена заключить невыгодный для нее мир с Болгарией. Но впоследствии кочевники стали угрожать и болгарам, и венграм, и византийцам, а также «росам, и частенько, когда у них (восточнославянских племен. — *И. М.*) нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб». Все племена и народы, отражавшие натиск степняков, стремились задарить воинственных соседей, заключить с ними мир и использовать их орды в борьбе против других стран (Там же. С. 37, 39, 41). Слава о беспощадных завоевателях распространилась в Европе. О страшном великане — пацинаке, упоминает даже «Песнь о Роланде».

В Никоновской летописи, составленной в XVI в., имеются сведения неизвестного происхождения о победе над печенегами, одержанной в 875 г. княжившими в Киеве Аскольдом и Диром. Повесть временных лет впервые упоминает об этих кочевниках в статье под 915 г. Тогда степняки, «заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю». Спустя пять лет, в 920 г., «Игорь же воевал против печенегов». В 944 г. кочевники согласились принять участие в походе русского войска на Византию, но не бескорыстно. Князь Игорь «нанял печенегов», которым, зная об их коварстве, не доверял, а потому держал при себе их заложников. Император Роман I Лекапин откупился от неприятеля, причем «и к печенегам послал паволоки и много золота». После переговоров с византийскими послами князь Игорь «повелел печенегам воевать Болгарскую землю», а сам с войском вернулся в Киев. В том походе степные наемники неплохо поживились за счет русских, византийцев и болгар (ПВЛ. С. 158–159).

В середине X в. мирные отношения русов с кочевниками перемежались внезапными рейдами последних на незащищенные поселения и торговые караваны союзников. Правивший в то время византийский император Константин Багрянородный свидетельствует, что восточные славяне покупали у степных соседей «коров, коней, овец», однако были лишены возможности организовывать прибыльные военные походы на Константинополь и в Закавказье, потому что печенеги, узнав о том, что древнерусские воины «удалились от своих [семей]», молниеносно нападали на их селения, разоряли жилища, а женщин, стариков и детей уводили в плен. Серьезную угрозу они также представляли для купцов, передвигавшихся по главной торговой артерии восточнославянского мира — пути «из варяг — в греки». «Когда росы с ладьями приходят к (днепровским. — *И. М.*) речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на

плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакифов и легко... побеждают и устраивают резню» (*Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 39*).

В 965 г. печенеги, возможно, участвовали в походе князя Святослава на Хазарию (*История Европы. Т.2. С. 464*), а через три года, летом 968 г., едва не захватили Киев. Тогда князь Святослав успешно воевал в Болгарии, и степняки, вероятно, подкупленные византийцами, должны были разорить стольный город Руси, чтобы побудить восточных славян уйти с берегов Дуная.

Киев «обступило бесчисленное множество» печенегов, «и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды». Оборону возглавляла престарелая княгиня Ольга с малолетними внуками Ярополком, Олегом и Владимиром. Осажденные уже готовы были сдаться на милость победителей, но местный отрок, знавший печенежский язык, вызвался привести на помощь славянских воинов, собравшихся на левом берегу Днепра, но не решавшихся начать переправу. С уздечкой в руках он вышел из города и побежал через вражеский стан, иногда останавливаясь и расспрашивая кочевников о своем якобы пропавшем коне. Знание киевлянами языка и обычаев печенегов свидетельствует о длительных и устойчивых контактах между полянами и их степными соседями. Юноша благополучно достиг Днепра, бросился в воду и поплыл. Опомнившиеся степняки пытались поймать его или застрелить, но славянские ратники, наблюдавшие за смельчаком с левого берега реки, выслали навстречу ему ладью и быстро доставили киевлянина к воеводе Претичу. На следующее утро «люди той стороны Днепра» начали переправу. Печенеги приняли их за возвращавшееся из Болгарии войско князя Святослава и «бежали от города врассыпную». Затем печенежский «князь» встретился с воеводой Претичем, и военачальники обменялись подарками, символизировавшими военную мощь и независимость противоборствующих сторон. «И дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч». Однако смертельная опасность не была устранена: кочевники остановились возле реки Лыбеди, готовясь к новому броску на Киев. Только князь Святослав, по требованию киевлян вернувшийся на Русь, «собрал воинов и прогнал печенегов в степь, и наступил мир» (ПВЛ. С. 168–169).

Лаконичность источников не позволяет установить, с какими именно ордами заключали союзы или воевали русские князья и как часто изменялся внешнеполитический курс той или иной группировки печенежских племен, поскольку «Пачинакия» не была целостным, консолидированным социально-политическим образованием. Борьба за паст-

бища, за лидерство в союзе кочевых племен, прочие внутренние противоречия, военное и экономическое сотрудничество одних группировок степняков с западными, других — с восточными странами, неустойчивость взаимоотношений с соседними народами разобщали печенегов, что учитывали и русские, и хазары, и болгары, и византийцы.

Согласно арабскому купцу и историку второй половины X в. Ибн Хаукалю, после провала «киевской операции» часть печенегов вступила в союз с князем Святославом, но предводители других орд вели переговоры с его противниками. После окончания балканской кампании осенью 971 г. войско Святослава возвращалось через враждебные степи в Киев. Русские ратники везли большие трофеи и вели «пленных бес числа», о чем болгары, византийцы или киевляне, не желавшие приезда князя, который «свою (родину. — И. М.) покинул», чтобы утвердиться в чужой земле, уведомили печенегов. Степняки «заступили пороги» Днепра. Воины Святослава не смогли пробиться через плотный заслон кочевых орд и отступили в Белобережье (к Днепровско-Бугскому лиману). Здесь они провели голодную зиму с сопутствовавшими ей болезнями и высокой смертностью ратников. «Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него», полагая, что таким образом к победителям перейдут сила и мужество доблестного русского полководца. Впоследствии эта окованная золотом чаша бережно хранилась в сокровищнице печенежских ханов. Ее доставали в дни их бракосочетаний и осушали в постельном «чертоге», приговаривая: «Каков был сий человек, его же лобъ есть, таковъ буди и родившая от насъ». «Тако же и прочиихъ вои его (Святослава. — И. М.) лъбы изоковаша сребромъ и держажу у себе, пиюще з нихъ», — отметил древнерусский книжник (Там же. С. 171–172, 447).

После гибели Святослава обстановка на южной границе Руси ненадолго стабилизировалась. Во время правления в Киеве Ярополка Святославича (972–980 гг.) летописцы не зафиксировали ни одного конфликта с печенегами. Очевидно, киевский князь имел с ними прочные союзнические отношения. Подтверждением этому служит тот факт, что во время борьбы за «старейший стол» с Владимиром Святославичем дружинник Ярополка Варяжко советовал господину бежать к печенегам и просить у них военную помощь. Узнав об убийстве Ярополка, Варяжко сам бежал в степь «и долго воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону» (Там же. С. 173).

Ситуация резко изменилась в конце X — первой половине XI в. В княжение Владимира Святославича и Ярослава Мудрого натиск степ-

няков на южнорусские земли достиг апогея. Рати с кочевниками происходили «беспрерывно», оборона рубежей «Русской Земли» требовала колоссальных людских и материальных ресурсов.

Усиление печенежской агрессии и разгром «Пачинакии». Установить даты и количество столкновений с печенегами в правление князя Владимира невозможно, потому что летописание в то время еще не велось, а в народной памяти сохранились только наиболее яркие эпизоды ожесточенной борьбы со степняками. Рассказы о героях, мудрости и мужестве защитников родной земли, благополучном избавлении от опасности или уничтожении врага передавались из уст в уста, превращались в исторические предания, которые более века спустя были включены в Повесть временных лет (статьи 988 г. — о градостроительной деятельности Владимира Святославича в пограничных районах южной Руси и о сопротивлении новоселов кочевникам, 992 г. — об основании Переяславля, 996 г. — о победе над печенегами и возведении в честь этого события Василевской Преображенской церкви, 997 г. — о «белгородском киселе») (Там же. С. 191–195). Однако очевидцы кровавых событий гнали из памяти воспоминания о поражениях русских ратников, о массовых убийствах, насилиях, пленении степняками побежденных воинов и беззащитных жителей разоренных мирных сел, а потому о буднях многолетней и каждодневной напряженной борьбы с печенегами летописи молчат.

Причины усиления печенежской агрессии ученые объясняют по-разному. Одни историки (С. П. Толстов) считают, что военный пыл степняков разжигал Хорезм — мусульманское государство в Средней Азии. В арабо-исламском мире были крайне обеспокоены победоносным завершением восточного похода князя Святослава, разгромом Хазарии и усилением Руси в Поволжье и Прикаспии. Еще большую озабоченность мусульман вызывало сближение Руси с Византией и принятие ею в 988 г. христианства. Другие исследователи (В. В. Каргалов) полагают, что к концу X в. печенеги завершили освоение причерноморских степей и испытывали потребность в расширении территории кочевий. Л. Н. Гумилев обратил внимание на то обстоятельство, что в X в. степи Евразии поразила смертоносная засуха, заставившая кочевников искать новые пастбища, следовательно, теснить оседлые племена и народы.

Великие киевские князья Владимир Святославич и Ярослав Мудрый сделали все возможное для повышения боеготовности вооруженных сил и укрепления обороноспособности Руси. Именно в эти годы доминирующая роль в южнорусском войске перешла к коннице. Боевых лошадей для народного ополчения и дружины разводили в кня-

жеских и боярских вотчинах под надзором специальных слуг — конюхов. Русские ратники научились сражаться с кочевниками, используя их же тактические приемы и виды вооружения. Например, возросло значение лучников, которые на марше двигались впереди войска и прикрывали его с флангов. Задача лучников заключалась в том, чтобы не допустить внезапного налета вражеской конницы и во время перестрелки выиграть время для развертывания древнерусских полков в боевые порядки.

Главные участники сражений — всадники — выступали в поход в «обтекавших» их тела доспехах — сфероконических шлемах и гибких кольчугах. Они сидели в низких седлах, высоко подогнув колени, опирались на легкие округлые стремяна и погоняли коней плетью. От плеча до стремени древнерусского всадника прикрывал мощный щит. Такие посадка и защитное вооружение были наиболее удобными в быстрых конных схватках с чрезвычайно подвижным и коварным противником. Доспех позволял, изгибаясь всем туловищем, «уходить» от стремительных ударов неприятеля или смягчал их силу, потому что сабельный клинок и булава печенега соскальзывали с прочной, плотно пригнанной, ослепительно сверкавшей «брони» русского воина. Разворачиваясь для нанесения ответных ударов, конный ратник резко распрямлял ноги, словно выпрыгивая из седла, и неожиданно поражал врага сверху или сбоку.

В битвах со степняками резко возросло значение копья, поэтому в древнерусском войске конца X — начала XI в. шел процесс формирования отрядов копейщиков, которые вступали в сражение с противником вслед за лучниками. Прочие воины использовали ранее заимствованные от кочевников пики, сабли, кистени и булавы. Наряду с этими видами вооружения сохранялись традиционные мечи, топоры и дротики. Реформированное войско полстолетия сдерживало смертоносную лавину, хлынувшую из степи на древнерусские земли в конце X в. (Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 307, 310–312, 315–318, 321; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 155).

Другое направление оборонительной политики Владимира Святославича заключалось в укреплении границ «Русской земли». На правом берегу Днепра на расстоянии двух дней пути от Киева на юг и юго-запад были возведены мощные оборонительные сооружения, отождествляемые с сохранившимися до наших дней Змеевыми валами. Их основу составляли древние валы, насыпанные еще в скифо-сарматское время, которые обновили, укрепили и приспособили для борьбы с пе-

ченегами. Стокилометровую насыпь увенчали высоким плотным частоколом, вдоль нее устроили «завалы» из нарубленных деревьев и кустарника. По всей линии обороны на некотором расстоянии друг от друга построили сторожевые крепости, в которых несли службу периодически менявшиеся заставы. Каждая крепость имела сигнальную башню. Такие же башни возвышались вдоль дорог, ведущих в Киев. С помощью дымового сигнала днем или светового ночью сторожевые заставы передавали в столичный город Руси тревожную весть о появлении в порубежной полосе кочевников. Длинными, выгнутыми в сторону степи полукружиями Змеевы валы опоясывали центральную часть «Русской земли». Их конструкция вынуждала кочевников тратить немало времени и сил, чтобы добраться до русских поселений, потому что, обогнув один оборонительный рубеж, степняки упирались в середину следующего, параллельного первому, но вытянутого дальше него. Между тем в Киеве успевали получить сигнал о набеге кочевников, здесь немедленно собиралось войско, которое выступало навстречу «поганой» орде (подробнее см.: *Кучера М. П.* Змеевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987).

Об этих укреплениях писал христианский миссионер, архиепископ Бруно (Бонифаций) Кверфуртский, в 1008 г. ездивший через Киев к печенегам. В письме к германскому императору Генриху II он сообщил, что киевский князь «с войском своим» два дня провожал монахов от столичного города Руси «до последних пределов своего государства, которые у него для безопасности от неприятеля на очень большом пространстве обведены со всех сторон самыми завалами (засеками — *seres*)». На границе Владимир Святославич спешил и вместе с боярами некоторое время сопровождал миссионеров. «Таким образом мы и вышли за ворота (укрепления). Владимир расположился на одном холме, а мы — на другом». Киевский князь умолял архиепископа «не губить... своей молодой жизни» и отказаться от «хождения» к номадам-язычникам, но Бруно был непреклонен. Хорошо осведомленный о расположении кочевий печенегов, Владимир Святославич сказал: «Я убежден, что завтра, раньше трех часов, ты, без цели и пользы, встретишь горькую смерть». Но и это предупреждение не остудило пыл христианских проповедников. Они вышли в степь, по которой, вопреки расчетам русского князя, «два дня шли... без всякого препятствия: на третий день» рано утром их «схватили печенеги» (*Памятники истории Киевского государства*. С. 76).

Внутри полукольца Змеевых валов подходы к Киеву прикрывали небольшие, но хорошо укрепленные города. Некоторые из них были основаны еще в VIII–IX вв. и являлись племенными центрами восточ-

ных славян (Белгород, Китаевское городище и др.). В условиях возросшей опасности со стороны степи «сказал Владимир: “Нехорошо, что мало городов около Киева”. И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их». В статье Повести временных лет под 991 г. летописец отметил: «Владимир заложил Белгород, и набрал для него людей, ибо любил город тот». В 992 г. «старейший» князь «заложил город... и назвал его Переяславлем» (ПВЛ. С. 191–192).

Летописные сведения о заселении степного пограничья выходцами из разных районов восточнославянского мира подтверждаются археологическим материалом. Так, на белгородском могильнике обнаружены захоронения переселенцев из северных русских земель и Днепровского Левобережья, датируемые X–XI вв. В городке Желни, стоявшем на пограничной реке Суле, в те же годы проживали женщины из племен кривичей и радимичей. Здесь же они умерли и были похоронены по обряду предков, в старинных племенных украшениях. На желнинском могильнике также выявлены погребения покойников, лежащих «валетом»: так умерших хоронили балты (*Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Киев, 1987. С. 119, 121–122).

Сообщая о градостроительной деятельности Владимира Святославича, летописцы ограничились лаконичными замечаниями о «закладке» новых укрепленных поселений. В действительности князь-реформатор претворил в жизнь грандиозный замысел: в короткий срок были обновлены все имевшие стратегическое значение фортификационные сооружения Киевской земли, а в местах сосредоточения переселенцев возведены неприступные крепости.

Широкомасштабное строительство развернулось в древнем Белгороде, который находился в 23 км к юго-западу от Киева. Этот город возник в VIII в. как центр одного из восточнославянских племен. Площадь его детинца, возвышавшегося на мысу реки Ирпень, составляла 8,5 га. С напольной стороны центр города был защищен глубокими оврагами, рвом и валом, сохранившимся до настоящего времени. Он сильно оплыл, но в некоторых местах достигает двухметровой высоты. С внешней стороны к оборонительным сооружениям примыкал неукрепленный жилой район — посад. В конце X в. белгородская крепость была кардинально перестроена, а численность населения в «окольных» районах, примыкавших к ней с севера и востока, резко увеличилась. Площадь детинца расширили до 12 га, центр города укрепили новыми оборонительными рвами и сложной конструкции валами. Их основу

составляли деревянные клетки-срубы на подсыпке из глины. Чтобы придать конструкции устойчивость, с внутренней стороны вала клетки заполнили утрамбованными слоями глины, снаружи облицевали необожженными кирпичами. Такие же укрепления создали по периметру «окольного града». В детинец вели несколько ворот, к которым сходились главные улицы посада. Парадный въезд в белгородскую крепость находился в восточной ее части. Он охранялся мощными сторожевыми башнями. До реконструкции конца X в. жилища на территории детинца располагались бессистемно или по внутренней окружности вала. Во время перестройки цитадели были проложены улицы, которые связали центральную часть города с оживленной переправой на реке Ирпень, посадом, сельской округой и пересекавшими этот чрезвычайно важный в стратегическом отношении район с сухопутными торговыми трассами местного и международного значения. Таким образом, планировка реконструированного в конце X в. Белгорода была тщательно продумана. Город превратился в неприступную крепость, приспособленную для эффективного ведения боевых действий, а при необходимости — быстрой эвакуации местных жителей. В мирное время Белгород получил возможность пропускать значительное количество путников и большие грузопотоки товаров (*Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956. С. 78–79; *Кирпичников А. Н.* К истории древнего Белгорода в X–XI вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1959. Вып. 73. С. 30; *Мезенцева Г. Г.* О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 39–40).

Кроме Белгорода в правление Владимира Святославича были перестроены и укреплены детинцы Киева, Переяславля Южного, Вышгорода, Василева, Пироговское и Китаевское городища, поселения в Вите-Почтовой и Заречье. Остов оборонительных насыпей Василевского городища состоял из плотно пригнанных срубов-клетей; защитные укрепления «града Владимира» в Киеве, Переяславля Южного и Зареченского поселения были покрыты кирпичом-сырцом (*Раппопорт П. А.* Очерки по истории. С. 82–87, 91 прим.1; *Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Стутне // Краткие сообщения института археологии АН СССР. 1965. Вып. 100. С. 126; *Малеев Ю. Н.* 1) Исследования на городище летописного Василева // Археологические открытия 1978 г. М., 1979. С. 362; 2) Исследования детинца летописного Василева // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 310). Все это свидетельствует о широкомасштабной строительной деятельности, осуществлявшейся в конце X в. с целью усиления обороноспособности «Русской земли».

Успех кровопролитной борьбы с кочевниками зависел от объеди-

ненных усилий всего населения Южной Руси. Но его разобщали племенные языческие традиции, поклонение локальным божествам, почитание местных первопредков и героев. Нужна была единая идея, цементирующая весь древнерусский народ, и князь Владимир обратил внимание на Византию, также отражавшую натиск печенегов. В 988 г. Русь приняла христианство «греческого» образца. По замыслу Владимира Святославича и его советников, лик единого Бога, признанного сначала в «старейшем» городе Киеве, а затем на подчиненных ему племенных территориях, должен был сплачивать ратников и воодушевлять их на борьбу с врагом, а также напоминать им о существовании организационного центра, координировавшего военные действия. В действительности христианство распространялось на восточнославянских землях долго и трудно: племена, не подвергавшиеся вторжениям кочевников (которые в то время представляли наибольшую угрозу для Руси), упорно отказывались переходить в христианскую веру и сохраняли приверженность местным языческим культам.

Под руководством киевского князя все население Южной Руси героически сопротивлялось печенегам. Так, согласно преданию, записанному в Повести временных лет под 992 г., русские и печенежские войска остановились, разделенные рекой Трубежем, и не решались вступать в сражение. Тогда хан вторгшейся на Русь кочевой орды «вызвал Владимира и сказал ему: “Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года”». В этом предложении не было ничего необычного: средневековые сечи, как правило, начинались с поединка двух героев, которые должны были проявить силу и показать ловкость в рукопашной схватке, привычной на Востоке и распространенной у славян. С трудом удалось глашатаям князя Владимира найти отважного силача. Среди ратников его не оказалось, но к князю явился старый воин, сообщивший, что он, отправившись с четырьмя сыновьями на войну с кочевниками, оставил дома младшего отпрыска — кожемяку, с детства отличавшегося силой и увлекавшегося борьбой. На первый взгляд юноша показался Владимиру Святославичу не рослым и не крепким, поэтому ему было устроено испытание, во время которого богатырь вырвал у пробежавшего мимо разъяренного быка «кожу с мясом, сколько захватила его рука». На следующее утро облаченный в доспехи кожемяка вступил в поединок с великаном-печенегом. «И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули наши, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил го-

род у брода того (вероятно, обновил уже существовавшие укрепления. — *И. М.*) и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже» (ПВЛ. С. 192). О популярности этого предания в Древней Руси свидетельствует тот факт, что оно было включено в разные летописи. Радзивилловская и Московско-Академическая летописи именуют юного героя Переяславом, Никоновский свод и Степенная книга — Яном Усмошвецом (от «усмие» — кожа).

Статья Повести временных лет под 997 г. представляет собой запись другого исторического предания — об осаде Белгорода печенегам и чудесном спасении местных жителей от гибели и рабства. Согласно летописи, «была в это время непрерывная великая война», и киевский князь Владимир уехал в Новгород собирать дополнительную рать. Узнав об этом, печенеги окружили Белгород, в блокированном поселении начался сильный голод. Местные жители собрали вече и приняли решение сдаться врагу. Но один мудрый старец посоветовал им собрать «по горсти овса, пшеницы или отрубей», «сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой», а кадушку в другом колодце наполнить медом. Белгородцы поступили так, как советовал старик, после чего пригласили в город для переговоров печенегов. Когда послы явились, осажденные горожане сказали им: «Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». Попробовав киселя, печенежские послы отнесли его своим «князьям». Белгородцам удалось перехитрить кочевников, последние «поднялись и отошли от города восвояси» (Там же. С. 194–195).

В начале XX в. археолог В. В. Хвойко, производивший раскопки Белгородского городища, обнаружил на его «детинце» два интересных сооружения. Одно из них представляло собой искусственно построенный на глубину 15 м колодец, сверху прикрытый навесом. Второе сооружение располагалось к югу от него и было отделено от «колодца» толстым слоем земли. Это был конус, изнутри обитый деревом и уходивший в землю на 23 м. На глубине 21 м ученым «были замечены вокруг всех четырех стен этого сооружения следы стоймя поставленных почти совершенно истлевших досок с вбитыми в них железными гвоздями, концы которых были загнуты». Ниже уровня 23 м прокопать не удалось, поскольку из-под земли появились удушливые газы. Конус прекратил функционировать в конце X в., когда был забит песком, кирпичами и глиняными плитками, колодцем пользовались вплоть до Батыева нашествия (*Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913.

С. 89–90). Эти находки свидетельствуют о том, что в старинной легенде отразились исторические реалии. У восточных славян существовал культ земли, которую считали неисчерпаемым источником сил и здоровья человека. Когда древние обитатели Белгорода обнаружили на территории своего поселения родник и газы, они, видимо, восприняли их как дары со стороны покровительствовавшей им «Матери — сырой земли». Здесь построили ритуальные сооружения — колодец, из которого брали священную воду, и конус, в котором на газе варили пищу. В тяжелые дни осады города местные жители, которые, несмотря на недавно состоявшийся акт крещения Руси, продолжали поклоняться языческим святыням, обратились за помощью к могущественной Земле, что и нашло отражение в предании «о белгородском киселе». Однако их находчивость не была оценена христианином Владимиром Святославичем. По возвращении в Киев он приказал уничтожить спасшие белгородцев священные сооружения. Колодец горожанам удалось сохранить, но конус был плотно засыпан строительным материалом.

В начале XI в. печенеги приняли активное участие в междоусобной борьбе за Киев, развязанной сыновьями Владимира Святославича. Согласно Бруно Кверфуртскому, в 1008 г. «старейший» князь заключил мирный договор с кочевниками, отдав им в заложники своего сына, вероятно, Святополка, которому в степи удалось заручиться поддержкой номадов (*Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 21*). В 1015 г. младший брат Святополка Борис выступил против печенегов, объявившихся на Левобережье Днестра, но, «не найдя» их, повел войска обратно в Киев. Борис был любимым сыном Владимира Святославича, и киевляне признавали его наиболее вероятным преемником возглавлявшего их князя (подробнее см.: *Михайлова И. Б. Древнерусский Вышгород // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995. С. 100–101*). Однако Святополк, старший среди наследников — Владимировичей, готовился с оружием в руках защищать свое право на княжение в Киеве. Правивший в то время в «старейшем» городе Руси Владимир Святославич был тяжело болен, и печенеги, должно быть, шли на подмогу Святополку, самому опасному сопернику Бориса. Эти рассуждения гипотетичны, но безусловно то, что вскоре Борис Владимирович узнал о смерти отца, отказался бороться за киевский стол и погиб от рук убийц, подосланных Святополком (или, как считают некоторые исследователи, Ярославом Владимировичем).

После смерти Владимира Святого его «окаянный» сын вокняжился в Киеве, но власть нового «старейшего» правителя была непрочной. Его брат Ярослав Мудрый заявил о своих претензиях на «отчий» стол. «Услышав же, что Ярослав идет (к стольному граду

Руси. — И.М.), Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу». Три месяца стояли войска «по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих». Накануне решающего сражения войска киевского князя были рассредоточены между двух озер, а сам он «всю ночь пил с дружиной своей». Утром полки Ярослава перешли в наступление, и «была сеча жестокая», но печенеги, отрезанные озером, оказать помощь Святополку не успели. Старший из братьев Владимировичей потерпел поражение и «бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском».

В 1018 г. борьба возобновилась. Святополк при поддержке польских войск вернулся в Киев, а затем поднял русские городовые общины против союзников. Поляки, ограбив столицу Руси, бежали и увели в плен множество людей. Но торжество Святополка продолжалось недолго: в Южную Русь вступило войско Ярослава Мудрого. «Старейший» князь нашел прибежище у печенегов, которые немедленно откликнулись на его призыв помочь в борьбе за отцовский стол. В 1019 г. «пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту... двинулись противники друг на друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал». За границей он не нашел пристанища и на дороге «межю Ляхы и Чехы» скончался (ПВЛ. С. 200–201).

Противоборство Владимировичей показало, что в русско-печенежских отношениях наступил перелом. В эти годы кочевники не приходили самостоятельно, они поддерживали князя Святополка и в составе его рати воевали только в качестве вспомогательной силы, однако союзники всегда терпели поражения от более проницательного и удачливого Ярослава Мудрого.

В 20–30-е годы XI в. острие печенежской экспансии было направлено на Византию, степняки совершили на территорию империи несколько опустошительных рейдов. Тем временем, утвердившись на киевском столе, Ярослав Мудрый продолжал политику отца: он укреплял южные рубежи Руси. В начале 30-х годов князь Ярослав «начал ставить города» в Поросье и заселять их пленными поляками (Там же. С. 203; *Звіздецький Б. А., Серов О. В.* Пам'ятки давньоруського часу поблизу с.Миколаївка на Росі // *Археологія.* 1988. Вип. 61. С. 67–76). Тогда же была сооружена новая, 90-километровая линия Змеевых валов, протянувшаяся вдоль левого берега реки Роси. Территория Киевской зем-

ли расширилась к югу, ее охватывало уже двойное полукольцо грандиозных защитных сооружений.

В 1036 г. печенеги снова двинулись на Русь. Воспользовавшись тем, что Ярослав Владимирович уехал в Новгород, бесчисленные орды степняков устремились к Киеву. Но «старейший» князь, собрав «воинов многих, варягов и славян», успел вовремя вернуться в столицу. Кочевники окружили Киев, подошли к стенам днепровской твердыни. Тогда внезапно «Ярослав выступил из города, и исполнил дружину, и поставил варягов посредине, а на правой стороне — киевлян, а на левом крыле — новгородцев; и стал пред градом. Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София... было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врассыпную, и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках» (ПВЛ. С. 203–204). Это был последний значительный поход печенегов на Русь.

Пленных кочевников Ярослав Владимирович отправил в Поросье, где они вместе с другими «своими погаными» стали служить Руси, прикрывая ее земли от вторжений новых обитателей степи — половцев.

К концу XI в. на южной окраине Киевской земли сформировалась полиэтничная общность кочевых и переходивших к оседлости тюркоязычных служебников «старейших» князей, известных под термином «черные клобуки». Потомки Ярослава Мудрого увеличивали численность «черных клобуков» за счет новых печенежских переселенцев. Например, в 1116 г. печенеги, продолжавшие кочевать в степи, помогли Владимиру Мономаху разгромить «донских» половцев, после чего переселились на Русь, под защиту князя-союзника (*Плетнева С. А. Половцы*. С. 62). Разумеется, они тоже обосновались на южной оконечности «владений» киевского князя. В 1121 г. вследствие конфликта с Владимиром Мономахом часть его печенежских подручников бежала в степь (ПСРЛ. Т. II. Стб. 286), однако прочие «черные клобуки» остались в Поросье.

Сохраняя в составе «черноклобуцкой» общности относительную самостоятельность, «свои» печенеги неизменно поддерживали политику киевских князей. В 1142 г. они вместе с киевлянами защищали «старейшего» князя Всеволода Ольговича от претендовавших на его волости черниговских правителей Игоря и Изяслава Ольговичей. В 1151 г. «черноклобуцкие» печенеги воевали на стороне киевского князя Изяслава Мстиславича против Юрия Долгорукого и его союзников. В 1162 г. они в составе войска Мономашичей, популярных в Киеве, участвовали в походе против Ольговичей (Там же. Т. II. Стб. 311, 427–428, 517). В середине XII столетия сотни «своих» печенегов приезжали в

стольный город Руси, постоянно или временно жили в нем и несли здесь службу. Об этом свидетельствует арабский писатель Абу Хамид-ал-Гарнати, посетивший в то время Южную Русь: «А в нем (Киеве. — И. М.) тысячи магрибинцев, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн(ак)» (*Путешествие Абу Хамида-ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу* (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 37). Последний раз «свои» печенеги упоминаются в летописи под 1169 г., когда они вместе с прочими «черными клобуками» приносили присягу Мстиславу Изяславичу, в очередной раз вокняжившемуся в Киеве (ПСРЛ. Т. II. Стб. 533).

Дальние родственники служилых печенегов во второй половине XI — начале XII в. продолжали кочевать в причерноморских степях. Под давлением новых волн переселенцев они смешивались с торками и берендеями или уходили на запад, к границам Византии. В конце XI в. пачинакиты неоднократно вторгались в пределы империи и опустошали ее земли. Византийские василевсы, пытаясь умиротворить кочевников, разрешили им жить в северных пограничных районах империи, однако степняки этим не довольствовались и двинулись вглубь страны. В начале 90-х годов XI в. угроза вторжения нависла над Константинополем. Тогда император Алексей Комнин обратился за военной помощью ко всему «христианскому миру», но на его призыв откликнулись только половцы. После длительных проволочек не доверявшие друг другу византийцы и половцы объединились и разгромили пачинакитов. Ночью после сражения византийцы перебили 30 тыс. пленных, в основном женщин и детей. В последующие годы ослабленные орды печенегов уже не представляли опасности ни для Византии, ни для Руси.

Двухвековое соседство с печенегами оказало существенное влияние на развитие древнерусского общества, которое, однако, нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, многолетняя военная угроза обусловила интеграцию восточнославянских племенных союзов вокруг Киева. Возросло значение «старейшего» князя — верховного военачальника всех южнорусских ополчений. Под его руководством были проведены грандиозные военные реформы: возведены мощные оборонительные сооружения — Змеевы валы, опоясавшие центральную часть Киевской земли, обновлены старинные и построены новые города и крепости. В результате проводившейся Владимиром Святým и Ярославом Мудрым миграционной политики усилился приток населения в южные пограничные районы Древней Руси, увеличилась численность войска, которое успешно осваивало новые виды оружия и применяло заимствованные от

кочевников приемы ведения боевых действий. После победы 1036 г. часть кочевников перешла на службу к киевским князьям и была использована для защиты южных рубежей Руси от нового грозного противника, обособившегося в степи, — половецких орд.

Вместе с тем походы печенегов на южнорусские земли, сопровождавшиеся разорением городов и сел, уничтожением и уводом в плен местного населения, обусловили распад родоплеменных связей, так как уцелевшие жители, сплываясь для отпора врагу, уже не пытались сохранить кровнородственное единство. В южных районах восточнославянского мира шел процесс образования соседских общин. Развитие этого процесса стимулировали градостроительная деятельность князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого, а также переселение «чужаков» в пограничные районы Руси.

Разрушение старых племенных центров, строительство новых городов, миграционные потоки иноплемеников привели в движение коренное население «Русской земли» и вызвали к жизни новые формы социальной организации. И даже «крещение Руси», проводившееся с целью сохранить единство разлагавшегося грандиозного образования с центром в Киеве, не остановило быстро развивавшийся процесс перехода восточнославянских племен в стадию образования городских территориальных общин и слияния их в земли-государства (подробнее см.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси в VIII — середине XIII вв.: Автореф. канд. дис. СПб., 1993).

Торки. На рубеже X–XI вв., когда Русь вела ожесточенную борьбу с печенегами, в причерноморских степях появились новые переселенцы — кочевые орды торков. Первичный район их обитания — Приаралье. Здесь в VIII — первой половине IX в. сложился союз тюркоязычных племен, которые в арабских источниках называются гузами (западными огузами), в византийских — узами, в древнерусских — торками. В конце IX в. гузы вместе с тюрками-кимаками вытеснили из заволжских степей печенегов и расселились на обширной территории, простиравшейся от Аральского моря и верховьев Сыр-Дарьи до границ Хазарии и Волжской Болгарии.

В 921 г. по этой территории проезжал Ибн Фадлан, который описал обычаи проживавших здесь кочевников. По словам багдадского посла, гузы управлялись родовыми старейшинами, главный из которых носил титул ябгу. Большим влиянием пользовались его заместители — козергин и начальник войска.

Во время миграций кочевники переправлялись через реки, сидя

верхом на больших кожаных мешках. В мешок укладывали вещи путников, а сами они, устроившись по 4–6 человек на этом оригинальном средстве передвижения, палками направляли его к другому берегу реки.

При заключении брака жених выплачивал за невесту калым скотом или хорезмийскими одеждами. Сын покойного кочевника мог жениться на вдове отца, если она не являлась его матерью, но прелюбодеяние жестоко преследовалось: виновных привязывали к согнутым деревьям и, отпустив их стволы, разрывали на части.

Широко распространенный у архаичных племен обычай гостеприимства у гузов приобрел своеобразные черты. Каждый путешественник в их земле обзаводился «другом», который снабжал его юртой, овцами для пропитания и всем необходимым для дальнейшей дороги. Впоследствии гость возвращал «другу» все, чем он пользовался, в противном случае его покровитель останавливал первый же проходивший через его стойбище караван и забирал у купцов ровно столько вещей, сколько отдал пропавшему чужеземцу. Посещая мусульманские страны, гузы объявлялись у своих протеже, которые несли ответственность за жизнь и здоровье кочевых покровителей. Если последние погибали, их сородичи убивали протеже или — в случае, когда он долго не приезжал в степь, — расправлялись с незнакомыми иноземными купцами, оказавшимися в их кочевьях.

Своих покойников гузы хоронили в больших могилах, куда вместе с мертвецом помещали его имущество, прежде всего лук со стрелами и деревянную чашу с опьяняющим напитком — нибидом. Сверху могилу покрывали деревянным настилом, на котором устанавливали глиняную «юрту» и деревянные фигурки людей, символизовавшие всех когда-то убитых покойным воином врагов. В зависимости от достатка умершего на похоронах забивали от 1 до 200 лошадей, мясо которых съедали, а шкуры с головами, ногами и хвостами растягивали на распорках, чтобы на этих чучелах покойник мог отправиться на тот свет (Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана. С. 125–129).

В X в. мощная лавина гузских орд обрушилась на государства, преградившие ее движение на запад. Гузы неоднократно вторгались в Хазарию и Волжскую Болгарию и участвовали в походах русских князей на эти страны. Согласно арабскому историку начала XI в. Ибн Мисхавейху, в 965 г., отправляясь в восточный поход, князь Святослав вступил в союз с торками, которые помогли ему разгромить войско кагана, а затем беспрепятственно жгли и разоряли хазарские города и селения (Плетнева С. А. Хазары. С. 72). В 985 г. «пошел Владимир на (волжских. — И. М.) болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар» (ПВЛ. С. 176).

Часть торков перешла на службу к русским князьям, последние использовали их в вотчинных хозяйствах на промысловых и домашних работах. Например, у муромского князя Глеба Владимировича был повар-огуз. Когда летом 1015 г. Святополк Киевский приказал убить своего юного брата, «повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба как безвинного ягненка». Летописец упомянул и о другом слуге кочевника, жившем в конце XI в. и занимавшемся привычным для него делом в хозяйстве киевского князя Святополка Изяславича. Это «торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков». Его имя осталось в памяти потомков в связи со злодеянием, совершенным «старейшим» князем Святополком. По приказу господина Берендий ослепил Василька Ростиславича Теребовльского (Там же. С. 198, 249).

В начале XI в. кочевое население заволжских степей, в том числе и все гузские племена, охватило движение Сельджукидов. Воинственные тюркские правители, потомки легендарного Сельджука, сплотили многочисленные родственные племена степняков в мощный союз, который в 40–80-е годы XI в. завоевал значительную часть Средней Азии, Ирана, Курдистана, Азербайджана, весь Ирак, Малую Азию, Армению, Грузию и устремился в центр Византийской империи, на Константинополь. На огромной территории признавших власть кочевников государств была создана «империя» Сельджуков, которая достигла наивысшего могущества в правление Мелик-шаха (последняя четверть XI в.). Именно тогда северная ветвь победоносного союза тюркоязычных племен, т. е. орды торков, должна была смести печенежские кочевья в Северном Причерноморье, или, по крайней мере, прорваться через них и в районе Босфорского пролива соединиться с главным, южным, потоком степных завоевателей.

Русские земли лежали в стороне от районов перемещения орд Сельджукидов. Торки приблизились к южным рубежам Переяславской земли и двигались вдоль них, но, стремившиеся быстрее достичь пределов Византии, они избегали военных столкновений с русскими. К тому же буквально по пятам их преследовали половцы, не позволявшие развернуть конницу и подготовиться к привычному для кочевников массовому сражению на открытой местности. Однако сын Ярослава Мудрого, переяславский князь Всеволод зимой 1055 г. собрал ополчение, выступил в поход и около пограничного города Воиня «победил торков» (Там же. С. 208). Возможно, к этому походу его подстрекали византийцы, пытавшиеся предотвратить объединение тюркоязычных племен и их наступление на Константинополь. Всеволод Ярославич, женатый на византийской царевне, разумеется, мог откликнуться на просьбу заморских родственников о помощи.

Через пять лет Рюриковичи предприняли грандиозный поход вглубь степей, направленный против торков. В этой операции участвовали «бесчисленные» войска четырех князей: Изяслава Ярославича Киевского, Святослава Ярославича Черниговского, Всеволода Ярославича Переяславского и Всеслава Брючиславича Полоцкого. Ратники передвигались «на конях и в ладьях, без числа много». Кочевники уклонились от участия в сражении: «прослышав об этом, торки испугались и обратились в бегство». Летописец свидетельствует, что степняки «перемерли в бегах, Божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судом Божиим». Это сообщение подтверждается византийскими источниками. «Бежавшие» от русских и преследуемые половцами, торки откочевали к границам Византийской империи. В 1064 г. они переправились через Дунай и начали опустошать византийские провинции — Фракию и Македонию. Затем кочевники осадили Константинополь и взяли с его жителей большую контрибуцию, после чего ушли в Грецию. Здесь их поразила повальная болезнь, чем воспользовались греки, которые истребили и захватили в плен огромное количество степняков. Остальным торкам разрешили поселиться в Македонии (*Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 26–29*).

Их сородичи, кочевавшие в причерноморских степях, под натиском более многочисленных половцев постепенно отступили к южной границе Руси и отдельными группами стали проникать на территорию Киевской и Переяславской земель. Здесь они переходили на службу к Рюриковичам, разбивали вежи и оставались на постоянное местожительство. В последней четверти XI–XII вв. вместе с другими «своими погаными» служилые торки защищали русские земли от половцев.

«Черные клобуки». Во второй половине XI в. на южной окраине Киевской земли сформировалось своеобразное территориально-политическое образование. В него входили проживавшие в бассейне реки Роси и вдоль левого берега Днепра славяне-переселенцы из северных и восточных районов Древней Руси, пленные поляки и их потомки, а также служившие киевским князьям кочевые и оседлые хазары, печенеги, торки и берендеи. Все это пестрое население стремилось сохранить свои обычаи и уклад жизни, а потому медленно втягивалось в процесс ассимиляции. Вместе с тем современники воспринимали порошан как единую служилую общность, обязанную защищать русские земли от вторжений неприятеля и поддерживать «старейших» князей в их борьбе за власть с соперниками. Разноплеменное тюркоязычное население Поросья и киевского левобережного Поднепровья летописцы называли «черными клобуками».

Территория проживания порошан и приднепровских «черных клобуков» была покрыта вежами кочевников и застроена укрепленными поселениями оседлых общинников. Некоторые местные города возникли рядом с большими селами восточных славян, другие возводились в безлюдных степях, отвоеванных у печенегов. Например, у подножия Княжой горы (в 7 км южнее Канева) археологи выявили и частично раскопали несколько обширных селищ. Одно из них, Каневское, датируется VII — серединой IX в. Средоточием этой сельскохозяйственной округи уже в то время был восточнославянский город Родень, возвышавшийся на Княжой горе (*Мезенцева Г. Г.* 1) Канівське поселення полян. Київ, 1965; 2) Древньоруське місто Родень; 3) Родень // *Археологія Української СРСР: В 3 т. Т. 3.* Київ, 1986. С. 319–322). Во второй половине XI в. он считался хорошо укрепленным поселением. Кроме него на южной окраине Киевской земли развивались «летописные» города Канев, Товаров, Корсунь, Богуславль, Торческ, Юрьев, Володарев, Дверен, размещавшиеся обособленно в верховьях Роси и Россавы Растовец и Неятин, а также не названные в письменных источниках, но исследованные археологами укрепленные поселения у современных сел Сахновка, Бабичи, Набутов (Очаковское городище), Николаевка, у хутора Половецкого, у поселка Бушево. Здесь же появились небольшие городки оседавших на землю кочевников — Чюрнаев, Кульдеюров, Кунилья и др. В 1177 г. половцы захватили в Поросье «6 городовъ Берендичъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 603).

Каждый южнорусский «град» стягивал вокруг себя сельскую округу, составляя в совокупности с ней территориальную общину разноэтничного населения. В мирное время местные общинники занимались земледелием, скотоводством, ремеслами, промыслами. Об этом свидетельствует вещественный материал, найденный археологами: почти в каждой хозяйственной клети, срубном доме или полуземлянке «детинца», «посада» и окрестных сел найдены орудия труда хлебопашцев, ремесленные инструменты, приспособления для охоты и рыболовства. Когда неторопливое течение мирной жизни нарушали опустошительные набеги степняков, поросские мужчины брали в руки оружие, чтобы не допустить продвижения противника вглубь Руси и освободить захваченных ими пленников (о находках оружия и орудий труда на местных поселениях «черных клобуков» см.: *Довженко В. И.* 1) Феодальный маёток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних // *Археологія.* 1953. Т. VIII. С. 19–20; 2) Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 году // *Краткие сообщения Института археологии АН УССР.* 1959. Вып. 8. С. 146–155; *Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень. С. 63–121, 123–128, 148–150; *Довженко В. И., Приходник О. М., Блажевич Н. В.*

Исследование славянских памятников в Поросье//Археологические открытия 1973 г. М., 1974. С. 271). Наиболее крупными поросскими родовыми общинами были торческая, юрьевская и каневская.

Торческ (городище у села Шарки Ракитнянского района Киевской области) представлял собой большое поселение (90 га), состоявшее из нескольких укрепленных секторов, один из которых, внешний, служил загоном для скота. На территории древнерусского Торческа обнаружены жилые и хозяйственные постройки, кузни, ювелирные мастерские, коллекция майоликовых плиток, в домонгольское время украшавших местную церковь или дома богатых горожан. Рядом с несохранившимся деревянным храмом находилось кладбище со славянскими захоронениями XI–XII вв. Город оплетала густая сеть неукрепленных поселений, в которых проживало «много людей» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 429; Т. II. Стб. 605; Рыбаков Б. А. Торческ — город Черных Клобуков // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 243–245; Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 74–75).

Первое упоминание о Торческе относится к 1093 г. Тогда его жители оказали упорное сопротивление половцам, но, не получив помощи из Киева, вынуждены были сдаться. Победители сожгли город, а «люди разделиша и ведоша в веже» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 221, 225; Т. II. Стб. 212). К середине XII в. местная община оправилась от страшного удара, Торческ поднялся из руин, его влияние на внутреннюю и внешнюю политику Южной Руси возросло. В 1161 г. эту городовую общину возглавил собственный князь — Рюрик Ростиславич. В том же году торческий княжеский стол стал объектом притязаний Мстислава Изяславича и Давыда Ростиславича — представителей двух ветвей рода Мстиславичей. Их противоборство завершилось в 1163 г. в пользу Мстислава Изяславича (Там же. Т. II. Стб. 517, 519, 521). Усиление интереса Рюриковичей к процветавшему поросскому городу объясняется тем, что в середине XII в. он возвысился над всеми окрестными поселениями и с 1155 г. упоминался в летописях как административный центр Киевского по-рубья. В 70–80-е годы XII в. Торческ оспаривали Мстиславичи и потомки Юрия Долгорукого. Пограничное княжение представлялось соперникам настолько выгодным, что в 1174 г. утвердившийся в поросской «столице» сын Юрия Долгорукого Михалко даже отказался от киевского стола (Там же. Стб. 570). Если до середины 80-х годов XII в. торческий стол удерживали Юрьевичи, то в конце того же десятилетия он перешел к Ростиславичам, которые правили в стольном городе Поросья до 1231 г. (Там же. Т. I. Стб. 429; Т. II. Стб. 662, 669–671, 673–674, 677, 685, 750, 766; Т. VII. СПб., 1856. С. 128). В 1232 г. Торческая волость со всем бассейном реки Роси была включена в состав «владений» Дании-

ла Романовича Галицкого (Там же. Т. II. СПб., 1843. С. 337). В 1227 г. в поросской «столице» вокняжился Мстислав Мстиславич Удалой. В 1231 г. Даниил Романович «из Роуской земля взя собе часть Торцькийи и паки да и детемъ Мьстиславимъ шюрятомъ своимъ рекъ имъ за отца вашего добродееанье примете ни держите Торцькийи городъ» (Там же. Стб. 750, 766).

Другим крупным поросским центром был Юрьев. Ученые локализируют его на территории современного города Белая Церковь — в урочище Замковая гора и к юго-востоку от него. Эта местность еще в IX–X вв. была освоена полянами, которые жили в большом неукрепленном поселке. Крепостные стены, опоясавшие поселение, вероятно, были возведены в период правления Ярослава Мудрого, развернувшего в Поросье фортификационное строительство с целью повышения обороноспособности этого района. Тогда же в честь князя, носившего христианское имя Юрий, или его небесного покровителя, город мог получить название, зафиксированное в летописях.

В XI–XII вв. Юрьев представлял собой древнерусский «мегаполис», состоявший из близко расположенных друг к другу городских общин. «Детинец» (около 4 га) и «посад» (до 10 га) центрального поселения окружали четыре небольших городка с селами (Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев, 1985. С. 48–49). «Мегаполис» был плотно заселенным, процветающим городским средоточием. Археологи выявили здесь множество усадеб, в том числе принадлежавших зажиточным домохозяевам, а также руины четырехстолпного трехапсидного храма, построенного во второй половине XII — начале XIII в. Церкви в Древней Руси возводились на средства местных жителей и символизировали сплоченность и экономическую состоятельность городских общин. По мнению ученых, юрьевский храм посещали не только местные жители, но и паломники из отдаленных пограничных селений, потому что в городе была учреждена епископская кафедра, которая контролировала процесс обращения в православие «своих поганых» (Иванченко Л. И., Орлов Р. С. Про локалізацію літописного Юрьева // Археологія. 1986. Вип. 53. С. 1, 4, 9–11).

С востока Поросье прикрывал Канев. Большинство исследователей полагает, что он находился на горе Московка современного города Канева Киевской области (Богусевич В. А. Канівська археологічна експедиція // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 141–152; Бондар М. М. Минуле Каніва та його околиць. Київ, 1971. С. 84–88). Впервые этот поросский городской центр упоминается в летописной статье под 1144 г., сообщающей о закладке здесь церкви Святого Георгия

(ПСРЛ. Т. I. Стб. 312; Т. II. Стб. 317). В то время каневская община уже была достаточно богатой и сплоченной, поэтому смогла собрать средства и нанять мастеров для строительства храма. Через пять лет после этого важного в ее жизни события в городе начал править первый местный князь. Им стал Глеб, сын Юрия Долгорукого (Там же. Т. II. Стб. 384). С середины XII в. за Канев, как и за Торческ, боролись представители разных княжеских родов — Мстислав Изяславич, Юрьевичи и Ольговичи (Там же. Т. I. Стб. 527; Т. II. Стб. 398, 521; *Толочко П. П.* Киевская земля // Древнерусские княжества X–XII вв. М., 1975. С. 42). Богатая местная община считалась выгодным княжением, потому что в то время находилась в эпицентре беспокойной жизни южнорусского порубежья. Сюда периодически прибывали ополчения из разных русских городов, чтобы «стеречь» родную землю от набегов половцев и охранять купеческие караваны, уходившие к Черному морю. Местные жители неоднократно становились свидетелями княжеских съездов, проводившихся в Каневе с участием половецких послов с целью урегулирования отношений с кочевниками. В городской темнице содержались взятые в сражениях пленники (ПСРЛ. Т. I. Стб. 345–346; Т. II. Стб. 480, 490, 528, 541, 673, 676; *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 53). Последний раз летописцы вспомнили о домонгольском Каневе в связи с трагическими событиями 1223 г.: в битве на реке Калке был убит князь этого города Святослав, по предположению О. М. Рапова, являвшийся сыном Ростислава Рюриковича (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 312; *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 196).

Остальные поросские городовые общины были невелики и недостаточно сплочены для того, чтобы принимать активное участие в политической жизни пограничного региона, тем более — Киевской во-
лости в целом.

«Свои поганые» на русской службе. Тюркоязычные «черные клобуки» — постоянно пополнявшаяся, внушительная часть служилого населения Киевской и Переяславской земель — сыграли немаловажную роль в истории Южной Руси.

Они неоднократно принимали участие в военных походах «старейших» князей и объединенных ополчений, выступая в составе русских ратей отдельными формированиями. Так, в 1151 г. южнорусские полки «и с Черными Клобуки... поидоша по сеи стране Днепра» навстречу войску Юрия Долгорукого и ордам его союзников — половцев. В 1152 г., собираясь в поход «на Галичскаго князя», Изяслав Мстиславич Киевский «съкупя всю свою дружину и поиде пойма съ собою Вячьславль

полкъ всь и вси Чернии Клобукуы и Кияны лутшии и всю Рускую дружину». В том же году «отряди Изяславъ сына своего Мъстислава на Половци с полкы своими и съ всеми Черными Клобукуы». В 1180 г. «черные клобуки» участвовали в походе против кочевников, которых «привель к себе» захвативший Киев Святослав Всеволодич. Вместе с ратью князя Мстислава Владимировича они организованно выступили из Треполя и дошли до Долобска, возле которого расположилась орда союзников Святослава — половцев. Здесь «свои поганые» «поустиша кони к товаромъ ихъ (половцев. — И. М.). Воеводы же Роускеи не веляхоуть имъ и не могошати ихъ оудержати». Вторгшимся на Русь степнякам удалось окружить «черных клобуков», схватить несколько человек, а остальных «вогнати» в свои укрепленные передвижные вежи. Порошане побежали «и въбегоша во Мъстиславль полкъ. Мстиславъ же мнєвъ яко побєжени соуть, и тако возмязтошася дружина Мъстиславля. И не може ихъ оудержати Мъстиславъ, и Черныхъ Клобоукъ, ни людей своихъ, и сам бежа с ними» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 424, 446, 459, 622).

В свою очередь, военные соединения «черных клобуков» подразделялись на отряды, собранные по этническому признаку. В 1095 г., выполняя приказ Владимира Мономаха, киевлянин Славята «с неколкомъ дружиною и с Торыкуы» пробрался в стан половцев, находившийся между Змеевыми валами. Здесь лазутчики сначала выкрали русского заложника, княжича Святослава Владимировича, «и потомъ оубиша (хана. — И. М.) Китана и дружину его всю избиша». В 1139 г. киевский правитель Ярополк Владимирович, готовясь к войне с черниговскими Ольговичами, собрал большое войско, к которому присоединилось «Береньдичевъ 30 тысящъ». В 1148 г. Изяслав Мстиславич Киевский вел поход против Глеба Юрьевича «дружиною Берендеи», а в 1151 г. тот же князь с союзниками «послоушавше дружины своея, и Киянъ, и Черных Клобоуковъ и тако отрядиша Володимера брата свое по веже с Торкы, и с Кооуи, и с Берендеи, и с Печенегы, а сами поидоша къ Треполю». Около Треполя Мстиславичи развернули полки и повели их к Киеву, возле которого заняли оборону. Сюда же «и Володимеръ приде съ всеми Черными Клобоукуы». Последних расставили на слабозащищенных участках оборонительной линии. «Вячьславъ же, Изяславъ и Ростиславъ повелєша Володимиру поити с Берендеи и с вежами и съ стады их поити ко Олгове (могиле. — И. М.) и стаха мъжи дьбрьми от Олговы оли и въ огородъ святого Иоана, а семо оли до Щковице, а Кооуеве и Торчи, и Печенези тоуда стаха от Золотых воротъ по темъ огородомъ до Лядскихъ воротъ, а отголе оли и до Клова, и до Берестоваго и до Оугорьскихъ воротъ, и до Днепра, и тако нарядъ створше в собе князи, и дружина, и Чернии Клобоуци, и Кияне». Тогда Мстисла-

вичам удалось удержать Киев, их противник Юрий Долгорукий после кровопролитного сражения, «оборотя полкы своя, поиде прочь».

В междоусобицах начала 60-х годов XII в. «черные клобуки» по-прежнему защищали «старейших» правителей, действуя обособленными отрядами. В 1161 г. они упорно «стояли» за князя Ростислава Мстиславича, а когда его соперники ворвались в Киев, «побегоша Берендиче къ Оугорьскому, а друзии к Золотымъ воротомъ. И начаша молвити дружина Ростиславля, княже се братья твоя к тебе не притягнули ни Берендиче, ни Торци, а сихъ сила велика, а поиди в Бельгородъ». Неудачливый князь последовал их совету, и в Киев въехал Изяслав Давыдович. Но не прошло и года, как против последнего выступил Мстислав Изяславич, которого поддерживали Рюрик Ростиславич «ис Торцьского с Володимеромъ съ Андреевичем и съ Василкомъ съ Гюртевичем, и с Берендеи, и с Куи, и с Торкы, и с Печенегы». В 1173 г. Михалко и Всеволод Юрьевичи разбили пришедших в Киевскую землю половцев «с Берендеи и с Торкы» (Там же. Т. II. Стб. 218, 301, 360, 427–431, 515–517, 562).

Ратные отряды «своих поганных» возглавляли «черноклобуцкие» воеводы, которые во время боевых действий подчинялись киевскому князю или назначенным им военачальникам. Например, в 1142 г. Всеволод Ольгович Киевский направил против неуживчивой черниговской «братьи» «Лазоря Саковьскаго с Печенегы и с вои». В 1159 г. «старейший» князь Изяслав Давыдович долго и тщетно пытался изгнать из Белгорода своего соперника Мстислава Изяславича. Исход их поединка решили сражавшиеся под руководством киевского князя берендеи. Их «началници» Тудор Сатмазович, Каракозь Мнюзович, Карась и Кокей выразили готовность перейти на сторону Мстислава Изяславича, который должен был «любити» их и дать им «по городу... по лепшему». Убедившись в том, что Мстислав Изяславич принял их условия, заговорщики подожгли вежи своих «товарищъ», хранивших верность «старейшему» князю, и с устрашающими криками повели отряды берендеев и торков к Белгороду. Изяслав Давыдович, увидев разгоравшееся пламя пожара на участке расположения «черноклобуцкой» рати, «побегоша» из Киевской земли (Там же. Т. II. Стб. 311, 501–502).

Во второй половине XI — начале XIII в. все население Южной Руси, в том числе и «черные клобуки», страдало от вторжений половцев. Так, в 1105 г. орды хана Боняка воевали около Заруба, где проживали не только русские люди, но также торки и берендеи. В 1125 г. половцы «присунушася к Баручю» и здесь решили: «Возмемъ Торкы ихъ (местных «черных клобуков». — И. М.)». Однако переяславский князь Ярополк Владимирович, вовремя получивший весть о появлении кочев-

ников, «повеле гнати люди и Торкы в Баручь и въ прочая грады». Захватить «черных клобуков» половцы не успели, а штурмом брать укрепленные поселения они не умели. На этот раз местные жители, в том числе и «свои поганые», спаслись.

Смертоносная угроза, исходившая из половецкой степи, побуждала все население Южной Руси объединять усилия в многолетней напряженной борьбе с кочевниками, при этом «черные клобуки» неоднократно проявляли инициативу в организации походов и мужество на полях сражений.

Так, в 1149 г. Юрий Долгорукий пытался при помощи половцев «добыть» киевский стол. Союзники подступили к Переяславлю Южному, возле которого в засаде их поджидали братья правившего в то время «старейшего» князя Владимир и Ярополк Мстиславичи «с Поршаны». В свою очередь, Изяслав Мстиславич Киевский собрал ополчение, призвал в него остальных «черных клобуков» и выступил в поход. Во время марш-броска он «Черныа Клобоуки и молодь свою пустиста напередъ до Переяславля, а сама поидоста полкы своими по них». Приблизившись к половцам, «свои поганые» неожиданно напали на них и обратили в бегство, остальные воины Изяслава преследовали отступавшие полки Юрия Долгорукого и вытеснили их за пределы Южной Руси.

В 1187 г. «сдоумавъ князь Святославъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ поиди на Половце», кочевавших возле Днепровского брода. К киевской рати присоединился переяславский полк, включавший в себя отряды «черных клобуков». Переяславский князь Владимир Глебович уговорил «старейших» военачальников поставить его рать в авангарде объединенного войска, чтобы «черные клобуки» первыми ринулись на противника. Однако среди «своих поганых» оказались предатели, состоявшие в родстве с половецкими воинами. «И-Щерныхъ же Клобоукъ даша вестъ сватомъ своимъ в Половци. Половци же слышавше, оже идоутъ на ня князи Роустии, бежаша за Днепръ». В 1192 и 1193 гг. тюркоязычные обитатели Поросья выступили с инициативой похода в степь, которую поддерживали некоторые князья, правившие в Киевской земле. Состоялись неглубокие рейды по половецким кочевьям, сопровождавшиеся разорением веж и захватом пленных (ПСРЛ. Т. II. Стб. 379, 652, 673–674, 676–677).

Порошане и жители прибрежного поднепровского района отличались высокой социальной мобильностью. Они приглашали и изгоняли киевских князей, причем в некоторых случаях военные отряды «своих поганых» становились главной опорой кандидатов на «старейший» стол. В 1146 г. «Чернии Клобоуци и все Поросье» «рекоша емоу

(Изяславу Мстиславичу. — *И. М.*) ты нашъ князь, а Олговичъ не хотимъ, а поеди в борзе, а мы с тобою».

В 1149 г. «старейший» князь Изяслав Мстиславич узнал, что проживавший в Киевской земле Ростислав Юрьевич «много зла быше замыслыть» (вступил в заговор с берендеями и жителями столицы с целью захватить его семью) и изгнал коромольника из своей «отчины». Вскоре Ростислав объявился в Суздале, предстал перед отцом, Юрием Долгоруким, и заявил ему: «Слышалъ есмь оже хочеть тебе вся Роуская земля и Черныи Клобоукъ и тако мольвать и нас есть обеществовать, а поиди на нь». Юрий Владимирович не усомнился в словах сына и, собрав войско, двинулся на Киев. Прозрение наступило только в Южной Руси, когда выяснилось, что «черные клобуки» сохраняют приверженность Изяславу Мстиславичу.

В 1150 г. Юрию Владимировичу наконец удалось вокняжиться в Киеве. Однако изгнанный из стольного города «Изяславъ поиде на Гольско да Кунилю, в Черныя Клобоуки. И тоу приехаша к нему вси Чернии Клобочи с радостию великою всеми своими полкы». Лишенный поддержки порошан, Юрий Долгорукий понял, что не сможет удержать «старейший» стол и уехал из Киева. Изяслав Мстиславич временно уступил киевское княжение дяде, Вячеславу Владимировичу, а сам отправился в поход против Владимира Володаревича Галицкого. Его поросские сподвижники настроились сражаться с галичанами. «Придоша к нему Чернии Клобуци, жены своя и дети своя в городах затворивше на Поросьи, а сами приехаша къ Изяславу всеми своими силами», — свидетельствует летописец. Однако Изяслав Мстиславич потерпел поражение, что привело к вторичному вокняжению в Киеве Юрия Долгорукого. Помощь союзников, в том числе «черных клобуков», позволила князю Изяславу в том же 1150 г. вернуться в стольный город Руси. В связи с этими событиями летописец пояснил: «Изяславъ же скупивъся с братомъ Володимеромъ и съ Оутры поиде къ Киеву повабившимъ (призвавшим. — *И. М.*) его мужемъ Вячеславимъ, и Берендеемъ, и Кияномъ» (Там же. Стб. 323, 372–374, 396, 400, 403, 409).

В 1154 г., оплакав отошедшего в мир иной Изяслава, «кияне же вси... и вся Рускаа земля, и вси Чернии Клобуци обрадовашеся оже Ростиславъ пришель в Киевъ». В 1159 г., заручившись поддержкой знатных берендеев, в «старейшем» городе Руси вокняжился Мстислав Изяславич, однако на следующий год его изгнал оттуда Ростислав Мстиславич. После смерти последнего в 1169 г. «начаша слати по Мьстислава братья Володимиръ Мьстиславичъ, Рюрик, Давыдъ, Кияне от себе послаша, Черныи Клобуки от себе послаша... и поиде Мьстиславъ Киеву на столъ». Около города Микулина «придоша ему Берендичи вси, и

Торци, и Печенези, и вьсь Черныи Клобукъ, и водивъ е роте». В 1171 г. на несколько месяцев Киев захватил Глеб Юрьевич, но в 1172 г. при поддержке берендеев и торков Мстислав Изяславич снова стал «старейшим» князем. В 50–60-е годы XII в. Мстиславичи-Изяславичи были признанными лидерами киевлян, поэтому «черные клобуки» неизменно приходили им на помощь. Со своей стороны Мономашичи ценили поддержку порошан. Заручившись ею, претенденты на «старейшее» княжение не сомневались в победе. «Аже оуже в Черныи Клобукуы вьдемъ и с ними ся скупимъ, то надеемся на Бога, то не боимъся Гюрга ни Володимира», — говорил Изяслав Мстиславич.

В последней четверти XII в. политическая ситуация в Южной Руси изменилась, поэтому в 1177 г. киевляне и «черные клобуки» пригласили на «старейший» стол Святослава Всеволодича (Там же. Стб. 414, 470, 501, 532–533, 545–546, 548, 604). После включения Поросья в состав Галицкой земли «свои поганые» поддерживали князя-отчича Даниила Романовича в борьбе против венгерского королевича Андрея и его сподвижников — жителей Болоховских городов. В 1236 г. киевский правитель Владимир Рюрикович направил их в помощь Даниилу Романовичу, «и побежени быша невернии Галичане и вси князи Болоховьсции изоимани быша и приведоша е Володимеръ ко князю Данилови» (Там же. Стб. 775).

Неизменно поддерживавшие киевских князей торки и берендеи вместе с тем сохраняли приверженность определенным ветвям рода Рюриковичей. Торки всегда принимали сторону волинских Мстиславичей (потомков старшего сына Владимира Мономаха Мстислава Великого) и опасались черниговских Ольговичей, впоследствии — суздальских Юрьевичей, сотрудничавших с половцами. Берендеи были более лояльны к Юрьевичам. При частой смене киевских правителей они служили не конкретным политическим деятелям, а «старейшему» князю Русской земли, из какой бы ветви Рюриковичей он ни происходил. В 40-е — первой половине 50-х годов XII в. берендеи поддерживали Изяслава Мстиславича и выступали против его соперников — Игоря и Святослава Ольговичей, Юрия Долгорукого, его сына Глеба и союзника последних Владимира Володаревича Галицкого (Там же. Стб. 323, 326, 330, 360, 372–373, 442, 445). Когда в Киеве вокняжился Юрий Долгорукий, они, оставаясь покорными «старейшему» властителю, под его руководством в 1157 г. ходили ратью на Владимир Южный. Десятидневная осада города сопровождалась большими жертвами («многы крови проливахутся межи ими, друзии же оуязвляеми оумираху»), однако взять Владимир киевские войска не смогли (Там же. Стб. 486–487). В 1167 г.

опальный князь Владимир Мстиславич задумал организовать большой поход на Киев с участием «черных клобуков», но не смог поднять на борьбу малые пограничные города. Его союзники берендеи, считавшие себя обманутыми, «начаша в нь пущати стрелы и оудариша князя двема стрелама». Князь побежал, «и ту избиша децкыи (младших дружинников. — И. М.) около его» (Там же. Стб. 536–537).

«Свои поганые» не только приглашали на «старейшее» княжение и изгоняли из Киева Рюриковичей, но и участвовали в их похоронах. Например, в 1154 г. «разболеся великий князь Киевский... Изяславъ Мьстиславичъ вѣнукъ Володимеръ и плакася по нем вся Руская земля и вси Чернии Клобуци». Больной скончался в ночь «на Филиповъ день и тако спрятавшє тело его вѣ церкви святого Федора в отни ему манастири». Разумеется, порошане, находившиеся при умиравшем князе, принимали участие в траурной процессии прощания с покойным, выноса и захоронения его тела (Там же. Стб. 469).

В военное время «черные клобуки» вместе с киевлянами помогали «старейшим» князьям определять направление походов, присутствовали при обсуждении вопросов, относившихся к ведению боевых действий, высказывали полководцам пожелания и замечания. Так, в 1147 г. в разгар борьбы с Юрием Долгоруким Изяслав Мстиславич Киевский «нача доумати с братомъ своимъ Ростиславомъ съ дружиною и съ Черными Клобоуки, коуда бы имъ поити». Военный совет принял решение переправиться через Сулу, а затем двигаться к Чернигову. В Черниговской земле князь снова созвал совет и опять «начаста доумати с моужи своими и с дружиною и с Черными Клобоуки, коуда бы имъ переки поити к ним, и рекоша имъ Чернии Клобоучи, дружина его тоуда ны переки ко Всеволожу, то рекше поидоша» в означенном направлении. Подступив к Всеволожу, киевские войска взяли «градъ на щить».

Иной наказ дали порошане в 1150 г. Тогда Изяслав Мстиславич с полками всей Киевской земли выступил против Владимира Володаревича Галицкого. Противники сошлись на берегах Стугны. Здесь «черные клобуки» решили, что у «старейшего» князя не хватит сил, чтобы разбить галицкое войско. «И начаша Чернии Клобуци молвити Изяславу княже сила его (князя Владимира. — И. М.) велика, а оу тебе мало дружины. Даже не переидеть на ны черес реку, не погуби нас, ни самъ не погыни, но ты нашъ князь, коли синь будеши, а мы с тобою, а нын не твое веремья, поеди прочь». Изяслав Мстиславич пытался возражать «своим поганым», но их поддерживали киевляне. Киевские ратники «ему рекучє, поеди княже прочь, и то рекше Кияне побегоша от него прочь, и оттоле Чернии Клобуци побегоша къ своимъ вежамъ». Князь вынуж-

ден был уехать с боевых позиций, отказаться от «старейшего» стола и искать убежище во Владимирской земле.

Через год Изяслав Мстиславич вновь был провозглашен «старейшим» князем. В ответ его противники переправились через Днепр и подошли к Киеву. Киевский князь собрал «братью свою и почаша доумати. Изяславъ же с братомъ своимъ Ростиславомъ всегда хотяшеть противу имъ (Юрьевичам. — И. М.) бится, дружина же Вячеславля, и Изяславля, и Ростиславля и всих князии оустягывахоуть от того и Кияне, наипаче же Чернии Клобоуци от того оустягоша». Последние испугались, что Юрьевичи захватят Поросье, разорят их землю, уничтожат или возьмут в плен семьи. Поэтому они настаивали на том, чтобы Изяслав Мстиславич отменил решение о контрнаступлении и укрылся в Киеве. «Ать поедемъ къ своимъ вежамъ заимоуче же хотимъ веже свое и жены свое, и дети свое, и стада своя, и што своего всего поедемъ же къ Киевоу», — обещали они. Князь размышлял, и «черные клобуки», чтобы развеять его сомнения, заявили: «Хотемъ же за отца вашего за Вячеслава и зятя, и за брата твоего Ростислава и за всю братью и головы свое сложити, да любю честь вашу налеземъ, паки ли хотимъ с вами тоу измерети, а Гюргя не хотимъ». Эта речь возымела действие. «Вячеславъ же, Изяславъ и Ростиславъ послушавше дружины своея, и Киянъ, и Черных Клобоуковъ и тако отрядиша Володимера брата свое по веже с Торкы, и с Кооуи, и с Берендеи, и с Печенегы, а сами поидоша» в Киев (Там же. Стб. 357–358, 401, 426–427).

Знатные «черноклобуцкие» мужи, видные военачальники порошан, входили в великокняжеское окружение. Рюриковичи прислушивались к их советам, использовали влияние этих людей в своих целях, окружали их почетом и задабривали доходными пожалованиями. Торческий «князь» Кондувдый в марте 1185 г. исполнял ответственное поручение Святослава Всеволодича Киевского и его соправителя Рюрика Ростиславича Белгородского: с отрядом в 6 тыс. человек «черноклобуцкий» воевода преследовал бежавших из Русской земли половцев хана Кончака. Однако через несколько лет, осенью 1190 г., Кондувдый чем-то прогневал «старейшего» князя, и Святослав Всеволодич приказал его схватить. За знатного поросского узника вступился Рюрик Ростиславич. Он потребовал отпустить арестанта на свободу, потому что он был «моужь дерзъ и надобень в Роуси». Святослав уступил просьбе соправителя, привел Кондувдыя к присяге и отпустил на свободу. Однако гордый воевода, «не стерпя сорама своего», решил мстить Святославу. Он бежал к половцам и привел их в Поросье. Кочевники разорили «городъ Чюрнаевъ» и «почаша часто воевати по Рси с Кунтоувдеемъ». Урезонить возмущенного воеводу удалось только зимой 1192 г. Рюрик

Ростиславич направил к нему послов с предложением вернуться на Русь. В сопровождении степняков мятежник приехал в Белгород. Здесь Рюрик привел кочевников к присяге и хорошо одарил, а «черноклобуцко-го» «князя» «остави оу себе и да емоу горь (город. — И. М.) на Рси Дверень» (Там же. Стб. 636, 668–669, 674).

Поскольку порошане играли заметную роль в социально-политической жизни Киевской земли и Южной Руси, «старейшие» князья высоко ценили их поддержку и всеми возможными способами старались заручиться ею. Принимая власть в «стольном» городе Руси, они заключали «ряд» — договор, не только с киевлянами, но и с «черными клобуками». В 1146 г. порошане, белгородцы и василевцы провозгласили Изяслава Мстиславича киевским князем. Он «сбравъся на поли и хрестьяныя и поганыя» и поклялся им «налезть столъ деда своего и отца своего» или сложить в этой борьбе голову. В 1151 г. «старейший» князь Вячеслав Владимирович, предлагая Изяславу Мстиславичу править совместно, говорил: «Я есмь оуже старъ, а всих рядовъ не могу оуже рядити, но будеве оба Киеве, аче на будет которыи ряд или хрестьяных или поганыхъ, а идевѣ оба по месту». В 1194 г. в Киеве вокняжился Рюрик Ростиславич. Он «вшедъ во святую Софью и поклонися святому Спасоу и святеи Богородице и седе на столе деда своего и отца своего славою и съ честью великою. И обрадовася вся Роуская земля о княженьи Рюрикове Кыяне и крестьяни и погании зане всихъ приимаше с любовью и крестьяныя и поганыя и не отгоняше никогоже» (Там же. Стб. 323, 419, 681).

«Старейшие» князья всегда оказывали военную помощь и порошанам, и приднепровским левобережным «черным клобукам», и переяславским торкам. Из Киева «свои поганые» получали разнообразное оружие, снаряжение для ратников, упряжь для боевых коней. В «черноклобуцких» курганах Поросья археологи обнаружили шлемы, кольчуги, стрелы, детали узд, а также сабли, кистени, булавы, изготовленные русскими ремесленниками и широко применявшиеся славянскими воинами Киевской, Черниговской и Переяславской земель (*Кирпичников А. Н.* 1) Древнерусское оружие (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–36). Вып. 1. М.; Л., 1966. С. 66; 2) Вооружение Руси в IX–XIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 52; *Молодчикова И. А.* К вопросу о торговых связях Киевской Руси с кочевниками // Новейшие открытия советских археологов. Ч. III. Киев, 1975. С. 95).

Киевляне немедленно отзывались на просьбы «своих поганых» о помощи. Так, в 1093 г. половцы осадили Торческ. Местные жители упорно сопротивлялись, тогда кочевники перекрыли источники поступления в город воды. Изнемогавшие от голода и жажды горожане сооб-

щили о беде киевскому князю Святополку Изяславичу и попросили прислать продовольствие. «Святополкъ же пославъ», — свидетельствует летописец. Однако его гонцы не смогли пробиться через «множество ратныхъ», стоявших возле Торческа. Через несколько дней степняки разбили киевское войско, и судьба поросского городка была предрешена. Торческ пал, но не потому что «старейший» князь остался безучастным к судьбе местных жителей, а потому что в тот момент половцы оказались многочисленнее и сильнее русских.

«Черные клобуки», как и их славянские «соотечественники», принимали участие в организованных русскими князьями престижных пирах. Их так же, как и русских людей, одаривали в знак оказания чести. Эти пиры и дарения в домонгольском обществе символизировали единство правителя и народа, способствовали укреплению престижа князя в обществе (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 141–144). Здесь показательны события 1195 г., когда Рюрик Ростиславич Киевский пригласил в гости своего брата, смоленского князя Давыда. Во время родственной встречи он намеревался обсудить важные политические вопросы: «что боудеть на Роускои земли доумы и о братьи своеи о Володимере племени». Когда Давыд Ростиславич приехал, киевский князь дал пышный обед и вручил гостю «дары многи». Аналогично поступил и сын Рюрика Ростислав Белгородский. В ответ Давыд Ростиславич устроил несколько богатых пиров с щедрыми раздачами. Сначала он организовал обед с подарками для Рюрика и его детей, своих племянников. Затем «позва монастыря вся на обедъ и быс с ними весель и милостыню силену раздава имъ и нищимъ и отпусти я». Затем Давыд Ростиславич пригласил к столу «Чернии Клобуци вси и тоу попишася оу него вси Чернии Клоци и одаривъ их дарми многими и отпусти их». Наконец, «кияне» и смоленский князь устроили друг для друга роскошные пиршества, сопровождавшиеся взаимными одариваниями. Между застольями Давыд Ростиславич «с братомъ своимъ Рюрикомъ ряды вся оуконча о Роускои земле и о братьи своеи о Володимере племени и иде Давыдъ во свои Смоленскъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 681–682).

С конца XI в. служилые кочевники, расселившиеся в пограничных районах Киевской и Переяславской земель, вместе с проживавшими здесь славянами обороняли Русскую землю от половцев. Воинственные «черные клобуки» были заинтересованы в сохранении «тишины» и порядка в Южной Руси, а потому активно поддерживали тех князей, которых киевляне признавали своими лидерами, и боролись против их недругов. В свою очередь, «старейшие» князья стремились добиться поддержки тюркоязычных «подданных», высоко ценили ее и старались

сохранить в течение всего правления. «Черноклобуцкие» полки представляли внушительную военную силу, с которой считались и русские ратники, и внезапно налетавшие из степей половцы.

Кипчаки-половцы. В VII в. к северу от Алтая кочевали племена кимаков. Постепенно они соединились в союз семи племен, возглавлявшийся ханом-шадом. В VIII–X вв. кочевники расселились на обширной территории — от берегов Иртыша до Каспия, от таежных лесов на севере до бескрайних степей и пустынь на юге. Разделенные большими расстояниями, жившие в разных природных и географических условиях, кимакские племена отличались темпами развития. Кимаки, обосновавшиеся в бассейне Иртыша, вели полуоседлый образ жизни. Они занимались земледелием и ремеслом, возводили укрепленные поселения, в которых раскидывали войлочные юрты и ставили полуземлянки с глинобитными стенами. В построенных ими «городах» жила знать, действовали храмы, шумели базары. Район расселения наиболее развитых племен союза стал центром Кимакского каганата.

В западных областях каганата, находившихся в юго-восточной части Южного Урала, с VIII в. кочевали дальние сородичи иртышских поселенцев — кипчаки. Их стиль жизни определялся развитым и хорошо организованным кочевым скотоводством. Кипчаки разделили освоенное ими пространство степей на большие участки с четко обозначенными маршрутами передвижения коней, верблюдов, крупного и мелкого рогатого скота, устроили постоянные стоянки на местах сезонных пастбищ — летовки и зимники.

Рядом с летними и зимними стойбищами находились крупные могильники. Каждого покойника кочевники хоронили с его конем и в полном вооружении. В могилу также ставили сосуды с ритуальной пищей, иногда опускали личные вещи умершего, прежде всего его украшения. На кладбищах, а также вдоль степных дорог в память о знатных и богатых соплеменниках создавали святилища предков с каменными идолами, изображавшими усопших родичей. Эти статуи представляли собой высокие неровные стелы со слабовыраженной детализацией человеческих фигур. Лица «предков» обозначали глубоко прорезанными линиями таким образом, чтобы изображение приобрело форму «сердечка». На статуях женщин выбивали округлые «груды». Каждое святилище обносили квадратными оградками из битого камня и щебня.

Шаманы степных язычников гадали по звездам и обожженным бараньим лопаткам, волховали над священными камнями, которые, по поверьям кочевников, обладали способностью вызывать дожди.

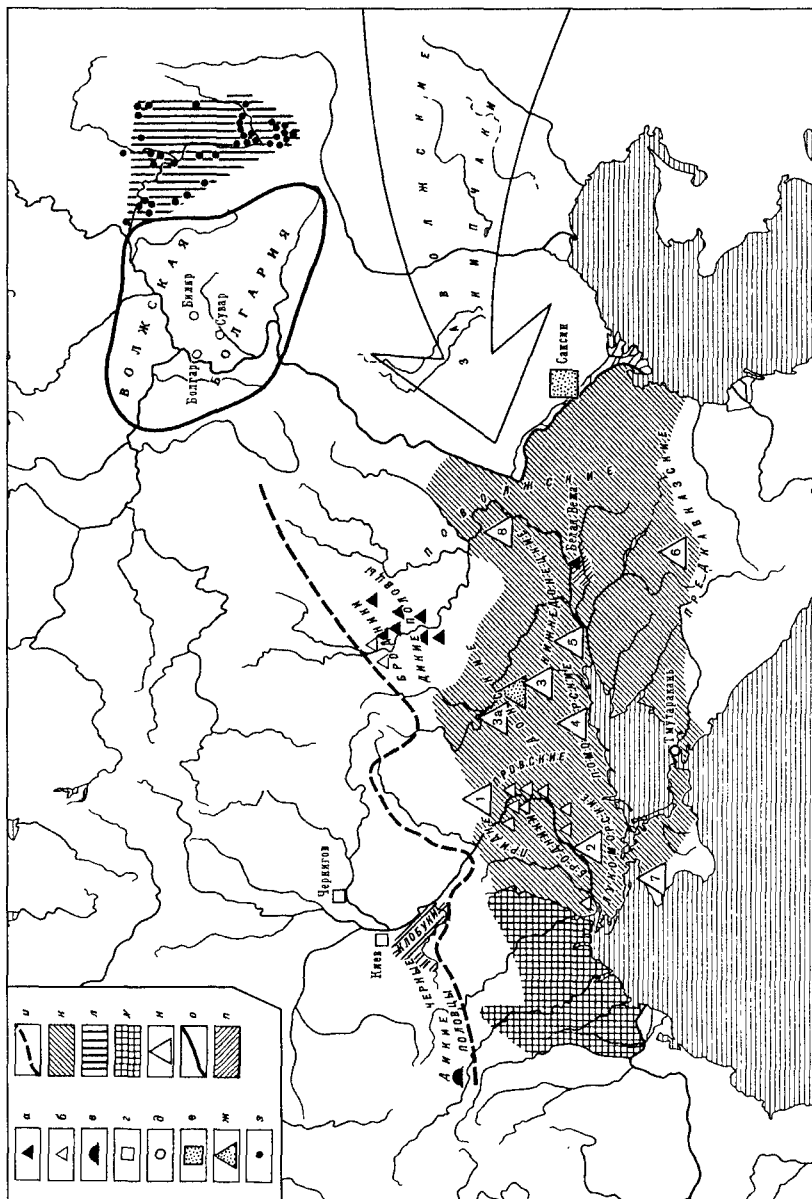
Кипчакские племена возглавлял малик — хан, подчинявшийся кагану кимакского союза. Но на рубеже X–XI вв. кипчаки разорвали узы зависимости от иртышских племен и начали передвижение на запад (Плетнева С. А. Половцы. С. 25–34).

Переселение уральских номадов было вызвано несколькими причинами. С одной стороны, на рубеже X–XI вв. кипчаки переживали демографический взрыв, а также успешно и быстро развивалась их экономика: увеличивалось поголовье коней и скота, для содержания которых требовались дополнительные пастбища. С другой стороны, тогда же азиатские степи охватила многолетняя засуха. Обжитой район Южного Урала оказался непригодным для выпаса многочисленных табунов лошадей и отар скота, привычный режим кочевков был нарушен, стойбища запустели. Оба процесса привели к усилению центробежных стремлений кочевого населения, проживавшего на окраине Кимакского каганата, и в конечном счете — к выделению кипчаков в самостоятельное социальное образование и их миграции на запад, к Дону и Азовскому морю. При этом воины кипчакских племен по-одиночке и целыми родами включались в гузское Сельджукское движение, что ускорило перемещение кочевых орд на новые земли.

В 20–30-е годы XI в. переселенцы захватили наиболее плодородные и пригодные для организации пастбищ донецкие, нижнедонские и приазовские степи, завоевали и подчинили живших в верховьях Северского Донца земледельцев-аланов. Овладев причерноморскими степями, в середине XI в. кипчаки приблизились к границам Руси.

Русские называли воинственных соседей половцами. Этот термин представляет собой «кальку» древнего самоназвания наиболее сильного племенного образования кочевников — «шары — кипчаки», т. е. «желтые кипчаки», которое сплотило вокруг себя другие орды мигрантов. В польских, чешских, германских источниках новые обитатели причерноморских степей именуются плавцами или флавлен. Так в Центральной Европе произносили слово «половцы». В Византии, Болгарии и Венгрии опасных номадов обозначали термином «куны» или «куманы». По мнению С. А. Плетневой, в XI–XII вв. в Северном Причерноморье проживали два близкородственных этноса: один кочевал к востоку от Днепра, а другой освоил территорию к западу от этой реки, именно его в Болгарии, Венгрии и Византии называли кунями или куманами.

Половцы впервые перешли границы Русской земли в 1055 г. Их привел хан Болуш. Переяславский князь Всеволод Ярославич заключил с ними мир, «и возвратились половцы назад, откуда пришли» (ПВЛ. С. 208). Возможно, через пять лет они же обрушились на Черниговс-

Половцы и их соседи (по С. А. Плетневой)

кую землю. На этот раз Святослав Ярославич Черниговский разбил кочевые орды, несмотря на то, что под его началом находилось 3 тыс. воинов, «а половцев было 12 тысяч». Тогда множество степняков было убито на поле брани и потоплено в реке Снови, а их хан попал в плен. Летопись относит это событие к 1068 г., однако, по мнению С. А. Плетневой, оно произошло в 1060 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 161; ПВЛ. С. 212; *Плетнева С. А. Половцы*. С. 41). В 1061 г. под предводительством хана Искала (Сокала) половцы пришли на Переяславскую землю. «Всеволод же вышел против них месяца февраля в 2-й день. И в битве победили Всеволода и, повоевав землю, ушли» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 152; ПВЛ. С. 208). Еще более значительное поражение русским войскам кочевники нанесли в 1068 г. Тогда вновь нападению подверглась Переяславская земля, и на ее защиту выступило объединенное войско, состоявшее из киевской, черниговской и переяславской ратей. Сражение произошло на берегах реки Альты. Противники «пошли друг на друга» в ночной темноте, «и побежали русские князья, и победили половцы». Преследуя разбитые полки, степняки «рассеялись по всей (русской. — *И. М.*) земле» (ПВЛ. С. 210–211). В 1071 г. «воеваша половцы оу Растовца и оу Неятина» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 164). Эти города находились в западной части Поросья, значит, вторжение было совершено на территорию Киевской земли (*Нерознак В. П. Названия древнерусских городов*. М., 1983. С. 126, 149; *Плетнева С. А. Половцы*. С. 42).

В конце 70-х годов XI в. начался новый этап русско-половецких отношений. Русские князья для сведения счетов друг с другом стали обращаться за помощью к кочевникам и приводить их орды на земли соперников. Первым это сделал Олег Святославич.

В 1076 г. после смерти его отца, Святослава Ярославича, младший брат покойного Всеволод Переяславский как старший из оставшихся в живых потомков Ярослава Мудрого вокняжился в богатом и престижном Чернигове. Сын-наследник Святослава Олег оказался князем-изгоем. Через год он бежал в Тмутаракань (ПВЛ. С. 223). Его путь проходил через кочевья «донских» половцев. Видимо, именно с ними в августе 1078 г. князь-беглец вернулся на Русскую землю. Полки Всеволода Ярославича были разбиты, «и мнози оубьени быша ту». Эта победа на некоторое время доставила Олегу Святославичу отеческий стол, но уже в октябре 1078 г. он потерпел поражение от киевского и переяславского князей и вновь бежал в Тмутаракань (ПСРЛ. Т. II. Стб. 191, 193). Через год «пришел (младший брат князя-изгоя. — *И. М.*) Роман с половцами к (переяславскому городу — *И. М.*) Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день... А

Олега хазары, захватив, отправили за море в Царьград». Могущественный дядя-соперник, в то время уже киевский князь, Всеволод Ярославич был родственными узами связан с византийской правящей династией (первым браком он был женат на дочери императора Константина Мономаха), поэтому его беспокойный племянник, возможно, был арестован вследствие интриг, замышлявших в стольном городе Руси. Из Константинополя высокородного невольника отправили на остров Родос, откуда он вместе с женой-гречанкой Феофано Музалониссой только в 1083 г. вернулся в Тмутаракань (ПВЛ. С. 225, 504). В течение десяти лет изгнания Олега Святославича на степных границах Руси царили тишина и покой.

Русско-половецкие войны 1093–1096 гг. В начале 90-х годов мир с половцами был нарушен, началась длительная полоса широкомасштабных войн и локальных конфликтов.

В это время в степи происходили важные события: западные орды кочевников объединились под предводительством хана Боняка, а восточные племена номадов сплотились вокруг хана Тугоркана. Оба половецких лидера были ближайшими соратниками, вместе приобретали боевой опыт в борьбе с печенегами и византийцами и маниакально ненавидели русских. Первый поход на Русь они совершили в 1092 г., когда установилась невыносимая жара и началась засуха: «изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота». В то же время Русскую землю охватила первая в ее истории эпидемия. Напуганные люди обращались за разъяснениями происходившего к князьям, прорицателям и священнослужителям, но никто не мог дать им вразумительного ответа. Киевский князь тяжело болел, поручив дела младшим дружинникам и хозяйственным управителям. «И люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих». Прорицатели предвещали недоброе, «и много знамений было по местам». А монахи повторяли: «Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды». В обстановке всеобщей растерянности «рать великая была от половцев и отовсюду». Кочевники, как смерч, налетели на пограничный район Переяславской земли — Посулье. Сторожевые заставы не смогли их остановить, ополчения вовремя не собрались, и степняки «взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел повоевали».

На следующий год, в апреле, умер Всеволод Ярославич Киевский, в стольном городе Руси вокняжился его племянник Святополк Изяславич. Узнав о кончине князя, долгие годы сдерживавшего натиск кочевников, половцы направили к его преемнику послов, чтобы «договорить-

ся о мире». Но то ли степняки выдвинули неприемлемые условия мира, то ли Святополк Изяславич поступил самонадеянно, так или иначе, но переговоры были сорваны, послов схватили и бросили в темницу. В ответ половцы начали длительную и кровопролитную войну.

Прежде всего они осадили поросский город Торческ. Святополк отпустил на волю послов и выразил желание возобновить переговоры, но степняки продолжали наступление в Поросье. Киевский князь стал собирать ополчение. По совету дружинников он обратился за помощью в Чернигов, где тогда княжил Владимир Всеволодич Мономах, и в Переяславль, где правил младший брат последнего Ростислав. Всеволодичи приехали в Киев, однако долго и трудно договаривались с двоюродным братом о дальнейших действиях. Князья-союзники «затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю». Наконец в эти затянувшиеся переговоры вмешались «мужи разумные», которые увещевали Рюриковичей: «Зачем у вас распри между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу поганым — либо с миром, либо с войною». Так и не выработав единого плана дальнейших действий («Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны»), военачальники выступили в поход. На берегу Стугны состоялся военный совет, и опять проявились серьезные разногласия: Владимир Мономах с некоторыми «разумными мужами» настаивал на необходимости прекратить войну, «киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали: “Хотим биться, перейдем на ту сторону реки”». Требование киевлян решило спор: войска переправились через реку, вышли за линию Змеевых валов и 26 мая, «исполчившись», приготовились сражаться в открытом поле.

Первыми в битву ринулись кочевники, их натиск был мощным и решительным. Они «налегли прежде всего на Святополка, и прорвали строй полка его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. Потом налегли на Владимира, и был бой лютый; побежали и Владимир с Ростиславом, и воины его. И прибежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом . . . И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с небольшой дружиной, — ибо много пало людей из полка его, и бояре его тут пали . . . Половцы же, видя, что победили, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу».

Святополк Изяславич, отступив в Киев, предпринял попытку спасти осажденный поросский город. Сначала по просьбе изнемогавших от голода и жажды людей он послал им воду и продовольствие, но его гонцы не смогли пробиться сквозь плотное кольцо неприятельских

войск. Затем князь Святополк решил отвлечь орды кочевников от города и повел русское ополчение в Переяславскую землю. Но 23 июля около переяславского города Желни его полки снова были разбиты, воины обратились в бегство, «и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя», т. е. после трагедии на Стутне.

Желнинское поражение предредило судьбу Торческа, община которого почти три месяца сопротивлялась степнякам. Современник этих драматичных событий игумен Киево-Печерского монастыря Иоанн с болью в сердце поведал потомкам о страшной участи мужественных защитников поросского города. Он свидетельствует: «Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода, и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бродя и босые, с ногами, исколотыми тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: “Я был из этого города”, а другой: “А я — из того села”; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Всевышнему, ведающему сокровенное».

Военные ресурсы Киевской земли были исчерпаны, и в начале 1094 г. князю Святополку пришлось заключить с половцами мир. В залог сохранения мирного договора он женился на дочери хана Тугоркана (ПВЛ. С. 229–233). Можно представить, с каким любопытством рассматривали киевляне знатную черноокую смуглянку, поселившуюся в княжеском тереме. Молодая половчанка, вероятно, одевалась так же, как и все ее богатые соотечественницы. Она предстала перед русскими людьми в роскошном восточном наряде и причудливом головном уборе, представлявшем собой высокие войлочные «рога» с нашитыми на них выпуклыми серебряными полукольцами. Иногда половецкие женщины вешали такие «рога» на шею. Грудь и бедра они обильно украшали множеством подвесок — амулетов, к поясу, стягивавшему талию, привешивали кожаную или матерчатую сумочку, в которой хранилось бронзовое, до блеска отшлифованное зеркало, на оборотной стороне диска украшенное сложными узорами — изображениями растений, животных, сказочных драконов. Такие зеркала — излюбленная забава степных щеголих — на Руси не употреблялись и, должно быть, вызывали немалый интерес в женских покоях княжеского дворца (см.: *Плетнева С. А. Половцы. С. 124*).

Мир с Тугорканом не остановил кровопролития. В том же 1094 г. Олег Святославич привел союзников-половцев, вероятно, «донскую» группировку кочевников, на Черниговскую землю. Княживший в Чернигове Владимир Мономах после недолгого сопротивления уступил город двоюродному брату и уехал в родной Переяславль. Об этих событиях князь с горечью вспоминал в «Поучении детям»: «И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними 8 дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал “Пусть не похваляются язычники”. И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на Святого Бориса день (24 июля. — *И. М.*) из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и Святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля» (ПВЛ. С. 241). Половцы взяли реванш, воюя в Черниговской земле. Тогда «много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям». Олег Святославич не препятствовал завоевателям, а когда киевский и переяславский князья начали новую войну с кочевниками, уклонился от участия в боевых действиях.

Между тем Владимир Мономах водил переяславских воев в Посулье, где они разбили степняков за городом Римовом. В 1095 г. два половецких родоначальника Итларь и Китян, воспользовавшись тем, что их властители Боняк и Тугоркан отправились интриговать и воевать в Византию, подступили к Переяславлю и направили послов «к Владимиру мириться». Сначала переяславский князь склонялся к тому, чтобы принять предложение кочевников и даже отправил к ним «сына своего Святослава в заложники», а Итларь вошел в город «с лучшей дружиной». Но в это время прибывший из Киева Славята и княжеские дружинники уговорили Владимира Всеволодича «погубить Итлареву чадь». Ночью заговорщики, «выкрав сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили», а утром заманили Итларя и его приближенных в баню, «прокопали крышу» и через образовавшееся отверстие расстреляли их. Это произошло 24 февраля 1095 г.

Затем Святополк Киевский и Владимир Мономах «послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же обещав и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою». Это был первый поход вглубь половецкой степи. Растерянные кочевники, оставшись без предводителей, не сумели организовать отпор внезапно появившимся русским полкам и потерпели

поражение. Победители не простили Олегу Святославичу его сотрудничества со степняками. Они вывели, что он предоставил убежище знатному половчанину — Итларевичу и потребовали: «Либо убей, либо дай его нам». Князь Олег не выдал союзника.

Новый импульс разгоравшейся вражде русских князей дал летний поход кочевников к поросскому городу Юрьеву. Местные жители бежали в Киев, а вслед за ними устремилось население более мелких поросских центров. Киевский князь приказал выстроить для беженцев городок Святополч на Витичевском холме, «а покинутый людьми Юрьев сожгли половцы». Святополк Изяславич и Владимир Всеволодич вызвали Олега Святославича в столицу Руси, чтобы здесь в присутствии всех горожан заключить договор о совместной борьбе со степняками, но черниговский правитель это требование проигнорировал. Весной 1096 г. союзники собрали ополчение и двинулись к Чернигову. Князь Олег бежал из города, а затем и за пределы Черниговской земли.

Почти два года длилась напряженная борьба князя-изгоя с Владимиром Мономахом и его сыновьями, соперники ожесточенно делили земли, уже забыв о половецкой угрозе. Более того, теперь уже Мономашичи использовали служилых половцев в битвах с Олегом. Так, перед сражением на реке Клязьме в Суздальской земле старший сын Владимира Мономаха Мстислав вручил отцовский стяг «половчину, именем Кунуй, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, и увидел Олег стяг Владимиров, и испугался, и ужас напал на него и на воинов его. И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава... И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров и стал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и одолел Мстислав» (Там же. С. 233–234, 247).

Пока князья выясняли отношения, русские люди погибали «под саблями половецкими». В 1095 г. из Византии вернулись орды Боняка и Тугоркана. Они отправились в далекий поход в надежде легким путем получить богатую добычу: в империи объявился самозванец, называвший себя Константином, давно убитым сыном василевса Романа-Диогена. Половцы откликнулись на призыв «царевича Девгеневи́ча» помочь ему вернуть «отеческий» престол и «воевали по Греческой земле». Но по приказу правившего императора «Девгеневи́ч» был схвачен и ослеплен, а его союзники разбиты. Погибло более половины половцев, принявших участие в этом авантюрном походе, а их добыча была отвоевана византийцами (Там же. С. 233; *Плетнева С. А.* Половцы. С. 49–50). По возвращении в причерноморские степи разочарованные и озлобленные ханы узнали об избиении Итларевой чади и приняли решение жестоко отомстить русским.

В мае 1096 г., когда Святополк Изяславич и Владимир Всеволодич Мономах воевали с двоюродным братом Олегом в Черниговской земле, орда Боняка прорвалась к Киеву, опустошила окрестности столицы, сожгла загородную княжескую резиденцию Берестов двор. «В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег». 30 мая к Переяславлю подошла многочисленная орда Тугоркана. Местные жители затворили ворота, началась осада города. Приблизительно через месяц Святополк Изяславич Киевский и Владимир Мономах, заключив перемирие с Олегом Святославичем, вернулись в многострадальную Переяславскую землю, которую в их отсутствие разоряли, жгли и грабили кочевники. Ненависть русских воинов к степнякам была столь велика, что, не дождавшись построения полков в боевой порядок, они «поскакали на конях на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов... месяца июля в 19-й день побеждены были иноплемenniки, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали».

Утром 20 июля Святополк Изяславич распорядился разыскать на поле боя, покрытом трупами ратников, тело тестя. Мертвеца Тугоркана, еще недавно внушавшего ужас тысячам людей, нашли, привезли в Киев и похоронили недалеко от разоренного Берестового двора. В тот же день, 20 июля, «снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый». «Тайно, как хищник, внезапно» он привел степняков в предместье столицы. Кочевники запалили «предградье», «выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов», затем повернули в сторону Киево-Печерской обители. Они «вырубили врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери и выносили, если что находили в келье; затем выжгли дом святой владычицы нашей Богородицы». Половцы безжалостно убивали встречаемых монахов, а над иконами и другими православными святынями насмехались. Тогда же была сожжена и ограблена Выдубицкая обитель. В киевских монастырях было взято в плен множество иноков и хозяйственных слуг, большинство этих людей, не выдержав жестокого обращения, погибло (*Киево-Печерский патерик*. СПб., 1911. С. 106–107; ПВЛ. С. 235–236). Особой выгоды от июльской победы кочевники не получили — это была месть Боняка за смерть его давнего боевого товарища Тугоркана (*Плетнева С. А. Половцы*. С. 53).

После гибели Тугоркана половцы несколько лет не приходили на русские земли. В то время в причерноморских степях шел процесс распределения и закрепления кочевий за отдельными ордами, родами-куренями и выделявшимися из них семьями — аилами или кошами. Разделение пастбищ, установление более-менее четко обозначенных границ кочевий приводило к большей стабилизации жизнедеятельности

степных группировок. Появились постоянные стойбища, возле которых выросли курганные могильники и возвышались группы каменных идолов. Скульптуры умерших предков стали объемными, с выразительными «лицами» и тщательно прочерченными линиями тучных фигур. Они красовались в каменных «шапках» и богатых «нарядах» с «чашами» или «младенцами» в руках. Упорядоченные становища быстрее развивались: здесь оседали половецкие ремесленники и мастера-пленики, бойко шел обмен товарами с приезжими степняками и чужестранными купцами. Однако устойчивые вежи стали доступнее для противника. Теперь не нужно было искать в необозримой степи быстро перемещавшиеся орды кочевников, достаточно было разведать, где находится ставка хана, чтобы нанести по ней неожиданный удар (Там же. С. 53, 112, 119–126).

В 1097 г. князья Рюриковичи «собрались на совет в Любече для установления мира и говорили друг другу: “Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей”» (ПВЛ. С. 248). Однако еще долгих пять лет продолжались кровавые распри, гибли воины и мирные жители, пылали селения.

Военная «доктрина» и победоносные походы Владимира Мономаха. В январе 1103 г. предсказатели оповестили измученных 10-летними войнами людей о новых небесных знамениях. Они заявили, что 29–31 января «стояло точно зарево пожара с востока и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны», 5 февраля «было знаменье в луне», а 7 числа того же месяца «огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой». Напряжение в русских землях достигло предела, народ мечтал о скорой расправе с кочевниками и наступлении мира. Вещие пророчества стали откликом на нараставший в южнорусском обществе патриотический подъем. От князей ждали решительных действий, и они «задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их». В Долобске состоялся княжеский съезд, на котором Владимир Мономах выступил с инициативой начать военные действия весной, когда кони и скот у половцев будут обессилены в результате скудного зимнего питания и отелов, поэтому их невозможно будет спешно перегнать на недоступное для врага место. Владимир Мономах предлагал идти глубоко в степь, чтобы нанести удар непосредственно по вежам кочевников. Переяславскому князю возражали дружинники Святополка Изяславича, утверждавшие, что вес-

ной, во время пахоты и сева, нельзя прерывать сельскохозяйственные работы, созывать состоявшее из земледельцев ополчение, а у смердов отбирать их тяглых коней. В ответ на эти возражения Владимир Мономах резонно заметил: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пащут, а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половчин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади его жаль, а самого не жаль ли?». «И ничего не смогла ответить дружина Святополка. И сказал Святополк: “Вот я готов уже”». Все южнорусские князья собрались под стяги Владимира Всеволодича, только Олег Святославич, в «Слове о полку Игореве» метко прозванный «Гориславичем», сославшись на нездоровье, очередной раз уклонился от участия в походе.

Сбор был назначен в Переяславле. Туда, кроме киевской рати, пошли полки еще пяти князей. Из Переяславля «пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли полем 4 дня и пришли на Сутень». Половцы, узнав о движении русского войска по степи, собрали многочисленный съезд, на котором было принято решение дать победоносное сражение, после чего идти войной на землю поверженного противника. Навстречу приближавшейся рати выступил сторожевой отряд Алтунопы, опытного военачальника, «который славился... мужеством». Русские князья также выставили перед своими полками «заслон» смельчаков, которые «подстерегли... Алтунопу, и, обступив его, убили Алтунопу и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили». После «разведки боем» сошлись основные силы противников. На моральное состояние войск в значительной мере повлиял исход битвы сторожевых отрядов. Подавленные кочевники испытывали «трепет перед лицом русских воинов», «наши же с весельем на конях и пещие пошли к ним». Половцы побежали, даже не вступив в соприкосновение с русскими полками, которые «погнались рубя их». В ожесточенной схватке было убито 20 половецких «князей», а знатного степняка Белдузя взяли в плен и по приказу Владимира Мономаха «разрубили... на части». Орды кочевников были разбиты 4 апреля 1103 г., после чего русские воины «взяли... скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью... И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою» (Там же. С. 255–257).

Победа на Сутине доказала прозорливость Владимира Мономаха как военачальника, подтвердила правильность его стратегического плана, но не уничтожила половецкой угрозы. Зимой 1105 г. Боняк привел степняков в Поросье, и они взяли в плен местных жителей около Зару-

ба. На следующий год кочевники опять появились в Поросье, но уже около Заречьска. Святополк Изяславич послал за ними погоню во главе с опытными воинами, и русские ратники «прогнали половцев, и полон отняли». В мае 1107 г. осторожный и хитрый Боняк, отличавшийся способностью неожиданно подкрадываться к противнику и нападать внезапно, как вихрь, с небольшим отрядом пробрался к Переяславлю и угнал в степь табун боевых коней, пасшихся около города. В том же году он вступил в союз с предводителем донецко-приазовской группировки половцев «Шаруканом старым». Союзники организовали совместный поход на Переяславскую землю. Они перешли границу Руси и остановились на берегу Сулы около города Лубны. Семь князей, в том числе и Олег «Гориславич» Черниговский, двинулись навстречу кочевникам. Русские полки переправились через реку и прямо с марша стали разворачиваться в боевой порядок. Половцы не ожидали столь быстрой реакции противника. При виде большого войска они «ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие». Русские бойцы «стали рубить, гоня их, а других руками хватать, и гнали чуть не до Хорола». В этом сражении был убит брат Боняка Тааз, а Шарукан «едва убежал». Захватив обозы, победители вернулись в родные города и села.

Несмотря на победу в Посулье, Рюриковичи понимали, что в степи сложилось сильное и воинственное объединение половецких орд, представлявшее большую опасность для русских земель. Необходимо было разведать боееспособность этого социального образования, поэтому осенью 1109 г. Владимир Мономах отрядил в степь ополчение во главе с боярином Дмитрием Иворовичем. 2 декабря этот отряд захватил множество веж около Северского Донца, по терминологии древнерусского летописца, «у Дона». Весной 1110 г. русские князья предприняли еще один поход против половцев, которые приблизились к пограничному переяславскому городу Воиню, но сражения не произошло: номады его избежали, скрывшись в степях. Однако едва воины-защитники ушли вглубь Руси, кочевники повернули коней и налетели на ее юго-восточную окраину. Здесь они «воеваша около Переяславля по селом» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 257–258, 260; ПВЛ. С. 257–259). Эти быстрые, смертоносные рейды степняков можно было прекратить только одним способом — разорить стойбища половцев, расстроить привычную для них систему хозяйствования, а самих кочевников частью перебить, частью оттеснить с обжитых пастбищ.

Именно такой план вынашивал Владимир Всеволодич Мономах, когда зимой 1111 г. снова собрал Рюриковичей в Долобске и обратился к ним с предложением совместными усилиями бить врага на его тер-

ритории. Поход состоялся и был весьма успешным. Южнорусские ополчения выступили из Переяславля в воскресенье, 26 февраля; через пять дней, в пятницу, они уже были на границе «поля половецкого» — на реке Суле; в субботу подошли к Хоролу. Все это время, до 4 марта, ратники ехали на санях. На берегу Хорола они «сани побросали» и далее двинулись налегке, оставив доспехи в обозе. Войска продвигались стремительно, к 19 марта преодолев 500 км степного пространства, пересеченного Псом, Голтвой, Ворсклой и еще «многими реками», через которые ратники переправлялись по льду или, если зимний покров уже треснул, вброд. 19 марта, в воскресенье, бойцы «оделись в броню, и построили полки, и пошли к городу Шаруканю». Весь поход был организован как религиозное движение православных, стремившихся побороть язычников, поэтому на марше «крест целовали, и возложили всю надежду свою на крест, проливая обильные слезы». На подходе к Шаруканю «князь Владимир, едучи перед войском, приказал попам петь тропари и кондаки креста честного, и канон святой Богородицы». В городе проживала влиятельная христианская община, шаруканцы не оказали русским сопротивления, но, напротив, встретили их «с поклоном и вынесли рыбы и вино». В гостеприимном степном поселении усталые воины провели ночь, а утром снова двинулись в поход.

В среду они подступили к другому половецкому городу, Сутрову, «и подожгли его, а в четверг пошли на Дон (Северский Донец. — И. М.)». 24 марта произошла битва с многочисленным и хорошо подготовившимся к схватке половецким воинством. В «жестокой» сече «на потоке Дегея» степные орды были разбиты. Но через два дня, 27 марта, на реке Сальнице половцы снова преградили путь русским полкам. Они «выступили, точно великий лес, тысячами тысяч», «и битва лютая завязалась» между непримиримыми противниками. Сначала кочевники окружили русских, но решительный бросок отрядов Владимира Мономаха и Давыда Святославича обратил кочевников в бегство. «Избито было иноплеменников многое множество на реке Салнице», после чего русские ратники «взяли полона много, и скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками». Группировке «донских» половцев был нанесен сокрушительный удар. О Владимире Мономахе, талантливом полководце и бесстрашном князе-воине, слагали легенды. Про князя говорили, что он «пил золотым шеломом Дон и приемшую землю их (половцев. — И. М.) всю», и что его именем кочевники «своих малых детей в колыбели пугали». Эта лестная характеристика отражает настроение участников победоносных походов вглубь половецких степей, организованных Владимиром Мономахом и осуществленных под его руко-

водством в 1103–1111 гг. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 264–268, 716; ПВЛ. С. 260–261; Плетнева С. А. Половцы. С. 59–61).

Однако военный потенциал степняков еще не был исчерпан. Весной 1113 г., узнав о смерти «старейшего» князя Святополка Изяславича и восстании в Киеве, они подошли к переяславскому городу Вырю. Новый киевский князь Владимир Мономах, «собрав сыновей своих и племянников, пошел к Выру и соединился с Олегом (Святославичем. — И. М.), половцы же бежали». Разгром донецкой группировки кочевников довершили сыновья Владимира Мономаха. В 1116 г. Ярополк Владимирович и его троюродный брат Всеволод Давыдович ходили к Северскому Донцу и взяли три половецких города — Сутров, Шарукан и Балин. Из этого похода князь Ярополк привел «себе жену очень красивую — пленную дочь ясского князя» Елену (ПВЛ. С. 265, 267).

В 1125 г. умер Владимир Мономах. Едва весть о его кончине достигла половецких веж, кочевники выступили в поход. Они задумали взять в плен проживавших в Посулье служилых торков. Но переяславский князь Ярополк Владимирович вовремя отдал приказ об эвакуации местных жителей в хорошо укрепленный Баруч, а сам повел ополчение «старшего» города навстречу степнякам. Кочевники были разбиты, многие остались лежать на поле боя, другие при отступлении утонули в реке. Старший брат Ярополка Мстислав Владимирович Киевский также продолжал дело отца, он «мужи свои посла загна Половци за Донъ и за Волгоу за Гиикъ и тако избави Богъ Роускою землю от поганых» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 289–290, 303–304).

Рюриковичи пытались разными способами обезопасить Русскую землю от смертельной угрозы, исходившей из степи. Поэтому наряду с организацией военных походов они заключали браки со знатными половчанками, которые на некоторое время гарантировали союз с кочевыми родственниками и мир на подвластных молодоженам землях. Так, в 1107 г. Владимир Мономах и его двоюродные братья Святославичи отправились «к Аепе и ко другому Аепе и сотворили мир. И взял Владимир за Юрия (Долгорукого. — И. М.) Аепину дочь Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргенеу внучку». В 1117 г. киевский князь заключил еще один важный «дипломатический брак», женив сына Андрея Владимировича на внучке хана Тугоркана (ПВЛ. С. 258, 268).

В результате успешных походов Владимира Мономаха и его наследников силы половцев были подорваны. Они ушли глубоко в степь и почти три десятилетия не развязывали войн на Руси. Но в русских землях XII — начала XIII в. беспрестанно разгорались кровавые межобщинные конфликты и княжеские усобицы. Стремясь нанести неожиданный и сильный удар по противнику, соперники привлекали на свою

сторону кочевников. В 20–30-е годы XII в. в борьбе с Мономашичами, «державшими» Киевскую и Переяславскую земли, так поступали черниговские князья, наследники печально знаменитого Олега «Гориславича». В 1128 г. по призыву Всеволода Ольговича 7-тысячная половецкая орда во главе с ханом Осолуком (Селелуком) вступила на территорию Переяславской земли. Степняки остановились недалеко от города Выря и направили послов к союзнику, но последних перехватили посадники переяславского князя Ярополка. Не получив известий от Всеволода Ольговича, кочевники развернулись и ушли в степь. В 1135 г. черниговский князь вновь обратился за помощью к половцам. На этот раз союзники действовали согласованно. Степняки «поидоша вуюче села и города Переяславской власти и люди секуще доже и до Киева придоша и Городец зажоша». Они ездили по левому берегу Днепра, «люди емлюще, а другыя секуще». Еще большие опустошения произвели кочевники в 1136 г. Тогда «Ольговичи с Половци переидоша Днепр... и начаша воевати от Трьполя около Красна и Васильева и до Белгорода оли же и до Деревъ и чресь Лыбедь стреляхуся». С большим трудом киевскому князю удалось добиться заключения мирного договора. Однако прошло три года, и Всеволод Ольгович снова привел половцев в переяславское Посулье. Для борьбы с врагом Ярополк Владимирович Киевский собрал огромное войско, состоявшее из южнорусских полков, «черных клобуков», суздальского, ростовского, полоцкого, смоленского, туровского ополчений, венгерских отрядов. Все это воинство двинулось к Чернигову. Устрашенный Всеволод Ольгович не принял сражения, он заключил мирный договор, а кочевники вернулись «въ свояси» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 290–291, 296, 299, 301–302).

В 40–60-е годы XII в. половцы постоянно принимали участие в межобщинных конфликтах на Руси. Наиболее часто их приводили черниговские и новгород-северские князья, а также боровшийся за киевское княжение Юрий Долгорукий. От частых вторжений кочевников в наибольшей степени страдали Киевская и Переяславская земли. По нашим подсчетам, в это время половцы совершили восемь походов на Киевскую землю (в 1114, 1147, 1151–1152, 1154, 1155, 1161, 1162, возможно, 1165 гг.) и шесть — на Переяславскую (в 1148, 1150, 1151–1152, 1154, 1161, 1167 гг.). Здесь они не только жгли и опустошали пограничные городки и селения, но и прорывались к столицам, нанося им весомый урон. Например, в 1150 г. «придоша Половци в помочь Дюргеви на Изяслава (Мстиславича Киевского. — И. М.) и придоша Переяславлю... о немъ же пакостящимъся людемъ сбегшимъся въ градъ не смеющимъ ни скота выпустити из города. Посла Дюрги сына своего Андрея, приехавшую же ему Переяславлю и створи миръ с Половци» (Там же.

Стб. 404). В 1154 г. сын Юрия Долгорукого князь Глеб вновь привел кочевников к этому городу. С тревожным известием в Киев «пригна посол от Мстислава от Изяслави́ча из Переяславля». Киевский князь отрядил в помощь переяславцам дополнительные войска. На следующий день «придоша Половци к Переяславлю и начаша битися с ними выездяче из города бяхутся с ними крепко. Половци же видевшие оже въехала к ним (местным жителям. — И. М.) помочь и поидоша прочь от города» (Там же. Стб. 471–472).

В меньшей степени в 40–60-е годы XII в. кочевники разоряли периферийные русские земли. В это время они приходили в Галицкую (1146, 1159–1160 гг.), Смоленскую (1147, 1160 гг.), Черниговскую и Новгород-Северскую земли (1152, 1159, 1160, 1167 гг.). Несомненно, и здесь их рейды сопровождались гибелью и пленом множества людей, грабежами и пожарами, причинявшими страдания местным жителям. Так, в 1152 г. Юрий Долгорукий «пусти Половци к Чернигову воевать. Половцем же пришедшим к городу много полона взяша и Семынь пожгоша. На ту же ночь Изяславъ и Ростиславъ и Святославъ видившие силу Половецкую повелеша людям всимъ бежати изъ острога въ детинець». На следующий день «множество Половецъ идоша къ городу битися и отемже острогъ зажгоша передгородье все и пришедшем всюю силою стаха около города. Черниговци же бьющемся из города». В 1160 г. в Смоленской земле «Половци взяша душъ более тмы (то есть более 10 тыс. человек. — И. М.), а иныя исекоша» (Там же. Стб. 457, 508).

Консолидация половецких орд и борьба с кочевниками в 70–80-е годы XII в. Во второй половине XII в. кочевники причерноморских степей объединились в новые сильные социально-политические образования. Западные куманы покинули Северное Причерноморье и расселились вдоль границ Венгрии, Болгарии и Византии. Остальные степняки сформировали лукоморскую, приднепровскую и «донскую» группировки кочевых орд (Плетнева С. А. Половцы. С. 146–156).

Пастбища лукоморских половцев располагались вдоль северного побережья Черного и Азовского морей, а также в нижнем течении Днепра. Они часто нападали на Киевскую землю, неожиданно появлялись в Поросье. В 1172 г. лукоморский хан Тоглый (Итоглый) провел орду сородичей по левому берегу Днепра и остановился недалеко от Киева. Кочевники выразили желание заключить мирный договор с киевским князем Глебом Юрьевичем, в силу которого «ни мы начнемъ боятися васъ, ни вы насъ». Однако одновременно с лукоморцами на Русь пришла другая группировка половцев, которая разбила вежи около Пере-

яславля. Глеб Юрьевич предупредил «миролюбивых» кочевников, что готов вступить с ними в переговоры, но сначала должен выяснить намерения степняков, подступивших к Переяславлю. Узнав о том, что «старейший» князь уехал из Киева, лукоморцы устремились к «русской столице». Рассыпавшись по Киевской земле, они «възяша села безъ оучта съ людьми и с мужи и съ женами и коне и скоты и овьце погнаша въ Половцѣ». Однако увести пленных в степь они не успели. Брат киевского князя Михалко Юрьевич с берендеями нагнал кочевников «и бившеса и одолеша ихъ самехъ избиша а полон свои отимаша». Преследуя отступавшую орду, русские воины множество степняков уничтожили, 1,5 тыс. всадников взяли в плен, а хан Тоглый скрылся (ПСРЛ. Т. II. Стб. 556–559).

Другим видным предводителем лукоморских половцев был хан Кобяк Карлыевич. В 1174 г. он в союзе с Кончаком, главой «донских» кочевников, воевал в Поросье. Затем половцы переправились через Днепр и захватили много пленных в Переяславской земле. Наперерез степным налетчикам двинулся новгород-северский князь Игорь Святославич. Увидев приближавшуюся русскую рать, кочевники побежали, «весь полонъ свои пометавъше... дружина же Игорева постигъше онехъ избивше и, а иныхъ изымаша». В 1180 г. Кобяк и Кончак выступали уже как союзники Игоря Святославича, который помогал Святославу Всеволодичу бороться за «старейший» стол (Там же. Стб. 568–569, 621).

Однако в 1183 г. киевский князь Святослав Всеволодич и его соправитель Рюрик Ростиславич Белгородский организовали поход «внизъ Днепра», т. е. в земли лукоморских половцев. Кочевники уклонились от битвы, «побегоша» вглубь степи. На обратном пути русские сделали привал в устье реки Орели. Половцы внимательно следили за их передвижениями: прячась в высокой траве, они шли «во следъ» противнику. Как только русские ратники расположились на отдых, кочевники неожиданно напали на них, но просчитались и были разбиты. Кобяк с двумя сыновьями и еще девять знатных половцев попали в плен, их сородичей посекали «бещисла» (Там же. Стб. 630–632; *Плетнева* С. А. Половцы. С. 147). Впоследствии многие пленники откупились, а хан Кобяк был казнен. Эти события нашли отражение в «Слове о полку Игореве»: Святослав Всеволодич Киевский

бѣашеть притрепальъ своими сильными плѣкы
и харалужными мечи,
наступи на землю Половецкую,
притопта хлѣми и яругы,
взмути реки и озеры,
иссуши потоки и болота.

А поганого Кобяка изъ луку моря,
от железных великих плъковъ половецкихъ,
яко вихрь, выторже:
и падеся Кобякъ въ граде Києве,
въ гриднице Святъславли.

После смерти Кобяка самым влиятельным предводителем лукоморских половцев стал хан Тоглый. В 1190 г. он принял бежавшего от Святополка Всеволодича торческого «князя» Кондудыя и вместе с ним «почаша часто воевать по Рси». В ответ княживший в Торческе Ростислав Рюрикович и «черные клобуки» совершили поход в степь, где «заяша стада многа Половецкая в лоузе в Днепрескомъ... и вежа, которые бехоутъ остались в лоузе, и ты вземше». В 1193 г. Тоглый вместе со знатными лукоморцами Акушем и Итоглым приехали в Канев для участия в переговорах с соправителями Святославом Всеволодичем Киевским и Рюриком Ростиславичем Белгородским. Последние задумали собрать в Каневе «половци... вся», поэтому послали приглашение также вождям приднепровской кочевой группировки Бурчевичам. Бурчевичи удерживали в плену часть «черных клобуков», а потому не хотели появляться в Поросье. Они предложили русским князьям прибыть к ним в ставку, находившуюся на левом берегу Днепра, но Святослав и Рюрик гордо ответили, что их деды и отцы никогда не ездили в степь с мирными предложениями. Тогда Бурчевичи «ехаша прочь». Рюрик Ростиславич и лукоморские половцы считали возможным вести переговоры без приднепровских кочевников, однако Святослав Всеволодич заявил: «Не могу с половиною ихъ миритися», — и отбыл в Киев (ПСРЛ. Т. II. Стб. 668–671, 675–676). В том же году военные действия против степняков возобновились.

Группировка приднепровских половцев кочевала на территории Днепровского Левобережья, возле границ Переяславской земли. В 60-е годы XII в. здесь возвысилась орда Бурчевичей. Самыми влиятельными ее ханами тогда были Беглюк (Белук) и Коза (Козел) Сотанович. В 1163 г. киевский князь Ростислав Мстиславич заключил мирный договор с Беглюком и женил своего сына Рюрика на дочери могущественного союзника (Там же. Стб. 521–522). Этот союз в течение шести лет обеспечивал безопасность Киевской земли, ограждал ее от вторжений приднепровских кочевников. Последние решались «пакостити» только на степном участке торгового пути «из варяг в греки», связывавшего Русь с Византией и Скандинавскими странами. Так, в 1167 г. половцы притаились около днепровских порогов и неожиданно напали на караван «гречников» — купцов, следовавших из Византии. Киевский князь срочно направил в район конфликта военный отряд, который вызво-

лил «гостей» из беды и благополучно доставил их в «столицу» Руси. В 1168 г. южнорусские полки в полной боевой готовности «долго веремья» стояли около Канева, обеспечивая безопасность «гречников» и «залозников». На этот раз богатые торговые караваны без приключений миновали опасный район степи (Там же. Стб. 526, 528).

Зимой 1169 г. Ростислав Мстиславич Киевский тяжело заболел и в марте того же года скончался. Этим обстоятельством немедленно воспользовались черниговские князья, которые совершили поход против приднепровских половцев. «И взя Олегъ веже Козины и жену и дети и злато и сребро, а Ярославъ Беглюковы веже взя» (Там же. Стб. 532). Но более сильный удар по группировке кочевников русские полки нанесли в следующем 1170 году.

Зимой 1170 г. киевский князь Мстислав Изяславич «сзъва братью свою» и обратился к ним с пламенной речью. «Старейший» князь призывал Рюриковичей «пожалеть» Русскую землю, напоминал им, что половцы «несутъ християны на всяко лето оу веже свои, а с нами роту (клятву. — И. М.) взимающе всегда переступающе, а оуже оу нас и Гречьский путь изъоттимають и Солоньи и Залозныи», и предлагал «поискати отецъ своихъ и дедъ своихъ пути» в степь. Участники съезда поддерживали киевского князя и приняли решение «головы свое сложити (в борьбе кочевниками. — И. М.) и къ мученикомъ причтеномъ быти». В конце февраля в Киеве собралось большое войско (14 князей с полками «и инии мнози»), которое выступило в поход 2 марта. На десятый день пути, не доходя реки Орели, русские захватили окраинные вежи степняков. Бросив женщин, стариков и детей, половецкие воины бежали на дальние становища. Победители оставили Ярослава Всеволодича с его полком сторожить добычу и двинулись дальше. По берегам Орели и Снопорода (Самары) также располагались не охранявшиеся стоянки кочевников, которые легко были завоеваны русскими ратниками. Самих же степняков быстро наступавшие воины настигли около Черного леса, находившегося на правом берегу Северского Донца, напротив устья Оскола. Преследователи «притиснувшѣ к лесу избиша е, а ины руками изоимаша». Часть кочевников вырвалась из окружения и ушла на Оскол. Это уже были владения «донских» половцев. Не рассчитывая начинать войну с новым сильным противником, русские прекратили преследование беглецов и двинулись в обратный путь. В этом походе было добыто большое богатство. «И толико взяша полона множество, якоже всимъ Рускимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодники и чагами и детми их и челядью и скоты и конми», — свидетельствует летописец. Киевский князь опасался, что приднепровские половцы попытаются отомстить победителям и будут «всяко пакости-

ти гречнику нашему и залознику», а потому после возвращения из похода Рюриковичи стянули ополчения к Каневу для охраны речного торгового пути. Однако в тот год разоренные степняки возле днепровских порогов не появились. Поход 1170 г. положил конец пиратским набегам кочевников на торговые караваны, прибывавшие на Русь (Там же. Стб. 538–541; *Плетнева С. А.* Половцы. С. 154–155).

В 1180 г. приднепровские половцы поддерживали черниговского князя Святослава Всеволодича, который добивался киевского княжения. После вокняжения Святослава в Киеве они воспользовались его расположением и остались в Русской земле («легли» возле Долобска), намереваясь при первом же удобном случае напасть на окрестные мирные города и селения. Поскольку затаившиеся кочевники представляли большую опасность, против них выступили ополчения малых киевских городов и «черные клобуки». Сначала обстановка складывалась неблагоприятно для последних: «черные клобуки» нарушили дисциплину, не дожидаясь распоряжения князя и поддержки русских полков, ворвались в укрепленный стан противника, потеряли несколько человек, взятых в плен половцами, и в панике обратились в бегство. Вклинившись в расположение поросского полка, они смяли его ряды и увлекли за собой княжескую дружину и часть рядовых воинов. Но в целом боевой порядок русского войска сохранялся, и вскоре произошло сражение, в котором «Роусь же потопташа е. Половци же бегающе передь (полкомъ) Роусью потопоша мнозе въ Черторыи а инехъ изоимаша а другыя исьсекоша». Тогда были убиты несколько половецких ханов, в том числе и лидер приднепровских кочевников Козел Сотанович (ПСРЛ. Т. II. Стб. 621–623).

После его гибели приднепровскую группировку степняков возглавили Осолук и Изай. Последний был сыном хана Беглюка и соответственно шурином князя Рюрика Ростиславича. В 1183 г. приднепровские половцы вместе с лукоморскими сородичами участвовали в сражении с русскими на реке Орели. Потерпев поражение, оба половецких предводителя попали в плен, но, поскольку победоносный поход возглавлял Рюрик Ростиславич, им удалось откупиться и вернуться в степь. В том же году Игорь Святославич Новгород-Северский водил объединенное войско, состоявшее из ополчений Днепровского Левобережья, в опустевшие вежи приднепровских кочевников. Эта операция не имела того результата, на который рассчитывал новгород-северский князь. За рекой Мерлом (левый приток Ворсклы) его воины встретили небольшую орду кочевников (400 всадников), направлявшуюся «воевать к Роуси», и преградили ей дорогу. Половцы побежали, русские их преследовали и «победиша е». Захватив случайно встреченных степняков,

ратники Игоря Святославича отказались продолжать поход «и возвратишася во свояси» (Там же. Стб. 632–633).

Неудачно закончился и тяжелый поход 1187 г., во время которого русские войска почти добрались до сердцевины степных владений приднепровских половцев. Операция была организована соправителями Святославом Всеволодичем и Рюриком Ростиславичем, в ней приняли участие «все князи Роуские». Они выступили в путь зимой, в сильные морозы шли по льду Днепра, так как «великий» снег, покрывавший землю, не позволял передвигаться по берегу реки. Около Снопорода (Самары) ратники взяли в плен «сторожей» противника, которые на допросе рассказали, что главные вежи их группировки расставлены возле Голубого леса, находившегося на расстоянии полудня пути от расположения русских войск. Это было священное место, отмеченное большим количеством святилищ и каменных идолов, центр территории, принадлежавшей приднепровским половцам. Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич готовились к последнему броску, но этому неожиданно воспротивился Ярослав Всеволодич Черниговский. «Не могу ити дале от Днепра, земля моя далече, а дружина моя изнемоглася... а полкъ мой пешь», — заявил он, намекая на то, что не сможет довести до дома боеспособное войско. Возможно, в словах хитроумного политика заключался тонкий расчет: в 80-е годы XII в. черниговские князья старались поддерживать с половцами союзнические отношения, но в то же время были вынуждены воевать с ними, если этого требовали киевские правители. Как бы то ни было, настоятельные уговоры Рюрика Ростиславича совершить марш-бросок к Голубому лесу успехом не увенчались: Святослав Киевский сражаться без «брата Ярослава» не захотел (Там же. Стб. 653–654; *Плетнева С. А.* Половцы. С. 152).

Еще одна сильная группировка половцев кочевала в бассейне Северского Донца. Здесь в 30-е годы XII в. обосновались сыновья «старого» Шарукана Сырчан и Атрак. Здесь же родился и вырос прославленный сын Атрака — хан Кончак. Под его руководством в 60–70-е годы XII в. донецкие («донские») половцы сплотились в воинственное социально-политическое образование, угрожавшее безопасности южных русских земель.

В 1174 г. Кончак вступил в союз с лидером лукоморских кочевников Кобяком и возглавил первый самостоятельный поход «донских» половцев на Русь, который завершился разгромом степняков. В 1179 г. орды Кончака вновь пришли на Переяславскую землю. На этот раз они «много зла створи крестьяномъ, онихъ плениша, а иныи избиша множайшия же избиша младенецъ». Киевский князь, получив известие о набеге кочевников, пытался перехватить их в Посулье, но возвращав-

шиеся в степь захватчики узнали об этом и обошли его полки окольным путем. Скорбь русских людей была велика, к ней добавлялась горечь осознания того, что князья не смогли отомстить обидчикам и отбить захваченных ими пленников. По следам трагических событий летописец с болью и гневом писал о том, что в разгар полевых работ «придоша иноплемьеници на Роускоую землю безбожнии Измалтяне оканьнии Агаряне нечестии ищадыя деломъ и нравомъ сотонинымъ именемъ Кончакъ... (не только. — И. М.) единымъ крестьяномъ, но и самому Богу врази» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 612–613).

В 1180 г. Кончак вновь объединил «донских» половцев с лукоморскими кочевниками, подчинявшимися хану Кобяку, чтобы принять участие в междоусобной борьбе русских князей за Киев. Степняки поддерживали Святослава Всеволодича Черниговского и недавнего своего противника Игоря Святославича Новгород-Северского и выступали против Рюрика Ростиславича Белгородского. Но этот объединенный поход против Мономашичей для союзников окончился трагически: Ольговичи и кочевники были разбиты. В сражении погиб брат Кончака Елтоут, два его сына попали в плен. Сам же хан вместе с Игорем Святославичем «въскочивша в лодью бежа на Городецъ къ Черниговоу» (Там же. Стб. 623).

Через три года (весной 1189 г.) Кончак отважился предпринять новое вторжение на Русь (на этот раз в союзе с ханом Глебом Тириевичем), но узнав, что Рюриковичи собирают полки и готовятся выступить ему навстречу, вернулся в степь. Отступавших кочевников можно было догнать и уничтожить, что и намеревались сделать князья-соправители Святослав Киевский и Рюрик Белгородский, однако их планы были сорваны интриговавшими и соперничавшими Ольговичами. Ярослав Всеволодич Черниговский заявил, что не поведет ополчение в степь в разгар посевной. Тогда организаторы похода решили усилить киевское войско за счет привлечения в него переяславских и новгород-северских полков. Но Глеб Владимирович и Игорь Святославич не могли договориться, кто из них должен «ездити на переди полкомъ своимъ». Глеб Переяславский, оскорбленный тем, что новгород-северский князь не позволил ему возглавить войско, вместо того, чтобы воевать с кочевниками, «иде на Северьские городы и взя в них много добытокъ». В свою очередь, честолюбивый Игорь Святославич собрал рать, состоявшую из городских полков Днепровского Левобережья и отрядов «черных клобуков», и повел ее на реку Хирию, где стояли вежи половцев. При известии о приближении русского войска кочевники стали срочно переправляться на противоположный берег реки. Но спастись успели не все: внезапно начавшийся сильный дождь наводнил Хирию, бурные

потоки завертели и увлекли на дно «веже и кони, скоти мнози». В этот момент на стойбище ворвались русские воины и захватили всех половцев, отчаянно пытавшихся выбраться из ловушки (Там же. Стб. 628–629).

В 1184 г. «оканьныи и безбожныи и треклятыи» Кончак «со множеством Половецъ» пошел войной на Русскую землю, чтобы «пленити... грады Роуские и пожещи огньмъ». Он основательно подготовился к походу: «обрелъ» мужа-бусурманина, который умел стрелять «живымъ огньмъ», снабдил воинов мощными луками-самострелами, которые заряжали не менее 50 человек. Остановившись на реке Хороле, Кончак направил черниговскому князю Ярославу Всеволодичу послов с «льстивым» предложением заключить мирный договор. Осведомленный об этом Святослав Всеволодич Киевский отправил в Чернигов гонца с предупреждением: «Брате, не ими имъ веры, ни своего моужа шли, я на ны поиду». Однако Ярослав Всеволодич, стремившийся проводить независимую от Киева политику и старавшийся сохранять мирные отношения со степняками, уже вступил в переговоры с ханом. Тем временем большое южнорусское войско выступило из Киева и спешно двинулось в степь. На марше Святослав Всеволодич узнал, что орды Кончака уже подошли к Хоролу. Удар русских был неожиданным, а потому сокрушительным. Застигнутые врасплох, кочевники были разбиты. Ставка самого Кончака стояла в низине («оу лоузе»), поэтому русские ратники, внезапно появившиеся на холмах, сначала ее не заметили. Хан немедленно этим воспользовался: бросив свое войско и семью на произвол судьбы, он бежал. В плен были взяты его младшая жена, все ближайшее окружение и бусурманин, искусно владевший приемами стрельбы «живым огнем». Кроме того, победители «ополонишася» «многим множеством» рядовых кочевников, взяли их коней и оружие. Торческому «князю» Кондувдьпо было поручено догнать и захватить Кончака, но он вернулся без хана, доложив, что за Хоролом уже растаял мартовский снег, поэтому проехать к вежам «донских» половцев он не смог.

В начале апреля 1185 г., когда сошел снег и пути восстановились, Святослав Всеволодич послал в степь боярина Романа Нездиловича с берендеями. Они добрались до половецких становищ и захватили «много полона и конии». Но это опять был отдельный локальный поход (Там же. Стб. 634–637). Русские князья прекрасно понимали, что уничтожить кочевое образование, возглавлявшееся Кончаком, можно было только одним давно проверенным способом — разрушить становища степняков и тем самым подорвать экономическую мощь «донской» группировки половцев. Для этого требовалось объединить силы всей Южной Руси и тщательно подготовить широкомасштабный поход в

степь. Однако разгоравшаяся межобщинная борьба и сопутствовавшие ей княжеские раздоры не позволили претворить этот замысел в жизнь. В то время, когда киевские князья обстоятельно готовили крупную военную операцию, черниговские Ольговичи тайно от старших Рюриковичей собирали войска для похода в центр «донского» объединения — на зимовища половцев, находившиеся в среднем течении Северского Донца. Наибольшую активность в эти дни проявлял Игорь Святославич Новгород-Северский, горделиво заявлявший: «Хощу бо... копие приломити конецъ поля Половецкаго... испити шеломомъ Дону». Целью похода ставилось не только уничтожение процветавших донецких веж, но и возвращение под власть Чернигова «земель незнаемых» — Тмутараканского княжества, а также присоединение Крыма, где господствовали половецкие орды (Плетнева С. А. Половцы. С. 161). Планы чернигово-северских князей были грандиозны и утопичны, потому что, действуя самостоятельно, они переоценивали свои силы и возможности.

Загадочный поход князя Игоря Святославича. В апреле 1185 г. собранное Ольговичами войско выступило в поход. Его вели Игорь Святославич Новгород-Северский, Всеволод Святославич Трубчевский и Курский, их племянник Святослав Ольгович Рыльский, юный сын Игоря Владимир Путивльский (ему тогда было одиннадцать с половиной лет), а также черниговский боярин Ольстин Олексич Прохоров внук, возглавлявший отряд «кооуев». Всего в походе участвовало 6–8 тыс. человек. Покинув Новгород-Северский, полки «идяхоуть тихо, собираюче дружиноу свою... к Донцю рекъ». Ученые скрупулезно исследовали маршрут передвижения русского войска, предложили не менее 10 его вариантов, расписали переходы и привалы ратников по дням недели.

1 мая 1185 г. около 17 часов вечера в районе Северского Донца участники «полка Игорева» с ужасом наблюдали солнечное затмение. «Игорь жь возревъ на небо и виде солнце стояще яко месяцъ и реч бояромъ своимъ и дружине своей видите ли что есть знамение се. Они же оузревше и видиша вси и поникоша главами и рекоша моужи княже се есть не на добро знамение се» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 638). Люди расценили космическое явление как дурной знак, потому что издавна новгород-северские князья считались внуками бога Солнца — Даждь-бога. Жизнетворное светило гневало и настаивало на прекращении похода. Однако честолюбивый князь Игорь проигнорировал грозное предупреждение небесного предка и принял решение продолжать поход. Ратники в подавленном состоянии двинулись дальше и в течение всего пути прислушивались к тревожным шорохам, свистам, кликам, ок-

ружавшим их в степи. «Ночь стонуши ему (Игорю Святославичу. — И. М.) грозою птичь убуди; свист зверинъ вѣста, збися Дивъ — кличетъ врѣху древа... орли клеткомъ на кости звери зовутъ; лисици брешутъ на чръленя щиты», — все, в представлении древнерусских воев, предвещало неизбежную беду.

Русские войска прошли примерно 200 км по Изюмскому шляху, пролежавшему в степях по территории водораздела Донца и Оскола. На берегах Оскола, возможно, около крепости Холок, рать Игоря Святославича соединилась с полком его брата Всеволода, который «шелъ инемъ поутем ис Коурьска». Это был край Русской земли, отсюда войска «поидоша к Салнице» — небольшой реке, впадавшей в Северский Донец.

Здесь «сторожѧ» доложили князю Игорю, что обнаружили в степи вооруженных половецких воинов. Пытаясь их настичь, русские полки предприняли тяжелый ночной марш-бросок («ехаша чересь ночь») к реке Сюурлию, на берегу которой произошло необычное сражение. Участники похода продуманно расставили полки и приготовились к кровопролитной битве, но кочевники, пустив «по стреле на Роусь», стремительно развернулись и скрылись в степи. Русские преследовали их и неожиданно оказались возле брошенных, никем не охранявшихся веж. Взяв богатую добычу, воины остались здесь пировать. Князь Игорь, возможно, догадывался, что половцы заманили его в капкан. На это указывало и внезапное появление степняков на берегу Сальницы, и их таинственный отход в степь, к богатым, возможно, подставным вежам, и странное поведение кочевников во время сюурлийского сражения, и их бегство в сторону того же притягательного для русских стойбища. Игорь Святославич предлагал под покровом темноты вернуться на исходные позиции, но Святослав Ольгович сослался на усталость своих коней, его поддержал Всеволод Святославич, и войска остались ночевать в захваченных вежах. А утром они были окружены «бесчисленным множеством» половецких орд.

Под развевавшимися стягами и бунчуками стояла вся Половецкая земля — войска Кончака, Гзака (Кзы, Козы Бурновича) и сына последнего Романа, а также «Токсобича, Колобича и Етебича, и Терутробича». Русские военачальники приняли благородное решение выводить из окружения всех участников похода, включая «черных людей». Для этого они спешили конницу, поставили ее в ряды пехотинцев, огородили полки большими красными миндалевидными щитами, которыми пользовались пешие воины, и, ожесточенно отбиваясь от нападавших кочевников, начали продвигаться в сторону Северского Донца. Отступление продолжалось немногим более двух суток. О трагических со-

бытиях этих страшных дней свидетельствуют составители «Слова о полку Игореве»:

Съ зараниа до вечера,
съ вечера до света
летять стрелы каленыя,
grimлють сабли о шеломы,
трепцать копия харалужныя
въ поле незнаеме,
среди земли Половецкыи.
Чръна земля подь копыты костыми была посеяна,
а кровию поляна:
тугою въздоша по Руской земли.

В первый день отступления был тяжело ранен Игорь Святославич, «и мнозии ранении мертви быша в полкохъ Роуских». На второй день взбунтовались и побежали ковуи. Игорь Святославич вскочил на коня и попытался догнать их, но «не возворотиса никто же». Тогда князь развернулся и поскакал к русским воинам, в середине которых бился его брат Всеволод, «не мало моужьство показа», но на расстоянии «перестрела» от новгород-северского полка всадник был схвачен Чилбуком из Таргаловой орды. Это произошло на берегу реки Каялы, вопрос о местоположении которой вызывает давние споры ученых. Одни исследователи отождествляют ее с притоком Дона Кагальником, другие предлагают искать в районе нижнего течения Северского Донца или на северном побережье Азовского моря. Некоторые ученые считают, что Каяла — это не реально существовавшая, а символическая река.

«Третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы». Поход 1185 г. закончился трагически: почти все его участники погибли или были взяты в плен. В половецком плену оказались все князья-военачальники. Кончак разумно и с наибольшей выгодой для себя использовал плоды победы. Он поручился перед Чилбуком за Игоря Святославича и перевез раненого князя в свою ставку. Сюда же скоро доставили и его сына Владимира. Знатные пленники содержались под стражей, но пользовались большими льготами. Игоря Святославича охраняли 20 тщательно подобранных воинов, в том числе знатного происхождения. Ему позволялось «где хочеть, тоу ездяшеть и ястребомъ ловяшеть». Стражники исполняли все распоряжения князя, из Руси к нему прибыл священник. Разумеется, Кончак намеренно окружал пленника почетом. Он поставил цель породниться с разветвленным родом Ольговичей и заручиться их поддержкой в борьбе с ханами-соперниками и могущественными русскими князьями. И этой цели он добился. Игорь Святославич, правда, бежал из плена, однако

не исключено, что его освобождение тоже было задумано и инсценировано коварным Кончаком.

К князю, даже не помышлявшему о скором возвращении на Русь, явился «моужь родомъ Половчинъ именемъ Лаворъ», который стал усердно уговаривать невольника бежать из плена. Игорь Святославич, разумеется, не верил ему и отказывался тайно покинуть ставку хана, оставив у врага двух бывших с ним дружинников. Но вскоре «донские» половцы вернулись из удачного похода на Русь. Они привели на стойбище множество русских рабов. Это событие положило конец сомнениям Игоря Святославича. Князь решился бежать, чтобы продолжать защищать родную землю. Вскоре после этого его охранники «напились... коумыза», а Лавр доставил в нужное место верхового коня. Игорю Святославичу удалось беспрепятственно добраться до реки, перейти ее вброд. На другом берегу он «вседе на конь и тако пойдоста сквозе веже», а потом «иде пешь 11 день до города Донця и оттоле иде во свои Новъгородъ». Летописи ничего не сообщают о преследовании беглеца. Согласно «Слову о полку Игореве», «по следу Игореве ездите Гзакъ съ Кончакомъ». Но эта фраза могла быть порождена художественным воображением сказителей.

Если Игорь Святославич недолго пробыл в неволе, то его сына Владимира Кончак удерживал в плену два года. Все это время жизнь юноши всецело зависела от происков и политических расчетов опасных врагов. Эта мысль пронизывает драматичную, психологически точно выверенную сцену беседы Кончака и Гзака, размышлявших о судьбе молодого князя, которая в «Слове о полку Игореве» следует за описанием бегства его отца:

Млѣвить Гзакъ Кончакови:
«Аже соколъ къ гнезду летить,
соколича растреляе
своими злачеными стрелами».
Рече Кончакъ ко Гзе:
«Аже соколъ къ гнезду летить,
а ве соколца опутае
Красною дивицею».

В половецкой ставке Владимира Святославича женили на дочери Кончака (разумеется, его желание в расчет не принималось), и у молодой супружеской пары родился ребенок. Хан Кончак, вероятно, воспринял этот факт как свидетельство нерасторжимого родственного и политического союза с новгород-северским князем и отпустил его сына с женой и ребенком на свободу.

Разгромив русские полки на Каяле, взяв в плен князей-военачальников и тем самым обезглавив земли Днепровского Левобережья, донские половцы обрушились на мирных жителей Курского Посеймья, переяславского Посулья, Новгорода-Северского и других черниговских городов. При этом недавние союзники Кончак и Гзак затеяли «катору»: «молвяшетъ бо Кончакъ поидемъ на Киевскоую стороноу где соуть избита братья наша и великий князь нашъ Бонякъ, а Кза молвяшетъ поидем на Семь (в бассейн реки Сейма. — И. М.), где ся остале жены и дети готовъ намъ полонъ собранъ». Ханы не смогли договориться, «разделишася на двое» и пошли в разных направлениях.

Орды Кончака дошли до Переяславля, возле которого разгорелась жестокая сеча. Местный князь Владимир Глебович сделал все возможное для обороны города. Он мужественно бился во главе переяславского ополчения, был тяжело ранен. Тем временем его гонцы примчались в Киев, откуда на помощь защитникам Переяславля выступила большая рать. Узнав об этом, половцы ретировались.

Они возвращались в степь через густонаселенный район Посулья и здесь «пристоупиша» к городу Римову. Местные жители укрылись за крепостными стенами. Кочевники окружили поселение. Осажденные стойко оборонялись на забороллах (укреплениях с навесами, предназначенными для защиты воинов). Кипела ожесточенная битва, когда «две городниці с людми» обрушились и полетели «к ратным», сражавшимся возле стен «детинца». В городе началась паника. Часть жителей выбралась из города и, отбиваясь от преследовавших их половцев, «по Римьскому болоту» ушла в безопасное место. Им удалось спастись. Все прочие, оставшиеся в осажденном городе, были взяты кочевниками в плен. У современного села Великая Буримка, которое находится на правом берегу Сулы в нижнем течении реки, археологи выявили три городища древнерусского времени, отождествляемые с «летописным» Римовом. На двух поселениях исследователи обнаружили следы пожара, третье сожжено не было. Здесь, как полагают ученые, спрятались те защитники города, которые вышли из окружения через покрытую травой пойму реки Сулы — «римское болото».

Между тем половецкие орды под предводительством Гзака воевали в бассейне реки Сейма. Они «повоеавши волости и села... пожгоша, пожгоша же и острогъ оу Поутивля» (Там же. Стб. 637–651; *Плетне-ва* С. А. 1) О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1964. Вып. 99. С. 30; 2) Половцы. С. 160–166; *Моргунов* Ю. Ю. К изучению летописного города Римова // Советская археология. 1989. № 1. С. 215–216).

Событиям 1185 г. посвящено «Слово о полку Игореве» — одно из самых значительных в художественном отношении произведений древнерусской литературы. Существуют, правда, мнения, согласно которым «Слово» отражает взаимоотношения Руси и монголов в XIII в., однако большинство исследователей считает его домонгольским памятником, созданным в период между 1185 и 1202 гг. (*Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. I. Л., 1987. С. 17–20, 435). Гениальный древнерусский писатель, патриот, сопереживавший думам, страданиям и чаяниям своего народа, призывал «мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести и мщения или личных обид. Задачей “Слова” было не только военное, но и идейное сплочение русских людей вокруг мысли о единстве Русской земли» (*Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени*. Л., 1987. С. 148–149).

«Слову о полку Игореве» посвящена большая историография. В контексте изучения русско-половецких взаимоотношений этот памятник исследовали Н. М. Карамзин, Н. А. Аристов, А. В. Лонгинов, В. А. Афанасьев, К. В. Кудряшов, В. М. Глухов, В. Г. Федоров, Б. А. Рыбаков, С. А. Плетнева, Д. С. Лихачев, М. Ф. Гетманец, А. Л. Никитин. Ученые трактовали поход Игоря Святославича и как кратковременный набег на богатые вежи кочевников (В. Г. Федоров, М. Ф. Гетманец), и как «глубокий», заранее обдуманный рейд в степь с целью «поискать града Тьмутараканя» (В. М. Глухов, С. А. Плетнева), и как стихийное, плохо подготовленное военное мероприятие корыстолюбивого князя, нарушившего «большой стратегический план войны с Кончаком, властелином степного “Дона”» (Б. А. Рыбаков). Оригинальную версию событий, отраженных в «Слове», предложил А. Л. Никитин. Исследователь считает, что «поход» 1185 г. был заранее оговоренным с ханом Кончаком обрядом похищения половецкой невесты, предназначенной в жены Владимиру Святославичу. Об этом, по мнению А. Л. Никитина, свидетельствуют следующие факты: дружба Игоря Святославича с Кончаком, инсценировка сражения при реке «Сюоурлии», вольная и почетная жизнь новгород-северского князя в плену, его легкий и успешный побег на родину, женитьба юного Владимира на Кончаковне (*Никитин А. Л. Поход Игоря: поэзия и реальность // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. Сб. 1. М., 1989. С. 123–124*).

Русь и половцы в конце XII — первой трети XIII в. Последний этап ожесточенной борьбы с половцами охватывает последнее десятилетие XII — начало XIII в. В 1190 г. обиженный киевским князем предводитель «черных клобуков» Кондудый бежал в степь и привел на Русь

кочевников. Степняки захватили поросский «городъ Чюрнаевъ» и затем «почаша часто воевати по Рси с Кунтоувдеемъ». В течение двух лет союзники мстительного черноклобуцкого «князя» опустошали пограничные районы Киевской и Переяславской земель, пока Рюрик Ростиславич Белгородский не уговорил «кормольного» аристократа прекратить набеги на Русь. Однако «замирить» половцев ему не удалось. В 1193 г. они воевали «по Оубережи поимаша Торкы Святослава». Рюрик Ростиславич с белгородским полком долго «стояша» около города Василева, «стерегше земле своя». Когда князь решил, что опасность миновала и распустил ополчение, кочевники опять принялись опустошать русские волости (ПСРЛ. Т.II. Стб. 669, 674, 679).

Подобно другим древнерусским князьям, защитник Киевской земли заботился только о собственном княжении, поэтому не считал зазорным использовать половцев в борьбе с соперниками. В 1205 г. он повел кочевников на Галич. Около города Микулина на реке Серете союзников встретило местное ополчение. Произошла кровопролитная битва, в которой оборонявшаяся рать понесла большие потери, но остановить полки и орды Рюрика Ростиславича не смогла, и они вступили в Галич. Однако в том же году в Галицкую землю вторглись венгры, которые изгнали киевлян и кочевников из стольного города. Во время отступления предводители половцев Котян и Сомогур Соутоевичи едва не попали в плен.

Жажда мести обусловила активное участие половцев в освободительной борьбе галицких городских общин с венгерскими оккупантами, развернувшейся в 1208–1217 гг. В 1208 г. началась широкомасштабная интервенция венгров в Юго-Западную Русь. На помощь русским пришли кочевники. В сражении под Звенигородом завоеватели были разбиты и бежали. Их преследовала половецкая конница. Она настигла венгров у реки Лютой и обрушила на противника град стрел. Победа патриотов позволила малолетнему галицкому князю Даниилу Романовичу на короткий срок вернуть отеческий стол. Однако удержаться в Галиче он не смог и в том же году вместе с матерью и верными боярами бежал за границу. В 1212 г. в Галиче вокняжился влиятельный Мстислав Мстиславич Удалой, в том же году ставший тестем юного Даниила. Последний вернулся на родину. В 1213 г. венгры и поляки предприняли очередное массированное наступление на Галицкую землю, русские люди вновь поднялись на борьбу с оккупантами. Мстислав Мстиславич уехал в степь призывать на помощь кочевников. Они откликнулись на его просьбу, но не сразу, а только в 1217 г. Однако в Галицкой земле половцы сражались мужественно и помогли местным жителям разбить силь-

ное войско венгерского полководца «прегордого» Фи́ли (Там же. Стб. 717–718, 725–726, 735–736).

В 1223 г. в донецкие степи пришли монголо-татары. Союз кочевавших здесь орд, созданный Кончаком и подчинявшийся его сыну хану Юрию, который считался «болиише всихъ Половецъ», не смог противостоять могущественным завоевателям, «и бегаючи же емоу, и мнози избьени быша до реки Днепра». Потрясенные победами татар, половцы спешно отправили посольство на Русь. «Глаголющимъ же имъ Рускимъ кнеземъ, аще не поможета намъ, мы ныне исечени быхомъ, а вы наоутрее исечени боудете». Рюриковичи откликнулись на их призыв и привели полки в степь. 31 мая 1223 г. на реке Калке произошло первое сражение русских с монголо-татарами. Победа последних предзнаменовала быстро и грозно надвигавшуюся трагедию Батыева нашествия и установления ордынского ига (Там же. Стб. 740–741).

В 1228–1229 гг. монголо-татары нанесли новый сокрушительный удар по «донским» половцам. Последние не выдержали его и мигрировали на запад, в район Побужья — Поднестровья, где кочевали орды Котяна. Начались столкновения западных и восточных половцев. Так, арабский писатель Ан-Нувайри сообщает, что сын Котяна Мангуш был убит во время охоты кочевником «из племени Токсоба», которое входило в союз степняков-переселенцев. Разгневанный Котян жестоко отомстил Токсобичам: он разбил их отряды, разорил вежи и разогнал уцелевших беглецов по степи. Последние обратились за помощью к монголо-татарам.

После походов Батыя 1237–1242 гг. вся половецкая степь была завоевана его ордами. Однако обращенные в подданство кочевники продолжали сопротивляться. Их возглавлял бек Бачман, нанесший немалый урон завоевателям. О подвигах Бачмана и его гибели в неравной битве с татарами сообщают многие восточные источники. Сломив сопротивление половцев, монголо-татары уничтожили их знать, а затем стали жестоко преследовать всех непокорных. Множество половцев было обращено в рабство и продано в Египет, где они стали султанскими гвардейцами-мамлюками. Спасаясь от расправ, 40-тысячная орда хана Котяна ушла в Подунавье и приняла подданство венгерского короля. Их оставшиеся в причерноморских степях сородичи смирились и стали платить дань золотоордынским ханам (*Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб., 1884. С. 542; Т.2. М.; Л., 1941. С. 24, 35-36; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966*).

Почти два века Древняя Русь вела ожесточенную борьбу с полов-

цами, что, разумеется, сказалось на устройстве ее общества и обусловило некоторые особенности развития. Наиболее длительный и сильный удар половецких орд выдержали Киевская и тесно связанная с ней Переяславская земли. По нашим подсчетам, в середине XI — первой трети XIII в. население Киевского государства не менее 28 раз отражало натиск кочевников, а жители Переяславской земли — не менее 26 раз. Оба государственных образования нуждались в постоянной поддержке друг друга, поэтому Переяславская земля, в отличие от других южнорусских общинных «федераций», не обособилась от Киева и даже не вела против него межволостной борьбы. Здесь, за исключением Переяславля-Южного, не было самостоятельных княжеских столов, не определился центр крупнейшего пограничного района — Посулья. Внешняя опасность спланивала население двух крупных древнерусских регионов, которое упорно боролось с завоевателями и подавало пример другим землям.

Однако усилившиеся и стремившиеся к обособлению от Киева городовые общины и их лидеры — соперничавшие за власть князья Рюриковичи, не последовали этому примеру. Они настойчиво проводили политику разобщения русских земель и в борьбе друг с другом привлекали на свою сторону половцев. В период русско-половецкого противоборства кочевники четыре раза опустошали Галицкую землю, дважды — Смоленскую, один раз — Полоцкую, шесть раз — Чернигово-Северскую, один раз — Рязанскую и дважды — Владимиро-Суздальскую. Как правило, их приводили князья соперничавших с этими землями государственных образований.

Первыми в межволостной борьбе кочевников стали использовать черниговские князья, что закономерно, потому что именно подеснинская земля раньше других русских общинных «федераций» встала на путь обособления от Киева. С 1078 г., когда Олег Святославич впервые привел степняков на Русь, до середины XIII в. черниговские правители старались сохранять дружеские отношения с половцами. Муромо-Рязанские города пытались заручиться поддержкой половцев в борьбе и против Киева, и против претендовавшего на их земли Владимира-на-Клязьме. Так, в 1146 г. границу Рязанской земли перешли войска Ростислава и Андрея, сыновей ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого. Правивший здесь Ярослав Ростиславич «беже в Половци к Олтукови». В 1154 г. ему пришлось вторично ретироваться в степь. Тогда Юрий Владимирович «посади... сына своего в Рязани, а Рязанского князя Ростислава прогна в Половци» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 339; Т. XX. Первая половина. Ч. I. СПб., 1910. С. 117). В 1177 г. рязанцы мстили Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, разорившему

их землю, и вместе с половцами воевали около Владимира-на-Клязьме. Однако в 1217 г. их князь Глеб, давний союзник кочевников, опасаясь за свою жизнь, вынужден был искать прибежище в степи (Там же. Т. XXV. С. 88, 115). Владимиро-Суздальские Рюриковичи неоднократно использовали половцев в борьбе с Киевом (Там же. Т. II. Стб. 374, 377–378, 381–382, 389, 402, 421, 423–425, 431, 436, 438, 455–456, 458). Связи с половцами пытались установить даже те Рюриковичи, которые правили в землях, не имевших границ со степью. Например, в 1129 г. Мстислав Владимирович Киевский разгневался на полоцких правителей и четыре княжеские семьи «с женами и с детми» отправил в изгнание в Константинополь. Впоследствии на Русь вернулись только два опальных князя. Причиной сурового наказания стало то, что полоцкие Рюриковичи «не бяху въ воли его и не послушаху его, егда зовяшеть и в Русскую землю себе в помочь». Вместо того, чтобы бороться с кочевниками, они «молвяху Бонякови шелоудивомоу во здорье» (Там же. Стб. 303; Т. XXV. С. 31).

С 1146 г. в летописях упоминаются «дикие половцы». Впервые на этот термин обратил внимание М. П. Погодин, но объяснить его значение исследователь не смог и рядом с ним поставил вопросительный знак. Согласно Б. А. Рыбакову, это кочевники-изгои, лишившиеся пастбищ в результате походов в степь Владимира Мономаха. С. А. Плетнева обратила внимание на то обстоятельство, что «дикие половцы» оказывали постоянную поддержку князьям Северо-Восточной Руси. Она сомневалась в их статусе и по-разному определяла его. В одной работе исследовательница писала, что эти кочевники «не были вассальны Руси», в другой — что они находились на «полувассальной службе у русских князей» (Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 5. М., 1857. С. 139; Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института материальной культуры АН СССР. 1952. Вып. XLIII. С. 44; Плетнева С. А. 1) Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. I. № 62. М.; Л., 1958. С. 224; 2) Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 28; 3) Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 221).

Все летописные упоминания об этой группе кочевников (под 1146, 1149, 1151, 1159, 1172, 1195 и 1196 гг.) свидетельствуют об их тесных связях с периферийными землями Древней Руси — Владимирской, Чернигово-Северской, Галицкой и Волынской.

Многолетняя угроза половецких вторжений стала фактором, оказавшим непосредственное влияние на формирование институтов уп-

равления в древнерусских землях-государствах. К князьям, правившим в землях, которые подвергались вторжениям кочевников, и, естественно, организовывавшим сопротивление последним, предъявлялись самые высокие требования. Древнерусский правитель должен был обладать опытом и обширными знаниями стратега, применять новейшие приемы тактики, переносить все тяготы военных походов, бесстрашно водить полки в бой, хитроумно вести дипломатические переговоры. Не обладавший этими качествами властитель немедленно изгонялся из города и превращался в ненужного общине изгоя. В то же время княжеская власть с ее основной функцией, заключающейся в защите подвластного населения от внешнего неприятеля, была необходимым институтом древнерусского общества. Так, узнав об отсутствии в Киеве князя — организатора и военачальника народного ополчения, половцы немедленно использовали возможность разграбить незащищенные русские земли, примером чему служат их походы 1093, 1113, 1126, 1174, 1176 гг. Половецкая опасность обусловила единение древнерусских городских общин, активизацию деятельности вечевых собраний, принимавших окончательные решения по вопросам ведения войны и заключения мира, тормозила процесс обособления верховной власти и отрыва ее от народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962 (переиздание — СПб., 2002).
- Гагин И. А. Волжская Булгария: Очерки истории Средневековой дипломатии (X — первая треть XVIII в.). СПб., 2004.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
- Галкина Е. С. Тайны русского каганата. М., 2002.
- Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.
- Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Русь и кочевники. М., 1967.
- Кудряшов В. К. Половецкая степь. М., 1948.
- Мавродина Р. М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Историко-графический очерк. Л., 1983.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 62.
- Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков // Свод археологических источников. Вып. Е1–19. М., 1973.

Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.

Очерк второй

Русь и Золотая орда

Средневековые монголы в русской историографии. — Русь и монголы: взгляды отечественных историков. — «Батыево пленение». — После нашествия. — Установление даннической зависимости. — Данничество и средневековая русская государственность. — Князья и ханы; вече и татары. — Русь, Россия и государства-преемники Золотой орды.

Тема «Русь и Орда», «Русь и монголы» неразрывно связана с понятием «монголо-татарское иго» на Руси, которое образует в нашем сознании какую-то историческую грань, временной и сущностный водораздел. Оно определяет деление русской истории на два периода: время Древней (Киевской) Руси — уже прошедшее, и появляющуюся на горизонте эпоху Московской Руси — Великороссии. Вторая половина XIII в. и последующие десятилетия представляются своеобразным переходным периодом между ними, «темными веками» татарщины.

Опустошительный поход Батыя, основание в низовьях Волги золотоордынского государства, набеги и собиравшиеся на Куликовом поле и в Стоянии на Угре — вот основные вехи длительных отношений между Русью и Золотой ордой. В этом очерке мы в основном сосредоточимся на объяснении ключевых понятий русско-ордынских отношений, остановимся на событиях и явлениях, вызывающих споры и различные толкования.

Средневековые монголы в русской историографии. Русские летописи, сообщающие о первом приближении монгольских войск, высказывают недоумение по поводу того, откуда пришли и что это за «языцы незнами». «Явишась языци, ихже никтоже добре ясно не весть кто суть и отколе изидоша и что языкъ ихъ и которого племени суть и что вера ихъ...». Заметим, что еще более неопределенным и даже фантастическими были сведения о монголах в Европе. Один из крупнейших хронистов английского средневековья монах-бenedиктинец Матфей Парижский в «Великой хронике» отмечал: «С северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное»; «они, именуемые тартарами (от [название] реки Тар) [и] весьма многочисленные, обитая в северных краях, то ли с Каспийских гор, то ли с соседних [с ними], словно чума обрушились на человечество».

Если об изначальном и последующем «месторазвитии» монгольского этноса мы сейчас осведомлены достаточно основательно, то о характере общественного строя монголов этого сказать нельзя. Известно, что во второй половине I тыс. н. э. предки монголов обитали в Северо-Западной Маньчжурии в районе гор Большого Хингана. Согласно монгольским преданиям, на рубеже I–II тысячелетий они стали переселяться в Халху на территорию бассейнов рек Онон, Керулен, Тола. Е. И. Кычанов отмечает, что переселение имело два важных следствия: «монголы вступили в тесный контакт с тюркскими племенами» и полностью перешли от оседлого и полuosедлого образа жизни «к кочевому скотоводческому хозяйству в условиях степной и лесостепной зоны» (Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 177, 178; ср.: Чагдуров С. Ш. Прародина монголов. Улан-Удэ, 1999). Китайский источник XII в. сообщает, что у них «нет правителя... как нет вспашки земли и посевов. Занимаются охотой, кочуют в каждое из четырех времен года, единственно гоняясь за водой и травой. Питаются только мясом и кумысом. И все. Не воюют с киданями, а только лишь обменивают с ними быков, баранов, верблюдов, коней, кожаные и шерстяные вещи» (Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. С. 178–179). «Мирный период» у монгольских племен заканчивается к середине XII в. войной с чжурчженями, а затем с татарами (возможно, тюрками по происхождению). С приходом к власти «повелителя Вселенной» Чингисхана (1206 г.) война и завоевание становятся нормой жизни монголов.

Об общественном строе древних и средневековых монголов до сих пор в рамках проблемы «кочевого общества» ведутся дискуссии. Начало изучения истории древних монголов и их общественных институтов восходит к XVII в. В России становление монголоведения происходит в начале XIX в. В научный оборот сразу же вводятся нумизматические и письменные источники. На их основе формируются некоторые общие представления об общественных отношениях, имевших место у древних и средневековых монгольских племен. Для первой половины — середины XIX в. необходимо отметить работы таких востоковедов-монголоведов, как И. Н. Березин, В. В. Григорьев, Д. Банзаров, Г. С. Саблуков. Дальнейшее изучение общества кочевников-монголов неразрывно связано с именами двух крупнейших востоковедов конца XIX — начала XX в. — В. В. Бартольда и Б. Я. Владимирцова.

В. В. Бартольду принадлежит заслуга проникновения в мир монгольского общества средневековья, показанного им действующим не только с позиций силы и разрушения, но и созидания — даже на завоеванных территориях.

В историографии отмечаются два крупнейших достижения В. В. Бартольда в области монголоведения. Первое состоит в том, что ему «принадлежит честь первому поставить на серьезную научную почву решение вопроса о причинах возникновения монгольского государства во главе с Чингисханом». Второе заключается в «разностороннем изучении... империи, прочно связанной с монгольскими завоеваниями» (Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 67, 69). Если до В. В. Бартольда преобразования в монгольском обществе рубежа XII–XIII вв. учеными связывались либо с борьбой между отдельными личностями, либо с борьбой между степными родами и племенами, то он увидел борьбу «между степной аристократией и демократическими элементами». В конечном счете верх взяла аристократическая составляющая, и потому созданная Чингисханом государственность стала аристократической» (Бартольд В. В. Соч. Т. V. М., 1968. С. 278).

Далее В. В. Бартольд раскрывает организацию монгольского государства: основные учреждения и устройство войска. Еще более полно у него «освещены вопросы, связанные с монгольскими завоеваниями при Чингисхане и его ближайших преемниках» (Там же. С. 70). Характеризуя эти его взгляды, Г. А. Федоров-Давыдов пишет, что он не видел «в монголах особо жестоких грабителей и угнетателей», монгольское завоевание он представлял как явление, «способствовавшее развитию торговли, культуры, организации больших государств и обеспечившее контакт Запада и Востока» (Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 24).

В. В. Бартольд работал на рубеже XIX–XX вв. и застал трудное для отечественной исторической науки время. Принадлежа к ученым «старой» школы, он вместе с тем, как отмечали позже его последователи, «с классовой точки зрения подошел к решению вопроса об образовании монгольского государства, как бы примитивно она не была высказана», хотя «в остальном» он не поднялся «до уровня подлинно научного толкования исторических событий, т. е. до уровня марксистского понимания истории» (Якубовский А. Ю. Из истории изучения... С. 69). Под «остальным» здесь разумеется прежде всего оценка В. В. Бартольдом последствий монгольских завоеваний. А. Ю. Якубовским они были названы «главными ошибками». Это же подчеркивалось в академическом издании его сочинений, вышедших в 60-х годах: «...Общая трактовка В. В. Бартольдом последствий монгольского завоевания для социально-экономического, политического и культурного развития стран Передней и Средней Азии не принята советской историографией. В. В. Бартольд явно недооценивал размеров разрушений, произведен-

ных монгольскими войсками, и фактов последующего экономического и культурного упадка... Общая оценка исторического значения монгольского завоевания в советской историографии остается отрицательной» (*Бартольд В. В.* Соч. Т. I. М., 1963. С. 530, прим. 1).

Таким образом, перед советским монголоведением в 30-е годы стояла задача выработки новых представлений об общественном строе древних и средневековых монголов. Это было сделано Б. Я. Владимирцовым в книге «Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934). Он, пожалуй, первым попытался исследовать монгольское общество комплексно и системно. Работая в рамках марксистского учения об обществе, он создал концепцию монгольского кочевого феодализма, основанного на собственности как на пастбища, так и на скот. Б. Я. Владимирцов «по существу был первым, кто не только квалифицировал общество времени Чингисхана как феодальное, но на основе огромного фактического материала постарался это доказать» (*Якубовский А. Ю.* 1) Из истории изучения... С. 83–84; 2) Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспектива дальнейшего изучения Золотой Орды // Исторический сборник. Вып. 5. М.; Л., 1936. С. 302. См. также: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй... С. 10).

По Б. Я. Владимирцову, накануне образования империи Чингисхана заканчивался процесс перехода от родовых отношений к раннефеодальным, а в XIII в. монгольское общество достигает «своего почти полного развития, наиболее ярким выражением чего явились вассально-сеньориальные отношения» (*Якубовский А. Ю.* Из истории изучения... С. 84).

Фундаментальная работа Б. Я. Владимирцова была принята марксистами-кочевниковедами, а предложенная им концепция на ряд десятилетий предопределила в советской историографии дефиницию монгольского общества как классового феодального (с кочевой спецификой). А. Ю. Якубовский «по свежим следам» так описывал возникшую тогда историографическую ситуацию: «В. В. Бартольдом не был... разрешен вопрос о строении монгольского общества, без чего не могло идти дальнейшее исследование XIII–XIV вв., когда монголы, вернее их феодальные верхи, сделались политическими хозяевами в ряде стран. Вышедшая летом 1934 г. книга... Б. Я. Владимирцова “Общественный строй монголов” восполняет этот пробел. Не будет преувеличением сказать, что мимо этой книги не пройдет ни один исследователь, который в какой-либо мере затронет так называемую монгольскую эпоху» (*Якубовский А. Ю.* Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» ... С. 293).

Вместе с тем тогда же в научное обращение вводится и другая социальная категория, обозначающая стадию общественного развития монголов — «патриархально-феодальные отношения», что означало по сути «недоразвитый», ранний, но феодализм. С этих позиций и ведется критика положений Б. Я. Владимирцова. Оппоненты исследователя справедливо указывали на то, что он зависил уровень общественного развития монголов, придал монгольскому феодализму законченные «классические» формы, хорошо знакомые по французскому феодализму XIII–XIV вв.

Одним из критиков выступал А. Ю. Якубовский. В историографической статье начала 50-х годов он, исходя из положений И. В. Сталина «о формах полупатриархально-полуфеодальных отношений у кочевников» даже в начале XX в., настаивал на пересмотре «привычных многим историкам взглядов на монгольское общество XIII–XIV вв. как на вполне развившееся феодальное общество», указывая одновременно и на «разложение первобытнообщинного строя», и на рабовладельческие отношения, которые, однако, не составляли «господствующего способа производства». И только «в обстановке завоеваний и сложения монгольской империи окончательно победил феодальный способ производства».

В 50-е годы кочевниковеды явно разделяются на два лагеря: в центре их споров стоит вопрос о собственности у кочевников — земля или скот? Наряду с этим, как верно отметил Н. Н. Крадин, «обе стороны продолжали рассматривать кочевые общества в рамках феодальной парадигмы». Несмотря на это, была подвергнута «сокрушительной критике ортодоксальная версия теории кочевого феодализма» (Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 34–40, 78–84), т. е. версия, предложенная Б. Я. Владимирцовым. Это было сделано вначале С. Е. Толыбековым, а затем Г. Е. Марковым. С. Е. Толыбековым отрицалась возможность феодальной собственности на землю у кочевников. В социально-политической же сфере, как считал Г. Е. Марков, наиболее «типичными» для кочевников были «общинно-кочевое» и «военно-кочевое» состояния, и лишь «кочевые империи» на время становились государственными образованиями. Вместе с тем необходимо отметить и тот факт, что и сторонники «классических» феодальных отношений у кочевников не представляли собой единства.

В эти же годы Л. Н. Гумилеву (не принимавшему непосредственного участия в дискуссии) удастся создать впечатляющую панораму кочевнического мира средневековья, не вписывающуюся в формационные рамки и, следовательно, отличающуюся от общепринятых представлений (Гумилев Л. Н. 1) Древние тюрки. М., 1967; 2) В поисках вымышленного царства. М., 1994).

Что же касается дискуссии о формационной природе кочевых обществ, то, по мнению Н. Н. Крадина, она «в настоящее время не только далека от выработки каких-либо конкретных решений, но и в принципе такой исход не представляется возможным» (Крадин Н. Н. Кочевые общества. С. 42).

Однако дискуссия ясно показала, что в ряде случаев перестают «работать» такие основополагающие в марксизме понятия, как «общественно-экономическая формация», «собственность», «классовое общество», «государство». Прежде всего не устраивает заложенная в них однозначность, статичность, смысловая жесткость. Для объяснения сложных общественных процессов, идущих в кочевых обществах, возникает необходимость расширения научного категориального аппарата. В 80-е годы в советском востоковедении начинают применяться дефиниции, широко используемые в мировой социоантропологии: вождество-чифдом, потестарность, конический клан, редистрибутивность и т. д.

Удачным оказалось их «внедрение» в кочевническую, в частности, монгольскую проблематику. Новаторские работы последних лет Н. Н. Крадина, В. В. Трепавлова, Т. Д. Скрынниковой говорят сами за себя. Средневековое монгольское общество, с которым волею исторических судеб столкнулась Русь, благодаря их исследованиям предстает социально-динамичным и мобильным, но фактически не вышедшим за рамки социально чрезвычайно насыщенных, но раннегосударственных и даже родоплеменных отношений.

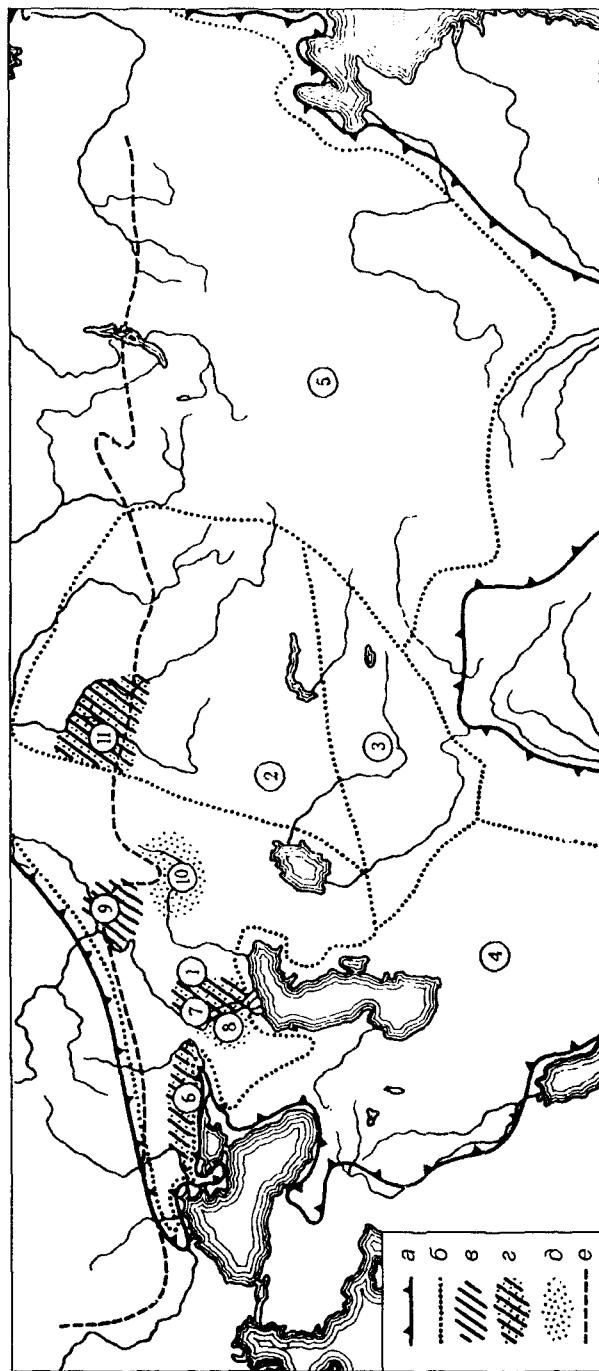
Н. Н. Крадиным была предложена новая трактовка политической организации кочевников, да и самого способа производства. Считая, однако, что «марксистский подход к номадизму далеко не исчерпал себя», ученый видит необходимость «насыщения теории современными достижениями истории и социальной антропологии. Так, при более емком понимании категории “производительные силы” за счет включения социального компонента представляется, что производительные силы кочевых обществ — это не только примитивная технология и экстенсивное присваивающе-производящее хозяйство, но и специфические формы социополитической организации... номадизма, от племенных союзов и вождеств до кочевых империй. Эти формы социополитической организации являлись тем средством, с помощью которого номады обеспечивали организацию экспансии, доминирование над земледельцами и получение от них необходимой сельскохозяйственной и ремесленной продукции» (Там же. С. 182–183). Эксплуатация зависимых народов приобретала в этом случае характер «экзоэксплуатации» (Там же. С. 129).

Каковой же была политическая организация кочевников — еще один вопрос, поставленный автором. Рассмотрев «марксистские» критерии государственности, он приходит к выводу, что ни один из них «не может служить убедительным показателем возможности самостоятельного преодоления кочевниками барьера государственности» (Там же. С. 152–159, 160, 162, 164). Но тем не менее о государственности говорить можно, но «только как о государственности специфической — связанной с завоеваниями и направленной вовне общества». Такую «кочевническую» государственность Н. Н. Крадин обозначает термином «экзополитарная» (Там же. С. 165, 182, 184).

По характеру отношений, складывающихся между завоевателями и покоренными народами, ученый выделяет три типа «экзополитарных» политических образований: «типичный», «даннический», «переходный». В итоге Н. Н. Крадин выступает «за существование у кочевых народов особой, отличной от ранее выделенных, общественно-экономической формации, основанной на внешнеэксплуататорской деятельности» (Там же. С. 182, 191).

К политическим проблемам монгольской истории XIII в. обращается в своем исследовании «Государственный строй Монгольской империи XIII в.». В. В. Трепавлов. Его подход также отличается от общепринятого. В центре его внимания — рассмотрение политических и идеологических институтов монголов с позиций традициогенеза. Цель своей работы он определяет так: «Изучение традиционных элементов монгольской государственности XIII в., т. е. компонентов социально-политического устройства, перешедших в нее из административных структур раннего средневековья» (хунну, древних тюрков и др.). Другими словами, речь идет о «преемственности государственного строя» у монголов времени Чингисхана и его наследников, о «проблеме историко-генетических связей в кочевой государственности» (Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993. С. 104, 112).

«Государственная традиция» автором и формулируется как «историко-генетическая преемственность общих, основных и существенных принципов, признаков и компонентов государственного устройства, передающихся от одних государств к другим». Основа традиции «представления о порядке и способе определенной деятельности»: «традиция существует не в форме деятельностных актов, а прежде всего в виде представлений о них». Таким образом, «государственная традиция в Монгольской империи проявлялась в двух направлениях — идеологическом оправдании завоеваний и организации управления (концепция верховной власти, соправительств, система крыльев и улусов, престо-

Империя Чингисхана и брды (по С.А.Плетневой):

- а) границы империи; б) границы брды; в) оседло-земледельческая экономика; г) оседло-кочевая смешанная экономика; д) вторая стадия кочевания; е) граница леса; 1) Золотая орда; 2) Белая орда; 3) Царство Ильханов; 4) Орда Джагатай; 5) Империя Юань; 6) Крымское ханство; 7) Большая орда; 8) Астраханское ханство; 9) Казанское ханство; 10) Ногайская орда; 11) Сибирская орда

лонаследие); или как «традиция построения империи и традиция “объединения” кочевников».

Примечательно и то, что автор не рассматривает в качестве всеопределяющей основы формирования и функционирования монгольской государственности «экономический базис», полагая, что у кочевников с начала нашей эры до середины II тысячелетия «формы собственности и власти остаются принципиально неизменными».

Важен и его вывод о том, что «традиционные нормы государственного строительства, возникшие у кочевников, оказались наиболее жизнеспособными на степных территориях империи — в Монголии и Золотой Орде» (Там же. С. 104, 112, 113, 117).

Наконец, следует согласиться с автором и в том, что «разбор особенностей государственной традиции — явления, присущего всем государствам, — имеет и общесоциологическое значение» (Там же. С. 6). Безусловно, как будет указано дальше, это применимо и к средневековой Руси, даже находящейся в даннической зависимости от монголов.

Работы Т. Д. Скрынниковой продолжают исследование внутренней структуры монгольского общества. Но если Н. Н. Крадина и В. В. Трепавлова интересуют в большей степени «внешние» атрибуты проявления государственности, то Т. Д. Скрынникова анализирует эти проявления, исходя из социально-психологических (ментальных) представлений. Харизма и власть — вот две основные взаимосвязанные составляющие монгольского общества (основные положения концепции см.: *Скрынникова Т. Д.* 1) Харизма и власть в представлении средневековых монголов: Автореф. док. дис. СПб., 1994; 2) Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997).

Автор ставит вопрос и шире: «Можно ли считать монгольское общество феодализированным, а его организацию — государственной (и является ли государственность внутренне ему присущей), или оно характеризуется как дофеодальное, догосударственное»? (*Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в представлении средневековых монголов. С. 8).

«Анализ терминов социальной организации, обозначение иерархии предводителей, их взаимоотношения и связи, наблюдение за выборными и наследственными должностями, превращение одной в другую, характер совета, где происходили выборы, — все это позволяет уточнить точку зрения на характер монгольского общества» (Там же. С. 8). То есть и в данном случае наблюдается отход от прежнего алгоритма исследования, который, как мы видели, заключается в анализе или просто постулировании социально-экономических отношений в монгольском средневековом обществе как феодальных (раннефеодальных); далее разбирается надстройка — социально-политические стра-

ты и сама политическая система соответственно как феодальные или феодализирующиеся. У Т. Д. Скрынниковой наблюдение ведется не от схемы, а от самой социально-политической действительности, отраженной в источниках.

Политогенез монгольского общества исследовательница делит на два этапа. Первый — XII в. — она характеризует следующим образом: «Отсутствие у монголов таких основных признаков государственности, как территориальное деление, управленческий и налоговый аппараты, свидетельствует о догосударственном уровне развития общества и позволяет определить его как потестарное — предгосударственное и предполитическое. Монгольскую средневековую социально-потестарную организацию можно определить как вожжество с военной демократией и военной иерархией, обеспечивавшими цельность этносоциального объединения в длительный для кочевников период перехода от разлагающегося родоплеменного общества к государству через предгосударство. Кочевые объединения возникают на базе “генеалогического родства”, часто условного. Даже в период кочевой империи как высшей формы организации и централизации монгольского общества не меняется патриархальный характер ее ядра. Можно согласиться с Г. Е. Марковым в том, что в зависимости от мирного или военного периодов истории кочевого общества оно определялось как патриархальное или военно-демократическое, точнее — военно-иерархическое» (Там же. С. 11–12).

Рубеж XII–XIII вв. — это уже «период перестройки потестарного организма монгольского этноса, вызванный политической активностью процесса укрупнения этнопотестарных образований»: от родовых предводителей власть переходит к военным предводителям (хотя часть родовых лидеров сохраняет свои позиции). «В разделении правителей на две группы отразились два типа властных отношений: традиционный и харизматический. Но между этими двумя группами нет резкой границы, прежде всего потому, что все они являются лидерами благодаря обладанию харизмой»: либо по наследству, либо приобретенной. В конечном итоге происходило по сути возвращение к традиционному типу. Следовательно, монгольское общество XII–XIII вв. рассматривается Т. Д. Скрынниковой как потестарно-политическое с неразвитой классовой структурой, отсутствием государственных институтов как формы его функционирования и, следовательно, наличием соответствующих традиционных институтов власти. «Именно поэтому особую роль в жизни социума играл лидер», — отмечает автор (Там же. С. 12).

Таково современное состояние проблемы внутреннего развития средневекового монгольского общества. Анализируя кочевниковедчес-

кую историографию, Л. Н. Гумилев в свое время пришел к такому выводу: «Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю “раскосыми и жадными” глазами степняков. Благодаря этому наши ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира» (Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 93). Нынешние исследования отечественных ученых, думается, лишь подтверждают это.

Экскурс в историографию, а также обзор современной историографической ситуации нами был совершен не ради, как может сложиться впечатление, академического любопытства. Отнюдь не безразличным представляется нам, с кем в третьем-четвертом десятилетии XIII в. пришлось встретиться русскому народу. Ведь во многом исходя из общественного устройства, быта, мировоззрения и строятся взаимоотношения между этносами-социумами.

Принимая во внимание рассмотренные работы новейших отечественных исследователей-востоковедов, можно говорить, что в XIII в. произошло столкновение двух достаточно близких по своему социальному развитию миров, так как и на Руси (см. работы И. Я. Фроянова и его школы), и у монголов во многом определяющую роль играли архаические архетипы и основы, но двух разных по быту и мировоззрению этносов. Эти факторы, как представляется, и наложили отпечаток на их сложные длительные взаимоотношения в XIII–XV вв.

Русь и монголы: взгляды отечественных историков. В отечественной историографии вычленение проблемы «монголо-татары и Русь» восходит к концу XVIII — началу XIX вв. Ее понимание и трактовку, судя по современным исследованиям, необходимо связывать с «процессом самоутверждения русского менталитета», «выражением интенсивного роста национального самосознания» и «небывало высокого патриотического подъема». Эти социально-психологические основы формирования русской национальной культуры нового времени непосредственно повлияли и на становление русской национальной историографии, ее начального — «романтического» — периода. Отсюда в высшей степени эмоционально-драматическое, даже трагическое восприятие событий древней русской истории, тем более таких, как монголо-татарское нашествие и иго.

Обаянию русских летописей, трагически ярко рисующих Батыево нашествие и его последствия, поддался Н. М. Карамзин. Его восприятие событий далеких времен не менее эмоционально, нежели современников или очевидцев самих событий. Россия — «обширный труп

после нашествия Батыева», — так он определяет в своей эпохальной «Истории Государства Российского» непосредственные результаты походов монголов. А вот состояние страны и народа при иге: оно, «изнурив Государство, поглотив гражданское благосостояние оного, унизило самое человечество в наших предках, и на несколько сот веков оставило глубокие, неизгладимые следы, орошенные кровью и слезами многих поколений». Печать сентиментальности присутствует даже тогда, когда Н. М. Карамзин обращается к социологическим обобщениям и выводам. «Сень варварства, — пишет он, — омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу...», «Россия, терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!». Ордынское иго как причина отставания Руси от «государств Европейских» — таков первый основной вывод Н. М. Карамзина. Вторым вывод историографа относится к внутреннему развитию Руси в «монгольские века». Он не соответствует сказанному прежде, не вытекает из него и, более того, противоречит, ибо, оказывается, монголы принесли на Русь не только «кровь и слезы», но и благо: благодаря им были ликвидированы междоусобия и «восстановлено самодержавие», сама Москва была «обязана своим величием ханам». «Карамзин первым из историков выделил влияние монгольского нашествия на развитие Руси в большую самостоятельную проблему отечественной науки» (Н. С. Борисов).

Взгляды Н. М. Карамзина получили широкое распространение среди современников и ученых следующих поколений: наиболее видного представителя «карамзинская» линия нашла в лице Н. И. Костомарова. В одной из своих основополагающих работ «Начало единодержавия в древней Руси» Н. И. Костомаров, как и Н. М. Карамзин, объяснял происхождение самодержавной власти на Руси татарским завоеванием. Наследство Н. М. Карамзина чувствуется и в его другом пассаже: при монголах «исчезло чувство свободы, чести, сознания личного достоинства; раболепство пред высшими, деспотизм над низшими стали качествами русской души», произошло «падение свободного духа и отупение народа». В целом для Н. И. Костомарова с завоевания монголов «начался великий переворот русской истории».

Однако в ряде работ того времени просматривается и иная направленность, нежели у Н. М. Карамзина и Н. И. Костомарова. Подобного характера соображения были положены С. М. Соловьевым в основу его понимания русского средневековья. «Так как для нас предметом первой важности были смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка, и так как на-

чало нового порядка вещей на севере мы замечаем прежде татар, то монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали или препятствовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, — продолжал С. М. Соловьев, — что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя в полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них». Еще более четко его позиция по «монгольскому вопросу» была сформулирована в следующих словах: «...Историк не имеет права со второй половины XIII века прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений». В своей «Истории России с древнейших времен» великий историк конкретизирует и детализирует эти общие положения.

В отношении С. М. Соловьева к русско-монгольской тематике привлекает взвешенность и концептуальность подхода. Это выразилось соответственно в отсутствии трагически-эмоциональных оценок, каковыми была заполнена предшествующая историография, а также во внимательном отношении к развитию именно внутренних «самобытных» (как сказали бы его современники-славянофилы) процессов. Взгляд на историческое развитие «монгольской Руси» С. М. Соловьева, таким образом, явился новой научной концепцией этого периода и альтернативой преобладавшей до этого точке зрения Н. М. Карамзина.

Итак, с середины XIX в. «монгольский вопрос» становится одной из главнейших тем в востоковедческих и русских медиевистских исследованиях. Во второй половине века формируются два магистральных пути его изучения. Первый, восходящий к традициям, заложенным Н. М. Карамзиным (а также востоковедом Х. Д. Френем), и представленный рядом крупных монголоведов того времени, исходит из значительной, а временами определяющей и всеохватывающей роли монголов в средневековой русской истории. Второй связан с именем прежде всего С. М. Соловьева, а также его продолжателей, среди которых выделяются В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, а в первой трети XX в. М. Н. Покровский и А. Е. Пресняков. Для этих ученых главным остается естественный ход внутренней жизни средневековой Руси, не подверженной, по крайней мере кардинальным образом, изменениям. Так, С. Ф. Платонов считал монгольское иго лишь «случайностью в нашей истории»; поэтому, писал он, «мы можем рассматривать внутрен-

ную жизнь русского общества в XIII в. не обращая внимания на факт татарского ига».

Словом, однозначности в монгольском вопросе не было ни в целом, ни в конкретных сюжетах. Это дало повод одному из специалистов-востоковедов начала XX в. подвести такой итог: «Едва ли можно указать на какой-либо другой вопрос в русской истории, который был бы так мало разработан, как вопрос о татарах» (*Стратонитский К. А. Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М., 1913. С. 3. См. также: Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и права на русскую культуру и право // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 155; Трепавлов В. В. «Евразийская проблематика» в научных дискуссиях России и Запада // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995. С. 167).*

Советская историография, как видим, застала «монгольский вопрос» нерешенным однозначно, более того, решаемым диаметрально противоположным образом. Некоторое время монгольский период не привлекал особого внимания советских историков. Ситуация начинает меняться к концу 30-х годов, уже после того, как прошли важнейшие дискуссии по ряду проблем истории России, с «парохода современности» были сброшены классово-вредные буржуазные концепции русской истории и произошло упрочение марксистского учения. После утверждения концепции Б. Д. Грекова о классовой феодальной природе древнерусского общества настал черед для следующего — средневекового — периода истории Руси. Тогда и появляются первые марксистские работы, посвященные периоду XIII и последующих веков. В 1937 г. выходит научно-популярная работа Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда», состоящая из двух частей — «Золотая Орда» и «Золотая Орда и Русь» (переиздания: 1941 и 1950 (с дополнениями)).

Книге суждено было дать ответ на вопрос о том, как должно понимать, изучать и излагать проблему «Русь и монголы» в советской исторической науке. В этом плане авторы пошли по ставшему уже традиционным для марксистской историографии пути. Они обратились к классикам марксистской мысли, конкретно — к высказываниям К. Маркса, а также И. В. Сталина. «Мы имеем случай убедиться не раз, — писал Б. Д. Греков, — как Маркс расценивал влияние золотоордынской власти на историю русского народа. В его замечаниях мы не видим даже намек на прогрессивность этого явления. Наоборот, Маркс резко подчеркивает глубоко отрицательное влияние золотоордынской власти на историю России». Приводится и цитата из К. Маркса о том, что иго «продолжалось от 1257 по 1462 г., т. е. более двух столетий; это иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его

жертвой». Еще более четко и определенно высказался И. В. Сталин (это было сделано по поводу австро-германского нашествия на Украину в 1918 г.): «Империалисты Австрии и Германии... несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского...».

Такой подход и оценка классиками марксизма-ленинизма средневековых русско-монгольских отношений оказали прямое воздействие на всю дальнейшую советскую историографию. Но было ли что-нибудь принципиально новое в суждениях идеологов и политиков XIX и XX вв. по рассматриваемой нами проблеме? По всей видимости, нет. В самом деле, за исключением «карамзинского» тезиса о некоторых позитивных чертах развития русской государственности, в целом в восприятии классиками «монгольского вопроса» повторены положения Карамзина–Костомарова. Также говорится о негативности влияния ига на общественную и духовную жизнь средневековой Руси, причем также довольно-таки эмоционально.

Первой в отечественной историографии монографией, целиком посвященной русско-ордынской теме, стала книга А. Н. Насонова «Русь и монголы» (1940 г.). Проанализировав большое количество русских (в основном летописи) и восточных (в переводах) источников, А. Н. Насонов пришел к следующим конкретным выводам: 1) внутренняя политическая жизнь Руси второй половины XIII — начала XV в. определяющим образом зависела от положения дел в Орде; изменения, происходившие в Орде, непременно влекли за собой новую ситуацию на Руси; 2) монгольские ханы постоянно манипулировали русскими князьями; 3) против монголов происходили народные выступления, но они подавлялись.

Большинство выводов работы А. Н. Насонова стали также основой для последующей разработки проблемы. Более того, можно сказать, что в таком «амплуа» она остается до сих пор: многие ее положения (если не большинство) приняты в современной историографии в качестве аксиом.

Следовательно, благодаря работе Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского и монографии А. Н. Насонова прежде всего «советская историография 30-х — начала 40-х годов выработала... единый научно-обоснованный взгляд на последствия монголо-татарского нашествия как на страшное бедствие для русского народа, надолго задержавшее экономическое, политическое и культурное развитие Руси» (Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная русь и кочевники М., 1967. С. 251); это обуславливалось и тем, что на много десятилетий на Руси был установлен режим, как писали советские историки, «систематического террора». «Изучение борьбы русского народа с татаро-монгольскими поработителями, — провозглашал, к

примеру, А. А. Зимин, — является одной из важных задач советской исторической науки».

Итак, советской исторической науке был «предложен» уже апробированный путь. Однако в отличие от предыдущего историографического периода этому пути альтернативы не было. Жесткие рамки возможных интерпретаций русско-ордынских отношений не должны были позволить какое-либо кардинально иное их понимание. В подобном духе было выдержано большинство трудов вплоть до 90-х годов (Л. В. Черепнин, П. Н. Павлов, В. В. Каргалов, В. А. Кучкин, В. Л. Егоров).

В настоящее время историография русско-ордынской темы представлена двумя основными тенденциями: принятой еще наукой советского периода и «евразийской». «Евразийство», применительно к монгольской тематике представленное именами послереволюционных эмигрантов Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Э. Хара-Давана и др., сейчас, в отличие от прошлых десятилетий, активно присутствует в российской общественной и научной мысли (см. напр.: *Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн»*. М., 1997). Ему «противостоит» концепция русско-монгольских отношений, сформированная исторической наукой в 30–60–70-е годы. Насколько существенны расхождения этих концепций? Если брать детали, то, верно, наберется уйма несоответствий и несогласий. А если посмотреть более широко и объемно?

Обе концепции признают в той или иной мере зависимость Руси от монголов, что очевидно. Но «евразийский» взгляд предполагает статус русских земель в качестве «русского улуса», т. е. их вхождение в основную территорию Золотой орды. Однако от этого, считали «евразийцы», никакого «застоя» во внутренней жизни Руси не произошло. Более того, она обогатилась многими приобретениями в различных сферах общественной, политической, культурной и даже этнической жизни.

Большинство отечественных историков считали и считают, что Русь, как территория и общество, не стала территорией «Джучиева улуса». Как отметил В. Л. Егоров, между коренными землями Северо-Восточной Руси и Золотой орды существовали так называемые «буферные зоны», по сути разграничивавшие русский и монгольский ареалы. Но это вместе с тем не облегчило положения Руси. Русь оказалась под тяжелым ордынским «игом», просуществовавшим почти два с половиной столетия. «Иго» отбросило страну, находившуюся в русле общеевропейского развития, на несколько столетий, обусловив ее отсталость и специфику развития в будущем. Таковы позиции противостоящих в настоящее время историографических сторон в «монгольском вопросе».

С нашей точки зрения, несмотря на внешнюю антагонистичность, непреодолимых препятствий между ними нет. Но для этого необходимо несколько смягчить их положения (и источники позволяют это сделать), касающиеся внутреннего состояния и развития Руси «под игом». Нет сомнений, оценка отношений как сплошь «дружеских» или «благожелательных» действительности не соответствовала. Имело место противостояние двух этнообщественных систем (хотя, может быть, и близких в своей социальной основе), и противостояние жесткое. С другой стороны, полагаем, что и взгляд на русско-ордынские отношения как на «тотальное» подчинение Руси Орде, выразившееся в форме постоянного «террора» по отношению к населению и князю, отличается, по крайней мере, некоторым преувеличением.

При этом речь идет не о защите монголо-татарской политики на Руси, мы не стремимся к какой-либо апологетике монголо-татар (представляется, что история любого этноса не нуждается в защите и покровительстве, ибо у всех есть положительное и отрицательное, «черное» и «белое» и т. д.). Речь идет о создании, по возможности, более полной картины русско-ордынских отношений, полной и сбалансированной, без перекосов в ту или иную сторону. Речь также идет и о попытке объяснить некоторые элементы отношений (их истоки, причины), которые далеко не всегда укладываются в привычные нам рационалистические схемы. Набеги, штурмы, насилия явно упрощают русско-ордынские отношения, как упрощают в целом и внутреннее развитие самой Руси, во многом сводя его лишь к навязанному влиянию монголо-татарских порядков. Религиозные представления, нормы обычного права, явления быта, обрядность — все это необходимо учитывать при изучении русско-ордынских отношений. Ведь в соприкосновение пришли не только экономические, социальные и политические, но и мировоззренческие системы: идеологические и ментальные. Без учета последних наше восприятие истории Руси XIII–XV вв. обедняется и становится неадекватным.

Цель исследований русско-монгольских отношений в настоящее время — показать общее и отличное, то, что соединяло или разъединяло две крупные общественные системы евроазиатского средневековья. В конечном итоге необходимо перейти от трактовки русско-ордынских отношений как непрерывной борьбы к трактовке, предполагающей многостороннее и многоуровневое взаимодействие при в основном автономном внутреннем развитии.

«Батыево пленение». Один из аспектов проблемы русско-монгольских отношений — само начало их, обозначаемое обычно как монго-

ло-татарское нашествие (см. последние работы о походе Бату-хана на Русь: *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 351–392; *Хрусталева Д. Г.* Русь от нашествия до «ига» (30–40-е годы XIII века). СПб., 2004), а также его последствия. Длительное время нашествие монголо-татар воспринималось безальтернативно как повсеместно лишь разрушительное, последствия которого, усугубленные установлением «ига», Русские земли очень долгое время не могли преодолеть.

Сохранившиеся письменные источники позволяют трактовать эти, безусловно, в целом драматические для Руси события, по крайней мере, не так прямолинейно, как это принято. Надо сказать, что в последние годы исследователи более тщательно, взвешенно и критично стали подходить к летописным известиям об этих событиях (А. Ю. Бородин, В. Н. Рудаков, Д. Г. Хрусталева). Так, по мнению В. Н. Рудакова, «характер летописных рассказов о нашествии Батыя — содержащихся в них оценок, деталей описания событий, используемых сюжетов — определялся сочетанием личных пристрастий писателей и ряда социальных факторов, судя по всему, оказывавшим мощное влияние на творчество книжников. На восприятие монголо-татар среди прочих влияли и место, в котором создавался тот или иной рассказ (было ли это княжество, подвергнутое татарскому разорению или же периферия русско-ордынских контактов), и характер отношений “политической элиты” соответствующего княжества с ордынскими властями (от явно враждебного до заискивающего дружелюбного), и время появления повествования (писалось ли оно по горячим следам очевидцем или же создавалось *post factum* как результат спокойных размышлений потомка), и источники информации авторов (непосредственное восприятие или литературная обработка слухов) и пр.» (Рудаков В. Н. Восприятие монголо-татар в летописных повестях о нашествии Батыя // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 10. М., 2000. С. 135–136).

В настоящее время оказывается поколебленным, а то и рушится последний бастион сторонников радикальных изменений на Руси как факта монголо-татарского нашествия — археологические данные. Археологи уже далеко не так уверенно связывают все разрушения и пожары с событиями 1237–1240 гг., говоря о «зыбких основаниях» такой трактовки. В определенной степени поворотными в археологическом осмыслении всего этого стали конференция «Русь в XIII: континуитет или разрыв традиций?» (Москва, 2000 г.) и сборник статей «Русь в XIII: древности темного времени» (М., 2003).

В статье Н. А. Макарова, предворяющей сборник, четко говорится, что «прямое отождествление объектов, связь которых с военными действиями не очевидна, а узкая датировка — невозможна, со следами Ба-

тыева нашествия способствует формированию необъективных представлений о масштабах трагедии 1237–1240 гг.» (*Макаров Н. А.* Русь в XIII: характер культурных изменений // Там же. С. 7; см. также: *Чернецов А. В.* К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Там же. С. 12, 13; *Хрусталева Д. Г.* Русь от нашествия до «ига» (30–40-е годы XIII века). С. 271). А «поспешно согласившись с тем, что общие культурные сдвиги той эпохи были обусловлены лишь разрушительным вторжением Батыя, мы рискуем чрезмерно упростить и представить в искаженном виде сложную картину исторической жизни XIII столетия» (*Макаров Н. А.* Русь в XIII: характер культурных изменений. С. 7). Можно добавить — и не только XIII в., но и последующих.

Более того, археологические материалы дают нам основание говорить о достаточно быстром восстановлении укреплений городов, подвергшихся штурму, о продолжении функционирования ремесленного дела (в том числе и строительного) и пр. В связи с этим весьма важной представляется ремарка А. В. Чернецова о том, что почти все разоренные «стольные города» «в дальнейшем продолжают существовать как крупные городские центры», в том числе и Рязань (Старая Рязань), как это ни странно, может быть, звучит (*Чернецов А. В.* К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа. С. 14–15).

Остановимся на самих событиях. Первые военные удары монголами были нанесены соседним народам: тангутам, чжурженям (предкам современных маньчжур), а также уйгурам, туркменам и др. Используя их военные силы, а также боевые навыки, монголы в 1219–1224 гг. предприняли поход в Среднюю Азию, Иран, Афганистан, на Кавказ и в половецкие степи. В Средней Азии были захвачены и разрушены Самарканд, Бухара, Ходжент, Мерв и другие богатые города. Далее, после захвата Северного Ирана, монголо-татары двинулись в Закавказье. Однако вследствие сопротивления армян и грузин и (в большей степени) непривычных естественных условий (горы) они были вынуждены покинуть эту территорию.

В степи монголы возвращались другим путем. Найдя узкую равнинную полосу между Каспийским морем и горами у древнего Дербента, «псы» Чингисхана — полководцы Джебей и Субедей, ворвались в половецкие степи. Разгромив часть половцев, они стали продвигаться к русским землям. Тогда один из половецких ханов — Котян, обратился за помощью к русским князьям: «Побороните нас. Аще не поможете нам, мы ныне иссечени будем, а вы наутрие иссечени будете». После совещания просьба древнерусскими князьями была принята.

Однако не все русские земли выставили свои войска (отсутствовала дружина из Ростово-Суздальской земли), а между пятнадцатью направившимися к Дону князьями не было единства. Заманив русское войско в степи, монголо-татары (численность их доходила до 30 тыс.) 31 мая 1223 г. в битве на реке Калке нанесли ему жестокое и сокрушительное поражение. Из Приазовья вернулась лишь десятая часть войска.

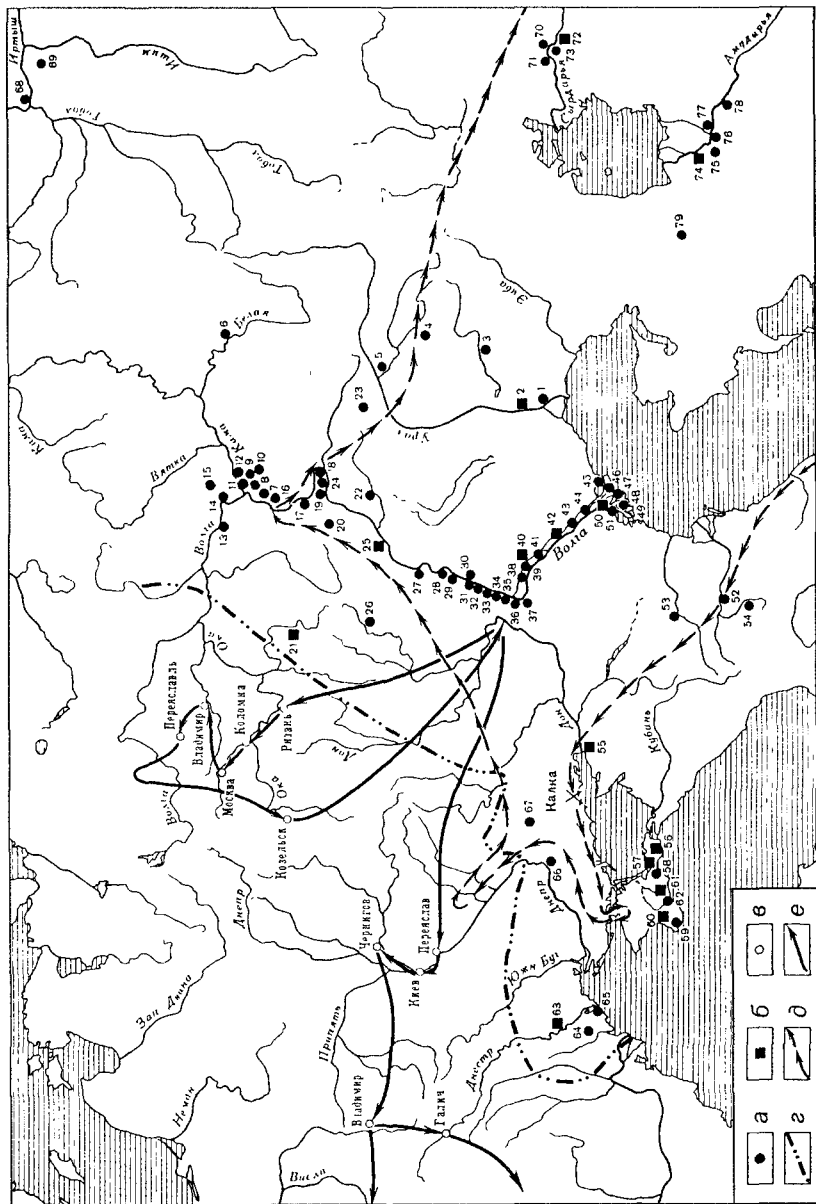
Несмотря на успех, монголо-татары, продвинувшись до Днепра, неожиданно повернули назад в степи. Так закончился первый поход монголо-татар на Русь.

Однако поход 1223 г. преследовал и иные цели: по Л. Н. Гумилеву, он как бы предвосхитил последующие события. Источники не позволяют определенно говорить о намерениях монголов после Калки. Но можно проанализировать их «отступление». Какие выводы из их действий мы можем извлечь, если к ним относиться не как к спонтанным и не поддающимся никоим образом расшифровке? В маршруте после «Калкацкого сражения» проявилась явная незаинтересованность монголов в северных территориях Руси. «Отступление» их было осуществлено по самой кромке лесного пояса. Этим они как бы очерчивали сферу своего будущего непосредственного влияния. Именно она их интересовала при походе на Запад. По отношению к территориям северо-восточных русских земель лесостепные и степные районы были их «подбрюшьем».

В 1229 г., а затем и в 1235 г. монголами было решено продолжить поход на Запад. В связи с этим возникает вопрос: какая роль отводилась Руси? Или, другими словами, означал ли поход на Запад одновременно и поход на Русь? Если последнее верно, то по всем ли территориям Руси должен был промчаться смерч монгольского нашествия или только по южным? В таком случае в какой ипостаси рассматривались северо-восточные и северо-западные земли Руси? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Принятая в исторической науке версия Батыева нашествия исходит как из само собой разумеющегося, что Русь — и северо-восточная, и южная ее части, лежащие на пути движения монгольских орд, должны были быть завоеваны. Другого исхода не существовало, и Русь приняла этот удар на себя, заслони́в Европу. Целью монголов, действительно, была Европа. Тогда зачем им было воевать в труднодоступном русском «залесье»? Заведомо ясно, что военные действия там будут тяжелы, а результаты неизвестны.

Но Русь — это не только Залесье. Южная Русь — это степи, родная стихия кочевников. И именно она лежала на пути в Европу. Именно на

Золотая орда и походы монголов (по Г.А.Федорову-Давыдову):

а) - б) золотоордынские города; в) русские города, при которых произошли сражения; г) границы Золотой орды; д) поход 1223 г.; е) походы 1238-1240 гг.

нее должно было обрушиться нашествие. Когда мы читаем в источниках о планах завоевания Руси, видимо, надо подразумевать Южную Русь. Важными, заметим, являются здесь наблюдения исследователей над эволюцией понятия «Русская земля», «Русь» в текстах летописей первой половины XIII в. Этими терминами обозначалась южная часть Русской земли (Киевщина, Переяславщина, Черниговщина), но не территория Северо-Востока («Ростовская земля», «Суждаль»). «Русь», «Русская земля» стали обозначать Северо-Восточную Русь только со второй половины XIII в.

Как же тогда монголы оказались в Северо-Восточной Руси? Ответ на этот вопрос попытался дать — одним из немногих — Л. Н. Гумилев. По его мнению, поводом для вторжения в северо-восточные русские земли стало сопротивление половцев («фронтальное наступление монголов на запад захлебнулось»), которых монголы вынуждены были обойти севернее. Это было сделано по русской территории, князья и население которой оказали отпор. «Думается, — пишет ученый, — Батый не ожидал активного сопротивления от Юрия II, но, встретив таковое, сломил его, проложив дорогу своему войску» (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 506–508). Но «западный поход» монголов «свернул» от прямого пути на север не только из-за половецкого фактора. И это отметили А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузов (в предисловии к книге Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси»). «Монголы Бату-хана, планировавшие поход вглубь Европы, в 1237–1240 гг. не рассматривали Русь как свое будущее владение; их заботила лишь добыча да потребность обезопасить свой правый фланг и тыл, поэтому нашествие носило чрезвычайно опустошительный характер и привело к исчезновению многих городов и сельских поселений». То есть, по мнению этих ученых, «русский поход» (вглубь северо-восточной территории) совершился по двум причинам: монголам (для похода на Запад) необходимы были материальное подкрепление и безопасность тыла. При этом, как считали исследователи, печальная участь Северо-Восточной Руси была решена заранее. Нам представляется, что последнее утверждение не верно, зато мысль о «добыче» и безопасности заслуживает внимания.

Итак, судя по всему, поход затевался лишь по южной окраине русских земель — на пути монгольских туменов лежали Чернигов, Переяславль, Киев, Юго-Запад.

Но первое «фронтальное» столкновение случилось на Рязанской земле в конце 1237 г. (подробнее см.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. СПб., 2003). Героическое сопротивление рязанцев, не позволившее монголам пополнить запасы и ресурсы для похода на запад, как бы автоматически повлекло их вторжение в северо-восточные русские земли.

Спонтанное, вызванное, как отметил Л. Н. Гумилев, сопротивлением русских земель их движение туда объясняет и их дальнейшую непоследовательность, своеобразное отступление.

Однако обо всем по порядку. Овладев Волжской Булгарией, к осени 1237 г. монголы перешли Волгу и сосредоточились на реке Воронеж. Как свидетельствуют летописи, в русских городах следили за продвижением монголо-татар, знали об их приближении и завоевательных планах, готовились к обороне. Однако за монголо-татарами оставалось подавляющее превосходство в военных силах. По самым скромным подсчетам их армия насчитывала от 37,5 до 75 тыс. человек и использовала первоклассную для того времени осадную технику.

При отсутствии политического и военного единства на Руси противостоять многочисленным, хорошо обученным войскам монголо-татар было крайне сложно. Тем не менее Русские земли, особенно в начальный период, попытались организовать коллективный отпор. Но объединения сил нескольких земель было недостаточно для противостояния сильному противнику.

Первой русской территорией, подвергшейся нашествию монголо-татар, стала Рязанская земля. На требования Батыя о добровольном подчинении и выплате дани рязанский князь Юрий Ингваревич и союзные с ним пронский и муромский князья ответили отказом. В свою очередь, не получив помощи от других земель, рязанцам пришлось действовать в одиночку. Но, даже находясь в осаде, они нашли мужество ответить татарским послам: «Если нас всех не будет, то все ваше будет». Рязань пала после пятидневной обороны 21 декабря 1237 г. Город был разграблен и зажжен, а жители, среди которых была княжеская семья, перебиты.

Ожесточенные сопротивлением завоеватели, ранее, видимо, не преследовавшие целей проникновения вглубь русских лесных территорий, теперь, в январе 1238 г., двинулись во Владимиро-Суздальскую землю. В бою под Коломной они нанесли поражение владимирцам и остаткам рязанцев, после чего подошли к Москве. Москва, бывшая в то время небольшим пригородом Владимира, оказала отчаянное сопротивление. Обороной руководил воевода Филипп Нянка. Город был взят только через пять дней. 3 февраля 1238 г. Батый подошел к Владимиру и осадил его, одновременно отправив отряд к Суздалю. 7 февраля после ряда безуспешных попыток овладеть городом через Золотые ворота захватчики ворвались в него через проломы в стене вала. Успенский собор, в котором укрылись епископ Митрофан с княгинями и княжескими детьми, был подожжен. Между тем сам владимирский князь Юрий, отъехав на север, попытался силами владимирского войска и

собранных им полков Ростовской, Ярославской, Углицкой и Юрьевской земель остановить монголо-татар. 4 марта 1238 г. состоялась битва на затерянной в густых лесах северо-западнее Углича речке Сити. Точное место сражения до сих пор не установлено, но зато достоверно известно, что вся русская рать была перебита. Погиб и Юрий Всеволодович.

В то же время другой отряд монголо-татар двинулся в Северо-Западную Русь. Здесь они встретили упорное сопротивление жителей Торжка — пригорода Новгорода. Но 5 марта — после двухнедельного стояния под его стенами — монголо-татары с помощью стенобитных устройств взяли и его.

Путь на Новгород, таким образом, был открыт. Однако случилось непредвиденное: не дойдя до Новгорода ста верст, Батый возле местечка Игнач-крест резко повернул на юг. Причины этого решения можно назвать лишь предположительно: предстоящая весенняя распутица, вследствие которой чрезвычайно усложнялось дальнейшее продвижение, усталость и потеря боевого духа самими монголами, сражавшимися в непривычных для них условиях, а также доходившие до них слухи о решимости новгородцев сражаться до последнего.

Отход был стремительным и носил характер «облавы». Монголы разделились на отряды и, идя с севера на юг, охватывали своей «сетью» населенные пункты, попадавшие на пути. Особенно необходимо отметить стойкость жителей (во главе с юным князем Василием) небольшого городка Козельска, оборонявшегося без чьей-либо помощи семь недель. Они совершали вылазки, нападали на врага, уничтожали осадные устройства. Когда дело дошло до штурма, то «козляне ж ножи резахуся с ними». «Злым городом» прозвали его татары и «не пощаде от отрочат до сосущих млеко». Удалось отбиться Смоленску, но были разорены такие крупные центры, как Переяславль-Южный, Чернигов и др. После этого монголо-татары вновь ушли в степи.

Итак, монголо-татары не дошли до Новгорода (возможно, осознав, что это тупик), резко повернули на юг, и, таким образом, сделав огромный крюк, по сути возвратились на тот плацдарм, с которого они начали в конце 1237 г. поход на Русь. Л. Н. Гумилев, говоря о «большом набеге Батыя на Русь» (*Гумилев Л. Н. Древняя Русь... С. 533*), прав в отношении ее северных территорий. При взгляде на передвижение отрядов Бату-хана действительно складывается такое впечатление. Вместе с тем этого не скажешь об их движении по южнорусскому лесостепному и степному коридору — оно было явно целенаправленным на запад.

Лишь в 1239 г. разработанный на курултае 1235 г. план стал претво-

ряться в действительность. В 1239–1241 гг. монголы, теперь уже никуда не сворачивая, прошли по южнорусским землям.

Апофеозом этого их продвижения стало взятие в декабре 1240 г. «мати градом Русским» Киева. Вместе с тем надо отметить и то, что до кровавого штурма города Батый, как и прежде (в Рязани, Владимире), пытался решить дело мирным дипломатическим путем. Еще в 1237 г. сюда был направлен царевич-чингизид Менгу-хан (будущий великий хан). Ипатьевская летопись сообщает, что он «пришедшу сглядать град Киева, ставшу же ему на оной стране Днепра во градъка Песочного, видив град удивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаном хотя е прельстити и не послушаша его» (*Полное собрание русских летописей* (далее — ПСРЛ). Т. II. М., 1998. Стб. 782). Следовательно, переговоры закончились безрезультатно. В конце 1240 г. сюда «в силе тяжъце, многом множеством силы своеи» подошел вместе с другими царевичами и «воеводами» Бату-хан ...

Взяв Киев, в следующем году монголо-татары разгромили Галицко-Волынскую Русь, а затем вторглись в Европу. «Бич Господень» (так называли монголов европейцы) вызвал ужас и панику. В посланиях европейских правителей друг другу писалось, что «всему христианскому (т. е. католическому) миру грозит всеобщее уничтожение». Однако после ряда сражений в Чехии и Венгрии Батый, которому вследствие случившейся смерти великого хана Угэдея предстояло принять участие в избрании наследника, повернул свои войска на восток.

Что касается Киева и окрестных земель, то проезжавший там несколькими годами позже Плано Карпини оставил нам свое леденящее душу описание (возможно, и несколько преувеличивающее безусловно трагическую ситуацию): «Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве».

После нашествия. А как обстояли дела в Северо-Восточной Руси? Ход событий здесь хорошо известен. По одиночке русские князья не смогли противостоять, как считают историки, лучшей армии того времени. Многие северо-восточные города пали, другие города не стали обороняться и, по всей видимости, не подверглись разорению, а до некоторых северных городов татары не дошли.

Судьба конкретных северо-восточных городов не вполне ясна, поскольку, в частности, не совсем четки формулировки летописца. Что он подразумевал под тем, что монголы «идоша», «плениша», «взяша»

тот или иной город? Археологические раскопки тоже не дают оснований для абсолютных заключений о состоянии городов во время нашествия. Поэтому у историков нет единого мнения о том, что произошло не только с небольшими, но и с крупными городами Северо-Восточной Руси. Одно ясно, что наряду с сильно пострадавшими городами ряд городов избежал вооруженного взятия.

Не последнюю роль в отношении монголов к Северо-Восточной Руси сыграло мистическое восприятие территории в архаических обществах. «...Всякая другая группа, если бы она захотела завладеть этой (чужой. — Ю. К.) территорией и утвердиться на ней, подвергла бы себя самым худшим опасностям. Вот почему мы видим между соседними племенами конфликты и войны по поводу набегов, нападений, нарушения границ, но не встречаем завоеваний в собственном смысле слова. Разрушают, истребляют враждебную группу, но не захватывают ее земли. Да и зачем завоевывать землю, ежели там неминуемо предстоит столкнуться с внушающей страх враждебностью духов всякого рода, животных и растительных видов, являющихся хозяевами этой территории, которые несомненно стали бы мстить за побежденных», — писал французский антрополог Л. Леви-Брюль.

Применительно к ситуации на Руси проникательно, пользуясь художественными приемами, похоже оценил ситуацию советский писатель Василий Ян в широко известном многим поколениям романе «Батый». Узнав о недобрых предзнаменованиях (гибели в болоте шаманки и любимого коня Субэдэя-багатура), Батый, отменяя дальнейшее продвижение на Новгород, говорит слова, которые вполне могли быть произнесены в реальности: «До сих пор не было ничего, что могло бы удержать меня. Мое войско прошло через пустыни, переплыло многоводный Итиль и другие большие реки. Теперь урусутские злые мангусы (духи. — Ю. К.) хотят погубить всех моих воинов, когда реки разольются и обратят дороги в озера. Я поворачиваю назад. Мы едем отдыхать в Кипчакские степи». Безусловно, лесные территории Руси должны были казаться кочевникам-монголам неизмеримо более враждебными, нежели степные южные. Рассматривая последующие взаимоотношения Руси и Орды (в том числе и даннические), мы должны обязательно учитывать реально существовавший в традиционных обществах социально-психологический фактор «ненужности» завоевания.

Нет необходимости преуменьшать трагедию Руси и русского народа, но нет оснований и преувеличивать последствия ее. В этом нас убеждают даже русские источники. Так, вслед за эмоциональным рассказом летописца о беде, постигшей города и веси, следует четкое пере-

числение оставшихся в живых представителей дома Рюриковичей, которые уже в том же 1238 г. рассаживаются по городам. «Пришед седе на столи в Володимери» Ярослав Всеволодович, «разсудив коемуждо их свою вотчину». Но еще раньше он «обнови землю Суждальскую». «Съхранив» «кости» погибших, он приступает к налаживанию мирной жизни: «пришелци утеши и люди многи събра», наконец «поча ряды рядити», а в 1239 г. происходит освящение церкви в Кидекше (Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 129; Т. I. М., 1997. Стб. 467).

Таким образом, возвращение к «структурам повседневности» происходит довольно скоро. Это же относится и к военному делу, о чем свидетельствует дальний поход Ярослава к Смоленску, состоявшийся в 1239 г. Он решал две задачи: оборонить русскую землю от соседей-врагов литовцев и вовлечь в сферу своего влияния смоленский княжеский стол. Литву Ярослав «победи и князя их яль, а Смоляны урядив, князя Всеволода посади на столе», да кроме того взял «множество полона». Словом, успех был полным, что и отметил летописец: «с великою честью отиде в своя си», — полным и не случайным, потому что к нему можно добавить и участие «низовских» полков в победной битве 1242 г. на Чудском озере. «Великий князь Ярославъ посла сына своего Андрея в Новъгородъ Великий в помочь Олександрови на Немци, и победиша я за Плесковом на озере, и полон много плениша и възвратися Андреи к отцю своему с честью» (Там же. Т. I. Стб. 470). Таким образом, активность русских дружин сразу после нашествия свидетельствует о ненарушенности в основном дружинного ядра как главной силы древнерусского войска.

Приведенные примеры позволяют говорить, и вряд ли это будет преувеличением, о достаточно быстром восстановлении норм и порядков общественной жизни, существовавшей до нашествия. Пятилетие 1238–1242 гг. не внесло ничего нового в организацию северо-восточного общества. Более того, в течение почти 20 лет после нашествия Северо-Восточная Русь не была непосредственно включена в орбиту монгольской зависимости.

Однако А. Н. Насонов настаивает на том, что «после татарского завоевания во внутренней жизни края произошел глубокий сдвиг в результате тех событий, которые были связаны с нашествием татар». В основном это обстоятельство он связывает с тем, что «сильно опустошен и разгромлен» был Владимир — этот «вечевой, общеземский центр». Вместе с тем летописные известия (на них ссылается и сам А. Н. Насонов) свидетельствуют о довольно активной общественно-политической жизни этого города. По крайней мере, более двух десятилетий он оставался столицей Северо-Востока: и Ярослав, и Александр «продол-

жали жить еще во Владимире». Последующие же великие князья, действительно, предпочитали оставаться на своих столах (в Твери, Костроме, Переяславле и т. д.). А. Н. Насонов, исходя из этого, делает следующий вывод: «Владимир как город потерял свою силу и значение; он по-прежнему оставался городом столичным, великокняжеским, но не мог уже более служить реальной опорой великокняжеской власти» (*Насонов А. Н. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 38–39, 48–49*). Можно ли говорить при этом о «глубоком сдвиге» в общественной жизни Северо-Восточной Руси? Нам представляется, что нет. Ибо шел тот же самый процесс, которым было наполнено все бытие этого края в последнее столетие: образование новых городов-государств или возрождение «старых» (в частности, Ростова, очередному возвышению которого так много внимания уделяет А. Н. Насонов). Монголы внесли в это свою лепту, но не настолько, чтобы говорить о них как об определяющей силе данной тенденции.

Интересными видятся в связи с этим выводы А. А. Горского. Признавая в целом «воздействие монголо-татарского нашествия и ордынского ига на политическую систему Руси... значительным», он в то же время отмечает следующее: «Очевидно, что развитие Северо-Восточной Руси (и Новгородской земли) после нашествия было относительно менее неблагоприятным, чем у других крупных земель — “коэффициент восстанавливаемости” поселений (по А. А. Горскому, это “количество укрепленных поселений, на которых в конце XIII — начале XIV в. возобновилась жизнь”, “в % к количеству прекративших существование”. — Ю. К.) здесь значительно выше (125 %; выше только в Новгородской земле — 153 %, в то время как в Галицко-Волынской — 31, Киевской — 22, Рязанской — 57 %. — Ю. К.). По-видимому, именно во второй половине XIII — начале XIV в. начинают закладываться предпосылки относительного (в сравнении с другими землями) усиления Северо-Восточной Руси» (*Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. М., 1996. С. 64, 67–68, 78*).

Однако изменения, безусловно, имели место. Летом 1242 г. вернувшиеся с берегов «последнего» — Адриатического, моря монголы в низовьях Волги образовали в составе Монгольской империи новое государство — Золотую орду (улус Джучи). Оно охватило огромную территорию, включая земли волжских болгар, половцев, Крым, Западную Сибирь, Приуралье, Хорезм. Столицей стал Сарай, или Сарай-Бату. К северо-восточным князьям были направлены послы, потребовавшие от них явки к Батю с изъявлением покорности. Так, с 1243 г. устанавливается зависимость русских князей от ханов. Еще более резко положение меняется с конца 50-х годов, когда монгольская империя пыта-

ется на всем своем «жизненном пространстве» установить режим даннических отношений.

Установление даннической зависимости. Вопрос о влиянии монголо-татарской политики на внутреннее (социально-политическое, социально-экономическое, социальное) устройство Руси традиционен для отечественной историографии. Мнения относительно воздействия в целом данного внешнего фактора, как известно, расходятся вплоть до взаимоисключающих.

Исследователи обычно отмечают, что «до переписи власть ордынских ханов над Северо-Восточной Русью не приобрела каких-то определенных форм» (Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 150).¹ В начале 50-х годов при хане Мунке в Кара-Коруме принимается решение о проведении всеобщей переписи для создания единой податной системы на территории всех стран, покоренных монголами. Перепись производилась монгольскими чиновниками, присылавшимися из центра. Так, в 1252 г. перепись проводится в Китае, в 1253 г. — Иране, в 1254 г. — Армении. Есть сведения, что и на Русь в 1253 г. был послан монгольский чиновник Бицик-Берке, но перепись, видимо, тогда не состоялась. В 1257 г. ответственным за сбор дани на Руси был назначен родственник Мунке — Китат.

В течение последующих лет отмечаются неоднократные поездки русских князей «в Татары». В 1256–1257 гг. туда ездили ростовский князь Борис Василькович, суздальский — Андрей Ярославич, наконец, сам Александр Ярославич (Невский). В. В. Каргалов характеризует этот период как время «оживленной дипломатической подготовки» к «проведению татарской переписи в Северо-Восточной Руси». Таким образом, возможно, перепись не была неожиданным для Руси мероприятием.

Наиболее полные сведения о татарской переписи в северо-восточных землях Руси имеются в Лаврентьевской летописи. В ней сообщается, что зимой 1257 г. «приехаша численици исцетоша всю землю Сужальскую и Рязанскую и Мюромскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду, толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зреть на святую Богородицу и на владыку» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 474–475).

¹ Г. В. Вернадский подметил, что «во время путешествия Плано Карпини в Северной Руси (1246 г. — Ю. К.) он не видел монгольских войск», в то время как «киевский регион, а также часть черниговского региона и Подолия находились под непосредственным контролем монголов»; именно отсюда и набирались рекруты в монгольскую армию (Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 148).

Сразу же подчеркнем отношение монголо-татар к представителям русской церкви, которые избежали «числа». Впрочем, факт лояльности ордынцев к носителям различных религиозных воззрений, в том числе православным, как в этом случае, так и во многих других, общеизвестен и встречается на протяжении всего периода русско-ордынских отношений.

Что до «численицев», которые «приехаша» и «исщетоша» все население Северо-Восточной Руси, а потом «идоша в Ворду», как это было и в других странах, то это монгольские чиновники-переписчики. Но кем же были «поставленные» монголами «десятники и сотники и тысячники и темники»: были ли они татарами, или речь идет о русском населении? В связи с этим возникает другой вопрос: была ли создана какая-то новая десятичная организация, или сохранено старое общественное устройство? Эти вопросы имеют принципиальное значение.

А. Н. Насонов рисует картину функционирования в Северо-Восточной Руси (начиная с 1257 г.) «военно-политической организации» монголов, состоящей из многочисленных «баскаческих отрядов», держащих в повиновении местное русское население, причем эти военные отряды предназначались для использования на территории Руси, а не за ее пределами. Ю. А. Лимонов, «усиливая» эти положения, говорит уже о целой «системе оккупации»: создании вокруг крупных городов Руси татарских «слобод» или укрепленных лагерей.

В отличие от этих исследователей М. Н. Тихомиров, а также П. Н. Павлов, В. В. Каргалов и в последнее время В. Л. Егоров центр тяжести деятельности татарских отрядов на Руси перемещают с военной на податную, финансовую. А. А. Л. Хорошкевич в «десятьниках, сотниках» и т. д. видит «лиц», имевших «непосредственное отношение к монгольскому войску», «как глав различных подразделений монгольского войска (десятков и сотен)» (автор в данном случае следует за Г. В. Вернадским, который под «числом» понимает количество русских рекрутов). Эти «низшие войсковые соединения», возглавленные «монгольскими начальниками», должны были действовать в составе монгольского войска за пределами Руси² (в этом отличие от точки зрения А. Н. Насонова). Ситуацию 1257 г., согласно А. Л. Хорошкевич, необходимо рассматривать как «упорядочение управления воинскими отрядами», как регламентацию «воинской повинности».

² Если вначале, видимо, происходил принудительный набор, то в последующее время на службу шли добровольцы-наемники (Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 40–43. См. также: Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1994. С. 436–437).

Английский историк Дж. Феннел считает, что монголо-татарские переписчики сосчитали население, чтобы «определить размеры дани и число военных слуг», а также «назначили ответственных за группы в десять, сто, тысячу и сто тысяч человек... по-видимому, русских, а не татар, поскольку летопись не упоминает об их национальности...» (Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 158). Наблюдение Дж. Феннела, таким образом, переводит рассмотрение вопроса в другую плоскость: не создания монголо-татарами той или иной организации, а по сути использования ими традиционных древнерусских (восточнославянских) социальных структур.

Подробное пояснение ситуации конца 50-х годов XIII в. на Руси предложил А. П. Григорьев. Исходя из монгольских социореалий, он пишет: «В Золотой Орде, как и в других чингисидских улусах-государствах, в среде военно-кочевой монголо-тюркской знати сформировалась феодальная иерархия ленников, имевшая следующие ступени: хан, князь тьмы (темник), князь тысячи, князь сотни, князь десятка и рядовой воин-ленник. Наименьшей военно-административной единицей на территории собственно Орды было кочевое хозяйство, обязанное выставять 10 воинов, а самой крупной — владение (тюмен), дававшее хану возможность мобилизовать 10 тысяч человек». Далее автор переходит к организации управления в ставших зависимыми от монголов землях: «В тех случаях, когда описывались дворы в покоренной земледельческой стране, расчет оставался прежним. Из местной среды назначались десятники, сотники, тысячники и темники, обязанности которых в корне отличались от функций монголо-тюркских феодалов. Они должны были следить за поступлением налогов с каждой записанной за ними группы дворов, вынужденной поставлять продовольствие, фураж и деньги, на которые можно было содержать определенное число ордынских воинов. Каждый вышестоящий уполномоченный чиновник названной цепочки головой отвечал за подчиненных ему нижестоящих начальников, и все вместе они отвечали за своевременное поступление налогов с податью населения» (Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. Л., 1990. С. 80).

Такого рода объяснение понятий «десятники», «сотники» и др. применительно к летописному контексту 1257 г. представляется нам верным. Видимо, монголо-татарская перепись преследовала две цели: во-первых, определить внутренние ресурсы населения Руси для возможного использования их в военных походах; во-вторых, организовать упорядоченный сбор дани. Вряд ли под десятниками, сотни-

ками и т. д. должно понимать монгольских чиновников и, таким образом, говорить о создании разветвленной сети ордынской администрации на территории Руси как основы властвования. Организация, основанная на десятичном принципе, действительно, существовала у монголо-татар. Она носила военно-территориальный характер. Но ведь она была присуща не только этому этносу. Не менее древние истоки она имеет, в частности, у восточных славян. Десятичное деление имело место на Руси (в том числе и Северо-Восточной) и в XI–XII вв. Первоначально сотенная система была связана с военной организацией, а затем стала выполнять судебно-административные и финансовые функции. Для большинства исследователей наличие этой системы на Руси является бесспорным фактом. Видимо, с этой организацией и столкнулись татары, устанавливая данническую зависимость на Руси.

Л. В. Данилова придает этой «реформе» немаловажное значение для последующего устройства северо-восточного общества. По ее мнению, благодаря таким преобразованиям сотенная система вводится уже «повсеместно, то есть в тех областях, где ее прежде не было. С другой же стороны, происходит понижение ранее высокого социального статуса сотников» (*Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 160–161, 245–246, 249–250*).

Данные выводы представляют собой предмет особой полемики. Нам же сейчас важнее то, что Л. В. Данилова отмечает сохранение предыдущего сотенного устройства, хотя и подвергнувшегося усложнению и искажению. Более того, «реформа» «безусловно способствовала» «поддержанию роли сотников», которые вместе со своим штатом — пятидесятскими и десятскими «после проведения финансово-податной реформы» «отвечали за сбор налогов и отбывание повинностей». Даже когда с XIV в. князья сами стали собирать ордынскую дань, сотенная система не была упразднена (Там же. С. 250).

Серьезным подтверждением сохранения прежней структуры служит факт использования татарами существовавшей податной системы. «...Не нужно думать, — замечал Б. Д. Греков, — что татары ввели у нас какую-то новость, до сих пор неизвестную», они лишь «воспользовались» «уже готовыми единицами обложения» («рало», «плуг», «соха»).

Приведенные наблюдения представляются нам достаточно важными, так как позволяют проследить преемственность развития одной из главных социальных структур Древней Руси с аналогичной в последующий период.

Имело ли место сопротивление монголо-татарской переписи? Если

летописная информация об этом событии на Северо-Востоке чрезвычайно скупа, то зато довольно обширная информация имеется о новгородских коллизиях 1257–1259 гг. (подробнее см.: *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. С. 170–190). В Новгородской летописи в отличие от Лаврентьевской предстает детальная картина деятельности монголов в русских землях, направленной на организацию даннического дела. Мы видим этапы и принципы, а также приемы и методы сбора различных налогов, видим, так сказать, своеобразный алгоритм установления даннической зависимости на Руси.

Вместе с тем не приходится сомневаться, что Новгородская земля наряду с другими вошла в систему даннических отношений, систему общерусского ордынского «входа», испытав все тяготы этой зависимости. Об этом свидетельствуют и известия 1270 г., и факты привлечения Новгорода к уплате дани великими князьями позднее, равно как и борьба между ними за преобладающее влияние в нем.

Итак, перепись на Руси произошла; между Русью и Джучиевым улусом устанавливаются даннические отношения. Вооруженные «числом» монголы принялись за дело. О том, как это происходило, мы узнаем из последующих летописных записей. В 1262 г. в ряде городских центров Северо-Восточной Руси вспыхнуло восстание. «Избави бог от лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в сердца крстьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ изволиша вещь и выгнаша из городов из Ростова, изъ Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославля. Окупахуть бо ти оканънии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть, роботяще резы и многы души крстьянския раздно ведоша. Видевше же человеколюбец Бог, послуша моленъа Матерня избави люди своя от великыя беды» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 476).

Это известие Лаврентьевской летописи, а Московский летописный свод добавляет к этому списку мятежных городов еще Переяславль (Там же. Т. XXV. С. 144), показывает нам непосредственные последствия переписи 1257 г., так сказать, в действии. Мы видим средства и методы, которые использовались монголами при сборе дани с населения северо-восточных городов. Оказывается, сбор дани был отдан на откуп «бесурменам». Под «бесурменами» здесь понимаются мусульманские купцы.

Известно, что купцы-мусульмане — «пестрые по-своему национальному составу — персы, арабы, туркмены, кипчаки и т. д.» (*Якубовский А. Ю.* Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.* Ч. 1. Л., 1932. С. 41) — еще до завоевания Сред-

ней Азии Чингис-ханом поддерживали монголов.³ Многие из них, часто бывая в Монголии, «вели непосредственную торговлю с монголами». «А некоторые из этих купцов, вернее, из купеческих компаний, так прочно связали себя с интересами торгово-денежных отношений Восточной Азии, что держали в своих руках даже торговлю между Монголией и Китаем» (Там же. С. 38). Более того, мусульманские купцы играли огромную роль и во властных структурах монгольской государственности. А. Ю. Якубовский приводит широко известный пример, что более 75 лет Туркестан находился практически на откупе у крупного торгового дома: сначала (до 1238 г.) у богатого купца Махмуда-Ялавача, а затем до 1289 г. — его сына Масуд-Бека. Эти «купцы-откупщики были фактически настоящими правителями огромной страны». Известно также, что другой мусульманин — Абдурахман, занимался откупническими операциями в Китае.

Как видим, монголы Золотой орды аналогичные принципы налогового сбора использовали и на Руси. Русь не стала исключением, и ее, видимо, на рубеже 50–60-х годов XIII в. наводнили знающие свое дело мусульманские купцы-откупщики. «Пожалуй, нигде в монгольской империи мусульманские купцы не получили такого признания и таких выгод, как в Золотой Орде при Бату и его преемнике Берке-хане» (Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 63). Вот и на Руси «окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть: роботяще резы и многы души крстьяньскыя раздно ведоша». В этих горьких словах слышится живой голос современника, сообщающего о сборе дани, при котором творились насилия и злоупотребления. Насилия были следствием того, что русский народ не мог примириться с «томящими» их иноземцами-иноверцами, принесшими новые порядки. К восстанию привела сама внутренняя ситуация на Руси, те мусульманские чиновники, которые творили великую пагубу» и «лютое томление». Не последнее значение имели и религиозные мотивы. Мы видели, что христиане противопоставляют «бесурменам»-«поганым»: «вложи ярость в сердца крстьяномъ не терпяще насилья поганыхъ».

Явная оппозиция «христианство — бесурмене» наглядно демонстрирует, что дело было не только в насилии при сборе дани, но и в

³ По А. Ю. Якубовскому, «держатели караванной торговли очень рано начали переходить на сторону Чингиз-хана» (Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии ... С. 39). Кстати, перебитый по распоряжению Хорезм-шаха в 1218 г. в Оtrarе торгово-дипломатический караван от Чингисхана (инцидент, послуживший поводом для вторжения монголов в Среднюю Азию) в части своей верхушки состоял из мусульманских купцов (Там же).

иноверии. Разность вер наряду с «тягостями» являлась движущей силой народного недовольства. Мотив веры звучал и в Новгородских событиях 1257–1259 гг. Он будет на переднем плане и позднее: тверское восстание 1327 г., по некоторым данным, тоже разразилось не в последнюю очередь из-за слуха, что Чол-хан едет «бесурменить» тверичан.

Было ли организовано выступление 1262 г.? И кто его организатор? Лаврентьевская летопись об этом умалчивает. Но есть сообщения, указывающие на то, что во главе восстания стоял князь Александр Ярославич. Устюжский летописец прямо говорит, что «приде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что татар бити». Грамота, видимо, читалась на вече. Это следует из текста о предупрежденном «девкой» «Буте богатыре», который «пришед на вече» и именно там «даби челом устюжаном на их воле» (ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 70).

Таким образом, говоря о времени установления ордынской зависимости в Северо-Восточной Руси, необходимо отметить, что татары первоначально попытались ввести жесткий режим зависимости. Они приспособили к сбору дани существовавшую сотенную организацию. Непосредственно сбором дани стали заниматься откупщики-«бесермены». Однако уже в начале 60-х годов — после крупных выступлений горожан на Северо-Востоке Руси — от тотального откупничества ордынцы были вынуждены отказаться. В 1273 г. (или 1275) проводилась еще одна перепись, но она оказалась последней. Видимо, не имея достаточных возможностей для содержания постоянных воинских контингентов на Руси, встретившись с организованным сопротивлением, столкнувшись во многом с непривычными природными условиями (леса, болота), большими расстояниями при отсутствии дорог, татары не рискнули продолжить практику переписей и откупов.

«238 лет монголо-татарского господства над Русью, казалось бы, должны были оставить многочисленные свидетельства о системе чужеземной власти в покоренных русских княжествах, но этого нет. Сохранились яркие описания карательных и репрессивных действий ордынских ханов, их темников и баскаков в отношении русского населения, от его низов до князей включительно, но сведения об организации, структуре, функциях, круге прав и обязанностей иноземных властителей приходится собирать буквально по крупицам», — пишет современный исследователь истории средневековой Руси В. А. Кучкин. Стоит задуматься: почему, действительно, в источниках нет столь же «ярких» описаний организации монголо-татарского «владычества»? Можно, конечно, посетовать на их тенденциозное «умолчание» или позднейшие утраты. Но, может быть, этой искомой, по мнению исто-

риков, столь всеохватывающей и пронизывающей все и вся на Руси организации и не сложилось?..

Вопреки утверждениям А. Н. Насонова, ставшими основополагающими в советской исторической науке, военно-политическая организация монголов на Руси создана не была. Образованная монголами при переписи структура преследовала прежде всего фискальные, а не военно-политические, оккупационные цели. Но А. Н. Насонов связывает «созданную» военно-политическую организацию монголов с деятельностью на Руси таких представителей монгольского чиновничества, как баскаки.

В целом многочисленные мнения ученых по данному вопросу можно разделить на две большие группы. Представители первой отталкиваются от толкования францисканского монаха Плано Карпини — современника событий, и осмысления функций баскаков отечественным востоковедом прошлого века И. Н. Березиным. В их понимании деятельность баскаков в основном сводится к насилию над населением, во всяком случае к применению чрезвычайно жестких мер по управлению подвластными монголам территориями. Эти соображения являются общепринятыми и в отечественной историографии новейшего периода. Другие исследователи, в основном обращаясь к персидским и армянским источникам, приходят к выводу о преимущественно «мироустроительной» деятельности монгольских баскаков.⁴

Баскаки представляли собой постоянный институт ханской, по сути верховной, власти на Руси. Присутствие баскаков — ханских наместников, означало прямую власть монголов над Русью, Русь становилась фактически подвластной территорией Золотой орды. Одно из первых (и немногих) упоминаний баскаков связано с их военно-внешнеполитическими функциями (1269 г.) (*Новгородская первая летопись* старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 88). Другое — по ярлыку Менгу-Тимура 1267 г., с их внутренней — на Руси — деятельностью, сопряженной в основном со сбором дани (*Памятники русского права*. Вып. 3. М., 1953. С. 467–468). Эти их функции вполне согласуются с трактовкой

⁴ По многим сведениям, монголы после покорения тех или иных земель старались наладить мирную жизнь. Так, в города Средней Азии, как правило, назначался монгольский чиновник-наместник, называвшийся баскаком (по-тюркски), или дарухачи (по-монгольски). Это был представитель главы империи. В его обязанности входило: перепись жителей, набор войска, устройство почтовых сообщений, собрание и доставление ко двору даней. Таким образом, он являлся исполнительным и контролирующим лицом, он же доставлял необходимые сведения в центр. Однако почти всегда рядом с ним находился представитель местной власти (См.: *Бартольд В. В. Соч. Т. I. М., 1963. С. 468*).

термина «баскак» не как «даватель», а как «охранитель», «опекун», «ханский наместник». Татары на Руси были заняты в основном сбором дани. На это и была направлена деятельность баскаков и других чиновников.

Итак, если мы можем с уверенностью отрицать наличие военно-политической организации монголов во главе с баскаками, то существование их самих на Руси — непреложный факт.

В литературе неоднократно рассматривался и вопрос о периоде их пребывания на Руси. Так, С. М. Соловьев, а также Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский полагали, что баскаки исчезают уже с конца XIII в., А. Н. Насонов указал на время начала XIV в. Выступая продолжателем взглядов на роль монголов на Руси А. Н. Насонова, А. А. Зимин «продляет» пребывание монгольских баскаков в Северо-Восточной Руси до 20-х годов XIV в., связывая падение этого института с восстаниями в Ростове (1320 г.) и Твери (1327 г.) (Зимин А. А. Народные движения 20-х годов XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. IX. № 1. С. 64–65).

Нам представляется, что есть все основания вернуться к факту того, что институт баскачества существовал в Северо-Восточной Руси лишь несколько десятилетий — до начала XIV в., а не до 20-х годов XIV в. В источниках же (грамоты русских митрополитов, адресованные православно-христианскому населению территории, примыкающей к Червленому Яру и спорной между Рязанской и Сарайской епископиями), относящихся к южной окраине русских земель, баскаки упоминаются и в середине XIV в.

Возвращаясь на Северо-Восток Руси, зададим вопрос: с чем связана ликвидация там института баскачества в конце XIII — начале XIV вв.? Видимо, с системой ордынской зависимости, которая сложилась на Руси. В силу тех или иных причин монголы не смогли установить жесткую зависимость, включающую постоянное нахождение на Руси крупного чиновничества, полностью контролирующего деятельность русских властных институтов. Зависимость в конечном итоге свелась к выплате дани — именно это становится основным элементом русско-монгольских отношений на многие последующие десятилетия.

Почти с самого начала сбор дани осуществлялся посредством откупничества, чем занимались мусульманские купцы. Откупщиков мы видим и позже. Видимо, и позже они вызывали недовольство своими злоупотреблениями. Но эти их бесчинства имели уже локальный характер (Ростов: 1289 и 1320 гг.). Таких крупных выступлений, как в 1262 г., мы не наблюдаем. Вероятно, их деятельность уже не была столь

разветвленной, как прежде. Это и понятно, ибо главными действующими лицами в русско-монгольских даннических отношениях уже с конца XIII в. становятся русские князья.

Даннические отношения в своем конкретном выражении могли иметь различные формы и осуществляться различными методами. Первоначально ханы сделали упор на собирание дани собственными силами, отсюда появление пресловутых «откупщиков» на рубеже 50–60-х годов XIII в. Но, не прижившись на Руси на уровне «откупов», получаемых иноземцами-купцами, откупная система позже стала действенным инструментом в руках русских князей и, более широко, городских общин, заинтересованных в выплате дани за счет общин других городов-государств, что, в частности, видно из «фискальной» деятельности московских князей (так называемые «купли» Ивана Калиты Белоозера, Галича и Углича). Под этими «куплями» вполне можно понимать не покупку собственно территории «княжеств» как административно-политических единиц Руси (так трактует большинство исследователей), а передачу права сбора «выхода»-дани, в данном случае в варианте «откупа», что широко практиковалось. Что же касается утраты политических прав князей этих территорий, то она была относительна. Эти земли сохраняли возможность самостоятельного внутреннего развития, но были подчинены Москве в военном и внешнеполитическом плане: соответственно в походах московских князей выступала местная рать, и сношения с Ордой осуществлялись «через» Москву. Отсюда, действительно, имела место «непрочность», неопределенность их статуса, что связано с временностью, эфемерностью этих «владений».

«Купли» Ивана Калиты необходимо рассматривать, таким образом, не сугубо во внутривнутриполитической плоскости, а прежде всего в плоскости даннических отношений. Тогда, действительно, снимаются многие вопросы о самостоятельности или, наоборот, зависимости этих земель и их князей от Москвы. Не связка «Калита — князья», а связка «Калита — Орда» здесь является определяющей. Следовательно, речь идет не столько о внутривнутриполитическом вопросе, сколько «внешнеполитическом» — данническом. Актуальным он был в 30-х годах XIV в., таковым же, видимо, оставался и позже.

Данничество и средневековая русская государственность. Итак, с рубежа 50–60-х годов XIII в. между Русью и Ордой устанавливаются даннические отношения.

Социальная природа даннических отношений достаточно подробно исследована отечественными историками и этнографами. Наиболее полными выглядят обобщения А. И. Першица (*Перици* А. И. Дан-

ничество. М., 1973). Автор отграничивает дань от контрибуции с побежденных — с одной стороны, и от податей (налогов) с подданных, как более высокого уровня эксплуатации, — с другой. От первой дань отличаются регулярные поборы, от вторых — то, что поборы совершаются не с собственной, а «с покоренной чужой общины (племени, города, государства)», остающейся при этом «более или менее самостоятельной». Мысль исследователя о сохранении самостоятельности побежденной общины представляется чрезвычайно важной при понимании сути даннических отношений. Развивая ее, А. И. Першиц пишет, что побежденные «в основном» не утрачивают «прежней экономической и социально-потестарной структуры коллективов». Экономическая самостоятельность выражается в том, что «данники располагают собственными, не принадлежавшими получателям дани средствами производства и эксплуатируются путем внеэкономического принуждения, которое распространяется не на отдельные личности, а на весь коллектив». Сохранение существующей политической системы следует из того, что «данники и получатели дани не интегрированы в составе одного этнического и социально-политического организма: во-первых, они принадлежат к разным племенам и народам, во-вторых, у них может быть разная социальная структура, равно как и производные от нее надстроечные формы» (Там же. С. 2, 11–12).

Итак, в пределах даннической системы существование и развитие общественных институтов побежденных народов происходит без особого влияния со стороны внешнего фактора.

Представляется, что именно таким образом и складываются отношения между Русью и Ордой. Прежде чем мы остановимся на них — несколько слов о сопутствовавших «ордынской дани» грабежах и разбоях. А. И. Першиц отмечает подобного рода отклонения: «Первоначальная, в эпоху разложения первобытнообщинного строя и в раннеклассовых обществах, данническая эксплуатация еще не вполне оторвалась от генетически и функционально близких к ней, но еще более примитивных порядков — военного грабежа и контрибуции» (Там же. С. 8). Все это имело место на Руси. Летописи часто фиксируют наше внимание на таких фактах начиная со времени нашествия. Монголо-татары то и дело сбивались, так сказать, на неупорядоченный сбор даней: после военных или «посольских» экспедиций. Грабеж и разорения становятся итогом почти каждого появления монголо-татарского отряда в русских землях (другое дело — какова причина той или иной экспедиции; во многих случаях это бывало по просьбе самих тех или иных Рюриковичей). Точно так же, не гнушаясь, монголо-татары прибегали и к контрибуциям как откупу от прямого грабежа. На эти татарские акции и обращали, как

правило, свое внимание историки. В. Л. Егоровым они были систематизированы. Он предложил различать кратковременные набеги с ограниченными задачами и длительные военные экспедиции. «В первом случае относительно небольшой по численности отряд нацеливался на определенную заранее точку, обычно город, после чего следовал грабеж его ближайшей округи и встречавшегося на пути населения. Во втором случае выбиралась наиболее удобно расположенная в географическом отношении опорная база, откуда совершались рейды в различных направлениях и куда свозилось награбленное и стогнялся полон и скот». Несмотря на разную продолжительность и «тактические различия», суть походов-экспедиций была одинаковой: грабеж, сопровождавшийся зачастую разбоем (Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 186).

Однако не походы, даже самые разорительные и грабительские, определяли магистральную линию в русско-ордынских отношениях, а дань. В новейшей литературе справедливо отмечается, что «монгольские набеги 1237–1480-х годов при кажущейся их плотности не охватывали всю территорию Руси ни географически, ни хронологически. Ни в коем случае не отрицая того вреда хозяйству страны, который был нанесен монголами... также было бы неправильно преувеличивать его. Русское государство в это время имело возможность развиваться, вести внешние и внутренние войны» (Астайкин А. Летописи о монгольских вторжениях на Русь: 1237–1480 // Русский разлив. Т. 1. М., 1996. С. 554).

К вопросу о данничестве как социальной системе обращается и Н. Н. Крадин. Определяя кочевнические общества ранних эпох как кочевые империи, он подразделяет их на «типичные кочевые империи», «даннические кочевые империи» и «переходные кочевые империи». Характерный пример «даннических кочевых империй», по мнению исследователя, — Золотая орда (Крадин Н. Н. Кочевые общества. С. 166–178). Тип этих отношений он определяет следующим образом. В «даннических кочевых империях» «кочевники и земледельцы входили в состав одного политического организма, но продолжали жить отдельно в собственных экологических зонах и сохраняли различные социально-экономические структуры. Их интеграция принимала лишь политический характер. Иногда это выражалось в том, что кочевники и земледельцы входили в состав одной общественной системы (т. е. в данном случае страны), иногда ограничивалось вассальной зависимостью земледельцев и горожан от номадов... Взаимоотношения между кочевниками, с одной стороны, и земледельцами и горожанами, с другой, носили ограниченный характер и не выходили за рамки односторонних политических связей в форме навязываемого кочевниками

регулярного взимания дани, либо закрепленного налогообложения. Кочевая аристократия, ставшая правящим классом в полиэтническом государстве, как правило, устранилась от непосредственного управления завоеванными территориями. К тому же вмешательство в управление часто было попросту невозможно из-за сложности бюрократического аппарата оседло-земледельческих государств. Вследствие этого эксплуатация, даже если она принимала самые жесткие формы, не затрагивала основ экономики и социальных отношений земледельцев и не трансформировала их с номадами в одну структуру. Все это вело к тому, что кочевники, являясь гегемоном в политической сфере, в социально-экономических отношениях оказывались более отсталыми, чем завоеванные земледельцы» (Там же. С. 171–172).

Соглашаясь с Н. Н. Крадиным относительно взаимоотношений Золотой орды и Руси как одного из покоренных оседло-земледельческих государств в целом, тем не менее заметим, что его заключение о политической интеграции кочевников и земледельцев, как представляется, противоречит его же тезису об устранении кочевой аристократии от «непосредственного управления завоеванными территориями». Это утверждение по сути предполагает сохранение не только прежних экономических и социальных отношений, но и политического строя ставших зависимыми народов, как это определяет А. И. Першиц.

Н. Н. Крадин допускает и иной, нежели данничество, тип экзосплуатации, когда земледельческая цивилизация не входит в состав кочевой империи. Но этот вариант экзосплуатации предусматривает получение непостоянного прибавочного продукта «путем многих видов внешнеэксплуататорской деятельности — грабежей, периодических набегов, войны, вымоганием так называемых “подарков”, навязыванием неэквивалентной торговли и пр.»: он определяет этот тип как «дистанционную эксплуатацию».

Нам представляется, что именно «дистанционная эксплуатация» и присутствовала в отношениях Руси и Орды. Вместе с тем ее основой было безусловно данничество. Что же касается грабежей, набегов, прочего насилия, то, как опять-таки отметил А. И. Першиц, они, являя собой более примитивные и ранние формы внешней эксплуатации, при даннических отношениях лишь сопутствовали им.⁵ Наконец, «подар-

⁵ Впрочем, об этом же пишет и сам Н. Н. Крадин: «В отличие от монгольской политики в Китае ханы Орды предпочитали управлять издалека, собирая дань наездами» (Кочевые общества, с. 174). Но при этом он настаивает, что Золотая орда — типичный пример «даннической кочевой империи». Последняя же предусматривает политическую интеграцию, с чем в отношении Северо-Восточной Руси мы согласиться не можем.

ки» также можно считать составной частью даннической системы, на чем мы остановимся ниже. Таким образом, представляется, предложенная Н. Н. Крадиным типология отнюдь не нарушает основополагающих принципов даннических отношений, очерченных А. И. Першицем, главное из которых — сохранение на зависимой территории сложившегося до нападения общественно-политического устройства.

Вместе с тем некоторые летописные данные называют русские земли термином «улус», что, по мнению исследователей, может означать вхождение их в качестве части государственной территории в Золотую орду (*Трепавлов В. В.* Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI вв. // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия.* Ч. II. М., 1993. С. 302). Представляется, что здесь не вполне учитывается неоднозначность термина «улус». Его первоначальное значение — «народ», «племя». Т. Д. Скрынникова приходит к выводу, что «социальный организм, обозначаемый монгольскими терминами *irgen* и *ulus*, не представлял собой государственного образования. Оба термина были идентичны термину “этнос”, обозначавшему “народ, люди, племя”». «Термины “ирген” и “улус” фиксировали социально-потестарную общность гетерогенного характера, аристократией которой являлся правящий род, чей этноним стал политонимом, обозначали крупные этносоциальные объединения, причем акцент делался на людях. Границы объединений, обозначаемых как “ирген улус”, определялись не границами территорий, хотя последние и были достаточно определенными, а фиксировались кругом лиц, возглавлявших отдельные его части» (*Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в представлении средневековых монголов. С. 10).

В XIV–XV вв. в ряде случаев слово «улус» приобретает государственно-территориальный акцент. Но первоначальное значение также оставалось в обращении. Русские летописи позволяют трактовать «улус» не как подчиненные Орде и управляемые ханом земли, а как территорию, население которой платит дань, во всяком случае, такое понимание не противоречит смыслу текстов. Так, в летописи под 1348 г. сказано: «И слышавъ царь жалобу князя великаго, оже Олгердъ съ своею братию царевъ оулусть, а князя великаго отчину, испоустошилъ, и выдалъ литовцев Семену (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. М., 1965. Стб. 58; Т. VII. СПб., 1856. С. 215; Т. XVIII. СПб., 1913. С. 96). В 1384 г. хан Тохтамыш, вручая тверское княжение Михаилу Александровичу, говорит: «азъ улусы своя самъ знаю, и кийждо князь Русский на моемъ улусе, а на своемъ отечестве, живеть по старине, а мне служитъ правдою, и язъ его жалую» (Там же. Т. XI. М., 1965. С. 84). Обращается к хану Тимур-Кутлугу и сын Михаила Тверского Иван, «моля его, дабы пожаловалъ его от-

чиною и дединою, а своим улусомъ, великим княжениемъ Тферским» (Там же. С. 83).⁶

В связь с вышесказанным можно поставить и сообщение Рогожской летописи под 1360 г.: «насла (хан Наврус. — Ю. К.) на князя Андрея Костьнянтиновича, дая емоу княжение великое, 15 темъ» (Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 68). Это сообщение было проанализировано А. Н. Насоновым. Он писал, что «не исключена... возможность, что слова “княжение великое 15 темъ” свидетельствуют о количестве плательщиков (или семейств) в пределах “великого княжения Владимирского” (т. е. о 150 тыс. плательщиках), хотя возможно и другое объяснение: ничего нет невероятного в том, что территория великого княжения Владимирского делилась на 15 “туманов” или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимавшейся дани» (Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 98–99).

Таким образом, и «улус» и «тмму» возможно определить как лишь даннические единицы, не имеющие никакого отношения к территориально-государственной структуре Золотой орды, непосредственно управляемой ханами.

В современной литературе встречается и точка зрения, согласно которой русские северо-восточные земли рассматриваются в качестве вассальных. Так, В. В. Трепавлов пишет, что «в 30–40-х годах XIII в. в результате монгольского завоевания большинство русских княжеств и Новгородская земля оказались включенными в империю Чингисидов на положении “русского улуса” — вассальных податных владений» (Трепавлов В. В. Статус «Белого царя»... С. 302).

Что означает «улус», мы только что выяснили. Но можно ли говорить о вассалитете? В чем видит В. В. Трепавлов его проявления? «Подчиненность, — констатирует он, — выражалась главным образом в выплате дани — “ордынского выхода”, ханской инвеституре князей, контроле над их политикой и периодическом привлечении князей к участию в военных походах ханов» (Там же. С. 302).

Что в этом «вассальном наборе» определяло основную линию отношений? Вероятно, дань, что отмечает и В. В. Трепавлов, подчеркивая «вассальные податные владения». Такую завуалированность структурообразующего звена подметил и А. И. Першиц: «В Средние века вообще данничество в соответствии с господствовавшей политической и правовой доктриной часто внешне оформлялось по образцу отношений сюзеренитета-вассалитета» (Першиц А. И. Данничество. С. 9).

⁶Такая семантика имеет место и в источниках XV–XVII вв. (Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй... С. 117–118).

Итак, в XIII столетии произошло столкновение двух крупных колонизационных потоков: татарского и восточнославянского. Последние освоили и продолжали осваивать восточные, а также юго-восточные степные территории. Степи были нужны и татарам, но только степи, поэтому они ограничились тем, что сдвинули основное русское население с юга — оно уходит теперь севернее. Это первое. Второе — татары заняли степную полосу вдоль Каспийского, Азовского и Черного морей. Территория севернее этой полосы стала «буферной зоной» со смешанным населением и монгольским управлением. Ее протяженность с севера на юг составляла от 50 до 200 км. К «буферным зонам» В. Л. Егоров относит земли южнее Курска, район Тульского степного коридора (с Куликовым полем) и земли вдоль южной границы Рязанской земли (Егоров В. Л. Историческая география... С. 39–43).

На основной территории Северо-Восточной Руси установилась данническая зависимость. Уже при первом столкновении с русскими землями в 1237 г. татары потребовали уплаты дани. Собственно говоря, этим их условия и исчерпывались. Не получив дани, они подвергли русские земли разгрому и разорению. После этого почти два десятилетия не существовало какого-либо упорядоченного взимания дани. Положение изменяется в конце 50-х годов XIII в., когда в Северо-Восточной Руси была проведена перепись населения. Именно она послужила точкой отсчета для получения монголо-татарами дани, называемой на Руси «выходом». Безусловно, «выход», наряду с другими введенными повинностями, лег тяжелым бременем на русское население, явившись дополнительным фактором в существовавшей на Руси системе сбора налогов. Вопрос о размерах и динамике ордынской дани достаточно подробно (насколько это возможно вследствие слишком кратких и немногочисленных упоминаний в источниках) рассмотрен в литературе. Вместе с тем современные исследователи признают, что он «необычайно сложен и в настоящее время конкретного и однозначного ответа на него нет» (В. Л. Егоров). С. М. Каштанов в общем плане для Руси XIV–XVI вв. ставит и такую существенную проблему, как соотношение налогов и возможность их оплаты населением. И фактически признает, что решить ее невозможно: «Весьма трудно проанализировать взаимозависимость финансовых обязательств населения и его экономического потенциала» (Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 5). Видимо, и на современном уровне изучения данной проблемы стоит признать правоту вывода И. Н. Березина, сделанного им полтора столетия назад: «Для нас остаются неизвестны не только общая цифра государственных доходов в Орде, но и величина и способ взимания разных податей и налогов в частности».

Нам же важно еще раз подчеркнуть, что суть даннических отношений влечет за собой вывод о сохранении монголами на Руси государственно общественной системы, сложившейся к середине XII в. и продолжавшей развиваться в начале XIII в., т. е. городов-государств, для которых была характерна широкая вечевая деятельность как проявление прямого народовластия; княжеские институты при этом представляли как органы исполнительной власти.

Князья и ханы; вече и татары. Князья, как известно, вынуждены были ездить в Орду, получать там ярлыки на княжение, верно и то, что татары вмешивались во внутренние коллизии на Руси (кстати, во многих случаях не без просьб самих князей). Вместе с тем необходимо указать не только на собственно политический механизм, приводивший в движение ордынско-русскую данническую систему, но и на основы и связи иной природы.

Ими являлись некоторые представления, присущие многим этносам и их взаимоотношениям между собой на определенных стадиях общественного развития, либо при доминировании архаических отношений, либо при сохранении их в том или ином варианте. Но все это происходит в пределах даннической зависимости, не нарушавшей внутреннее устройство русских земель. То есть отношения князей и ханов, нам представляется, возможно рассматривать не как разные, но параллельные с даяниями проявления ордынской политики, а в рамках системы даннических отношений в целом.

Собственно княжеско-ханские отношения начинаются с 1243 г., когда «великий князь Ярославъ поеха в Татары к Батыеву, а сына своего Костянтина посла къ Канову. Батыи же почти Ярослава великою честью и мужи его, и отпусти и рек ему: “Ярославе, буди ты старейи всем князем в Русском языке”. Ярослав же възратися в свою землю с великою честью». На следующий год «про свою отчину» ездили к Батю другие князья. Он, «почтив я честью достоиную и отпустивъ я, расудивъ имъ кождо в свою отчину, и приехаша с честью на свою землю» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 470). Таким образом, суть отношений заключалась как бы в санкционировании ханами княжения на том или ином столе.

В этот период в действиях князей чувствуется отсутствие осознания зависимости от ордынцев в занятии столов. Вместе с тем татары начинают вмешиваться вооруженным путем в межкняжеские отношения. Особенно преуспел в привлечении их к совместным действиям на Руси князь Андрей Александрович. С 1281 по 1293 г. он четыре раза приводил отряды татарских «царевичей», добиваясь силой «княженья великого, а не по старейшинству». От этих усобиц в первую очередь

Развалины Сарая. Схема начала XX в.

страдали «христьяне». Тем не менее подобного рода «союзы» с татарами перешли и в XIV столетие (1315, 1316, 1318, 1322, 1327 гг. и т. д.). Но наряду с таким «опытом» решения своих вопросов князья прибегали и к старой проверенной практике собирания съездов (снемов). «Подобных сведений немного, но они заслуживают внимания», — пишет Л. В. Черепнин. Он отмечает съезды 1296, 1304, 1340, 1360, 1380 гг. В некоторых из них участвовали татары, но также и представители городских общин.

Однако уже ранние русско-татарские отношения не сводились только к прямому или косвенному вмешательству татар во внутренние дела русских князей или к разорениям русских земель. В истории их отношений имеются примеры союзнических военных действий. Усилившаяся угроза на западных рубежах Руси потребовала ответных походов, в которых участвовали татары. В 1269 г. князь Святослав Ярославич, собрав «силу многу» в Низовских землях, «прииде с ними в Новъ-город, бяше же с ними баскакъ великий Володимерьский именем Армаганъ, и хоте ити на город на Неметцкий Колыванъ, и уведаша Нем-

ци, прислаша послы своя с челобитьемъ, глаголюще: “челом бьем, господине, на всеи твоеи воли, а Неровы всее отступаемя”. И тако взя миръ с Немци». Другой поход — неудачный — состоялся в 1275 г.: «ходиша Татарове и Русстии князи на Литву и не успевше ничто же взратишася назад, но много зло створиша Татарове идуще християномъ» (Там же. Т. XXV. С. 148, 151).

В 1277 г. помощь потребовалась уже ордынцам. Из ханской ставки «князи же вси со царем Менгугемерем поидоша в воину на Ясы, и приступиша Русстии князи ко Яскому городу ко славному Дедакову и взяша его месяца февраля въ 8 и многу корысть и полонъ взяша, а противных избиша бесчислено, град же их огнем пожгоша. Царь же Менгугемеръ добре почести князи Руские и похвали их вельми и одаривъ их отпусти въ свою отчину» (Там же. С. 152). Таким образом, русские князья здесь выступают, по меньшей мере, как равноправные союзники. Пользуясь правом победителей, они берут «корысть и полон», а их действия одобряются командиром объединенного войска.

Кстати, в этом походе (видимо, до Сарая) русских князей сопровождали их жены и дети. Кроме того, что этот факт можно расценивать в качестве своеобразной демонстрации дружелюбия, он указывает и на династические связи русских князей и татарских ханов. Наиболее известным является брак московского князя Юрия Даниловича, но русско-татарские браки имели место и в XIII в., и в последующем.

Безусловно, князья воспринимались ханами прежде всего как реальная политическая сила. Л. В. Черепнин прав, когда пишет, что ордынские ханы стремились поставить существовавшие на Руси «политические порядки» «себе на службу, используя в своих интересах русских князей» (*Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1970. С. 191*). Однако это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что и русские князья пользовались татарской «помощью».

Часто усиление власти русских князей связывается с вооруженной поддержкой их монголо-татарами. Если в прежние времена население того или иного города указывало, согласно вечевому решению, «путь чист» «нелюбому князю», то теперь ситуация меняется. Князь, получив в орде ярлык, являлся в город на княжение не только со своей дружиной, но и с отрядом какого-нибудь татарского «мурзы».

Известно, что и в Киевской Руси кочевники — в основном половцы — постоянно и активно участвовали в междоусобицах, раздиравших семейство Рюриковичей. Многие древнерусские князья наводили и возглавляли «поганных» в набегах на города и веси. Половцы выступали как союзники того или иного князя, пытавшегося с их помощью

укрепиться в том или ином «граде» и волости. Но это не мешало затем «людью» зачастую поступить с князем по-своему.

Следовательно, союзы русских князей с кочевниками тоже не были чем-то принципиально новым. И все-таки мы не можем отбросить влияния монголо-татарской силы на изменение в положении князей и в их взаимоотношениях во второй половине XIII–XIV вв. Видимо, дело здесь в жесткой системе контроля за статусом и перемещениями княжеской власти со стороны ханов. Татары стали дополнительным фактором, обусловившим отношения северо-восточного княжья, и без них непростые и запутанные. Стоит заметить и то, что татары, способствуя усилению княжеской власти, одновременно ставили преграды на пути ее роста, уменьшая ее финансовые и имущественные возможности вследствие требования даней.

Князя адекватно оценивали и использовали союз с ордынцами, необходимый, но временный. А наряду с этим подспудно и объективно происходило «собираение власти» — и не только московскими князьями, но и вообще в руках русского княжья как социального слоя средневековой Руси. Но этот процесс не являл собой какое-то кратковременное действие — он растянулся на столетия. Великокняжеская власть шла к своей вершине тернистым путем, испытывая давление (как увидим далее) со стороны прежде всего общинных — вечевых структур.

Таким образом, даже обзор первых десятилетий отношений между князьями и ханами показывает, что они не укладываются в рамки только лишь господства-подчинения. Они многообразнее и представляют собой сложные переплетения различных уровней — политического, военного, династического, экономического.

Некоторые же обстоятельства указывают на то, что отношения князей и ханов складывались во многом в плоскости порядков, существовавших в архаических обществах, а именно традиционных, с сохранением многих обычаев, характерных для доклассовых структур, каковыми, по-нашему мнению, и следует считать русское и монгольское общественное устройство, каждое из которых, понятно, имело и присущие только ему особенности.

Иногда архаические порядки означали разный уровень ментальности русского и монголо-татарского этносов. Это, в частности, проявилось уже в первом столкновении — в 1223 г., когда русские князья уничтожили татарских послов, считавшихся особами «священными».

Трудно сказать, насколько знал и воспринимал монгольское обычное право Александр Невский; скорее всего, он действовал исходя из неизбежной реальности, когда в 1251 г., возможно, побратался с сыном

Батия Сартаком (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 534). Братание было одним из важнейших монгольских обычаев. «Закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности», — говорится в «Сокровенном сказании». «Закреплению этих отношений, — добавляет современная исследовательница Т. Д. Скрынникова, — способствовал обмен равноценными подарками, что позволяет определить их как союз равноправных партнеров». Этот тип отношений — «продукт родовых отношений, когда чужие люди становятся в положение кровного родства».

Далее мы хотим обратить внимание на такое универсальное явление, характерное особенно для архаических обществ, как обмен-дар. «Сложившиеся научные стереотипы заранее отводят этой традиции роль частного и маргинального явления», — подметил В. М. Крюков. И такое резюме справедливо не только по отношению к древнекитайскому обществу, системе дарений которого посвящены работы этого ученого (см., напр.: Крюков В. М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М., 1997). Достаточно «стереотипно» выглядят эти сюжеты и в современной русской историографии. Нам же представляется, что и систему средневековых русско-монгольских отношений также возможно рассмотреть с позиций дарений.

Этносоциологическая концепция дарения была разработана французским антропологом М. Моссом. Основные ее положения заключаются в следующем. Обмен в форме дарения характерен и универсален для архаических обществ. Обмен-дар, будучи формально добровольным, вместе с тем состоит из трех взаимозаменяемых обязанностей: давать — брать — возвращать. Наиболее существенным действием является компенсирующий дар, т. е. возврат. Возвращение (по сути возмещение) дара должно, по меньшей мере, быть равноценным даром. Отсутствие или неполнота дара-возврата ставит получившего дар в зависимое положение по отношению к подарившему. Сохранение вещи без эквивалентного ее возмещения опасно для получившего, так как в ней заложена магическая сила дарителя. Но в любом случае уклонение от одной из указанных обязанностей может привести к серьезным последствиям для субъектов обмена — вплоть до объявления войны.

Дары выходят за рамки бытовых и экономических отношений, охватывая все сферы общества. «Все — пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги — составляет предмет передачи и возмещения» (см.: Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 83–222). Система «подарок-отдарок» является целостным социальным

феноменом, или комплексом, включающим религиозные, мифологические, экономические, морфологические, социально-политические, юридические, эстетические и иные формы и их материальное воплощение (наряду с дарами это угощения, пиршества и т. д.). Благодаря системе «подарок-отдарок» сохраняется мир, достигаются взаимоотношения дружбы и солидарности. Таким образом, институты дарообмена играли фундаментальную роль.

Наконец, еще одно важное наблюдение: субъектами обмена выступают в основном группы или индивиды, символизирующие группы (вожди, старейшины и т. д.).

Выводы теории дара оказались применимыми для объяснения многих явлений не только в классических архаических обществах, но и в обществах, вышедших за их рамки, но сохранивших традиционные отношения, как, например, древнерусское (И. Я. Фроянов) и средневековые в Европе (А. Я. Гуревич и др.). Но институт даров знало и монгольское общество. В связи с этим для нас представляют большой интерес исследования, проведенные Н. Л. Жуковской. Она полагает, что и «к обществу монгольских кочевников вполне применимы основные концепции М. Мосса». Но еще более важным является то, что Н. Л. Жуковской удалось расширить построения М. Мосса, обосновав это конкретными примерами монгольской истории. В буквально пронизанных явлением «подарка-отдарка» отношениях в монгольском обществе различных эпох исследовательница выделяет четыре уровня этого способа социальной коммуникации: наиболее архаический — кровных родственников и членов разных родов, породнившихся путем браков; другой — реальное или эпическое побратимство. Для нашего исследования наиболее важными представляются два следующих уровня системы «дарения — ответного дара»: «подарок-отдарок» как форма вассальных отношений между низшими и высшими сословиями «феодальной Монголии» и как составная часть ритуала монгольского гостеприимства (Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 101, 105–109).

Идея дара явно прослеживается с самого начала и в отношениях между русскими князьями и монгольскими ханами. Еще в 1237 г. рязанские и владимирские князья пытались откупиться от татар дарами. Это не удалось, ибо последние преследовали другие цели: им был нужен постоянный и регламентированный доход — дань-десятина. Однако уже с начала 40-х годов XIII в. отношения между русскими князьями и монгольскими ханами строятся на основе «даров»-подарков. Каждый приезд русских князей в Орду требовал «дара» хану и его приближенным.⁷ Об этом свидетельствуют и русские летописи. Так, в 1256 г.

«Борись поеха в Татары, а Олександръ князь послалъ дары. Борись же бывъ Оулавчия дары давъ и приеха в свою отчину с честью». Подарки русских князей требовали своего эквивалента. Татары тоже одаривали своих данников, как это было, к примеру, в 1247 г. в случае с Александром Ярославичем, когда Батый «почтивъ его много и дары дать ему...» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 474; Т. XXV. С. 139).

На эту сторону отношений указывают и сообщения иностранцев-современников, например, папского посла Плано Карпини и автора персидского происхождения Джувейни. Последний писал следующее: «Исчислить дары и щедроты его да измерить великодушие и щедрость невозможно. Государи соседние, властители (разных) стран света и другие (лица) приходили к нему на поклон. Подносившиеся подарки, являвшиеся запасом долгого времени, еще прежде чем они могли поступить в казну, он целиком раздавал монголам, мусульманам и (всем) присутствующим в собрании и не обращал внимания, малы они или велики. Торговцы с (разных) сторон привозили ему различные товары, все это, что бы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышавшую ее стоимость. Султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели».

Таким образом, речь идет не только об обмене различными дарами, но и о связи привозимых материальных даров-подарков и совсем иной природы «отдарков»: «он жаловал льготные грамоты и ярлыки», т. е. санкционировал получение властных полномочий.

Ярлыки известны и русско-монгольским княжеским отношениям. В отечественной историографии принято видеть в них своеобразный субъект купли-продажи, достигавшийся по принципу «цель оправдывает средства». «Великокняжеский владимирский стол был там (в Орде. — Ю. К.) предметом торга и переторжки; покупной ханский ярлык покрывал всякую неправду», — писал, например, В. О. Ключевский. Другое объяснение предлагает Л. Н. Гумилев: «Ярлык — это пакт о дружбе и ненападении. Реальной зависимости он не предполагал. Батый посылал ярлыки к правителям Рума, Сирии и других стран, от него

⁷Н. И. Веселовский, обративший на это внимание, верно отмечает, что «обмен подарками при посредстве послов установился в очень отдаленное время и не составлял исключительного явления у татар», но в то же время ошибается, говоря, что «последние довели систему вымогательства подарков до виртуозности» (*Веселовский Н. И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С. 7*). Не вымогательство, а архаические нормы и обычаи являлись основой этих отношений.

независимых». Таким образом, Л. Н. Гумилев по-иному, но также рассматривает ярлык исходя из рационалистических позиций.

Нам представляется вполне обоснованным включение ярлыков в систему архаических норм и обычаев, в данном случае — дарообмена. Ярлыки на княжение, дававшие князьям самостоятельность действий в русских землях, становятся главным «отдарком» со стороны монгольских ханов. «Ярослав, буди ты старей всем князем в Русском языке», «расудив им когождо в свою отчину», «почтив отпусти в свою отчину» — такого рода формальностями заканчивались многие посещения Рюриковичами Орды. С прагматической точки зрения этот эквивалент — ярлык — был более весомым, ибо означал по сути политическую свободу и для русского князя и, в широком смысле, для русских земель. В архаической — иррациональной для нас — системе координат в этой ситуации сохранялось безусловное равновесие. Язык общения на уровне этносов между представителями высшего ранга этих этносов, таким образом, был найден. Сакральность «духа» и «буквы» ярлыков (об этом см. ниже) определяла своеобразное равенство их как «отдарков», а даров — как материальных благ, привозимых князьями.

Более того, близкими были и непосредственные функции-последствия таких «подарков-отдарков». И те, и другие способствовали стабильности власти соответственно князей и ханов. Получение ярлыка, безусловно, означало не столько укрепление в целом, сколько защиту власти конкретного князя. В то же время, как отмечалось, и полученные подарки ханы использовали для раздачи своему окружению и в целом народу. Раздача богатства — имущества — также означала укрепление и определенный иммунитет власти тех или иных правителей (см., напр.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 137–144, 146–149).

В русско-ордынских отношениях возникали и ситуации, так сказать, наоборот. Интересен случай, уже отмеченный нами, когда за военную помощь в 1277 г. хан Менгу-Темир «одарив» русских князей. То есть на этот раз в качестве «подарка» выступала военная помощь, а собственно материальный эквивалент фигурировал как «отдарок». Но обычно все же даром с русской стороны было некое материальное богатство, а ответным — «ярлык», как своеобразная гарантия покровительства, с одной стороны, и самостоятельности в действиях — с другой.

Практика даров в рамках системы даннических отношений между Русью и Ордой была продолжена и в XIV в. Так, А. А. Горский подчеркивает, что в 1331 г. Иван Калита получил все великое княжение «путем щедрых даров и обещания больших выплат» (*Горский А. А.* Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 40).

Для русско-ордынских отношений второй половины XIV–XV вв., а затем русско-крымских характерными становятся постепенное сближение и эволюция фиксированного и выраженного в денежном измерении даннического сбора в откуп-дар. М. Н. Тихомиров в качестве своеобразного водораздела называл Куликовскую битву. После нее, писал он, «ханские ярлыки на великое княжение, так называемое “царево жалование”, сделалось почти фикцией, а дань, уплачиваемая в Орду, получила характер откупа от грабительских нападений» (*Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Там же. 1955. № 8. С. 24*).

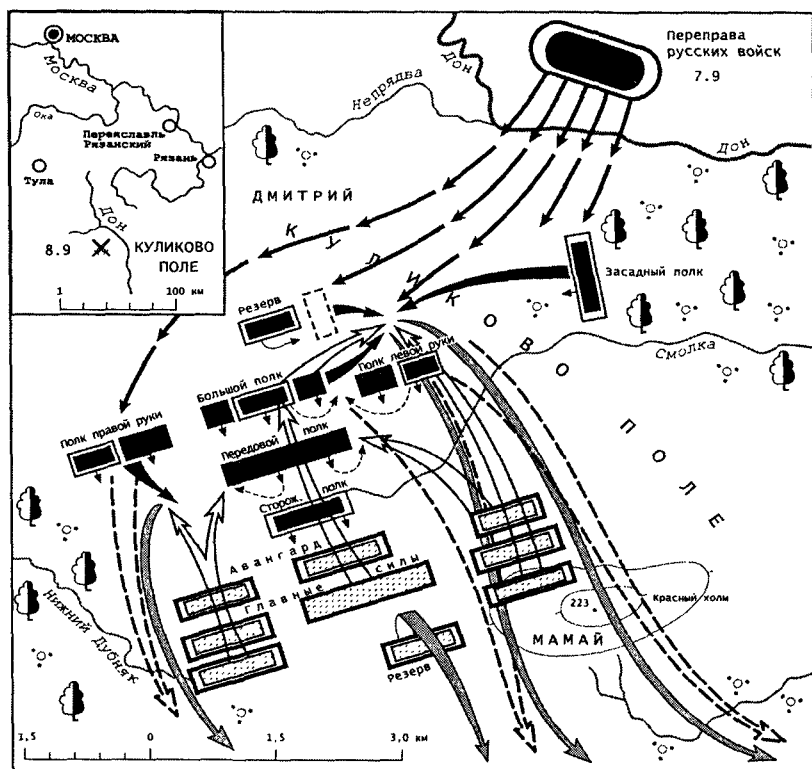
Видимо, этому способствовало и ослабление Орды вследствие раздиравших ее усобиц и частых смен ханов. За чуть более двадцати лет «замятни великой» на престоле сменилось 20 ханов. Однако в середине 70-х годов узурпировавший власть на части золотоордынской территории темник (военачальник) Мамай сумел восстановить ордынскую мощь. Столкновение стало неизбежным.

Битве на Куликовом поле предшествовали два крупных нападения монголо-татар на Русь. В 1377 г. русские отряды потерпели поражение на реке Пьяне. Следствием явилось взятие Нижнего Новгорода, его разграбление и сожжение. На следующий год возглавляемые лично князем Дмитрием русские полки сумели отразить новое нашествие большого войска мурзы Бегича. Битва на реке Воже в Рязанской земле показала подготовленность русского войска к сражениям с Ордой. В 1380 г., когда Мамай, собрав разноплеменное войско (в нем были и западноевропейские наемники), двинулся на Русь, под стягами Дмитрия собрались воины из большей части Северо-Восточной Руси. Войско включало не только дружины, но и народное ополчение: «от начала бо такова сила русская не была».

Дмитрий проявил себя талантливым и мужественным полководцем, приняв решение переправиться через Дон, и там принял бой. События, предшествовавшие Куликовской битве, ход сражения, его итог хорошо известны. Вместе с тем необходимо указать, что существуют не до конца решенные вопросы относительно численности войска, подробностей и конкретностей битвы, даже ее места.

Значение Куликовской битвы трудно переоценить. Это была первая победа над главными силами Орды. Успех в сражении показал единственный путь к свержению монголо-татарской зависимости, который лежал в дальнейшем объединении русских земель, центром которого становится Москва. Однако ордынская зависимость еще не была ликвидирована. После похода хана Тохтамыша в 1382 г. была взята Москва и вновь наложена дань-откуп.

В целом же русско-татарские княжеско-ханские отношения XIII–XIV вв. нельзя сводить исключительно к жесткому политическому и

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

бой русского передового полка с авангардом монголо-татар

перемещение резерва русских войск для прикрытия левого фланга и тыла большого полка

преследование монголо-татар русскими войсками

фронтальный удар главных сил монголо-татар и прорыв левого фланга русских войск

внезапный удар засадного полка и разгром монголо-татар

Куликовская битва

военному противостоянию. Безусловно, они ярче и многограннее. Мы попытались рассмотреть их под нетрадиционным углом зрения. Действительность русского и монгольского средневековых обществ была достаточно архаичной. В их взаимоотношениях это проявилось в данных отношениях, частью которых первоначально была система «подарка-отдарка». Ее функционирование можно увидеть при первых контактах русских князей и татарских ханов. В дальнейшем она по сути сливается с данью и заменяет ее.

Другим властным институтом этого периода оставалось вече. Считается, что с наступлением монголо-татарского ига деятельность вече смещается в сторону борьбы за независимость. Действительно, вечевые выступления второй половины XIII — начала XIV в. в той или иной степени были связаны, как правило, с бесчинствами монголо-татарских чиновников. Однако, как представляется, ничего принципиально нового в этой стороне вечевых функций нет. Ведь и ранее вече собиралось, когда надвигалась или существовала внешняя опасность, будь то набеги половцев, поход на Русь западных соседей или усобица между городами-государствами. Установившиеся между Русью и Ордой даннические отношения сути здесь не меняли. Вместе с тем вече второй половины XIII в. (как и в предыдущее, и в последующее время) активно занималось княжескими «разборками». Словом, вече продолжало работать, так сказать, в заданном, присущем ему режиме.

Отношения вече и князей, а также бояр иной раз приобретали социальную остроту, что, впрочем, тоже было обычным делом. Одна из вспышек была связана с претензиями тверского князя. В 1305 г. «бысть вече на Костроме на боярь», поддерживавших тверского князя, требовавшего перехода города от московского князя к нему (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 86; Т. XXV. С. 393). Похожими представляются и волнения в Нижнем Новгороде. Здесь горожане выступили против бояр, оставшихся в городе после смерти князя Андрея Александровича. Нижегородский летописец сообщает, что собралось вече, постановившее избить этих бояр. Однако в дело вмешался тверской князь Михаил Ярославич, бывший двоюродным братом Андрея. Михаил, возвратясь из Орды, где он получил право на правление в Суздальско-Нижегородских землях, «изби вечниковъ». Вместе с тем отмечается, что «бысть замятна въ Суздальстей земле во всехъ градахъ» (Там же. Т. VII. С. 184; Т. X. М., 1965. С. 175).

20-е годы и последующие десятилетия XIV в. не внесли заметных изменений в общественно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Руси. Сложившийся в XIII в. «треугольник сил» — вече — князя — татары — во многом продолжал определять происходившие события.

Таким образом, вече в первое столетие зависимости от монголо-татар, самое тяжелое время для Руси, активно занималось сугубо внутренними делами: поставлением и отстранением князей, некоторыми другими аспектами общинной жизни. Касаясь вопроса княжеской власти, а ее рост, безусловно, происходил под воздействием татарского фактора, необходимо отметить и еще один фактор — вечевой строй, который, наоборот, сдерживал усиление института княжеской власти в целом.

Подытоживая сведения о вече этого периода, представляется уместным привести слова А. М. Сахарова: «Было бы неправильным думать, что дошедшими до нас известиями исчерпываются все факты городских вечевых собраний в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII и начале XIV в. Более реально предположить, что многие сведения остались неизвестными...» (Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959. С. 206). Соглашаясь с таким выводом, добавим следующее. Думается, и приведенных фактов достаточно, чтобы говорить о северо-восточном вече данного времени как о реально действующем властном органе всего народа, чутко и остро реагирующем на любые изменения в социально-политической жизни, сохранившем и развившем с учетом новых условий традиции древнерусского периода.

От второй половины XIV в. сохранились сведения о вече, касающиеся Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода. Во Владимире активность населения была связана с борьбой в начале 70-х годов XIV в. за Великое Владимирское княжение между Михаилом Александровичем Тверским и Дмитрием Ивановичем Московским. Дмитрию удалось склонить владимирцев на свою сторону, а Михаил пошел в Орду. Получив там ярлык, он «поиде къ Володимерю, хотя сести тамо на великое княжение, и не приаша его, но отвещаша ему сице: “не имем сему веры просто взяти тебе великое княжение”» (ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 18). Таким образом, и здесь владимирцы стараются твердо придерживаться традиций старины: призвания и изгнания князя.

Исследователи неоднократно обращались к причинам упадка вечевого строя. Таковым, к примеру, в качестве «внешней причины» называлось монголо-татарское владычество (Н. М. Карамзин, М. В. Довнар-Запольский). На наш взгляд, прекращение деятельности веча находит объяснение в глубинных процессах, происходивших в русском обществе того времени, связанных в том числе с изменением государственных форм. Вторая половина XV в. — это начальный период складывания единого Русского государства, государственного образования, исторически закономерно соединившего и вобравшего прежние средневековые государственные структуры — города-государства.

Вопреки установившимся взглядам монголо-татарское «иго» не отбросило и не остановило общественное развитие северо-восточных русских земель. Не способствовало оно и прогрессу в сфере общественных отношений. Воздействие его на внутренние процессы очевидно, но к каким-либо существенным изменениям, кардинальному повороту (тем более перевороту) в социально-экономической и социально-политической сферах оно не привело. Влияние монголо-татар, беспспор-

но, имело место, но коренной ломки сложившейся в XII — начале XIII в. структуры общественных отношений не произошло. «Иго» стало лишь дополнительным фактором (или одним из факторов) в уже существовавших общественных отношениях, особенно политического свойства. Система, в основании которой лежали общинные порядки, сохранилась и на вершине общественной пирамиды (вече, князя, усиление власти которых в определенной степени связано с монголо-татарским фактором), и на ее нижних этажах (сотенное устройство), в городах и сельской местности. Таким образом, и в XIII и в XIV столетиях в Северо-Восточной Руси функционировала традиционная система городов-государств (земель).

Ее трансформация и ликвидация происходят под воздействием внутренних процессов. Расширение территории, усиление княжеской власти, начало формирования сословий приводят к падению первичной государственности и возникновению государственности нового типа — единой государственности.

Русь, Россия и государства-преемники Золотой орды. Совсем иной стала историческая судьба Золотой орды. Испытывая со второй половины XIV в. постоянные внутренние неурядицы (борьба за ханский престол царевичей Чингизидов) и разрушительное внешнее воздействие (походы Тимура), она не справилась с децентрализующими тенденциями и постепенно стала распадаться на отдельные самостоятельные орды и ханства. Первые такого рода сложившиеся государственные образования появляются в конце первой трети XV в., а окончательный распад Золотой орды происходит в 1502 г.

Прямым преемником наследства Джучиева улуса была объявлена Большая орда, которую в 60-е годы XV в. возглавил Ахмат-хан. Он попытался возобновить даннические отношения с Русью (выплата дани Орде фактически прекратилась примерно с 1452 г., в 1476 г. Иван III отказался от ее уплаты официально). В 1480 г., воспользовавшись неблагоприятными условиями для московского князя (конфликт с братьями из-за уделов, напряженность на западных границах), хан Большой орды Ахмат, собрав почти 100-тысячное войско и заключив договор с литовским князем Казимиром, выступил в поход.

Иван III, находясь в сложной ситуации, не решался на крупные военные действия, хотя его войска стояли в ожидании на Оке. В начале октября обе рати оказались друг против друга на берегах притока Оки — Угры. Дважды пытался Ахмат форсировать небольшую, но бурную речку, и оба раза был отброшен. Не дали результата и переговоры.

Не пришел на помощь и Казимир IV, на владения которого совер-

шил набег союзник Ивана III и враг Ахмата крымский хан Менгли-Гирей. Выпавший в начале ноября 1480 г. снег как бы похоронил последние надежды ордынцев. 11 ноября Ахмат увел свои войска в степи, где вскоре погиб.

Это событие в отечественной историографии называют обычно «падением ордынского ига», имея в виду окончание каких-либо зависимых отношений между Русью и Ордой. Однако необходимо заметить, что дань («поминки») продолжала уплачиваться и в последующее время — крымскому хану (вплоть до рубежа XVII–XVIII вв.) (общие рассуждения об этом см.: *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 200–201). Таковы были реальности межгосударственных отношений того времени. Другое дело, что данничество (тем более, его «модификации») не затрагивало внутреннего развития Руси, шедшей по пути складывания единого государственного управления и расширения территории, в том числе и на восточном и южном направлениях.

Что касается Ивана III, то, не являясь крупным военным стратегом, он обладал талантом дипломата. Именно это привело к той ситуации на политической карте Европы, которую лаконично сформулировал не чуждый занятиям русской историей К. Маркс: «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва замечавшая существование Московии, стиснутой между Литвой и татарами, — была ошеломлена внезапным появлением огромного государства на ее восточных границах». В 1462 г. Иван III наследовал территорию, размеры которой не превышали 430 тыс. кв. км, а при вступлении на престол его внука Ивана IV в 1533 г. территория единой Руси увеличилась в шесть раз, достигнув 2800 тыс. кв. км.

Новые ордынские образования создавались не только вне пределов русских земель, но и в их границах. Таковым было «буферное» Касимовское ханство с центром в Городце-на-Оке (в 1471 г. переименованном в Касимов), возникшее под покровительством Москвы в конце 1452 или начале 1453 г. Его возглавил брат казанского хана Махмута царевич Касим. К нему стали приходить татары — как уже проживавшие в пределах русских земель, так и недовольные порядками в других ханствах.

По словам Г. В. Вернадского, «информация о внутренней организации Касимовского царства в этот период скупа». Под властью хана находилось несколько татарских князей, а различные чиновники собирали дань (ясак) и налоги «с подданных царевича и мордовцев». Денежную сумму ежегодно должен был выплачивать хану и рязанский князь, а все недоразумения между ними выносились на рассмотрение

московского князя (*Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 339). Касимовцы продолжали исповедовать мусульманство.

Главными функциями Касимовского ханства были, видимо, внешнеполитические: во-первых, охрана границ от нападений со стороны Казани, для чего в ханстве существовало войско, а во-вторых, по причине родственных отношений касимовского и казанского ханов противодействие потенциальной возможности вмешательства в казанские дела, что, как известно, практиковала Москва. Касимовское ханство просуществовало до второй половины XVII в.

С середины XV в. на Руси наибольшее беспокойство вызывало сформировавшееся в Среднем Поволжье Казанское ханство (основанное то ли Улуг-Мухаммедом в 1437–1438 гг., то ли его сыном Махмудом в 1445 г.). Многократные усилия на дипломатическом поприще на протяжении второй половины XV в. не привели к стабильным для Русского государства результатам, и в 1521 г. Казанское ханство попало в зависимость от Крыма (а в 1524 г., возможно, и от Турции). Однако и в этих изменившихся условиях Москва продолжала проводить свою традиционную политику дипломатического, военного и экономического влияния. В 1532, 1546 и 1551 гг. ей удавалось утверждать в Казани своего претендента, впрочем, ненадолго задерживавшегося на престоле. После очередной неудачной попытки посадить лояльного хана принимается решение о проведении военной акции, и 2 октября 1552 г. Казань пала. «Богом венчанный наш царь православный и великий, князь Иван Васильевич, самодержец всея Руси брався с нечестивыми и одоле их до конца, царя казанского Едигера Махмета изыме и знамена их взяша и царство, и град многолюдный Казанский восприят», — сообщает современная событиям летопись (ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965. С. 108).

Для Русского государства аннексия Казанского ханства имела важнейшие геополитические последствия. Но не меньшее стратегическое и торговое значение имела Астрахань — также центр одного из постзолотоордынских ханств (отделившегося на рубеже 50–60-х годов). После перехода здесь московского ставленника на сторону Крыма в 1556 г. оно было завоевано русским войском. Москва теперь получала полный контроль над всем волжским путем, позволявшим через Каспийское море выходить на иранские рынки, а также возможность контролировать степной путь из Крыма в Среднюю Азию.

В конце этого же столетия было завоевано и Сибирское (Западно-Сибирское) ханство. Его присоединение стало продолжением средневекового движения русских людей на Восток — «встреч солнцу», новый толчок которого последовал в связи с «Казанским взятием».

Сибирский хан, также один из наследников Золотой орды, правил огромной малонаселенной и многоэтничной территорией Верхнего Приобья. В конце XV — первой половине XVI в. сибирские ханы (Ибрагим, Едигер) стремились поддерживать союзнические и даже подданические отношения с Русским государством. Сменивший Едигера хан Кучум, не пожелавший платить Москве ясак, в начале 80-х годов потерпел поражение от посланных купцами Строгановыми казачьих отрядов Ермака. Чуть позже в процесс освоения этих земель включились государственные ведомства, возводя одну за другой крепости: в 1586 г. — Тюмень, в 1587 г. — Тобольск, в 1604 г. — Томск.

Основателем Крымского ханства (юрта) становится Хаджи-Гирей (в 1436 г. — по Л. Н. Гумилеву, в 1443 г. — по М. Г. Сафаргалиеву). В состав ханства входили не только собственно Крымский полуостров, но и обширные степные территории Северного Причерноморья.

Во второй половине XV в. Москва и Крым находились в коалиции, совместными усилиями противостоя Большой орде и Казани. Вместе с тем отношения Русского государства с Крымом во многом обуславливались зависимостью последнего от могущественной Османской империи (с 1478 г.) (о степени этой зависимости см.: *Воззрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. С. 198–200 и др.). Наивысших успехов Крымская держава достигла в начале 20-х годов XVI в. Тогда, после занятия в 1521 г. казанского престола братом крымского хана, а в 1523 г. — падения под ударами крымских войск Астрахани, Мухаммед-Гирей «был, как никогда, близок к великой цели — объединению трех государств под бунчуком Гиреев и покровительством Турецкой империи», — пишет прокрымски настроенный современный отечественный историк (Там же. С. 203). Москва же, что для того времени было геополитически естественно и необходимо, также вынашивала планы ликвидации самостоятельности Крыма, на протяжении двух веков неоднократно вступая с ним в военную конфронтацию.

Механизм «дипломатических» взаимоотношений Руси и Крыма рассмотрен в работах Н. И. Веселовского, В. Е. Сыроечковского, П. Н. Павлова. Последний, в частности, пришел к выводу, что «уже с 1476 г., когда приходилось оплачивать “дружбу” хищных крымских феодалов, а затем откупаться от их набегов, “ординский выход” перестал соответствовать понятию дани в точном смысле слова» (*Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учен. зап. Кrasноярск. гос. пед. ин-та. Т. 13. Сер. историко-филологическая. Красноярск, 1958. С. 106). В. Е. Сыроечковский подчеркивает, что «московская дипломатия твердо отстаивала ту точку зрения, что “поминки” — не дань, а добровольное пожалование великого князя». Он же отмечает и такую

любопытную деталь: «Среди этих подарков следует выделить особую группу “запросных”, т. е. посланных в ответ на тот или иной “запрос”. Каждый запрос предполагал возможность ответного запроса. Иногда обмен запросными поминками переходил в прямую торговлю. В “запрос” шли наиболее редкие и дорогие вещи» (*Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 59). Расходы на дипломатические отношения в целом были огромны (см.: *Вернадский Г. В.* Московское царство. Ч. 1. Тверь; М., 1997. С. 19).

Наряду с этим крымские татары с 1507 г. регулярно совершали набеги на русские пограничные территории, уводя в полон для продажи в рабство тысячи русских людей. С 1521 г. крымцы стали нападать и на внутрирусские области (всего за первую половину XVI в. состоялось 43 набега, а за вторую — 48), а в 1571 г., прорвав укрепленные линии по Оке, сожгли предместья и Земляной город Москвы. Повторение похода на следующий год не удалось: в 45 верстах от столицы при Молодях войско Девлет-Гирея было разбито.

Борьба с Крымским ханством продолжалась в течение всего XVII в. и закончилась лишь во второй половине XVIII в. Согласно минимальным подсчетам А. А. Новосельского, только в первой половине века крымцами было уведено в плен от 150 до 200 тыс. человек. Русскому правительству приходилось тратить большие средства на выкуп пленников и по этой причине даже вводить специальный налог на покрытие этих расходов — так называемые «полоняничные деньги». Не случайно в конце XVII в. Москва потребовала от Турции «уступить России Крым и обе крепости, запиравшие выходы в Азовское и Черное моря... всех татар из Крыма выселить... и уплатить контрибуцию в 2 млн червонных» (М. М. Богословский). После известных Крымских (1687, 1689 гг.) и Азовских (1695, 1696 гг.) походов лишь в 30-х годах XVIII в. в Причерноморье начинает складываться благоприятная для России ситуация. В войне 1736–1639 гг. крымские войска были разбиты, а русская армия, захватив столицу Крымского ханства — Бахчисарай, некоторое время контролировала полуостров. Одним из результатов русско-турецкой войны 1768–1774 гг. стало вытеснение Османской империи с берегов Северного Причерноморья (по Кючук-Кайнарджийскому трактату признавались независимость Крыма и от Турции, и от России и свободное избрание ханов), и, как следствие, ослабление Крымского ханства, оставшегося без явной помощи могущественного союзника.

Современный германоязычный историк А. Каппелер отмечает, что аннексия Крыма произошла в три этапа: первый — завоевание Крыма в 1771 г. и замена османского протектората российским, предусматривав-

шим определенные гарантии свободы и независимости; второй — правление в Крыму хана, поставленного Россией, и проведение им «ряда нивелирующих реформ»; наконец, третий этап знаменуется смещением хана-ставленника, потерей Крымским ханством политической автономии и включением его территории в состав Российской империи (Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 41). В Манифесте «О принятии полуострова Крыма, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу» от 8 апреля 1783 г. Екатерина II торжественно провозглашала в отношении своих новых подданных: «Обещаем свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола нашего, содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру... и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковые в России пользуются» (*Полное собрание законов Российской империи*. Т. XXI. С. 897–898).⁸

Итак, продвижение Русского государства и русского народа в южном и восточном направлениях — в Великую степь — продолжалось три столетия.⁹ Тот же А. Каппелер, проанализировав общий характер отношений между Русским государством и ханствами-преемниками Золотой орды на протяжении всего периода, сделал следующие, в основном могущие быть принятыми, выводы. При присоединении («завоевании») отдельных областей «типичным было постепенное шаг за шагом продвижение к цели в духе традиционной степной политики». Вначале утверждением на престоле своего ставленника устанавливался «частичный протекторат». Далее использовались противоречия как между отдельными кланами знати, так и общественными и этническими группами. И, наконец, «в дальнейшем в большинстве случаев следовало

⁸ Мнения историков о присоединении Крыма см.: *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. С. 273–275.

⁹ По А. Каппелеру, длительное время «открытая ... безлесная Степь к северу от Черного и Каспийского морей оставалась для русских чужой, враждебной, внушающей страх территорией: и только по берегам рек решались казаки и московские служилые люди закладывать свои опорные пункты» (Каппелер А. Россия-многонациональная империя. С. 35). Как когда-то монголам были чужды и страшны населенные враждебными им духами лесные территории Руси, так теперь и русские испытывали похожие иррациональные чувства. Это (конечно, наряду с другими факторами и прежде всего военным), безусловно, не способствовало до определенного периода их быстрому продвижению и активному заселению степных пространств.

и военное насилие...» (Каппелер А. Россия — многонациональная империя. С. 46).

После завоевания в этих землях началось утверждение России и российских порядков. По А. Каппелеру, «методы, с помощью которых шло освоение завоеванных земель, восходят к средневековым образцам, особенно характерным для новгородской политики, к практике «собираания русских земель» и правилам степной политики». «Сначала абсолютный приоритет имела *безопасность вновь завоеванных земель* (курсив наш. — Ю. К.): сопротивление подавлялось военной силой, шло строительство крепостей, взятие заложников и запрет на ношение оружия должны были обеспечить лояльность нерусского населения. Вторая цель — извлечение хозяйственной прибыли и выгоды — была подчинена задаче обеспечения безопасности и не всюду выявлялась в равной мере. Наиболее явно эта вторая цель проявилась в том буме, который был связан с добычей сибирских мехов, в интересе к рыбным угодьям и к торговым плацдармам волжских ханств и к сокровищам в недрах Урала, а также при усиленной колонизации плодородных земель на границе со Степью» (Там же. С. 46).

По обеспечении безопасности московское правительство переходило «к более *осторожной и гибкой политике* (курсив наш. — Ю. К.)». Существенным ее элементом «было широкое утверждение и уважение статуса-кво»: во-первых, «оставались не разрушенными административный и правовой порядок, отношения земельной собственности, верования», во-вторых, осуществлялось «сотрудничество с нерусскими элитами», часть которых (элита Казанского и Крымского ханств) кооптировалась «в состав российского наследственного дворянства» (подробнее см.: Там же. С. 46–47). Впрочем, такая «прагматично-гибкая политика» не исключала и насильственных действий — особенно они касались религиозного фактора (50-е годы XVI в., первая половина XVIII в.).

Таким образом, набирающая силу и мощь Россия проводила в отношении наследников Золотой орды обычную для того времени геополитическую практику, сочетавшую военные и мирные методы действий. И в целом, что можно отметить на основе заключений исследователей, она была в большей степени мягкой и гибкой.

ЛИТЕРАТУРА

- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1990.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950 (переиздание: М., 1998).
- Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
- Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV веков. СПб., 2003.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940 (переиздание: М., 1996).
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1974.
- Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М., 2004.
- Хрусталева Д. Г.* Русь: от нашествия до «ига» (30–40 годы XIII века). СПб., 2004.
- Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Очерк третий

Русь и степное Поволжье

Русь и Большая орда перед решительным столкновением (40–70-е годы XV в.). — Стояние на Угре. Освобождение от ордынской зависимости. — Образование Казанского ханства. Суздальская битва. — Россия и Казанское ханство при Иване III. — Москва и Казань в первой трети XVI в. — Первые походы Ивана IV. — Взятие Казани. — Окончательное покорение Казанского ханства. — Астраханское ханство. — Образование Ногайской орды. — Усиление влияния России при бее Исламе. — Гибель Ногайской орды.

Отношения Руси с народами и государствами Поволжья всегда складывались не просто. Достаточно вспомнить длительную борьбу с Хазарским каганатом или неоднократные конфликты русских князей с Волжской Болгарией. Образование же в XIII в. Золотой орды с центром на Нижней Волге придало этим отношениям новый характер — русские княжения оказались в зависимости от ханов.

Однако с середины XIV в. Орду потрясала ожесточенная борьба за власть между различными претендентами на престол. Одержавший победу в этой схватке Тохтамыш смог ненадолго восстановить единство государства, но война с Тимуром, закончившаяся катастрофическим разгромом, сильно ослабила Орду. Теперь распад некогда могучего государства стал лишь вопросом времени. Все попытки нового правителя Едигея возродить могущество степной империи могли дать лишь кратковременный эффект. Вскоре после его смерти начинается окончательный развал Золотой орды. В конце концов на ее руинах в разное время на территории Поволжья появляются следующие государственные образования: Казанское и Астраханское ханства, Большая и Ногайская орды.

Драматические события, происходившие в Поволжье, совпали по времени с междоусобной войной среди князей Московского дома. Но эта борьба за власть среди потомков Дмитрия Донского не могла остановить процесс усиления Руси, постепенного объединения ее земель под властью московского правителя. Окончательная победа Василия Темного над своими двоюродными братьями и фактическое завершение объединения основных русских земель к концу 70-х годов XV в. (при Иване III) поставили в повестку дня вопрос о свержении татарского ига.

Основным преемником Золотой орды была Большая орда, располагавшаяся в Нижнем Поволжье. Именно отношения с этим государственным образованием и привели к событиям, известным как свержение монголо-татарского ига.

Русь и Большая орда перед решительным столкновением (40–70-е годы XV в.). Правители Большой орды, несмотря на явное ослабление собственного государства, раздираемого центробежными тенденциями, и усиление Руси, продолжали считать себя господами «Русского улуса». Мало того, отдельные «цари» и «царевичи» устраивали набеги на русские земли. Так, в 1443 г. царевич Мустафа подверг опустошительному набегу Рязанскую землю. В летописи сохранился подробный рассказ об этом событии. По словам источника, пограбив и захватив большой полон, Мустафа предложил рязанцам выкупить пленников. После этого царевич снова объявился в русских пределах, желая переждать здесь необычайно суровую зиму. Но против пострадавших от морозов татар были посланы московские войска во главе с князем Василием Оболенским и Андреем Голтыевым. Великий князь Василий II отпустил в поход даже свой двор и «мордву на ртах» (лыжах. — *В. III.*). Против Мустафы выступили и рязанцы. В состоявшейся битве татары были разгромлены, а сам царевич погиб (*Полное собрание русских летописей* (далее — ПСРЛ). Т. 12. М., 2000. С. 61–62.)

Более серьезный характер имело нашествие царевича Мазовши в 1451 г. Получив известие о появлении татар вблизи южных границ, Василий II отправился в Коломну. Однако великий князь не успел собрать значительных сил и еще по дороге узнал, что татары уже подошли к Оке, на берегу которой русские и рассчитывали остановить противника. Василий предпочел вернуться в Москву, отправив к Берегу (в то время Берегом называли берег Оки, на котором русские войска встречали татар) все наличные силы во главе с князем Иваном Звенигородским. Задачей его отряда было как можно дольше задерживать переправу татар через Оку. Выигранное время Василий стремился использовать для подготовки Москвы к осаде. Впрочем, сам великий князь не собирався оставаться в своей столице, а отправился к Волге. Вместо себя он оставил свою мать — великую княгиню Софью, сына Юрия, митрополита Иону и служилых людей.

Но город не успел как следует подготовиться к осаде — отряд князя Звенигородского отступил от Берега, даже не дождавшись подхода татар. 2 июля Мазовша появился у стен Москвы. Сразу же были зажжены незащищенные стенами посады и начался штурм Кремля. Положение осажденных было тяжелым — от дыма ничего не было видно. Си-

туация для русских улучшилась лишь тогда, когда догорели постройки. Столкновения с татарами продолжались до темноты. Наутро ожидали нового штурма, и вся ночь прошла в приготовлениях к его отражению: «граждане начаша пристрой градной готовити наутриа противу безбожных, пушки и пищали, самострелы, и оружия, и щиты, луки и стрелы, еже подобает к брани на противныя». Но с утра татар под стенами Кремля не оказалось — ночью они слышали сильный шум, решили, что подошло свежее русское войско и решили уйти в степи, бросив «от меди и железа, и прочего множество товара» (Там же. С. 76–77.)

И в последующие годы нападения татар из Большой орды на русские земли продолжались. Так, в 1455 г. крупный ордынский отряд переправился через Оку ниже Коломны, но в битве был разгромлен русскими под командованием князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Следующий крупный татарский набег состоялся в 1459 г. На этот раз Василий Темный отправил против ордынцев крупные силы под командованием своего наследника князя Ивана Васильевича (будущего Ивана III). Русские войска встретили противника на берегу Оки и впервые за все время русско-ордынских конфликтов силой не допустили переправы вражеского войска в центральные районы государства. Потерпевшие поражение татары отступили от Берега. В Москве эту победу восприняли с воодушевлением — в ее честь была даже построена новая каменная церковь (Там же. С. 112).

Но на следующий год (1460) большеордынские татары снова напали на Русь, выбрав на этот раз территории на правом берегу Оки, считая их менее защищенными. По словам летописи, под стены Переславля Рязанского явился сам хан с основными татарскими силами. Все попытки взять город штурмом были отражены, татары понесли серьезные потери — «многу же язву приаша вои его от граждан, избиени быша мнози и уязвлени. И ничтоже успев граду тому, с срамом отступи от него и отиде в поле» (Там же. С. 113).

В 1462 г. умер Василий Темный и на московский престол вступил Иван III. Об изменениях в Большой орде с подобной точностью говорить нельзя — хронология правления ханов очень запутана, и к тому же там зачастую было несколько правителей, боровшихся друг с другом. Впрочем, в 60-е годы XV в. на ордынском престоле укрепляется хан Ахмат. Ему удастся в какой-то мере возродить мощь Орды и выступить с претензиями на объединение всех бывших владений Улуса Джучи под своей властью. Будущее показало, что его претензии были иллюзорны, но пока хан надеялся на возможность их реализовать. Одной из главных целей Ахмата было подчинение Русской земли, восстановление ее полной политической зависимости от хана. Ради достижения этой цели

ордынский правитель готов был пойти на союз с правителем Польши и Литвы Казимиром IV, интересам которого также угрожала возросшая мощь Руси. В 1470 г. король прислал к Ахмату своего посла Кирея Кривого с богатыми дарами и «многими речами лживыми и обговорами». Целью посольства было поднять Орду против Москвы и нанести совместный удар по владениям великого князя Ивана. Однако в тот момент обострение отношений с Иваном III не входило в планы хана (Там же. С. 124). Тем не менее антимосковский союз с Литвой стал с этого времени одним из основных направлений внешней политики Ахмата.

Перед Иваном III также стояла серьезная задача — завершить объединение русских земель под главенством Москвы. Он не мог не понимать и того, что Большая орда уже далеко не так сильна, как прежде, и есть возможность окончательно освободиться от номинальной власти ханов. Впрочем, великий князь не любил торопить события и продолжал, видимо, какое-то время выплачивать ордынский «выход», хотя сам, в отличие от своих предшественников, в Орду никогда не ездил и ханского ярлыка не получал. В самом начале 70-х годов XV в. великому князю удалось решить важнейшую задачу — фактически подчинить своей власти Великий Новгород.

Практически одновременно с этим летом 1471 г. отряд вятчан спустился вниз по Волге и неожиданно захватил столицу Орды город Сарай и «много товара взяша, и плен мног поймаша». В тот момент в столице почти не было татарских сил, основные массы кочевников находились в одном переходе от города. Их попытка перехватить вятчан на обратном пути провалилась (Там же. Т. XXV. М., 2004. С. 291). Трудно сказать, в какой мере в организации вятского набега участвовали московские власти, но в любом случае это мероприятие позволило обезопасить южные границы Руси во время победоносного новгородского похода. Для хана нападение на его столицу было открытым вызовом, требовавшим ответа. Большой ордынский поход был организован в следующем 1472 г.

Летом в Москве были получены известия о подходе татарского войска во главе с самим Ахматом. На Берег в Коломну выехал Иван III. Очевидно, основные русские силы стремились прикрыть кратчайшую дорогу на столицу, не допустить переправу ордынцев через Оку. Однако хан решил нанести удар западнее — в районе Алексина. Возможно, такое направление удара было связано с договоренностью о совместных действиях с Казимиром Литовским. Но расчеты Ахмата на помощь Казимира не оправдались.

Алексин находился в стороне от обычных маршрутов татарских набегов. Не случайно летопись указывает, что хан шел «с проводники

непутьма». В городе оказалось мало людей, не было «ни пушек, ни пищалей, ни самострелов». Городской воевода Семен Беклемишев по приказу Ивана III перешел на левый берег Оки. Алексинцы оказались предоставлены сами себе. В конце июля хан предпринял штурм. По летописям, жители проявили настоящий героизм, нанесли серьезные потери штурмующим — «много татар избиша», но следующего штурма выдержать уже не смогли. Ордынцы подожгли укрепления, и большинство жителей «изволиша згорети, неже предатися татаром». Оставшиеся в живых попали в плен.

После гибели Алексина татары попытались форсировать Оку. Их натиск сдерживали войска под командованием Петра Федоровича Челяднина и Семена Беклемишева. Силы оказались неравными. У воевод было «мало зело людей», татар «многое множество побредоша к ним». У русских стали заканчиваться стрелы, и, по утверждению летописи, они уже «бежати помышляху». Но в этот ответственный момент сражения к месту возможной переправы подошли полки князя Василия Михайловича Верейского, а затем подтянулись и основные русские силы. До решительного столкновения дело не дошло, Ахмат не стал рисковать всем в решительной битве, а предпочел отвести свои войска обратно в степи. Летопись объясняет уход татар тем, что сам Ахмат «прииде на берег и видево многие полкы великого князя, аки море колеблющися, доспеси же на них бяху чисты велми, яко сребро блистаючи, и въоружени зело, и начат от брега отступати по малу в нощи той, страх и трепет нападе на нь, и побеже гоним гневом божиим». Правда, наряду с «божественным вмешательством» источник указывает и на эпидемию какой-то болезни, обрушившейся на татарское войско. Русские не преследовали отступающих в степи татар, была послана лишь разведка. 23 августа 1472 г. Иван III победителем вернулся в Москву (Там же. Т. XII. С. 149–150; Т. XXV. С. 297–298; Т. XX. М., 2005. С. 297–298).

Бесславное отступление Ахмата от Оки не означало, однако, его отказа от замыслов восстановить свою власть над «Русским улусом». Следовало лишь собрать большие силы и тщательнее скоординировать действия с союзником Казимиром. Великий князь Иван не желал окончательного разрыва с Ордой. Между государствами продолжались дипломатические контакты, хотя предмет переговоров не известен. Впрочем, Иван III в 70-е годы перестал платить дань, что означало отказ от признания ордынского сюзеренитета. В таких условиях новое столкновение с Большой ордой было лишь вопросом времени.

В противовес ордынско-литовскому союзу возникает русско-крымский союз. Крымское ханство, отколовшееся от Золотой орды в 40-х годах XV в., оказалось для Ивана III естественным союзником, так как

стремившийся восстановить Орду в прежних границах Ахмат стал смертельным врагом правящей в Крыму династии Гиреев. Уже в начале 70-х годов устанавливаются отношения с ханом Менгли-Гиреем, вскоре ставшим вассалом могущественной Османской империи. В какой-то момент казалось, что Ахмат сможет подчинить себе Крым — в 1476 г. его войска заняли полуостров, свергли Менгли-Гирея и возвели на престол ставленника Орды Джанибека. Усиление Ахмата сразу же отразилось на русско-ордынских отношениях: 11 июля 1476 г. в Москву прибыл ханский посол в сопровождении свиты и большого количества купцов. Требованием хана был приезд самого Ивана III в Орду. Выполнение этого требования означало восстановление в полной мере ханской власти над Русью. Естественно, пойти на это великий князь не мог, но и совсем прерывать отношения с Ахматом также не стал. В Сарай отправился очередной русский посол. Вместе с тем переговоры лишь оттягивали решительное столкновение. Эти несколько лет позволили Москве окончательно присоединить Великий Новгород и усилить свое влияние в Казани.

Хорошей новостью для Ивана III оказалось также восстановление в Крыму Менгли-Гирея. К весне 1480 г. был заключен союзный договор между ним и великим князем Московским. Итак, сложились две коалиции: Большая орда и Литва против Москвы и Крыма.

Стояние на Угре. Освобождение от ордынской зависимости. Кто же был инициатором военного конфликта 1480 г.? Согласно некоторым источникам инициатива в окончательном разрыве с Ордой принадлежала русской стороне. По сообщению имперского дипломата Сигизмунда Герберштейна, главную роль в этом сыграла вторая супруга Ивана III византийская принцесса Софья Палеолог, которая «повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар». Именно под ее влиянием великий князь и выступил против Ахмата. Согласно другой, еще более драматической версии, события развивались так: хан Ахмат отправил в Москву послов «з басмою, просити дани и оброков за прошлая лета. Великий же князь ни мало... убояся страха царева, но, прим басму, лице его, и плевав на ню, и излама ея, на землю поверже и потопта ногама своиа, а гордых послов его избити всех повеле, пришедших к нему дерзостно; единого же отпусти жива, носяще весть ко царю...» (*Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 68; ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 200*).

Эти известия имеют легендарный характер: влияние великой княгини Софьи на мужа было далеко не так велико, как пытается представить Герберштейн. История же с «потоптанием» ханской басмы также

лишена достоверности — не в характере такого осторожного политика, каким был Иван III, столь вызывающие шаги, равнозначные открытому объявлению войны с неизвестным исходом. К тому же в 1480 г., несмотря на заключение союза с Крымом, ситуация для великого князя складывалась далеко не самым благоприятным образом. Как раз в это время (зима 1479/1480 г.) произошел мятеж братьев Ивана III — Андрея Большого и Бориса Волоцкого, которые были не довольны действиями великого князя, обращающегося с братьями хуже, чем с собственными боярами. Удельные князья имели в виду следующее: их полки принимали участие в присоединении Великого Новгорода, но они не получили в благодарность никаких владений. Кроме того, Иван III, несмотря на имеющиеся соглашения, не допускал перехода своих людей на службу в уделы. Были и другие причины для недовольства. Ситуация внутри страны была достаточно напряженной: в начале мятежа сам Иван III находился в Новгороде, а население центральных районов страны «быша бо во страсе велице от братьи его: все грады быша в осадах, и по лесом, бегаючи, мнози мерли и от студени без великого князя». Полки мятежников двинулись к литовской границе. Князья Борис и Андрей остановились в Великих Луках и обратились к Казимиру Литовскому. Он предоставил для княжеских семей город Витебск. В таких условиях бросать вызов Ахмату и его Орде было бы безумием со стороны Ивана III.

Таким образом, столкновение было инициативой самого Ахмата, решившего использовать сложную ситуацию, в которой оказался великий князь. Некоторые источники указывают даже, что ордынское нашествие было совершено «по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса». Большие надежды возлагал Ахмат и на своего союзника литовского правителя Казимира.

По сообщению летописи, «безбожный царь Ахмат Большиа Орды поиде на православное христианство на Русь, на святыя церкви и на великого князя, похваляся разорити святыя церкви и все православие пленити и самого великого князя, якоже при Батые было». Источники подчеркивают роль в организации нашествия Казимира Литовского, который сообщил Ахмату о мятеже князей Бориса и Андрея и обещал нанести удар по Руси своими силами с запада. В Москве первые известия о движении Орды получили весной 1480 г. Речь шла о выступлении Ахмата со всей Ордой. Над русскими землями нависла смертельная опасность.

Так как было неизвестно направление татарского удара, русские войска пришлось сосредоточить на большом протяжении: сам Иван III был в Коломне, его сын и наследник Иван Иванович Молодой — в

Серпухове, князь Андрей Васильевич Меньшой (младший брат великого князя, сохранивший ему верность во время мятежа) — в Тарусе. Были перекрыты места возможной переправы Ахмата через Оку. Ордынцы приближались медленно, хан ждал подхода литовских сил. Узнав, что переправы через Оку надежно закрыты русскими войсками, Ахмат решил прорваться через Угру — западнее, со стороны литовской границы. Кроме того, здесь было удобнее дожидаться соединения с войсками Казимира. Впрочем, литовские войска так и не появились. Летопись объясняет отказ Казимира от выполнения союзнических обязательств тем, что «быша ему свои усобицы: тогда бо воева Мен-Гирей царь Перекопский королеву Подолскую землю, служа великому князю». Ожидавший литовской помощи Ахмат оказался на территории Верховских княжеств, бывших в зависимости от Литвы, и остановился в Воротынске. Вслед за движением татар к Угре подошли и русские войска — по приказу Ивана III Иван Молодой и Андрей Меньшой переместились к Калуге.

Сам великий князь из Коломны отправился в Москву на совещание с боярами, митрополитом и родственниками. Вероятно, среди окружения Ивана III не было полного единства по поводу дальнейших действий. Летописи упоминают «злых челоуеков сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей христианских, а норовников бесерменских». В других летописях указываются и имена этих «злых челоуеков» — Иван Васильевич Ощера и Григорий Андреевич Мамон. Они вспоминали неудачный для русских бой с татарами под Суздалем в 1445 г., плен Василия II и нашествие Тохтамыша в 1382 г., когда Дмитрий Донской бросил Москву и бежал на север.

Слухи об этих разговорах и колебаниях Ивана III доходили и до населения Москвы, и поэтому появление великого князя в столице некоторые восприняли как первый шаг к будущему бегству. Посадские заявили правителю: «...сам разгневив царя, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром». Ропот горожан привел к тому, что великий князь жил не в своих кремлевских покоях, а в Красном Селе под Москвой. Как свидетельство готовившегося бегства был воспринят и отъезд из столицы жены великого князя Софьи. Летописец не удержался от едкого замечания о ее бегстве: «бе бо бегала от татар на Белоозеро, а не гонял никтоже; и по которым странам ходили, тем пущи татар от боярских холопей, от кровопивцов христианских».

В действительности Иван III не собирался бежать. Столица была приготовлена к обороне на случай возможного прорыва неприятеля, в городе остались мать великого князя инока Марфа, митрополит Геронтий, князь Михаил Андреевич Верейский, московский наместник Иван

Юрьевич Патрикеев. Вскоре великий князь выехал из Москвы к Угре и остановился со свитой в Кременце, занимавшем очень выгодное положение: из него можно было прикрывать Москву в случае прорыва татар и дорогу из Литвы, если бы Казимир все-таки вмешался в конфликт. В Кременец прибыли и братья великого князя Борис и Андрей. Таким образом, мятеж был прекращен, и войска Бориса и Андрея приняли участие в завершающем этапе «стояния на Угре».

Между тем Ахмат так и не дождавшийся обещанной королем Казимиром помощи, решил собственными силами форсировать Угру: «и приидоша татарове, начаша стреляти на наших, а наши на них... А наши стрелами и пищальми многих побиша, а их стрелы меж наших падаху и никогоже уязвляху; и отбиша их от берегу. И по мнози дни приступаху, бьющеся, и не возмогоша, и стояше, ждуще, егда река станет». Бои за переправы продолжались несколько дней, причем русские впервые в полевых условиях применили артиллерию — пищали. Но приближалась зима, Угра должна была замерзнуть и тогда переправиться через нее уже не составило бы труда.

Кроме боев за переправы между русскими и Ахматом шли и переговоры, инициатором которых летопись называет Ивана III. Вероятно, великий князь тянул время или дожидался подхода подкреплений. По словам летописи, «ко царю князь великий послал Ивана Товаркова с челобитием и з дары, прося жалованья, чтоб отступил прочь, а улусу бы своего не велел воевати». Ахмат потребовал, чтоб Иван III лично явился к нему с повинной. Отказ великого князя лично явиться в ханскую ставку не привел к разрыву переговоров. Хан уже готов был удовлетвориться приездом сына или брата, или хотя бы боярина. Все эти требования остались без ответа.

Уже в начале ноября наступила зима — Угра замерзла. После этого держать войска на ее берегу, прикрывая броды, было бессмысленно. Русские силы отошли к Кременцу, стремясь защитить Москву. Дальнейшие события летописи объясняют чудом: не обнаружив русских, татары посчитали, что те дают им берег для решительной битвы, испугались и ушли в степи. В действительности, скорее всего, произошло следующее: наступившая зима лишала татарскую конницу подножного корма. Вести войну в таких условиях и рисковать своими силами в решительной битве Ахмат не мог и принял решение об отходе. Отступая, татары подвергли опустошению владения своего неверного союзника Казимира Литовского. Согласно большинству летописей татары отошли от Угры 11 ноября 1480 г. Уход Ахмата стал считаться датой окончания ордынского ига. Впрочем, согласно одной летописи, отступление татар было связано с событиями в столице Орды городе Сарае. На

него, спустившись по Волге, напал отряд под командованием князя Василия Ноздроватого с татарами, находящимися на русской службе. Воевода нашел здесь только женщин и детей — «овех в полон взяша, овех же мечю и огну и воде предаша». Получив известие о разгроме, учиненном русскими, Ахмат и отступил в степи (ПСРЛ. Т. XII. С. 198–203; Т. XIX. Стб. 200–2003; Т. XX. С. 337–346; Т. XXV. С. 327–328).

Неудача Ахмата в 1480 г. предопределила судьбу его государства — Большой орды. Распустив свое войско, хан с немногими людьми в январе 1481 г. был застигнут ханом Тюмени Иваком и отрядами ногайцев. Нападение, вероятно, было неожиданным — Ахмат погиб. Последующие несколько десятилетий были временем агонии Большой орды. Наследники погибшего хана — «Ахматовы дети» — постепенно теряли власть над степью. Их серьезным противником был крымский хан Менгли-Гирей, давний союзник Ивана III. Окончательная гибель Большой орды связана именно с деятельностью крымцев. Борьба между ними шла с переменным успехом. Великий князь лишь изредка посылал в степь в помощь союзнику своих воевод или находившиеся на русской службе татарские отряды (например, в 1491 г.). Наконец весной 1502 г. Менгли-Гирей нанес окончательный удар по «Ахматовым детям» в устье реки Сула — последний хан Ших-Ахмед бежал в Литву, с Большой ордой было покончено.

Таким образом, отношения с Большой ордой со стороны России носили в основном оборонительный и освободительный характер. Иван III не претендовал на территории кочевий. Хань же стремились вернуть «Русскую Землю» к состоянию «улуса», полностью зависимого от воли ордынского правителя. Понятно, такое положение вело к решительному столкновению между ордынскими и русскими силами. Впрочем, великий князь стремился не обострять ситуацию, поэтому даже в 70-е годы XV в. продолжались поездки послов в ставку Ахмата. Какие-то переговоры велись и в период стояния на Угре.

После гибели Ахмата Большая орда уже едва ли представляла сколько-нибудь серьезную угрозу для Русского государства (даже несмотря на отдельные набеги различных «царевичей» и ордынских «казаков»). В таких условиях России было бы выгодно сохранение ослабленной Большой орды в качестве противовеса усиливающемуся Крымскому ханству. Конечно, Иван III был связан с Крымом союзным договором, но в перспективе, после разгрома буферной Орды, отношения с недавним союзником могли чрезвычайно осложниться. В действительности так и произошло. Не случайно с Ордой вели переговоры, и накануне окончательного ее крушения к хану был отправлен русский посол. Летопись специально указывает, что великокняжеский представитель

должен был вести переговоры о «любви», т. е. о дружбе и мире между государствами. Однако уже вскоре Большая орда была разгромлена, и посол вернулся в Москву.

Образование Казанского ханства. Суздальская битва. Основание Казанского ханства до сих пор остается одним из самых запутанных вопросов. Споры идут даже об имени первого казанского хана. Впрочем, обстоятельства, предшествующие появлению этого государства, в русских источниках изложены довольно подробно.

Эти обстоятельства самым тесным образом связаны с борьбой внутри Золотой орды между различными претендентами на ханский престол. На какое-то время в Сарае удалось укрепиться внуку знаменитого Тохтамыша Улу-Мухаммеду. Однако спустя некоторое время хан был изгнан из своей столицы, перешедшей под власть другого представителя Чингисидов. Свергнутый хан попытался укрыться в Крыму, однако эта попытка провалилась. Со сравнительно немногочисленными сторонниками Улу-Мухаммед кочевал на русско-литовском пограничье. В конце 1437 г. его отряды заняли город Белев. Возможно, хан рассчитывал на гостеприимство великого князя Московского Василия II, которому он в свое время выдал ярлык на великое княжение после его спора с дядей Юрием Дмитриевичем. Но великий князь предпочел отправить против татар большое войско во главе со своими двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным.

Летописец крайне неодобрительно относится к походу этой рати. Воины и командиры занимались по дороге грабежом собственного населения: «все пограбиша у своего же православного христианства, и мучаху людей из добытка, и животину, биюще, назад себе отсылаху, и неподобнаа и сквернаа деаху». Князья надеялись на легкую победу над небольшим татарским войском, поэтому отклонили все предложения о мире и союзе, с которыми к ним обращался Улу-Мухаммед. Он «давалъся во всю волю князем русским», соглашаясь стать чуть ли не великокняжеским вассалом, обещал никогда и не вспоминать о дани, которую русские должны были платить Орде. Но состоявшаяся 5 декабря 1437 г. битва имела неожиданный результат — превосходящие русские силы были разгромлены татарами, причем, по словам летописи, один мусульманин побеждал десять и более русских воинов (Там же. Т. XII. С. 24–25; Т. XIX. Стб. 17–18).

После разгрома русской рати под Белевом хан вдоль южных окраин русской земли двинулся к востоку и оказался в районе Среднего Поволжья. По сообщению Казанской истории, Улу-Мухаммед уже тогда захватил так называемую Старую Казань, находившуюся на землях быв-

шей Волжской Болгарии. Однако своей столицей хан сделал новую Казань, отстоящую от старой примерно на 50 км. Очень скоро новое государство — Казанское ханство — значительно усилилось: «и начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран» (Там же. Т. XIX. Стб. 19–20). Таким образом, новое ханство на Средней Волге возникло уже в конце 30-х годов XV в. Впрочем, некоторые ученые считают, что Казанское ханство было основано позже — в середине 40-х годов сыном Улу-Мухаммеда Махмудом (Махмутеком).

Как бы то ни было, Улу-Мухаммед в ближайшие годы после Белевской битвы значительно усилился и уже летом 1439 г. смог осадить Москву. Василий II бежал за Волгу, а оборона столицы была поручена князю Юрию Патрикеевичу. Попытки татар взять Кремль штурмом не удались, и продолжавшаяся десять дней осада прекратилась. Последствия нашествия, тем не менее, были тяжелы — хан «пожже около Москвы великия посады, и хрестыянского люду исече, в плен сведе». Сожжен был и один из самых крупных русских городов того времени — Коломна (Там же. Т. XII. С. 30; Т. XIX. Стб. 20). Уже первые столкновения показывали, что Руси предстоит серьезная борьба с татарами, обобновавшимися с Средним Поволжье.

На следующие несколько лет Улу-Мухаммед исчезает со страниц русских летописей. Вероятно, в это время он занимается укреплением своей власти в Среднем Поволжье. Но в середине 40-х годов XV в. хан активизируется: его отряды совершают нападение на Муром. Причем базой для своих действий хан делает Нижний Новгород Старый. Вопрос о том, совпадает ли Нижний Новгород Старый с известным Нижним Новгородом, остается открытым. Так или иначе, но против татар выступил сам великий князь Василий II вместе с родственниками. Выбить Улу-Мухаммеда из его укреплений, однако, не удалось (Там же. Т. XII. С. 62–63).

Весной 1445 г. в Москве стало известно, что хан отправил против Руси своих сыновей Мамутяка и Якуба. Василий II вновь выступил в поход против татар. Вскоре к нему присоединились союзные князья Иван Андреевич Можайский, Михаил Андреевич Верецкий и Василий Ярославич Серпуховской, но полностью собрать силы Русь не смогла — не пришли войска Дмитрия Юрьевича Шемяки. 6 июля войско оказалось у Суздаля. В тот же день были получены известия о приближении царевичей. Русские приготовились к битве, но противник в этот день так и не появился. Вернувшись в свой стан, великий князь устроил пир — «ужынал» с братьями и боярами и «пиша долго нощи». С утра 7 июля Василий II после заутрени собрался еще «поопочнути», но в этот момент пришло известие о приближении татарского войска, уже пере-

правлявшегося через Нерль. В спешке русские вступили в бой. Сражение развернулось у стен Евфимьева монастыря. Сперва успех сопутствовал великокняжеским воинам — татары побежали (это было приговорное отступление). Часть войска бросилась в погоню, другие начали грабить убитых. В этот момент противник «паки взратишася на христиан, и тако одолеша им». Раненый Василий II попал в плен, как и многие другие — князь Михаил Андреевич и «прочих много князей и бояр и детей боярских и прочих вой». Татары тоже понесли серьезные потери, их погибло около 500 человек. Впрочем, это не помешало им сжечь окрестные села, перебить множество мирных жителей и взять большой полон.

С пленного великого князя были сняты нательные кресты и отправлены в Москву его матери и жене. Царевичи отвезли Василия II к отцу — Улу-Мухаммеду в Нижний Новгород. В августе хан вместе со знатными пленниками ушел из Нижнего Новгорода в Курмыш. Здесь проходили переговоры между великим князем и ханом. В конечном итоге Улу-Мухаммед решил отпустить Василия, «утвердив его крестным целованием, что дати ему с себя окуп, сколько может». Согласно некоторым источникам сумма выкупа определялась астрономической цифрой — 200 тыс. руб. Вместе с выпущенным из плена великим князем на Русь пришло множество татар, вероятно, они должны были контролировать выполнение Василием II взятых на себя обязательств (Там же. С. 64–66).

Суздальская катастрофа и огромный выкуп привели к ослаблению позиций великого князя на Руси. Ходили слухи о самых невероятных условиях, на которые якобы согласился Василий. Говорили даже о том, что в Москве и других русских городах будут сидеть татары, а сам Василий II получит Тверь. Вскоре против неудачливого правителя созрел заговор — великий князь был арестован и ослеплен.

Пока на Руси происходили все эти драматические события, у татар тоже многое изменилось: покинул сцену вероятный основатель Казанского ханства Улу-Мухаммед. По рассказу Казанской истории, престарелый хан был убит своим старшим сыном Мамутеком (Там же. Т. XIX. Стб. 20). Однако более вероятно, что Улу-Мухаммед умер своей смертью — от старости. Как бы то ни было, Казанским ханом становится Мамутек, правивший до 1463 г. Его младшие братья Касим и Якуб оказались на Руси и стали активными участниками событий, последовавших за ослеплением Василия II. В междоусобной борьбе между князьями братья оказались на стороне великого князя «за преднее его добро и за его хлеб; много бо добра его до нас было» (Там же. Т. XII. С. 72). Спустя короткое время Касим получил владение в Мещерской земле —

Городок Мещерский и его округу. По его имени Городок стал называться Касимовым, а его владения — Касимовским ханством.

В правление Мамутека между Русью и Казанским ханством было несколько военных столкновений. Так, в 1448 г. хан послал всех своих князей «со многою силою воевати отчину великого князя, Володимер и Муром и прочая грады». В 1461 г. уже сам Василий II организует поход против казанского хана. Однако до боевых действий не дошло: когда русские полки находились во Владимире, прибыли казанские послы и заключили мир (Там же. С. 114). Условия этого мира неизвестны.

Где-то в начале 60-х годов XV в. хан Мамутек умер, престол занял его сын Халиль, правивший до 1467 г. К тому времени Казанское ханство превратилось в достаточно сильное государство, занимавшее обширные территории Среднего Поволжья. Это была многонациональная держава: кроме татар здесь проживали марийцы, чувашаи, удмурты, башкиры. Сама Казань благодаря своему выгодному географическому положению стала крупнейшим центром международной торговли, куда стекались купцы из стран Востока и русских земель. Обширная торговля позволяла ханам получать большие доходы. Кроме того, вполне вероятно, что определенные суммы поступали в Казань в качестве «выхода» из Руси. Казань стала и крупным центром работорговли.

Россия и Казанское ханство при Иване III. После смерти Халиля ему наследовал брат Ибрагим (Обреим русских летописей). Однако к тому времени в Казани сложилась группировка знати во главе с князем Абдул-Мумином, выступавшая за приглашение на казанский престол сына Улу-Мухаммеда — Касима, который давно жил на Руси. Русские власти во главе с Иваном III решили воспользоваться династическим спором в соседней державе для установления своего влияния на ханство. Понятно, что Касим был гораздо более приемлемым для великого князя правителем Казани, чем Ибрагим.

Поэтому Иван III предоставил претенденту войска под командованием князя Ивана Васильевича Оболенского, которые и должны были помочь Касиму занять престол. Но этого не случилось: казанская рать во главе с Ибрагимом не допустила переправы армии через Волгу. Пришлось отступать в тяжелых условиях осени. Как пишет летопись, «истомен же путь им, понеже бо осень студена бе и дождева... яко мнози христиана в постны дни мясо яли, а кони их з голоду мерли, яко мнози от них и доспехи метали, но сами вси здрави приидоша». В ответ на этот поход казанцы организовали набег на Галич.

Вскоре умер и сам незадачливый претендент на ханский престол Касим, но война продолжалась. Это показывает, что главной задачей

Ивана III было подчинение ханства, установление его зависимости от Руси и обеспечение, таким образом, спокойствия на восточных границах государства.

Вскоре, зимой 1467/1468 г., русское правительство организовало большой поход на подвластную Казани Черемисскую (Марийскую) землю. Воеводы «много зла учиниша земли той: людей изсекоша, а иных в плен поведоша, а иных изожгоша; а кони их и всякую животину, чего нелзе с собою имати, то все изсекоша; а что было живота их, то все взяша; и повоеваша всю землю ту, а досталь пожгоша, а до Казани за один день не доходили». Одновременно были разорены берега Волги. Сам великий князь выехал во Владимир — ближе к театру военных действий.

Весной 1468 г. был организован новый русский поход. На этот раз удар был нанесен с севера — со стороны Вятки. Правительственные воеводы шли дальше по рекам Вятке и Каме. Одновременно с этим казанцы нанесли удар на север и вторглись в область вятчан, которые не имели сил сопротивляться основной казанской армии. В результате между вятчанами и казанцами было заключено соглашение, по которому вятчане обязывались сохранять нейтралитет в войне между Иваном III и ханом Ибрагимом. Русская же рать, шедшая по рекам, разгромила один из татарских отрядов и благополучно вернулась на Русь через Великую Пермь. В том же году 4 июня еще один русский отряд во главе с князем Федором Хрипуном, вышедший из Нижнего Новгорода, разбил татарский отряд — «двор царев».

В следующем 1469 г. русское правительство подготовило удар с нескольких направлений: из Нижнего Новгорода должны были двинуться войска под верховным командованием Константина Александровича Беззубцева, а с севера — из Устюга — отряды под командованием князя Даниила Васильевича Ярославского.

Беззубцеву было приказано провести диверсию против ханства силами добровольцев. Вызвались идти в поход почти все воины. Сам Беззубцев остался в Нижнем Новгороде, а воеводой диверсионного отряда стал Иван Руно. Его судовая рать неожиданно оказалась под стенами Казани ранним утром 22 мая, и «вышед из судов, поидоша на посад, а татаром казанским еще всем спящим, и повелеша трубити, а татар начаша сечи и грабити и в плен имати; а что полон был туто на посаде христианской, московской, рязанской, литовской, вятцкой, устюжской, пермской и иных прочих градов, тех всех отполониша; а посады их все со всех сторон зажгоша. Мнози же бесермени и татары, не хотяще ся дати в руки христианом, а большее жаяще по мнозем богатстве своем, и запирающеся над своим добром в храмах своих и с женами

и з детьми и со всем, что у них не есть, и тако изгореша». После сожжения казанских посадов русские отступили на один из островов недалеко от Казани. Здесь их атаковали основные силы Казанского ханства. В сражении победа, судя по всему, осталась за русскими — «прогнаша татар до самого города Казани» (Там же. С. 118–123).

Но положение победителей также оставляло желать лучшего — правительственные воеводы хотели получить помощь от вятчан, однако те, ссылаясь на свое соглашение с ханом Ибрагимом, фактически отказались помочь. Кроме того, у русских закончились запасы продовольствия: «не много бо с собою запасу имали, понеже шли изгоном». В таких условиях пришлось с боями отступать к Нижнему Новгороду.

Северный русский отряд, также двигавшийся к Казани, был по дороге встречен татарами. В состоявшемся сражении стороны понесли серьезные потери: «и множество ту убыено бысть от обоих». В конце концов остаткам рати удалось пробиться в Нижний Новгород. Поход фактически закончился неудачей.

На этом боевые действия в 1469 г. не закончились. К Казани была послана конная рать под командованием брата Ивана III князя Юрия Васильевича. 1 сентября русские войска снова оказались у стен города. Первое столкновение закончилось бегством татар. Началась осада. В таких условиях хан Ибрагим пошел на переговоры, и в результате был заключен мир «на все воли великого князя». Основным условием мира было освобождение русских пленных.

Хотя в ходе русско-казанской войны 1467–1469 гг. Ивану III не удалось добиться всех своих целей, это столкновение имело важное значение: русские войска перешли от обороны к активным наступательным действиям против Казани, стремясь проводить широкомасштабные операции, нанося удары с нескольких сторон.

Заключенный в сентябре 1469 г. мир продержался до 1477 г. Иван III в это время был занят окончательным покорением Великого Новгорода. В Казани же получили ложное известие о том, что великокняжеские войска были разгромлены. Хан Ибрагим решил воспользоваться удобным моментом и отправил свое войско против Вятки, и «много полону поимал, и секл, и грабил через роту свою». Однако вскоре выяснилось, что Новгород подчинен, а под Казань в 1478 г. были отправлены русские войска. В таких условиях хан предпочел уладить дело миром: «и посла царь казанский с челобитьем к великому князю, князь же великий пожалова его». Вероятно, был подтвержден мир 1469 г. (Там же. С. 189; Т. XX. С. 335).

В 1479 г. умер хан Ибрагим. В Казани резко обострилась внутренняя ситуация. Дело в том, что у покойного хана были сыновья от двух

жен: от первой (Фатимы) Али (Алегам русских летописей), от второй (Нур-Султан) — Мухаммед-Эмин и Абдул-Латиф. Образовались две группировки, каждая из которых поддерживала одного из претендентов, причем очевидно, что сторонники Мухаммед-Эмина были ориентированы на тесные отношения с Россией, а приверженцы Али опирались, вероятно, на ногаев. Нур-Султан вскоре стала женой хана Крыма Менгли-Гирея (союзника Ивана III). Вместе с ней в Крым уехал и маленький Абдул-Латиф.

В самой же Казани ханом был провозглашен старший сын Ибрагима Али. Мухаммед-Эмин, бывший в то время еще подростком, оказался в России, где его с большим почетом принял Иван III — всегда полезно иметь в своем распоряжении претендента на престол в соседнем государстве. Последующие годы характерны внутренней борьбой в Казани и неясностью отношений ханства и Русского государства.

В 1482 г. Иван III собирался вместе с братьями в поход против ханства, даже выехал во Владимир, а часть русских отрядов на судах дошла почти до самой Казани. Однако было заключено мирное соглашение, условия которого не известны. Скорее всего, оно во многом отвечало интересам России (Там же. Т. XX. С. 348).

В середине 80-х годов в Казани происходит переворот: хан Али свергнут и бежит к ногаям, а на престол с помощью русских войск впервые садится воспитанный в России Мухаммед-Эмин. Но его первое правление продолжалось очень недолго — к власти вернулся Али. Мухаммед-Эмин с находящимся при нем младшим братом Абдул-Латифом был вынужден уйти к русским. Вскоре воеводы Ивана III опять посадили русского ставленника на казанский престол (весна 1486 г.). Но как только русские войска покинули Казань, хан был в очередной раз свергнут и заменен все тем же своим старшим братом Али. Мухаммед-Эмин в очередной раз явился в Россию. Здесь ему пришлось дать присягу на верность Ивану III и назвать великого князя своим «отцом». Фактически это означало, что в случае возвращения на ханский трон Мухаммед-Эмин становится вассалом государя.

11 апреля 1487 г. начался новый поход русских войск против Казани. Войсками командовали лучшие полководцы во главе с князем Даниилом Холмским. 24 апреля на театр военных действий отправился и Мухаммед-Эмин. Уже 18 мая войско было под стенами крепости. Попытка хана Али остановить русских провалилась. Началась осада города. 9 июля 1487 г. Казань была взята, «и царя Алегам Казанскаго изымаша с матерью и с его царицею, и с двема браты и с сестрою, и с его князми, и приведоша их на Москву». Хан Али попал в заключение в Вологде, его мать и другие родственники оказались на Белоозере. Неко-

торые ханские приближенные, представители враждебной России партии, были казнены. Мухаммед-Эмин был посажен «на царство» «из руки» Ивана III и на многие годы стал послушным исполнителем великокняжеской воли (Там же. Т. XII. С. 218–219).

Над Казанским ханством был установлен русский протекторат, хотя оно сохраняло самостоятельность в вопросах внутренней политики. Внешняя же политика находилась под контролем русских властей. Огромное влияние на управление в ханстве имели московские «послы» и мурзы, придерживающиеся прорусской ориентации. Прекратились опустошительные набеги с востока и угон в рабство жителей. Помимо прочего, то, что на ханском престоле находился сына крымской ханши Нур-Султан, укрепляло союзнические отношения Ивана III с его давним партнером Менгли-Гиреем. Фактическое подчинение Казанского ханства позволило великому князю решить и еще одну старую проблему — окончательно подчинить Москве Вятку. В 1489 г. туда была отправлена рать, взявшая вятские города и вынудившая жителей принести присягу Ивану III (Там же. С. 221).

Правление Мухаммед-Эмина в Казани и его повиновение великому князю вызвало недовольство некоторой части татарской знати, кровно заинтересованной в новых набегах на русское пограничье и притоке рабов на невольничий рынок. Кроме того, личные качества хана также оставляли желать лучшего, что признает и русская летопись, указывая, что хан «с насилством живяше». Все это привело к возникновению очередного заговора во главе с «казанскими казаками» Калиметом, Ураком, Садырем и Агишем. Заговорщики вступили в контакты с одним из сибирских правителей ханом Мамуком, который был призван ими с войском для свержения Мухаммед-Эмина. Последнему удалось узнать о заговоре и попросить помощи у Ивана III. В мае 1496 г. русские войска во главе с князем Семеном Ряполовским выступили к Казани.

Узнав о подходе Ряполовского, заговорщики бежали из города и предупредили об опасности Мамука. Его отряды отошли. Посчитавший, что больше ему ничего не угрожает, Мухаммед-Эмин отослал русских воевод. Это оказалось большой ошибкой — Мамук вернулся, как только ушли русские воеводы. Хан, опасаясь измены, с семьей и немногими верными людьми бежал в Россию. Мамук без боя вошел в город и стал ханом. Однако сразу же обострились его отношения с недавними сторонниками, которые, по сути и привели его к власти: они были арестованы, а местные жители и купцы ограблены. Столь неразумная политика привела к тому, что в Казани произошел новый переворот, направленный уже против Мамука. В результате он был вынужден покинуть Казань.

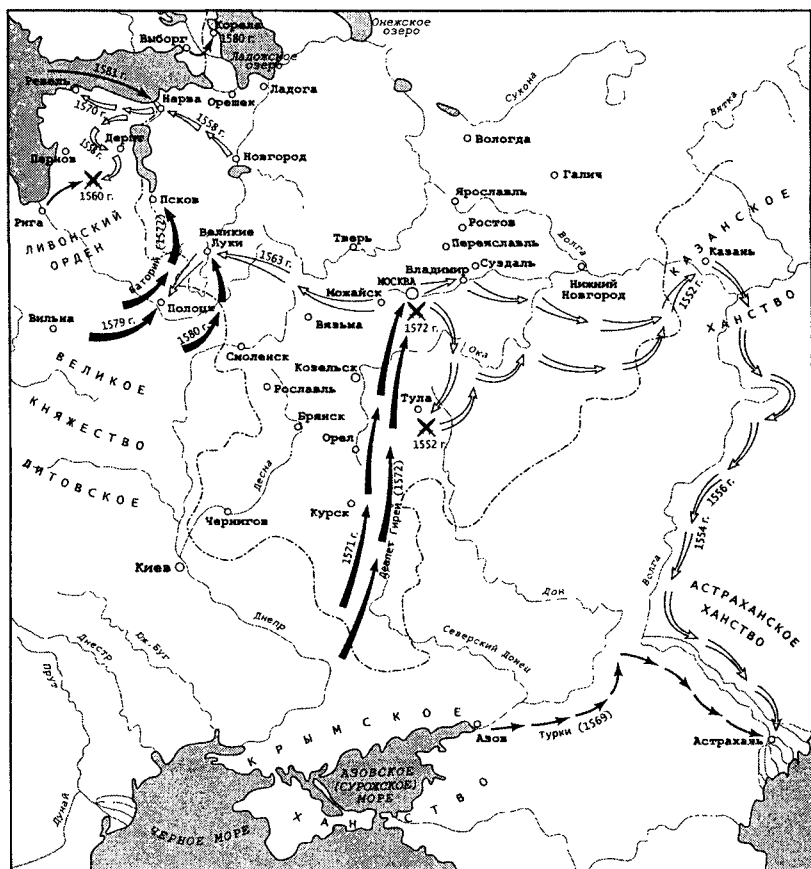
Захватившие власть татарские мурзы поспешили отправить по-

сольство в Москву с извинениями по поводу своей измены, хотя и объясняли ее «великим насилием» Мухаммед-Эмина. Они просили дать им на престол его младшего брата Абдул-Латифа. Иван III согласился с этим. В 1497 г. новый хан прибыл в Казань. Вместе с ним прибыли русские представители, «посадившие» его на престол и приведшие к присяге население (Там же. С. 242–244). Казанцы обещали подчиняться новому хану и в случае его смерти нового хана принимать только из России.

В отличие от своего старшего брата Абдул-Латиф воспитывался в Крыму у своего отчима Менгли-Гирея. Поэтому, вероятно, русское правительство относилось к нему с большей опаской, чем к выросшему в России Мухаммед-Эмину. Впрочем, первые годы его нахождения в Казани прошли спокойно. Более того, Россия оказала военную помощь хану в тот момент, когда против него выступил брат Мамука царевич Агалак. Своевременный подход воевод вызвал бегство царевича. Выручили русские Абдул-Латифа и в другой раз: в 1500 г. Казань осадили ногаи. При хане оказались русские воеводы с «малыми людьми». Бои под городом продолжались три недели — ногаи отступили (Там же. С. 249–250, 253). Таким образом, в какой-то мере русский протекторат над Казанским ханством был выгоден и татарам: Россия помогала в борьбе с врагами ханства.

Однако вскоре Абдул-Латиф оказался обвиненным в «неправдах» перед Иваном III и в 1502 г. был смещен с престола и арестован русскими представителями. Бывшего хана доставили на территорию России и отправили в заточение на Белоозеро. Новым ханом стал Мухаммед-Эмин, давно известный своей преданностью России (Там же. С. 255).

Москва и Казань в первой трети XVI в. Несколько лет Мухаммед-Эмин продолжал править совершенно спокойно, но весной 1505 г. курс его политики совершенно изменился. Сам хан объяснял столь резкую перемену происходящими в самой Москве изменениями: провозглашенный в свое время наследником Дмитрий-внук попал в заключение, а соправителем престарелого Ивана III стал Василий Иванович. Казанский правитель приносил присягу внуку, а подчиняться Василию не желал. Эти и другие недоразумения должен был разрешить посол, прибывший из Казани в Москву весной 1505 г. о «некоих делех». В ответ великий князь отправил к хану своего представителя Михаила Кляпика. Однако обмен посольствами не привел к нормализации отношений. 24 июня 1505 г. Мухаммед-Эмин, «будучи у великого князя... в дружбе и в шерти, и забыв свое слово и преступи шертныя грамоты, великого князя посла Михаила Кляпика поимал в Казани, и людей ве-

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Действия русских войск
- Походы ливонских и шведских войск
- Вторжение Крымской орды
- Походы Ивана IV
- Три похода Батория
- Главные сражения

Войны России в XVI в.

ликого князя торговых поимал, да иных секл, а иных, пограбив, розослал в нагаи».

Свою версию причин антироссийского выступления в Казани приводит Казанская история. По ее версии, Мухаммед-Эмина против России настраивала его жена (бывшая жена хана Али), проведенная много времени в заключении. В конце концов она уговорила хана выступить против русских, которые привыкли за многие годы мира чувствовать себя в Казани совершенно спокойно. В сентябре хан вместе с казанским

войском и отрядами ногаев попытался взять Нижний Новгород, но был отбит с потерями. Большую роль в обороне города сыграли литовские пленные, которых освободили при подходе татар. Началась очередная русско-казанская война (Там же. С. 259; Т. XIX. Стб. 22–25).

Мухаммед-Эмин, очевидно, рассчитывал на ситуацию междуцарствия, в которой оказалась Россия после смерти Ивана III. Новым великим князем стал Василий III. Уже весной 1506 г. под стены Казани была направлена большая рать под командованием брата великого князя Дмитрия Ивановича. Эта армия прибыла под стены ханской столицы 22 мая. Русские прибыли на судах и выгрузились из них не производя надлежащей разведки. В результате казанцы нанесли удар с двух сторон: из самой крепости и с тыла. Как пишет летопись, «и бысть бой, и грех ради наших побиша татарове воевод пеших и детей боярских, кои были туто на поле, а иных поимаша, а иные мнози изтопоша на Поганом озере». Узнав о поражении, Василий III немедленно отправил под Казань новое войско под командованием князя Василия Холмского. Однако, не дождавшись подмоги, 25 июня русские снова попытались взять город. Эти непродуманные действия привели к новому разгрому: «и граду не успеха ничтоже, но сами побеждени быша от татар». Остатки армии отступили («побегоша») к Нижнему Новгороду.

Мухаммед-Эмин не воспользовался разгромом русской армии под стенами Казани для нанесения удара по владениям великого князя. Вместо этого в марте 1507 г. начались переговоры о мире, причем их инициатором выступил хан. Основным предварительным условием русской стороны было освобождение захваченных в Казани в начале войны русских дипломатов и купцов. В конце концов осенью 1507 г. мир был подписан на тех же условиях, какие существовали при Иване III (Там же. Т. XIII. М., 2000. С. 2–6). По сути это означало восстановление русского влияния в ханстве и его зависимость в вопросах престолонаследия и внешней политики.

Нормализации отношений между Москвой и Казанью помогло и прощение бывшего казанского хана Абдул-Латифа, младшего брата Мухаммед-Эмина. В 1509 г. он был выпущен из заключения и получил город Юрьев. Вскоре в Москву прибыла его мать, жена Менгли-Гирея Крымского Нур-Султан. Из Москвы она проследовала в Казань навестить старшего сына. Ее путешествие сопровождалось переговорами, призванными укрепить связи между Россией, Казанью и Крымом. В 1512 г. был заключен новый договор между Россией и Казанским ханством. Это соглашение было бессрочным: Мухаммед-Эмин обязался быть с Василием III «в вечном миру, в дружбе и в любви». Не испортил отношений с Казанью и очередной арест Абдул-Латифа, обвиненного в

несанкционированных Москвой связях с Крымским ханством (Там же. С. 14–15).

В июне 1516 г. к Василию III прибыло посольство из Казани с известием о тяжелой болезни Мухаммед-Эмина. В скором времени ожидали его смерти. В таких условиях встал вопрос о престолонаследии. Своих сыновей у хана не было, и наследником должен был стать его брат Абдул-Латиф, находившийся в России. Мухаммед-Эмин просил великого князя отпустить брата в Казань и сделать ханом после его смерти. Казанцы соглашались дать «правду, какову князь великий похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти». Хан и «вся земля Казанская» перед русскими послами принесла присягу на этих условиях, но Василий III не стал отпускать Абдул-Латифа в ханство, он лишь освободил его из заточения «и опалу свою ему и гнев отдал, и пожаловал его, дал ему город Коширу в своей земли». Очевидно, что великий князь не желал его появления в Казани, но и отказать умирающему Мухаммед-Эмину и крымским властям было не совсем удобно. Василий III не доверял Абдул-Латифу как человеку, выросшему и воспитанному в Крыму, неоднократно уличенному в «измене». В случае его появления в Казани можно было ожидать тесного союза ее с Крымом, что для России было крайне опасно. В таких условиях самым простым выходом могла быть смерть кандидата. Надо сказать, что она не заставила себя долго ждать — 19 ноября 1517 г. Абдул-Латиф умер (Там же. С. 25, 28). Вполне вероятно, что его смерть была искусственно ускорена. Стало очевидно, что династия основателя Казанского ханства Улу-Мухаммеда прервется.

В декабре 1518 г. в Москву пришло известие о смерти Мухаммед-Эмина. Согласно заключенным соглашениям казанцы прислали в Россию представительную делегацию с просьбой объявить им имя нового хана. По решению Василия III таковым должен был стать родившийся и выросший в России Шах-Али (Шигалей русских летописей). К тому моменту он занимал престол в Касимове. Шигалей был потомком Тимур-Кутлу, соперника Тохтамыша (от которого происходила прежняя казанская династия), и родственником хана Ахмата. У великого князя не было сомнений в его преданности, тем более, что Шигалей был еще подростком. Казанцы согласились с выбором России. Даже на престол в апреле 1519 г. Шигалея «сажали» русские представители — князь Дмитрий Федорович Бельский и Михаил Юрьевич Захарьин. Казанцы в очередной раз были приведены к присяге — «им быти неотступным от государя великого князя и до своего живота» (Там же. С 31–32). Роль Шигалея как хана была скорее формальной. Фактически делами управляли мурзы и русский представитель — «посол», который находился в

Казани с небольшим отрядом. Самого нового хана окружали преданные ему касимовские татары. Фактически ханство оказалось в полной зависимости от Москвы.

Но такая ситуация устраивала далеко не всех представителей казанской знати. Не довольны были и власти Крымского ханства, всегда косо смотревшие на родственников Ахмата. В связи с поставлением Шигалея крымцы потребовали разъяснений от Василия III. Великий князь, стремясь сгладить ситуацию, объявил, что сами казанцы выбрали эту кандидатуру, он же лишь утвердил ее. Эти объяснения не удовлетворили Мухаммед-Гирея, сменившего на крымском престоле своего умершего отца Менгли-Гирея. В Крыму считали, что законными приемниками угасшей казанской династии являются крымские «царевичи» — как пасынки матери Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа Нур-Султан. В результате отношения между Россией и Крымом резко обострились.

Весной 1521 г. в Казани был произведен переворот: к городу подошел отряд Сагиб-Гирея (младшего брата крымского хана). Одновременно мятежники частично перебили, а частично задержали всех русских, находившихся в городе. В плен попал и сам русский «посол», причем была убита тысяча его «отроков». Шигалей был выслан из Казани и бежал в Россию. Новым ханом стал Сагиб-Гирей (Там же. С. 87; Т. XIX. Стб. 31–32). Вообще же 1521 год был одним из самых тяжелых в правление Василия III. Летом на Россию обрушилось нашествие крымских татар, разоривших огромные территории юга и центра страны. Одновременно с востока наносили удары и казанские войска, разорявшие восточные районы государства. По некоторым сведениям, Василию III пришлось даже дать грамоту, в которой он обязывался выплачивать татарам дань. Однако вскоре она была обманом возвращена обратно.

После гибели крымского хана Мухаммед-Гирея (1523 г.) русские решили нанести очередной удар по Казани. Как раз весной 1523 г. Сагиб-Гирей «в Казани много зла христианству навел и кровь пролия, яко воду, и посланника великого князя Василья Юрьевича Поджегина уби». Летом Василий III прибыл в Нижний Новгород. В окрестности Казани были отправлены войска под командованием недавнего хана Шигалея. Поход должен был отвлечь силы Сагиб-Гирея. Одновременно с походом на территории Казанского ханства был построен город, названный именем великого князя (Василь-град).

Весной 1524 г. начался новый казанский поход. Войсками снова номинально командовал Шигалей, окруженный множеством русских воевод. Еще до того, как армия подошла к Казани, бежал хан Сагиб-Гирей. Обстоятельства его ухода с престола не совсем ясны. Можно предположить, что его уход не был вполне добровольным, а вызывался по-

зицией части казанской знати, которая понимала, что хан, убивший русского дипломата едва ли сможет заключить мир с Василием III. На престоле Сагиб-Гирей сменил его племянник Сафа-Гирей.

Летом 1524 г. русская рать подошла к Казани. Бои под стенами крепости были тяжелыми, с неясным исходом. Мало того, противнику удалось разгромить часть московских войск, прибывших на помощь находящейся у крепости армии. У осаждавших стали заканчиваться продовольственные запасы. В таких условиях воеводы вступили в переговоры с татарами и отвели армию на территорию России, удовлетвовавшись обещанием казанцев прислать в Москву посольство для заключения мира. Осенью прибывшие казанские послы «биша челом великому князю о всей земле Казанской за свою вину и о цари Сафа-Киреи. И государь их по их челобитью пожаловал». Война закончилась, хотя на этот раз мирный договор подписан не был. Несколько лет продолжались дипломатические контакты между государствами. Сафа-Гирей остался ханом, но Василий III запретил русским купцам ездить на ярмарку в Казань, а приказал устраивать торг у Нижнего Новгорода. Этой мерой великий князь стремился нанести экономический урон Казанскому ханству, но первое время серьезные убытки несли и русские торговцы (Там же. С. 43–44; *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 175–179).

Новое резкое обострение отношений между Казанским ханством и Россией связано с оскорблением русского посла в Казани: Сафа-Гирей «правду и клятву преступил и послу великого князя Ондрею Пильемову нечесть и срамоту учинил велику». После этого в 1530 г. вспыхнула война.

Весной была отправлена армия, традиционно состоявшая из судовой и конной рати. Судовой ратью командовали князья Иван Федорович Бельский и Михаил Васильевич Горбатый, конной — Михаил Львович Глинский. Бои под Казанью, развернувшиеся летом 1530 г., начались удачно для русских — было взято одно из татарских укреплений. Как указывает официальная летопись, «царя побили и острог у них по Булаку взяша, и многих людей казанских побиша, а иных живых переимаша; такоже во остроге многих татар и жен их и детей и черемисы бесчислено побиша, а иных плениша, и пушки и пищали у них поимаша; а царь не во мнозе утек в град». Затем был начат обстрел города из артиллерии. Сафа-Гирей бежал из своей столицы. Казалось, окончательный успех уже близок. Но перессорились русские воеводы, испортилась погода, и казанцы устроили неожиданную вылазку. Русские понесли тяжелые потери: погибли многие воеводы, татарами была захвачена часть пушек. Вскоре осада была снята, и остатки армии отошли на

территорию России (ПСРЛ. Т. XIII. С. 46–47; Т. XIX. Стб. 36–40). В неудаче похода был обвинен Иван Бельский, которого приговорили к смертной казни, но затем помиловали.

В Казань вернулся Сафа-Гирей. Было очевидно, что несмотря на поражение русских войск под стенами города, силы России неизмеримо больше, чем силы ханства. В таких условиях было решено отправить посольство к Василию III с просьбой о мире. Было заключено соглашение, согласно которому казанцы обязывались вернуть пленных, захваченную в последней войне артиллерию и должны были быть «в государеве воле... до своих животов». Однако хан не стал приносить присягу на тексте договора, подписанного казанскими послами в Москве, а взял курс на затягивание переговоров. Вскоре выяснилось, что в самой Казани многие представители знати не довольны Сафа-Гиреем и его политикой. Кроме того, среди приближенных у хана было много выходцев из Крыма и Ногайской орды. Против хана выступили и находившиеся в Москве татарские послы. В столице ханства возник заговор, а затем произошел переворот — Сафа-Гирей был свергнут и выслан в Ногайскую орду, вместе с ним были высланы его крымские советники, «которые царю думали на лихо». Новое правительство во главе с «царевной» Ковгоршад обратилось к Василию III с просьбой прислать им в качестве хана младшего брата Шигалея Джан-Али (Яналей летописей).

29 июня 1532 г. Яналей был «посажен» на ханский престол русскими представителями Яковом Морозовым и Афонасием Курицыным. За хана-подростка, которому было около 15 лет, продолжало управлять страной правительство, образовавшееся после свержения Сафа-Гирея. Фактически ханство снова оказалось под протекторатом России, а сам Яналей считался «братом и сыном» Василия III. Даже за разрешением на брак хан обращался в Москву. Считая, что вопрос с Казанью закрыт — если не окончательно, то на довольно долгое время — великий князь разрешил даже оставить в Казани захваченные русские пушки «занже государеве земле казаньской друзей много, а недрузи есть же». Впрочем, как оказалось, бывший хан Казани Шигалей, в течение долгого времени верный слуга Василия III, был не доволен, что ханом стал его младший брат. Он начал «ссылатися в Казань и во иные государства без великого князя ведома». В январе 1533 г. Шигалей был отправлен в заключение на Белоозеро (Там же. Т. XIII. С. 54–57, 67–69).

Надежды русских политиков на стабилизацию русского влияния в Казани оказались призрачными. Ситуация здесь резко обострилась после смерти Василия III. В столице ханства возник очередной заговор, причем его возглавили руководители правительства вместе с «царевной» Ковгоршад. 25 сентября 1534 г. русский ставленник Яналей был

убит, а его место занял старый противник России Сафа-Гирей. Многие мурзы, сторонники мира с Москвой, смогли бежать в Россию. По их словам, было возможно организовать новый переворот и свергнуть хана. Для этого следовало освободить находящегося в заключении Шигалея, который, таким образом, становился претендентом на казанский престол. Русское правительство во главе с Еленой Глинской так и сделало. Однако на этот раз провести переворот в Казани не удалось (Там же. С. 100–105). Наоборот, положение Сафа-Гирея, опиравшегося на крымцев и ногаев, несколько укрепилось. В таких условиях начались постоянные набеги казанцев на восточные окраины Русского государства.

В декабре 1535 г. русское правительство организовало поход с задачами «казанских мест воевати... за их измену и клятвопреступление». Этот поход закончился ничем, более того, из-за оплошности воевод татары совершили опустошительный набег на окрестности Нижнего Новгорода. Провинившиеся командиры были отправлены в тюрьму — «да в страх и наказание иным будет». Набеги Сафа-Гирея продолжались несколько лет. Иногда русским удавалось нанести поражения их разбойничьим отрядам, иногда эти отряды уходили в свои пределы безнаказанно. Для укрепления восточной границы правительству приходилось держать здесь большие военные силы, строить и ремонтировать оборонительные сооружения. Лишь в 1538 г. под давлением Крыма начались переговоры с Казанью. Они не привели к заключению соглашения, неоднократно прерывались очередными казанскими набегами, русские же не могли организовать нового большого похода против ханской столицы (Там же. С. 105–123).

Лишь спустя несколько лет боярское правительство смогло организовать наступление на Казань, очевидно, рассчитывая на дворцовый переворот в самой столице, где постепенно усиливалась прорусская партия. Внутри самой России усилилось понимание необходимости «окончательного» решения «казанского вопроса».

Убежденным сторонником войны с Казанью был Иван Пересветов, выразивший в данном случае не только свое мнение. В своей Челобитной он представил отношения с татарским ханством как крайне враждебные: нельзя терпеть обиды от казанского царя, это злейший враг русского правителя, необходимо послать к городу большую хорошо подготовленную и всем обеспеченную армию, которая должна «улысы жечи, а людей сечи и пленити... аще возмет их, да крестит, то и крепко будет». Вообще же, продолжал Пересветов, землю казанскую из-за ее плодородия сравнивают с райской землей, «да тому велми дивимся, что та земля не велика и угодна велми у... царя под пазухою в недруж-

бе, а он ей долго терпит и кручину от них великую принимает. Хотя бы та земля и в дружбе была, ино бы ей не мочно терпеть за такое угоды» (*Памятники литературы Древней Руси* (далее — ПЛДР). Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 614, 620–622). Русское правительство сознавало выгоды обладания (или хотя бы сильного влияния) на Казань. Это позволило бы обезопасить восточные области страны, прекратить опустошительные набеги и увод жителей в неволю, открыть безопасный путь по Средней Волге.

В результате весной 1545 г. в поход против ханства были отправлены войска под командованием Семена Пункова, Ивана Шереметева, Давида Палецкого и Василия Серебренного. Наступление шло с двух сторон: Нижнего Новгорода и Вятки, затем объединенная рать отправилась под Казань. Вероятно, задача брать хорошо укрепленный город не ставилась. Дело ограничилось разорением окрестностей татарской столицы — «людей казанских многих побили и кабаки царские пожгли». Мероприятие посчитали удачным. Великий князь Иван воевод и детей боярских «жаловал великим своим жалованием: хто о чем бил челом, тех всех по их челобитию жаловал». Поход 1545 г. был вызван во многом интригами в самой Казани, хан Сафа-Гирей прямо обвинил татарскую знать в том, что по их «наводке» русские полки появились под городом и начал проводить репрессии против сторонников прорусской партии. В результате часть татарских мурз и князей бежала в Россию и другие страны. Среди оставшихся в городе сторонников сближения с Россией возник заговор, в результате которого хан с поддерживавшими его крымцами в январе 1546 г. был изгнан из Казани (ПСРЛ. Т. XIII. С. 146–148).

На его место был приглашен долгие годы проживавший в России Шигалей, уже раньше несколько лет занимавший казанский престол. С ним в свою бытность в Москве встречался С.Герберштейн и оставил его портрет: «Глубокая ненависть, которую испытывали к нему подданные, усугублялась его безобразным хилым телосложением: у него было огромное брюхо, редкая бородка и женоподобное лицо — свидетельство того, что он совершенно не способен воевать. Кроме того, не заботясь о расположении к себе подданных, он был более, чем нужно, предан московскому государю и доверял иноземцам больше, чем своим» (*Герберштейн С. Записки о Московии*. С. 172).

13 июня 1546 г. Шигалей был «поставлен» ханом русскими «послами», что, по сути, символизировало восстановление русского протектората над Казанью. Перед его «поставлением» было заключено соглашение с казанцами. По его условиям хану гарантировалась личная безопасность, он же гарантировал свой отказ от мести за прежние «вины»

(его первое изгнание в 20-е годы) и обещал не вводить в город большой русский гарнизон. Вместе с ним пришло к Казани 3 тыс. преданных Шигалею касимовских татар и 1 тыс. русских воинов. Эти силы должны были стать ханской гвардией и обеспечивать его безопасность. Но в казанскую крепость были допущены лишь 100 из пришедших с Шигалеем татар. Таким образом, у промосковски настроенного хана не оказалось в подчинении реальной военной силы, и это сразу сделало его положение в Казани крайне уязвимым.

Сразу же стали возникать заговоры сторонников свергнутого хана Сафа-Гирея и прокрымской партии. По сообщению летописи, жизнь Шигалея постоянно находилась в опасности, и лишь случайность помогла ему избежать смерти. Вскоре стало известно о появлении вблизи Казани отрядов Сафа-Гирея. В таких условиях Шигалей бежал из города, сумев, правда, перед этим обманом перебить часть участников заговора. На ханском престоле он смог продержаться чуть больше месяца. Для русского правительства такое развитие событий было полной неожиданностью (ПСРЛ. Т. XII. С. 148–149; Т. XIX. Стб. 51–55).

Ставший снова ханом Сафа-Гирей начал свое правление с террора по отношению к сторонникам московской ориентации. Вся власть в Казани перешла в руки пришедших с ним крымцев. Часть промосковски настроенных вельмож сумела скрыться и прибыла в Россию. Русское правительство смогло ответить лишь посылкой в казанские земли войск под командованием князя Александра Борисовича Горбатого, разорившего окрестности города (Там же. Т. XIII. С. 149–150).

Первые походы Ивана IV. Новый поход на Казанское ханство состоялся в 1547 г. На этот раз во главе войск выступил сам молодой царь Иван IV. Перед началом похода монарх советовался с митрополитом Макарием, братьями и боярами. 20 ноября 1547 г. были отправлены воеводы, а сам Грозный отправился из Москвы 11 декабря. Но вскоре же выяснилось, что время для военных действий было выбрано крайне неудачно — зима оказалась с оттепелями, шли дожди, снега практически не было. Это привело к тому, что доставка артиллерии, без которой невозможно было взять такую сильно укрепленную крепость, как Казань, стала чрезвычайно трудным делом. В начале февраля 1548 г. русские войска находились лишь недалеко от Нижнего Новгорода, и здесь их застала очередная оттепель. На волжском льду выступила вода, образовались многочисленные промоины, в которых тонули люди и грузы. Особо пострадала артиллерия.

Дождаться морозов царь так и не смог и 7 марта вернулся в столицу. К Казани же были отправлены воевода Дмитрий Бельский и хан

Шигалей. У стен города произошло сражение, в ходе которого казанские войска потерпели поражение: «казанских людей многих побиша, а самого царя в город втопташа», но взять столицу ханства не удалось без осадной артиллерии, которую так и не смогли доставить. Осада крепости продолжалась семь дней (Там же. С. 155–157).

В октябре 1548 г. казанцы нанесли ответный удар, организовав набег на Галич. Подошедшие русские войска нанесли татарам поражение. В марте 1549 г. в Москве узнали о неожиданной новости: скоропостижно скончался хан Сафа-Гирей. По рассказам, он упал в своих покоях, ударившись головой об умывальник: «пьян, руце свои и лице и нози умывая, напрасно запеня ногама своими, и ударися во умывалны темень главою своею, и заразися весь о землю, и вся составы тела его разлабеша, не успевшим предстоящих ему ухватити. И оттого умре того же дни». У него было несколько жен и сыновей. В конечном итоге казанским ханом был провозглашен самый младший сын покойного Утямыш-Гирей, всего двух лет от роду. Одновременно в Крым были отправлены послы с просьбой прислать в Казань совершеннолетнего «царя», но эти посланцы были перехвачены русскими в дороге. Реальная же власть в ханстве перешла в руки ханши Сююн-Бике и знатного крымского воина Кучака (русские называли его Кошак), правивших опираясь на отряд крымских татар, уже давно находившихся в Казани. Однако не все казанцы поддерживали установленный с помощью иностранцев режим (Там же. С. 157; Т. XIX. Стб. 56).

Русские власти решили воспользоваться ситуацией и подготовили новый поход. Причиной его летопись называет захват в рабство многих христиан и «осквернение» православных церквей. Таким образом, борьбе с Казанью был придан религиозный характер. Поэтому не удивительно большое участие духовенства в его идеологическом обосновании. Даже сам замысел наступления был принят после совещания с митрополитом. В отличие от предыдущих походов войска собирались в разных городах. Сам царь выступил из Москвы 24 ноября 1549 г. во Владимир. Прибыв в город 3 декабря, Иван IV сразу же отправил за митрополитом Макарием. Среди воевод возникли разногласия на почве местничества. Именно Макарию предстояло нормализовать ситуацию. Иерарх выступил перед войском. В своей речи он призвал служить царю верой и правдой, «а государь вас за службу хочет жаловати, а за отечество беречи, и вы бы служили, сколько вам Бог поможет, а розни бы и мест никакоже меж вас не было, но свяжитесь любовию нелицемерно противу врагов стати мужествене; а будет кому с кем непригоже быти отечества ради на брани противу врагов, и вы то в забвение положили, а государево бы дело земское делали, не яростною мыслию друг

на друга взираа, но любовью; а как с государева дела с земскаго прииде-те, хто захочет кому с кем будет счестися о отечестве, и государь счет даст». С помощью митрополита ситуацию удалось разрядить (ПСРЛ. Т. XIII. С. 158–160).

Из Владимира армия отправилась в Нижний Новгород, а 23 января 1550 г. царь выступил из города. 12 февраля Казань была окружена. На этот раз удалось подвести большие пушки, но «аерное нестроение, ветры сильные, и дожди великие, и мокрота немернаа» не позволили их использовать. Одиннадцать дней осады города не привели к результатам. Один из летописцев даже предполагает, что столь необычная для зимы погода вызывалась «волхованием казанских волхов». Он же считает, что Бог намеренно не допустил взятия Казани в это время, так как «царя не бе на царстве и не бы славно было взяти его». 25 февраля было решено отойти от Казани. Причиной неудачи опять объявили погодные условия. 23 марта 1550 г. Иван IV вернулся в Москву (Там же. Т. XIX. Стб. 59–60).

Несмотря на неоднократные неудачи, русское правительство не отказалось от замысла так или иначе подчинить Казанское ханство. Провал походов показал, что необходимо иметь базу в непосредственной близости от Казани. На обратном пути в Россию Иван Васильевич заметил удобное место для основания нового города-крепости — гору в устье Свияги. До столицы ханства было лишь несколько десятков километров. Если бы удалось построить город и сделать его базой для дальнейших действий, то судьба Казани могла бы решиться в ближайшее время.

После совещаний с митрополитом, братьями, боярами и многочисленными казанскими эмигрантами, бежавшими от засилья крымской партии, было решено основать такой город. На Волгу был отправлен талантливый «инженер» дьяк Иван Выродков с задачей заготовить лес для стен нового опорного пункта. Затем лес следовало спустить вниз по Волге и уже на месте собрать крепостные стены, церкви и дома. Весной в намеченное место отправились войска. Их задача состояла в том, чтобы не допустить помех при строительстве городских укреплений со стороны противника и отвлечь его внимание с помощью нападения на казанский посад (часть города, не защищенную станами). В мае-июне 1551 г. стены Свияжска были готовы. Вся работа заняла лишь четыре недели. Казанцы не смогли ничего предпринять, чтобы помешать строительству.

Появление русского города на территории Казанского ханства привело к тому, что местное население, ранее платившее ясак хану, теперь обратилось к русским властям Свияжска с просьбой принять их в под-

данство. Здесь, на так называемой Горной стороне, жили не татары, а другие народы: марийцы и чувашы. Их делегация прибыла в Москву и заявила, что они готовы принести присягу верности русскому царю с обещанием никогда не возвращаться под власть Казани. Иван IV «дал им грамоту жаловальную з золотою печатюю, а ясаки им отдал на три годы... пожаловал великим жалованием, шубами и денгами». Впрочем, царь решил проверить лояльность своих новых подданных и велел своим воеводам, чтобы после присяги «всю горную сторону» отправили воевать с казанцами под присмотром русских детей боярских. Под Казанью состоялась стычка, в ходе которой татары применили крепостную артиллерию, что привело к бегству новых русских подданных, но воеводы расценили это столкновение как преданность «горных людей». После этого все лето делегации чувашей и марийцев ездили в столицу «человек по пятисот и по шtisот; а государь их жаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом... жаловал шубами з бархаты и з золотом... камчаты и отласные... однорядки и сукна и шубы белы; а всех государь пожаловал доспехи и конми и денгами... а государево жалование к ним не оскудевает, но паче государь прибавливает: многое множество раздаваше, паче же своих воинов жалуючи» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 165–166).

Одновременно со строительством Свияжска и принятием в русское подданство местного населения были перекрыты основные водные пути Казанского ханства. Сильные заставы были поставлены по Волге, Каме и Вятке, что вызвало «великую нужду». В таких условиях в Казани с новой силой вспыхнула внутренняя борьба, дело доходило до вооруженных столкновений. В конечном итоге прокрымское правительство Кучака пало, сам он с группой своих сторонников — крымцев, бежал из города, бросив даже жен и детей. Но по дороге недавние правители ханства были перехвачены русскими заставами и после короткого боя остатки отряда попали в плен. Схваченных живыми 46 человек во главе с Кучаком привезли в Москву, где все они были казнены по приговору Ивана IV (Там же. С. 162–166).

Власть в Казани перешла в руки сторонников мира с Москвой, и они сразу же начали переговоры. Их делегация прибыла в столицу для выработки соглашения. Казанцы высказали желание видеть у себя на престоле уже знакомого нам Шигалея, а своего малолетнего царя Утямышу и его мать Сююн-Бике выдать России. Они обещали также выдать всех русских рабов, которых к тому времени в ханстве насчитывалось почти 100 тыс. Переговоры привели к успеху — Иван IV согласился дать на царство в Казань Шигалея, который в то время находился в Свияжске.

Впрочем, был один подвох — Горная сторона должна была остаться в российском подданстве, а не отойти под власть нового хана. Шига-лей, несмотря на всю свою лояльность к России, был не доволен этим решением, но бояре ему быстро объяснили — «тому делу иначе не быть: что государю Бог дал, того ся ему не поступить». Не довольны были и казанцы. Россия свое условие объясняла тем, что Горная сторона признала русскую власть до того, как начались переговоры Казанского ханства и России. Находящиеся в безвыходном положении казанцы были вынуждены согласиться с русскими требованиями, хотя Шига-лей тайно обещал им рано или поздно добиться пересмотра этого решения.

Утямыш-Гирей и Сююн-Бике были выданы и доставлены в Москву, а в Казани в августе 1551 г. русскими боярами был посажен новый хан. Его личную охрану составляли 300 касимовских татар и 200 русских стрельцов. В ближайшее время были освобождены 60 тыс. русских пленников. Однако вскоре освобождение прекратилось. Ситуация в Казани складывалась не в пользу нового хана. Потеря Горной стороны вызвала крайнее недовольство, так же как и освобождение русских рабов. Хан не принимал решительных мер для выполнения всех условий заключенного мира, опасаясь спровоцировать восстание (Там же. С. 167–171).

Вскоре в Москве появилось представительное казанское посольство. Основные просьбы были следующие: уступка Горной стороны или хотя бы подачей с нее в пользу Казани и принесение присяги Иваном IV на условиях мира. Однако русская сторона указала, что не собирается поступаться ни одной деньгой с Горной стороны, а принимать присягу русский царь будет лишь после освобождения всех рабов. До этого времени казанские послы будут находиться в Москве в качестве заложников.

В Казани тем временем против Шига-лея возник заговор среди татарской знати, которая вступила в контакт с Ногайской ордой. Хану удалось раскрыть заговор, даже захватить «грамоты ссылные». Расправа с мятежниками была подготовлена с восточным коварством. Заговорщики были приглашены во дворец на пир и в его разгар перерезаны преданными хану касимовскими татарами. Сам дворец был окружен русскими стрельцами, которые перебили тех, кто хотел спастись бегством. Расправа в городе продолжалась два дня, всего убили 70 человек. Но это никак не улучшило положение хана. Ситуация в городе продолжала оставаться сложной.

В Казань был отправлен один из ближайших сотрудников Грозного Алексей Адашев, которому следовало добиться беспрекословного выполнения ханством всех условий мира, а именно полной выдачи

русских пленных, которых татары «куют и по ямом хоронят». Мало того, даже приехавшие с Шигалеем касимовские татары прятали у себя русских рабов. В противном случае Россия угрожала началом военных действий. Оказавшийся в затруднительном положении хан попытался объяснить Адашеву, что он не может укрепиться в Казани, если не получит Горную сторону, а пленных не может выдать, так как это приведет к восстанию против него. Адашев предложил усилить в городе русский гарнизон. На это Шигалей заявил, что он мусульманин и не может сознательно вести дело к полной ликвидации мусульманского государства, в то же время он не хочет изменить Ивану IV и России. Ему остается одно — перебить своих противников и бежать в Москву.

В столице между тем шли консультации с задержанными казанскими послами. По сообщению летописи, послы предложили русскому правительству отозвать хана Шигалея, а в Казани ввести управление наместника, который будет представлять в городе особу царя. В таком случае ханство сохранило бы широкую внутреннюю автономию, но находилось бы под контролем. В феврале 1552 г. переговоры были закончены, и Иван IV в очередной раз отправил в Казань Алексея Адашева с тем, чтобы убедить Шигалея впустить в город русского наместника и гарнизон, а самому отказаться от престола. В благодарность государь его пожалует всем, чего тот «похочет». Хан отказался впустить в город наместника, мотивируя это следующим образом: «ему никак бусурманского юрта не порушить». Шигалей заявил Адашеву и о том, что на самом деле казанцы послали посольство к ногаям просить у них хана. Впрочем, Шигалей согласился «съехать» с Казани. 6 марта 1552 г. он под предлогом поездки на рыбалку выехал из города вместе с русскими стрельцами и казанскими мурзами и князьями. Всего ему удалось вывести из города 84 человека, которые стали заложниками.

В тот же день из Свияжска в Казань был отправлен посланник, который объявил жителям о том, что ханская власть ликвидируется, а ханством будет управлять русский наместник, которым назначен князь Семен Иванович Микулинский. Все эти новости татары восприняли совершенно спокойно. Вскоре в городе принесли присягу, присягнули и русские бояре во главе с новым наместником — в том, что «им добрых жаловати, а лихих казнити, и жаловати казанских людей, как в иных городех великого князя». Казалось бы, вопрос был решен. К городу отправились наместник князь Микулинский в сопровождении отряда войск и множество казанских князей и мурз. В столице ханства все было спокойно, продолжалось принесение присяги жителями.

Но по дороге от Свияжска к Казани смогли бежать несколько знатных казанцев. Прибыв раньше русских в город, они приказали закрыть

ворота и объявили, что «дополна ведают всем быти побитым». Эти слухи привели к резкому изменению настроений в городе. Татары стали вооружаться, готовясь к обороне. Летопись указывает, что в действительности никаких намерений устраивать резню в городе у наместника и русских воевод не было. Ничего не подозревавшие русские подошли к запертым воротам Казани. Все попытки убедить татар в том, что им ничего не угрожает в случае появления в городе наместника, ни к чему не привели. Несколько дней ожидания под стенами крепости также не дали результата. Брать город силой без артиллерии было бессмысленно. 12 марта русские отошли от города и вернулись в Свияжск. Так провалилась попытка мирным путем добиться присоединения Казанского ханства. После этого стало очевидно, что действовать можно только силой. Русское правительство стало готовиться к решающему походу (Там же. С. 171–177).

Взятие Казани. Уже в апреле 1552 г. было принято решение о новом наступлении. На совещании возникли разногласия по вопросу о том, идти ли самому царю во главе армии или отправить воевод. В конечном итоге было принято решение, что Иван IV возглавит войска. Были определены пункты, где должны собираться воины, в Свияжск заранее отправили запасы продовольствия и припасы. Все водные пути вокруг Казани были опять перекрыты русскими заставами с целью не допустить подхода к городу подкреплений.

Однако весной 1552 г. обстановка складывалась для России неудачно. Восстали жители Горной стороны и стали сообщаться с казанцами, в Свияжске началась эпидемия цинги и «язвы». Мало того, в окрестностях города появились отряды противника, совершавшие нападения на русских. Разгромлено было несколько небольших отрядов, причем часть служилых людей попала в плен и была казнена в Казани. В столицу ханства удалось пробраться Едигеру, который был провозглашен новым ханом. Интересно отметить, что этот новый хан несколько лет находился на русской службе и даже участвовал в походе 1550 г. на Казань. Кроме того, можно было ожидать выступления на помощь ханству Ногайской орды (из которой и прибыл новый хан Едигер) и Крыма.

Вскоре в Москве состоялось очередное совещание. Воеводы были распределены по полкам, и принято окончательное решение о летнем походе. Это было не совсем обычным делом, так как предыдущие походы устраивались зимой для того, чтобы легче было переправляться через реки и болота. Подобные сомнения высказал и приглашенный в Москву Шигаей, но решили все-таки выступить летом, надеясь на Бога, который может и непроходимые места проходимыми сделать. Перед

выездом из Москвы Иван IV передал надзор за делами митрополиту Макарию, поручив ему среди прочего и заботу о своей беременной жене (Там же. С. 177–186).

19 июня 1552 г. царь Иван вместе с двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким был уже в Коломне. Вскоре стало известно о приближении к русским землям войск крымского хана Девлет-Гирея, усиленных артиллерией и турецкими янычарами. Конечно, в Крыму было известно о подготовке царского похода на Казань, и хан ожидал, что сможет беспрепятственно грабить. То, что часть войск во главе с Иваном IV оказалась на юге, было для крымцев полной неожиданностью. Хан попытался взять хотя бы Тулу, но здесь его постигла неудача. Крымские войска ушли восвояси. После этого царь собрал военный совет. Было решено двигаться к Казани двумя колоннами: одна шла через Владимир и Муром, другая — через Рязань и Мещеру. Однако здесь опять возникли трудности: дети боярские новгородцы отказались идти к Казани и «государю же о сем не мала скорбь, но велия бысть». Пришлось выяснять причины недовольства служилых людей. Оказалось, что многие из них не имеют поместий. Решили поступить следующим образом — кто готов идти в поход, того царь пожалует, а кто не может — то останется в Коломне. Летопись указывает, что в конечном итоге все согласились участвовать в покорении Казани.

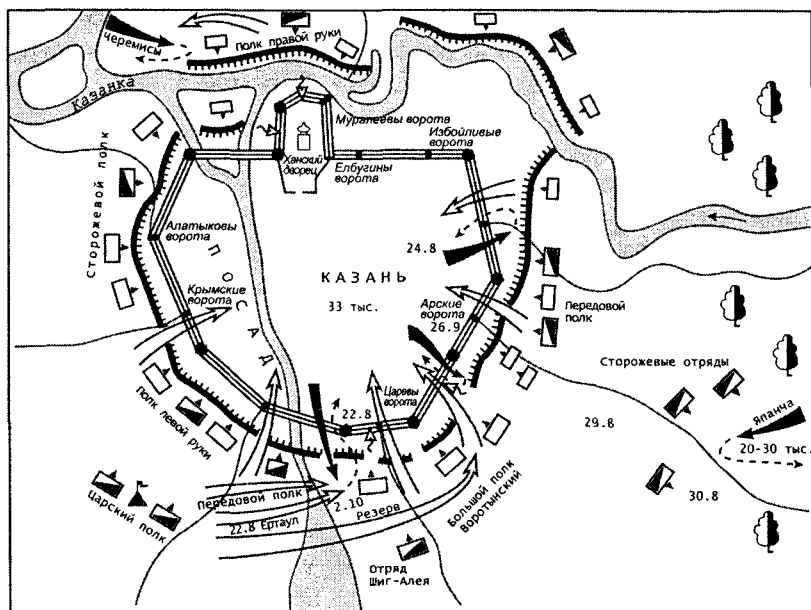
3 июля Иван IV вышел из Коломны, 8 — был во Владимире, а 13 — в Муроме. Во всех городах царь подолгу молился у святынь, испрашивая победу на «поганных». Вскоре стало известно о том, что в Свияжске стабилизировалась обстановка, закончилась эпидемия. Воеводы смогли подавить восстание жителей Горной стороны. Ободренный этими известиями, царь 15 июля отправил часть войск для наведения переправ через реки и болота, а сам выступил из Мурома 20 июля. 13 августа Иван IV был уже в Свияжске. Отсюда в Казань была послана грамота с предложением о сдаче города без боя. Вскоре русская армия, насчитывавшая около 150 тыс. человек, переправилась через Волгу и стала приближаться к Казани. На предложение о сдаче хан Едигер «пишет гордые и скверные слова, веру православную и царя благочестивого поносит и укоряет, такоже и Шигаля похуляет и собя на брань готова взвещает». Однако некоторые татары смогли бежать из города и сообщили русским о ситуации в Казани. По их словам, в городе собраны большие запасы продовольствия и вооружения. Кроме того, часть армии под командованием князя Япанчи выведена из города и должна совершать нападения на русских, другая часть войск (около 30 тыс.) находится в Казани. В 20-х числах августа Казань была окружена русскими войсками (Там же. С. 187–203).

Крепость Казань была расположена в пяти километрах от Волги на господствующей над местностью высоте. С севера ее прикрывала река Казанка, а с запада — река Булак. Стены были сделаны из нескольких рядов дубовых бревен, пространство между ними было засыпано камнем и илом. Высота стен достигала около 8 м, перед ними находился ров. Для проведения правильной осады русскими были заранее заготовлены туры (корзины с землей для оборонительных сооружений) и бревна для тына. Были сделаны и специальные высокие башни для артиллерии. На одну из них установили 10 орудий крупного калибра и значительное количество небольших пушек. Башня была выше, чем стены крепости, что позволяло, придвинув ее к стенам Казани, обстреливать город, нанося большой урон противнику. В течение недели город был окружен сплошным кольцом туров и других осадных сооружений, несмотря на все попытки осажденных противодействовать этому.

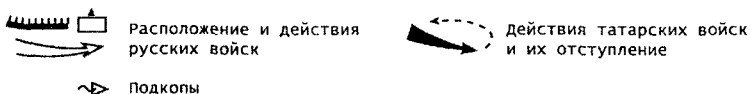
Бои у стен Казани были ожесточенными. Летопись сообщает: «И как пошли к городу, и казанцы вылезли многие люди конные и пешие, и обоим, христианом и татаром, биющися крепце на много время, и из пушек по граду и по воротам безъпрестни биюще и стрелцы из пищалей, также и з города ис пушек и из пищалей стреляху, и бысть сеча велиа и приужастна, от пушечного бою и от пищального грому и от глазов и вопу и кричания от обоих людей и от трескоты оружия и не бысть слышати друг друга глаголанного, бысть яко гром велий и блистание от множества огня пушечного и пищального стреляния и дымного курения» (Там же. С. 206). Сражения не прекращались ни днем, ни ночью. Несколько раз казанцам удавалось прорваться к русским пушкам, но всякий раз их отбивали. По словам участника осады князя Курбского, часто воины даже не могли поесть из-за постоянных вылазок из крепости.

Большой урон русским наносила и армия князя Япанчи, действовавшая в тылу русских войск и уничтожавшая отряды фуражиров. Часто происходили одновременные нападения и из города, и в тыл осаждающим. В довершение неприятностей в конце августа буря уничтожила русские запасы, находившиеся на судах на Волге. Иван IV впоследствии вспоминал, что часть воевод после этого предлагала прекратить осаду, но все-таки было решено на этот раз довести дело до конца, а в Москву и Свияжск отправили людей за припасами. Царь заявил, что в случае необходимости останется и зимовать под стенами крепости.

Крупным успехом русских был разгром полевой армии Япанчи. Для этого войско разделили на две части: одна продолжала осадные работы, а вторая устроила засаду. Было проведено притворное отступление, и противник, полагая, что русские разбиты, неосторожно отошел от

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Осада и штурм Казани в 1552 г.

спасительного для него леса. Находившиеся в засаде полки сразу же отрезали татарам пути к отступлению. После ожесточенного боя полевая татарская армия перестала существовать. Вслед за этим вглубь территории ханства был отправлен отряд под командованием князя Александра Горбатого. Этим войскам удалось взять укрепленные пункты противника. В результате положение казанцев стало безвыходным, но все предложения о сдаче отклонялись. Царь даже обещал выпустить всех желающих в другие страны с семьями и имуществом, если они не хотят ему служить.

Усугубило положение казанцев уничтожение тайного хода к источнику воды. Об этом русские узнали от одного из перебежчиков, который указал направление подземного хода. Было решено прорыть свой ход под ходом противника и взорвать его. Работами руководил некий «немчин» Размысл, «навычный градскому разорению». В начале сентября подкоп был взорван, но казанцы нашли источник воды в самом го-

роде, правда, вода была крайне плохой и от нее в городе начались болезни. Тогда же начали копать подкоп под городские стены. Эта работа заняла недели. Одновременно осадные укрепления и башни с орудиями постепенно подвигали все ближе к крепостным стенам, несмотря на отчаянное сопротивление казанцев. Часть стен к концу сентября была уже разрушена артиллерийским огнем, но татары упорно защищались. 30 сентября войска князя Михаила Воротынского и Алексея Басманова смогли захватить одну из башен и часть стен. Их они удерживали до окончательного падения города.

Общий штурм был назначен на 2 октября 1552 г. Накануне рвы были завалены, что облегчало атакующим подъем на стены. Осажденным в очередной раз предложили сдаться. Ответ был «все помер или отседимся». В подготовленные подкопы поставили порох. Перед началом штурма Иван IV молился в походной церкви вместе со своим духовным отцом протопопом Андреем. В конце церковной службы раздались взрывы — это были взорваны подкопы под крепостными стенами. Взрывы послужили сигналом к началу общего штурма. В начале штурма царь все еще находился в церкви, что послужило поводом для Курбского обвинять его в трусости. Однако не делом Ивана IV было лично участвовать в битве. Он наблюдал за ходом сражения, отдавал приказания, перебрасывал подкрепления, т. е. выполнял ту роль, которая соответствовала его положению.

Сам штурм описан в летописях и у Курбского, возглавлявшего одну из колонн. По свидетельству князя, стрелы со стен крепости летели, как густой дождь. Сбрасывались камни, а когда русские оказались непосредственно у стен, на них стали лить кипяток и сбрасывать бревна. Но атакующим удалось приставить лестницы, а некоторые проникли в башни. После занятия стен бои развернулись в самом городе. В тесных улицах воины резались ножами и сходились в рукопашной. Постепенно татары отошли к ханскому дворцу и мечетям. Здесь был последний рубеж обороны. Часть же из вошедших в Казань войск вместо того, чтобы продолжать битву, занялась грабежом. Этот факт отмечают многие источники, повествующие о взятии Казани.

Воспользовавшись начавшимся грабежом, татары организовали контратаку. Им удалось немного потеснить русских, и царь отправил в город подкрепления. Это и решило окончательный исход дела — хан Едигер с остатками своего войска укрепился на ханском дворе и продержался там около полутора часов. Затем оставшиеся в живых татары решили пробиться из города, но большая их часть была уничтожена, а сам хан попал в плен. Других пленных не брали, по приказу царя все мужчины были перебиты, а в полон уводили лишь женщин и детей.

Битва закончилась вечером 2 октября. Убитых было довольно много, еще больше раненых. По рассказам, после штурма по улицам Казани нельзя было пройти из-за большого количества мертвых тел, а в некоторых местах их груды достигали высоты стен крепости.

Весь город был предоставлен армии для грабежа. Иван IV взял себе лишь ханские знамена, крепостные пушки и самого пленного хана Едигера. Вскоре расчистили от трупов одну из улиц города и царь въехал в него, приветствуемый криками воинов. Еще раньше Ивана поздравили с победой двоюродный брат Владимир Андреевич Старицкий, Шигалей и воеводы. 4 октября Казань была освящена протопопом Андреем и заложена церковь Благовещения Богородицы. Новую власть признали жители различных районов бывшего Казанского ханства, пообещали платить ясак и быть покорными новым властям. 11 октября царь покинул город, оставив вместо себя наместника — отличившегося в этой войне князя Александра Борисовича Горбатого. С ним остался боярин Василий Серебряный и русский гарнизон (Там же. Т. XIII. С. 205–222; Т. XIX. Стб. 110–169: 396–469; ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 230–260).

Возвращение царя было сплошным праздником. Люди выходили навстречу толпами и приветствовали его как победителя татар: «умножи, всемилостивый Бог, лет живота его, яже избави нас от таковых змей ядовитых, от нихже зле много лет страдали есмя! Утверди его, Христе на многие лета!». Эти восторженные встречи не удивительны. Значение взятия Казани и покорения ханства можно сравнить, может быть, лишь с несколькими событиями в русской истории. Царский кортеж при его приближении к Москве встречало все население столицы, «и поля не вмещаху их: от реки от Яузы и до посада и по самой град по обе страны пути бесчисленно народа, старии и унии, велиими гласы вопиюще, ничтоже ино слышати, токмо: “многа лета царю благочестивому, победителю варварску и избавителю христианскому!”».

Царя встретил митрополит Макарий с Освященным собором. Царь в своей речи подчеркнул, что победа была одержана лишь благодаря божественной помощи, которую удалось получить из-за святых молитв Макария, всего духовенства и «всенародной молитвы». Иван IV подчеркнул заслуги в войне своего брата Владимира Андреевича, бояр и воевод и «тщание и страдание за непорочную нашу истинную святую христианскую веру и за святые церкви и за едиnorodную нашу братию православных христиан» всего воинства. В ответной речи Макарий сравнил молодого монарха с великими христианскими правителями древности — Константином, Владимиром Святым, Дмитрием Донским, Александром Невским. На царя, по словам митрополита (и, видимо, по

представлениям большинства свидетелей событий), «превзыде свыше Божия благодать: царствующий град Казаньский со всеми окрестными тебе дарова и змия, гнездящаяся там ... и нас зле поядающего, сокруши благодатию своею и силою крестною...». 8 ноября торжества продолжил пир в Грановитой палате, на котором присутствовал митрополит, братья Ивана IV и воеводы. Пир продолжался три дня и сопровождался раздачей шуб, золотых кубков, ковшей, доспехов, коней, вотчин и поместий. Всего на подарки воинству разошлось, по подсчетам казначеев (кроме земель и кормлений), 48 тыс. руб. — сумма по тем временам огромная.

Символичным окончанием войны послужило крещение казанских ханов. 8 января 1553 г. в Чудовом монастыре крестили Утямыш-Гирея, получившего имя Александр. Он был еще ребенком, его мать ханшу Сююн-Бике отдали в жены верному России Шигалею. Александра Сафа-Гиреевича Иван IV поселил на своем дворе и приказал учить грамоте. Он прожил в почете до своей смерти в 60-е годы. Вскоре был крещен и попавший в плен Едигер. Официальная летопись сообщает, что его решение креститься было добровольным. Обряд производился в присутствии царя и митрополита 26 февраля. Новому христианину было дано имя Симеон. Ему был предоставлен двор в Кремле и бояре. Затем Симеона женили на русской боярышне. Жил он в почете и умер в 1565 г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 222–230).

Спустя несколько лет в Казани было учреждено архиепископство. Первым архиепископом стал Гурий, которому предписывалось всеми средствами (но не принуждением) добиваться перехода местного населения в православие. Чтобы подчеркнуть значение Казани, место новому иерарху было определено между новгородским и ростовским владыками, т. е. Гурий стал третьим человеком в русской церковной иерархии. На содержание духовенства в бывшем ханстве было решено тратить десятую часть всех доходов Казанской земли. В Москве на Красной площади в ознаменовании победы был построен великолепный Покровский собор, сейчас более известный как собор Василия Блаженного.

Окончательное покорение Казанского ханства. Несмотря на падение Казани, война не закончилась, что вскоре стало понятно. Уже в конце 1552 г. были совершены нападения на русских гонцов, купцов и служилых людей. Карательные экспедиции, отправляемые из Свияжска и Казани, не принесли ожидаемого успеха. Возникли проблемы со сбором ясака, а некоторые сборщики были убиты. Вскоре вспыхнуло настоящее восстание. Восставшие разгромили несколько небольших

русских отрядов. Один из воевод — Борис Салтыков — попал в плен и впоследствии был убит. Массовые казни, проводившиеся русскими, не могли прекратить движения. Центром восстания стал город Чалым, находившийся на правом берегу Волги. Мятежники даже восстановили ханскую власть: на престол был приглашен один из ногайских князей Али-Акрам, прибывший с отрядом в 300 ногайских татар. Уже в 1553 г. русские власти направили против татар крупные силы под командованием Даниила Адашева.

В том же году в поход отправилась армия под командованием князя Микулинского, воевавшая по реке Каме. Прибегая к самым жестким мерам, удалось на время прекратить восстание, но в 1554 г. борьба возобновилась. Новая русская рать под командованием Мстиславского пленных не брала — все были казнены. На территориях ханства были построены специальные укрепленные пункты (башни, остроги) с русскими гарнизонами. В 1556 г. был взят опорный пункт татар город Чалым. После этого дальнейшее сопротивление стало бесполезным. Против татар начали выступать и некоторые местные народы, утомленные бесконечной войной и жестокими репрессиями, проводившимися русскими властями. Хан был убит самими мятежниками, а основные лидеры движения погибли. К 1557 г. на территории бывшего ханства наступило успокоение. Вся страна была страшно разорена, резко сократилось количество населения.

В Казани была возведена каменная крепость, татарскому населению жить в городе запрещалось, а мечети были разобраны. После подавления восстания многие земли местных феодалов были конфискованы и перешли государю, духовенству, русским служилым людям и тем татарам, которые признали новую власть. Постепенно в крае стало увеличиваться русское население. Только теперь можно было считать, что Казанское ханство перешло к России (Там же. С. 228–229, 230, 231, 234–235, 238–239 и др.).

Столетние отношения России и Казанского ханства насчитывают несколько этапов. «Случайные» победы Улу-Мухаммеда при Василии II позволили создать и укрепить новое татарское государство. Вполне вероятно даже, что московские правители некоторое время вынуждены были платить Казанским ханам дань. Однако с укреплением Руси при Иване III начинается русское наступление: Казань в конце концов на долгое время попадает в зависимость от России, ее внешняя политика, а отчасти и внутренняя контролируются русскими властями. В своих действиях московское правительство опиралось как на военную силу, увеличивавшуюся с каждым годом, так и на прорусски настроенных представителей татарской

знати. Борьба различных группировок в Казани и национальные противоречия ослабляли татарское государство.

Попытки ориентироваться на Крым и стоящую за его спиной Турцию, которые предпринимали ханы из династии Гиреев, не могли привести к долгосрочным результатам по причинам географического характера. Даже к началу XVI в. силы Казанского ханства и России были несоизмеримы, и с течением времени это положение все больше менялось в пользу России. В таких условиях окончательное покорение ханства было лишь вопросом времени. Неразумная политика ханов, совершавших грабительские набеги на русские земли, только приближала развязку. Россия стремилась обезопасить свои восточные границы, получить контроль над Волжским путем, освободить русских рабов, огромное количество которых находилось в Казани. Большое значение имели и идеологические, религиозные, мотивы. В конечном итоге к середине XVI в. вопрос мог стоять или о полном завоевании ханства, или же о сохранении за ним достаточно большой доли внутренней автономии под контролем России. Вероятно, правительство Ивана IV склонялось первоначально ко второму варианту, но ситуация сложилась так, что единственным выходом из положения оказалось полное присоединение Казанского ханства, что и было осуществлено с большими жертвами с обеих сторон в 50-е годы XVI в.

Астраханское ханство. История Астраханского ханства гораздо меньше освещена источниками, чем история других государств, возникших на обломках Золотой орды. Нет даже единого мнения относительно того, когда оно возникло: некоторые исследователи считают, что в конце 50 — начале 60-х годов XV в., другие предполагают, что лишь после окончательного разгрома Большой орды в 1502 г. Ханство занимало территорию низовьев Волги, а его столица город Хаджи-Тархан (по-русски Астрахань) имела очень удобное географическое положение и была крупным торговым центром.

Это государство, самое слабое из всех татарских ханств, постоянно подвергалось давлению со стороны своих более сильных соседей — Крымского ханства и Ногайской орды. В течение долгого времени у России не было общей границы с Астраханским ханством, и связи с ним ограничивались торговыми контактами. В начале XVI в., при Василии III, были установлены дипломатические отношения — происходил обмен посольствами. Вероятно, первые контакты между правителями были связаны с урегулированием вопросов торговли.

Вместе с тем бывший союзник России крымский хан Менгли-Гирей стремился заручиться поддержкой Москвы в борьбе с Астраханью.

Для Гиреев это ханство было наследником Большой орды и, следовательно, врагом. Но русские власти всячески стремились избежать участия в антиастраханских действиях, прекрасно понимая, что в случае усиления Крыма резко осложнится ситуация на южных границах Руси. Призывал Василия III к совместной войне с Астраханским ханством и преемник Менгли-Гирея хан Мухаммед-Гирей. Но и эти призывы оказались безрезультатными.

В 1521 г. Астрахань невольно выступила союзником Москвы. В этом году Мухаммед-Гирей совершил нашествие на Русь. Воспользовавшись уходом из Крыма ханского войска, удар по полуострову нанесли астраханцы. В 1523 г. крымцы заняли Астрахань. Казалось бы, сбылась их давняя мечта, но произошло непредвиденное: «согласившиеся во Азторокани сущии ногаи и убиша царя и сына его проклятово и прочих крымских врагов избиша» (Там же. С. 43). После этого в ханстве усиливалось влияние ногаев. Одновременно с этим между ханом Хусейном и Василием III было заключено соглашение о «дружбе».

Однако это соглашение не помешало астраханцам в 1530 г. оказаться в числе противников Москвы во время русского похода на Казань. Город обороняли вместе с казанцами ногаи и «азтороканские люди» (Там же. С. 47). Вскоре к Василию III прибыл «из Асторокани от Касыма царя человек его Злоба с товарищи з грамотою». Пока Злоба находился в Москве, в самой Астрахани произошел очередной переворот — хан Касим был убит, а на престол был посажен некий «Аккубек царевич» (Там же. С. 61–62). Он также не смог надолго удержаться на престоле. Со сменившим его Абдул-Рахманом в 1536 г. был заключен договор «о братстве и о дружбе». Русский посол к хану Федор Быков вернулся из Астрахани 30 августа 1537 г. вместе с представителем хана князем Ишимом. Абдул-Рахман желал «другу великого князя... быти другом, а недругу недругом, а на недругов великого князя с великим князем заедин». Русское правительство отправило в Астрахань ответную миссию, но в пути стало известно, что ногаи «съслали» хана, а в «Азсторохани посадили царем Дервешалея» (Дервиш-Али).

Впрочем, Дервиш-Али также недолго продержался на престоле — к власти вернулся Абдул-Рахман (1539 г.), с которым снова наладились дружественные отношения, происходил обмен посольствами. Вскоре с Астраханью был заключен союз: «великий князь с царем похотел дружбы... велел грамоту дружбную написати, и правду послы на той грамоте великому князю дали, что и царю на той грамоте правда дати и печати свои к той дружбной грамоте прикласти и правда своя царю держати» (Там же. С. 115, 120). К хану был отправлен русский посланник Федор Невежин, который должен был присутствовать на принесении

Абдул-Рахманом присяги на тексте соглашения. В 1542 г. Невежин вернулся в Москву в сопровождении очередного астраханского посла. Вместе с ним на службу к Ивану IV прибыл астраханский «царевич» Едигер (в 1552 г. последний казанский хан) (Там же. С. 130, 133, 134, 142–143).

Но Абдул-Рахман очень скоро или умер, или был свергнут. На астраханском престоле вторично оказался Аккубек, после него ханом стал Ямгурчи. В 1546 или 1547 г. Астрахань подверглась разгрому войсками крымского хана Сагиб-Гирея, а затем, в самом конце 40-х годов XVI в., ее на какое-то время захватили московские казаки, которые, впрочем, не подчинялись центральному правительству. В таких условиях хан Ямгурчи обратился к Ивану IV с просьбой, «чтобы его царь и великий князь пожаловал, велел себе служить и с юртом, и жаловал бы его, как и Шигалеа царя и иных царей, которые ему служат». Фактически эта просьба означала установление вассальной зависимости Астраханского ханства от России. В 1552 г. в ханство отправился русский посол, который должен был «видети царевы Емгурчеевы правды, на чем от него послы его били челом, и его и его землю х правде привести» (Там же. С. 170, 171).

В действительности же оказалось, что Ямгурчи резко сменил внешнеполитические приоритеты и стал ориентироваться на Крымское ханство. Русский посол был обещен и ограблен. В таких условиях, особенно после покорения Казани, неизбежно вставал вопрос о подчинении Нижнего Поволжья. Это было необходимо для установления безопасности присоединенной Казанской земли и открытия свободного пути по всей Волге, тем более, что теперь у Астраханского ханства была общая граница с Россией.

Ускорило развитие событий прибытие в Москву в октябре 1553 г. ногайского посольства от сторонника промосковской ориентации князя Исмаила. Исмаил предложил русскому правительству совместную борьбу с Астраханью с целью добиться смещения Ямгурчи в пользу хана Дервиш-Али, который был в родственных отношениях с Исмаилом.

Вопрос о начале военных действий решался на совещании Ивана IV с боярами. На этом совещании царь «вспомнил», что при святом князе Владимире среди русских владений была Тмутаракань, которую сразу же отождествили с Астраханью. Это делало предполагавшийся поход вполне законным и даже необходимым — как возвращение древнего наследия предков. Грозный, «уповая на всемогущего Бога и великие Его щедроты ... и за свою обиду и срамоту, яже царь Ямгурчей обеты своя изменил и посла ограбил, и по ногайских мурз челобитию умыслил послати рать свою на Азстарахань». Начало похода было намечено на весну 1554 г. Сам царь идти в дальний поход не собирался, и коман-

дующим назначили князя Юрия Ивановича Шемякина-Пронского (Там же. С. 235–237).

В июне 1554 г. русские войска оказались на Переволоке (в самом узком месте между Доном и Волгой, в районе современного Волгограда). 29 июня состоялось первое столкновение с астраханскими войсками. Победа была полная. От пленных узнали, что сам хан Ямгурчи с основными силами находится ниже Астрахани, а в городе практически нет военных сил. Воспользовавшись этим, русские оставили большие суда и быстро пошли к столице ханства. 2 июля Астрахань была взята без боя, татарский гарнизон бежал или был уничтожен — «людей пеших поугоняли и многих побили, а иных живых поимали». Сам хан скрылся, поиски его оказались безрезультатными, в руки воевод попал даже ханский гарем. 7 июля основная часть ханских войск была разгромлена, некоторые перебиты, а некоторые попали в плен. Хан бежал на территорию Турции — в Азов всего с 20 приближенными. Его попытки вернуть себе престол с помощью крымских войск и янычар были отражены.

На престол был посажен Дервиш-Али. Население принесло ему присягу. Новый хан оказался в вассальной зависимости от Ивана IV и по заключенному с воеводами соглашению обязался ежегодно выплачивать дань, заключающуюся в деньгах и 3 тыс. осетров. Запрещалось держать русских рабов, а всех имеющихся необходимо было выпустить. Кроме того, русские рыбаки получили право свободно (без специальных разрешений и плат) ловить рыбу по Волге вплоть до Каспийского моря. Наконец, в случае смерти Дервиш-Али астраханцы были обязаны за новым ханом обращаться в Москву и других ханов не «искать». 29 июля царские воеводы с основными силами покинули Астрахань, оставив, правда, в городе отряд находящихся на государственной службе казаков под командованием Петра Тургенева (Там же. С. 241–245).

Однако вскоре, уже в 1555 г., стало известно, что Дервиш-Али выслал из Астрахани русский гарнизон и тайно ведет переговоры с крымскими татарами. На первый раз достаточных доказательств измены найти не смогли и хан остался на престоле. Но в 1556 г. были получены неопровержимые доказательства того, что «Дербыш-царь царю и великому князю не прямит, в Крым ссылается». Астраханцы напали на русские силы, части которых с большим трудом удалось уйти вверх по Волге. Столь явная измена требовала немедленных мер, и весной 1556 г. в Астрахань были отправлены несколько отрядов под командованием Ивана Черемисинова, Тимофея Тетерина и атамана Филимонова. Астрахань была взята без боя, так как хан Дервиш-Али бежал из своей столицы. На помощь ему пришли крымцы, но сражение в окрестностях Астрахани татары проиграли. Хан объяснял, что он «изменил государю

неволею», обещал вернуться в город и «служить» Ивану IV. Но Дервиш-Али в Астрахань так и не вернулся. В результате хан оказался в Азове, потом в Мекке, а простые татары подчинились русским воеводам — «астроханские люди... к ним (русским воеводам) пришли и государю добили челом и правду дали». Летом 1556 г. Астраханское ханство было включено в состав России. Почти сразу власть Ивана IV в Астрахани признали правители небольших кавказских государственных образований: «ис Шемахи, ис Шевкал и с Тюмени от царей присылка о миру была и о торговли» (Там же. С. 262, 265–266, 274, 277, 281, 283).

Таким образом, судьба Астраханского ханства предопределялась его слабостью и тем удобным стратегическим положением, которое оно занимало в низовьях Волги. После присоединения Казани Москва хотела получить контроль над всем течением великой реки, причем, вероятно, Ивана IV вполне устраивал вариант вассальной зависимости астраханских ханов и контроля за внешней политикой этого государства. Но из-за изменчивой политики астраханских правителей обстоятельства сложились так, что в середине 50-х годов XVI в. ханство вошло в состав России.

Образование Ногайской орды. Родоначальником правящей династии в Ногайской орде считается выдающийся деятель Золотой орды Эдиге (Едигей русских источников), бывший фактическим правителем Улуса Джучи в конце XIV — начале XV в. Даже после гибели Едигея его потомки смогли сохранить свое высокое положение среди ордынской знати. Опирались они на владения в междуречье Яика (Урала) и Эмбы. С ослаблением Золотой орды и ее распадом владения потомков Едигея расширяются и занимают левобережье Волги. Их столицей становится город Сарайчук (Сарайчик), находившийся на нижнем Яике.

По своей фактической силе Ногайская орда стала одним из самых сильных государственных образований, возникших после распада Золотой орды. Однако то, что правящая в ней династия не относилась к потомкам Чингисхана, делало ее положение не совсем легитимным и ставило ее правителей в более низкое положение по сравнению с другими государями обломков улуса Джучи. В таких условиях фактические ногайские правители — бии, были вынуждены формально признавать власть какого-нибудь соседнего государя. Так, в начале 80-х годов XV в. формальным сюзереном ногаев был сибирский хан Ибак.

Именно под его руководством в январе 1481 г. ногайское войско разгромило ставку хана Большой орды Ахмата: «прииде на него царь Ивак Нагайский и Орду взя; а самого безбожного царя Ахмата убил шурин его нагайский мурза Ямгурчей». После гибели Ибака ханом был

сделан его брат Мамук. В самом конце XV в. его войска смогли на короткое время захватить союзную России Казань и свергнуть с престола ставленника Ивана III Мухаммед-Эмина. Однако долго удержаться в Казани Мамук не смог. Осаждали город ногаи и при Абдул-Латифе, но тогда удалось отбиться (Там же. Т. XII. С. 203, 243, 253). В 1505 г., в то время, когда Мухаммед-Эмин отказался подчиняться Москве и перебил русских в Казани, ногайцы прислали ему на помощь 20-тысячное войско, с которым хан осаждал Нижний Новгород. Когда же на казанский престол сели представители династии Гиреев, влияние ногаев в ханстве усилилось. На помощь казанцам пришло 30 тыс. ногаев, «хотяще битися с Русью, обогатитися руским пленом и наимом царевым». Летопись называет крымцев и ногаев советниками хана Сафа-Гирея, который был женат на дочери одного из биев (Там же. Т. XIII. С. 57; Т. XIX. Стб. 24–25, 37–38).

К началу XVI в. ногайские правители уже не нуждались в марионеточных ханах-чингизидах, и Ногайская орда стала полностью самостоятельным государственным образованием. Непосредственные дипломатические отношения Ногайской орды с Россией устанавливались в конце XV в. С этого времени начинается постоянный обмен посольствами между государствами, несмотря на определенные противоречия в вопросе о Казани, в которой ногайские правители стремились усилить свое влияние. Например, сведения о ногайском посольстве в Москву были занесены в официальную летопись под 1502 г. (Там же. Т. XII. С. 254). Интересно, что ногайские бии первое время не настаивали на равном статусе с великими князьями. Лишь в 30-е годы XVI в. они стали требовать признания равенства или даже своего превосходства над русскими правителями. Дошло даже до того, что у Москвы требовали выплаты дани, которая причиталась с русских земель во времена могущества Золотой орды. Все эти демарши вызывали гневную отповедь России.

Первая четверть XVI в. оказалась очень тяжелой для нового татарского государства. Началась ожесточенная борьба за власть между претендентами на бийство. Одновременно обрушились казахи с востока. В таких условиях многие ногаи переправились на правый берег Волги и оказывались в зависимости от крымского хана. Подчинившись ему, они участвовали в опустошительном походе Мухаммед-Гирея на Россию в 1521 г. Впрочем, русская летопись указывает на не совсем добровольное участие ногаев в походе: крымский хан «ихже тогда одоле», т. е. они были подчинены силой. Однако уже в 1523 г. ногаи убили Мухаммед-Гирея и нанесли Крымскому ханству тяжелый удар (Там же. Т. XIII. С. 37, 43).

С середины 20-х годов могущество Ногайской орды растет: внутренние конфликты на время улажены, Крымское ханство перестало быть опасным, ощущается влияние ногаев в Казани. По отношению к Казанскому ханству и, следовательно, России среди ногайских правителей не было единства: как уже отмечалось, Сафа-Гирей опирался на ногаев и во время изгнания из Казани скрывался у своих ногайских родственников по жене. В противовес этому русский ставленник Джан-Али женился на дочери мурзы Юсуфа Сююн-Бике. Перед ногайским браком было испрошено разрешение у Василия III, который посчитал, что жениться можно, «чтобы земля Казанская в упокое была». Очевидно, прорусски настроенные казанские правители хотели привязать к себе некоторую часть ногайской знати (Там же. С. 69). Однако этот брак оказался неудачным, и после очередного переворота, во время которого Джан-Али был убит, Сююн-Бике стала женой вновь утвердившегося на престоле Сафа-Гирея.

Одновременно среди ногайской верхушки начался раскол в отношении России, причем проходил он по «географическому признаку». Мурзы, кочевавшие у Волги, склонялись к дружественным отношениям с московскими властями и согласны были признать русские интересы в Казани. Это объяснялось их экономическими связями с Москвой — они продавали в России огромные табуны лошадей и получали значительные «поминки» от великокняжеского правительства. Кроме того, именно у русских они покупали необходимые для кочевников товары. Не случайно поэтому, что многочисленные ногайские посольства часто касались вопросов торговли. Так, в конце правления Василия III ногайское посольство «било челом великому государю, чтобы князь великий пожаловал, гостем нагайским велел торговати; и князь великий их пожаловал, ослободил торговати, и как гости исторговали, и князь великий послов нагайских и гостей отпустил к их государю». То же самое происходило и при Иване IV: «приидоша к великому князю Ивану Василиевичю всея Руси послы нагайские... чтобы князь великий к ним дружбу свою держал и их жаловал такоже, как их отец его князь великий Василий Иванович в дружбе с собою держал и жаловал, и гостем нагайским пожаловал бы, велел в свои государьства с коньми и со всяким товаром ходити и торговати» (Там же. С. 65, 85, 115, 124 и др.). Мурзы же, кочевавшие на востоке Ногайской орды, зачастую занимали антирусскую позицию, так как экономически не были заинтересованы в расширении взаимовыгодной торговли с Россией.

В конце 40-х годов XVI в. ногайским бием становится Юсуф. Его отношение к России было сложным: он требовал от русской стороны признания себя правителем, равным по рангу золотоордынским или

крымским ханам. Русская сторона не могла принять подобные требования. Кроме того, его дочь казанская ханша Сююн-Бике вместе с сыном Утямыш-Гиреем находилась в России. Все это вело к тому, что отношения между сторонами не могли быть дружественными. Несколько раз Юсуф собирался устроить поход на русские земли, но каждый раз эти замыслы срывались. Впрочем, некоторые мурзы все же устраивали набеги на русское пограничье. В 1550 г. отряд ногайцев напал на Рязанщину и Мещеру. Русские воеводы разгромили грабителей, почти все или погибли, или попали в плен, или умерли от морозов (Там же. С. 161). Не доволен был Юсуф и упорным желанием России полностью подчинить или присоединить Казанское ханство. Именно из Ногайской орды в 1552 г. в Казань явился последний хан Едигер (Там же. С. 179). Но в действительности Орда не оказала Казани никакой реальной помощи во время ее осады русскими войсками.

Брат Юсуфа Исмаил, второе лицо среди ногайской знати, занимал доброжелательную по отношению к России позицию. Это имело объяснение: он контролировал западную часть Ногайской орды и был кровно заинтересован в стабильных дружественных отношениях с Москвой для торговли. Когда фактически прекратились отношения Юсуфа и Москвы, отношения с Исмаилом продолжались. Русские власти делали на него ставку, стремясь вызвать конфликт между братьями и ослабить Орду в целом. В начале 50-х годов XVI в. Исмаил сорвал несколько походов против России, в том числе и в 1552 г., когда шла осада Казани.

Усиление влияния России при бее Исмаиле. К середине XVI в. отношения между бием Юсуфом и Исмаилом были на грани разрыва. Исмаил все больше подпадал под влияние России. По заключенному с ним соглашению русские и ногаи должны были совместно добиться подчинения Астраханского ханства и утверждения на его престоле Дервиш-Али. Одновременно с этим стороны договорились о том, что «Исмаилу же в то время, или как ему възможно, прийти на брата на своего на Исупа-князя (бия Юсуфа) войною за то, что он царю и великому князю не прямит, послов царя и великого князя безчестует... и на всех недругов царя и великого князя Исмаил-мурза з детми и с племянники заодин быти: куды его царь и великий князь пошлет, туды ему ходить». На самом деле Исмаил не принял никакого участия в подчинении Астраханского ханства, так как началась его война с Юсуфом. В конце 1554 г. Юсуф погиб, и бием стал ориентировавшийся на Россию Исмаил. По сообщению его послов, «Исуфа самого убили и детей его и племянников многих побили, а досталных выгнали; а людей нагайских на обе стороны многое множество побито: как и стала орда Нагайская,

такой падежи над ними не бывало». Кроме того, послы просили обеспечить ногаям свободную торговлю в Москве, Казани и Астрахани. Иван IV предложил новому бия быть «задин со царем и великим князем на всех его недругов, и за то, что Юсуфа-князя побии послал с своими послы... жалование свое казенное» (Там же. С. 235, 241, 249, 255). Очевидно, что подобная ситуация была выгодна Москве. К власти пришел ее давний сторонник. Теперь можно было не опасаться набегов многочисленной ногайской конницы на границы и укреплять свое положение в недавно подчиненной Астрахани.

В действительности свержение бия Юсуфа было лишь началом бедствий, которые обрушились на Ногайскую орду. Война между Исмаилом и его племянниками (детьми Юсуфа) продолжалась несколько лет и характеризовалась небывалым ожесточением и гибелью большого числа кочевников. Лишь в 1557 г. Исмаилу удалось окончательно утвердиться на престоле. В довершение всех бедствий на Орду обрушился страшный голод и эпидемии. В результате Ногайская орда никогда больше не смогла добиться того могущества, какое у нее было до смуты 50-х годов XVI в. Начинается повальное бегство подданных бия на правую — крымскую сторону Волги. Одновременно отсюда совершаются постоянные набеги на кочевья преданных Исмаилу мурз. Бий даже просил Ивана IV построить города в местах переправ через Волгу или установить охрану, чтобы пресечь бегство своих людей. Россия оказала Орде и некоторую продовольственную помощь — с русскими посольствами шли обозы с зерном. Однако этого было явно недостаточно. В таких условиях Ногайская орда фактически становится вассалом России: в 1557 г. «Исмаиль-князь и все мирзы нагайские государю правду учинили на том на всем, как к ним государь писал; везде им царю великому князю послушным быти и на крымского царя им задин с царем и великим князем стояти... и правду все давали на всей воле государеве» (Там же. С. 285).

Хорошие отношения с Исмаилом не помешали Ивану IV с почетом принимать в России его династических соперников — родственников погибшего бия Юсуфа. Мало того, царь из своей казны выделил «камки и бархат по их закону», когда умер Юнус-мурза, сын Юсуфа (Там же. С. 299, 332, 371). Окончательное присоединение Астрахани и столь близкое соседство привело к новым конфликтам с Ногайской ордой — воеводы оставляли у себя в городе тех ногайцев, которые пытались переправиться через Волгу на подведомственных им переправах. Исмаил постоянно жаловался на астраханских воевод, и по его требованиям их периодически сменяли, а Ивана Выродкова в 1561 г. даже арестовали. Бий Исмаил умер в 1563 г. В последние годы его правления Орда смог-

ла несколько усилиться, но в действительности она была намного слабей, чем до начала его правления.

После смерти Исмаила бием стал его сын Дин-Ахмет (1563–1578 гг.). Новый правитель подтвердил преемственность политики на союз и сотрудничество с Россией. К тому же он был в родственных отношениях с Иваном IV — одной из его жен была родная сестра русской царицы Марии Темрюковны. Впрочем, это не мешало Дин-Ахмету временами выступать с претензиями на увеличение царского «жалования» и требовать формального равенства с московским правителем. Иногда доходило даже до грабежа русских послов. Мало того, ногайская конница участвовала в нападениях Девлет-Гирея на Россию в 1571 и 1572 гг. (*Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 71–72, 76). В ответ на это в 1573 г. казаки астраханского гарнизона захватили и ограбили столицу Орды Сарайчук. Преемником Дин-Ахмета стал Урус (1578–1590 гг.), который в конце концов постепенно склонился к антироссийской позиции: начались переговоры Ногайской орды с Крымским ханством и набеги их отрядов на пограничные территории России. Причину такой смены внешнеполитической ориентации следует искать, видимо, в стремлении бия Уруса к равноправным отношениям с царем и желании получать больше «жалования». Впрочем, Урус еще раньше, в 1569 г., во время похода турок на Астрахань, снабжал армию вторжения продовольствием и фуражом.

Одной из причин ухудшения отношений между Ногайской ордой и Россией было также основание русских городов в Поволжье. В 1586 г. была основана Самара, в 1589 г. — Царицын, в 1590 г. — Саратов. Был построен город и в Башкирии, на той земле, которую ногаи считали своей, — Уфа (1586 г.). Биям объясняли, что новые города призваны защитить ногаев от нападений волжских казаков, которые в то время стали сильно беспокоить Орду. В действительности же города основывались на местах самых удобных переправ через Волгу с целью прекратить набеги кочевников. Все требования ногайской стороны оставить вновь построенные города отвергались. Среди самих ногаев не было единства: часть переходила на крымскую сторону Волги и принимала подданство крымскому хану, часть уходила в так называемую Малую Ногайскую орду на Северном Кавказе. Значительная часть мурз не поддерживала антирусского курса бия и склонялась к дружбе с Москвой. Но в 1581 г., когда Сарайчук был сожжен вольными казаками, ногайские власти обвинили в организации нападения русское правительство. Вообще же казаки в конце 70 — начале 80-х годов XVI в. обосновались на реке Яик, на исконных ногайских землях. В 1586 г. бий предпринял попытку взять казачий городок, но его войска были разбиты пришель-

цами. В таких условиях в том же 1586 г. Урус был вынужден пойти на нормализацию отношений с Россией и обещал перед царскими представителями «быти в... твоеи государевой воле... где ты, государь, велишь мирзам с нагайскими людьми на недруга итти, и им ходити». В конце XVI в. на Яике появляются и русские правительственные воеводы, которые, несмотря на протесты Ногайской орды, основывают Яицкий городок.

Гибель Ногайской орды. После гибели бия Уруса в Ногайской орде начинается очередная смута. Не осталась в стороне от событий и Россия: ей было выгодно ослабление Орды. Как пишет летопись, Борис Годунов, «слышав в Нагайской орде умножение людем, яко живяху меж себя в совете, он же бояшеся тово, что Астрахани от них быти в тесноте и приходу на Московское государство начая войны, и повеле астраханским воеводам их ссорити. И бысть меж ими война велия, друг друга побиваху, и многи улусы запустеша... и от той войны оскудеша, яко отцы детей своих продаваху в Астрахани» (ПСРЛ. Т. XIV. М., 2000. С. 52). После кровавой междоусобицы уцелели лишь жалкие остатки когда-то могучего государственного образования. Территория ногаев теперь ограничивалась в основном междуречьем Волги и Яика. Бием стал Иштерек (1600 г.). Зависимость Орды от русских властей усилилась, даже возведение «на княжение» было проведено в Астрахани по воле царя.

Во время русской Смуты бий долгое время придерживался нейтралитета, но с переходом Астрахани под власть Лжедмитрия II среди мурз произошел раскол — часть из них склонялась на сторону Дмитрия Ивановича. Сам Иштерек пытался завязать отношения с властями Речи Посполитой. Вскоре начались и набеги ногайской конницы на окраины России. С воцарением Михаила Федоровича Романова бий «присла к Москве послов своих бити челом о винах своих, что ходили нагайские люди воевати Московского государства... и пожаловал бы государь их, велел принять под свою высокую руку» (Там же. С. 134). Но вскоре в Астрахани появился атаман Заруцкий, представлявший здесь пока еще реальную силу. В таких условиях бий вынужден был принести присягу «вору» и обещал предоставить свои войска для продолжения борьбы с московским правительством. С приближением к Астрахани московских войск Иштерек снова перешел на сторону царя Михаила, обязавшись «вперед быти неотступным в прямом холопстве навеки».

Одновременно со всеми этими событиями постоянно усиливался разброд среди самих ногаев, большие их группы откочевывали под власть Крымского ханства. Как только Смута в России была закончена,

правительство снова стало проводить политику по разжиганию ссор между различными представителями ногайской аристократии, стремясь не допустить восстановления единства Ногайской орды. В разгар кризиса в 1619 г. Иштерек умер.

После его смерти вспыхнула очередная междоусобица, поддерживаемая русскими властями в Астрахани. В конце концов новым бием был провозглашен Канай, но успокоения в степях не наступило, продолжались войны. Ситуация еще больше усложнилась с началом широкомасштабного нашествия калмыков, которые и нанесли Орде смертельный удар. Большая часть ногаев тогда перешла на правую сторону Волги. Много вреда ногаям причинили и астраханские власти, правительственные воеводы, стрельцы, дети боярские. Фактически к середине 30-х годов XVII в. Ногайская орда прекратила свое существование, а последний бий Канай оказался в астраханской тюрьме, где и умер в 1638 г. Ногаи же рассеялись на огромных пространствах степей.

Таким образом, примерно с середины XVI в. Ногайская орда стала рассматриваться русским правительством как младший партнер. При чем зависимость Орды от России постоянно усиливалась — фактически это государственное образование стало русским вассалом. Окончательный распад Ногайской державы во многом был вызван политикой московских властей, которым становилось невыгодно существование сильной Орды даже под предводительством преданного России бия.

Что касается в целом отношений России с государствами Поволжья — осколками Золотой орды, то следует признать, что у московских властей первоначально не было законченного плана по подчинению этих образований. Во многом действия Москвы определялись складывавшейся ситуацией. Нередко Россия выступала и обороняющейся стороной, особенно в период противостояния с Большой ордой. Однако, усиливаясь, она получила возможность влиять на положение в поволжских государствах, добиваться от них проведения выгодной России политики. Постепенно на повестку дня встал вопрос о непосредственном присоединении некоторых ханств. Во многом это объяснялось недальновидной политикой их правителей, экономическими и идеологическими соображениями. В конечном итоге к 40-м годам XVII в. все осколки Золотой орды в Поволжье были или непосредственно включены в состав Русского государства, или уничтожены, чему способствовали внутренние смуты и нашествия врагов. Обширные территории Среднего и Нижнего Поволжья вошли в состав России.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
- Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004.
- Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2004.
- Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005.
- Похлебкин В. В.* Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв., 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири): Справочник. М., 2000.
- Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Очерк четвертый

Россия и Крым

«...Другу другом быти, а недругу недругом...». — «А посошную пошину не платить...». — «А стояти сторожем на сторожах с конь не сседая...». — «Дружбы подарками не покупают». — «Государевы украины». — «С воеводами царскими против всякого врага великого государя итти готовы поголовно...». — «Всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержец...». — «Не первый раз России побеждать врагов». — «...Сколько приистечет от сего выгодностей — изобилие, спокойствие жителей, а от того... умножение доходов».

«...Другу другом быти, а недругу недругом...». В XIII в. Крымский полуостров попал под власть монгольских ханов. Начав с пробного набега на крепость Сурож в 1223 г., монголы и в дальнейшем не оставляли его в покое. В 1239 г. татары снова явились в Тавриду и взяли ее степи в прочное владение, причем разорениям подверглись прибрежные города: снова Сурож, затем Кафа и Херсонес. Постепенно Крым вошел в состав улуса Джучи, получившего впоследствии название Золотой орды. В 1261 г. татары, кочевавшие за Перекопом, отделились от татар крымских под начальством Ногая и образовали самостоятельную Ногайскую орду. Отношения между двумя ордами складывались по-разному, но когда речь заходила о самостоятельной политике в отношении метрополии — Сарая, единение устанавливалось довольно быстро.

Собственно Крымское ханство сложилось довольно поздно — в 30-е годы XV в., и его появление было связано с распадом Золотой орды, которая так и не сумела подняться после смертельного удара Тимура. Крымский улус к тому времени уже сильно обособился от Золотой орды и заметно усилился. В состав его входили не только степная, но и почти вся горная область Крыма, а также южное побережье. Смерть Эдигея в 1420 г. завершила золотоордынский период Крыма. В Золотой орде и Крыму начались смуты, борьба за власть. Крымские мурзы усилились и стремились создать здесь собственное государство. Был определен верховный правитель с титулом хана. По мере роста государственности Крым приобретал все большее значение в ходе общетатарских дел.

Претендентом на ханский престол явился Хаджи-Гирей. Собственное национальное его имя было Девлет, мусульманское — Бирди, а прозвища Хаджи и Гирей он принял при вторичном занятии престола. Прозвище Гирей было впоследствии принято его сыном Менгли и ста-

ло династическим для всех крымских ханов. Хаджи-Гирей стремился овладеть всем Крымом и, весьма вероятно, заключил с турками формальный договор, по которому уступал им Кафу с территориями горного Крыма — Готией. Свою самостоятельность крымский хан вынужден был доказывать в борьбе против хана Большой орды Сейид-Мухаммеда, которая шла с переменным успехом, а затем и против хана Ахмата. Фактически до 1465 г. Крым подчинялся правопреемнику Золотой орды. Но когда сын Хаджи-Гирея Менгли при поддержке турецкого султана прочно сел на крымский престол, противодействие ханов Золотой орды независимости Крымского ханства стало практически безнадежным. Однако властолюбивый Ахмат-хан не терял надежды распространить свое влияние и на мятежный Крым, особенно это было важно в преддверии его противостояния с Русью.

Сношения с Крымским ханством в XV — начале XVI в. поддерживали практически все государственные образования на территории Северо-Восточной Руси: Тверское, Рязанское, Новгород-Северское, Стародубское княжества. Но особый политический подтекст просматривался в отношениях Крыма с Москвой, поскольку и для России Ахмат был главным противником в борьбе за независимость. Общий враг объединяет — гласит историческое правило. Данный период в жизни обоих государств исключением не стал.

После кровавой борьбы со своей знатью Ахмату удалось возродить сильную ханскую власть в Большой орде. Его владения простирались от Волги до Днепра. Для восстановления цельной золотоордынской власти не хватало полного подчинения Крыма, да и Ивана III надо было заставить «колпак верх вогнув ходить» — у тюркских народов вогнутая шапка олицетворяла вассалитет, так под тяжестью «ханского слова» должна была вогнуться шапка великого князя. К 70-м годам XVI в. Москва становилась все более самостоятельной, и, чтобы прекратить нежелательный для Большой орды процесс, ордынскому хану требовалось достойно «наказать» строптивого московского великого князя. С этой целью летом 1472 г. Ахмат начал поход на северо-запад. Впервые за многие десятилетия против Руси выступили основные силы Орды во главе с энергичным и амбициозным ханом. Возможно, поход Ахмата был вызван прекращением даннических выплат — ордынского «выхода». Направление удара было привычным со времен Тохтамыша — через Оку на Москву, но на пути ордынцев встал г. Алексин. Его героическая оборона сыграла существенную роль в провале попыток броска на столицу, сковав на время крупные силы противника. Три дня, потерянные Ахматом под Алексиным, были использованы русским командованием для выдвижения войск к месту переправы. И хан дрог-

нул, ушел в степи, впервые за всю историю ордынского ига не решившись на сражение с русскими войсками. Но это не было окончательной победой. Приходилось ждать решающего удара, и Иван III наверняка знал, что Ахмат его подготовит, и готовился сам. Нельзя было не считаться еще и с тем, что второй крупный соперник Москвы — польский король Казимир IV, тоже был весьма заинтересован в ослаблении Руси. В сложившихся условиях дипломатия Ивана III много времени и усилий уделяла поискам союзника в борьбе с геополитическими врагами. Им мог стать крымский хан Менгли-Гирей. Крымское ханство с тревогой смотрело на усиление державы Ахмата, на его попытки возродить могущество древней кочевой империи.

Начало официальным отношениям Москвы с Крымским ханством положила миссия русского посла Никиты Васильевича Беклемишева в марте 1474 г. Отправляясь с ответственным заданием — заключить союз с Крымом, Беклемишев не должен был дать даже повода, который позволил бы каким-либо образом ущемить статус Руси — ни слова о зависимости от Орды, договаривающиеся стороны — просто соседи. В наказе послу тщательно были определены его обязанности по возможному заключению союзнических договоренностей. Поскольку не было уверенности в податливости Менгли-Гирея, было предложено три варианта соглашения. Во всех случаях назывались общие враги — Ахмат и польско-литовский король, это не вызывало сомнений. Оставалось лишь определиться с формой взаимодействия. Вот здесь и понадобились варианты. Союз против короля мог стать как оборонительным, так и наступательным, но предусматривал одностороннюю помощь Москве со стороны Крыма. Союз против Ахмата предлагался чисто оборонительный, но двусторонний, т. е. в случае нападения Большой орды Русь и Крым обязывались прийти на помощь друг другу. Обигрывался случай, при котором Менгли-Гирей предложил бы прекратить посольские связи Ахмата и Ивана III. В этом случае посол должен был заявить, что «осподаря моего отчина с ним на одном поле, а кочует подле отчину осподаря много еже лет; ино тому не мощно быть, чтобы межи их послом не ходити». Дело в том, что резкий и бесповоротный разрыв отношений Руси и Большой орды означал бы усиление позиций Крыма в переговорах, поскольку Москве некуда было бы деваться, кроме как заключить союз на условиях крымского хана. Но, не зная его истинных намерений, делать это было опасно. Вместе с тем Менгли-Гирей, подтверждая заинтересованность контактов с русской стороной, дал «шертную» (клятвенно-доверительную) грамоту, по которой стороны обязались пребывать в любви, братстве и мире, «против недругов стоять заодно», «другу другом быти, а недругу недругом...». Грамота

обязывала Менгли-Гирея следить, чтобы его мурзы не совершали набегов в русские пределы, а если таковое произойдет, то виновников казнить, а награбленное и полон вернуть. Провозглашался свободный и беспопынный проезд послов.

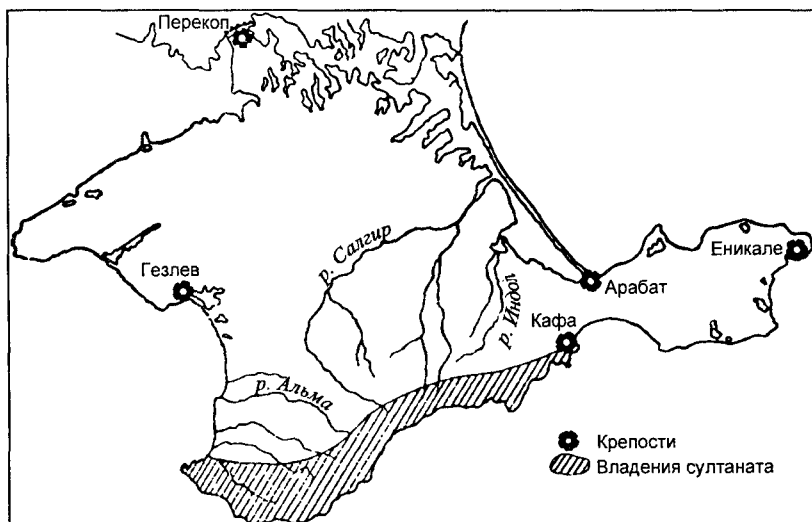
Красивые протокольные слова не должны вводить в заблуждение. «Братство» покупалось богатыми дарами, намеки на которые, а впоследствии и прямые указания, давались в собственных грамотах крымских ханов. Иногда свидетельством «братства» должны были быть кречеты, соболя меха, иногда серебряная посуда или «рыбий зуб». Беспопынный посольский выезд всегда сопровождался богатыми «поминками» (подарками). Они на долгие годы стали неперменным элементом русско-крымской дипломатической практики. «Поминки» не были формой официальной дани, имея видимость сугубо добровольных подношений. Кроме того, с их помощью можно было надавить на политику хана, но лишь в том случае, если они окажутся неизмеримо большими в сравнении с польско-литовскими дарами. В Крым «поминки» отправлялись целыми обозами, везли как меха, так и изделия московских ремесленников: медные котлы, серебряные пуговицы и пр. После взятия Полоцка в ходе Ливонской войны Иван Грозный, стремясь продемонстрировать успехи русского оружия, послал хану «полоцкого взяття», в том числе жеребца в убранстве и двух «литвинов». Чем прочнее становилось положение Крымского ханства, тем больше «поминок» требовалось, чтобы получить ханское благорасположение.

В 1474 г. Менгли-Гирей не был уверен в завтрашнем дне, поэтому более ценными для него в тот период были соглашения с Москвой. И хотя на предложения русской стороны конкретных ответов не последовало, Крым продемонстрировал желание продолжить переговоры. Поэтому Беклемишев в столицу возвращался не один, а с крымским послом Довлетек-Мурзой. Теперь уже великий князь выслушивал интересы противоположной стороны, а они весьма отличались от московских интересов. Поскольку Менгли-Гирей был связан дружескими отношениями с Казимиром IV и не хотел их терять, в его проекте статьи о союзе с Москвой против Польши отсутствовала. Иван Васильевич ясно понимал опасность противостояния на два фронта, и поэтому война против Ахмата была немыслима без уверенности ненападения со стороны запада. Переговоры опять прекратились, но с тем, чтобы переместиться в Крым, куда и направился в марте 1475 г. очередной представитель Посольского приказа Алексей Иванович Старков. Он должен был убедить хана в том, что без сдерживания им Казимира союз и последующая война с Ахматом невозможны, или добиваться обещания Менгли-Гирея, по крайней мере, не помогать Польше. Возможно,

согласие было бы достигнуто, если бы не мятеж, в результате которого Менгли еще «до лета» был сначала свергнут, а после вторжения на полуостров турецких войск султана Мохаммеда II тем же летом подчинился воле османов. Русское посольство Старкова, не выполнив многих поручений, подверглось ограблению и еле «своими головами» выбралось из Крыма.

На этот раз причиной срыва переговоров стала агрессивность Порты. Со времени взятия Константинополя в 1453 г. и прекращения существования Византийской и Трапезундской империй турки безраздельно властвовали на Черном море. Захватив ключевые проливы Босфор и Дарданеллы, они теперь и торговлю держали в своих руках, требуя повышения пошлин, а то и вовсе не пускали корабли через проливы. Больше всех от этих мер страдали Генуэзские колонии, главной из которых была Кафа. Итальянцы от безысходности даже пытались наладить торговлю по суше, что, однако, не смогло компенсировать утрату морского пути. Переменчивую по отношению к Турции политику проводили правители значимого в Восточной Европе княжества Феодоро в горной Готии, но и они страдали от участвовавших в нападениях турецких десантов. В условиях грозящего османского нападения в начале 70-х годов XV в. стороны старались и свои позиции сблизить, и союзников по возможности найти. В 1474 г. Генуя потребовала от управляющих своих колоний восстановления ранее прерванных отношений с Москвой, прекращения территориальных споров с Феодоро, сближения с крымским ханом. Со своей стороны феодоритский князь Исаак (Исайка) искал сближения и с вдохновителем антитурецкого сопротивления молдавским господарем Стефаном III Мушатом, за которого выдал свою дочь Марию, и с великим князем Иваном III, стремясь династическим браком обеспечить себе поддержку Москвы во внутрикрымских делах. Ивану III возможный брак его сына Ивана Молодого с дочерью Исаака мог импонировать, поскольку род мангупских князей еще в первой половине XV в. был связан кровными узами с порфириноносным древом императоров Палеологов и уже лет 50 использовал их символику, в том числе и с двуглавым орлом (Иоанн, сын князя Алексея I, был женат на Марии Асане из рода Палеолог).

После своей женитьбы в 1472 г. на Софье Палеолог браком сына на феодоритской княжне московский государь мог лишний раз подчеркнуть свои права и возможность претендовать на еще реально сохранявший независимость осколок византийского наследства. Кроме того, Москве, как известно, необходимы были союзники в праве отстаивать свою независимость. Через возможный брак происходил зондаж ситуации в Крыму. Известно, что мангупский князь Исаак принимал

Турецкие крепости и владения султана в Крыму (XV–XVIII вв.)

московского боярина Никиту Беклемишева, почтил его и великому князю «дружбу свою чинил», предлагая в жены сыну Ивана III дочь. А когда в Крым отправлялось посольство А. Старкова, ему по этому делу в наказе написали, что поскольку «боярин Никита девку видел», то необходимо благожелательность великого князя засвидетельствовать «поминками» и продолжить переговоры о браке и о приданом: «что взятка с девкою, на колко тысяч золотых?». Однако мы помним, что Старкова отправляли совсем с другой миссией — обеспечить союз с Менгли-Гиреем, который не состоялся по очень существенной причине. Нападение на Крым османского султана Мохаммеда II перечеркнуло все намечавшиеся союзы и сорвало подписание всех возможных соглашений.

Турками были захвачены Кафа, Мангуп, подчинился и Менгли-Гирей. По всему следовало, что наступает пауза в наметившихся было подвигах переговорного процесса Москвы с крымским ханом.

Неудача Ивана III в Крыму объективно ухудшила отношение к Руси и в Большой орде. Ахмат не только не упустил возможность напомнить своему русскому «улуснику» о его подчиненном положении, но и устроил демонстрацию силы, вторгшись в Крым и разгромив Менгли-Гирея. Мечты Ахмата о возрождении былой славы Золотой орды были почти реализованы. Оставалось только закрепить достигнутый успех в соглашении с турецким султаном. Наряду с заверениями в дружбе и

верности в послании содержалось многозначительное напоминание о том, что он — Ахмат — прямой наследник Чингисхана. Однако стремление укрепить свою власть в Крыму в сочетании с великодержавными амбициями сделало невозможным признание его Портой (*Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. М., 1952. С. 112). И он не смог удержаться во власти на полуострове. К весне ставленник Ахмата в Крыму Джанибек был изгнан Менгли-Гиреем, в третий раз ставшим ханом, что открывало перспективу дальнейших русско-крымских переговоров.

Предложение о возобновлении переговоров, прозвучавшее из уст срочно направленного в Крым толмача Иванчи Белого, было благосклонно принято. Менгли-Гирей как никто понимал, что четвертого восшествия во власть может уже и не быть.

Между тем в самой Руси обстановка накалилась до предела поднявшимся мятежом братьев Ивана III — Андрея Большого и Бориса. Самым опасным было то, что они обратились за помощью как к Новгороду, так и к Казимиру IV. Таким образом, внутренний конфликт грозил перерасти в международный, тем более, что активизировались и орденские немцы, зачистившие в пределы Псковской земли. А угроза со стороны Ахмата звучала уже давно и явно. Получалось, что войска Ивану III Васильевичу приходилось держать как на северо-западе, так и на западных рубежах, а также готовиться к главнейшему событию столетия — ратной встрече с Ахматом. Осенью 1480 г. Иван III стоял перед оформленной или неоформленной коалицией врагов: Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами в Лифляндии и Эстляндии, короля Казимира IV, имевшего возможность располагать польско-литовскими силами, и Ахмет-хана, поднявшегося со своей Белой ордой.

Сдюжить одной Москве эту ситуацию не представлялось возможным. Необходимо было интенсифицировать переговоры с Менгли-Гиреем. В апреле 1480 г. в Крым мчится князь Иван Иванович Звенец Звенигородский, имея широчайшие полномочия на заключение двустороннего оборонительного союза против Ахмата и одностороннего оборонительно-наступательного против Казимира IV. Условия заключения союза в основных чертах повторяли наказ шестилетней давности. Пока Звенец исполнял свой посольский долг, Иван III готовился к встрече ордынского войска. Не имея сведений о местонахождении и намерениях Ахмата, великий князь проявил осторожность, и в наставлениях русской миссии в Крым значилось, что если во время переговоров Ахмат будет «на сей стороне Волги», то просить крымского хана срочно выступить либо против Ахмата, либо против Казимира.

Менгли-Гирей, зная о переговорах Ахмата и Казимира, выбирал между нежеланием ссориться с Польшей и страхом и ненавистью к Ахмату. Видимо, пересилило последнее, и исторический договор между Крымским ханством и Московским государством был подписан. Умудренный своими политическими мытарствами, крымский хан подстраховался, и поэтому в договоре особо прописали гарантии безопасного приезда хана в Россию в случае какого-либо «нечастья», под которым прежде всего имелось в виду лишение его в очередной раз ханского стола. Между тем договор Москвы и Крыма давал возможность с большим спокойствием за юго-западные рубежи сосредоточиться на отношениях с Ордой. Впрочем, ни к чему не ведшие переговоры с Ахматом имели лишь одну цель — затягивание времени, и поскольку ордынская сторона это делать позволяла, Иван III понял, что его противник совсем не уверен в своих силах, что вылилось в известное «стояние на реке Угре» в 1480 г., позволившее окончательно стряхнуть с себя ордынское иго. Немаловажную роль сыграло в этом процессе нападение Менгли-Гирея на южную окраину владений Казимира IV, который не решился оставить свои южные рубежи на разграбление крымским татарами и не отправил войска на поддержку своему восточному союзнику Ахмату.

После 1480 г. московско-крымские отношения оставались на прежнем добрососедском уровне — прежде всего за счет продолжающейся борьбы Менгли-Гирея и ордынских царевичей, сыновей Ахмата, за власть и территории, активная фаза которой началась в 1485 г. В этой борьбе русская сторона демонстрировала свои союзнические обязательства. Так, в 1486 г. Москва информировала Бахчисарай о своих конфликтах с Литвой, а позже — о предложении турецкой стороны дружбы с Россией. Надо отметить, что для движения дипломатических миссий, следующих в Порту, крымский хан предоставил свою территорию. Первый посол в Османскую империю Михаил Андреевич Плещеев путь держал вокруг литовских владений прямо на Перекоп и далее на Кафу, чтобы морем отправиться уже в Стамбул.

В 1491 г. последовала и прямая военная помощь Менгли-Гирею. Войска Большой орды Сейид-Ахмета и Ших-Ахмета подошли к Перекопу, но из-за посланных Иваном III в Большую орду отрядов московских ратных людей не осмелились вторгнуться в Крым. «Брани» между ордынцами и русскими не было, но действия Москвы в очередной раз демонстрировали верность договору 1480 г.

После свержения ордынского ига Москва сосредоточилась на геополитической проблеме возвращения западно-русских земель. Для решения ее неминуемо было столкновение с Литвой. В войне с ней

Иван III надеялся на помощь крымского хана. Литовское княжество тоже готовилось к противостоянию и также делало попытки «перекупить» Менгли-Гирея. Для установления союзнических отношений с ним литовский князь Александр Казимирович отправил посольство в Крым. Параллельно литовской миссии на полуостров направился и представитель Ивана III К. Заболоцкий, усилиями которого крымского правителя удалось убедить в том, что «добрая война» и многочисленные «прибытки» с литовским княжеством лучше «худого мира». Да и сам Менгли-Гирей понимал, что пока не окончена война с Ахматовичами, ссориться с Москвой нет никакого резона. Таким образом, акция Александра Казимировича не удалась, и ему пришлось искать поддержку против России у Ордена и у ханов Большой орды. Лучшего дипломатического расклада для Москвы трудно было ожидать. Русским послам оставалось только держать крымского хана в убеждении, что Москва всегда поможет Крыму в случае войны с Литвой.

В русско-литовской войне 1500–1503 гг. Иван III опять воспользовался союзническими отношениями с крымским ханом. У великого князя был план совершить зимний поход на Смоленск. Поэтому в сентябре 1500 г. в Крым выехал Иван Мамонов с наказом уговорить крымского хана нанести удар по Литовскому княжеству. Сам поход на Смоленск не удался из-за выпавшего в большом количестве снега и малого «корму коньского», а вот крымские орды постоянно вторгались в пределы Литвы. Но главные свои геополитические задачи Менгли-Гирей решал не здесь. Он усилил свое наступательное движение на «Ахматовых детей», и Иван III делал все, чтобы поддержать союзника. Когда в начале августа 1501 г. Менгли-Гирей сообщил, что выступает в поход на Ших-Ахмета, то великий князь сразу же послал в поддержку князя В. Ноздреватого и находящегося на русской службе татарина Мухаммед-Эмина. Должны были им помогать и рязанские князья. В мае 1502 г. войска Крымского ханства и Ногайской орды в степях за Перекопом у устья реки Сулы разгромили татар Ших-Ахмета, что повлекло за собой практически прекращение существования Большой орды, а крымский хан становился единовластным держателем северочерноморских степей. На радостях и в верность союзническому долгу Москве крымские царевицы почти сразу же после исторической победы совершили набег на правобережную Украину и Польшу.

Теперь, с развязанными руками, Крым для Москвы становился опасен. Это почувствовали на Западе. В декабре 1502 г. в Москву прибыл посол Владислава Ягеллона — он привез Ивану III грамоту от папы Александра VI и обращение к великому князю кардинала Реджио. Они призывали русского государя вступить в антиосманскую лигу и как

можно скорее заключить мир с Литвой с возвращением ей всех завоеванных земель. Иван Васильевич предложения о войне с Турцией отклонил — не для того строили с ней отношения, а в переговоры о мире с Литвой вступить был готов, но без возврата земель. Вместе с тем терять своего крымского союзника тоже было бы неверно, и чтобы лишний раз заверить Менгли-Гирея в том, что Россия не заключит сепаратного мира с Литовским княжеством, был отправлен в Крым надежный Беклемишев. Русский посол в очередной раз получил признание хана в братских отношениях с Иваном III. Однако постепенно крымско-русский союз стал разваливаться.

«А посошную пошлину не платить...» Оптимистично начинавшиеся при Иване III «братские» отношения между Москвой и Крымом в начале XVI в. уже не отличались радужностью. Более того, при Василии III Ивановиче они резко изменились. Причина этого крылась в том, что Белая орда и хан Ахмат уже не представляли серьезной опасности для Менгли-Гирея. Литва и Польша во избежание частых набегов старались щедро одаривать Крым и в этом значительно опережали прижимистую Москву. В результате Москва оказалась на положении своеобразного должника. А сам крымский хан все более чувствовал себя наследником золотоордынских правителей. Несколько мешало подчинение Турции, но и от нее крымская знать старалась дистанцироваться и по возможности ослабить зависимость Крыма от Порты. Имело место неподчинение ее требованиям, но это удавалось редко: при малейшем непослушании всегда было угрозой смещение с престола и замена другим лицом из числа нескольких десятков представителей рода Гиреев. Отсюда произошла двойственность политики Крыма: с одной стороны, национально-татарские стремления, с другой — посторонние, внешние требования; так было и во внутренней жизни, и в международной политике. Чтобы обеспечить Крыму прямое престолонаследие, Менгли-Гирей учредил сан калги, заместителя султана, но это было только почетное звание, а престол замещался по выбору турецкого султана и Порты и с возможным соблюдением старшинства в роду. В сущности ханская власть в Крыму сделалась отражением власти султана.

А вот в отношении к Москве с начала XVI в. перекопские владыки всячески стремились подчеркнуть зависимое положение русских государей. Так, при следовании послов на аудиенцию к хану им под ноги мурзы бросали свои посохи, требуя плату за право их переступить. Вполне возможно, что подобный обычай — «посошная пошлина» — пришел из ставки Золотой и Белой орд, поскольку русским дипломатам строжайше предписывалось ни при каких обстоятельствах эту пошли-

ну не платить. Если без уплаты они не могли войти в ханский дворец, то им следовало уезжать, так и не повидав хана. Предостережения об этом фигурируют в наказах послам вплоть до конца XVI в. Здесь имели место не меркантильные соображения — несколько лишних подарков московскую казну не разорили бы. Требование «посошной пошлыны» символизировало зависимое положение посла и его государя. Именно поэтому русский посол Иван Мамонов отказался ее уплатить, когда ему предлагали: «Пошлыны на тебе царь не велит взять, а слово ты молви хотя одно то: царево слово на голове держу». Произнести вслух то, что предлагали крымские мурзы, для посла было равносильно уплате «посошной пошлыны» — неприемлемо было ни то, ни другое, поскольку на языке восточной дипломатии формула «держать слово на голове» означала зависимость и подчинение. За мелочами церемониала вставляли проблемы несравнимо более важные: речь в данном конкретном случае шла об окончательном признании независимости Московского государства, завоеванной более чем в двухсотлетней борьбе с Золотой ордой. Если раньше можно и нужно было терпеть многие протокольные унижения в общении с ней, то с Крымским ханством подобное было невозможно. Однако постоянная военная угроза с юга заставляла московских правителей сохранять и в связях с Крымом некоторые нормы посольского обычая, ранее принятые в русско-ордынской посольской практике (Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется». М., 1988. С. 24).

Все более усиливший свою власть Менгли-Гирей использовал любой момент в дипломатических перипетиях, чтобы показать свою значимость. Так, польский король Сигизмунд получил от крымского хана ярлык на право владения некоторыми территориями в Литовской земле, некогда пожалованными еще его дедами князьям Витовту и Казимиру.

Напряженность между Крымом и Москвой между тем не перерастала в явную вражду. И Василий III получил «шертную грамоту» с подтверждением прежнего союза. Однако в 1507 г. крымские татары «пришли воевать» Белевские, Одоевские и Козельские земли — как будто решили проверить русскую боеготовность. Великий князь выслал на «украину» воевод с ратными людьми, и они едва успели отбить обозы с полоном на Верхней Оке. Тем не менее до 1512 г. набег не повторялись. Мир с Крымом нужно было подтверждать непрерывными и все возрастающими «поминками», а также разрешением беспошлинной торговли для крымских купцов в Москве. По мере возможности эти требования московской стороной удовлетворялись.

А в мае 1512 г. крымские ханы снова «воева московскую украин-

ну» — Белев, Одоев, Воротынский, Алексин. На этот раз «лихими героями» были сыновья Менгли-Гирея, и им удалось пограбить «велико» и отступить с большой добычей. В том же году была разорена и Рязанская земля, хотя саму Рязань татарам взять не удалось. В 1515 г. умер Менгли-Гирей. Если при нем еще теплились воспоминания об относительно добрососедстве, то после его смерти русско-крымские отношения стали намного хуже. Причиной тому стали упреки Москве его преемника — Махмет-Гирея, в том, что, дескать, Василий III в ходе русско-литовских войн посмел отвоевать у Сигизмунда Смоленск и другие западнорусские города, т. е. те земли, которые Менгли-Гирей «пожаловал» Литве.

Одновременно с претензиями крымской стороны русским купцам в Крыму стали творить «многие неправды»: от требования подарков по всей субординальной лестнице крымских чиновников до прямого грабежа. Тем самым крымский хан самым простым и доступным способом давал понять, что он ждет от Москвы большего участия в его — крымских — делах, в кои входила, например, помощь со стороны Русского государства в его борьбе с Астраханью. В задачах московского правительства таких мероприятий не значилось. И как следствие снова началось соревнование с Литвой в количестве подарков Крыму. Но усилия великокняжеской казны не спасали от ежегодных набегов. Один из доверенных крымских мурз так назидательно и сообщал: «Все это делается великому князю самому от себя; говорил я, чтобы великий князь столько же присылал, сколько король присылает...». Да что там мурзы! Сам крымский хан прямо вещал, что совсем не ручается за то, что его люди не будут воевать: «Людей своих мне не унять: пришли на меня всю землю, говорят, что не будут меня в том слушаться, а Ширины мимо меня вздумали воевать...». Позиция крымского хана демонстрировала характерную черту политики Крыма как тогда, так и на протяжении последующих веков: несмотря даже на заключенные сторонами «братские» договоренности, крымский хан якобы не мог повлиять на своих мурз и, следовательно, в набегах не виноват; а раз так, то и претензии к нему Москвы безосновательны, а за обиды надо и подарков побольше.

Как видим, ожидать от Крыма соблюдения договоренностей в полном объеме не приходилось, и нужно было принаравливаться к складывавшимся непростым дипломатическим и специфическим военным особенностям московско-крымских отношений. В сущности большая половина XVI в. и ушла на поиски их приемлемой концепции. Каждая посольская миссия Москвы в Крым, каждое столкновение с крымско-татарской ордой были своеобразными шагами в этом направлении.

В 1517 г. крымские татары появились под Тулой. Князья Воротынский и Одоевский, командовавшие русскими отрядами, использовали старую засечную тактику, применявшуюся еще со времен Киевской Руси для защиты от набегов кочевников. Однако пришло время ее видоизменить: по предполагаемому направлению конницы татар дороги засекали до непроходимости, потом пешим ходом московские ратные люди обходили неприятеля с обратной стороны и снова засекали дороги так, что крымчаки попадали в ловушку. Действительно, для конных татар это было смерти подобно. И в описываемом случае под Тулой многие татары, разбежавшись мелкими частями, были побиты, многие утонули при переправе или взяты в плен.

Такие частные случаи политику не определяли и при переговорах учитывались редко. Иногда их просто не замечали, иначе амбиции Мехмет-Гирея потеряли бы свой вес. А он, как и его отец, явно готовил себе роль наследника Золотой орды и в этом стремлении хотел максимально использовать соседнее Московское государство. Хан добивался не только Мещерских земель, которые считал своими, но и помощи Василия III Ивановича в деле укоренения своей власти в Казани. России, только что освободившейся от ордынского ига, совсем ни к чему было усиление наглежащего на глазах Крыма. И поэтому Москва в вопросе о Казани подыграла астраханскому царевичу Шиг-Алею, противнику перекопских мурз. На этот, по сути, прямой вызов Мухаммед-Гирей ответил весной 1521 г. со всей своей прямоотой: Казань отобрал и сел там сам, московского воеводу ограбил и выслал из города, многих из его слуг перебил, а всех крымцев, ногаев и литовские отряды, принявшие участие в набеге, направил к берегам Оки. Перейдя Оку, орды рассыпались для грабежа от Коломны до Москвы. Впервые крымские отряды продвинулись так далеко на север: бунчук ханской ставки был водружен в 15 верстах от столицы, а крымские воины, дойдя до села Воробьева, разграбили великокняжеские погреба. Напор крымского воинства был столь силен, а добыча столь велика, что по пути назад татары как обузу бросали младенцев. По свидетельству австрийского посла С. Герберштейна, для поисков плененных детей Василий III впоследствии отсылал специальные отряды.

Нашествие застигло Василия III врасплох. Поручив оборону Москвы зятю, татарскому царевичу Петру, великий князь бежал в Волоколамск для сбора войска. Дожидаясь подхода войск из Новгорода и Пскова, он приказал начать переговоры с крымским ханом. Приняв дары, Мухаммед-Гирей обещал снять осаду и уйти в орду, «если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя (хана. — М. К.), какими были его отец и предки». Крымцы стояли под Москвой две недели, и за

это время требуемая грамота была доставлена крымскому хану. Получив от Василия III грамоту, Мухаммед-Гирей отошел к Рязани. Несколько недель под городом татары вели с русскими торговлю пленными. Состоятельные люди могли выкупить из плена своих близких. Мухаммед-Гирей сообщил рязанскому воеводе о грамоте, выданной ему Василием III, и потребовал, чтобы тот снабдил орду продовольствием за счет запасов, хранившихся в крепости. Воевода И. В. Хабар попросил предъявить ему государеву грамоту. Как только документ был доставлен в крепость, рязанцы пушечным огнем отогнали татар от стен города. Решительность рязанцев, а также известия о том, что астраханские орды вторглись в Крым, заставили крымского хана уйти в степи. А унижительная для русского князя грамота так и осталась на Руси. На следующий год Василий III был готов встретить своего крымского оппонента на Оке, но тот не пришел, поскольку Крым захлестнули внутренние усобицы. Кроме того, продолжилась борьба за главенство и дележ постзолотоордынского пространства.

Относительное спокойствие продолжалось пять лет, до тех пор, пока в Крыму не уладили свои «замятни». Политическая стабилизация в крымском ханстве привела к беспокойству в Москве, поскольку власть в ханстве разделилась между Сахиб-Гиреем и его племянником Исламом. И оба, называя себя истинными наследниками крымских ханов, требовали от Москвы «поминок». Сахиб-Гирей так и говорил: «Ведь ты нашу землю хорошо знаешь, наша земля войной живет». Как же тут не знать, когда набег продолжались каждый год и волнами накатывали с завидной постоянностью в сезонности: весной после таяния снегов и осенью перед снегами. Причем эта нехитрые действия южных соседей Руси продолжались вплоть до времени присоединения Крыма к России. Российский чиновник XVIII в. И. Цебриков, наблюдая за жизнью крымских татар, отмечал, что, как только наступала весна, «крымцы к бунту по теплоте свободу имели», т. е. по весне всегда готовы были саблями махать да полон брать. Самыми крупными можно считать набеги Сахиб-Гиреевских войск на Оку в 1535 и 1541 гг. В 1542 г. его сын Имин-Гирей напал на Северскую область, но был разбит московскими воеводами. Через два года он же разорил Белевские и Одоевские места.

В таких условиях Москве необходимо было изменить стратегию постоянного удовлетворения возраставших аппетитов Крыма, тем более, что татары «слова не держали». Уместно было наряду с умеренными «поминками» позаботиться о неприкосновенности собственных границ не только военным сдерживанием, но и дипломатическим гарантированием их безопасности со стороны Крыма. Последний нюанс подчеркивался едва ли не в каждом официальном послании хану.

Обозначив условные границы, московское государство не остановилось только на их обороне, а начало ненавязчиво упрочивать присутствие в южном порубежье, доказывая свое военное превосходство. Ускоренное строительство засечных линий и становление станичной и сторожевой службы были тому подтверждением.

«А стояти сторожем на сторожах с конь не сседа...». Редким был год, когда крымские татары не посещали окраины московских и литовских мест. Лишь только в Крыму начиналась весна, они покидали насиженные места и продвигались на север по мере того, как таял снег и в степи появлялся подножный корм. Каждый вел за собой две-три лошади с плетеными корзинами, веревками и ремнями на спинах. Главными маршрутами движения татар были русла рек, поскольку эти места ранее других обнажались из-под снега, обсыхали и покрывались травой. Сама природа, таким образом, указывала кочевникам наилучший беспрепятственный путь. Водоразделы сделались их излюбленными дорогами, или шляхами, по которым они подходили к порубежью.

Главным шляхом был Муравский. Начинаясь от Перекопа, он шел по водоразделу сначала между Днепром и Донцом, а затем между Окой и Доном и упирался прямо в Оку около Серпухова. Другой путь — Изюмский — считался вспомогательным, ответвлением Муравского. Он пересекал Донец около Изюмки, шел далее между Донцом и Осмолом и, обойдя Донец, соединялся опять с Муравским шляхом. Севернее, в верховьях Быстрой Сосны, с этим же шляхом соединялся Калмиусский шлях, шедший от Азовского побережья через р. Донец, а потом между Осолом и Доном. По водоразделам правых притоков Дона и левых притоков Донца, левых притоков Дона и правых Хопра и Оки проходила Ногайская дорога, которая пересекала верхний Воронеж и Дон, соединяясь с Муравским шляхом.

К польско-литовским территориям вели Черный и Кучманский шляхи, использующие водоразделы между Днепром и Южным Бугом и между Южным Бугом и Днестром. Оба они приводили к Львову.

Как только до первых селений оставалось два дня пути, татары получали приказ «Пуститься вскачь!» или двигаться галопом. Вот как описывает вековой татарский строй турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби: «Тотчас народ татарский оседлывает коней своих отборных, и вскачь пускает, кони же те, ячменем откормленные, сил набраться смогли и в наилучшем состоянии находятся. Если же кто тогда с коня упадет, то спасения ему не будет: затопчут его копыта конские, и смерть ему, ибо татары не имеют обыкновения оборачиваться или оглядываться вослед. Кони их по десять или по пятнадцать арканами за хвост друг

Набеги крымских татар в русские земли в XVI в.

к другу привязаны, и один другого тянет, а если же конь в сутолоке такой на землю падает, не подняться ему больше, и под копытами он погибает. О спасении же человека, который с коня упал, тем более речи быть не может, ибо будь то человек или конь, копытами конскими стерт будет, и только кровавые лохмотья от него останутся».

Подойдя к русским селениям, татары обычно рассыпались мелкими отрядами, или загонами, и старались взять побольше всякого добра, сопровождая свое движение пожарами и убийствами. «Гяуров, там проживающих, берут они в ясыр (плен. — М. К.) и страдания им причиняют. Взрослых и детей, седовласых и девиц, многие причиняя им муки, превращают в невольников со спутанными ногами, несчастных, замученных и в кандалы закованных. Тех, которых в неволю берут, кормят они шкурой конской и конскими внутренностями. Детей и жен-

щин всех гяуров уводят в землю магометанскую, где находят они спасение свое в исламе» (*Челеби Эвлия. Книга путешествий. Симферополь, 1996. С. 52, 63–64*). Захватив женщин и детей и что поценнее из имущества, татары взваливали все это на спины запасных лошадей, притягивали плотно ремнями и веревками и быстро мчались обратно в степь. В Кафе и Суроже их уже поджидали купцы, скупавшие живой товар и добычу.

Иногда татары являлись не весной во время пахоты, а летом во время уборки хлебов. Иногда, используя удачную для себя внешнеполитическую обстановку, татарские орды, возглавляемые ханом, вторгались далеко вглубь территорий русской оседлости даже зимой. От их нападений небезопасно было даже в самой Москве. Именно поэтому в XVI и XVII вв. ее укрепляли каменными и деревянными стенами и земляными валами. И каждый год в столице составляли росписи, кому из обывателей, где и с каким оружием стоять при появлении татар.

Сложившееся исторически соседство Руси с Крымским ханством к середине XVI в. продиктовало границы русской оседлости, которая к югу от Оки была крайне неустойчивой. Но после разгрома и покорения Казанского и Астраханского царств Русское государство получило возможность сосредоточить на южном фронте больше сил, чем прежде, и с большим успехом организовать оборону. Сама природа до известной степени подсказала русскому человеку способы успешной борьбы с ордой. Татары проникали на территории русской оседлости по степным водоразделам, которые клиньями, языками врезались в лесную область. В свою очередь, лесные полосы вдоль рек заходили в степь. Русский человек и пошел в степь навстречу татарину, цепляясь за лесные места, воздвигая в них укрепления и стараясь подстергать татарина на его торных дорогах, пересекать ему эти дороги. Таким образом, в черноземную «дикую» степь русских людей направляли не только хозяйственно-экономические побуждения, но и инстинкт народного самосохранения, мобильная военно-оборонительная тактика.

В той или иной степени так называемые засеки — заграждения из срубленных деревьев — использовали еще со времен Киевской Руси, преграждая путь кочевникам. Поскольку леса южнее Киева росли только островками, то и засеки были редки и носили вспомогательный характер. Сокрушительные набеги татар сдвинули русское население на север, и леса стали почти сплошной полосой-границей. С возникновением централизованного государства появилась необходимость в единой системе для обороны протяженных рубежей от продолжавшихся и усиливавшихся набегов степняков. Для этого в лесной местности сооружались сторожевые линии шириной в несколько километров. Они

состояли из участков естественных заграждений — рек, лесов, болот, озер, оврагов, и искусственных — лесных завалов, земляных валов, рвов, частоколов, вбитых в дно реки кольев. Специфика установки завалов требовала умения и кропотливости. Деревья подрубали наполовину ствола и заваливали в сторону неприятеля. Вершины этих деревьев заостряли. Чтобы завал труднее было разобрать, ветки деревьев сплетали и связывали веревками из коры. Растащить деревья завала было чрезвычайно сложно, поскольку мешали корни, от которых стволы не полностью отрубали. Лес, по которому проходила засека, имел межевые границы, назывался заповедным и строго охранялся. Запрещались не только охота и рубка древесины, но и въезд (вход), чтобы «не накладывать стежек», не торить тропы.

Засечные полосы, как правило, соединяли в единое целое линию порубежных городов и острогов. Остроги строились в виде деревянных крепостей с башнями и воротами, обычно они устанавливались на пересечении линии засеки и дорог. Нередко остроги становились градообразующими. Города исторически окружались рвами, валами. Перед рвами врывали в землю надолбы — заостренные бревна в человеческий рост — с тем, чтобы они не только служили укрытием для ратных людей, но и препятствовали продвижению конницы. Чтобы дойти до надолбов, неприятелю необходимо было преодолеть еще один неприятный участок: с небольшими вбитыми в землю заостренными копиями — частиками.

Строились оборонительные сооружения Русского государства по мере увеличения угрозы со стороны крымских степей. Охлаждение отношений между Москвой и Крымом, произошедшее при Василии III Ивановиче, привело к интенсификации строительства засек, и великий князь в 1512 г. «утвердил землю свою заставами». Но, поскольку не было единой концепции защиты, заставы на то время представляли собой лишь фрагменты будущих мощных заслонов степнякам. К тому же их можно было обойти, чем и пользовались крымские ханы.

Внешнеполитическая активность Сахиб-Гирея в 30-е годы XVI в. привела к новому витку засечно-строительного бума. На этот раз акцент был сделан на взаимосвязанности всех оборонительных элементов. Река Ока и стоящие на ней города — Муром, Касимов, Переяславль Рязанский, Коломна, Кашира, Серпухов, Алексин, Калуга, Перемышль, Белев, Одоев, Тула, Мценск, Козельск, становятся первой линией обороны Московского государства с южной стороны.

В 50-е годы, после овладения волжским путем, колонизация правобережья Оки становится более поступательной и уверенной. На реке Шати, почти на Ногайской дороге, был построен Шацк, на реке Хупте, в

окружении лесов и болот, город Рязск (Рязск). Сдавливая Муравский шлях с двух сторон, встали русские города: на западе — Крапивна, Чернь и Орел (на верхней Оке), на востоке — Делилов, Епифань и возобновленный Донков (на верхнем Дону). Эти новые города вместе с прежними, возникшими к югу от Оки, составили новую оборонительную линию, которая шла от Путивля до Волги, включая в себя Новгород Северский, Путивль, Рылск, Карачев, Орел, Новосиль, Мценск, Чернь, Крапивну, Тулу, Рязск, Шацк, Кадом, Темников, Алатырь и др. Новые «украинные» города были средоточиями местной и пришлой вооруженной силы, форпостом от нападения татар. Теперь часть московской рати передвинулась с берега Оки из-под Серпухова, Каширы и Коломны на юг и, расположившись в укрепленных городах, была готова встретить на шляху татарские полчища, преградить им путь, сжать их с флангов, перерезать на части. «Украинные» города стали базовыми для широко организованной сторожевой и станичной службы в степях и лесостепях.

В начале 70-х годов на ее реорганизацию были направлены лучшие кадровые и технические ресурсы. Руководство было поручено князю Михаилу Воротынскому, опытному воеводе, неоднократно командовавшему московскими ратными людьми в самых сложных условиях противостояния с крымскими татарами. М. Воротынский после изучения документов Разрядного приказа вызвал с «крымской украины» служивых людей — кто имел большой опыт по охране границы, вплоть до тех, кто давно покинул службу по старости или увечью, но «наперед того в станицах и на сторожи езживали или в плену были, и ныне из плена вышли». Обстоятельно расспросив опытных служивых людей, «как бы государеву станичному делу было прибыльнее», князь Воротынский «приговор велел писать». Одновременно на границу были посланы «станичные головы», чтобы убедиться в правильности расстановки сторожевых застав. По окраинным городам ездили с той же целью воеводы и дьяки Разрядного приказа.

После полуторамесячной напряженной работы появляется «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе»: «Лета 7079 февраля в 16 день по государеву, цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси приказу, боярин, князь Михайло Иванович Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и с станичники о путивльских, и о тульских, и о рязанских, и о мешчерских станицах, и о всех украинских, и о дальних, и о ближних, и о месячных сторожах, и о сторожах из которого города и которому урочищу станичником податнее и прибыльнее ездити, и на которых сторожах и из которых городов и по кольку человек сторожей на которой стороже ставити,

которые б сторожи были усторожливы от крымские и ногайские стороны, где б было государеву делу прибыльное и государевым украинам было бережнее, чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили, а станичником бы к своим урочищам ездити и сторожам на сторожах стояти в тех местах, которые б места были усторожливы, где бы им воинских людей мочно устеречь. А стояти сторожем на сторожах с конь не сседа, переменяясь и ездити по урочищам, переменяясь же, на право и на лево по два человека по наказам, каковы им наказы дадут воеводы».

Пограничную службу на «крымской украине» составляли сторожи и станицы. Сторожа — постоянная застава, за которой закреплялось 30–50 верст степной границы. Обычно на ней несло службу до десятка сторожей. Часть их стояла дозором в каком-нибудь укромном, удобном для наблюдения месте, а остальные по двое ездили по степи. Сочетание неподвижного дозора со сторожевыми разъездами позволяло прикрыть немногими людьми значительный участок границы: если крымцы незаметно проскальзывали мимо дозора, следы крымской конницы — «сакму» — обнаруживали разъезды.

Подвижные сторожевые заставы — станицы — состояли из четырех-шести всадников, которые непрерывно ездили вдоль границы, отыскивая татарские «сакмы». Маршруты станичников были намечены так, чтобы, пересекаясь, они охватывали всю степную границу. Проскочить незамеченным конному было сложно.

Особое внимание уделялось безопасности сторожей и станичников при несении службы. «Станов им не делать, и огни класть не в одном месте. Коли кашу сварить, и тогда огня в одном месте не класть дважды. А в коем месте кто полдничал, в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдничать». Завидев пыль от коней надвигающихся кочевников, сторожа подавали знак напарнику и обязаны были послать гонца в ближайший пограничный город, а сами продолжать наблюдение. «Приговор» обязывал их также «сзади крымских людей на сакмы ездить и по сакмам и по станам людей измечать», чтобы выяснить численность врага. Кроме того, они должны были узнать, «на которые государевы украины воинские люди пойдут», и лишь «про то разведав гораздо, самим с вестями спешить к тем городам, на которые воинские люди пойдут». Особое внимание уделялось подлинности «вестей». Устав строго-настрого предупреждал: «не быв на сакме и не сметив людей и не доведовся допрямо, на которые места воинские людей пойдут, станичникам и сторожам с ложными вестями не ездить»!

Впрочем, каких-либо наказаний за «ложные вести» устав не предусматривал. А вот за самовольный отъезд сторожей и станичников

со службы наказания предусматривались очень суровые: «А которые сторожа, не дождавшись себе смены, со сторожи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинится война, и тем сторожам быть казненными смертью». За каждый лишний день служилые люди получали с припоздавшей смены «по полуполтине на человека на день».

Правильность несения службы контролировали воеводы и станичные головы. Если выяснялось, что «они стоят небрежно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, а хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то бить кнутом». Строгость вполне объяснимая: любое «небрежение» пограничной стражи могло привести к тяжким последствиям, неожиданные крымские набеги сопровождалось разорением целых волостей и захватом многочисленных пленников.

Продолжительность службы на границе была регламентирована. Каждая сторожа должна была «стоять с весны шесть недель, а по осени по месяцу». Первая станица выходила на службу 1 апреля, а последняя заступала 15 ноября. Станицы объезжали свой участок границы в течение 15 дней, да еще две недели были в резерве в своем пограничном городе, чтобы прикрыть границу, если «которую станицу разгонят» напавшие татары. Главной заботой составителей «приговора» была организация сторожевой службы на всем протяжении границы, чтобы «однолично сторожи без сторожей не были по весь год ни на один час, доколе большие снега не укинут...».

Каждый участок границы, на котором стояло несколько сторож и станиц, возглавлялся станичным головой. В его распоряжении был отряд «детей боярских» до 130 человек. «Польская служба» считалась трудной и опасной и требовала соответствующей оплаты. «Станичным головам, которые ездят на поле в станицы, давать проезжего по четыре рубля, а детям боярским, которые ездят с ними в станицы, давать проезжего по два рубля человеку». Всего в документе фигурирует 73 сторожи, которые объединялись в крупные участки: «донецкие сторожи», «путивльские ближние сторожи», «сторожи из украинских городов», «мещерские сторожи» и т. д.

Свои особенности имела сторожевая служба на «засечной черте». На высоких деревьях сооружались караульные площадки; к таким «призначным деревьям» было велено «лестницы поставить, чтобы видеть с деревья от караула до караула». Увидевший врага дозорный поджигал стоявшие кузова со смолой и берестой и над площадкой поднимался столб огня и черного дыма, хорошо видные издали днем и ночью. В безлесных местах караульные площадки устраивали на деревянных баш-

нях. От башни к башне, от наблюдателя к наблюдателю сообщение передавалось в столицу. Все высокие сооружения в городах так или иначе приспособливали под караульную службу, как, например, построенную в конце XVI в. колокольню Ивана Великого. Поскольку особо пристально следили за сигналами с юга, то дыма ждали от дозорного, располагавшегося под куполом башни Дуло Симонова монастыря, стоявшего на берегу Москвы-реки. В свою очередь, сигналы туда шли от караульни под главой церкви Вознесения в Коломенском. Дозорный из Коломенского принимал сигналы от наблюдателя церкви Преображения в селе Остров.

Постоянно были наготове гонцы, извещавшие население о появлении степняков. Воеводы приказывали «бить по набату и в сурну играть», созывая под защиту крепостных стен посадских жителей.

Основные положения «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе» действовали более ста лет. Однако на самом первом и сложном этапе становления пограничной службы — в годы максимального давления со стороны Крымского ханства, поддержанного Османской империей в 70-х годах XVI в., не до конца построенные укрепления просто не успели сыграть решающей роли. Но уже после отражения посягательств Девлет-Гирея на территории и независимость Московского государства вместе с совершенствованием сторожевой службы увеличилось строительство новых засечных линий. В царствование Федора Ивановича граница России передвинулась еще южнее и для ее охраны были построены новые крепости: Кромь, Ливны, Оскол, Воронеж, Белгород и Валуйки. Не случайно французский «солдат удачи» Жак Маржарет, бывший в России в начале XVII в., обмолвился, что москвиты «на татарских равнинах построили много городов и замков, чтобы помешать вторжению татар».

«Дружбы подарками не покупают». Новый виток напряженности был связан с внешней политикой Ивана Грозного. Чтобы обезопасить государство с востока и юго-востока, а также интенсифицировать волжскую торговлю, Москва военным путем подчиняет себе Казанское и Астраханское ханства, лишив тем самым крымских ханов возможности вечно спекулировать золотоордынским происхождением и в связи с этим правом владения Казанью и Астраханью. Обеспокоенный усилением Русского государства, крымский хан Девлет-Гирей, используя занятость русских войск на казанском направлении в 1552 г., направляется к Туле, чтобы в перспективе напасть и на Москву. Предприятие Девлет-Гирея не увенчалось успехом, крымские войска были разбиты, а в погоне за ними «отполонили» русских и взяли «телеги и

верблюдов много». Но, несмотря на поражение, хан затеял переписку с Москвой, в которой «по духу и обычаю своему» жаловался Ивану Васильевичу о малом количестве московских «поминок». На что царь сообщил ему, что дружбы подарками не покупает.

55-й и 56-й годы явились своего рода переломными в определении взаимной тактики поведения между Москвой и Крымом. Девлет-Гирей обычно с большим войском шел к московским «украинам», доходя до Тульских и Рязанских рубежей, а иногда и дальше. Однако вступать в столкновение с русским войском не решался и сражения избегал, довольствуясь полоном и награбленным. Впрочем, зачастую татары, отступая, не только полон оставляли, но и сами были вынуждены свой обоз бросать, включая самое ценное для них — запасных лошадей. Их число иногда достигало 60 тыс., как это произошло летом 1555 г. под Тулой и Рязанью.

Москва, памятуя о «слове нетвердом» крымского хана, тоже видоизменила политику охраны окраин. Вместе с развивающимся засечным строительством стали использоваться мелкие упреждающие и отвлекающие удары. В качестве исполнителей выступали отдельные отряды московских ратных людей, а также казаки — сначала привлекали днепровских, а потом и донских. Казаки со временем стали получать не только реестровую плату, но и «карт-бланш» действий, лишь бы они были против крымских татар. В сущности, русскими была перенята тактика самих перекопских татар. Так, еще в 1522 г. рейды в крымскую землю казаков нанятого русским правительством Евстафия Дашковича привели к дестабилизации ситуации в ханстве, что Москве было только на руку. Весной 1558 г., предвосхищая появление татар, на Северский Донец было направлено «малое войско» запорожских казаков под началом Д. И. Вишневецкого. Не ожидавший его Девлет-Гирей вынужден был ретироваться за Перекоп. К зиме прозорливый хан, зная о начавшейся Ливонской войне, поспешил к Москве, но присутствие в Белеве Вишневецкого, а в Рязани Ивана Шереметева заставило его вновь повернуть на юг. В 1559 г. активность русских в степных землях была настолько очевидной, что едва ли не впервые за последние годы в Москву приходили крымские послы не только с обычными «поминочными» запросами, но и с жалобами на нападения московских людей на крымские земли. Иван IV Васильевич на жалобы отвечал с достоинством сильного правителя, знающего цену своему слову: когда будут добрые дела между нами, тогда никто не будет нападать на Крым, а хан пусть сам думает, что для него лучше — вражда или мир. Но более всего удручали Девлет-Гирея упоминания царя о том, что русские люди узнали дорогу в Крым «полем и морем».

Иван Васильевич не лукавил. В 1559 г. отправленный на Дон князь Вишневецкий побил под Азовом крымских татар, шедших на Волгу. Окольный Данила Адашев, добравшись до устья Днепра, далее отправился в Крым, где не только «пустошил» территории, но и освободил русских и литовских пленных. Число походов на Крым возрастало, и не все из них санкционировались Москвой. Охотно к этим мероприятиям подключались казаки. В целом данная политика не была направлена на провоцирование широкомасштабной войны с Крымским ханством. Ее значение заключалось в активном противостоянии Крыму ради безопасности собственных рубежей. Однако военные действия на северо-западе России в рамках Ливонской войны вынуждали Ивана Грозного вести более взвешенную дипломатию в отношении крымского хана — во избежание ведения войны на два фронта. Памятуя о том, что «татарину друг тот, кто ему больше дает», Иван IV Васильевич в 1563 г. отправил на полуостров большую миссию под руководством Афанасия Нагого с богатыми дарами, а в столице в знак особого уважения к крымским послам в 1564 г. устроил после обеда пир, чего раньше не бывало.

По большому счету между Москвой и Польшей с Литвой шла борьба за союзника — крымского хана. Русский царь стремился иметь в лице Девлет-Гирея если не прямого союзника, то хотя бы врага своим геополитическим оппонентам. Но даже в этом стремлении обезопасить государство с юга договор с крымским ханом не мог быть заключен любой ценой. Афанасий Нагой должен был проследить, чтобы хан ни в коем случае не приложил к грамоте с текстом договора «алого нишана» — печати, оттиснутой на красном воске. По имевшим место тогда протокольным традициям грамоты договорные, выражавшие обоюдное согласие, скреплялись печатями вислыми, на шнуре. Если бы крымская сторона приложила красную печать, то договор декларировал бы не двустороннее согласие, а лишь ее волю. Допустить на тексте договора «красный нишан» означало бы для Ивана Васильевича признать свою зависимость от Крыма. Кроме того, важным моментом переговоров был вопрос о «пошлине». Именно ее требовал крымский хан у Москвы под названием «Махмет-Гиреевских поминок». Видимо, она истолковывалась как дань. Для Московского государства даже в сложных военно-политических условиях это было неприемлемо. Поэтому Нагой решительно заявлял, что «в пошлину государь мой не пришлет никому ничего». Ни обещания, ни тем более уплаты пошлины не последовало, а вот количество подарков впоследствии пришлось неоднократно удваивать. Но это не склонило несговорчивого хана к позиции России. Да и сами подарки были «перебиты» польско-литовскими дарами. Переговоры зашли в

тупик, и политика Девлет-Гирея качнулась в сторону Польши. Хан стал требовать у послов невозможного: уплаты дани и возвращения Казани и Астрахани. Становилось ясно, что смелость Девлет-Гирея происходит не только от «дружбы» с польским королем. Ее природа крылась в политике Османской империи, направленной на активное зондирование политической ситуации на Северном Кавказе, в Поволжье и на Дону. Для русской дипломатии сей факт шокирующей новостью не стал.

В течение первой половины XVI в. шла активная дипломатическая война, сводившаяся к тому, чтобы сколотить блок Крымского, Астраханского, Казанского ханств под покровительством Турции против России. Еще в 1519 г. московский посол А. Голохвастов присылал из Азова сведения о том, что турки решили приступить к завоеванию черкесской земли, для чего хотят построить город в устье Кубани. Султан приказал крымскому хану отправить туда 8 тыс. человек. Одновременно турки предприняли попытки воспрепятствовать утверждению на Дону русских сил, стремясь захватить в свои руки донскую торговлю вплоть до Переволоки и Воронежа.

Опасность завоевания Турцией, подкрепленная постоянными набегами на Северный Кавказ крымских ханов, сильно встревожила «черкасских князей», вплоть до обращения их в 1552 г. к московскому царю, чтобы «взял себе в холопи и от крымского хана оборонил». При этом «крест государю целовали на том, что им всею землею черкасскую служить государю до своего живота: куда их государь пошлет на службу, туда им и ходить».

Активизация Османской империи не могла не вызвать адекватных действий со стороны России. Решительно взяв Казань и впоследствии Астрахань, Иван Грозный обозначил свои интересы в этом регионе. Но действия турок от этого менее навязчивыми не стали. В таких условиях любой союзник в ключевом для Москвы северокавказском регионе был важен. Так после нескольких взаимных посольств созрел договор о военно-политическом союзе Москвы и Кабарды. Последняя обязалась ежегодно выделять для московского войска около тысячи породистых лошадей-аргамаков, а в военное время — 20-тысячную конницу. Договор был скреплен в 1561 г. браком Ивана Грозного с дочерью кабардинского правителя Темрюка Идарова Гуашеней (Марией).

Таким образом, Москва не только знала о потугах Турции к влиянию на Северном Кавказе и в Поволжье, но и по возможности готовилась препятствовать реализации ее глобальных планов. А они действительно впечатляли. Так, в то время, когда царь Иван готовился к выступлению под шведский Ревель и работал над планом создания Ливонского королевства, турецкий султан Селим II, по проекту великого

визиря Магомета Соколли, решил в 1569 г. захватить поволжский низ и азовско-каспийский путь в Персию и на Восток. Турецкий султан задумал овладеть Астраханью, для чего была снаряжена экспедиция, задачей которой было подняться до Переволоки, построить канал и связать им Дон и Волгу, а затем по нему и Волге спуститься к Астрахани. Крымскому хану и его 50-тысячному войску в этих мероприятиях отводилась роль щита. Затея оказалась утопичной. Турки не смогли переправить галеры с тяжелой артиллерией на Волгу и вернули их по Дону в Черное море. От Переволоки турки и татары вышли к Астрахани, но не осмелились штурмовать Заячий остров, на котором располагалась крепость. Вzbунтовавшиеся янычары отказались зимовать в Поволжье, и после десятидневной стоянки турецкая армия отступила к Азову. Во время перехода по безводным степям Северного Кавказа «кабардинской дорогой» турки понесли большие потери от голода и недостатка воды. До Азова добрались лишь жалкие остатки сильной и многочисленной турецкой армии. Гибель турецкой армии не привела к прекращению турецко-татарской экспансии, направленной против России. Решительность турок ее осуществить сильно беспокоила Ивана IV, готового соглашаться на любые подарки крымскому хану и даже территориальные уступки. Однако непреклонность Девлет-Гирея выжать из ситуации, сложной для Москвы, максимум пользы для себя, подкрепленная категоричными требованиями турецкого султана отдать Казань и Астрахань, не приводили стороны к какому-либо согласию.

Другой удар в 1571–1572 гг. был направлен прямо на Москву — Москва должна была стать турецкой провинцией. Но действовал против нее только один крымский хан, поскольку в 70-х годах внимание Турции было отвлечено на восток борьбой с Персией. Весной 1571 г. Девлет-Гирей начал демонстрировать свою решимость, собрав около 40 тыс. войска крымцев и ногаев. Основные силы России тогда были сосредоточены в походе на Ревель, и посему на оборону окских рубежей приходилось порядка 6 тыс. ратников. Под Кромами Крымская орда «перелезла» Оку и в обход занятого опричниками Серпухова подошла к Москве. Однако в сам город татары войти не смогли, ограничившись лишь сожжением посадов и грабежом Земляного города. Тем не менее главные силы Девлет-Гирея отошли с колоссальной добычей. Крымский посол в Литве хвастался, что «ханские люди» в Московии убили 60 тыс. человек и еще столько же увели в плен. Русские земли от Оки до столицы были страшно разорены. Самой столице потребовалось около двух месяцев, чтобы очистить улицы от обломков. С поля хан прислал в Москву гонца. Обращение Девлет-Гирея к царю было выдержано в грубых и высокомерных тонах: «И хотел есми венца твоего и гла-

вы, и ты не пришел, и против нас не стал. Да и ты похваляешься, что-де, яз — Московский государь, и было б в тебе срам и дородство, и ты бы пришел против нас и стоял». В качестве «поминок» посланец вручил самодержцу нож. Грозному пришлось смирить гордыню. Не желая втягиваться в длительную войну с такими сильными противниками, как Турция и Крым, он уведомил хана, что готов «поступиться» Астраханью, если тот согласится заключить с Россией военный союз. В Крыму уступки царя посчитали недостаточными, и предложения о союзе отклонили (*Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2001. С. 287–288*).

Дальнейшим развитием событий явился мятеж против Москвы в Казани и Астрахани, после чего ногайцы поспешили разорвать отношения с Россией. А Девлет-Гирей готовился к новому нашествию. Теперь он мечтал о полном завоевании России, и накануне похода заявлял своим мурзам, что едет в Москву на царство для восстановления ига «как при Батые». Последовали и раздачи земли — так когда-то Чингисхан отдавал в наследство еще не завоеванные улусы. Турецкому султану Девлет-Гирей обещал завоевать Россию в течение года, а Ивана Грозного пленником привести в Крым. Все было против России: и продолжающаяся Ливонская война, и малочисленность войска на южных рубежах, и пострадавшие в пожаре многие укрепления. Может быть, единственный фактор играл на Россию: на порубежье крымского хана ждали и были уверены в повторении его набега, а следовательно, врасплох русских уже было не застать. Да и подготовка к отражению нашествия началась еще осенью 1571 г. Русские сторожевые посты выжгли сухую траву на огромном пространстве степи между Донковым, Орлом и Путивлем, лишив тем самым крымское войско подножного корма для коней. Это обстоятельство заставило Девлет-Гирея перенести выступление на начало следующего лета — до новой травы.

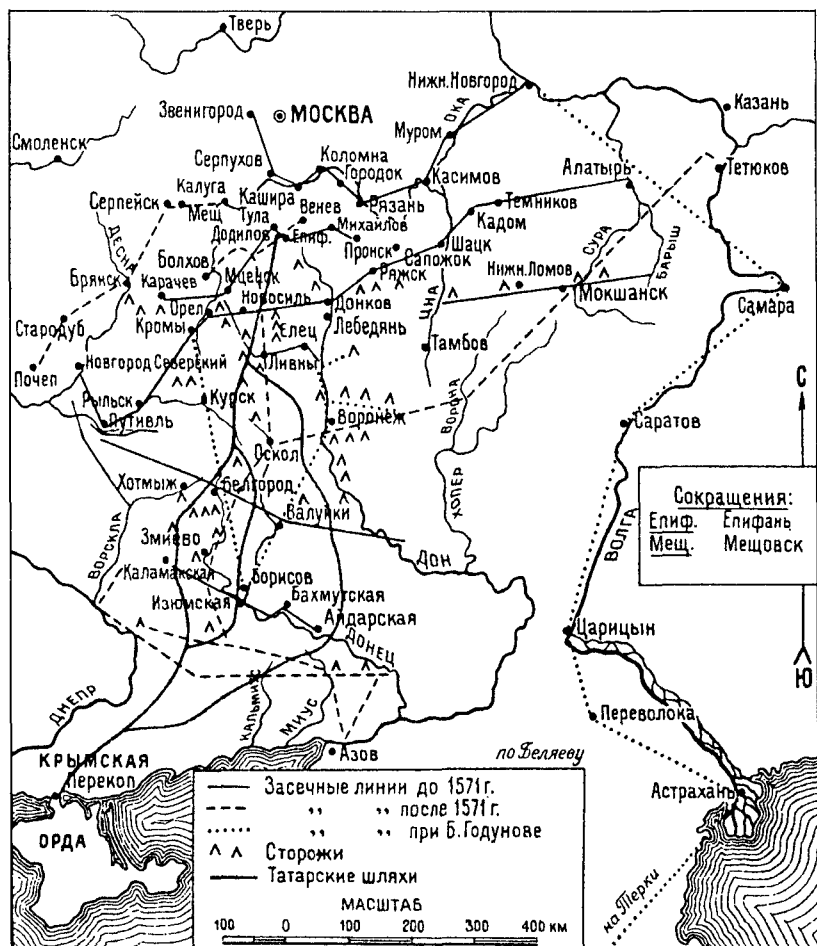
«Большой воевода» Михаил Воротынский, руководивший всей окской обороной, сделал ставку не на прямое столкновение войск (вследствие малого количества московских ратных людей), а на срочно создаваемые укрепления по берегу реки. Разрядный приказ в своих наказах запрещал воеводам сходить с ханом «на полях без крепостей». За короткое время весь берег был укреплен с помощью «посошных людей» и местных крестьян. Против бродов и «перелазов» через реку поставили пушки. «Ока была укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми князей и бояр из их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шан-

цами и стрелять (из-за них. — М. К.) по татарам, когда те переплывали реку» (*Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. М., 1925*).

Главными оборонительными рубежами стали города Коломна, Таруса, Калуга. Кроме того, активно использовался «гуляй-город» — передвижная, на санях или колесах, крепость из толстых деревянных досок, загодя сбитых в переносные щиты. Щиты можно было транспортировать на санях или телегах и быстро собирать в двойные стены, в двухметровых промежутках между которыми, как правило, располагались стрельцы. Используя стрелковое оружие и артиллерию, «гуляй-польцы» могли эффективно выдерживать любой натиск врага. Более того, при необходимости «гуляй-город» мог приобрести вид любой геометрической фигуры (как правило — круга) и производить оборону в окружении, а также растянуться в линию и обеспечить прикрытие фронта до 10 километров. Московские воеводы использовали против крымских татар еще и «окскую судовую рать», состоявшую из укрепленных высокими бортами стругов, готовых маневрировать по Оке и Угре.

И все же эти «береговые» приготовления не смогли сыграть решающей роли при, пожалуй, главном набеге крымских войск последнего времени — 26 июля 1572 г. В этот день Девлет-Гирей, минуя тульские укрепления, подошел к берегу Оки. Центральным местом событий первых дней стал Сенькин брод — по нему с налету пытались форсировать реку крымские авангарды, но надежные заставы встали перед ними стеной. Тем не менее под прикрытием турецкой артиллерии основные силы хана захватили брод, после чего началась общая переправа орды. «Берег» был прорван, неприятельская конница потянулась к Москве.

Михаил Воротынский решает фланговыми ударами задержать их продвижение, навязывая локальные сражения еще до подхода к столице. Новая тактика русских, таким образом, вынуждала татар остановиться под угрозой удара с тыла. Торможение общего ханского движения к Москве позволило основным силам русских перегруппироваться с учетом новых военных условий. Настигнув главные ханские силы, московские отряды заставили Девлет-Гирея сражаться на заранее выбранной позиции при Молодях, куда постепенно стягивались русские полки. Кроме того, при Молодях был успешно развернут «гуляй-город». С 30 июля по 2 августа предпринимаются приступы, во время одного из них в плен попадает главнокомандующий ханским войском Дивей-мурза, а затем погибают и некоторые видные мурзы, включая ханских сына и внука. Русские использовали и военную хитрость: сначала в татарский лагерь была подкинута ложная грамота о движении больших полков под руководством Ивана Грозного, после чего было имитировано их прибытие. Крымцы побежали, оставалось их только

Засечные линии и сторожи при Иване IV и Борисе Годунове

преследовать. 3 августа на Оке были разбиты последние крупные орды.

Военное поражение Девлет-Гирея было сокрушительным. Но более важным оказалось геополитическое значение этого события: победа русского оружия при Молодях не позволила совместным силам Османской империи и Крымского ханства распространить господство в Поволжье, ослабить Московское государство и продолжить экспансию в Европу с востока.

Несмотря на разгром, Девлет-Гирей не был бы крымским ханом, если бы не написал сразу же после него: «И ныне по прежнему нашему слову, меж нами добро и дружба быв, Казань и Асторохань дашь — другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду... А Казань и Асто-

рохань наши юрты были. Из наших рук взял еси; и ныне назад нам не хотите отдати; однолично мы о тех городех до смерти своей тягаться нам того у вас...». Но все-таки упрямый крымский хан должен был пересмотреть свою политику по отношению к Москве, и его аппетиты со временем были уже не столь велики. Отряды перекопских татар появлялись на рязанских и других окраинах Московского государства для грабежа и полона. Однако «скромные» набеги были продолжены уже не в завоевательных и амбициозных целях, а скорее для поддержания прожиточного минимума ханства.

Когда в 1577 г. Девлет-Гирей умер, его сын и преемник Махмет-Гирей поспешил заверить русского царя в своей дружбе и в знак подтверждения искренности своих слов совершил набег на владения польской короны. Намек в Москве поняли, и благодарность не замедлила прийти в Крым в виде старых и добрых «поминок» от московского государя. Тем не менее новый хан снова по-дружески выставлял набившее оскомину у Посольского приказа требование возврата Астрахани и вывода с порубежья донских и днепровских казаков, продолжавших свою лихую «набежную жизнь». В Крым отправили ответ: дескать, запорожцы польской короне служат, а донцы есть люди беглые, и если в плен попадут, то разрешено их казнить. Ну а Астрахань — «навек за Москвой». Перетягивание политического каната продолжалось.

Если с Махмет-Гиреем можно было договориться путем увеличения расходов московской казны, то сменивший его брат Ислам и впоследствии Кызы-Гирей свои амбиции пытались подтвердить военными набегами. В 1590–1593 гг. Россия решала проблемы возвращения побережья Финского залива в войне со Швецией, а Кызы-Гирей начал зондировать возможность союза Крыма и Швеции. Недаром в Москве посланцев Кызы-Гирея с пристрастием расспрашивали в Посольском приказе относительно шведского короля Юхана III. Точно рассчитанный набег хана на Москву в 1591 г. потерпел фиаско вследствие умелых действий по обороне города. В короткие сроки московские слободы были обнесены дополнительными деревянными стенами, а окружающие столицу монастыри — Данилов, Симонов, Новоспаский — превращены в крепости. Оборонное войско расположилось в нескольких верстах между Тульской и Калужской дорогами, где применили уже снискавшие славу «гуляй-города». Неприятель был рассредоточен, затем побит, сам хан бежал и вынужден был впоследствии оправдываться перед Б. Годуновым за набег, ссылаясь на злые намерения «турского султана» поскорить их.

Однако никакие посулы крымского хана не привели ни к чему новому: набеги, переговоры, обиды и подарки продолжались. Правда, тон

крымских послов несколько смягчился. Отчасти этому способствовали продолжавшиеся до Смутного времени строительные работы по сооружению засечных линий.

«Государевы украины». Вместе со строительством засечных линий в южном направлении двигалось население, постепенно колонизируя безлюдную «дикую» степь. Происходило то, о чем как-то написал М. Н. Тихомиров: «Движение русского человека на юг в XVI–XVII столетиях — это обратный процесс движения на север в XIII–XIV вв. Победа над татарскими ордами привела к возвращению русского населения в лесостепную полосу, явилась следствием низвержения и уничтожения хищнического господства кочевников» (Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1999. С. 293). Но внутренний кризис конца XVI в. в Московском государстве привел страну к Смутному времени, которое не только приостановило дальнейшее движение русского населения в степь, но и уничтожило многие достигнутые результаты. Воздвигнутые при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове новые укрепления — Ливны, Белгород, Царев-Борисов, Кромь и др. были разорены и сожжены. Набеги крымских татар, как правило, совпадали с военными действиями между Россией и Польшей и проходили с наименьшими потерями для них и большим уроном для России. Объяснялось это тем, что охрана с засек была снята, да и сторожевая служба почти приостановилась, а основные военные силы Русского государства были стянуты к центральной и западной областям.

Но с окончанием Смуты «засечная политика» Москвы медленно, но верно возобновлялась. Необходимость укрепления южных рубежей государства диктовалась самими событиями. С одной стороны, борьба с Крымом продолжилась и после завершения Смутного времени: набеги, грабежи — явление неискоренимое по всему степному пограничью. Противостоять ему можно было только силой и уверенным продвижением в степь. С другой стороны, задачи внешней политики России предполагали возвращение части Балтийского побережья и западнорусских земель. Выполнение их неизбежно столкнуло бы Москву как со Швецией, так и с Речью Посполитой. Активизировать южную политику в этих условиях было бы смерти подобно. И был выбран оборонительный вариант, обеспечивающий безопасность границ со стороны Крымского ханства.

Желание жить в мире с крымскими татарами вынуждало русское правительство продолжать ставшую уже обычной на протяжении полутора веков политику умиротворения хана «подарками». Доминиканский монах

д'Асколи, бывший префектом Кафы в 30-е годы XVII в., писал о таких подношениях в своем «Описании Черного моря и Татарии» как об обычном деле: «Великий князь Московский ежегодно отправляет хану 8 тысяч реалов своей монеты. . . и, кроме того, множество тюков собольих шкур, и другие дары для самого хана, султанов, султанш, ханских жен и главных сановников. Это посылается для того, чтобы татары не делали набегов, но они, получив дань, все-таки вторгаются туда. Так за последние десять лет татары, с согласия хана и даже по его приказанию, ходили шесть раз. А московский князь, во избежание худшего зла, не может не посылать». Тем не менее, несмотря на подобные унижения, выверенные дипломатической практикой, сам тон отношений медленно менялся. С 30-х годов XVII в. крымских послов в Москве ведут к царю пешком, «освобождая» от эскорта. Если раньше крымские посланцы сидели перед царем на принесенном с собой расстеленном коврике, то позже эта традиция отмирает и они располагаются в «лавке околицыного места» — значительно дальше от царя, чем, скажем, послы других государств.

Реанимация засечных линий была начата в 20-е годы XVII в. практически на всех возможных путях прихода татар: на Муравском, Ногайском, Калмиусском, Изюмском шляхах. Восстанавливаются Воронеж на одноименной реке и Белгород на Северском Донце. Строятся крепости Козлов, Бельский, Тамбов, Усерд, Яблонов, Короча, Вольный, Чугуев. Между этими городами делали земляные валы саженной высоты, подходы усложняли надолбами и рвами. Но надежной защиты не было: крымские и ногайские татары «много раз пробирались через черту и приходили на государевы украинные города для войны». Видимо, поэтому при Алексее Михайловиче возводили «прибавочные» города с приказом «населять большим многолюдством». Так возникает Белгородская черта, которая тянулась от р. Ворсклы и упиралась в лесные заросли верхнего течения Воронежа, Цны, Мокши. Но и на этом строительство не завершилось, поскольку оставалась незащищенная полоса до Волги. Ее в 40-е годы прикроют Симбирской чертой, конечным пунктом которой станет г. Инсар (*Любавский М. К. Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. 304–305*). Непрерывная линия укреплений, построенная для защиты русских земель, к концу века станет опорной базой для походов на Крым и Азов, для отвоения выхода в Черное море.

К непрерывной укрепленной линии хлынуло земледельческое население: сначала «по указу» и «по прибору», а затем и добровольно. Потянулись на новые земли монастыри, пионерами русской колонизации стали Святогорский Успенский на Северском Донце и Дивногорский монастыри на Дону.

Стимулом для переселенцев была не только гарантированная защита, но и большая урожайность черноземных степей в сравнении с центральными и северо-западными регионами России. В степную московскую «украину» переселялись крестьяне из польско-литовских владений, их называли «черкасами». «Исход» этих крестьян был вызван участвовавшими казацкими бунтами и их подавлением, что приводило к социально-экономической нестабильности. Особенно большим их приток стал после поражений войск Б.Хмельницкого от поляков, а затем в связи с правлением на Украине «руины». И те и другие события сопровождались беспрестанным опустошением незащищенных украинских земель крымскими татарами.

Перемещение «черкасских людей» под прикрытие русских черт благосклонно было воспринято московским правительством. Вследствие нехватки людей их принимали и заселяли ими новые города. Особенно плотное кольцо мигрантов из Польши осело в районе Белгорода, оно и дало название Слободской Украине московского государства. С приходом нового населения активно строились новые города: Ахтырск, Харьков, Золочев, Змиев, Лиман, Балаклея, Изюм и др.

Но и эти новопостроенные города продолжали испытывать на себе силу внезапных крымских налетов и их жестокость в обращении с населением. Французский инженер Боплан, строивший крепости на южной границе Польши в XVII в., описывая вид крымской конницы, одновременно восхищается отлаженностью ее действий и ужасается грубостью наездников: «Татары идут фронтом по сто всадников в ряд, что составит 300 лошадей, так как каждый татарин ведет с собой по две лошади, которые ему служат для смены. Их фронт занимает от 800 до 1000 шагов, а в глубину содержит от 800 до 1000 лошадей, захватывает, таким образом, более трех или четырех миль, если шеренги держаться тесно; в противном случае они растягивают свою линию более чем на 10 миль... издали кажется, будто какая-то туча поднимается на горизонте, которая растет все более и более, по мере приближения, наводя ужас на самых смелых... Грубость их позволяет им совершать множество самых грязных поступков, как, например, насиловать девушек и женщин в присутствии их отцов и мужей. Наконец, у самых бесчувственных людей дрогнуло бы сердце, слушая их крики и песни победителей среди плача и стонов этих несчастных русских, которые плачут с воплями и причитаниями».

Необходимо признать, однако, что сила Крымского ханства постепенно сходила на нет, поэтому татарских «приходов», аналогичных налетам времен Девлет-Гирея, в XVI в. уже не случалось. Слабость Крыма была обусловлена еще и тем, что ханство все больше втягивалось в ор-

биту турецкой политики и в качестве турецкого вассала должно было принимать деятельное участие в войнах с Россией. Для турок Крым служил поставщиком и резервом конницы, которую можно было задействовать в своих наступательных операциях. Чтобы держать в боеготовности данную войсковую единицу, необходимо было иметь постоянного врага, одним из которых всегда считалась Россия. Возможно, такая профессиональная ориентация ханства в общеосманской сфере влияния и привела к отсутствию стремления татар к «мирной трудовой жизни», они были «приучены жить за счет добычи от набегов» (Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. Одесса, 1889. С. 5).

Вместе с тем иногда и в Крыму выражали недовольство властью Турции. В 1623 г. Мухаммед-Гирей и Шагин-Гирей взбунтовались против турецкого владычества, требуя вывести гарнизоны с южного побережья полуострова. Бунт братьев был подавлен турками через четыре года. В союзники против турок татары чаще всего брали запорожских казаков, их взаимодействие позволяло довольно эффективно противостоять османским отрядам. Союз казаков и крымских татар был закреплен в 1624 г., предопределив противоречивые отношения Богдана Хмельницкого и крымского хана, которые то «по-братски говорили», то считали друг друга врагами.

В 1635 г. крымский хан Инайт-Гирей ослушался султана и не дал своих войск для похода в Персию, за что впоследствии заплатил головой. В 1644 г. Ислам-Гирей, совершив удачный набег в московские пределы и получив большой выкуп от русских за «полон», посчитал возможным сбросить и вассальную зависимость от Порты, но не сумел использовать ни момент, ни возможного союзника в лице Б. Хмельницкого. Несмотря на желание независимости от Порты, крымское ханство кроме нее, видимо, больше ни на кого и ни на что и не могло рассчитывать. Турция же при всяком удобном случае не только подчеркивала свою власть в Крыму, но и демонстрировала ее военную поддержку. Сложившийся в конце XV в. вынужденный симбиоз двух мусульманских государств так и продолжал свое существование вплоть до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. Впрочем, в периоды внешнеполитической загруженности Османского государства крымские ханы не упускали возможности «отойти» от своего южного «покровителя».

«С воеводами царскими против всякого врага великого государя итти готовы поголовно...». После окончания Смуты Россия

сосредоточилась не только на восстановлении мирной жизни государства, но и на дипломатических шагах, чтобы впоследствии избежать повторения только что пережитого непростого времени. В силу направленности внешней политики, имевшей целью возвращение западнорусских земель, Москва стремилась ослабить Речь Посполитую. Вернувшийся из польского плена и фактически взявший власть в России в свои руки патриарх Филарет намеревался установить дружеские отношения с Турцией и поддержать ее устремления против Польши. Но русско-турецкие, а также русско-крымские отношения во многом зависели еще и от позиции донского казачества в отношении Турции и Крымского ханства. После Смуты донские казаки были почти не связаны с Москвой общей политикой, они лишь подстраивались под нее, используя лозунг общего врага — крымского хана. Угроза московским границам со стороны Крымской орды не прекращалась, как и не прекращались взаимные набеги. Казаки, используя тактику самих крымцев, успешно терроризировали крымские владения, тем самым сдерживая их наступательность на север. Тем не менее, чтобы не испортить отношений с Османской Портой, намеревающейся «воевать» Речь Посполитую, русское правительство просило казаков не делать самочинных нападений как на владения Крыма, так и на территорию Турции.

Военная кампания Турции против Польши не удалась — под Хотиным османы потерпели поражение, но переговоры Порты с Москвой продолжились. Продолжилось и давление на Дон, куда присылали жалование и требования сопровождать послов и «жить в мире с азовцами и крымцами». Однако эти увещевания не возымели действия: донские и днепровские казаки продолжали не только совершать набеги на Крым, но и выходить в море, разоряя владения Турции на Южном побережье Черного моря. С 1622 г. Стамбул и Москва начали переговоры относительно донских казаков. Турецкая сторона предложила предпринять против них военные действия или же взять их на содержание, выдвинув таким образом весьма оригинальный план. Если Москва не может им платить жалование и обеспечить их существование, то турецкий султан будет содержать казаков на своем жаловании, переселит их в Анатолию и позволит им промышлять против его врагов. Ведший переговоры Филарет заявил, что и сам может унять казаков, а виновных в разбоях и грубостях накажет «великою опалою и смертною казнью». С одной стороны, это была игра, при которой Москва показывала Порте свое влияние на Дон, но не собиралась запрещать казачьи набеги. С другой — это была демонстрация влияния на дончаков, которого на самом деле не было. Более того, к 20-м годам XVII в. относится

самая активная деятельность донских и днепровских казаков против Крыма и Турции.

В 1628 г. по дороге в Стамбул миссия Яковлева заехала на Дон передать жалованье казакам. Каково же было удивление послов, когда они обнаружили, что деньги платить некому, поскольку атаман Каторжный «вышел в море за зипунами». Дождавшись возвращения донцов, которые прибыли от Трапезунда, и выплатив им «реестровую цену», послы продолжили путь. Но уже в Турции посольство было извещено о том, что донские казаки напали на Крым, заняли и выжгли Карасубазар и Мангуп.

Подобное положение — взаимная заинтересованность сторон — сохранялось довольно долго, прервавшись лишь с началом Смоленской войны в 1632 г., когда казакам стали посылать жалованье, что явилось показателем «нужности» дончаков России. Москва просила, требовала, угрожала казачеству невыплатой реестра и «казнями», а те иногда покорно соглашались, иногда показывали норы и «обезглавливали» московских послов (как было с воеводой Карамышевым в 1629 г.), впоследствии выпрашивая у царя прощение.

Но, пожалуй, пик «благосклонного неповиновения» донских казаков приходится на время взятия в 1637 г. и удержания ими Азова. Город, построенный во времена скифов и сарматов, занимал очень выгодное торговое и стратегическое положение. Захваченный в 1471 г. турками, он со временем превратился в мощную крепость и стал в XVII в. большим препятствием казакам при выходе в Азовское море. После взятия Азова казакам открывался свободный выход в Азовское и Черное моря. Но овладение городом имело и общерусское значение. Дончаки стремились перенести в Азов свою столицу и просили в этом «слово государево». Полезность данного шага аргументировали тем, что если «городу быть, то ногайские люди и города Тамани и Темрюк от крымского царя под государеву руку подадутся». В Москве посольство казаков с вестью об Азове встретили с легкой укоризной за то, что город взяли «без царского повеления». Но вместе с тем казаков наделили сукнами, денежным жалованьем и грамотой, в которой главной задачей значилось наблюдение за крымцами. Не было самого существенно — официального одобрения действий казаков и в связи с этим включения Азова в состав русских владений. Случись подобное — Россия получила бы значимый стратегический форпост в Причерноморье, но в то же время автоматически и противостояние с Турцией, с которой в условиях надвигающейся войны с Речью Посполитой стремилась поддерживать добрые отношения. Вопрос о статусе Азова был передан на рассмотрение Земского Собора, решение которого состоялось лишь в

1642 г.: «Азов оставить и возвратиться по своим куреням или отойти на Дон».

Пока в Москве взвешивали плюсы и минусы возможного присоединения Азова, казачество показывало геополитическую значимость его приобретения. Присутствие в Азове дончаков сразу же отвлекло внимание крымских татар от московских украин — чтобы вернуть город в лоно Османской Порты и не иметь неприятного соседства с казаками, требовалось мобилизовать все силы. По приказу султана крымские татары должны были вернуть Азов, однако казаки, умудренные в крепостной защите, легко отбивали наступление полевых орд. Сложнее пришлось казакам летом 1641 г., когда 24 июня на них обрушилась более чем стотысячная армия турок, крымских татар, ногаев и черкесов. Началось знаменитое «азовское сидение», закончившееся 28 мая 1642 г. уходом казаков по приказу Москвы. Уходя, казаки уничтожили все, что могло представлять какую-нибудь ценность. Вернувшись в Черкасск, ослабленное казачье войско вынуждено было просить у Москвы помощи: «В сидении мы приобрели много славы, а не добычи. От нужды и истомы голодные, и обнищали так, что к будущей весне не можем снарядиться в морские поиски и не в состоянии противиться совокупной силе турецкой и татарской».

Слабость казачества использовали крымские татары, усилив нажим на Дон, пик которого пришелся на лето 1645 г., когда крымский хан Девлет-Гирей Нурадин подошел к самому Черкасску, но с большими потерями был отбит. Противостояние продолжилось у Кагальника, ниже Азова, когда совместные силы казачества и московских стрельцов совершили неожиданный налет на стан татар и захватили много пленных, после чего с арьергардными боями вернулись в столицу войска. Царь Михаил Федорович поблагодарил казаков за мужество и храбрость, но в грамоте подчеркнул: «Крымцев и ногаев воевать, а с турскими людьми под Азовом жить мирно повелеваем». Обескровленные «азовским сидением» казаки продолжали служить Москве, частично оттягивая на себя крымские набеги и одновременно тревожа Крым своими до конца XVII в.

«...Всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержец...». Воссоединение Украины с Россией на Переяславской раде 8 января 1654 г. неизбежно вело к войне с Речью Посполитой. Война не могла не повлиять на позиции стран, связанных с Польшей либо враждебными, либо дружественными отношениями. Поэтому московскому правительству надлежало в короткие сроки объяснить странам Европы и Азии причины воссоединения и обеспечить их возможный нейтралитет или при-

влечь к союзу с Россией. Особую роль приобретали дипломатические отношения с Крымским ханством. В ходе освободительной войны украинского народа против Речи Посполитой 1648–1654 гг. интенсивность набегов крымских татар на Россию резко упала. Немалая заслуга в этом принадлежала Богдану Хмельницкому, который сумел отвести от московских окраин удары своего тогдашнего союзника, направив их в польско-литовские пределы. Относительно спокойные отношения с Крымом породили у русских дипломатов определенные надежды. В Посольском приказе считали вполне возможным не только поставить вопрос о нейтралитете Крыма, но и использовать его силы в предстоящей войне и даже заключить с ним союз.

К решению этой задачи был привлечен и сам Богдан Хмельницкий. Именно ему предстояло уговорить крымского хана «стоять по прежнему своему договору на польского короля с ним гетманом заодно», постепенно приучая хана к мысли, что Украина и Россия — единое целое. Перспективы переговоров радужными не были и определялись как двоякие. Если крымский хан не поддержит дипломатических начинаний России, то следовало нанести удар по Крыму силами русских войск (из Астрахани), донских и запорожских казаков.

Известие о воссоединении вызвало в Крымском ханстве бешеную ярость, поскольку опасались, что выскользнет из рук Украина, которую хан надеялся если и не поставить под свой контроль, то превратить в постоянный источник обогащения. Практика извлечения средств из соседних стран имела вековую традицию, она приобретала значение влиятельного фактора во всей экономике Крыма, дополняя его скудный экономический быт. Уничтожение и захват материальных ценностей в соседних странах, угон в плен людей и работорговля были основными статьями дохода ханства (Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 416–419). Кроме этого, предложения русской и украинской стороны о союзе означали крах крымской политики «политического равновесия», при которой ханы предпочитали оказывать помощь тому противнику, которого они считали слабым, при этом оставляя за собой возможность грабить и его, и остальных.

В Крымском ханстве началась упорная борьба за выбор пути во внешней политике: либо союз с Россией против Речи Посполитой, либо наоборот, союз с Речью Посполитой против России и Украины. Вместе с тем это была борьба не только за раздел добычи, но и за власть и влияние внутри самого ханства. Уже данный факт заметно ослабил Крым в глазах России. Пока определялись победители, Россия начала военные действия против Польши. Борьба между группировками уси-

лилась после смерти Ислам-Гирея, хана с антирусскими взглядами. Сохранялась надежда не только на нейтралитет, но и на союз. Однако к осени 1654 г. окончательно стала ясна враждебная позиция крымского ханства, и было необходимо принять экстренные меры по обеспечению безопасности южных границ. Но активных действий крымских орд не последовало, причиной тому оставались продолжающиеся противоречия крымской знати, а также ставший неожиданным даже для московского правительства, но весьма своевременный морской поход донских казаков на Крым. Как сообщали толмачи русского посольства в Бахчисарае — Абдул Байцын и Иван Собакин, с приближением казачьей флотилии в Кафе началась паника, глава турецкого гарнизона города Мустафа-паша насчитал 38 стругов и еще больше спешащих им на помощь. Казаки атаковали шесть торговых кораблей, следовавших из Стамбула в Кафу, два из них взяли на абордаж, судьба четырех остальных не известна, после чего высадились в Кафе и овладели посадом, освободив много невольников. Но удержаться не смогли, тем не менее блокада побережья продолжалась еще несколько недель.

Поскольку идея союза с Крымом не удалась, то оставался вариант подписания по традиции, существовавшей со времен Ивана III и Менгли-Гирея, шертной грамоты с новым ханом Магомет-Гиреем. В образце грамоты в титулатуру царя включалась Малая Россия: «... всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержец...». Если бы хан подписал документ в такой трактовке, то это означало бы признание воссоединения и обязанность не нападать не только на русские, но теперь и на украинские земли. В Москве понимали, что такой «худой мир» не сможет гарантировать полного спокойствия на рубежах. Локальные сражения со стремительными отрядами кочевников постоянно имели место по всей засечной линии. Нейтралитет Крыма был нужен скорее для того, чтобы разрушить союз хана и польско-литовского короля. Однако, несмотря на подкрепление подписания грамоты значительными «поминками», этого не произошло.

В августе 1655 г. Магомет-Гирей, вопреки запрещению султана, выступил на помощь осажденным полякам во Львове. Русско-украинские войска осаду Львова сняли и во всеоружии у местечка Озерная встретили хана. В трехдневном бою силам Крыма было нанесено жесточайшее поражение. Оно наглядно показало преимущества совместных действий и, по-видимому, невозможность для крымского хана противодействовать воссоединению Украины и России, а вместе с тем и бесперспективность продолжения агрессивной политики в русско-украинских землях. Поражение при Озерной усилило «смуты» и «шум» среди крымских мурз, привело к неуверенности и нерешительности

Крыма в военных и дипломатических действиях. В 1657 г. Крымская орда долго стояла у Перекопа, споря в каком направлении двинуться: на московские окраины или на Украину.

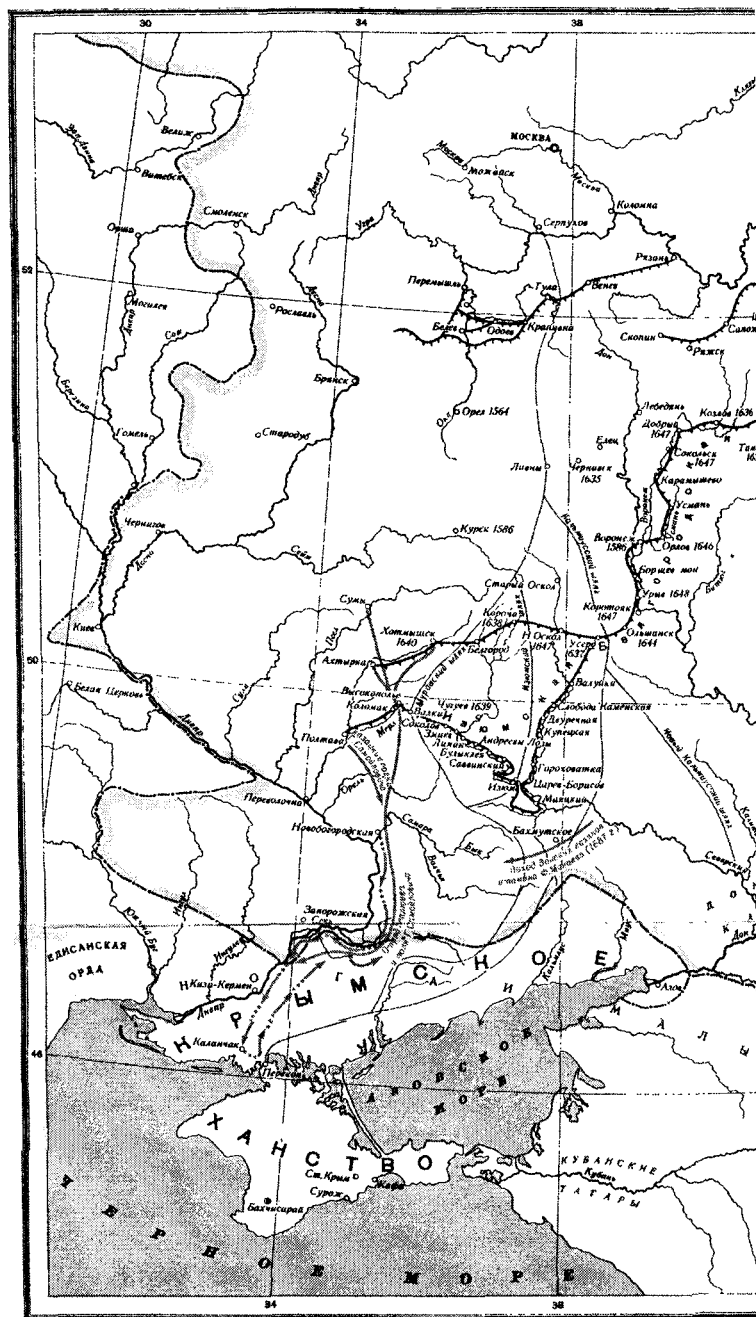
Ослабление ханства совсем не означало отсутствия опасности со стороны Крыма. Только теперь, после воссоединения, расширилась территория военных действий против татар. Построенная в первой половине XVII в. Белгородская черта уже не была основной оборонительной системой, поскольку главные пути набегов крымцев приходились на Днепровско-Днестровские направления. Изменились после 1654 г. и принципы борьбы. Теперь русско-украинские силы могли опереться на хорошо укрепленную оборонительную линию, где постоянно нес службу специально назначенный корпус русских войск, готовый выступить при первом сигнале на помощь Хмельницкому. Территория Украины как бы включалась в систему преполья Белгородской черты. Объединенными силами русских и казацких полков была создана целая сеть опорных пунктов на украинских землях. В числе этих пунктов можно назвать Киев, белую Церковь. Отдельные русские отряды появлялись в случае необходимости и в Брацлаве, и в Корсуні. Совместными силами украинских казацких полков и русских войск удалось перекрыть границу с Крымом от Полтавы до Днестра. Граница была перекрыта не только цепью легких дозоров, но расположенными вдоль нее в основном казацкими полками (*Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987*). Строительство в дальнейшем, к 80-м годам XVII в., Изюмской засечной черты отодвинуло русско-крымское порубежье еще южнее. Сам факт создания оборонительных рубежей свидетельствовал о продолжающихся, ставших уже «привычными» набегах крымских татар.

«Не первый раз России побеждать врагов». В конце XVII в. агрессивная политика Османской империи и Крымского ханства создавала угрозу не только ряду европейских государств, но и России. В 1672 г. татары, поддержанные и направленные османами, отобрали у Речи Посполитой г. Каменец-Подольский, всю Подолию, а в 1678–1681 гг. пытались захватить Левобережную Украину. Для противоборства Турции Австрия, Речь Посполитая и Венеция создали Священную лигу. В 1686 г. заключением «Вечного мира» с Польшей к Лиге присоединилась и Россия. «Вечный мир» направил русскую внешнюю политику в южном направлении. Решение о выходе к южным морям напрашивалось само собой: со времени воссоединения Украины с Россией политическая активность последней была нацелена на юг, южные оборонительные линии могли стать базой для дальнейшего продвижения к

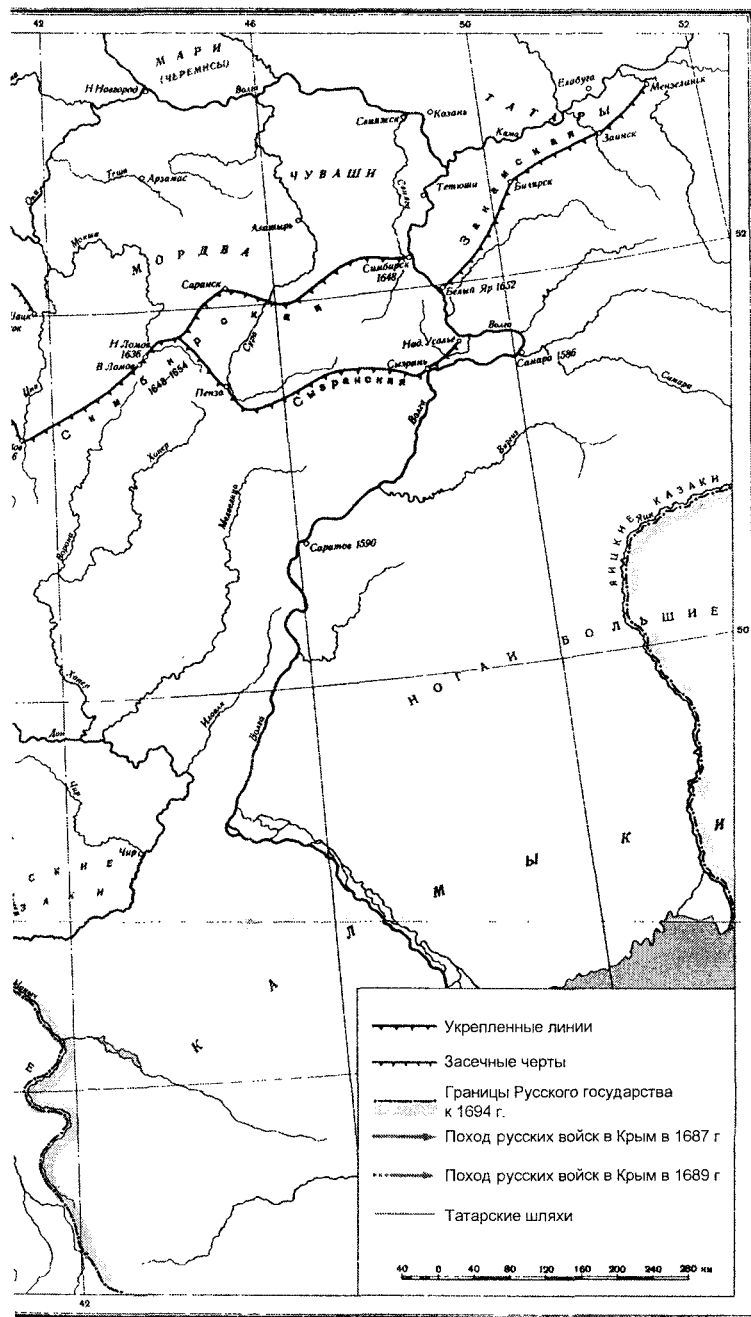
морю, в Священной лиге Россия обретала союзников в борьбе с Турцией и Крымом. Россия и Польша обязывались совместно активно защищаться от Турции и Крымского ханства.

Выполняя свои обязательства, Россия организовала два похода в Крым. В 1687 г. стотысячное русское войско под командованием В. В. Голицына отправилось в первую экспедицию. У реки Самары к ним присоединились и украинские казаки. Движение войск было сопряжено с большими трудностями, главнейшей из которых было отсутствие практики проведения больших войсковых операций наступательного плана против крымских войск. Крымский хан вряд ли бы вышел в чистое поле против северного соседа «пики преломить». Его тактика была совершенно другой — своеобразные партизанские набеги, арьергардные бои, а то и вовсе избегание соперника. У Конских Вод движение русско-украинского войска было остановлено подоженной татарами степью, отсутствием воды и продовольствия. Потеряв до половины войска от болезней и удушья, Голицын вернулся в Москву. Второй поход 1689 г. принес русскому полководцу не многим больше доблести. Дойдя до Перекопа, войска так и не решились войти на полуостров, боясь попасть в ловушку в случае перекрытия перешейка. А конницу крымского хана так и не нашли, разве что видели издали. Голицынские походы сыграли на руку союзникам, поскольку многие крымские войска, ожидая приближения армии России, были оттянуты с европейского театра военных действий. В то же время становилось ясно, что крымского хана не одолеть и к Черному морю не выйти без закрепления в Северном Причерноморье.

С продолжения крымско-турецкой войны началась внешнеполитическая деятельность Петра I. Его Азовские походы продемонстрировали и верность союзническим отношениям, и решимость молодого царя добиться поставленной цели. Для походов была использована другая тактика, нежели та, которую применил Голицын. Наступление велось не по безлюдным и безводным причерноморским степям непосредственно на Крым — главный удар в 1695 г. был направлен на турецкий город Азов, а для отвлечения внимания в низовьях Днепра были сосредоточены дворянская конница и украинские казаки под началом Б. П. Шереметева. После взятия в осаду Азова было совершено два решительных штурма, но, понеся большие потери, Петр отступил. Отсутствие флота у русских не давало возможности заблокировать крепость с моря, а недостаток практики в осадных действиях привел к неудачным атакам. Ко второму походу недостатки были устранены, и при участии галерного флота русские войска в 1697 г. Азов взяли. Занятие Азова обеспечило России выход в Азовское море, но Керченский пролив, как

Укрепленные линии и засечные черты Русского

государства в XVII в. и Крымские походы

и Босфор и Дарданеллы, оставался в руках Турции, что не давало России выхода в Черное и Средиземное моря. Однако первый форпост в северном Причерноморье был уже русским, и при удачном стечении международной и военной обстановки мог быть использован не только для увеличения присутствия России в Черном море, но и для более зримого наступления на Крымское ханство.

Стремясь укрепить союз европейских государств против Османской империи, Петр организовал Великое посольство, но его результаты оказались совсем иными, чем задумывалось. Правительства западноевропейских стран лихорадочно готовились к войне за испанское наследство, и продолжение противостояния с Турцией могло отвлечь их от главной на тот момент задачи. Понимая, что союзников воевать с турецко-крымским воинством не найдет, Петр решительно обращает свой взор на Балтийское побережье: России необходим выход к нему. Но для ведения войны на северо-западе нужен мир с Турцией. И 3 июля 1700 г. был подписан Константинопольский мир, рассчитанный формально на 30 лет. Россия сохраняла Азов, Таганрог и земли по нижнему течению Днепра. Данный мир стал принципиально новым и важным рубежом в русско-крымских отношениях. По условиям мира Россия прекращала ежегодную посылку подарков крымскому хану и прерывала официальные дипломатические отношения с ним. Хан был вассалом турецкого султана, его подданным, и царю не пристало вести переговоры с подчиненным султана, дабы не унижить царские честь и достоинство. Отныне официально Россия не признавала хана полноправным властителем. Отношения с Крымским ханством практически были передоверены украинскому гетману Мазепе. Именно Мазепа отказал претенденту на ханский стол Кызы-Гирею в просьбе о принятии его в российское подданство, чтобы не нарушать договоренностей с Турцией. Гетман вместе с Е. Украинцевым проводил в 1705 г. демаркацию границ с ханством (*История внешней политики России. XVIII век. М., 2000. С. 33*).

Но прекращение дипломатических контактов не означало, что исчезла сама южная проблема. В ханстве были весьма не довольны Константинопольским миром, который запрещал набеги на Россию, а это могло повлиять на всю систему внутренней жизни ханства с его невысоким уровнем экономического, социального и культурного развития. Нельзя было оставлять без внимания и династические распри Гиреев, от исхода которых прямо зависела ситуация на южной границе России и Украины. Положение на русско-крымском порубежье осложнилось, когда ханский престол занял Девлет-Гирей II, опытный политик, стремившийся, как никто из его предшественников за последний век,

к достижению независимости и от Турции, и от России. Девлет-Гирей «поставил» на шведскую карту. Уже весной 1708 г. он принял представителя Карла XII в Бахчисарае с предложением военного союза, после чего стал готовиться к войне с Россией. В процессе подготовки Девлет-Гирей к своим планам привлек и Запорожскую Сечь, высказывавшую недовольство русской политикой в отношении к запорожцам и в конце концов провозгласившую намерение вместе с татарами «Москву воевать». Более того, запорожцы обратились в Крым с просьбой принять их в подданство (Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 221, 224). К началу 1709 г. Девлет-Гирей II обещал Карлу XII войсковую помощь. Поскольку Турция демонстрировала нейтралитет в войне России и Швеции, заявления крымского хана можно было расценить как неповиновение султану. Обстановка для Петра I становилась угрожающей: оказаться между двумя армиями — Карла XII и Девлет-Гирея с примкнувшими к ним запорожцами — никому не пожелаешь. Силой справиться с обоими царь вряд ли бы смог. Оставался вариант с подкупом. Шведов покупать было глупо, крымский хан отказался. Турки проявили большую сговорчивость: деньги получили как представитель султана при Бахчисарайском дворе Кападжи-паша, так и великий визирь Чорлулу Али-паша. И своим влиянием на султана они добились нужного для России решения. Турецкий султан Ахмед III направил в Бахчисарай категоричный запрет на выступление хана против России и принятие им Запорожья в подданство. Но Девлет-Гирей II продолжал надеяться, что ему удастся убедить Стамбул в необходимости антирусских действий вкупе со шведами. Однако Полтавская битва изменила всю геополитическую ситуацию в Восточной Европе. Шведский король остался без козыря — своей сухопутной армии, в связи с чем союз с ним был теперь проблематичен. Вместе с тем позиции России в Европе усилились, что породило страх у османов и крымских татар, слухи и растущие опасения, что следующими жертвами могут стать они (Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 69).

Дипломатия Карла XII по сколачиванию антирусского блока и граничащая с авантюризмом деятельность Девлет-Гирея II привели к оглашению султаном 9 ноября 1710 г. указа о начале войны с Россией. Надо признать, что самым радикальным в создавшейся коалиции был крымский хан. Он понимал, что других случаев обезопасить Крым с севера, а также отдалиться от Турции может просто не быть. Не дожидаясь военных действий, он заключил договор с запорожцами, в котором обещал всеми силами способствовать отделению Левобережной Укра-

ины от России. Согласовав военно-тактические действия со шведами, приступили к их реализации. Поскольку основной театр военных действий в 1711 г. разворачивался в Придунавье, нападением на Правобережную и Левобережную Украину предполагалось отвлечь силы русских, а также разорением территорий способствовать уменьшению продовольственной и фуражной базы русского войска. Кроме того, рассчитывали уничтожить Воронежские верфи.

Таким образом, войска Девлет-Гирея практически не участвовали в ходе прямых боевых действий на Пруте и выполняли лишь вспомогательные функции, но справились с ними превосходно. Находящиеся в Слободской Украине русские подразделения оказались просто не готовы к нападению татар, которые с конца июня по маршруту движения основных сил русских изнуряли их самой настоящей партизанской войной: выжигали степь, разбивали мелкие русские отряды, ежедневно захватывали фуражиров и обозы с продовольствием, водой и дровами. Связь русской армии с тыловыми продовольственными и оружейными базами в Полонном, Бродах, Киеве была прервана, небольшие части казаков и ландмилицких полков не могли обеспечить надежное тыловое прикрытие. Отдельные успехи были только на Кубани. Причины такого положения можно объяснить переоценкой русскими собственных сил после Полтавской победы и явной недооценкой сил Турции и особенно Крыма.

Окруженная троекратно превосходящими силами турок на Пруте, армия Петра I вряд ли могла рассчитывать на успешные действия, это заставляло царя искать выход из создавшегося положения в переговорах. По условиям Прутского мира Россия теряла Азов, Таганрог, значительную часть Запорожья. Однако же пункт о ежегодных крымских «поминках» не был внесен в текст договора. Только два положения договора в той или иной степени отвечали требованиям Крыма, они касались запрета русскому царю вмешиваться в украинские дела и обязательства ликвидировать русские крепости, построенные на спорном пограничье. Заключение мира не принесло удовлетворения ни Карлу XII, ни Девлет-Гирею. Интересы крымского хана остались лишь интересами, а страхи не оставляли. Девлет-Гирей серьезно опасался русского военного и политического проникновения на территорию Северного Причерноморья и далее в Крым. Поэтому сразу после подписания Прутского договора Девлет-Гирей начал энергичную борьбу за его отмену. Два раза — в декабре 1711 г. и ноябре 1712 г. — ему удавалось добиться объявления войны. Однако до реального начала военных действий дело так и не дошло. Подписанный в 1713 г. Адрианопольский мир окончательно завершил русско-турецкий конфликт, снова не удов-

летворив требований Крыма ни в отношении «поминок», ни в отношении претензий на Украину (Санин С. Г. Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–1711 года // <http://www.moscow-crimea.ru/history/hanstvo/war1710-11.html>).

В начале XVIII в. Крымское ханство почти теряет свой военно-политический потенциал. Прежние золотоордынские традиции крымской политики уходят в небытие, проявляясь лишь фрагментарно, как во время Прутского кризиса 1711–1713 гг. Собственных сил ханства становится явно недостаточно для реализации амбиций, а помощь Турции не всегда совпадает с интересами крымского хана. Мир с Россией был необходим Османской империи и для своего утверждения в Закавказье. Учитывая слабость России в этом регионе, Турция пыталась использовать внутренний кризис в Иране для захвата едва ли не всей Персии. Государство османов целенаправленно рвалось к Западному Каспию. Усиление Порты сильно бы осложнило защиту южных границ и поэтому наряду с дипломатическими шагами Петр I совершает в 1722 г. военный — персидский — поход. Тем самым Турция отвлекала внимание России от северочерноморского региона. Не решив проблемы Крыма и Азова, Россия ввязывалась в сложные перипетии закавказской проблемы. Петр I понял, что пока Северное Причерноморье контролируется османами, Россия должна опасаться военных конфликтов в Закавказье. Тактика российской дипломатии изменилась: от военного противостояния — к дипломатическому сдерживанию движения турецкого султана к Каспийскому морю. Русско-турецкое противостояние завершилось в июне 1724 г. Константинопольским миром, который юридически закрепил реальную обстановку сил в Закавказье, поделив его на сферы влияния. В последующие послепетровские годы внешняя политика, направляемая А. И. Остерманом, проводилась в том же ключе, основное внимание в ней уделялось преимущественно Крыму и Причерноморью, а не Закавказью. Опять южное направление стало определяющим с Крымским ханством в его центре. Именно крымский хан Каплан-Гирей с подачи султана совершил в 1735 г. нападение на Кабарду и Дагестан, находившиеся в сфере влияния Российской империи, проведя войска по территории России. Фактически хан своими действиями спровоцировал русско-турецкую войну 1735–1739 гг. Главный театр военных действий находился в Крыму и Северном Причерноморье. Пока крымские войска двигались к Дербенту, корпус генерала М. И. Леонтьева спешно устремился на Крымский полуостров, но на полпути его настигли «голицынские» проблемы: болезни, тыловая небеспеченность, отсутствие пригодной воды. Не дойдя до Перекопа, корпус вернулся в Россию.

В следующем году произошло формальное объявление войны, и командующий русскими войсками генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних снова двинул армию в Крым. Боясь быть запертым на полуострове, Миних по пути к Перекопу использовал оборудованные опорные пункты с гарнизонами. Само движение войска в условиях непрерывных налетов крымских отрядов было крайне медленным, поскольку внутри строя-каре находился обоз. В мае 1736 г., пройдя с боями Перекоп, русские войска взяли Гезлев вместе с запасами продовольствия для крымской армии. Миних устремился к Бахчисараю и овладел им. Впервые за несколько веков Крым увидел русских не в качестве пленников-рабов. Несмотря на сожжение столицы крымского ханства, победой экспедицию Миниха назвать было сложно. Татары традиционно использовали тактику избегания генерального сражения. А без ликвидации основных сил противника о победе в то время говорить не приходилось.

Более удачными в 1736 г. были действия русских войск по осаде Азова. Захватив все подступы к городу, русские построили осадные укрепления и, используя их как базу, своими постоянными штурмами вынудили коменданта Мустафу-ага сдать крепость.

В 1737 г. был взят Очаков, а войска П. П. Ласси снова вошли в Крым, но уже пройдя вброд и на плотях Гнилое море (Сиваш). В процессе движения вглубь полуострова русские нанесли ряд поражений татарам. Но, взяв Карасу-Базар, Ор-Капи и Чуфут-Кале, а также форт Чиваскул, впоследствии были вынуждены, спасаясь от жары и безводья степи, оставить Крым. Вступление Австрии в войну против Турции и последовавшие серьезные потери крымских и турецких войск привели стороны на конгресс в Немиров. Но, не придя к согласию, они продолжили военные действия: в 1738 г. третье вступление русских войск в Крым снова оказалось безрезультатным, а из-за эпидемии чумы были сданы Очаков и Кинбурн. Последним аккордом противостояния стало в 1739 г. Ставучанское сражение. Русская армия Б. К. Миниха численностью около 48 тыс. человек при 250 орудиях наголову разгромила турецкую армию Вели-паши (20 тыс. человек, 70 орудий) у села Ставучаны, потеряв лишь 13 человек убитыми и 54 ранеными. Однако успешные действия русской армии были перечеркнуты заключением Австрией сепаратного мира с Османской Портой. В откровенно плохих дипломатических условиях, под давлением Франции, в 1739 г. между Россией и Турцией был подписан Белградский мирный договор. Россия вернула себе Азов без права использовать его как крепость и небольшую территорию на Правобережной Украине, а также получила право построить укрепление на острове Черкес на Дону.

Вместе с тем Российская империя не могла размещать флот ни на Азовском, ни на Черном морях, а черноморская торговля могла производиться русскими только на турецких кораблях. Решение проблемы отодвигалось — ко времени русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Несмотря на неблестящий Белградский мир, Россия все же продвинула свои южные границы по обоим берегам Днепра, обозначив уже необратимое движение к Черному морю. В этом движении обозначился весьма важный и ранее небывалый момент: теперь русские войска окончательно проторили дорогу в Крым и прекратили крупные набеги татар на российские земли. Уменьшение набегов (и количественное, и качественное) оживило колонизационную деятельность русского правительства. Осваивались земли к востоку от Днестра до Дона.

Укрепление позиций России вообще и в Польше в частности вызывало сильное раздражение в Турции. Поддержанная Францией, в 1768 г. она объявила России войну. Узнав о позиции Османской империи, Екатерина II воскликнула: «Не первый раз России побеждать врагов!». После «странной» Семилетней войны у России была лучшая, чем у кого бы то ни было в Европе, армия (новое вооружение, значительный боевой опыт).

Зимой 1769 г. татаро-ногайская конница крымского хана совершила последний набег: было сожжено 1190 домов, 4 церкви, 6 мельниц, более 6 тыс. четвертей хлеба и более 10 тыс. пудов сена, угнано более 30 тыс. овец и коз, 1557 лошадей. В плен взято 624 мужчины и 559 женщин, найдено порубленных и погребенных мужчин 100, женщин 26. Этим набегом были начаты военные действия. Но это был действительно последний набег.

Боевые действия проходили как на Северном Кавказе, так и в Придунавье. Победы, казалось, сопровождали русскую армию: при Фокшанах, у реки Ларга, у реки Кагул; были заняты Браилов, Бендеры. В Чесменской бухте эскадрой Г. А. Спиридова был разгромлен турецкий флот.

Крымский хан действовал на Северном Кавказе, пытаясь принудить Кабарду воевать на стороне Турции, но после ряда побед русского корпуса кабардинцы присягнули России. Летом 1770 г. из войны вышла часть ногайских орд и приняла покровительство империи. Русские победы ошеломили всю Европу. Стали проявляться подводные камни дипломатического недовольства укреплением позиций России. Австрия, Пруссия и Англия старательно отвлекали ее внимание от южного направления. Все это приводило к тому, что, несмотря на поражения турков, султан упорно отвергал переговоры. Чтобы убедить султана в неизбежности окончания войны на русских условиях, армия,

возглавляемая Долгоруким, пошла на штурм Перекопа, защищаемого более чем 60-тысячной армией во главе с крымским ханом Селим-Гиреем. После взятия крепости начались переговоры об условиях мира и параллельно с ними для большей убедительности были покорены Кафа, Керчь и Еникале. Быстрее всех отреагировали крымские мурзы. Ими было объявлено об утверждении «вечной дружбы» с Россией и вручен присяжный лист со 110 подписями. Но мир с Крымом не был целью российской дипломатии. Россия сформулировала свои условия Турции: независимость Крыма, свободное плавание русских судов в акватории Черноморского бассейна, независимость Валахии и Молдавии. В Европе начался откровенный торг территориями. Чтобы не усиливать Россию за счет Турции, ей предложили поучаствовать в разделе Польши. С учетом неясности с польскими конфедератами, агрессивности Швеции и настойчивости Австрии Петербург согласился на предложение Пруссии о первом разделе Польши. Однако мира с Турцией подписано не было. Только после разгрома А. В. Суворовым османских войск под Козлуджой турки запросили мира. 10 июля 1774 г. в деревеньке Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, во многом учитывающий русские интересы на южных направлениях.

«...Сколько проистечет от сего выгодностей — изобилие, спокойствие жителей, а от того... умножение доходов». Недалеко от Симферополя расположен небольшой по современным меркам городок Белогорск. Нестабильное социально-экономическое состояние местных жителей лишь подчеркивает их размеренную небогатую жизнь. И ничто на первый взгляд не выдает громких исторических событий, всколыхнувших несколько сотен лет назад жизнь обитателей Карасубазара (так назывался тогда Белогорск). Лишь знатоки местной истории да старожилы, считающие себя аборигенами этих мест, могут поведавать уже седые легенды, как ни странно, еще бытующие в округе и которые, кажется, хранит в себе главная достопримечательность города — Белая скала, или Ак-кая.

В Средние века эта скала еще называлась Ширинской — в знак того, что в деревне неподалеку жил глава богатейшего татарского рода Ширин. Этому роду принадлежали обширные земли по всему северному Крыму, а в роду Ширинов было триста мурз. Старший рода как раз и избирался на Белой скале. Но иногда здесь собирались мурзы, не довольные крымским ханом, высказывая свое — наболевшее. По другому преданию, с Ак-Кая татары сбрасывали пленников в назидание пытавшимся сбежать. На скале вымогали выкуп и у Богдана Хмельницкого, находившегося тогда в плену в Карасубазаре после неудачного сра-

жения с поляками в 1651 г. под Берестечком. На глазах у неговорчивого украинского гетмана вниз толкали очередного «полоняника», приговаривая после каждой казни: «Не поторопишься с выкупом — с тобой также сделаем!».

Трудно сказать, знал эти или подобные им легенды светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, устраивая именно на Ак-Кая присягу татарской знати на верность России в 1783 г., но точно известно, что наместник юга России очень любил «со вкусом пустить пыль в глаза». Чего только стоила эпопея подготовки и проведения путешествия Екатерины II в Малороссию и Таврические края в 1787 г.! Полковнику Корсакову Потемкин писал: «Дорогу от Казы-кермена до Перекопа сделать богатою рукою, чтоб не уступала римским и назвать ее Екатерининский путь». Действительно, по ходу маршрута императрица удивлялась не только новым землям, но и изобретениям фаворита. Близ Балаклавы императрицу ожидал сюрприз — Потемкин для ее встречи велел учредить роту амазонок, укомплектованную из сотни жен и дочерей балаклавских греков. Экипировка амазонок состояла из юбок малинового бархата, отороченных золотыми галунами, и курточек зеленого бархата. На голове — белый тюрбан с золотыми блестками и страусовым пером. Все амазонки были вооружены ружьями с тремя патронами. Встреча должна была состояться в конце аллеи из апельсиновых, лимонных и лавровых деревьев. Надо ли говорить, что Екатерина была весьма довольна!

Когда 21 мая карета императрицы остановилась в Бахчисарае, ее вниманию был предложен ханский дворец. «Там мы, — хвасталась она своему знаменитому адресату Гримму, — вышли прямо в дом ханов, там мы помещены между минаретами и мечетями, где кричат и молятся, поют и вертятся на одной ноге пять раз каждые 24 часа». Французский дипломат Сегюр нашел, что императрица, проведя в Бахчисарае пять дней, осталась крайне довольной: «В ее глазах светилась радость по поводу того, что она заняла трон ханов, которые некогда были владыками России».

Подобных примеров достаточно, чтобы не сомневаться в том, что светлейший князь присягой на исторически значимом для крымских татар месте решил подчеркнуть не только значимость и силу Российской империи, но и необратимость той политики, которую она проводила. День признания татар и ногайцев в верности России был тоже выбран не случайно — это был день восшествия Екатерины II на престол, т. е. 28 июня. Однако сам Манифест о присоединении Крыма императрицей был подписан 8 апреля 1783 г. Несколько позже «уговорили» хана Шагин-Гирея отречься от власти в Крыму, а большинство мурз —

добровольно покориться России. И лишь после этого была назначена дата присяги. И вот наконец мурзы и муллы со всего древнего Крымского ханства собрались, чтобы поклясться на Коране в верности далекой православной императрице. Потемкин лично принимал присягу, сначала у мурз, беев, духовных лиц, а затем к покорности было приведено и простое население. Торжества сопровождались угощениями, играми, скачками и пушечным салютом.

Аналогичное действо разворачивалось и на Кубани, где главными его организаторами были А. В. Суворов и П. А. Потемкин. В назначенный день в степи под Ейском встали шесть тысяч ногайских шатров. Вокруг лагеря паслись многотысячные стада низкорослых лошадей. Предводителям ногайцев зачитали отречение Шагин-Гирея, они присягнули Суворову и вернулись к своим ордам, повторившим присягу. После этого начался праздник: было зарезано 100 быков и 800 баранов. Устроители не поленились заглянуть в Коран и обнаружили, что Пророк запретил правоверным употреблять виноградное вино, но отнюдь не хлебную водку, поэтому ногайцы водку пили, а потом состязались с казаками в скачках.

Уже 16 июля 1783 г. Потемкин сообщал Екатерине II, что «вся область Крымская с охотой прибегла под державу Вашего императорского величества: города и с многими деревнями учинили уже в верности присягу». Через восемь с лишним месяцев присоединение Крыма к России вынуждена была признать и Порта. Великая северная империя вышла к Черному морю и упрочила свое положение в Северном Причерноморье, решив задачу, кровоточащей язвой терзавшую Россию еще с XVI в. Не случайно С. Ф. Платонов писал: «Если бы в конце царствования Екатерины встал из гроба московский дипломат XVI или XVII в., то он бы почувствовал себя вполне удовлетворенным, так как увидел бы решенными удовлетворительно все вопросы внешней политики, которые так волновали его современников» (Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 1. СПб., 1993. С. 639).

Однако столь радужный финал «крымской проблемы» потребовал величайшего напряжения всех имперских сил, кропотливой работы дипломатического корпуса, ратных подвигов русского воинства, больших финансовых трат. Начало всему этому процессу положил заключенный в 1774 г. в болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи одноименный мир между Османской и Российской империями после ряда блестящих побед, одержанных русской армией под руководством П. А. Румянцева и А. В. Суворова. Именно Кючук-Кайнарджийский мир заставил Екатерину II и ее окружение прагматично взглянуть на возможность более уверенного присутствия России в Северном Причер-

номорье и на Балканах. Ведь еще в 1770 г. Совет при высочайшем дворе предельно четко определил свою позицию, которая сводилась к тому, «что крымские и другие под властью хана находящиеся татары, по их свойству и положению, никогда не будут полезными подданными е.и.в. ... Напротив, велико и знатно может быть приращение силе и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда собою в независимости» (*Архив Государственного совета* (далее — АГС). Т. 1. СПб., 1869. Стб. 43–44). Таким образом, петербургская дипломатия в отношении Крыма следовала тем же курсом, что и по отношению к Польше — лучше слабый и зависимый сосед, нежели усилившийся вследствие ее раздела конкурент и борьба с ним. В случае с Польшей конкурентом была Пруссия, в случае с Крымом — Блестящая Порты. Проводником подобных дипломатических изысков выступал тогда еще могущественный граф П. И. Панин. Впрочем, вторил ему и вице-канцлер И. А. Остерман, да и сам Г. А. Потемкин, в 70-е годы XVIII в. желавший привязать Крым к России путем экономических и политических шагов.

Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. открыл для России Черное море и проливы, некоторые статьи создавали благоприятные условия для проникновения ее на Балканы. В ст. 7, 14, 16–17 было зафиксировано обязательство Порты обеспечить подданным Османской империи свободу исповедания христианства. Данные статьи российское правительство толковало более широко и на их основе добивалось для православных не только своего религиозного, но и политического покровительства. С той же целью — распространения политического влияния — Россия использовала ст. 2 договора, которая позволяла создавать во всех владениях Турции русские консульства. По Кючук-Кайнарджийскому договору утверждалась независимость Крымского ханства от Порты. Россия получила на восточном берегу Крыма крепости Керчь и Еникале, контролировавшие вход в Азовское море, и крепость Кинбурн в устье Днепра, а также право укреплять город Азов. Теперь границы Российской империи на юге простирались от Кубани до Южного Буга.

Однако и у Высокой Порты сохранились действенные рычаги влияния на создавшуюся ситуацию в Крыму, поскольку по подписанному в 1774 г. договору ни Россия, ни Оттоманская Порты не имели права вмешиваться «как в избрание... так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом». Тем не менее татары — мусульмане Крымского ханства — «в духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами в рассуждении его султанского величества яко верховного калифа закона мусульманского имеют сообразо-

ваться правилам, законом их предписанным» (Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 26–27.) Таким образом, султан Порты оставался духовным наставником крымским жителям, проповедавшим ислам, и в связи с этим правом назначал в Крыму судей-кадиев, которые вершили суд и по мирским делам. В мечетях ханства продолжали возносить молитвы халифу-султану, а значительная часть знати продолжала ориентироваться на Стамбул. В таких условиях султану не составило особого труда воздействовать на выборы протурецкого хана. Им стал Девлет-Гирей. Он сразу выступил резко оппозиционно политике России и приступил к мероприятиям, подготавливавшим высадку турецкого десанта на Азово-Черноморское побережье.

Утверждая своего ставленника и угрожая разрывом, Турция потребовала от российского правительства «отступить от независимости татар, возвратить Кинбурн и оставить ей во владение Таман» (АГС. Т. 1. Ч. 1. С. 324). В пору было говорить о восстановлении власти турецкого султана над Крымом, что явно противоречило заключенному миру. Единственное, что Турция сделать не решилась — поддержать Девлет-Гирея военными силами. Такое развитие событий не только насторожило Петербург, но и заставило его предпринять адекватные действия. При поддержке российских войск в 1777 г. крымским ханом выбрали Шагин-Гирея, бывшего наместника владетеля Крыма на Кубани, человека европейски образованного, но по-восточному хитрого. Слывя проводником российских интересов в Северном Причерноморье, он стремился проводить собственную политику, которая, по словам непосредственного участника событий в Крыму И. М. Цебрикова, заключалась в том, чтобы «прилежно ввестъ оба двора в войну» и «повлечь за собой славу» (Цебриков И. М. Справедливыя действы при врате Крыма в Таврике 1783 года // <http://www.crimea.metakultura.ru>). Проходившие в Бахчисарае выборы выявили немало его сторонников, хотя точнее было бы сказать — сторонников умеренного влияния России на Крым. Поддержка ими Шагин-Гирея со временем только таяла. Причем оппозиционные хану крымцы писали в Санкт-Петербург, что он не только «не по древним обрядам правит», но и лучше бы им умереть или «пушай де всероссийская самодержица для правления пришлет генерала». Причины недоверия мурз Шагин-Гирею, вероятно, кроются в проводимой им политике.

Именно двойственностью политики нового крымского хана можно объяснить затеянные им несколько нелогичные для мусульманского населения реформы. К их числу можно отнести переустройство армии в сторону ее регулярности — с едиными правилами, обмундиро-

ванием, пешим и конным строем. Традиционная для татар столица в Бахчисарае была предана забвению и перенесена в Кафу. Были ограничены права местных князьков, и, что было самым болезненным для них, перераспределена доходная часть бюджета в пользу центральной власти ханства. Введение наследственного права, по сути лишившее крымскую знать права выбора хана, вообще противоречило Кучук-Кайнарджийским соглашениям. Во всем этом просматривались штрихи тонкой политической игры: радикальные и нетрадиционные преобразования заведомо должны были вызвать оппозиционные настроения крымской знати, а их, в свою очередь, всегда в силу своих геополитических интересов поддерживала Турция. Вмешательство Порты сильно раздражало Россию, которая будет использовать все возможные варианты не только не ослабить свое влияние на Крым, но и усилить его. Ввод русских войск на полуостров — уже причина для вооруженного противостояния. И еще: сам Шагин-Гирей, бесспорно, ходил по краю пропасти, но был убежден, что он, как никто другой, нужен России. И был недалек от истины, поскольку позиция Екатерины II, по крайней мере до 1782 г., была весьма однозначной — доминирование России в ханстве без прямого его присоединения в надежде на «справедливую автономию Крыма». В рескрипте графа П. А. Румянцева командующему русскими войсками в Крыму князю А. Прозоровскому так и говорится: «Ея Величество, зная лично в настоящем хане достоинство и лучшее сведение, которое имеет он ко управлению того края, позволяет ему с полною свободою там владычествовать; а по сему заключению весьма себя отдалая вам надобно, чтоб вмешиваться в дела хана и ханства, как для нас побочные...» (*Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Кн. 4. Отд. 2. М., 1875. С. 5).

Одним из последних штрихов перед открытым выступлением против Шагин-Гирея стало провозглашение им веротерпимости к христианам и разрешение строить церкви. Выступление началось при поддержке духовенства и Порты в 1777 г. В очередной раз в Крыму появился турецкий ставленник — Селим-Гирей. Но, несмотря на то, что его высадка в предместьях Кафы все же произошла, славы он не сыскал и вынужден был ретироваться обратно в Турцию, а Шагин-Гирей вновь был посажен на ханский стол. Турция хотела выжать из создавшегося положения максимум выгоды. Поэтому в 1788 г. у берегов Крыма опять появилась турецкая эскадра. Командующий русскими войсками на полуострове А. В. Суворов конфликт уладил неординарным способом — не разрешив турецкому десанту высадиться. Дело в том, что в Турции была чума, а по международным конвенциям считалось

необходимым выдержать сорокадневный карантин, прежде чем разрешить вход в чужие порты. Османскому адмиралу пришлось повернуть обратно.

Однако общее положение в Крыму не было безоблачным, поскольку Шагин-Гирей так и не был признан султаном. В этой ситуации должна была сыграть свою роль тяжелая артиллерия международной политики — дипломатия. Тем более, что момент был благоприятным. Англия, менее всего хотевшая усиления России в северочерноморском регионе, еще не смирилась с потерей североамериканских колоний и продолжала бороться за свои интересы вдалеке от русско-турецких отношений. Английский король Георг III находился в состоянии войны и с Францией, и с Испанией, и с Голландией — государствами, поддерживающими североамериканские колонии. Австрия и Пруссия топтались на картофельных полях, перетягивая на себя «канат баварского наследия». Лавируя между сильными державами «мира сего», Россия сделала невозможным давление на себя европейских держав в пользу Турции, и та склонилась к подписанию Айналы-Кавакской конвенции.

Конвенция подтверждала положения Кючук-Кайнарджийского мира с некоторыми пояснениями. Отныне султан, оставаясь духовным лидером крымских мусульман, был обязан утвердить избранного ими хана, которым автоматически и становился Шагин-Гирей. За эту уступку Россия обязалась вывести войска с полуострова. Данные новации вовсе не свидетельствовали об отказе держав на влияние в Крыму, просто изменились правила игры. Турция акцент делала на дискредитации Шагин-Гирея и сепаратизме на Кубани и в Тамани. России ничего не оставалось, как всячески поддерживать своего ставленника и все более прикреплять Крым к империи политически и экономически. Судя по всему, это был последний шанс разыграть карту лояльной автономии. Г. А. Потемкин пошел на кардинальные, но, как стало ясно впоследствии, ошибочные меры: христианское население Тавриды (в основном греки и армяне), державшее в своих руках нити торговли, производства и финансов, насильственно выводилось с полуострова. Делалось это в спешке и неорганизованно. Именно поэтому многие переселенцы так и не добрались до места назначения — будущего города Мариуполь, погибнув в дороге.

Еще до Айналы-Кавакской конвенции в русских военных и правительственных кругах началась борьба мнений в попытке определить более ясную политику по отношению к Крымскому ханству. Инициатор радикального решения вопроса князь А. Прозоровский убеждал графа П. А. Румянцева: «...Я осмелюсь вашему сиятельству доложить, что на таком основании как ныне никогда татары покойны не будут, и

Империи нашей больше вреда, нежели пользы принесут... Разве когда большая часть их истребится, и другое правление здесь сделано будет» (*Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции, донесения: В 4 т. Т. 1. СПб., 1885–1889. С. 810–811). Румянцев и сам склонялся к подобным доводам и, поддержанный все более набирающим силу при дворе А. А. Безбородко, сообщал Екатерине II о невозможности сохранения независимости Крыма, поскольку в таком случае война может оказаться бесконечной и бесполезной.

Императрица оставалась непоколебимой и более поддерживала начинания Г. А. Потемкина. В русле политики «автономизации» Крыма Екатерина II совершила еще одну грубейшую ошибку — удовлетворила просьбу Шагин-Гирея о принятии того в российское подданство, считая, что это еще больше укрепит ее влияние на хана и на ханство. Думается, однако, речь здесь идет скорее об удавшейся провокации. Крымский хан посчитал стабилизацию крымской дипломатии между Османской империей и Россией нехорошим знаком, никак не вписывающимся в русло затеянной им игры. Чтобы подлить масла в огонь, с благословения августейшей фамилии Шагин-Гирей в 1781 г. становится гвардии капитаном Преображенского полка и подданным империи. Это вызвало справедливое возмущение не только крымского духовенства, но и простого мусульманского населения, считавших оскорбительным для них поступление их правоверного хана на службу к неверным. Чтобы увещевать своего хана и направить его на путь следования традициям и законам ислама, к нему был послан муфтий. Визит муфтия закончился трагически — по приказу Шагин-Гирея он был повешен. Казнь муфтия непременно должна была вызвать восстание, и оно, возглавленное братьями Шагина — Батыром и Асланом Гиреями — произошло весной 1882 г. на Тамани и впоследствии перекинулось в Крым. Сам Шагин бежал в русские пределы. Для русского правительства наступила пора принятия нелегких решений. Если ради спасения власти своего ставленника в Крым будут введены русские войска — это будет нарушением договоренностей с Портой и, возможно, станет причиной войны. Если не предпринимать никаких мер — можно упустить время и инициативу, дождавшись выборов нового — протурецкого — хана и вместе с ним усиления Османской империи.

Собственно, сама ситуация в Крыму подсказала направление шагов русской политики. Дело в том, что ханом был провозглашен Батыр-Гирей и тем самым ситуация явно выходила из-под контроля России. Анализируя происходящее, Г. А. Потемкин настоятельно просил императрицу немедленно ввести войска, чтобы усмирить бунт и Шагина вернуть. Чтобы не допускать критической точки развития собы-

тий, осенью 1882 г. русские войска вступили на территорию полуострова, имея распоряжение светлейшего князя: «Вступая в Крым и выполняя все, что следовать может к утверждению Шагин-Гирея паки на ханство, обращайтесь впрочем с жителями ласково, наказывая оружием, когда нужда дойдет, скопища упорных, но не касайтесь казням частных людей. Казни же пусть Хан производит сам, если в нем не подействует дух кроткий Монархии нашей, который ему сообщен, — наставлял своего подчиненного соправитель императрицы. — Если б паче чаяния жители отозвались, что они лучше желают войти в подданство Ея Императорскому Величеству, то отвечать, что вы, кроме спомоществования Хану, другим ничем не уполномочены, однако ж мне о таком произшествии донесите» (Там же. Т. 4. С. 836–839).

Большую решимость вводу войск придавали обнадеживающие известия из Турции, где начинались широкие внутренние волнения. Причиной являлся сильнейший за последние годы пожар в Стамбуле, уничтоживший большую часть города. Одновременно войска на юге Украины были приведены в боевую готовность на случай обострения отношений с Турцией. Командующий войсками граф П. А. Румянцев-Задунайский был извещен об этом в августе. И он, и Потемкин, и А. А. Безбородко не исключали начала войны. Как ждал ее и Шагин-Гирей, с большим удовольствием наблюдая не только присутствие гораздо большего, чем обычно, контингента русских войск, но и барражирование Азовской флотилии вдоль берегов Кафы. Это и тешило его самолюбие, и давало возможность применить власть. Надо признать, что именно этой властью он и злоупотреблял, казня мятежников, руководствуясь иногда просто доносами. Его непомерная жестокость, дискредитировавшая не только самого хана, но в его лице и русские войска, впоследствии обратит на себя внимание Екатерины II, что станет одной из причин потери ее интереса к Шагин-Гирею. В Петербурге начали задумываться о кардинальном изменении крымской политики.

Ожидание возможной войны было сопряжено с дипломатическими исканиями в Петербурге. Главным их объектом в начале 80-х годов становится Австрия в лице ее императора Иосифа II. После смерти матери влиятельной Марии-Терезии Иосиф обрел полную свободу, как в мыслях, так и в действиях. По его мнению, усиливающаяся на Балканах Россия — факт, которого вряд ли удастся избежать. Поэтому лучшей позицией Австрии стало бы участие в продвижении грозного восточного соседа на юг и юго-запад с извлечением из этого своих имперских выгод. Сближению Австрии и России способствовал первый раздел Польши, причем их позиции, в отличие от инициатора раздела — Пруссии, были схожи: не растаскивать Польшу окончательно, а сохранить в

виде зависимого государства со своей конституцией. В 1780 г. Екатерина II посещает вновь приобретенные земли в Белоруссии, где и встречается с Иосифом II. Их взгляды были настолько близки, что, не прерывая переговоров, императорские особы отправились их продолжать в Петербург, где обсудили границы сотрудничества. Впоследствии в 1781 г. круг совместных действий был обрисован и утвержден в личной переписке. Стороны договорились о совместных усилиях по поддержанию мира в Европе; если же одна из них подвергнется нападению, другая окажет помощь военной силой или денежной субсидией, размеры коих оговаривались. Оба монарха гарантировали целостность владений Польши и ее конституцию. В условиях таких договоренностей прусский император Фридрих II не имел возможности надавить ни на одну из держав.

Но самое важное положение договоренностей заключалось в секретной статье: Иосиф II за себя и своих преемников признал Кючук-Кайнарджийский мир и Айналы-Кавакскую изъяснительную конвенцию. Екатерина, в свою очередь, не оспаривала итоги австро-турецких войн. Более того, по согласованию с Россией Иосиф обязывался присоединиться к возможной русско-турецкой войне и выставить силы, равные силам союзника (*Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. М., 1997. С. 145*). Имея такой дипломатический тыл, можно было подумать не только о войне с Портой за Крым, но и о гораздо более перспективных замыслах.

В условиях политической эйфории у Екатерины II родился так называемый «Греческий проект». В создании проекта непосредственное участие приняли А. А. Безбородко и Г. А. Потемкин. Суть его состояла в серьезном перекраивании европейской карты, собственно той ее части, которую на тот момент занимала Османская империя. Геополитические планы Австрии и России были устремлены на выдворение Турции из европейских пределов, в частности, с территории Балкан и Греции, на учреждение там буферного государства «Дакии» со столицей в возрожденном Константинополе. По исполнению задуманного и Россия, и Австрия получали бы доминирующее положение в этом судьбоносном регионе южного подбрюшья Европы. Самодержица конфиденциально изложила план в письме Иосифу II в сентябре 1782 г. Раскинув перед ним сети обещаний, Екатерина II обрела для России союзника, столь нужного не только для продвижения на юг, но и для нейтрализации возможных демаршей со стороны Пруссии. Сама императрица была уверена в правильности предпринятых шагов, о чем и сообщала Г. А. Потемкину: «...Твое пророчество, друг мой сердечный и умный, сбылось: аппетит к ним пришел во время еды».

Первым шагом реализации «Греческого проекта», возможно, уже тогда планировался захват Крыма. Позиция светлейшего князя летом 1782 г. явно претерпевала изменения. Если в июне 1782 г. он еще вел по протоколу переговоры с Шагин-Гиреем как с влиятельным крымским ханом об уступке России для базирования русского флота в Ахти-ярской гавани (здесь впоследствии будет основан Севастополь) взамен прощения 60 тыс. руб. долга ханства, то, вводя войска в Крым в сентябре, он уже менее всего интересовался позицией амбициозного хана. А чуть позже Г. А. Потемкин на полуострове стал осуществлять секретные миссии для определения настроений крымских татар и для ведения работы по привлечению их симпатий к Российской империи. Главным агентом влияния стал Я. Рудзевич, доносивший, что все «крымцы совершенно бы себя почли счастливыми, если б толико благотворящая человечеству всемилостивейшая монархиня благоволила и их принять в высочайшее ее покровительство... Я, к успешному событию сего важного пункта, не нахожу другого средства, как удалить из Крыма Шагин-Гирей-хана... Без него, кажется, не так затруднительно будет свершить дело, Богу угодное, российскому престолу наивышшую славу приносящее, а для всех крымцев блаженство составляющее» (*Дубровин Н. Присоединение Крыма...* Т. 4. С. 931–932). К декабрю 1782 г. у Потемкина уже не было никаких сомнений в том, что Крым необходимо привести в подданство России. Все располагало к этому: удачная международная обстановка, внутренние сложности в Османской империи, неуверенность крымских мурз в том, что политическая ориентация на Турцию приведет к благосостоянию Крыма. Да и само экономическое положение ханства требовало скорейшего внешнего вмешательства, и мурзы все более склонялись к покровительству Российской империи, тем более, что де-факто это уже происходило.

Общественное мнение в Крыму лишь подтвердило уверенность Потемкина в том, что «момент настал». В обширнейшей записке Екатерине II, касающейся Крыма, он излагал экономические и геополитические аргументы в пользу присоединения полуострова: «Татарское гнездо в сем полуострове от давних времен есть причиною войны, беспокойств, разорения границ наших и издержек несносных, которых уже в царствование Вашего Величества перешло только для сего места более двенадцати миллионов, выключая людей, коим цену положить трудно. Издержка таковая доставила ли тишину, возвратила ли убытки, или хотя мало наградила, и есть ли надежда впредь ожидать покоя... Представьте же сие место в своих руках, увидите вдруг перемену счастливую для Государства Вашего: граница не бу-

дет разорвана между двух веков с нами враждующихся соседств еще третьим, и который, просто сказать, у нас почти за пазухой; сколько произтечет от того выгодностей: изобилие, спокойствие жителей, а от того и население, умножение доходов, господство непрекословное Черным морем, соединение Имеретии, а чрез то непрерывная граница всегда союзных нам народов между обоих морей. Устье Дуная будет в Вашей воле (лучше будет, есть ли флот, не вводя в Средиземное море, держать готовым). Не Вы от Турков станете искать дозволения проходить Боспор, но они будут просить о выпуске судов их из Дуная. Доходы сего полуострова в руках Ваших возвысятся. Одна соль уже важный артикул, а что хлеб и вино. К овладению Крымом предстоят, Ваше Величество, благовидные резоны, т. е. замена издержек и уничтожение причин, побуждающих беспрестанно с Портою спорить. Хану же, который без поддержания Вашего остаться там никак не может, Вы сделаете большее и знаменитейшее удовлетворение с возведением его в Персидские шахи» (*Лопатин В. С. Новое о планах князя Г. А. Потемкина по присоединению Крыма к России // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000. № 2. С. 104–107*).

В то же время светлейший князь подробно извещает свою августейшую корреспондентку о возможных вариантах реакции в Европе по поводу присоединения Крыма к России. Турция с его точки зрения не решится развязать активные действия, но даже если решится, русские войска будут максимально готовы по всему черноморскому береговому периметру отразить любую высадку десанта: «а Крым все займем, удержим и границы обеспечим». Опасность со стороны Франции, которая «все употребит пакости, какие можно», будет нейтрализована твердостью и уверенностью позиций России в Европе. Швецию надо просто известить о «лагерных сборах» на южных границах. А Пруссия будет нейтрализована Австрией. Рассматривался и вопрос о прямой военной помощи Иосифу II против беспокойного прусского короля.

Убежденная доводами Потемкина, Екатерина II все же проконсультировалась на всякий случай с Коллегией иностранных дел. После обсуждения различных вариантов там пришли к однозначному выводу: внешнеполитическая обстановка благоприятствует, а план, предложенный Г. А. Потемкиным, реален. После соблюдения официоза в декабре 1782 г. самодержица дала отмашку: истраченные на поддержание режима Шагин-Гирея в Крыму восемь лет и 7 млн руб., бесчисленные человеческие жертвы не принесли никакого результата и поэтому необходимо привести ханство в поддан-

ство, желательно мирным путем. Оставалось только безболезненно оттереть Шагин-Гирея от власти, которой он по-прежнему злоупотреблял, продолжая наказывать мятежников. Во многом его действия свидетельствовали о растерянности, поскольку становилось ясно и ему, что широкомасштабной войны между Турцией и Россией в ближайшее время не будет, следовательно, его существование как крымского хана ставится под вопрос вследствие все усиливающегося влияния северной империи. Хан не спешил покинуть Крым, а пока он оставался на полуострове, крымские татары не решались демонстрировать свою лояльность по отношению к России.

Для реализации «отстранения покровительства» от Шагин-Гирея в Крым в апреле 1783 г. был отправлен специальный резидент — надворный советник С. Л. Лашкарев. Введенный в «тайну присоединении Крыма», он должен был уговорить пока еще действующего крымского хана принять условия отставки, предложенные Екатериной II: предоставление имения в России с 200 тыс. руб. пенсионера в год и дорожных «на выезд» в размере 50 тыс. Хан на все предложения отвечал снисходительно, обещал подумать и даже послал свой обоз в Петровскую крепость, но его приближенные внушали муллам, чтобы те не доверяли русским. Сославшись на болезнь, Шагин-Гирей сначала медлил с отъездом, а потом выехал с полуострова через Тамань, лелея последние надежды не потерять власть и поднять ногайские орды, но, видимо, и сам уже в это не верил. Всего через месяц после присяги ногайцы перерезали пророссийски настроенных мурз. Потемкин знал, что ногайские орды всегда будут создавать нестабильность на Кубани, и решил перегнать кочевников в приволжские и приуральские степи. Подготовленная А. В. Суворовым военная операция в октябре 1783 г. привела к уничтожению цвета ногайской конницы в урочище Керменчик. А сам мятущийся хан после уговоров покинул Тамань и до своего трагического отъезда в Турцию жил под Воронежем на тех условиях, которые ему были предложены ранее.

После того, как Шагин-Гирей был отодвинут и крымские мурзы поняли, что он не вернется, можно было начинать процесс присоединения Крыма к России. 8 апреля 1783 г. появился высочайший манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». Никто лучше и выразительнее не пояснит общественности необходимость присоединения, нежели сама Екатерина II, тем более, что она его выстрадала: «В прошедшую с Портою Оттоманскою войну, когда силы и победы оружия нашего давали нам полное право оставить в пользу нашу Крым, в руках наших бывший, мы сим и другими пространными завоеваниями

жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портой Оттоманскою, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтоб удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россией и Портою в прежнем татар состоянии ... Но ныне, когда, с одной стороны, приемлем в уважение употребленные до сего времени на татар значные издержки, простирающиеся по верному исчислению за двенадцать миллионов рублей, не включая тут потерю людей, которая выше всякой денежной оценки; с другой же, когда известно нам учинилось, что Порта Оттоманская начинает исправлять верховную власть на землях татарских, и именно: на острове Тамане, где чиновник ее, с войском прибывший, присланному к нему от Шахин-Гирея хана с вопрошением о причине его прибытия, публично голову отрубить велел и жителей тамошних объявил турецкими подданными; то поступок сей уничтожает прежние наши взаимные обязательства о вольности и независимости татарских народов; удостоверяет нас вящше, что предположение наше при заключении мира, сделав татар независимыми, не довлеет к тому, чтоб чрез сие исторгнуть все поводы к распрям, за татар произойти могущие, и составляет нас во все те права, кои победами нашими в последнюю войну приобретены были и существовали в полной мере до заключения мира. И для того по долгу подлежащего нам попечения о благе и величии отечества, стараясь в пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир, между империями Всероссийскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков наших, решились мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

Присяга крымских мурз 28 июля 1783 г. сняла многие вопросы относительно Крыма и будущности русской внешней политики, но не все. Несмотря на то, что Османская империя косвенно признала присоединение Крыма и Прикубанья к России, борьба за полуостров не прекратилась, и Россия и Турция готовились к новой войне. В Крыму строились крепости и флот. Демонстрацией готовности России к войне и успехов в освоении южных земель явилось путешествие Екатерины II в Крым в 1787 г. в сопровождении ряда иностранных послов и австрийского императора Иосифа II. Но тогда же, летом 1787 г., рейс-эфенди потребовал от России признания верховной власти Турции над Грузией и допуска в Крым турецких консулов. 15 августа 1787 г. Турция предложила русскому посланнику Я. И. Булгакову немедленно вернуть

Крым, чего тот сделать не мог. Как обычно в таких случаях, посланник был арестован, и это было объявлением войны.

Военные действия развернулись очень быстро. Уже 21 августа 1787 г. турецкий флот напал на русские сторожевые корабли возле Кинбурна. Под командованием А. В. Суворова, руководившего оборонной не только Кинбурна, но и всего Черноморского побережья от Херсона до Крыма, российские войска отразили атаки во много раз превосходящего по численности турецкого войска. Разгром турок сорвал их попытки овладеть Крымом с моря и уничтожить главную гавань — Севастополь.

Несмотря на военные успехи, внешнеполитическое положение России было очень непростым. Стремясь сорвать поход русской балтийской эскадры в Средиземное море, Англия весной 1788 г. запретила России нанимать английские транспортные суда, делать закупки продовольствия и наем моряков. Летом 1788 г. был создан Тройственный союз, направленный против России. В нем участвовали Англия, Пруссия и Голландия. Наконец, Пруссия, Англия и Турция добились, и это кардинально ухудшило обстановку, военного нападения на Россию Швеции. Правда, союзница России Австрия с января 1788 г. вступила в войну с Турцией, но ее участие в ней было скорее символическим.

В 1788 г. боевые действия русской армии сосредоточились на штурме важнейшей турецкой крепости Очаков. Здесь действовали 132-тысячная армия Г. А. Потемкина и Черноморский флот, так как в гавани Очакова стояли основные силы турецкого флота. Боевые действия начались на море. В сражении у острова Змеиного победила русская эскадра Ф. Ф. Ушакова, а в Днепровско-Бутском лимане была уничтожена турецкая гребная флотилия. Турки понесли огромные потери в людских силах — более 8 тыс. человек.

В декабре 1788 г. русские войска предприняли решительный и успешный штурм Очакова. Несколько ранее 50-тысячная армия П. А. Румянцева взяла Хотин. Летом 1789 г., когда турецкие войска численностью в 30 тыс. человек, форсировав Дунай, взяли направление на Фокшаны, австрийцы отступили и призвали русских на помощь. Союзников выручил 10-тысячный корпус А. В. Суворова, который с ходу атаковал турок при Фокшанах. После 9 часов упорного сопротивления турки не выдержали штыковой атаки и бежали. К сожалению, успех этой победы из-за не слишком решительной позиции Г. А. Потемкина не был развит наступлением русских войск.

Еще более значительная победа была одержана А. В. Суворовым, командовавшим 20-тысячными совместными силами русских и ав-

стрийцев над 100-тысячной армией Османской империи под Рымником. Столь сокрушительное поражение Порты решило успех кампании 1789 г. Россия продвинула свои войска до низовьев Дуная. Были взяты крепости Гаджибей, Аккерман, Бендеры. Русские войска заняли прочные позиции между реками Днестр и Серет. Под влиянием поражений Турция вступила было в переговоры о мире, но под нажимом Англии и Пруссии отказалась от них. Австрия в 1790 г. заключила сепаратное соглашение, взяв на себя обязательство не оказывать помощь России. Война продолжалась. Севастопольская эскадра в Керченском проливе обратила в бегство турецкий флот, предотвратив попытку высадить турецкий десант в Крыму. А за этой победой последовало взятие крепостей Тульча, Исаакча, Браилов и, наконец, Измаила.

После победы над шведами и заключения с ними мира русская армия сумела наголову разбить вооруженные силы Турции, таким образом, дальнейшее ведение военных действий стало бессмысленным. Теперь дело было за дипломатами, но и здесь не обошлось без сложностей. Накануне переговоров умер Г. А. Потемкин, а Великобритания резко усилила антирусский настрой на конференции в Яссах. Однако русская дипломатическая делегация, возглавляемая А. А. Безбородко, сумела к декабрю 1791 г. добиться приемлемых итогов. Россия при противодействии дипломатии Англии и Пруссии отстояла право на Северное Причерноморье, Черноморский бассейн и Крым. Ясский мир 1791 г. завершил определенный этап в развитии русско-турецких отношений. С этого времени правительство Екатерины II, а затем и правительство Павла I стремились к установлению мирных отношений с Турцией. Территориальную принадлежность Крыма к России оспаривать никто не решался вплоть до мечтаний турецких властей в период Крымской войны 1853–1856 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. М., 1952.
- Боплан Г. Описание Украины. Киев, 1990.
- Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.
- Дубровин Н. Присоединение Крыма к России: В 4 т. СПб., 1885.
- Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.
- Любавский М. К. Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М., 1958.

- Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVII в. М., 1971.
- Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство до XVIII века. СПб., 1887.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. Одесса, 1889.
- Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. М., 2001.
- Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма. Симферополь, 1996.
- Челеби Эвлия. Книга путешествия. Симферополь, 1999.

Очерк пятый

**Российское
государство
и кочевые
народы**

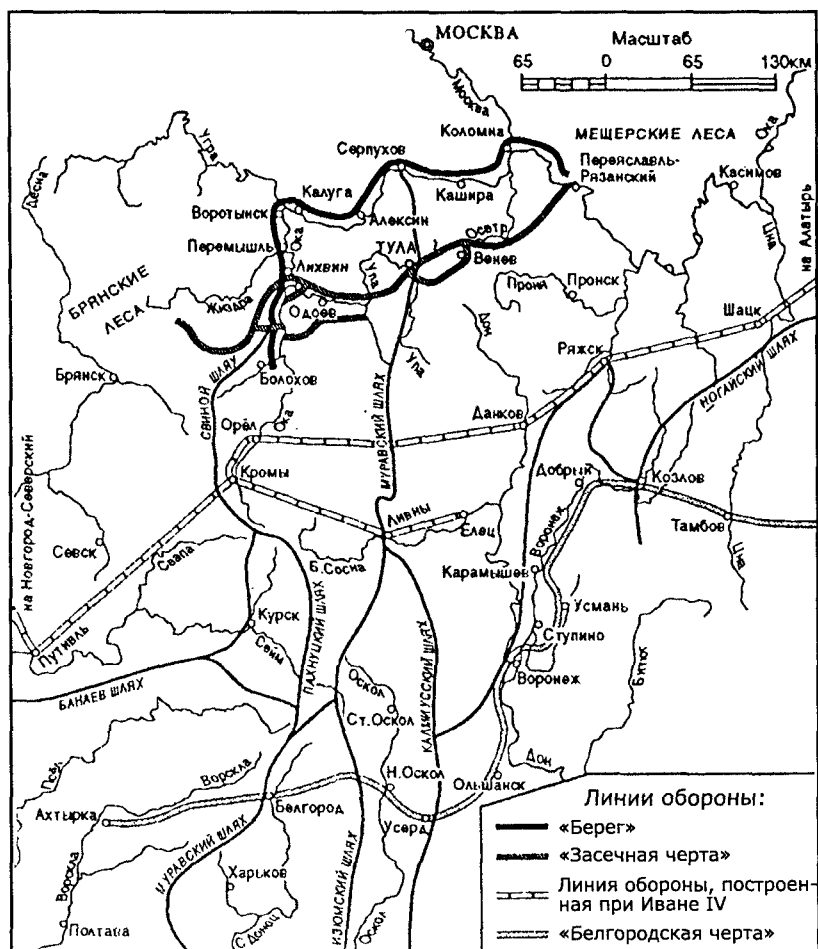
Особенности вхождения кочевников в состав России. — Ногайская орда и ногайско-русские отношения в XVI–XVII вв. — Кочевники Урала и Сибири. Казахи. — Калмыки и Россия в XVII в. Хан Аюка. — Казахские жузы и Россия в XVIII в. Деятельность И. К. Кириллова и В. Н. Татищева. — Калмыцкие дела. — Освоение Оренбуржья. Переход кочевников к оседлости. —

Правительственное влияние на управление кочевых народов и их присоединение к России во второй половине XVIII–XIX вв. — Положение кочевых народов в составе Российской империи в XIX — начале XX в.

Особенности вхождения кочевников в состав России. Восточные славяне достаточно рано познакомились с кочевым миром Евразии. Большие группы степняков переселялись в пределы Руси, пополняли местное население, растворялись в его среде. На протяжении столетий кочевые и оседлые сообщества при всем коренном различии своего социально-экономического уклада и образа жизни (подчас взаимном неприятии таковых) органично дополняли друг друга и, кроме войн и набегов, объективно нуждались в контактах между собой: торговых, соседско-дружеских и даже родственных.

История самого процесса вхождения кочевников в состав России весьма интересна и поучительна: был пройден путь от простого вовлечения в двусторонние контакты до разных степеней зависимости. Схема могла быть примерно следующей: согласие о мире (формула «другу другом быти, а недругу недругом»), о военном сотрудничестве («стояти на всякого недруга за один; кто тебе ратен будет — я тебе пошлю, а кто мне ратен будет — ты мне рать пошли»), о подчинении (принесение присяги-«шерти» — сперва устной, потом письменной, выдача заложников-«аманатов»); наконец, подданство (уплата дани, либо иных податей, исполнение службы, определение границ) и затем прямое включение в состав державы с назначением в ханства, орды и улусы царской военной и гражданской администрации.

При всем при этом приходится иметь в виду особенности сообществ у кочевых скотоводов: преобладание экстенсивного скотоводства, своеобразие социальной системы, так называемой «внешнеэксплуататорской» деятельности («чужих» и даже «своих» оседлых групп), «генеалогическая» организация власти, слабое развитие собственности на землю и семейное владение скотом, раннее, но незрелое денежное обращение, диктат вождей с дружинами, религиозная (конфессиональ-

Линии обороны юга Руси в XVI-XVII вв.

ная) специфика древних степных верований (подробнее см.: *Викторин В. М.* Потестарно-политические и правовые отношения у кочевых народов (взаимосвязь внутренних и внешних факторов) // *Методологический анализ политического знания (Философские проблемы государства и права. Вып. 5). Саратов, 1988. С. 123-135).*

Ученые, рассматривавшие оригинальное социальное устройство кочевых народов, обычно отмечали его дуализм — единство древних «родоплеменных» структур и военно-территориальных, «ордынских». В обоих случаях выделялись их «старшие» и «младшие» («большие» и «малые») части. Однако «знатность» не всегда подкреплялась богатством, так как последнее не очень надежно обеспечивалось посредни-

ческой торговлей и боевыми набегами. Многое определялось преобладанием у кочевников на данный момент одного из ведущих общественных состояний — «военно-кочевого» либо «аульно-кочевого» (Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 312–313).

В течение долгого времени кочевые народы служили для России «буфером» в отношениях с соседними, нередко враждебными ей крупными государствами (с Турцией, зависящим от нее Крымским ханством, Персией, позже с Китаем и др.). Вместе с тем большие группы кочевников во главе с вождями, откалываясь от собственных государственно-подобных образований, могли выбирать, за какую страну и государя им «заложиться», и, как увидим, легко и просто меняли свои пристрастия в политике.

Российское государство до поры не вмешивалось во внутренние дела кочевых орд, даже в борьбу между отдельными кочевыми народами (и тогда, когда обе стороны считались ее «подданными»). Более того, московское правительство нередко играло на противоречиях в среде кочевников, между ними и странами-соседями. Зачастую оно стремилось сбалансировать ситуацию, чтобы одни группы кочевников сменяли другие, выполняя нужные России функции.

Для проведения российской политики среди кочевников обычно направлялись выходцы из аристократии данных народов, либо их близкие обрусевшие потомки (пользовавшиеся в ордах опять же «генеалогическим» авторитетом), а также известные российские высшие военачальники и гражданские чиновники, ранее бывавшие и служившие на Востоке, часто еще и крупные ученые, умело использовавшие этнокультурную специфику (А. П. Волынский, В. Н. Татищев, И. И. Неплюев, Г. Ф. Миллер, И. В. Гудович, А. В. Суворов, А. П. Тормасов, М. Д. Скобелев, Н. Г. Столетов и др.).

Присоединение Казанского (1552 г.), Астраханского (1554–1556 гг.), затем Сибирского ханств (1581–1595 гг.) вывели Русское государство прямо к границам степей и кочевого мира, эти события сделали для него задачу использования в своих интересах кочевников — различных потомков тюрков-кыпчаков и монголо-ойратов (калмыков) — наиболее актуальной.

Ногайская орда и русско-ногайские отношения в XVI–XVII вв. Первым непрочным государственным образованием кочевых народов, с которым и прежде московские великие князья имели постоянное общение, а затем установили дипломатические связи, была Ногайская орда, возникшая в конце XIV в. Ногайская (иначе — Мангытская) орда

сформировалась в степях между Волгой и Яиком (Уралом), но в начале XV в. уже распространяла свое влияние и на правобережье Волги, затем стала активно воздействовать на политику всех соседних с ней ханств, особенно Астраханского, на казахов будущего Младшего жуза, южную часть башкир так называемой «Ногайской» волости-«даруги», и некоторые группы каракалпаков.

Частый обмен посольствами между царским двором и бием — главой Ногайской орды, налавился с конца 1489 г., началась активная дипломатическая переписка с ним и мурзами, а в начале XVI в. на Москве возник особый «Ногайский двор». Политика бия Юсуфа в середине XVI в. была двойственной: поддерживались связи и с Москвой, и с враждебными ей Турцией и Крымом, и со Средней Азией. Оппозиционный бию его брат, мирза Исмаил, последовательно стремился сблизиться с Россией. Между двумя «партиями» в орде произошел кровавый инцидент, когда в 1555 г. Юсуф был убит, а бием стал Исмаил. Племянники — дети Юсуфа, пошли на него войной, и Ногайская орда раскололась надвое. Большая Ногайская орда со столицей в золотоордынском г. Сарайчике в низовьях Яика придерживалась пророссийской ориентации, а сторонники родственников сына Юсуфа во главе с мирзой Казы (Касаем), внучатым племянником обоих биев, в 1555–1558 гг. откочевали на Кубань, в подданство Крыма и Турции, создали там враждебную России Малую Ногайскую орду (Казыев юрт). К ним же присоединились и два сына Исмаила — Тинбай и Кутлубай, возглавлявшие поколение «найман». Третьей, почти независимой ордой с шестью мурзами на реках Яике и Эмбе, была «алтыульская», или «джембойлуковская».

Еще в 1554 г. Исмаил, тогда один из мурз, принес шерть о военном союзе с Москвой. А во вторичной шерти от 1557 г. он вместе со своей родней признал зависимость от России, с этого времени называя в письмах царя Ивана IV Грозного «государь».

Английский моряк-путешественник конца XVI в. Кристофер Бэрроу характеризовал отношения России и Большой Ногайской орды на западный лад как «отношения сюзерена и вассала». На деле это было не более, чем покровительство (на поздний манер — «протекция»), поскольку денежные средства — «поминки», направлялись из Москвы в орду, а никак не наоборот. Но выгодная для России обстановка сменилась со смертью бия Исмаила. Он умер в 1563 г., перед тем просив царя Ивана IV проследить за сыновьями и родней, дабы «кому на каком улусе быти, и во всем тем велел смотреть на тебя и слушать во всем. А от их недругов приказал тебе, чтобы ты берег их» (*Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск; Ставрополь, 1988. С. 25–26).

За короткий период до 1619 г. на престоле Орды сменилось пять биев. А русско-ногайские отношения в 1563–1585 гг., 1613–1619 гг., и особенно после 1628 г., находились просто в критическом состоянии, хотя некоторые представители ногайской аристократии (Юсуповы, Урусовы, Тинбаевы, Шейдяковы и др.) в это и последующее время появлялись в Москве, принимали христианство (что для ногайцев в массе было нетипично), успешно пополняли аристократию Русского государства или же возвращались к себе в степи.

Показательна судьба Урака-мирзы Янарасланова — князя Петра Урусова. Они с братом в 90-х годах XVI в. были сданы аманатами в Москву, крещены и приняты в придворную службу. Случилось так, что именно князь Петр убил 11 декабря 1610 г. Лжедмитрия II и бежал в Крым, бросив княгиню и снова обратившись в мусульманство. Был советником хана по московским делам, затем участником ногайской оппозиции хану во главе с мирзой Кантемиром. Хотел снова отъехать на Москву, но без восстановления русского брака. А 13 мая 1639 г. хан Бахадур-Гирей обманом заманил его в Бахчисарай и убил (*Трепавлов В. В.* Тюркская знать в России. (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии (Акта Евразика). № 1–2 (4–5). М., 1998. С. 52–53).

Центром общения с ногайцами в то время стала вновь построенная российская Астрахань, с правящими влиятельными воеводами. Царь Борис Годунов на самом рубеже XVI–XVII вв., говоря о ногайских мурзах, «повеле астраханским воеводам их ссорить»; от этой линии царская власть отказалась только в 1622–1623 гг. из-за участвовавшего бегства степняков на Кубань (*Кочкаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 111, 113). В Астрахань или позже в Кизляр ногайцы давали аманатов. Здесь же в 1600 г. провели вступление на престол, так называемое «посажение на белую кошму», известного бия Иштерека, а в 1623 г. уже фактически безвластных бия Каная и его заместителя — нурадина Кара-Кельмамбета.

Секретарь посольства Голштинии в Персию Адам Олеарий (Ольшлянгер), посетивший Астрахань в сентябре 1636 г. и августе–сентябре 1638 г., назвал ее «главным городом страны Нагайи» (*Алексеев В. Н.* Исторические путешествия. Извлечения из записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII веках. Сталинград, 1936. С. 66). Вскоре ей выпало стать и центром общения с калмыками. Затем такую же роль играли Азов (во время «казацкого сидения» 1637–1643 гг. и в походах на турок в 1696–1711 гг. при Петре I) и казацкий Черкасск. Контакты с казахами и Средней Азией шли через Оренбург, Омск и Астрахань. Казахская степь была для России важнейшим поставщиком скота и базой транзитной торговли.

В 1557–1558 гг. массы ногайцев, особенно из-за голода и чумной эпидемии («мор») в Большой Ногайской орде, бежали под Астрахань и кочевали вблизи нее под непосредственным управлением не бия, а астраханских воевод и прибывших к ним мурз из рода Урусовых и Тинбавых, давали в крепость аманатов, т.е. жили уже под прямой российской властью. Так, английский посланник при царском дворе Энтони Дженкинсон в 1558 г. отмечал большие потери «в Астрахани... особенно среди татаро-ногайцев, которые пришли тогда сюда отдаться в руки русских... и искать у них помощи» (Там же. С. 46). А Кристофер Бэрроу, посетивший Астрахань в 1579–1581 гг., отмечал наличие полuosедлого стана-поселения Юрт вблизи городской крепости, где жили 7 тыс. этих юртовских «ногайских татар» (*Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. М., 1937. С. 307).

Кочевники Урала и Сибири. Казахи. С установлением более прочной зависимости от Русского государства согласилась после взятия Казани часть башкирского народа. Первое посольство башкир Казанской и Ногайской «даруг» прибыло к царю Ивану IV уже в конце 1552 г. Они просили защиты от набегов сибирских татар хана Кучума, а затем и от все более угрожавших с юга других кочевников — казахов, калмыков. Так башкиры первыми из кочевых и полукочевых народов фактически присоединились к России — на правах владения землями, но с обязанностью уплаты ясака. Остальные башкиры Сибирской и Осинской «даруг» проделали то же самое к началу XVII в.

Российское освоение сибирских просторов было связано с деятельностью крупнейших купцов и промышленников Строгановых, имевших царские грамоты на земли, привлечение работников и даже на военные отряды (с 1572 г.). Строгановыми были построены городки-остроги Канкор — 1558 г., Кердеган — 1564 г., затем (после похода Ермака в 1581 г.) Тюмень — 1586 г., Тобольск — 1587 г., Пелым и Березов — 1593 г., Тара и Сургут — 1594 г., Верхотурье и Нарым — 1598 г., Мангазея — 1601 г. и Томск — 1604 г.

Началось проникновение вглубь Сибири, в места проживания бурят (по-русски — «братов», «братских людей»), где возникли остроги Братский — 1631 г., Верхне-Ангарский — 1646 г., Баргузинский — 1648 г., Нерчинский — 1654 г., Селенгинский — 1665 г., Верхнеудинский — 1666 г. Иркутск был заложен в 1652 г., Мангазея-Енисейская (затем — Туруханск) — в 1672 г.

Жившие здесь западные буряты вели смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство, у восточных, забайкальских бурят ведущую роль играло скотоводство. Под властью России еще до середины XVII в.

у первых на основу шаманизма наложилось христианство, у вторых к моменту признания этой власти укоренялся буддизм-ламаизм.

В целом в Центральной, Южной и Восточной Сибири на момент их вхождения в состав России сильных образований государственного типа еще не сложилось. Здесь проживали алтайцы, хакасы (местные племена и группы, принявшие тюркский язык), далее буряты, южные эвенки-мурчену (орочены), кочевые коневоды. Кочевали также якуты и основная часть тувинцев.

В Урянхайском крае (Туве) в 1615 г. впервые побывали русские послы — В. Тюменец и И. Петров. Но Нерчинский (1689 г.) и Кяхтинский (1727 гг.) договоры с Китаем, узаконив присоединение к России Забайкалья, оставили проблему границы на Саяно-Алтае. Основная часть Урянхайского края вместе с Джунгарией в 1757–1758 гг. попала под власть маньчжуро-китайцев, другие же тувинцы подчинялись монголам, также подвластным цинскому Китаю.

С началом XVIII в. на степных окраинах «Сибирской линии» по Иртышу строились уже не остроги, а «фортеции» — крепости: Омская — 1716 г., Железненская — 1717 г., Семипалатинская — 1718 г., Усть-Каменогорская — 1720 г., возникали селения: Каркаралинское и Кокчетавское — 1724 г., Акмолинск — 1727 г. и, наконец, крепости Орск и Оренбург — 1735 г., последняя стала новым пунктом меновой торговли и в 1744 г. губернским центром. В 1747 г. были выстроены Ямышевская крепость и перестроена Семипалатинская, в 1750 г. — Троицкая, в 1766 г. — Петропавловская. В 1754 г. была заложена крепость Уфа, в 1786 г. превратившаяся в крупный и значительный город. В итоге к середине XIX в., когда в 1854 г. было устроено казачье поселение-крепость Верный (будущая Алма-Ата), степи опоясывала сплошная цепь российских укреплений. Только тогда наступил этап фактического подданства кочевых народов и их прямой зависимости от гражданских и военных властей Российской империи.

В этих российских пунктах с 70-х годов XVI в. действовало подтвержденное затем право беспошлинной торговли со степняками и купцами из Средней Азии. Царская грамота от 30 мая 1574 г. разрешала «бухарцы и калмыки (первое русское упоминание о них. — В.В.) и казахские орды у них торговати повольно, беспошлинно». А в 1695 г. главным центром торговли был определен Тобольск.

В орбиту влияния России вошли тогда прежде всего ногайцы, калмыки, часть казахов, степные группы башкир и совсем небольшая общность туркмен, в начале XVII — конце XVIII в. переселявшихся на северо-запад вдоль Каспийского моря. Они служили царской власти, но нередко проявляли непослушание, самовольно откочевывали, со-

вершали набеги, укрывательство беглых, воевали между собой. В башкирских восстаниях второй половины XVII — середины XVIII в. участвовали и другие кочевники, равно как и в восстании Степана Разина 1670–1671 гг., Астраханском восстании 1705–1706 гг., особенно в крестьянской войне Емельяна Пугачева 1773–1775 гг.

Долгое время очагом вольности были и казахские степи. Этническое ядро народа с самоназванием «казак», т. е. «вольный человек», «кочевник»¹, возникло в южной части современного Казахстана, в долинах рек Чу и Талас, при озере Балхаш, вовлекая в свое образование всех потомков кыпчаков вплоть до Иртыша и Яика (Урала). Так в середине XVI — начале XVII в.² возникла кочевая казахская народность, состоявшая из трех групп, соответствующих трем историко-хозяйственным зонам Казахстана: Южному — Семиречью, Центральному и Западному.

В XVII в. возникли три казахских «жуза» (буквально — «сотня», «часть»), по-русски (условно) «орды»: Старший (Большой) — в Семиречье, Средний — в Центральном Казахстане, и Младший — в Западном (по-казахски «Улу жуз», «Орта жуз» и «Киши жуз»). Казахская поговорка гласит: «Старшему жузу перо дай и писцом поставь, Среднему жузу домбру дай и певцом поставь. Младшему жузу найзу (пику) дай и бойцом поставь». Все казахские жузы-орды делились более чем на 130 «поколений», или родов-кланов («ру»), а те на подразделения — «тайпа», или «суюек», — «кость», и далее на объединения семей от одного предка — «ата». Выделялись сословия «султанов», или «тюре», считающихся прямыми потомками Чингизидов, из их среды избирались ханы жузов. Выделялись старшины мирного времени «бии», т. е. судьи, знатоки обычного права-адата, их позиции теснили «батыры» — лучшие воины, выдвинувшиеся в боях, и их потомки, имевшие свое знамя («ту»).

Племена Младшего жуза на севере степей вплоть до середины XVI в. входили в состав Ногайской орды, освобождаясь при ее распаде. И в отличие от хана Хакназара, начавшего к 70-м годам XVI в. воинственную политику против соседей, в 1582–1598 гг. его преемник хан Тевеккель искал союза с русским царем Федором Иоанновичем против южных среднеазиатских государств (подробнее см.: *Султанов Т. И.* Россия и Казахстан. ... С. 10–12).

¹ Не следует путать с созвучным обозначением вольных, а затем служилых людей в русско-украинской, а затем иноэтнической среде Российского государства — «казачеством», впрочем, имевшим с соседними тюрками многообразные связи.

² По Т. И. Султанову, «Казахское ханство было образовано в XV в. двумя султанами, Гиреем и Джанибеком, и представляло собой типичное кочевническое государство» (*Султанов Т. И.* Россия и Казахстан: История и проблемы взаимодействия (XVI — начало XX века // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1966. С. 16).

Калмыки и Россия в XVII в. Хан Аюка. Номинально подчинялись России монголоязычные калмыки, прикочевавшие к ее пределам через земли кыргызов и казахов с далекого юга в 70-х годах XVI в. после первого разгрома Ойрато-Джунгарского ханства в Центральной Азии южными монголами-халхасами Алтан-хана. Здесь калмыки в союзе с русскими отрядами вели нападения на Сибирское ханство и в 1591 г. «гнаша во след Кучума» (*Эрдниева У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1985. С. 31 и сл.*). Калмыки, как и другие «краснокосточные» ойраты³, оставшиеся в Западной Монголии, состояли из четырех основных подразделений, различавшихся в диалектах и культурных традициях: тургутов, дербетов, хошеутов и хойтов. Выделялись также чоросы и олеты (поэтому русские первоначально стали называть всех калмыков «елютами»). Эти исходные орды дробились на более мелкие улусы. Они то вновь оттягивались на юг, к родной Джунгарии, то пополнялись переселенцами и беженцами оттуда.

В сентябре 1606 г. в городок Тару прибыл посланец высшего среди калмыков тургутского тайджиды Хо-Урлюка, а 16 июня 1607 г. — посольство «больших людей» дербетских Далай-баатра Янышева, Ичиня (Очиня) Уртуева, тургутских — братьев Ужена и Юрикта Конаевых и еще 45 тайш. В феврале 1608 г. дербетские тайджиды побывали в Москве, были жалованы царем Василием Шуйским. В 1608 и 1615 гг. и сам Хо-Урлюк принес в Таре устную шерть России, а затем и другие владельцы совершили «шерть по своей вере, заклады и наш ясак».

Через год в 1616 г. в калмыцкие улусы было направлено русское посольство, а в 1617–1618 гг. в Москве побывало посольство калмыков от имени Далай-баатра. Царь Михаил Федорович 14 апреля 1618 г. выдал Далай-баатру жалованную грамоту о принятии его под российскую власть: «А ты, Богатырь-тайджи, со всею Колматцкою ордою нашему царскому величеству хочешь служить... И мы, великий государь тебя... в том похваляем... хотим держать в нашем царском жалованье...» (Там же. С. 33). В 1620 г. представителями уже всех четырех орд была принята новая шерть о зависимости от России.

Заявив о своем подчинении России, калмыки, однако, начали самовольное движение в степи по Эмбе и Иргизу, примерно в 1630 г. впервые вышли к Волге и при этом нападали на улусы Большой Ногайской орды, также считавшиеся «подданными» России, впервые вытеснив их за Волгу. Царским властям с трудом удалось вернуть ногайцев

³ Калмыки на языке тюрков, с которыми они соседствовали, — «отделившиеся, отставшие». «Улан-залата» («краснокосные») названы так по типу головных уборов древних ойратов, отличавшему их среди монгольских народов.

обратно, — согласившись с перемещением калмыцких орд, которое было связано с острым конфликтом между калмыками и соседними башкирами (тоже подданными России). Перемещение ногайцев продолжалось вплоть до середины XVII в.

Предприняв, по преданию, тщетную попытку осады Астрахани 17–18 января 1643 г., калмыки затем во главе с сыном Хо-Урлюка Дайчином (Шукур-Дайчином) нанесли в 1634 г. сокрушительный удар Большой Ногайской орде, захватив в плен несколько тысяч хозяйств (семей, кибиток) ногайцев. Они были «раскосованы», т. е. разведены по разным улусам на правах «припущенников». (Уже в начале XVIII в. старший ханский сын Чакдоржаб, женатый, кстати, на знатной ногайской женщине, пытался сосредоточить их в своих руках.) Небольшая группа едисанцев-«келечинцев» укрылась под Астраханью, пополнив число здешних ногайцев-«юртовцев».

Но основная часть Большого Ногая была вытеснена за Волгу на Кубань и, прорвавшись через заслоны астраханского гарнизона и донских казаков, объединилась с Малой ордой под властью крымского хана и его наместников-сераскиров. Возникшая севернее Крыма Аккерманская (Буджакская) орда была принята турецким султаном в свое подданство вопреки стремлениям крымского хана. С тех пор вплоть до конца XVIII в. оседавшие малоордынские ногайцы жили на левобережье Кубани, а их большеордынские сородичи кочевали по ее правому берегу, переходя через Дон и проникая во внутреннюю часть Крымского полуострова. В дальнейшем, принимая обратно ногайцев, не довольных крымско-турецкой властью, российская администрация всегда выясняла, были ли они «в русском подданстве» ранее, т. е. на Волге. Попадали на российскую территорию и пленные, в том числе кубанско-крымские ногайцы (ныне в Рязанской, Ульяновской и Пензенской областях есть 5–6 сел, основанных ими в XVII в. на линиях-«засаках» и в российской службе, живы их потомки среди татар — касимовских и мишарей).

Примерно тогда же калмыками было захвачено «300 фамилий» туркмен, переселявшихся из Северного Туркменистана на Северный Кавказ. Они начинали «жить по-калмыцки» (С. Г. Гмелин), равно как и группа «томутов, тогмутов» — казахов, сразу попавших в калмыцкий плен (ногайцы присоединились к ним чуть позже), носивших, по архивным свидетельствам, шапки с красными кистями и даже частью принимавших буддизм-ламаизм.

Калмыки вплоть до 1771 г. выполняли роль своеобразного буфера между Россией и Крымом. Возглавляемые лично Хо-Урлюком, появившись с оружием в руках под Астраханью в начале 1643 г., в следующем, 1644 г., они пересекли Волгу и распространились, преследуя ногайцев,

по Предкавказью. Сюда Хо-Урлюк привел 50 тыс. тургутских кибиток (в 1644 г. он погиб в Кабарде), дербетские нойоны во главе с Далаем и сыновьями — 7 тыс. кибиток, а прикочевавшая на Яик в 1670–1671 г. сестра будущего хана Аюки Доржи-Рабан, вдова и наследница владетеля хошеутов, привела 1 тыс. хошеутских кибиток.

Это число пополнилось уже в 1649 г., из Джунгарии в 1663–1723 гг. в Калмыкию прибыли еще 10 тыс. кибиток дербетов тайджи Солон-Церена, столько же хошеутов тайджи Конделена с племянниками, затем в связи с завоевательными походами маньчжурской династии Цин — 15 тыс. кибиток хойтов, а в 1758–1759 гг. после окончательного крушения Джунгарского ханства — еще 10 тыс. тургутских кибиток, а также некоторое число хошеутов и завоеванных калмыками тюркских народов Южной Сибири и Центральной Азии (нойона Церена Урукова, тайджи Шеаренга, зайсанга Бурута и др.). Общее число кочевников калмыков и ассимилируемых ими групп, прибывших за весь период в степи на Яике, Волге и в Предкавказье, достигло 100 тыс. кибиток, т. е. около 400 тыс. человек (*Балакаев А. Г. Трагедия калмыков // Советская Калмыкия. 1991. 10 янв.*).

Среди господствовавшего слоя у калмыков — владельцев улусов («нойонов»), выделялись высшие нойоны, или «тайджи», именуемые по-русски «князьями». Они вели свой род по мужской линии от основателей Ойрато-Джунгарского ханства в XIV–XV в., а по женской — от самого Чингисхана. Традиционно предводителем калмыцкого народа считался верховный тайджа (ахалакч-тайджа). На момент переселения таким статусом обладали владетели тургутов Хо-Урлюк и его потомки. Но им противостояли постепенно набиравшие силу дербетские нойоны во главе с Далай-баатром, а с 1637 г. — его сыном Даян-Омбо.

В 1648–1649 гг. имела место попытка отказа ряда тайдж от подчинения русской власти (при этом отрицался сам факт принятия когда-либо российского «подданства»). В самом начале 50-х годов отмечены активные калмыцко-крымские и калмыцко-персидские контакты. На жесткий протест российской стороны тайджи обязались в 1650 гг. «без указу твоего государева кочевать не ходити». А затем преемник Хо-Урлюка Дайчин, или Шукур-Дайчин, принес российскому правительству в середине 50-х годов три шерти (с 1648 г. — письменные, так как уже существовало новое ойрато-калмыцкое «ясное» письмо).

Царские власти стремились иметь дело с одним сильным лидером. При этом они требовали к себе максимального почтения. Так, сначала шерти подписывали посредники, личные представители тайдж («природные люди»): в 1655 г. за Дайчина, выехавшего на богомолье в Тибет, подпись поставил Дурал-тархан. Зато очередную шерть в марте 1657 г.

впервые лично подписали знатные тайджи: Дайчин, сын его Мончак и внук Манжик. Обязательства калмыцкой стороны перед Россией от шерти к шерти все более усугублялись. Сначала, в апреле 1655 г., калмыки обязались «быть в вечном послушанье... не щадя голов своих», не вступать в зависимость от третьих стран (Крым, Иран, «дальняя Калмыкия» — Джунгария), а своим «улусам кочевать по Волге, по ногайской стороне и по Ахтубе», обещали выдать заложников, хотя доселе «аманатов не давали никому». Видимо, в переговорах содержалось и условие уплаты тайджами ясака (при сохранении за ними права сбора «албана» в свою пользу). Почти неизвестна шерть за март 1656 г., а в 1657 г. при Астрахани было условлено быть не просто в «послушанье», а «быть в вечном подданстве и послушанье», более того — «отстать от своих неправд» и с государевыми противниками «ни с кем ни о чем не ссылаться». Здесь давалось личное обязательство тайдж «быть под Астраханью» и послать в крепость первых аманатов. Кочевать же калмыкам разрешалось шире — летом до Царицына и до Самары, а зимой с захватом ранее им закрытого правобережья — в так называемых «мочагах», между дельтой Волги и Терекком. Впервые вводилась регулярная воинская служба — за ежегодное «милостивое жалованье» тайджам. Был назван и внешний противник: «С турским салтаном и крымским царем нам, тайджам, и детям нашим, и улусным калмыкам в ссылке и соединенье не быть».

Вскоре после гибели Хо-Урлюка в Кабарде волжские улусы в 1645 г. подверглись нападению «дальних калмыков», т. е. ойратов из Джунгарии, не довольных выходом собратьев из подчинения. Успевший вернуться с богомолья из Тибета сын погибшего Дайчин, или Шукур-Дайчин, в этом году вступил в правление народом (Хальм Тангчи — «землей калмыков»). По преданию, отец завещал Дайчину беречь новое пространство для жительства, ибо «кочевать де им, окромя тех мест, нигде». Но в 1660–1664 гг. волжские калмыки вновь воевали с джунгарскими ойратами. Видимо, это подтолкнуло и Дайчина к дальнейшему сближению с Россией, наряду со столкновениями с башкирами и другими русскими подданными в Среднем Поволжье.

В отличие от ногайских бия и мурз главный из калмыцких князей — тайдж, мог рассчитывать на титул хана, но только после утверждения, хотя еще в 1651 г. Дайчин называл себя «царем калмыков и татар самодержцем», а в 1655 г. после вторичного посещения Тибета, очевидно, был наречен Далай-Ламой ханом. Впрочем, по калмыцким преданиям, Дайчин отказался от титула, присовокупив крылатую фразу, что не хочет выглядеть лицемером в глазах русских властей. Однако в своих калмыцких документах от 1661 г. (т. е. после принесения шертей

России) он опять называл себя «ханом». При этом в феврале донским атаманом он принес шерть, адресованную царю: «...Калмыкам служить тебе, великий государь, заодно промысел чинить над крымскими и нагайскими людьми».

Следующие две официальные шерти 1661 г. (июньская и декабрьская) открыли калмыкам путь в Придонье, где они несли охранную и боевую службу, поселяясь рядом со служилыми казаками. Так, шерть 8 июня предписывала калмыкам нести военную службу («под Крым и Азов посылать своих людей»), за это с них окончательно снималась уплата ясака, а шерть 9 декабря поручала тайджам у русского царя «в вечном подданстве и послушании и добра ему, великому государю, хотети во всем взаправду безо всякие шалости и хитрости... с турским султаном и с кызылбашским ханом и с крымским ханом и с азовским беєм и с черкесами и с кумыками нам, тайджам, в ссылке и в соединенье и в миру не быть», выступать против иноземцев других, которые «великому государю не послушны». И с этого времени в Москве, видимо, посчитали отношения с калмыками отлаженными, поскольку затем в течение двух лет (до правления Аюки в 1673–1722 гг.) шертей не приносилось. Вместе с тем события показывают, что не следует преувеличивать роль шертей, во многом формальную и признаваемую не всеми тайджам, кроме подписавших. Подчиняющаяся сторона, в данном случае кочевники-калмыки, вообще своеобразно их трактовала — особенно в части собственной покорности.

Действительно, вскоре возник конфликт между тайджам. После шерти в 1661 г. Дайчин попытался отойти от дел, передав правление сыну Мончаку (русс. Пундук), кстати, стороннику сближения с Россией. Но уже в 1662–1664 гг. Дайчин возглавил оппозицию против сына, разгромившего улусы своих родных тайджей, отказывавшихся служить. Более того, Дайчин, хотя и связанный шертью, бежал к недавним врагам — восставшим башкирам и присоединился к их войне с царскими войсками. Но царская власть избегала прямых репрессий к высшим вельможам — Дайчин был прощен, хотя навсегда лишен власти.

Зато новому главному тайджем Мончаку царскими грамотами в сентябре и декабре 1664 г. было выражено «милостивое слово» и «похваление» за охрану степных границ (*Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период*. М., 1967. С. 111). В сентябре 1664 г. состоялось награждение Мончака знаменем и позолоченной серебряной булавой с драгоценными камнями, двумя пистолетами, карабином, саблей и убранием для коня. При этом Мончак не был назван «ханом» (это звание в России установили к началу XVIII в.), но получил все же высший почет.

В 60-е годы в Москве был образован отдельный Калмыцкий приказ. Все события 1661–1664 гг. вели к созданию в южнорусских степях и по обоим берегам Волги кочевого российского протектората — Калмыцкого ханства.

Восточнее, в прилегающих к России среднеазиатских степях, сложилась весьма непростая ситуация. При продвижении ойрато-калмыков на север территория Тувы, Кыргызстана и соседнего Старшего казахского жуза была покорена и вошла в Джунгарское государство, где вплоть до его гибели в 1758 г. правили ханы-«хунтайджи». Они взыскивали в год по одной шкуре корсака (степной лисицы) с души и набирали юношей-тюрок в свои войска. Под постоянной военной угрозой от джунгар с юга и волжских калмыков с востока находились Младший и Средний жузы.

Система власти у казахов, тем не менее, постепенно укреплялась: хан Младшего жуза Тауке (1680–1718 гг.) вместе с семьей преданными биями кодифицировал и частью изменил степное обычное право, создав кодекс «Законы хана Тауке» (иначе «Жети жарга» — «Совет семерых»). Его деятельность продолжали сыновья Болай (1718–1720 гг.) и Абулхаир (1729–1748 гг.), тяготевшие к связям с Россией. Другой сын Каип (Хаип) вскоре стал хивинским ханом. А в низовьях Сыр-Дарьи территорию отторг оппозиционный султан Батыр. Раздробленность имела место и в Среднем жузе, где правили сразу два хана — Семеке и Кушук.

В 1663 г. на Яик из Джунгарии с боями пришли очередные «дальние калмыки», причем не подчинившиеся Мончаку. В 1671 г. произошло новое переселение через земли казахов. Но при хунтайджи Цаван-Рабтане в 1697–1727 гг. Ойрато-Джунгарское государство на время вернуло себе былую мощь и силу. Назревала ссора хана с волжскими сородичами.

Между тем Мончак в 1669 г. сдал власть старшему сыну Аюке, вскоре выдавшему дочь за Цеван-Рабдана и женившемуся на его двоюродной сестре Дармабале. Положение еще более осложнило движение казаков и крестьян в 1670–1671 гг. во главе со Степаном Разиным, которого многие калмыки знали по его участию в первых русских посольствах к Аюке. В июне 1670 г. Аюка по приказу правительства выставил 25 тыс. войска в заграждение казакам на подходах к Астрахани. Но тогда же из-под власти калмыков вырвался едисанский мирза Сеюнч Седулов с улусом в 15 тыс. кибиток своих ногойцев, соединившись под Астраханью со Степаном Разиным. А двое двоюродных братьев Аюки — тайджи Дугар и Бек — сразу не признали его власти и присоединились к азовским ногойцам и крымским татарам. Все вместе они косвенно помогали восставшим, нападая на заградительные отряды Аюки с тыла. Заключив временное перемирие со своими непокорными родственниками, в 1674 г. Аюка победил

Дугара и его сына Церена, отправив обоих в уже замиренную Астрахань. Затем Церен был направлен в Москву, где первым из тайдж крестился и стал князем Василием Дугаровым.

В военных походах Аюка верно и доблестно служил России, но также с оружием в руках временами мог проявить самовластие, угнетая даже ближних вельмож, и пытался игнорировать соседних губернаторов, склоняясь к измене. Свою первую из шести шертных грамот Аюка принес 27 февраля 1673 г., затем повторил ее близ Астрахани 15 января 1677 г. и сам настоял на третьей — 13 марта 1681 г., поскольку, по его словам, «за такими великими ссорами без новые шерты быть не можно».

И действительно, прежде явно не довольный укреплением русско-казахских связей, Аюка в 1680 г. совершил набег на русский город Пензу, возглавив враждебную коалицию с участием отрядов крымских татар и азовских ногайцев, а также дербетского тайджи Солон-Церена, пришедшего в 1671 г. с 4 тыс. кибиток из Джунгарии. Снова, невзирая на все шерты, Аюка вступил в союз с другими своими извечными противниками: в 1681–1683 гг. он участвовал в восстании башкир и совершал вместе с ними нападения на Казанскую и другие приграничные губернии.

Примирению с Россией и прощению Аюки царскими властями способствовали четвертая шерть 24 марта 1683 г. и пятая — 1684 г., затем заключительная — 1697 г. (в XVIII в. шерты вообще заменились перепиской, договорами и присягой о подданстве). В 1690 г. Аюка побывал в Джунгарии у Цеван-Рабдана и на молении в Тибете. Здесь Далай-Лама наградил его ханским титулом и ханской печатью (цоло). Царские власти признали за ним это новое положение фактически только между 1697–1709 гг. (с учетом доблестной службы Петру I). Но между двумя ойратскими государствами — Джунгарией и Калмыкией, возникли большие осложнения, точнее, они возникли у ее нового (равноправного хунтайше) хана.

От Аюки, крутого нравом, отходили даже дети и внуки. Выступление тайдж-сыновей против деспотизма и самовластия хана произошло в самом начале XVIII в. Так, его сын Санжиб откочевал с улусом в 15 тыс. кибиток в Джунгарию, Цеван-Рабдан вернул его, но людей оставил себе, из-за чего сразу поссорился с Аюкой. И племяннику Аюки Арабжур пришлось, в интересах безопасности, ехать в 1709–1712 гг. на богомолье в Тибет не через Джунгарию, а окружным путем — через Китай. В том же 1701 г. восстал старший сын и общепризнанный наследник Чакдоржаб, сильный вельможа, владевший многими ногайцами; он оставался в ссоре с отцом до самой своей смерти в феврале 1722 г.

Возникали также отдельные, «внешние» для Калмыцкой степи, живущие самостоятельно и не подчиненные ханам группы калмыков. Так, в 1690 г. три владельца с людьми откочевали на Дон, где сразу были

приняты в казацкое сословие. Согласно документам в 1694 г. фиксируется уже категория коренных базовых, или юртовых, калмыков — постоянно живущих на Дону. Правительство за каждого из них заплатило бывшим владельцам по 30 руб. Наравне с казаками они участвовали в 1696 г. в Азовском походе. В связи с дальнейшими претензиями к ним со стороны властей Калмыцкого ханства последовал указ Верховного Тайного совета от 18 июля 1729 г. — оставить в службе, «в команде быть по-прежнему». Так возникла сословная и этническая группа донских калмыков-казаков, буддистов-ламаистов (бузавы, калм. бу(з)ав — «взявший ружье, оруженосец, воин»).

Буддизм в форме ламаизма начал проникать из Тибета к монголам и калмыкам еще на рубеже XIV–XV вв. Ойратский проповедник и просветитель Зая-Пандита (1599–1622 гг.), переехавший затем на Волгу, создал в 1648 г. новый алфавит «Тодо-Бичиг» («Ясное письмо») и заложил основы оригинальной литературы калмыко-ойратов. В калмыцкой степи было также введено «Ихи цаажин бичиг» («Великое степное уложение»), принятое в 1640 г. на съезде ойратских владетелей (с участием двух волжских представителей Хо-Урлюка и Дайчина). Оно не было отменено в Российском государстве, хотя дополнено и уточнено законами Дондук-Омбо в 50-е годы XVIII в., а затем Зензелинскими протоколами 19 мая 1822 г. Местный суд Зарго и судьи-аристократы (заргучи, заргачи) играли здесь большую роль, и к их влиянию правительство неоднократно возвращалось, чтобы использовать его.

Таким образом, с рубежа XVII–XVIII вв. можно фиксировать двойную зависимость земли калмыков: и от метрополии — Джунгарии, с религиозным центром в Тибете, и от соседней России.

В начале XVIII в. значительно активизировалась миссионерская деятельность православной церкви. В соответствии с планом Петра I по освоению новых земель в 1702–1720 гг. из Тобольска с некоторыми перерывами осуществлялось крещение «иностранцев» Сибири от Урала до Камчатки. Руководил этой деятельностью Филофей-Федор Лещинский, митрополит Сибирский. Обсуждение проблемы в Сенате состоялось в 1719 г. В год ликвидации патриаршества в России указом 1720 г. так называемые «новокрещенные» (переходившие в православие из ислама или ламаизма) на три года освобождались от рекрутства и уплаты налогов (платили некрещенные). В случае принятия отдельными калмыками или какой-либо их группой православной веры их не возвращали прежним владельцам и выкуп за них не платили. Совершали переход в христианство и некоторые тайджи, как в 1674 г. Церен, сын мятежного тайджи Дугара (дяди и противника Аюки), ставший князем Василием Дугаровым, затем также православные князья Дундуко-

вы, Тайджины и др. При Аюке же в 1700 г. на реке Терешке выше Саратова была основана слобода для крещеных калмыков, хотя ее через год сокрушили походом калмыки-ламаисты старшего сына Аюки Чакдоржаба, а на протест российских властей Аюка заявил, что он «холопей своих забрать имел право» (Эрдниев У. Э. Калмыки. С. 237).

В Северном Причерноморье в 1716 г. был создан казачий полк — так называемая Чугуевская команда из крещеных калмыков, потомки которых выделялись даже в начале XX в. А в 60-х годах XVIII в. такие же христианско-казачьи группы калмыков возникли в Приазовье вблизи Ростова и Мариуполя, на Моздокско-Кизлярской (Терской) линии, а потом и в Оренбуржье. Их представители после революции переселились в основном в Калмыкию.

Петровское правительство (в целом очень благоволившее к Аюке) и местные власти, тем не менее, относились к хану достаточно ревниво. «Ханские указы», которые он в 1717–1719 гг. отправлял первому астраханскому губернатору А. П. Волюнскому, тот в конце концов возвращал обратно без рассмотрения. Тогда же к Аюке был направлен царский стольник с функциями представителя-наблюдателя, а с 1722 г. в связи с походом в Персию была учреждена и должность офицера, именуемого «резидент», сохранявшаяся и позже.

Под Саратовом хан Аюка с женой и детьми встречал войска Петра I, идущие к Астрахани в Персидский поход. Император, согласно У. Э. Эрдниеву, посетил юрту Аюки. С войсками хан направил 7 тыс. отборных всадников во главе со своим внуком Бату Чакдоржабовым. Сам же был стар и болен, и в 1724 г., вскоре после похода, умер, проправив калмыками 55 лет.

Казахские жузы и Россия в XVIII в. Деятельность И. К. Кириллова и В. Н. Татищева. Одновременное укрепление Джунгарии и Калмыцкого ханства в последний раз произошло в 1723 г. Конница Аюки проникла далеко на Кавказ и вместо бежавших на Кубань едисанцев и джембойлуковцев захватила на Куме и Тереке новых подвластных ногайцев — большую орду отставших от Крыма кундровцев, иначе карагашей («темнолесцев»). Родственник же Аюки, хан Джунгарии Цаван-Рабтан, еще раньше в 1710–1718 гг. нанес сильный удар по казахам Среднего жуза. В 1723–1727 гг. началось подлинное нашествие, когда в зависимость от джунгар попали почти все казахи. И 1723 год в казахской степи остался в народной памяти как год «актабан-шубрынды» великого бедствия.

В это же самое время хан Младшего жуза Абулхаир направил от своих 40 тыс. кибиток (семей) посла в Санкт-Петербург с пожеланием «быть под протекциею» России. Коллегия иностранных дел, занятая

тогда междоусобицей среди калмыков, воздержалась от конкретного решения. Но обстановка в степи изменилась в пользу казахов. Для военного отпора на собрании Младшего и Среднего жузов в 1728 г. в районе Чимкента было создано ополчение во главе с Абулхаиром, и джунгары в 1728–1729 гг. потерпели два поражения — у озер Чубар-Тенгиз и Балхаш. Вместе с тем положение в Джунгарии осложнялось борьбой двух партий: антироссийской (прохивинско-джунгарской), которую представляли султан Барак, сын хивинского хана и официальный джунгарский наместник с 1727 г., а также султаны Батыр и Абулмамбет, и пророссийской, где хана Абулхайра поддерживали батыры и их лидер Букенбай.

В сентябре 1730 г. было снаряжено другое посольство казахов — уже к Анне Иоанновне. Его, кстати, сопровождали башкиры, заинтересованные в российском подданстве соседей. Они надеялись перейти в подчинение к их хану, сохраняя самоуправление, которого лишались при «прямом» управлении со стороны России. Письмо, которое везли в столицу, гласило: «Ныне желаю быть я со всем моим владением вашего императорского величества в подданстве... я, Эбулхайр-хан, с сорока тысяч касакими желаем (перейти) под протекцию вашего императорского величества» (*Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. М., 1957. С. 774*). Заявлялось, что казахи «могут охранены быть протекциею России».

В ответ на обращение в том же 1730 г. была получена официальная Жалованная грамота императрицы о принятии в подданство Младшего жуза, а весной 1731 г. — текст «Образцовой присяги», которой всем казахам предписывалось быть «в мире с другими подданными Российского государства», блюсти безопасность караванов в степи, выдать ясак и аманатов. Такие строгие требования иногда понимаются как «вассалитет». Но необходимо отметить, что российскому посольству во главе со служилым татарским князем А. И. (Кутлут-Мухаммедом) Тевкелевым были даны обратные инструкции — «неволей ничего не делати», а по поводу ясака и аманатов «усильно о том не домогаца». Действительно, ясак в первые годы вообще не вносился.

Посольство пытались не допустить к хану и сутки держали в осаде. На ханском собрании 10 октября 1731 г. султанская партия во главе султаном Батыром заявила, что «в подданстве быть не желают». Переломило ход собрания заявление батыра Букенбая о принятии российско-го подданства им лично. Здесь же состоялась присяга Абулхайра, Букенбая и 27 старшин.

Но в следующем месяце с особым послом выразила протест Хива. Велась антироссийская агитация и в Среднем жузе. Тем не менее пример Младшего жуза не прошел незамеченным, а опасность джунгарс-

ких тягот была гораздо существеннее. Поэтому в самом конце 1731 г. присягу принес султан Среднего жуза Семеке, подчеркнув, что в подданстве России они хотят быть «не по совету Абулхаир-хана, но сами своим желанием». Правда, контролировал он лишь центральную часть жуза, а на северо-востоке хан Абулмамбет и султан Аблай по-прежнему поддерживали джунгарские связи.

В том же году к императрице обратились и некоторые султаны Старшего жуза: «Всей Большой Орды беги (беи) вашему императорскому величеству в подданство пришли», предлагая торговые связи по Сыр-Дарье. В ответ поступила царская грамота от 10 июня 1734 г.: «Мы, великая государыня... соизволяем вас в подданство наше принять на таких же кондициях, на каких в подданство наше принят Абулхаир-хан» (Там же. С. 778). В 1738 г. попросил о том же и сам хан Старшего жуза Жолбарс, хотя до XIX в. о его реальном подданстве России речи не шло.

Завершить принятие двух первых казахских жузов под российскую руку было поручено обер-секретарю Сената И. К. Кириллову, направленному на границу, где под его руководством в 1734 г. была учреждена специальная экспедиция, через год названная Оренбургской. Впрочем, основные силы нового учреждения были существенно отвлечены восстанием 1735–1740 гг. в Башкирии, ибо указ императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г., запрещавший «джинны», т. е. народные собрания башкир, усугубил уже начавшиеся волнения и поднял на бунт «Казанскую даругу».

После смерти И. К. Кириллова в 1737 г. его сменил на посту начальника Оренбургского края В. Н. Татищев, ранее управлявший уральскими заводами. С его именем связаны серьезные и успешные акции по работе с кочевниками. Прежде всего он добился в 1738 г. вторичной присяги султана Абулхаира. Оба они — и И. К. Кириллов, и В. Н. Татищев — усиленно укрепляли границы. В. Н. Татищев, направленного в 1739 г. в Астрахань руководить другой Калмыцкой комиссией (экспедицией) — по примирению тайдж, сменил В. А. Урусов, успешно разрешивший с казаками проблему совместного обеспечения продвижения караванов. А в 1740 г. в Оренбурге был проведен съезд казахской знати двух жузов. Присягу на верность России принесли от Среднего жуза хан Абулмамбет и султан Аблай (хан с 1771 г.). Однако через год-два Абулмамбет признал зависимость, в которой пребывал до конца правления, и от Джунгарии.

Калмыцкие дела. Между тем один из претендентов на ханский титул тайджа Баксадай-Доржи Чакдоржабов, побывавший в столице, и его жена крестились там (восприемником был сам Петр I): они стали Петром Пет-

ровичем Тайджиним и княгиней Анной Тайджиной. В 1736–1739 гг. для них был построен Ставрополь-Волжский (нынешний г. Тольятти вблизи Самары), сюда же для службы были поселены «крещенные калмыки с отделением от некрещеных... из Астраханских степей».

В 1744 г. были сосланы и крещены 634 человек (221 мужского пола, 413 женского) калмыков, бежавших ранее из степи под Астрахань и принявших ислам «под влиянием хозяев» (*Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. I–II. Казань, 1897. С. 416–425, 497, 597–601*). В 60-х годах XVIII в. вся эта группа была поверстана в уральское (затем — оренбургское) казачество. Этих новых казаков преимущественно использовали против малонадежных кочевых подданных: сначала против снова восставших башкир, а затем и против казахов.

В калмыцкой степи после смерти Аюки среди вельмож началась большая смута — вплоть до войны между улусами. Главой ханства в начале был назначен второй (после умершего Чакдоржаба) сын Аюки Черен-Доржи-Дондук (1724–1735 гг.). Близ Саратова 20 сентября 1724 г. он был утвержден не «ханом», а «наместником ханства» (с половиной ханского жалованья), принес присягу верно служить, с неприятелями «дружбы и пересылок не иметь», судить справедливо и искоренять кражи (по «Великому степному уложению»), кубанских татар (не подданных России) в своих улусах не держать.

Власть Черена оспаривала вдова бывшего хана джунгарская ойратка Дармабала и сыновья Чакдоржаба Досанг и Нитар-Доржи, а также другие внуки Аюки — Дондук-Даши и Баксадай-Доржи. Но 17 февраля 1731 г. в связи с приездом китайского посольства Черен-Доржи указом императрицы Анны Иоанновны пожалован был в ханы с преподнесением сабли, панцыря, собольих шуб и шапки. А 1 мая 1731 г. астраханский губернатор И. П. Измайлов привел нового хана к письменной присяге с приложением печати: «Я, Черен-Дондук, хан калмыцкий, обещаюся и божуся по закону моему перед бурханом в том, что хочу ея величеству государыне Анне Иоанновне, императрице и самодержице всероссийской... ныне по вручении мне ханства и главной команды над всем народом калмыцким служить верно, как подданному надлежит, и все то по ея величества указам исполнять, и все то содержать, что отец мой Аюхай-хан при учинении присяги своей обещал. В заключение сей моей присяги... прилагаю мою печать» (*Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 189*).

В ноябре 1731 г. оппозиционный хану внук и воспитанник Аюки, поддержанный Дармабалой, Дондук-Омбо отразил его набег и сам разбил хана наголову. В 1735 г. потерявший влияние хан был препровожден

ден в Санкт-Петербург с заключением, что «по получении ханства учинил себя очень слабо и к тому же спился...». Вместо него 7 марта 1735 г. «главным управителем калмыков» (наместником) был назначен Дондук-Омбо, 14 ноября принесший присягу. В 1736 г. Дондук-Омбо и Галдан-Нормо окружили за Кубанью большую массу ногайцев и склонили их в русское подданство. 3 марта 1737 г. Дондук-Омбо получил титул хана и правил до своей смерти в 1741 г.

Правительство, извлекая уроки из событий минувшего десятилетия, начало создавать «резерв кандидатов» на руководство ханством: двоюродного брата хана Дондук-Даши держали в Санкт-Петербурге.

Тем временем по ослаблении власти Дондук-Омбо в степи происходили тяжелые междоусобные столкновения братьев и племянников хана. А сразу же после его смерти свои интересы проявили обе вдовствующие правительницы, смертельно враждовавшие между собой: вдова Аюки джунгарка ханша Дармабала, предлагавшая поставить во главе ханства своего сына Галдан-Данжина, и вдова Дондук-Омбо кабардинка ханша Джан, видевшая на этом месте своего сына Рандула. Однако наместником ханства 4 сентября 1741 г. был определен Дондук-Даши (с 1738 г. находившийся в степи). В. Н. Татищев, назначенный вместо князя М. М. Голицына 31 декабря 1741 г. по именному указу Елизаветы Петровны астраханским губернатором (с заведованием по совместительству Калмыцкой комиссией-экспедицией), привел нового наместника к исполнению его обязанностей.

В ответ ханша Джан не остановилась перед прямой изменой: в 1742 г. откочевав из российских пределов на Кубань, она начала переговоры с крымским ханом и персидским шахом. С большим трудом — уговорами и силой — В. Н. Татищев добился возвращения Джан с подвластными ей людьми в Россию и направил мятежную ханшу под конвоем в столицу. Вскоре ей, новообращенной христианке княгине Вере Дондуковой, ее четырем сыновьям и двум дочерям был наследственно передан Багацохуровский улус с местом жительства княгини с семейством в крепости Енотаевской, выше Астрахани. Таковым этот род владел до 1781 года — года смерти бездетного князя-тайджи Алексея. Благодаря же В. Н. Татищеву здесь распространялись оседлые виды занятий — земледелие и рыболовство, православие, появилось казачество.

Необходимо подчеркнуть, что смешанные формы общежития (прежде всего — хозяйствования) у калмыков возникали и в других районах их расселения. Длительное время до 1788 г., жили вне степи в ведении Астраханской епархии, почти в центре волжской дельты, вблизи Красного Яра, так называемые «николинские» калмыки-христиане, крещенные еще на рубеже XVII–XVIII вв., затем выбиравшие, где «кочевать

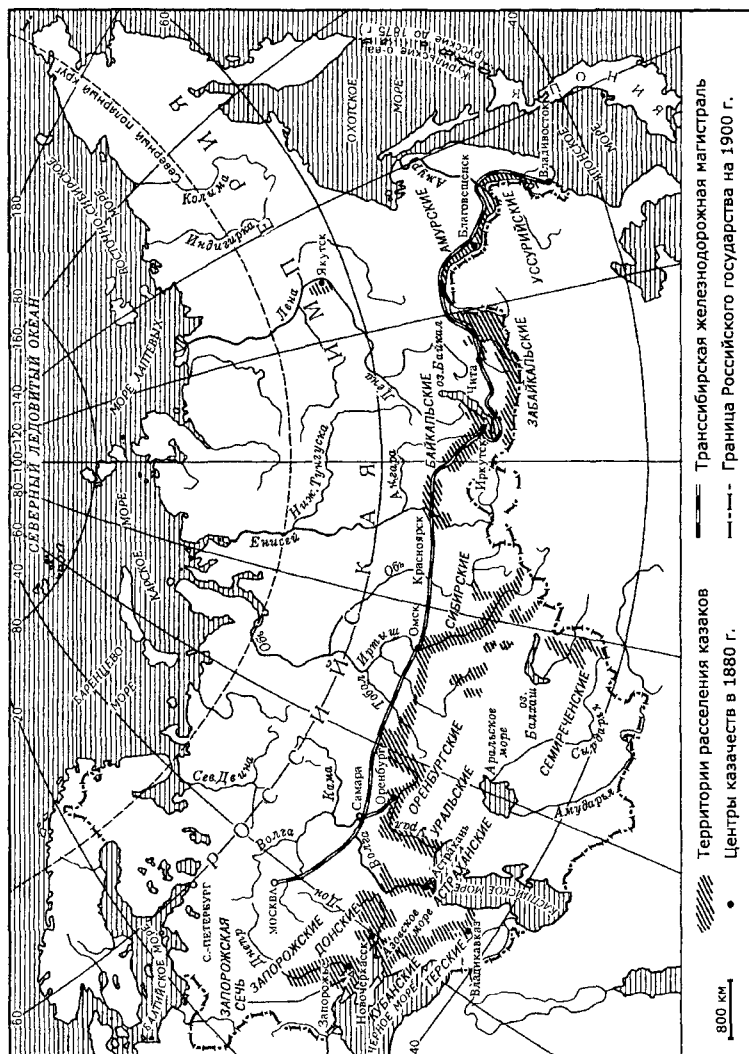
или жить» (Государственный архив Астраханской области (далее — ГААО). Ф. 599 (Духовная консистория Астраханской губернии). Оп. 2. Д. 564 от 22 марта 1788 г. Л. 1–3). При поддержке царской администрации в первой половине XVIII в. возник совершенно новый улус Калмыцкого ханства — Яндыко-Мочажный, где поселилась особая группа обедневших калмыков-тургутов, перешедших от скотоводства к ловле и обработке рыбы (в дальнейшем подразделение «камышовых», или «лиманных» тургутов, с большой спецификой, жертвами «газр-уснобаа» — земле и воде, культом «Миколы-бурхана» — покровителя промыслов).

Освоение Оренбуржья. Переход кочевников к оседлости. Восточнее в степях в начале 40-х годов вследствие нового усиления прямой военной угрозы со стороны Джунгарии началось активное освоение Оренбуржья, особенно интенсивное заселение степных рубежей. Из Казанской губернии в 1744 г. была выделена обширная Оренбургская губерния, в состав которой вошла и нынешняя Башкирия, состоявшая из двух провинций — Уфимской и Исетской (в Зауралье). Упрочивалась также Сибирская линия крепостей. Почти сразу за этим последовал указ от 27 июля 1744 г. «О зачислении в Оренбургское казачье войско всех пришельцев, поселившихся в крепостях Оренбургской губернии».

В казаки верстали оседавших кочевников-мусульман, ногайцев, подвергавшихся влиянию соседних татар (казаками-мусульманами они так и оставались). В 1744–1745 гг. специально были переселены в Оренбуржье две ногайские группы (несколько сот кибиток), отставшие от Крыма и калмыков и вышедшие к Тереку, кубанские салтанаульцы и некоторая часть кундровцев-карагашей. В документах вообще говорилось о потребности их «перевести в киргизскую степь, к их исконной родине», сами же ногайцы говорили — вернуться «к старине». (Любопытно, что массовый побег к казакам совершили 25 семей салтанаульцев.) А в 80-х годах та же попытка переселить новоподданных ногайцев с Кубани под Оренбург вызвала кровавые столкновения несогласного большинства с отрядом под командованием А. В. Суворова.

Имели место и другие правительственные перемещения кочевого населения. Так, воинское подразделение из 200 калмыков, принявших православие, вступивших в казачество и решивших жить оседло, вместе с их семьями было переведено в 1764 г. к вновь созданному Моздоку и затем включено в Горскую казачью команду местного, тоже крещеного, кабардинского князя А. П. Кончокина-Черкесского (Кургоко). А в 1777 г. они вошли во многонациональное Терское казачье войско.

Постепенно в военное сословие, близкое к казачеству (с перево-

Казаки в Российской империи (из журнала «Родина»)

дом целых групп в казаки-мусульмане — так называемые «белые амуры») власти стали верстать башкир. Указом от 16 марта 1754 г. с них был снят, как ранее с калмыков, ясак, но всех — от знати, «тарханов», до простолюдинов — обязали нести воинскую службу.

Укрепление границы всеми возможными средствами было связано с тем, что в 1741–1742 гг. джунгары нового хунтайджи Галдан-Церена вновь предприняли вторжение в Средний жуз, опустошив долины Ишима и Иргиза. После письма императрицы Елизаветы Петровны обоим жузам в 1742 г. войска Сибирской линии были приведены в боеготовность. Джунгарское посольство в Оренбург выразило согласие поддерживать мир с казахами. Однако буквально через несколько месяцев — весной 1742 г. — джунгары вновь напали на казахов Среднего жуза по Сыр-Дарье и готовили нападение на Младший жуз, но побоялись российских постов. Хан Абулмамбет вновь признал власть джунгар, и Средний жуз продолжил платить хунтайджи дань и специальную подать-откуп от набегов. Хан и султан Барак выдали аманатов и направили казахских воинов в войско джунгар. В конце 1748 г. султан Батыр начал борьбу в Младшем жузе против хана Абулхаира и спровоцировал султана Барака на убийство главы жуза.

Оренбургский губернатор И. Н. Неплюев провел чисто условные «выборы» в ханы старшего сына Абулхаира султана Нурали (1748–1786 гг.), не признанные оппозиционной группировкой. В том же 1748 г. на степном собрании султан Батыр был избран ханом проживавшего на юго-востоке жуза поколения «шекты» (*Очерки истории СССР. XVIII в. С. 785*). Но и хан Нурали правил по-своему, опираясь на батыров, и совета биев не созывал. В Среднем жузе все сильнее становился правивший в его центральной части султан Аблай (с 1771 г. — хан), склонявшийся теперь к России, особенно после смерти в 1751 г. султана юго-восточной части жуза Барака. Под власть Аблая от джунгар перешла даже западная часть (поколение «уйсун») Старшего жуза.

В 50–60-х годах XVIII в. высшие казахские султаны Нурали и Аблай уже начинали присваивать земельные участки в степи. Оба они приближали к себе влиятельных, но незнатных военачальников-батыров, опираясь на них вопреки родовой верхушке — старейшинам. Хан Нурали вообще перестал делиться с биями своими доходами. За перегон скота на продажу в Россию через Яик-Урал Нурали взимал плату, отбирая часть скота себе. После двух кровопролитных набегов-«жортоулов», совершенных казахами («подданными России»!) на астраханский пограничный городок Красный Яр в 1754–1756 гг., последовал указ 1756 г., запрещавший казахам, кроме погонщиков скота, идти «на внутреннюю сторону».

Укрепление власти ханов и султанов стало возможным и в связи с новой обстановкой. Теперь, в 1750–1758 гг., внутренние противоречия терзали уже Джунгарию. Выступившие против нового Лама Доржи нойоны Амурсана и Даваца бежали в Средний жуз к Аблаю. Походы джунгар 1751–1752 гг. на Средний жуз для «поиска» нойонов завершились весной 1753 г. их поражением от казахов. Потом началась борьба между самим Даваца, свергнувшим Ламу Доржи, и Амурсаной, пошедшим на него войной. Но Амурсана, потерпев неудачу, бежал в Китай в 1754 г., а потом скрывался в России.

Окончательное крушение Джунгарии и массовое уничтожение цинскими маньчжурами ее населения произошли в 1758 г. Калмыцкая степь, давно уже самостоятельная и поддерживавшая с прародиной редкие официальные контакты, приняла крупную волну беженцев. В этом же году были обнародованы разработанные в 50-х годах знаменитые законы Дондук-Даши, уточнявшие и видоизменявшие ойратское право, а сам он, уже слабый и больной, 20 февраля 1758 г. был произведен в ханы. В том же 1758 г. наместником при хане был назначен его 14-летний сын Убаши (правивший до своего побега в 1771 г.). И в августе 1762 г. (после смерти хана Дондук-Даши (в 1761 г.)) был подписан указ о подтверждении наместничества Убаши, оглашенный астраханским губернатором Н. А. Бекетовым на церемонии 29 октября 1762 г. в местечке Цаган-Аман.

В ходе начавшейся в степи очередной смуты власть Убаши оспорили потомки Дондук-Омбо от разных жен: крещеная самарско-ставропольская княгиня Анна Тайджина, сама ханша Джан — княгиня Вера Дондукова, и особенно ее союзник Цебек-Доржи, сын Галдан-Нормо (сына и противника Дондук-Омбо). Вместо поста наместника Цебек-Доржи получил в 1765 г. от правительства (после решения Убаши создать суды Зарго во всех улусах и утверждения в 1762 г. Положения о них) только место члена («заргачи», «заргучи») главного суда Зарго. Он затаил обиду, сблизился с Убаши и, как считается, первым подал ему мысль о массовом побеге калмыков в Джунгарию. Между тем в Калмыцкой степи 1765–1766 г. началась межевка земель, частично отходивших оседлым русским и украинским поселенцам. Поползли слухи, в том числе от взяточников-чиновников, об отдаче калмыков в рекруты и их христианизации.

В отношении собственно кочующих народов все чаще применялась практика обоседления — и по инициативе правительства, и для поддержки их собственных пожеланий. Так, Хошеутовский нойон Замьян (Замьянг) решил со своими людьми выйти из подчинения наместнику, построить городок, жить оседло совместно с астраханскими казаками. Доклад Коллегии иностранных дел с положительным заклю-

чением на этот счет был утвержден 5 июля 1764 г. императрицей Екатериной II. Но после протеста Убаши она же 21 августа 1764 г. дала разъяснение, что нойон, проживая оседло, все равно находится в подчинении у наместника. Тот не замедлил обрушить на Замьянга репрессии, отобрал у него земли, оставив лишь казачью команду и 63 кибитки лично подвластных ему калмыков. Но уже в 1767 г. именно Замьянг доносил губернатору и правительству о готовящемся бегстве калмыков. Для него в 1770 г. было построено целое поселение, названное Замьян-городок (будущая станица Замьяновская, теперь село Замьяны на правом берегу Волги выше Астрахани). После побега, проживая здесь, Замьянг снова возглавил крупный Хошеутский улус, оставив его своему пасынку, джунгарскому тайше, бежавшему на Волгу малолетним, Джиргалу-Тюменю (хотя нойоны других линий не считали его для этого достаточно знатным).

Проникало оседлое земледелие и к казахам. Весной 1765 г. прибывшие на Ишим 20 русских плотников сделали зимний дом для султана Аблая и обучили казахов строить зимние жилища. Бедняки, оседая около зимовок, жили в глинобитных домах (землянках).

Рескрипт императрицы Екатерины II, поступивший в 1792 г. к ногайцам, чьи земли окончательно вошли в состав России после русско-турецкой войны 1787–1791 гг., предлагал «сделаться, наконец, из кочевных наземными оседлыми поселянами». Других ногайцев — астраханских, т. е. карагашей-кундровцев, бывших «припущенников», «оставших от побега» калмыков, касалось другое предписание императрицы и правительствующего Сената, выпущенное в 1797 г., эта группа наделялась земельными угодьями между реками Ахтубой и Бузаном (исключив их из оброка): «...дабы и на будущее время к подобному поселению кочующих народов не происходило никакого препятствия или самого недопущения к оному» (ГААО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 819. Л. 40).

Всю ситуацию на юге России изменил побег большинства калмыков, подвластных наместнику Убаши (в первую очередь тургутов) 5 января 1771 г. в Джунгарию. Всего бежало тогда, по разным подсчетам, от 20 до 40 тыс. калмыцких кибиток, т. е. около 160 тыс. человек. В самой степи осталось лишь от 10 до 15 тыс. кибиток, в том числе до 5 тыс. кибиток, ранее принадлежавших самому Убаши (тургуты). Остались и калмыки-отходники, и калмыки-казаки, не затронутые переселением.

Предводители казахских жузов хан Нурали и султан Аблай (вскоре за усердие тоже возведенный в ханское достоинство) по указанию правительства преследовали бежавших, но, даже нагнав и вступив в переговоры, остановить не смогли. В этой новой перекочевке погибло в боях, от голода и болезней не менее 90–100 тыс. человек, многие попа-

ли в плен к казахам. В Китае благожелательный прием нашли лишь Убаши и окружение. Остальные были расселены отдельными группами в провинции Синьцзян и несли гораздо более тяжелые, нежели в России, повинности, платили огромные налоги. Иногда калмыцкие семьи бежали из Китая назад на Волгу.

Меры же, предпринятые российскими властями в ответ на побег, были весьма радикальными. 19 октября 1771 г. последовал указ Екатерины II об упразднении Калмыцкого ханства, ликвидации титулов «хан» и «наместник ханства». Главным органом теперь стала существовавшая со времен В. Н. Татищева Экспедиция (комиссия) калмыцких дел при Астраханском губернаторе. В оставшиеся калмыцкие улусы, как и к другим кочевникам, были назначены приставы, надзиравшие за нойонами и населением. В сохраняемый главный суд Зарго было назначено 12 человек — по 3 от тургутов, дербетов, хошеутов и хойтов. Так Калмыцкая степь из подчиненного ханства превратилась во внутреннюю провинцию России.

Были сразу же освобождены «припущенники»-ногайцы (кундровцы-карагаши, едисанцы, джембойлуковцы, едишкульцы, алабутатцы и др.), а также туркмены, получившие независимость от тайш (оставшихся и, тем более, ушедших), но вступившие в прямое подчинение российским властям. Впрочем, много позже, в 1799 г., кочуя рядом с калмыками-хошеутами, «свободные» кундровцы-карагаши по-прежнему охотно (как свидетельствовал известный писатель, востоковед и путешественник Я. Ю. Потоцкий) прибегали к суду калмыцкого князя Тюменя, «идолопоклонника, но потомка Чингисхана».

Несколько смягчив политику государственной христианизации в соответствии с принятым при Екатерине II в 1773 г. законом о терпимости всех вероисповеданий и ее же манифестом от 17 марта 1775 г., правительство стало брать в свои руки вопросы религиозной политики вообще. Так, с конца XVIII в. верховного ламу для Калмыкии стали утверждать в Санкт-Петербурге, а не в тибетской Лхасе, как это было прежде. Калмыцкий суд Зарго в 1786 г. был отменен (попытка его восстановления вместе с ханством в 1800–1805 гг. закончилась неудачей). После присоединения Крыма и Кубани, т. е. огромного роста среди подданных России приверженцев исламской религии, в 1788 г. для них было образовано два религиозных органа-муфтията: Оренбургское мусульманское духовное собрание в Уфе, ведавшее также казахами, и Духовное собрание мусульман Таврической губернии, которому подчинялась часть ногайцев.

Теперь считали, что воспитание верных российско-подданных из молодых мусульман и ламаистов важнее поверхностной христианизации.

ции. В 1788–1799 гг. часть миссионерских школ была закрыта, под контролем правительства открылись школы для мусульман (Казань, Астрахань, Тобольск), «Азиатская школа» в Омске (1789–1836 гг.). Позже в степях в 1875–1900 гг. возникли «русско-киргизские» школы, а в 1847 г. в Астрахани — училище для калмыков.

Правительственное влияние на управление кочевых народов и их присоединение к России во второй половине XVIII–XIX вв. И все же кочевники по-прежнему не оставались в стороне от крупных общественных движений в России. Восстание Емельяна Пугачева сразу же поддержали башкирские старшины Салават Юлаев и его отец Юлай Азналлин, а также большие массы простых башкир. Самарские (ставропольские) казаки, калмыки-христиане во главе со старшиной Федором Дербетевым в конце 1773 — начале 1774 г. также активно присоединялись к Пугачеву. Зато улусная аристократия, конъюнктурно заигрывая и с правительством, и с восставшими, оказалась вновь разделена на группировки. Так, багоцохуровский нойон, князь Алексей Дондуков (сын ханши Джан), выступил тогда против восставших с большим отрядом. А Нурали, казахский хан Младшего жуза, при появлении Пугачева в сентябре 1773 г. на Яике снесся с ним, «императором Петром III», осенью ему был послан скот, причем сопровождавшие его казаки так и остались служить восставшим. Но когда Пугачев потребовал «аманатов и присяги», Нурали обратился к Оренбургской администрации, а затем, после неудачной осады Оренбурга восставшими (5 октября 1773 г. — 23 марта 1774 г.), официально заявил о верности императрице.

На это последовали воззвания от Пугачева («листы, или «именные указы») к народу, простым казахам: «Когда всевышний господь бог мне даст волю, то я вас всех не оставлю и буду вас жаловать зерно, нелицемерно землею, водою и травам, и ружьями, и провизантом, реками, солью и хлебом, и свинцом» (*Очерки истории СССР. XVIII в. С. 787*). Такие воззвания поступили и в Средний жуз; совет старшин даже оценил их положительно, но вновь утвержденный хан Аблай решительно отклонил.

В августе 1774 г. к Пугачеву в занятую им Дубровку, столицу Волжского казачьего войска, прибыли гонцы от дербетского нойона Ценден-Доржи. Тот заявил о своей службе предводителю восстания, но после неудачи под Царицыном был отпущен, а впоследствии прощен — «вел переговоры о калмыках, встреченных по дороге». В 1783 г. ему даже дали права на Дербетский улус, которым Ценден-Доржи до этого руководил временно.

Волнения в 1775 г. среди казахов, которые не верили в казнь Пуга-

чева, заставили хана Нурали обратиться к помощи царских властей. Отголоском этих событий стало и последующее восстание казахов Младшего жуза во главе с батыром Срымом Датовым (1783–1797 гг.). Опытный воин и одновременно старшина 2 тыс. кибиток, он возглавил оппозицию хану Нурали, но выступил также против усиления власти России, соседнего казачества. Удачно совпало на этом фоне обращение старшин к Екатерине II в 1785 г. о притеснениях со стороны хана Нурали и его братьев: хану весной 1786 г. пришлось самому ехать за Урал для объяснений.

Учитывая волнения во главе со Срымом, правительство пошло на временное упразднение ханской власти. По указу Екатерины II от 3 июня 1786 г. об отстранении Нурали бывшего хана отозвали в Оренбург, а затем отправили в Уфу. Действие «Кодекса Тауке» в степи было приостановлено, и в том же 1786 г. в Оренбурге был создан Пограничный суд, на местах — расправы. В августе 1787 г. в Орской крепости состоялась церемония «выборов» нового хана. Им стал Эралы (Эрали) — брат Нурали, с кандидатурой которого не согласились многие влиятельные старшины и батыры. Вновь наметилось сближение части знати с оппозиционным России султаном Абулгазизом, с хивинцами и бухарцами, так было до самой смерти Эралы в 1794 г. Новый правитель, султан Есим, весной 1797 г. был убит повстанцами Срыма. А попытка утвердить ханом невлиятельного султана Каратая успехом не увенчалась.

В августе 1797 г. был создан новый коллективный орган — ханский совет, куда вошли султан Айчувак, шесть старшин и муфтий, а осенью был также принят и Срым, заявивший о прекращении своей борьбы. Такая «переходная» ситуация (не «ханы», а «султан-правитель» в Младшем жузе и «старший султан» в Среднем на правах «наместников») сохранялась вплоть до 1824 г. — введения в казахских степях «прямого» правления назначенных царских чиновников. Тогда звание бия было решено оставить тем, кто его имел раньше либо получил по милости государя или выбору общества. Упразднились старшие султаны в Среднем жузе и султаны-правители в «Свободном Казахстане», т. е. Младшем жузе.⁴

В Приволжье кочевые народы «перегруппировались»: после откочевки большинства калмыков в 1771 г. царское правительство делало ставку на ногайцев, но затем стремилось передвинуть их восточнее, а в преддверии переселения к Волге казахов в 1800–1801 гг. старалось вновь

⁴ Т. И. Султанов считает, что «период российского подданства казахских жузов четко подразделяется на два основных этапа: I — период номинального подданства (1731 г. – 20-е годы XIX в.); II — период фактического присоединения и колониального подчинения (30–60-е годы XIX в.)» (Россия и Казахстан..., с. 22 и сл.).

усилить оставшихся калмыков, их нойонов (звание «тайджа» уже отмирало). Так, в 70 — начале 80-х годов были предприняты усилия по возвращению ногайцев «под протекцию» России — напрямую или через посредство все более зависимого крымского хана. Тогда же, в 1771–1772 гг., возникла идея самостоятельного буферного Ногайского ханства во главе с одним из «Чингисовых детей», т. е. одним из младших родственников крымских ханов, многие из которых имели черкесское (адыго-кабардинское) либо ногайское родство.

Вскоре после этого возник проект Г. А. Потемкина и А. В. Суворова — в противовес казахам переселить ногайцев в поволжско-приуральские степи, откуда они некогда вышли. Суворов в 1776–1783 гг. находился в Причерноморье почти постоянно, а с 1782 г. в очередной раз вступил в командование всеми войсками. Он приурочил к годовщине коронации Екатерины II 28 июня присягу всех ногайских орд, торжества и праздники, и до 2 июля 1783 г. они прошли повсеместно. Были отмечены горячее одобрение идеи переселения сторонником России, предводителем поколения ктай (китай) и всей Едишкульской орды Джанмамбет-мирзой, более сдержанное — каймаканом (верховным предводителем) ногайцев Халил-аги (его условия включали 11 пунктов) и резкое неприятие проекта оппозиционной партией (Таусултан-мирза, Канакай-мирза, Мамбет-мирза Мурзабеков и многие другие). Возобладала позиция последних: начиная с 31 июля и в течение всего августа ногайцы нападали на русские посты и казачьи поселения.

Ответная военная экспедиция Нижегородского драгунского полка, казачьих отрядов и других подразделений во главе с А. В. Суворовым привела к жестоким столкновениям 10 сентября — 4 октября (особенно тяжелым был бой 30 сентября — 1 октября близ Керменчика). Погибло множество ногайцев и их семей, а 7 тыс. кибиток бежали за Кубань к сородичам (бывшим «Казыевым»), находящимся под турецкой властью; возвращение в 1784–1787 гг. протекало медленно. Лишь Ясский мирный договор 1791 г. собрал в состав Российской империи всех ногайцев, в том числе почти оседлых закубанских (не находившихся в подданстве России).

Бывшие пять ногайских орд — Едисанская, Едишкульская, Джембойлуковская, Буджакская и Кубанская — были преобразованы в 7–8 приставств Кавказской губернии. Выделялись три приставства закубанских ногайцев: Главное (каспулатовцы, кыпчаки и часть едисанцев), Тохтамышское и Бесленнское (наврузовцы); 4–5 степных, кочевых: в Пятигорском округе — Калаусо-Саблинское и Бештово-Кумское приставство (касай, мангыт, едисан и едишкуль), в Ставропольском округе — Калаусо-Джембойлуковское (джембойлуковцы и кочевники-неногайцы,

включая предкавказских туркмен и калмыков-мусульман, шерето-хазлар), в Моздокском округе (с 1788 г. — Кизлярском) Терской области — Ачикулак-Джембойлуковское приставство (едисанцы и джембойлуковцы) и Караногай-Едишкульское (караногайцы и едишкульцы). Вне приставств жили ногайцы кумыкских владений Дагестана (Эндриевское, Аксаевское, Костековское), а также ногайцы в Крыму и под Астраханью.

События Кавказской войны 1829–1864 гг., а также слухи (как и среди калмыков перед бегством) о возможной военной мобилизации и обращении в христианство стимулировали движение «мухаджирства», массового переселения в Турцию. «Исход» ногайцев пришелся на 1858–1866 гг. Власти не препятствовали желающим выехать, обеспечивая даже охрану. 15 октября 1860 г. были упразднены обезлюдевшие Калаусо-Саблинское, Бештово-Кумское и Калаусо-Джембойлуковское приставства. Позднее для пожелавших вернуться с чужбины 2,7 тыс. человек из 40 прежних аулов было создано уже оседлое село Канглы под Пятигорском.

У калмыков после ликвидации ханства насчитывалось 9 улусов — 5 «владельческих» и 4 «казенных». «В казну» в 1781 г. после смерти старшего князя-христианина А. Дондукова были взяты его улус и улус его брата — Багацохуровский, и отделившийся ранее Эректеневский. К 40-м годам XIX в. к ним добавились Икицохуровский и Яндыко-Мочажный улусы. Остальные были «владельческими» и по-прежнему возглавлялись нойонами Тюменями, Гахаевыми, Тундутовыми, Хапчуковыми и ламаистами Дугаровыми. В 1897 г. всех калмыков насчитывалось до 200 тыс. человек, в том числе в степи около 20 тыс. кибиток, включая 40 человек нойонов с семьями и не менее 1,5 тыс. человек духовенства.

Большой и сильный Дербетский улус нойонов Тундутовых⁵ еще в 1788 г. при невмешательстве астраханского губернатора П. С. Потемкина распался на две части: Малодербетский, с центром вблизи Царицына, и Большедербетский, в 1847 г. вошедший в Ставропольскую губернию, куда откочевало 5 тыс. семей с зайсангами Хапчуковыми, не согласными с попытками обоседлить их.

В итоге без охраны остались граница и левый берег Волги, тогда закрытый для казахов. Зимой 1788–1789 г. из-за голода, морозов и дележа шкур 3 тыс. лошадей, павших в степи, начались столкновения между казаками и ногайцами-карагашами. Два указа Екатерины II от 1788 и 1793 гг. с призывом к «обратному переселению» дербетов остались не исполнены, и два их улуса были утверждены с прежним условием «уча-

⁵ Ойрато-калмыцкие предания приписывали предкам его рода, еще жившим в Джунгарии, волшебное происхождение (ГААО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 839. Л. 1, 106.).

ствовать в содержании кордона в рассуждении их собственной выгоды, обуздания киргизов и сбережения казны».

В дальнейшем императоры Павел I и Александр I разрешили части султанов Младшего жуза, возглавляемых поссорившимся с братьями Букеем Нуралиевым, затем его сыном, генералом Джангиром Букеевым, перейти в 1801 г. р. Урал и занять земли волжского левобережья.

Так возникла, помимо трех жузов, новая отдельная Внутренняя (Букеевская) орда, включенная в Астраханскую губернию. Ее составили представители всех 26 родов-кланов трех основных групп Малого жуза: «бай-улы», «алим-улы» и «жеты-ру», хотя переселились по преимуществу байулинцы 13 родов-«ру»: бериш, алаша, байбакты, тана, адай, жаппас, шеркеш и др. Вскоре отдельные группы букеевских казахов уже вели полуоседлый и даже оседлый образ жизни, начав заниматься земледелием, прежде всего в окрестностях центра орды — Ханской ставки (ныне поселок Урда в Казахстане).

Соответственно переселению казахов были предприняты и «равно-весные» меры в интересах калмыков — по временному восстановлению их ханства. Указом от 27 сентября 1800 г. Павел I жаловал «во владение все те земли от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Салу, Маньчу, Куме и в море (т. е. между Волгой, Доном и Тереком, на Каспии. — В. В.) и, словом, все те места, на коих до ухода за границу калмыки имели свое кочевье» (*Эрдниев* У. Э. Калмыки. С. 78). А другим указом от 14 октября 1800 г. владелец Малодербетского улуса нойон Чутей Тундутов был назначен наместником Калмыцкого ханства с вручением знамени, панциря и собольей шубы. При нем был восстановлен суд Зарго из восьми человек (от четырех орд).

Особые права наместника ханства подтвердил Александр I указом от 26 октября 1801 г., определив, что калмыцкий наместник во всем подчинен астраханскому военному губернатору. Церемония посвящения состоялась 13 июня 1802 г. на реке Зельме. Впрочем, некоторые нойоны проигнорировали нового руководителя. Сам Чутей в мае 1803 г. умер, оставив наследство сыну Эрдени. Но тот не был утвержден наместником, ханство решением от 14 июня 1804 г. ликвидировали окончательно, а калмыков вновь передали в ведение главного пристава в Астрахани. Пастбищные вопросы были отрегулированы Положением от 19 мая 1806 г. «О землях кочевых народов Астраханской губернии». А в 1810 г. началось межевание земель в Калмыцкой степи.

Особо важными были усилия Александра I по созданию из кочевых народов так называемой «иррегулярной конницы» (Положение от 1806 г.). В Оренбургском военном округе еще указом от 10 апреля 1798 г. была введена «кантональная» система управления из 12 кантонов, делившихся на команды, а также создано нерегулярное башкирское войско со строгой

мобилизационной готовностью. Аналогичные «кантоны» формировались у ставропольских (самарских) калмыков. В XIX в. их преобразовали в «полковые» структуры военных поселений. Башкиры, калмыки-христиане и татары-нагайбаки с тех пор служили и воевали вместе.

Кочевники и ранее — в XVIII столетии — участвовали во многих зарубежных походах российской армии: в Персию, Турцию, Польшу и Пруссию. Теперь же, с началом первой войны с Наполеоном, уже 29 ноября 1806 г. приказом главнокомандующего на Кавказе генерал-фельдмаршала И. В. Гудовича из калмыков Астраханской, Ставропольской и Кавказской губерний образовывалось десять команд (по 500 человек), а днем спустя вышел манифест о народном ополчении. В 1807–1808 гг. кочевники сражались на турецком фронте. Император удостоил хошеутского нойона Сербеджаба Тюменя, тургутского Эрден-Цагана Кичикова, малодербетского Эрдени Тундутова и большедербетского Очир-Санжи Убаши Хапчукова золотых медалей.

Новый указ о создании двух калмыцких полков и полка ставропольских (самарских) калмыков-казаков поступил 7 апреля 1811 г. Донские калмыки-казаки («бузава») выступили отдельной командой в казачьем корпусе атамана М. И. Платова. В полк Джамбы Тундутова вошли дербеты, в полк Сербеджаба Тюменя — хошеуты и багацохуровские тургуты. Оба полка были включены в III армию (поначалу резервную), сформированную в 1808–1811 гг. главнокомандующим на Кавказе генералом А. П. Тормасовым. Ставропольский калмыцкий полк казаков-христиан в числе других казачьих и иных формирований был в передовых отрядах выдвинут в апреле 1812 г. на границу по Неману, здесь он встретил первый удар французов. Здесь же затем наступал, уже преследуя неприятеля.

Пройдя Польшу, 13 марта 1814 г. Первый калмыцкий полк, Ставропольский калмыцкий полк, отряды казаков-нагайбаков и башкир участвовали в победоносном сражении во Франции при Фершампенуазе. Двигаясь через Германию, Второй калмыцкий полк участвовал в «битве народов» под Лейпцигом. В самом авангарде российской армии оба полка 19 марта 1814 г. вошли в Париж. Их командиры получили высокие воинские чины и золотое оружие. Через несколько лет в честь победы был выстроен под Астраханью каменный Хошеутовский хурул, сочетающий мотивы классической европейской (по образцу Казанского собора в Санкт-Петербурге) и тибетской архитектуры.

Положение кочевных народов в составе Российской империи в XIX — начале XX в. С сосредоточением разноэтничной массы кочевников в составе России на них стало распространяться действие законов империи, традиционные выборные власти сменяли назначаемые

чиновники, на степняков возлагались постоянные налоговые выплаты или их привлекали к регулярной службе, и, что особенно существенно, таким образом происходило включение кочевых территорий в состав России, их население приобретало российское подданство, и оседлость постепенно вытесняла кочевой образ жизни.

Используя кочевников и бывших кочевников на военной службе, делая шаги к религиозному равенству, правительство с начала XIX в. взяло курс на видоизменение социальной структуры кочевнических обществ, методов руководства (внедрением «прямых», а не «косвенных» — через свою знать, как прежде), замену обычного права общегосударственным законом и официальным судом и быстрее оседание. Ханская власть повсюду заменялась «наместнической», или «султанской», «бийской», а в середине XIX в. отменяли и ее.

В течение XIX в. были ликвидированы рабство и все формы коллективной или индивидуальной зависимости: «эмеков» — у юртовцев в 1811 г., «консы» и «кулов» — у казахов и калмыков после устранения реформой 1892 г. подобия «крепостного права», а именно «отменой обязательных отношений между различными сословиями калмыцкого народа», т. е. ликвидацией крепостного права за выкуп.

Прежняя же низшая степная аристократия вообще к концу века потеряла все права и привилегии, становясь равной перед законом со своими бывшими подвластными людьми. Так, низшие слои прежней аристократии в Калмыкии были лишены привилегий, в пригородных селах Астрахани, по переписям («ревизским сказкам») 1811–1835 гг., потомки прежде всевластных мурз и батыров были зачислены в государственные крестьяне.

Поначалу кочевники и оседавшие числились в военном ведомстве — в связи как с ненадежностью их поведения, так и задачами привлечения их в войска России. Именно здесь в 1793 г. впервые был введен институт приставов (тогда — военных), осуществлявших надзор и оперативное управление от лица правительственных и местных властей. Затем, с полным вхождением в Россию, казахи, а в 1800–1805 гг. ногайцы (по Положению для управления среди ногайцев Таврической губернии от 1805 г.) и калмыки, с ликвидацией ханства в 1805 г., были переданы в ведение Коллегии иностранных дел. В августе 1800 г. внешнеполитическое ведомство выделило главного пристава над ногайцами, калмыками, туркменами и кабардинцами с непосредственным подчинением Коллегии, а в 1803 г. появился особый пристав для ногайцев Закубанского края — князь крымско-ногайского происхождения, генерал-майор Султан Менгли-Гирей.

Для жителей Калмыцкой степи преобразования этим не закончи-

лись: уже в 1825 г. (по Правилам для управления калмыцким народом) их передали в ведение Министерства внутренних дел и его Астраханской комиссии, а затем в 1847 г. (по Положению об управлении калмыцким народом) — Министерства госимуществ с его губернским представителем в Астрахани (в ранге «попечителя» калмыцкого народа) и улусными приставами.

Процессы упорядочения управления кочевыми народами во многом были связаны с реформами М. М. Сперанского. Так, им был составлен и 22 июля 1822 г. утвержден общий документ — Устав (затем — Положение) об управлении кочевых инородцев. В том же году появилось Уложение об управлении сибирскими инородцами (Сибирское уложение) с разделом по кочевникам — «Особое учреждение управления инородцев — сибирских киргиз». Законы 1822 г. вводили общее подушное тягло (подать), которое не распространялось на кочующие и бродячие народы. В 1827 г. приняли специальное Положение о кочующих инородцах. Чаще всего на степняков возлагался ясак по числу скота, но для зауральских казахов сохранили прежний, более обременительный кибиточный сбор.

До середины XIX в. некоторые кочевники, освобождаясь от податей, несли воинскую службу. Так, Кавказские конно-горские формирования, созданные в 1840 г. с привлечением ногайцев, сохранялись до революции. Но в дальнейшем привилегированных военных поселенцев старались переводить либо в общее оброчное сословие, либо в казачество.

Введение в Российской империи в 1874 г. Устава о воинской повинности окончательно уравнило многие «служилые» этнические группы с остальными, а закон о воинской повинности 1912 г. сохранил это положение, предусмотрев лишь условное «оказачивание» служивших и воевавших «инородцев», например, всех калмыков в 1914–1918 гг.

В 1865 г., когда были созданы Уфимская губерния и земское управление в ней, произошла отмена кантонов, а башкиры стали обычными сельскими жителями. Положение от 10 февраля 1869 г. разрешило прежде запретное отчуждение башкирских земель.

С ликвидацией ханской власти у казахов переход на колониальную систему управления проводился повсеместно. Законом 1854 г. была унифицирована система управления по единому для всей империи образцу, включавшему следственные органы, прокуратуру. Это исключало прежде автоматическое использование местной знати в качестве царских чиновников. Были приняты Временное положение об управлении в степных областях от 1868 г. и Положение об управлении в степном крае от 25 марта 1892 г., предусматривавшее специальный вариант для Калмыцкой степи.

Новые меры вызывали недовольство многих, а в Казахстане — волнение знати и даже восстания против административной реформы: в 1822 г. — во главе с султанами Касымом и Сенсарджаном, в 1824–1847 гг. — во главе с сыном Касыма султаном Кенесари Касымовым, султаном Губайдуллой Валихановым и др.; в Букеевской орде восстание 1836–1837 гг. возглавили батыр Исатай Тайманов и поэт Махамбет Утемисов. Отголоски движений протеста имели место в Тургайском и Уральском уездах до 70-х годов.

Административная реформа в объединенном Казахстане в 1868 г. определялась договором с Худояр-ханом Кокандским и присоединением Кыргызстана. Ведшие в 1839–1842 гг. войну Кокандское ханство и Бухарский эмират стали легкой добычей России. А в 1864 г. русские войска заняли Туркестан, Чимкент и Авлие-Ата (Джамбул), крепостью Верная замкнув Сырдарьинско-Сибирскую линию укреплений. После ряда восстаний 19 февраля 1876 г. произошла ликвидация Кокандского ханства.

Вместе с тем многие кочевые племена косвенно поддерживали русские войска восстаниями в тылу противников России, хотя часто затем они же оказывали надвигающейся российской армии самое ожесточенное сопротивление. В мае 1865 г. был взят Ташкент, в мае 1866 г. — Ходжент. В январе 1865 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство. В 1867 г. его возглавил генерал К. П. Кауфман, известный как суровый усмиритель кочевников. Эмир Бухарского ханства Музафар-эддин в 1868 г. был вынужден признать протекторат России над его династией Мангытов (также бывшей кочевой, кыпчакской). В 1869 г. на восточном берегу Каспия была построена крепость Красноводск. Борьба прежней знати не прекращалась, к примеру, в 1898 г. вспыхнуло восстание в Андижане.

Хивинское ханство кроме узбеков и туркмен подчинило себе еще и каракалпаков, часть казахов. Одновременно из Оренбурга, Мангышлака, Ташкента и Красноводска в 1873 г. началось наступление на Хиву генералов Н. Г. Столетова, Д. А. Милютина, а затем М. Д. Скобелева (прозванного здесь по цвету белого френча «Ак-паша»). После долгой завоевательной войны и неудачного наступления 1879 г. генералом М. Д. Скобелевым были разбиты ополчения текинцев, а 12 января 1881 г. взята стратегически важная крепость Геок-Тепе, затем — Ашгабат и в 1884 г. Мерв. После покорения южных текинцев и присоединения сарыков, поражения иомудов Атала в 1886 г. война была завершена.

На Кавказе еще в конце XVIII в. против Ага-Мохаммед-хана (затем шаха) Каджара, вождя кочевого тюркского племени, предпринявшего в 1795–1797 гг. походы к границам России, была направлена военная эк-

спедиция В. П. Зудова и И. В. Гудовича, достигшая Баку (наступление было остановлено со смертью Екатерины II).

Поначалу была создана общая структура руководства по обоим берегам Каспийского моря: и на Кавказе, и в Средней Азии. В 1874 г. одновременно были образованы Закаспийский отдел Кавказского наместничества с центром в Тифлисе и военной базой в Баку, а в 1881 г. — Закаспийская область в составе того же наместничества. Но с завершением войны и преобразованием в 1886 г. генерал-губернаторства в Туркестанский край Закаспийская область в 1899 г. вошла в его состав. Шесть областей края, с их уездами и волостями, образовали здешние кочевые народы.

В составе Российской империи сосредоточилось, таким образом, большое количество кочевников и полукочевников, насчитывавших к концу XIX в. до 2,0–2,5 млн человек из общего числа населения империи в 128 млн человек (1897 г.). Всего в мире кочевую жизнь вели около 20–30 млн человек. Впрочем, состав кочевников в России не оставался неизменным. Так, жившие под Дербентом полукочевые арабы еще в 70–90-х годах XVIII в. откочевали от русской власти на юг (что в течение XIX в. сделали и многие арабы Средней Азии, не ушли с ними лишь оседлые, бухарские арабы). Под Дербентом оставались другие полукочевники-тюрки, так называемые «карапапахы», или «терекеминцы», затем вошедшие в состав азербайджанцев. Сюга в Закавказье проникали группы кочевавших курдов. На рубеже XIX–XX вв. из Афганистана в район Мерва переселились белуджи и брагуи. Постоянным было передвижение кочевников-тюрок и ойрат-монголов через границу России с Китаем. После падения власти китайского императора в результате антиманьчжурских восстаний в Урянхайском крае в 1883 и в 1911–1912 гг. по просьбе местного амбын-нойона в 1914 г. было объявлено о переходе Тувы под протекторат России, там началось строительство г. Белоцарска (ныне г. Кызыл).

Крупные волнения среднеазиатских кочевых народов, а также начавшаяся Первая мировая война вызвали новые законы о воинской службе. Несмотря на первые обещания в 1914 г. мусульман этого края не брать в армию, повсеместные волнения вызвал царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве на тыловые прифронтовые работы. Восстание Амангельды Иманова в Тургайской волости Казахстана (Средний жуз) продолжалось с июля 1916 г. (в октябре осадили Тургай) и вплоть до Февральской революции. Массовыми были Ходжентское восстание, начавшееся 4 июля 1916 г., и Турфанское восстание в Кыргызстане, сопровождавшееся массовым бегством кыргызов и монголо-мусульман (сарт-калмаков) в Китай.

Что касается последующего периода, то именно в советское время

прошла массовая седентаризация (обоседление) с почти полной утратой степного коневодства как комплекса кочевничества: на Нижней Волге и в Приуралье — к 30-м годам, в Калмыкии и Казахстане — к 40-м годам. Дольше всего этот уклад бытовал в степном Дагестане у караногайцев, в предгорных районах, в Туве и всей Сибири. Элементы его бытуют в культуре ряда этносов и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреанов Б. В. Неоседлое население мира. (Историко-этнографическое исследование). М., 1985.
- Валиханов Ч. Ч. О кочевках киргиз. Зимние кочевки волостей Каракалинского внешнего округа // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. IV. Алма-Ата, 1985.
- Викторин В. М. Потестарно-политические и правовые отношения у кочевых народов (взаимосвязь внутренних и внешних факторов) // Методологический анализ политического знания. (Философские проблемы государства и права. Вып. 5). Саратов, 1988.
- Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.
- Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск; Ставрополь, 1988.
- Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.
- Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Вопросы истории. 1956. № 1.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.
- Султанов Т. И. Россия и Казахстан: История и проблемы взаимодействия (XVI–начало XX века) // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996.
- Султанов Т. И. Чингиз-хан и чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
- Трепавлов В. В. Тюркская знать в России. (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии (Акта Евразика). 1998. № 1–2 (4–5).
- Эрдниева У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1985.

Очерк шестой

Россия и Средняя Азия

Предварительные замечания. — «И пришли послы их в Хорезм». — «А от Хвалимского моря до Синего на солнечный восход 250 верст». — «А там без всяких правил правительства». — «А русским купцам обиды всякие творят». — «Русские ведут торговлю в Ургенче, если хотят — в Бухаре, если хотят — в Балхе...». — «Ты ж, государь, не веди с моих товаров пошлину имать». — Лензибаши Филипп Ефремов. — «Присматривать прилежно, проводить искусство...». — «Сила все резоны уничтожит». — «Со временем малую крепостцу сделать можно». — «Английское правительство поддерживает дружеские отношения только с теми государствами, которых оно боится». — «Сила — последний из вариантов давления». — «Не бросаться вперед, чтобы после не идти назад». — «Когда б не было русских, не видали бы и холодов». — «Ташкент взят. Никто не знает, почему и для чего». — «Хотя русские противоположны нам по религии, но в дружбе, искренности, человечности они превыше всех».

Предварительные замечания. 1 января 1885 г. постановлением генгеша (собрания народных представителей) г. Мерва был решен вопрос о его присоединении к России (несмотря на активное противодействие Великобритании). Этим актом фактически завершился рост территории Российской империи, последний этап которого связан со Средней Азией. Обширные территории от Каспийского моря на западе до Китая на востоке, от приаральских степей и Сибири на севере до горных кражей Памира, Гиндукуша и Тянь-Шаня на юге вошли в сферу геостратегических интересов российского государства, положившего в основу своей геополитической доктрины континентальное расширение владений.

В данном случае это принесло значительные плоды. Наступило время смягчения англо-русского антагонизма, длившегося на протяжении почти целого века, и связанной с этим безопасности юго-восточных рубежей России.

Наряду с этим Россия как империя с подчинением Средней Азии взяла на себя и большую ответственность и в равной мере обязанность за те процессы, которые будут там происходить. Между тем финансово-хозяйственные выгоды российская казна стала получать не сразу. Связывалось это не только с экономической отсталостью бывших феодальных монархий, но и со своеобразием уклада жизни среднеазиатских народов, столь бурно влившихся в общий процесс развития многонационального государства.

Кроме геополитических и экономических результатов Россия получила еще и первый серьезный контакт с исламским миром, не периферийными мусульманскими регионами Кавказа или Поволжья, а с одним из исторических центров ислама, столицей которого считался Самарканд. Таким образом, Средняя Азия для России становится не просто еще одной территорией в составе империи, а срединным звеном в контакте цивилизаций, давшим возможность обмениваться не только товарами, но и культурными ценностями.

Существует мнение, что Средняя Азия для России то же самое, что для Александра Македонского, или Наполеона Бонапарта на пути в Индию в поисках мистического воссоединения утраченного единства со своими историческими корнями, со своим индоевропейским истоком (*Шукуров Р. По дороге в Индию // Родина. 1995. № 10. С. 30*). Собственно для России Средней Азией все и закончилось. Попытки добраться до Индии, еще теплившиеся в начале XVIII в., угасавшие при Александре I, стали совсем нереальными уже к 40-м годам XIX в.

Вместе с тем приближение к «истокам», проходившее для России сложно, неоднозначно, временами трагично, хотя и не было никогда главной геополитической задачей России, сыграло несомненно положительную роль как для нее, так и для народов Средней Азии, по разным причинам тяготевшим к северному соседу более, чем к кому-либо другому.

Весь путь взаимоотношений России и Средней Азии можно разделить на ряд этапов. Древний относится ко времени расцвета Хорезма и строительства древнерусской государственности. Затем наступает длительный перерыв в межгосударственных контактах, вызванный общей для обеих сторон бедой — монголо-татарским нашествием. Новая волна взаимных интересов, начавшаяся с рубежа XV–XVI вв., характеризуется торговыми и посольскими связями, ставшими возможными вследствие русской колонизации в Сибирь и овладения русскими главнейшей водно-торговой артерией — Волгой — на всем ее протяжении. С начала XVIII в. к названным задачам со стороны России прибавляется еще одна — путем вовлечения в свою геополитическую орбиту ханств Средней Азии решить проблему защиты своего южного подбрюшья. Это желание ослабевает, когда угроза становится менее явной, а обстановка в Прикаспии стабилизируется. Данный период совпадает с эпохой дворцовых переворотов в России.

XIX век вносит свои коррективы. Все ухудшающиеся возможности торговли, непрекращающиеся распри, как язва, поглощающие население Средней Азии, и появление в североиндийских землях конкурента — Великобритании — заставляет Петербург активизировать свою

политику на юго-востоке, закончившуюся подчинением Средней Азии и принесением туда относительного покоя, показателем чего стал стремительный рост населения в регионе.

«И пришли послы их в Хорезм». Хорезм, один из населенных и цветущих оазисов Средней Азии, не только прославился известными всему миру учеными, такими как, например, математик Абу Джафар ал Хорезми или «да Винчи» Востока — ал-Бируни, но и отличался крепостью государственных устоев.

Ареной активной деятельности миссионеров-мусульман и хорезмийских купцов в X в. становится в числе многих прочих территорий и Поволжье, а через него обширный славянский мир. Именно рост торговли с Восточной Европой выдвинул на первое место в Хорезме город Ургенч, именуемый в русских летописях как «Орначъ», крайний северо-западный форпост хорезмийской цивилизации. В Ургенче, по свидетельству арабских источников, кипела самая разнообразная торговля: от изысканных тканей до шкурок соболей, белок, горностаев, от рабов-славян до лесных орехов и берестяных изделий. Вероятно, эти изделия привозились из Древней Руси. По свидетельству западноевропейского монаха Плано Карпини, Ургенч посещался русскими купцами и в XII–XIII вв. Восточным же купцам торговля с древнерусскими землями приносила немалую выгоду, поскольку товары «из славян» приобретались за малую цену. Вместе с тем в городах Древней Руси оставалась «монета», «деньга», о чем свидетельствуют многочисленные клады восточных монет, найденные на территории Руси.

В Восточную Европу нередко отправлялись караваны и из самого Хорезма, причем торговая фактория хорезмийцев существовала и в Итиле, и в Булгаре. Постепенно в качестве товара стала выступать и военная сила — воины. В X в. Хазарский каган имел в своем войске до 10 тыс. хорезмийских наемников-мусульман, составлявших цвет его тяжеловооруженной конницы. Ибн Хаукаль сообщает о походах хорезмийцев за пределы Волжской Булгарии, откуда они возвращались с добычей и рабами. Впрочем, как известно, ни хазарский царь, ни «дикинные» воины не остановили закаленную в боях дружину киевского князя Святослава, наголову разгромившего под Саркелом хазарское войско. Святослав сабельным ударом прошел вниз и вверх по Волге, покоряя как саму Хазарию, так Волжскую Булгарию. Но, увеличив территории на востоке, легендарный князь ушел расширять границы на западе, лелея мысль о столице в Переяславце на Дунае. Плоды святославовой победы не были закреплены, чем и воспользовался Хорезмшах (*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.;*

Л., 1948. С. 250). И когда в 985 г. новый киевский князь Владимир идет на Волжскую Булгарию, то сталкивается не только с булгарами, но и с хорезмийцами, что послужило причиной скорого заключения мира.

Хорезмийцев в русских летописях, связывая их с булгарами, называли хвалиссами, причем море, к востоку от которого располагался Хорезм, на Руси после разгрома Хазарского каганата устойчиво называлось Хвалиским (Хвалимским).

Так своеобразно скрещивались судьбы народов, разделенных не одной сотней верст, казалось бы, не имевших ничего общего, кроме торговли, не испытывавших друг к другу интереса. Тем не менее такой взаимный интерес был или мог быть. Крупный врач-естествоиспытатель XI–XII вв. Шараф ал-Заман Тахир Марвази создал научный трактат, в котором имеются сведения о славянах (русах) IX–X вв. Ал-Марвази, считая их воинственным народом, замечает, что по принятии ими христианства, религия притупила их мечи, двери добычи закрылись, приведя их к нужде и бедности. И чтобы позволить себе совершать, как прежде, разбой и набеги, вернуться к прежней жизни, решили они направить послов к правителю Хорезма. «И пришли послы их в Хорезм, и сообщили послание их, и обрадовался хорезмшах решению их обратиться в ислам. И они люди сильные и могучие и идут пешком в далекие страны для набега ... и захватывают суда и грабят имущество и путешествуют в Кустантинию по морю Понтус».

На первый взгляд это свидетельство кажется неверным. Но аналогичные сведения встречаются в арабском «Сборнике анекдотов» XIII в., принадлежащем перу Мухаммеда ал-Ауфи. Он сообщает о посольстве князя Буламира в Хвалиссы (Хорезм) с целью испытания мусульманства и о посольстве на Русь мусульманского имама для обращения русских в магометанскую веру. Нам знакомо и другое произведение — древнерусская Повесть временных лет, рассказывающая об испытании вер князем Владимиром. В средневековой литературе нередко события, которые могли реально иметь место, облекались в трафаретные, зачастую легендарные формы.

80-е годы X в. были судьбоносными для многих народов. На Руси тогда было принято христианство, а печенеги приняли ислам из рук как раз хорезмийских миссионеров. В Киеве времен Владимира имелись различные религиозные общины и велась проповедь различных вероучений, поскольку восточнославянское язычество отличалось веротерпимостью. Выбор веры на Руси не был процессом однозначным, никто не был уверен, что Русь обязательно станет христианской, несмотря на значительное влияние Византии. Аналогичное влияние могло быть и со стороны мусульманского Хорезма. Останься Святослав на

Волге, «русские подчинились бы мусульманской культуре... Святослав пожертвовал бы Киевом для Итиля, как потом пожертвовал им для Переяславца» (Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 359). Неудачный поход Владимира на болгар в 986 г., приведший его в непосредственный контакт с мусульманским миром, определил, возможно, дальнейшую — европейскую — направленность его внешней политики.

Вместе с тем не может ускользнуть от внимания общая судьба Хорезма и древнерусских земель в последующие века. Первый погиб, не выдержав напора полчищ Чингисхана, другие попали в зависимость от Золотой орды. Несмотря на превратности истории, государства находят впоследствии взаимные интересы.

«А от Хвалимского моря до Синего на солнечный восход 250 верст». На исходе своего непростого правления в 1533 г. государь Московской Руси Василий III Иванович принял «гостей индейских», прибывших в Москву с товарами и предложениями о торговле, а также для того, чтобы между их «индейским» правителем и великим князем установить «братские» отношения. Отнесшись с благожелательностью к возможности торговать, «о братстве к нему, индейскому государю, великий князь не приказал, потому, что не ведает его государства» (Уляницкий В. А. Сношения России со Средней Азией и Индией // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1888. Кн. III. М., 1889. С. 146).

Занятый борьбой с братьями, а также мучимый отсутствием наследника, разбирательством в церковных кругах и сложной обстановкой в отношениях с Крымским и Казанским ханствами, Василий III вряд ли задавался целью обратить взор в своей внешней политике дальше Волги и Дона. Его отказ можно объяснить не только болезненным отношением ко всякого рода недостойным его родственным связям, могущим нанести ущерб его авторитету, но и незнанием положения дел не только в Индии, но и в Средней Азии.

Слабость отношений с Востоком определялась как раз тем, что ключевые торговые, а вместе с ними и посольские пути не находились в руках крепнувшей русской державы. Их приходилось отвоевывать. Покорение Казанского и Астраханского ханств, овладение торговым путем по Волге Иваном IV не замедлили сказаться на возможности освоения новых земель и развитии торговли со странами Востока. Уже в 1557–1558 гг. владетели Хивы, Бухары и Самарканда прислали к Ивану Васильевичу послов челом бить о дозволении своим купцам приезжать для торгова в Астрахань, что и было разрешено. Впоследствии право торговать было перенесено и в другие русские города. Начиналось посте-

пенное движение по линии «государства Средней Азии — Россия», принесшее кроме торговых выгод еще и новые сведения о доселе неведомых странах и путях, о народах их населяющих. В XVI–XVII вв. идет сбор информации о реальных и потенциальных соседях России на юго-востоке.

Один из любопытных памятников начала XVII в. «Книга Большому Чертежу» дает нам представление о географии не только Московского государства, но и о территориях, сопредельных с ним, в том числе о Средней Азии. В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., использовались более древние — времен Ивана Грозного и Бориса Годунова — региональные чертежи. В них приводятся удивительно точные для того времени описания расстояний между некоторыми местностями Средней Азии, определявшимися не измерительными приборами, а сутками пути. Так, расстояние от Каспийского моря до Аральского по «Книге» определялось в 250 верст. Самый краткий маршрут по современной карте, учитывая нынешние берега, составит около 300 км, что приравнивается к 267 русским верстам. Не слишком большая разница.

Представления «Книги» о географии Средней Азии гораздо более обширны и правильны, нежели таковые же в Европе. Европейские путешественники пользовались классическими сведениями времен Птолемея — автора «Географии руководства». В результате Европа не была обременена знаниями о существовании Аральского моря. Легендарный Оксус (Аму-Дарья) направлялся только в Каспий и служил ориентиром для западных картографов. Но без Аральского моря карты были ошибочны.

В то же время «Книга Большому Чертежу» учитывала труды европейских географов, возможно, поэтому в ней встречаются запутанные сведения. Например, получалось, что из Арала вытекала р. Арзан в направлении к «Хвалимскому» морю. Однако известно, что ни одна река из Аральского моря не несет своих вод на запад. По этому поводу имеется оригинальное объяснение самарского купца Д. Рукавкина, ездившего с торговой миссией в Хиву в 1753 г. Он пишет, что наблюдал высыхающую речку, текущую из Аральского в Каспийское море, но ранее она была не менее десяти сажень и завалена хивинцами «по опасности от... разбойника Степана Разина».

Камнем преткновения для русских путешественников и военачальников стал вопрос о старом русле Аму-Дарьи, направленном в Каспийское море. «Книга» описывает и это: «От Ургенча до Хвалимского моря по старому руслу Оксуса более 600 верст». Считалось, и это подтверждалось легендами туркмен, что ранее Аму-Дарья действительно текла в

Каспий, но примерно в XVI в. хивинцы завалили русло массами песка, отчего направление изменилось в сторону Арала. К XVI в. относится и пересыхание Саракамышского озера, послужившее началом активной миграции туркменских племен. Все эти сведения вместе с гипотетической возможностью пустить Аму-Дарью по старому руслу и открыть водный путь на восток вплоть до Индии привели вначале к трагической гибели в 1717 г. экспедиции А. Бековича-Черкасского, а затем к длительной полемике как в правительстве и прессе, так и среди ученых, не стихавшей вплоть до второй половины XIX в.

«Книга Большому Чертежу» дает географическое описание пространства до рек Ишим и Сарыаз, до гор Улу-Тау и Кара-Тау, и на юг до Ташкента, Самарканда, Бухары и Куны-Ургенча, т. е. о том, где, по всей вероятности, побывали русские люди. И можно заметить, что регион этот не так уж мал.

Растущий интерес к Востоку подталкивал правительство России к увеличению знаний о нем. В 1696 г. С. Е. Ремезову приказано было составить Чертежную книгу Сибири, куда вошла и карта Средней Азии. Большая заслуга в систематизации географических и отчасти этнографических данных принадлежит В. Н. Татищеву, который и открыл для науки «Книгу Большому Чертежу». В. Н. Татищев продолжил дело, начатое известным указом 1724 г. Петра I о «разсылании» по всей империи статистических вопросов. На основании ответов с мест под руководством Я. В. Брюса должно было составляться географическое описание России. Ответы на запросы правительства начали поступать после смерти Петра I и дело бы заглохло, если бы за него не взялся секретарь Сената И. К. Кириллов, занимавшийся составлением Атласа Российской империи. Данную работу он не оставлял и находясь на посту начальника Оренбургской экспедиции вплоть до своей смерти в 1737 г. Став его преемником на государственной службе, В. Н. Татищев по указу Кабинета министров в 1737 г. стал выполнять поручение по составлению ландкарт России (Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по географии России // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 12). Вдумчивый и скрупулезный ученый, Василий Никитич использовал обширный материал не только по России, но и имеющийся на то время по среднеазиатскому региону. Тщательно анализируя известия, стекавшиеся к нему в Оренбург, он, пожалуй, впервые критически отнесся к географическим данным предшествующих лет. Применил он и воспоминания шведов, сопровождавших экспедицию Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 г., сообщенные Филиппу Таборгу (Страленбергу), шведскому географу, знакомому В. Н. Татищева по работе на Урале. В «Лексиконе российском, историческом, географичес-

ком, политическом и гражданском», написанном В. Н. Татищевым в 30–40-е годы XVIII в. можно прочесть: «Меж Аральским и Каспийским морем ранее разницы не было и древние географы все погрешили». Высказался он и по поводу старого русла Аму-Дарьи: «Сию басню кто доподлинно вымыслил и князя Бековича-Черкасского прельстил, неизвестно, и он сие поверя, Петру Великому за истину доносил».

Внеся лепту в географическую науку, В. Н. Татищев лаконично набрасывает этнографические штрихи к портрету народов, обитавших южнее Оренбурга. Он делит их на бухарцев малых и больших, хивинцев и узбеков, определяя, например, что «бухары... прежде имели особый язык, но пришед под власть татар, язык и закон магометанов приняли». В отличие от многих путешественников, относящих среднеазиатов к «народу дикому», В. Н. Татищев с уважением пишет об их древнейшем происхождении.

Вместе с тем приведенные выше источники не давали полного представления ни о политическом, ни о географическом состоянии государств Средней Азии к середине XVIII в. Русское правительство учитывало данное обстоятельство и поэтому еще с XVII в. каждому посольству или каравану, отправляющемуся в ханства, предписывалось расспрашивать не только о товарах и ценах на них, но и «что интересного замечено будет, все описывать», больше обращая внимание на то, «кто с кем в дружбе состоит, а кто в ссоре», а также на то, какие реки «откуль начинаются и куда текут».

«А там без всяких правил правительства». Эта фраза петровского посла Ф. Беневини как нельзя лучше отражает политическое состояние, в котором пребывали земли бывших монгольских улусов Джучи и Чагатай и которое полно и ясно не могли представить в России. Это и немудрено, поскольку Средняя Азия на протяжении XVI–XVIII вв. являла собой арену острых схваток за политическую власть и территории.

В начале XVI в. дешт-и-кипчакский хан Шейбани сумел овладеть Моверанахром, Хорезмом, районами за Аму-Дарьей. Победы кочевых узбеков объяснялись значительной экономической слабостью Тимуридов, а также центробежными тенденциями в их государстве.

В то же время в Хорасане Сефевидская династия оказала узбекам сопротивление. В 1510 г. Шейбани-хан погибает под Мервом, а противостояние узбеков и сефевидов порождает междоусобные войны, в том числе и среди самих Шейбанидов. Жесткая борьба за власть приводит к самостоятельности Ташкентское ханство, а столицей государства потомков Шейбани становится вначале Самарканд, потом Бухара.

Отдельно существовало Хорезмское ханство, прибавшее к рукам туркменские племена, сделав их территории прозрачными, с неустойчивыми границами. Кроме того, во второй половине XVI в. основатель династии Великих Моголов Бабур вел борьбу с узбекскими правителями, отчего в Индию с торговыми миссиями мало кто отправлялся — это было опасно для жизни.

Вторая половина XVI в. ознаменовалась еще одной попыткой объединить земли Средней Азии. На этот раз бухарский правитель Абдулла-хан II захватывает Ташкент, Балх, Самарканд, Герат. Перед ним не устоял и Хорезм. Но собранные воедино земли вскоре вновь стали независимыми Бухарой, Хивой, Балхом с их казавшимися вечными междинастическими спорами, интригами и войнами, которые продолжались в течение всего следующего XVII в.

К XVIII в. Средняя Азия состояла из двух государств — Бухарского и Хивинского. Последнее располагалось по нижнему течению Аму-Дарьи с прилегающими территориями кочевых туркмен. Первое включало в себя Мовераннахр и Ферганскую долину, а южные его границы доходили до Мервского оазиса, но в начале века из-под власти Бухары выходят ферганские уделы Ходжент, Самарканд и Бадахшан. К концу века Ташкент в очередной раз становится самостоятельным. Появляется и новое ханство — Кокандское.

Непрекращающаяся борьба за власть облегчала вторжения извне. Часто незваные гости приходили из Персии. В 1740 г. Надир-шаху, покорителю Индии, не составило особого труда захватить Хиву и вторгнуться в Бухару, нанеся значительный ущерб их экономике.

Но и это не исчерпывало всех бед, обрушившихся на народы Средней Азии. Набеги на протяжении более чем двух веков джунгар и казахов (киргиз-кайсаков), некоторых туркменских племен, калмыков парализовали торговлю, одну из тех составляющих, которая являлась доходной частью и так не блестящей экономики ханств. Китайские и индийские купцы стали предпочитать окружной путь через Герат и Кандагар, пути через Мерв, Зеравшан и Фергану. Опустели древние караванные дороги через Среднюю Азию. На северо-востоке казахи закрыли путь в Китай через Семиречье, а туркмены часто препятствовали торговле через Каспийское море.

В таких крайне неблагоприятных ни для торговли, ни для политических союзов условиях для среднеазиатских правителей большое значение приобретало сотрудничество с Москвой. Цели преследовались разные: от традиционной — расширение торговли, до поиска поддержки увеличивавшей международный авторитет России для придания веса своей конкретной позиции в очередном противостоянии.

«А русским купцам обиды всякие творят». Главным содержанием отношений между среднеазиатскими ханствами и Россией в XVI–XVIII вв. оставалась торговля. Не бывало такого посольства, чтобы каким-либо образом о ней не шла речь. Традиционной для среднеазиатских послов в их общении с российским правительством становится просьба об установлении «безурывных» связей и, как следствие, «чтоб люди на обе стороны промысел свой имели».

Несмотря на подмеченный англичанином А. Дженкинсоном «малый торг» русских в Бухаре в XVI в., поездки русских купцов имели место, хотя неудачный опыт торговли Афанасия Никитина с восточными странами должен был бы отвращать их от подобных мероприятий. Никитин, обобщая результаты своего «хождения за три моря», писал о дороговизне, отсутствии торговой выгоды, особенно для немусульман. Но даже если бы православный человек «воскликнул Мехмета», его бы ждали притеснения и грабежи на всем пути. Как своеобразный пророк от коммерции, Никитин предугадал сложности восточной торговли, порой изобиловавшей событиями, достойными пера романиста.

В 1620 г. в Бухару был послан уже хлебнувший к этому времени лиха в жизни Иван Данилович Хохлов. Его имя связано с известным авантюристом Смутного времени атаманом И. Заруцким, который еще в 1613 г. направлял И. Д. Хохлова в Персию. Тот по пути был несколько раз ограблен, а по возвращении посажен в тюрьму, откуда его востребовали как «специалиста» по восточным делам. Обычно посольства отправляли «для верности» с возвращавшимися обратно послами из ханств, с посольством же отправляли и торговый караван. Эта традиция держалась на протяжении двух столетий.

Отправившись из Астрахани, И. Д. Хохлов «со товарищи» попал в шторм, после чего «бусу (морское малое судно. — М. К.) потопило и животишки (товары. — М. К.) многие подмокли» (*Веселовский Н. И.* Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персию и Бухару в XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1981. Кн. I. С. 43–46).

«Ехать на восток без подарков — погибнешь» — правило, несоблюдение которого несло различные неприятности, худшей из которых была смерть. После вынужденного купания в Каспийском море, добравшись до Хивинского ханства, посольство, было «поймано» местным ханом Араб-Мехметом, который «животы ограбил за то, что через свою землю пропустил в Бухары». В Бухаре Хохлов, одарив в очередной раз местных правителей и заплатив ряд поборов, по поручению царя Михаила Федоровича «выпросил» русских пленников, но стоило ему пуститься в обратный путь,

как «тот полон в Ургенче отняли... торговых людей же животы пограбили». А чтобы впоследствии купцы не повторяли ошибок в поведении на Востоке, хивинский царевич Авган наставлял их: «И царевич де к ним приказал: будет им подарков не дать, и им быть побитыми также как Леонтию Юдину». В чем же заключалась вина одного из первых известных негоциантов восточного направления Леонтия Юдина? Оказывается, он «был для торгу в Бухарех и в Индии» семь лет и шел через хивинскую землю, где «его де из животов убили за то, (что) в то время дожидался каравана», видимо, никого не одарив.

Ограбили русских купцов и в 1646 г.: на сумму товаров, оцененных впоследствии в 10257 руб. Хивинский хан Абулгази не ограничился этим и посадил их в тюрьму, намереваясь продать в неволю. В 1695 г. гость С. Лабазин в челобитной жаловался, что его торговые люди были задержаны в Хиве, «а товары их и верблюдов хан забрал на себя, а людей частью раздарил, частью продал».

Путешествие в неблагоприятные в политическом отношении земли всегда было сопряжено с системой таможенных пошлин, хотя где проходили таможенные границы, никто толком сказать не мог. Поэтому во избежание недоразумений с собой брался товар в расчете на «поминки» (подарки). Однако никто не был застрахован от набегов туркмен или казахов, которые, «правил не имаху», откровенно грабили. Грабежу подвергались не только русские караваны, но и среднеазиатские. В. А. Даудов и М. Ю. Касимов, русские послы в Хиву и Бухару в 1675–1676 гг., по возвращении сообщали, что от «трухменцев разбой, и хивинским, и русским торговым людям обиды». В 1737 г. хивинский хан Ильбарс в письме В. Н. Татищеву доносил, что «меж нами каракалпаков и кайсаков превеликие поселения и караваном ходить невозможно, понеже все грабят». Даже если русские торговцы не подвергались экспроприации «по-хивински» или «по-туркменски» и не проходили через вышеописанные экзекуции, им не всегда сопутствовала удача. В 1732 г. в статейном списке И. Федотьев сообщал: «...от нее (торговли с Хивой. — М. К.) русским людям больших прибылей и пожитков не чаять». «Торг в Хиве малой, да и то только по пятницам бывает. Чего ради тут чрез то время ничего и не продали: переехали оттоль в хивинские же владения в город Ургенч и там ничего не продали. Но пошлину за товар заплатить пришлось исправно», — жаловались в 1750 г. русские татары А. Хаямен и К. Назаров. В 1751 г. в Хиве и Бухаре был Ш. Бекметев и по возвращении в Россию сообщал: «...в Хиве ничего не продал, а в Бухаре должен был продать за что придется и большей частью в долг, чтобы только товар сбыть... От такого торгу пользы никакой нечаятельно, но еще и убытку».

На пути к ханствам и в них самих путешественников и торговцев подстерегали порой самые невероятные неприятности. Из показаний Муравина в 1741 г. мы узнаем, что люди, видевшие, и не дай бог, тронувшие золотую или серебряную руду, находящуюся якобы в горе Шихтау, заканчивали жизнь закопанными заживо, поскольку хан «боялся, что об этом в других странах узнают». К счастью, и геодезист Гладышев, и поручик Муравин, ездившие вместе, вернулись живыми.

XVIII век положения не изменил — редкая экспедиция обходилась без убытков. Посланец Петра I Ф. Беневини, слишком задержавшийся на Востоке и вследствие этого изучивший местную жизнь и нравы, писал, что торговля незначительна и упала, поскольку «узбеки распри творят, грабят всех; русские товары на рынках есть, но торгуют ими ногайцы и татары». А в заключении своего послания к правительству пожаловался: «Все хотят меня обобрать». В 1738 г. торговый караван, направленный в Ташкент под руководством Миллера и Кошелева, не дойдя до города несколько верст, был разграблен. Русское правительство, напуганное грабежами казенного имущества, в 1742 г. даже временно запретило отправлять караваны русских купцов в Среднюю Азию.

Между тем торговля, подкрепляемая формальными соглашениями между ханствами и Россией, в целом не ослабевала ни в XVII, ни в XVIII вв., постепенно все более привлекая правительство, которое искало в ней конкретные выгоды. В связи с развитием промышленности и с не всегда конкурентноспособностью российских товаров на европейских рынках торговые контакты со среднеазиатскими государствами действительно казались привлекательными. Установление торговых морских путей Европы с Востоком через Индию и Китай отодвигало на второй план европейскую торговлю через Среднюю Азию, что усиливало стремление ханств к ее развитию с Россией. Торговля виделась взаимовыгодной и как одна из мер поддержания хозяйства для Средней Азии, и как рынок товаров для России. Кроме всего, в Россию доставлялись диковинные восточные товары, и это было единственной возможностью закупить их по низкой цене. Морской путь подобных редкостей через Европу был равносителен увеличению их цены вдвое, втрое, а, стало быть, не выгоден.

Какие товары привлекали московских государей и купцов? Из Средней Азии везли прежде всего дешевый текстиль, киндяки, использовавшиеся для пошива традиционных для русских кафтанов и ферязей, шелк простой, декоративно оформленное холодное оружие, сухие фрукты (изюм, урюк и др.). Русское правительство интересовала селитра, применявшаяся для приготовления пороха, а также ревень. На торгов-

лю последним, впервые завезенным в Россию в 1653 г., наложили запрет для частных лиц. Невыполнение запрета влекло за собой смертную казнь. Монополия государства на торговлю ревенем, использовавшимся в качестве слабительного средства, имела место уже в 1657 г. Сохранялась она и в XVIII в., о чем свидетельствуют довольно частые указы правительства, ревностно предупреждая браконьеров от коммерции о возможных наказаниях. Например, в 1704 г. иркутскому воеводе Л. Сениявину было поручено приобрести 300 пудов ревеня, а для присмотра и слежения за контрабандной торговлей назначить «ревенных голов».

Правительство зорко следило за движением привозимых драгоценных камней, а также золота и серебра. В 1739 г., например, было указано оренбургской администрации по прибытии каравана из Ташкента «камни и золото, и серебро... прислать».

Вероятно, из перечисленных товаров наибольшей популярностью пользовалась относительно дешевая хлопчатобумажная ткань («хлопчатая бумага»). Царь Алексей Михайлович даже пытался наладить ее производство в пределах России, для чего в 1666 г. в Астрахань к князю Одоевскому был направлен подъячий Тайного приказа «призвать индейцев мастеровых людей, которые умеют делать киндяки и бязи, да прислать трав марены сто пучков, да... хлопчатой бумаги по сколько пуд пригоже». Известен и результат этого мероприятия: из всех мастеровых отыскали только бывшего бухарского жителя некоего Кудайбердяйку, осевшего на Волге. В Бухаре он занимался окрашиванием ткани, но вырастить хлопок под Астраханью, по-видимому, не сумел. Таким образом, перехватить инициативу в производстве дешевой ткани не получилось. Приходилось ориентироваться на торговлю. Вместе с наказами русским посланникам предписывалось «доведатца в Бухаре шолку сколько родиться и что какому шолку цена... и если будет московской цены ниже... с торговыми людьми договор учинить». Поскольку шелк в торговых рядах в Москве появлялся, то, видимо, такие договоры «учиняли».

По сведениям таможенных книг городов, связанных с внешней торговлей, спектр товаров, вывозимых из России на Восток был более широким. Значительным спросом пользовались всяческие деревянные изделия — «щепье», особенно посуда, конская упряжь, кожи различной выделки, мука, гвозди без шляпок, пуговицы и другая одежная фурнитура, мед, воск. Торговля моржовой костью и мехами была монополизирована государством. Самым редким и элитным товаром, использовавшимся более для подарков среднеазиатским владельцам, были соколы — «кречеты», поскольку ханы «де к потехе охоту имеют звериную». Охраной такого товара занималось и правительство, всячески

запрещая даже возможность покупки соколов кем-либо из восточных купцов. По расценкам XVI в. один сокол приравнивался к семи пудам меда, который тоже дешевым не считался. В начале XX в. в Бухаре один кречет мог стоить 1 тыс. руб. Было что защищать.

«Русские ведут торговлю в Ургенче, если хотят в Бухаре, если хотят — в Балхе...». Несколько торговых путей и поиски новых, кратчайших, свидетельствуют о заинтересованности развития торговли между Россией и Средней Азией.

Кроме двух основных путей — морского и сибирского — существовало, как минимум, еще пять. Древнейший, со времен Хорезма, путь через Хвалимское (Каспийское) море оставался действующим и эксплуатировался активно на протяжении XVI–XVIII вв. Маршрут его начинался в Астрахани, где специально для этих целей содержался правительством «бусовый флот». Бусы курсировали до выдающегося в море полуострова Мангышлак, где расположены удобные места швартовок — так называемые Тюб-Караганские «пристанища» (пристани). Командовал каждой бусой служивый человек или сын боярский, в чье ведение входили просмотр грамот и проверка товаров. Он же, по прибытии на туркменский берег, отправлял нарочных («хабарщиков») в Хиву с сообщением, что «пора поспешать на торг». Торг длился около месяца, по истечении которого суда возвращались в Астрахань. По прибытии начальник бусы обязан был выслать вперед лодку к воеводе, чтобы тот распорядился осмотреть привезенные товары таможене, описать, взять пошлины (Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент, 1964. С. 136–137). Бусовые рейсы совершались два раза в год — весной и осенью. Но такого количества было явно недостаточно, и среднеазиатские купцы неоднократно просили русские власти об их увеличении, стремясь переправить в Астрахань больше своих товаров, считая морской путь хотя и рискованным вследствие стихии, но безопасным с точки зрения сохранности товаров от кочевников, хотя в XVII в. распространились еще и морские разбойники, ходившие в восточные страны «за зипунами». В частности, имя Степана Разина было на слуху среди туркмен и хивинцев. Известно, что для охраны судов царь Алексей Михайлович распорядился построить корабль «Орел», разрушенный впоследствии тем же Разиным.

Весь путь до Тюб-Карагана мог занимать от двух до восьми дней, дорога от пристаней до Бухары или Ургенча требовала до месяца.

В зимнее время предпочитали степной путь, по «последнему насту, как снега большие побудут и лед на реках не пройдет». В записке

П. Zubову в 1794 г. митрополит Хрисанф, проехавший из Астрабада в Хиву и далее в Астрахань, тоже отмечал зимний вариант пути как наиболее удачный, поскольку «зимою удобно доставать воду из выпавшего снега, летом же земля сия почти безводна». Однако год на год не приходился, и предпочитавшие зимнее продвижение торговцы могли остаться без всего вследствие стирания об лед копыт у верблюдов.

Степной путь проходил от Волги через верховья Яика в Хиву. После постройки в середине XVII в. Яицкого городка (позднее — Гурьев) движение торговцев стало оживленной. В одну сторону караван двигался 1,5–2 месяца. Другой степной путь пролегал из Астрахани в Бухару, через Чарджуй, минуя Хиву. Все степные дороги имели значительное преимущество перед морским путем, поскольку можно было не ограничивать число участников каравана, количество товаров, верблюдов и т. д. Кроме того, названные дороги были удобны для вьючного или конного транспорта. Колесный не использовался. Но здесь — в приволжских и уральских степях — время от времени хозяйничали калмыки и ногайцы. Выяснявшие между собой право на обладание данной территорией, они безнаказанно грабили караваны. Особенно сильно это сказалось на узбекских купцах, отчего в начале XVII в. участились их обращения к Московскому государству с просьбами о поддержке в борьбе с кочевниками.

Как альтернатива перечисленным торговым путям прокладывались и иные. Известны, в частности, дороги от Казани по реке Орь на реку Ирғиз. Впоследствии данный путь пройдет через построенный в 1734 г. Оренбург. После высыхающего русла Ирғиза к югу пути расходились. Один обходил Аральское море по восточному берегу и направлялся в низовья Сыр-Дарьи и в Бухару, другой — вдоль западного берега, попадая в Хиву, затем в Бухару. Оба этих пути были также опасны. Следуя по первому — через горы Эрьтау — можно было встретить далеко не дружелюбных казахов, частенько специально поджидавших караваны. «Эрьтау» так и переводится — разбойничьи горы. Второй мог привести к более лояльным туркменам, но вследствие их службы различным хивинским группировкам и по их приказу торговые люди могли остаться «без порток».

В XVII в. в связи с освоением русскими людьми бескрайних просторов Сибири границы России на юг от Урала продвинулись до кочевий казахов и до устьев Тобола и Ишима. Нередко сибиряки хаживали до Ямыш-озера «по соль». Соль там добывалась как «на государя», так и «про себя», и развозилась по западносибирским городам. Экспедиции к Ямыш-озеру проходили не всегда мирно и поэтому по пути к нему воздвигались «острожки» и «надолбы», что было характерной осо-

бенностью закрепления русских поселенцев вплоть до середины XIX в. Движение «по соль» носило еще дипломатический и торговый характер, так как у озера наряду с погрузкой соли проходили переговоры и велась торговля с калмыками и бухарцами. Там же действовала летняя ярмарка, так и называвшаяся — Ямышевская, ориентированная на внешний рынок. По значимости она стояла сразу после знаменитой Ирбитской ярмарки (Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века. М., 1987. С. 80). Торговцы обычно присоединялись к отправлявшемуся из Тобольска вверх по Иртышу «по соль» каравану «государевых судов» и в течение двух-трех недель (обычно в конце лета) вели торг с подходившими туда среднеазиатскими купцами. После завершения погрузки самоосадочной соли из озера часть русских, а также часть бухарцев отправлялись обратно в Тобольск либо на «государевых дощаниках», либо караванным путем на верблюдах. Среднеазиатские торговые караваны приходили в сибирские города и самостоятельно, обычно осенью, с тем, чтобы проторговать в них всю зиму и весной держать обратный путь. Главная восточная торговля постепенно переместилась из Тобольска в Тару. Часть русских купцов, не расторговавшихся у Ямыш-озера, следовала к Туркестану, оттуда, пересекая Сыр-Дарью, в Бухару. От Ямыш-озера весь путь занимал в среднем 45 дней, но часто продвижение караванов осложнялось появлением на их пути ойратов.

Другие задержки в пути связаны с главной проблемой степных переходов — с водой. Дело в том, что источники и водоемы встречались не всегда, иногда просто пересыхали. Не было другого выхода, как рыть колодцы. Хорошо, если вода залегала на глубине всего 10–12 метров — такой колодец путем установки сруба рыли один день. Хуже, когда до воды добирались через 60 метров проходки. Из таких глубоких источников воду доставали в кожаных мешках, используя животную силу. Нередко колодцы застаивались и заносились песком.

Иногда Средней Азии достигали через Персию. Путь длинный, но без кочевников. Обычно им возвращались в Астрахань, пройдя соответственно Бухару, Хиву, Астрабад.

Восточная торговля манила к себе русское купечество, заставляла преодолевать невероятные трудности, лишения, порой рисковать жизнью. Нередко отправлялись «на удачу» или были отправляемы по «службе государевой». Но зачастую с российской стороны торговля почти прекращалась из-за невозможности ее проводить, и тогда необходимо было принимать меры. Так, в 1754 г. по указу Елизаветы Петровны в Оренбурге формировалась купеческая компания из московских купцов, а для «приохочивания купечества в те края» давались «той компании надлежащие привилегии на 15 лет». Подобное поощрение прави-

тельства свидетельствовало о вынужденности такого шага, ибо привилегии давались не часто, а значит, упомянутые московские купцы ради выгоды поменяли спокойствие на риск. Действительно, частный торг со Средней Азией нередко напоминал по своим результатам плачевную торговую карьеру Афанасия Никитина.

«Ты ж, государь, не вели с моих товаров пошлину имать». Не только русских купцов пугала перспектива торговых предприятий. Среднеазиатские купцы тоже выражали опасения перед поездкой на север. Дело было не только в страхе быть ограбленным по пути, многие из них просто пугались неизвестности, не имея представления о стране, куда направляются. Еще англичанин А. Дженкинсон, будучи в середине XVI в. в Бухаре, отмечал робость местных негоциантов, сомневавшихся, впустят ли их в Россию и выпустят ли, потому что «долгие годы перед тем никто не ездил». Пришлось англичанину клясться «по своему закону», что в Москве с ними будут хорошо обращаться.

Почти через столетие российский купец Ш. Арсланов писал, что многие ташкентцы хотели бы поехать торговать, но боятся военных действий, якобы ведущихся на всей территории России. Между тем первое десятилетие правления Елизаветы Петровны характеризовалось как раз обратным. Ш. Арсланов все же убедил купцов в безопасности и сам привел их в Оренбург.

Мало того, что российский рынок был спокойным, правительство в целях развития торговли предоставляло ряд льгот бухарцам и ташкентцам, например уменьшая пошлины. Зачастую у них брали меньше, чем у русских. Только в петровское время — протекционизма отечественной торговли — обиженные несправедливостью «московские гости» — немосковское русское купечество, обращались за правдой к монарху. Так, в конце XVII в. среднеазиатские купцы были высланы из Москвы и получили право торговать только в Астрахани. Обнародование Торгового устава внесло ясность в позиции российского правительства, вставшего на защиту развития русского предпринимательства. Когда в 1700 г. возник вопрос — брать ли с хивинского посланника пошлины — ответ последовал однозначный: «Взять по торговому уставу сполна!». После данного случая астраханский воевода получил распоряжение о регулировании среднеазиатской торговли «по правилам». Правила заключались в том, чтобы все прибывшие имели при себе соответствующие грамоты с известием, кто откуда и куда едет, чтобы ни товар, ни людей тайно не провозили. В противном случае запрещалось торговать. А ослушавшихся вторично ждала казнь.

Столь нежеланная перспектива породила вереницу посольств с за-

верениями дружбы и, конечно же, с просьбами о снижении, а то и об отмене пошлин вовсе. Такие просьбы случались и раньше, правильное было бы сказать — всегда, и стали протокольными в церемониале общения среднеазиатских посольств. Еще в 1585 г. царю Федору Ивановичу жаловался бухарский посол Магмет-Алей, что пошлины лишние берут. Результатом, несмотря на недовольство царя неподобающим обращением «без пригожу», т. е. без царского титула, стал указ к казанским воеводам о невзимании пошлин с бухарцев и о дозволении купить им воску, меду, вина.

В XVII в. кроме вышеуказанных льгот существовали и другие. Царем Михаилом Федоровичем в 1645 г. разрешено было ездить среднеазиатским купцам для торгового промысла в Казань, Астрахань, Архангельск. Особым покровительством пользовались купцы с проезжими грамотами от азиатских владельцев. Им предоставлялись не только свобода от пошлин, но даже казенные перевозочные средства. Последняя льгота сохранялась и в XVIII в. А. И. Остерман в 1734 г. принимал посольство из Хивы Артык Батыря Разумбаева. Хивинский посол, имея соответствующие документы, пользовался казенными российскими деньгами и не торопился уезжать. А в 1740 г. нашелся и повод остаться в Астрахани — персидские войска заняли Хиву. Кроме разрешения Разумбаев получил «карманные деньги». Их сумма вначале составляла 180 руб., а впоследствии — 30 руб. в месяц. Терпеливая самарская администрация не выдержала: «от содержания его в Самаре напрасное иждивение происходит». Жалованье сняли, но еще 17 лет экс-посол жил в Астрахани.

Русское правительство давало вид на жительство бухарцам и ташкентцам: им разрешалось селиться в Сибири, чем они и пользовались. С постройкой Оренбурга (1735 г.) ташкентцам разрешили там заниматься ремеслами.

В XVII в. в Россию переселяются и некоторые туркменские племена, образовав впоследствии этническую общность ставропольских туркмен. Незавидным положение туркменских племен на восточном берегу Каспийского моря было еще в XVI в., когда заселенные ими территории лишались воды: высыхало Саракамышское озеро. Миграция туркмен происходила в двух направлениях: в Хорезмский оазис и далее к Копет-Дагу и, вследствие конфликта в XVIII в. туркменских родовых вождей и хивинских ханов, на север, на полуостров Мангышлак. Переселение на Мангышлак стало более масштабным после занятия в 1740 г. хивинских земель Надир-шахом. Тогда же взоры туркмен обратились к России: в Петербург посыпались прошения старшин Мангышлака о присылке хлеба. Калмыцкий хан Дондук-Омба комментировал это сле-

дующим образом: «...Люди они не кочевые и обыкные к хлебу и где хлебных мест нет, тамо они жительство иметь не могут». Хлебосольная Россия кормила туркмен до конца 60-х годов XVIII в. Вместе с тем к просьбам о хлебе с 1745 г. прибавилась просьба о принятии их в российское подданство, периодически возобновлявшаяся с новой силой, поскольку Елизавета Петровна и Екатерина II не торопились принять туркмен под свое монаршее крыло. Обе императрицы помышляли лишь о возможности торговли с ними. Так, в 1746 г. Елизавета I выпускает указ астраханскому губернатору о мероприятиях по развитию торговли с мангышлакскими туркменами. Екатерина II собирает Сенат в 1763 г. для обсуждения торговли с туркменами, продолжавшими обитать пороги правительства с просьбами о хлебе. Последнее обстоятельство обусловило в 1767 г. доклад Коллегии иностранных дел Екатерине II, где сообщалось: «Издавна уже в обычай вошло отправлять из Астрахани к Мангышлакскому мысу суда с хлебом... Бедность туркменских и тамошних мест принудила их нарочно присланных сюда просить о принятии в здешнее подданство с домогательством, чтобы ежегодно отправляемо было к ним довольное количество хлеба».

Безысходность в вопросе о прибыльности русской торговли с туркменами приводит впоследствии к иному разрешению проблемы — строить крепости для ее защиты.

Говоря о просьбах среднеазиатских посольств, стоит вспомнить высказывания Н. И. Веселовского, замечавшего, что сокровенной целью всех этих посольств было «выживание подарков»: «ханы без всякого конфуза заявляли, что им желательно получить...» (*Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII–XVIII столетиях // ЖМНП. 1884. Июль. С. 69*). Вероятно, не стоит преувеличивать односторонность миссий ханов — они имели более широкий спектр, но обойти вопрос о просьбах и подарках («поминках») было бы неверно, поскольку в них раскрывается часть восточного стиля жизни, где хан, пусть он даже «калиф на час», есть хан со всеми ханскими амбициями, приближавшимися иногда к падишахским.

Чаще всего просили для ханской забавы кречетов. При Алексее Михайловиче их специально разводили, в том числе для отправки в качестве «поминок». Не всегда русское правительство положительно реагировало на просьбы и принятие послов. Иногда для русских государей была важна информация о том, как там, в Бухаре или в Хиве, принимали их послов. Так, посланник бухарского хана Имама-Кули Чобак из Тюмени был возвращен обратно ни с чем. Мотив столь неласкового приема заключался в том, что некоторое время назад посольство И. Д. Хохлова было отпущено также ни с чем. Без подарков по той

же причине отбыл и хивинский посол Ходжа-Магомед Богадырь, в 1633 г. Ходжа Магомед просил «добрый панцирь».

Кроме кречетов и панцирей — самых распространенных подарков — встречались совсем необычные для европейских послов просьбы. В 1642 г. Исфендияр-хан решил женить своего сына Саита. Столь важный шаг наследника хивинский хан хотел подкрепить и финансово, но не за свой счет. Прибывшие в Москву его представители Авяз-бек и Кошут просили у Михаила Федоровича «пожаловать, прислать для свадебного подъема денег несколько». Отцовские гены разыгрались и у Саита. Следующего русского царя Алексея Михайловича молодой хан получал: «...А буде изволит государь к нему прислать соболей, да лисиц добрых черных, да к нему ж бы прислать девку Черкасску добру, и то де будет приятно и в любовь». Навязчивость хивинцев без ответа не оставили, и кое-что было отправлено, но не в полном объеме. Справедливости ради надо сказать, что Алексей Михайлович тоже не гнушался «игр в подарки». Посольству В. А. Даудова наказывалось, чтобы он «домогался» у эмира Бухарского нарядных верблюдов и по возможности доставил их ему «в дарех».

Но всех, пожалуй, в оригинальности перещеголял бухарский посланник Кули-бек топчи-баши. Поздравив Петра I с победой над шведами, посол просил возобновить торговые отношения между Россией и Бухарой, а также прислать девять шведок — обычная для Востока просьба. Но для России она оказалась неприемлемой, хотя в XVIII в. и было модно держать, например, арапчонка в качестве прислуги, но это была скорее экзотика и поддержание реноме в светском кругу.

Среднеазиатские ханы вполне целенаправленно смотрели на серьезность отношений с Россией. Но если просьбы о готовности принять подданство северного соседа выглядят порой лишь тактическим ходом, дающим возможность получить деньги «за службу», как было, в частности в начале XVIII в. с хивинскими ханами, то от попыток использовать военную мощь русских для усмирения своих конкурентов уже веет серьезностью и продуманностью несложных политических ходов.

В 30–40-е годы XVII в. узбекские ханы искали у московского государя поддержки в борьбе с калмыками, появившимися в 1620 г. на берегу Ори и Эмбы. В 1695 г. хитрый хивинский Арап-хан, провинившись остановкой русского каравана, просил поддержки у Петра I в борьбе с бухарскими ханами, пытаясь объяснить задержание русских представителей военным временем, а не враждебностью по отношению к России. Хитросплетения письма бухарского эмира Абулфеиза к Петру I в 1724 г. скрывали за собой заверения в верности и надежды на совместные действия против Хивы, которые они якобы уже начали и

«повелели земли его (Ширгазы, хивинского хана. — М. К.) разорить».

Ташкентцы с удовлетворением встретили строительство Оренбурга не только потому, что увеличивался торг, но и потому, что Оренбург с его военными возможностями должен был стать форпостом для наведения порядка в степях постоянно враждующих казахов. О постройке города и охране их торговли неоднократно просили туркменские племена, страдавшие от прихотей более могущественных хивинских ханов.

Наибольший политический и экономический прагматизм проявил владетель Ташкента — неординарный политик Юнус-Ходжа, стремившийся выжать максимальные выгоды из добрососедства с Россией. Способствуя активизации сибирского торгового пути, Юнус-Ходжа смотрел намного дальше своих предшественников. Преодолевая недоброжелательство Бухары, он просил у русского правительства направить к нему группу горных инженеров. С большим трудом отправленные шихтмейстеры Безносиков и Телятников в 1796 г. добрались до Ташкента, где были встречены с большим почетом и уважением. Тем не менее результат изысканий оказался неутешительным: ни золота, ни серебра, желательных для Юнус-Ходжи, обнаружено не было. Безносиков докладывал правительству, что в прилегающих к Ташкенту горах кроме железных, медных и свинцовых руд других нет, да и те «остаются в недрах без обрабатывания».

Впрочем, подобный расклад оставлял место для интересов России. А Юнус-Ходжа любыми связями с Россией стремился показать соседям свое преимущество. В 1797 г. он отправил в Петербург посольство, в число задач которого входили следующие: продолжение развития торговли и горных изысканий, возможность оказания Ташкенту военной помощи. Последняя задача, вероятно, была главной, поскольку существовала реальная угроза Ташкенту со стороны Цинской империи. Коллегия иностранных дел, возглавляемая А. А. Безбородко, удовлетворила две первые просьбы, а на последнюю заверила послов, что в случае реальной угрозы нападения будет оказана необходимая помощь, и это не было дежурным обещанием. Влияние на Ташкент через три года уже могло рассматриваться в контексте перемены внешнеполитического курса Павла I — теперь Россия ориентировалась на союз с укрепляющим силы Наполеоном Бонапартом, искавшим путь в Индию.

Между тем горные изыскания очередных специалистов, побывавших в ташкентских горах, были подытожены в 1800 г. в докладе правительству, посчитавшему на его основании невозможным оказывать дальнейшую помощь в разработке полезных ископаемых, ибо затраты превысили бы реальную выгоду для России.

Лензибаши Филипп Ефремов. Одной из задач, поставленной перед русскими посольствами самых первых экспедиций, было освобождение рабов — русских подданных, по разным причинам попавших в столь незавидное положение.

В среднеазиатских государствах рабство существовало во всех видах и было уничтожено только с приходом русских во второй половине XIX в. Большинство рабов происходило из персов, что было результатом непрекращающихся войн между Хивой и Ираном. Рабство единоверцев стало возможным, поскольку различались направления в мусульманстве: сунизм исповедовали узбеки, шиизм — персы. С русскими было легче — они вообще неправоверные, и никаких сомнений у торговцев живым товаром по этому поводу не возникало.

Крупные невольничьи рынки существовали в Хиве, Бухаре и в любом крупном, по меркам Средней Азии, городе. Т. Бурнашев, будучи в Бухаре в 1795 г., отмечал, что там два крупных базара, открытых от полудня до ночи. Наибольшее удивление русского инженера вызвало то обстоятельство, что здоровые мужчины ценились почти вдвое дешевле, чем женщины, за которых давали в среднем по 80 русских червонцев в пересчете на рубли.

Источником рабства служили набеги на торговые караваны, представительства, на русские территории. В основном этим занимались не создавшие своей государственности кочевые народы, которым данное ремесло приносило доход и было для них традиционным.

Количество русских пленников в среднеазиатских государствах, по различным данным, колебалось от нескольких сотен до 140 тыс. человек. Петровский посланец Ф. Беневини писал в Петербург, что пленных русских в Бухаре содержится 2 тыс. человек, а он не имеет возможности выкупить даже более сотни. Путешествующий митрополит Хрисанф в 1794 г. написал о 4 тыс. русских пленников. Расхождения в цифрах объясняются тем, что русские посланники и не могли видеть всего того, что, может быть, хотели, и в своих соображениях основывались преимущественно на рассказах местных жителей и самих пленников.

Вместе с тем с начала XVII в. русским дипломатам — в качестве одного из главных наказов — поручалось узнать о количестве русских узников и по возможности их освободить. Кроме христианского милосердия выкуп или освобождение русских подданных демонстрировали авторитет России, готовой вступить за каждого своего пленного.

Одним из первых освободить русских пленных должен был И. Д. Хохлов, отправившийся с посольской миссией в Бухару в 1620 г. В дальнейшем каждому посольству это вменялось в обязанность. Иногда, чаще всего бухарские правители, старавшиеся не портить отноше-

ний с Россией, в качестве дара или в знак уважения к великому русскому государю отпускали незначительное число пленников, сопровождая подобный акт личным объяснением, что всех находящихся в государстве освободить нельзя, поскольку они составляют частное владение, и это остается делом каждого владельца.

Русские пленники, как правило, выделялись мастерством и умением, знаниями, и их зачастую использовали на государственной службе, многие делали карьеру, предварительно поменяв веру, и находились в привилегированном положении. По свидетельству самарского купца Д. Рукавкина, посетившего Хиву в середине XVIII в., «в Хиве и других местах пленных из всякого народа есть не малое число, и ханы в охране своей особы доверенность полагают на чужестранцев... они при дворе содержатся в отменной милости, довольно получают жалованья...». Русские не были исключением.

В 1671 г. думный боярин А. Матвеев принял бухарского посла Муллу Фарруха. В доверительной беседе выяснилось, что Ходжа Фаррух по происхождению «русской породы из Теряевых, взят в полон подростком калмыками и продан в Бухарию». Отпрыск Теряевых поведал, что «если русские пленные захотят и им разрешено будет, то отпустят, только многие из них в чести и в начальниках». Мулла Фаррух умер в России. Другой «бухарский пленник» сержант Филипп Ефремов, взятый кочевыми киргизами вблизи Оренбурга в 70-е годы XVIII в., был пожилым человеком. Проданный в Бухаре Ходже-Гафуру, он был подарен затем аталыку Данияр-Беку (правителю Бухары). «Карьера» Ф. Ефремова начиналась с поста стража гарема, после чего он был пожалован званием дабаши (капрала) и дослужился до лензибаши (сержанта). Получив свободу передвижения, он бежал через Тибет, Индию, Африку и Англию в Россию. Его опыт в языкознании был востребован в Коллегии иностранных дел, где он дослуживал прапорщиком.

Известен и другой случай, когда один из бывших солдат А. Бековича-Черкасского дослужился в той же Бухаре до топчибаши (полковника).

Вопрос освобождения русских рабов не стал по аналогии с защитой балканских православных народов поводом для вмешательства в дела среднеазиатских ханств, но сыграл роль катализатора в общественном сознании россиян, в середине XIX в. узнавших о соотечественниках-рабах. Такая постановка проблемы казалась многим немыслимой, и пресса легко убеждала население России в необходимости покорения новых среднеазиатских территорий.

«Присматривать прилежно, проводывать искусно...». Другая проблема, интересовавшая русских царей, — поиски путей в Индию. В

ее контексте Средней Азии предназначалась роль своеобразной перевалочной базы.

Не самой заветной мечтой великих московских государей была торговля со Средней Азией, бывшая далеко не всегда эффективной по причине грабежа караванов, неустойчивости политического положения и т. д. Между тем караваны продолжали отправляться, и не только частные, но и казенные. Последние имели, кроме прочего, еще и посольские функции. И, отправляя очередную экспедицию, лица, ее возглавлявшие, получали весьма подробные указы о сборе сведений — как о политическом состоянии ханств, что было немаловажно в свете налаживания через них торговли в Индии, так, собственно, и о возможных путях к Великим Моголам. Во многом посольства в Бухару или Хиву, а также разговоры о «доброй» с ними торговле считались своеобразной маскировкой реальных целей.

Послам и негоциантам предписывалось «тайным делом» проводить, с какими государствами Индия граничит, защищена ли индийская граница крепостями, есть ли у индийского хана флот, как из России удобней до нее добраться. После ряда неудачных попыток братья Пазухины в 1669–1671 гг., пожалуй, впервые определили возможный путь в Индию через Хиву, на Балх до Хелжона и индийского города Парвана. Рассчитали они и время движения от Астрахани до Джанабата — четыре с половиной месяца пути верблюдьим ходом. А уже известному пути через Персию Пазухины вынесли следующий вердикт: «А путь через Персию тяжелее и убыточней...». Впервые они собрали и конкретные сведения о политическом состоянии ханств в Средней Азии и их отношениях с Персией и Индией и даже с Турцией. Алексей Михайлович оценил деятельность послов и приказал «список с Борисова статейного списка Пазухина переплести ему, великому государю...».

В 1671 г. Мулла Фарух подтвердил сведения Пазухиных о примерном пути в «Индийское государство», определив его длительность от Бухары в 40 дней. Надо сказать, что прибывавшие в Россию (Астрахань, Тобольск) среднеазиатские послы вежливо подвергались опросу, диапазон которого был весьма широк. Подобная практика была принята на протокольных встречах. Но если ханов, или лиц, их заменяющих, более притягивали вопросы о российском оружии и диковинных зверях, то в Посольском приказе тщательно переводили и записывали сведения политического характера об «индийской дороге». Лишь однажды дьяки приказа в доставленных им грамотах наместника индийского хана после экспедиции С. Маленького, умершего в Персии, «многих речей перевести не сумели».

Василию Андреевичу Даудову, персу по происхождению, поступив-

шему на русскую службу, поручалось разузнать, «сухим ли путем, или водным, или горами в Индею путь», и по возможности проникнуть к «Индейскому шаху». Как правило, русское посольство делилось на две части: направленное собственно в Хиву или Бухару идвигающееся далее — к Индии, официально слывшее второстепенным. Так и в случае с посольством В. А. Даудова (1675–1676 гг.): вместе с ним «под образом купчины» был отправлен Юсуф Касимов, продолживший маршрут и в конечном итоге дошедший до Кабула. Именно у Касимова находились тщательно скрывааемые на территории Средней Азии грамоты к «Индейскому шаху» Аурангзебу. Юсуф Касимов к Великому Моголу допущен не был, и переговоры о дружбе и торговле не состоялись.

Незаинтересованность Индии в торговых отношениях с Россией в конце XVII в. объяснялась несколькими причинами: торговля с Европой по сути хотя и сохранялась, но отходила на второй план, так как государство Великих Моголов уже пережило свои лучшие времена и двигалось к своему распаду. Внутренний кризис после смерти Аурангзеба (1707 г.) привел к усобице и утрате могущества. И, наконец, проникновение к концу XVIII в. на Индостан Ост-Индской компании сводит Великих Моголов до положения марионеток Британской короны. Упрочение в Индии англичан положило начало другой проблеме — противостояния на Востоке двух империй — Российской и Британской.

Постепенно менялись задачи и русской дипломатии, но акцент делался в основном на более обширный сбор информации о Хиве, Бухаре, реках и коммуникациях, при этом «индейский» вариант становился второстепенным. Но оба дипломатических изыскания велись так, «чтобы того не признавали бухарцы и хивинцы: присматривать прилежно, проводывать искусно». Ради сведений разведывательного характера в 1697 г. тобольские власти провели так называемое «сыскное дело о дороге в Хиву». Опросили сведущих людей. «Допросу» подверглись в приказной палате дети боярские Скибин, Кобеков и др. В итоге получилось описание сухопутной дороги в Хиву, причем внимание обращалось не столько на количество дней в пути, сколько на стратегические, оборонные детали, рудные промыслы, колодцы. В частности, было сообщено что «Бухария строением и вышиною, что Туркестан, в 12 башень... а воинских людей у него тысяч с четырехста, мелкого огневого оружия мало, а боевых пушек будет с пятьдесят, а воздух и вода у них не здоровы...». На протяжении года под «допрос» попало несколько бывавших в среднеазиатских городах служащих и торговых людей, и информация накопилась весьма полезная.

«Банк данных» о соседних восточных территориях в России расширялся на протяжении всего XVIII в. Но начало столетия было озна-

меновано и попытками проникновения России в Среднюю Азию. Правительство осознало, что торговля может быть выгодной только в случае, если будет направлена в нормальное, цивилизованное русло. Может, даже путем нажима или «бряцания оружием», но не исключался договорный, коалиционный вариант. Россия не могла оставаться безучастной к судьбе своих юго-восточных границ, беззащитных, в сущности, вследствие меняющегося внешнеполитического положения, в частности, своих отношений с Турцией и Персией.

Надо учитывать и то, что в начале XVII в. основной дипломатический и военный театры действий для России находились далеко от восточных пределов — на Северо-Западе. Именно там решалась судьба геополитического авторитета России. Война со Швецией требовала неимоверного напряжения сил, финансов и энергии. Таким образом, укрепление южнороссийских границ было вялотекущим. Лишь после Полтавской баталии и ухудшения отношений с Турцией Петр I все чаще обращает свой взор на Восток.

«Сила все резоны уничтожит». После выхода России к побережью Балтийского моря и основания Санкт-Петербурга мало в Европе находилось политиков, способных убедить своих собеседников в том, что Россия обосновалась на Балтике ненадолго. Еще меньше скептиков было в самой России. Балтийский геополитический узел Петру I удалось разрубить — Россия получила выход к морским путям в Европу, и теперь целая озерно-речная система связывала Петербург с Астраханью. Намечалась, хотя и исторически запоздавая, перспектива стать посредницей в торговле Запада с Востоком, максимально используя при этом водный транспорт. Не случаен в связи с этим интерес Петра именно к возможности проникнуть в Индию по рекам.

Осуществление подобных проектов упиралось в слабость позиции России на Каспийском море. Морские суда не соответствовали веянию времени, со времен «Орла» военной их защиты не было, берега таили опасность ограблений караванов, а известные Тюб-Караганские пристани никем не охранялись — не было на восточном берегу ни одной крепости, хотя необходимость в них ощущалась год от года. Часто об этом просили и некоторые обитающие на восточном берегу Каспия туркменские племена. Редко, но проговаривались об этом в начале XVIII в. и хивинские ханы. Складывалась, таким образом, благоприятная ситуация для осуществления проектов закрепления на Каспийском море и решения назревавшего военно-политического вопроса, тем более, что дважды — в 1700 г. хивинский хан Шанияз и в 1703 г. хивинский хан Араб-Мехмет, просили о принятии их в российское поддан-

ство, обещая верную службу. Петр I в подданстве им быть повелел и, как пунктуальный государь, выполняющий обязательства, распорядился выдать им жалованье в тысячу золотых червонцев — сумма по тем временам немалая.

Юго-восточная окраина Российской империи была легко уязвима в случае нападения возможных внешних врагов. Прикаспье — это обширная равнинная слабопересеченная пустынная и степная местность, не располагавшая при отсутствии укреплений к отражению даже локальной агрессии: на юго-восточном пограничье постоянными были набеги кочевников и их междоусобные конфликты, делавшие русские территории театром военных столкновений.

Ввиду незаконченной войны со Швецией относительно Средней Азии был предложен нейтральный вариант решения всех проблем. Вместе с усилением флота на Каспийском море и строительством крепостей по пути следования караванов и на ключевых местах пересечения путей планировалось установить протекторат России над среднеазиатскими ханствами, включить их в орбиту своих геополитических интересов. Первенствующая роль здесь отводилась Хивинскому ханству, занимавшему в междуречье более выгодное среди всех других положение.

Между тем продолжавшаяся Северная война с неимоверной быстротой поглощала денежные средства, и российская казна нуждалась в их пополнении. Одним из вариантов увеличения казны считалась возможность выйти на месторождения золота и серебра, находящиеся, по информации ряда донесений, в той же Средней Азии.

Сибирский губернатор князь М. Гагарин сообщал в Петербург, что в Малой Бухарии есть золотой песок в окрестностях г. Эркети (Яркенда в современном Китае). М. Гагарин предлагал грандиозный план овладения «золотым» городом, для чего было необходимо по проторенной дороге от Тобольска до Ямышева озера и далее до Яркенда построить ряд крепостей. Более того, осуществление замысла сибирский губернатор брался произвести за счет доходов губернии. Годом ранее, в 1713 г., садырь племени йомутов Ходжа Нефес, прибыв в Россию, сообщал, что Аму-Дарья несет в своих водах золотой песок и что ранее она впадала в Каспийской море, о чем свидетельствовало старое ее русло. Причина перемены течения реки, по мнению Нефеса, была искусственной. Хивинцы в прошлом веке засыпали русло, направив течение в Аральское море.

Ходжа Нефес представлял интересы некоторых туркменских племен, к началу XVIII в. пребывавших вследствие противостояния с Хивой в невыгодном положении. Обезвоженные пространства восточно-

го побережья Каспия стали непригодны для хозяйствования, миграция в хивинские земли сделала неизбежным столкновение туркмен с Хивой. Поиски защитников привели их в Россию. Серьезность Нефеса подтверждалась готовностью его самого и подвластных ему туркмен поддержать все начинания русского правительства. Таким образом, задачи правительства в юго-восточном регионе совпали с теоретическими возможностями. Оставалось их практически реализовать.

В 1714 г. с разницей в два дня вышли именные указы Петра I. Первый — о посылке поручика Преображенского полка А. Бековича-Черкасского в Хиву и Бухару, «сыскав какое дело торговое, а дело настоящее — проведать про Иркенд, сколь далеко оной от Каспийского моря, и нет ли каких рек оттоле в Каспийское море». Второй — об экспедиции капитана И. Д. Бухгольца с совершенно конкретной инструкцией о постройке города у Ямышева озера, давно известного русским соледобытчикам. Бухгольцу предписывалось, поставив выше по течению Иртыша крепости, «искать далее до Эркета и оным овладеть». А по дороге «велели редуты через каждые пять-семь дней пути ставить».

Обе экспедиции снаряжались весьма серьезно и мало напоминали посольские караваны. Затраты на первый поход А. Бековича-Черкасского составили более 30 тыс. руб. В ней участвовало 1800 человек, 2 шхуны, 27 стругов, имелось 19 пушек. Отряд Бухгольца насчитывал до 3 тыс. человек, включая купцов, инженеров, артиллеристов.

Бухгольца постигла неудача. Благополучно достигнув Ямыш-озера, осенью 1715 г. на пути в Яркенд, на Зайсане, готовясь к зиме, заложили крепость. Построенные укрепления встревожили калмыков, боявшихся изменения сложившейся политической ситуации не в их пользу. Отправленное Бухгольцем посольство в Бухару было разграблено казахами, а калмыцкий хан Контайша осадил крепость, сдавшуюся через полгода. Несмотря на неудачную попытку проникновения русских в Яркенд, экспедиция дала толчок к созданию оборонительной Иртышской линии с крепостью Усть-Каменогорск.

Маршрут миссии А. Бековича-Черкасского в 1714 г. пролегал по известному водному пути из Астрахани к Тюб-Караганскому заливу. От него, в качестве разведки, часть людей отправлялась на восток — в поисках старого русла Аму-Дарьи, часть — на юг — в поисках мест для постройки крепостей. Масштабность задач, поставленных перед поручиком, малочисленность отряда и стихия Каспия заставили А. Бековича-Черкасского вернуться в Астрахань для более детальной подготовки второго этапа экспедиции, с планами которой он поехал на встречу с Петром I в Митаву.

Князь Александр Бекович-Черкасский пользовался оправданным

доверием монарха. Петр I отправлял его — кабардинского князя Девлет Киздень Мурзу — в 1707 г. для учения за границу. После возвращения и крещения тот поступил на русскую службу и инициировал возможность экспедиции в Хиву, всячески ее отстаивая. Убедил он Петра I и в этот раз: так появился указ, значительно расширявший задачи миссии и олицетворявший сокровенные желания Петра на юго-востоке. Этим, видимо, определялось и количество людей — «сколько потребно».

А. Бековичу-Черкасскому разрешалось на свое усмотрение строить крепости. Предусматривалось, что одна из крепостей будет на устье высохшей реки, другая — на плотине, которую возвели хивинцы. «Ежели возможно, — гласит указ, — оную воду обратить в старый ток, прочие устья запереть, которые идут в Аральское море». Кроме военно-строительных функций на А. Бековича-Черкасского были возложены дипломатические функции: он должен был убедить хивинского хана Ширгазы поступить на российскую службу, в знак чего определить к нему в охрану русских гвардейцев. После согласия хана — просить у него людей и транспортные средства для разведывания водных путей до Яркенда, осмотра золотых приисков и до Индии. Для подобных целей предусматривалось использовать отряд поручика Кожина, который должен был двигаться туда под видом «купчины».

Приведение Бухары и Хивы под протекторат России отвечало ее интересам на Востоке. Поэтому Петр I не жалел ни денег, ни собственной гвардии. Вместе с тем в числе главных пунктов инструкции значилось предупреждение о «ласковом» обращении с местными жителями. Однако полувойенный характер миссии не мог не встревожить хивинские власти. Столь грандиозных мероприятий на хивинских землях и вблизи них Ширгазы предвидеть не мог. Не лучшую службу сыграл для русского продвижения находящийся в русском подданстве правитель калмыков Аюк-хан. Ведя двойную игру, он нагнетал обстановку в самой Хиве, искажая истинные намерения русских. В Хиве укрепились мнение, что русские хотят обманом захватить ханство «ради золота», находящегося в горах Шейх-Джели. В такой обстановке экспедиция, официально именуемая посольством, насчитывавшая в своем составе более 5 тыс. человек, включая яицких и гребенских казаков, 22 пушки, 69 судов, обошедшаяся уже к 1716 г. казне в 219 тыс. руб., отправилась выполнять свою историческую задачу.

Поставив крепости на восточном берегу Каспия и оставив там гарнизоны, А. Бекович-Черкасский в сложных погодных условиях двинулся, не зная того, навстречу хивинскому войску. У озера Айбугир, расположенного за несколько километров от Хивы, состоялось сражение, показавшее превосходство регулярного строя русских. Ширгазы вы-

нужден был пойти на переговоры, во время которых убедил главу русской миссии разделить войско на части, уверяя его в своем доброжелательстве. Днем позже русское войско вместе с его руководителем перестало существовать. Часть солдат бежала и достигла построенных крепостей, гарнизоны которых, продержавшись до весны 1718 г., вынуждены были вернуться в Астрахань. Ширгазы ликовал и в эйфории победы отослал голову А. Бековича-Черкасского своему конкуренту в Бухару. Бухарский эмир благоразумно от такого подарка отказался.

Вместе с тем для Ширгазы и его преемников, а также хивинских купцов и просто хивинцев наступило время синдрома вины и ожидания наказания — чувство, которое они так и не преодолели. Ф. Бенедини в 1723 г. заметил в своих реляциях правительству, что хивинские власти, собравшись писать письмо по поводу случившегося, так и не смогли подобрать нужных слов и составить грамоту. Готовящийся поход Петра I в Персию хивинцы восприняли как поход на Хиву и спешно пытались сколотить блок среднеазиатских государств. Уже в 1737 г. новый хивинский хан Ильбарс в письме к оренбургскому генерал-губернатору В. Н. Татищеву акцентировал внимание на дружбе и согласии, а события 14-летней давности дипломатически обошел: «А которые прежде были у нас ханы, оные все миновались, а ныне время мое и желаю в дружбе жить». Но даже в середине XVIII в., по известиям Д. Рукавкина, хивинцы находились «во всегдашней опасности от России в рассуждении учиненного ими незаконного убийства над князем Александром Бековичем-Черкасским... и что оное без достойного отмщения им оставлено не будет».

После неудачи хивинской операции стремление Петра I укорениться в Средней Азии не угасло. Зная о судьбе А. Бековича-Черкасского, Петр старался осмыслить ошибки и параллельно снарядил еще одну экспедицию. Поручику Урусову в 1718 г. было поручено составить карту Каспийских берегов и особенно бывшего протока реки Аму-Дарьи. Были внесены коррективы и в политические планы касательно усиления России в Средней Азии. Было решено, что главную роль в их осуществлении должна играть не Хива, а Бухара. Следовало отказаться от бряцания оружием, а особое внимание обратить на военную разведку и использование дипломатических средств. И повод для этого нашелся. В 1717 г. Петр принял бухарского посла, долгое время дожидавшегося приема, посол всячески отрекся от действий хивинцев во время похода А. Бековича-Черкасского. А для торговых сношений по поручению хана Абулфеиза просил прислать в Бухару «разумного человека». Им оказался секретарь «ориентальной» экспедиции Посольского приказа Флорио Бенедини, который и отправился в 1718 г. в Буха-

ру уверять хана в дружбе и целесообразности заключения «оборонительного альянса о взаимной помощи против всех врагов и особенно против хивинцев» и разведывать политическую картину Средней Азии. А она была очень непроста, в чем Ф. Беневини убедился сам. Еле вырвавшись из персидского сидения, он попал в бухарское. Вынужденно задерживаясь в Бухаре, русский посол изнутри в течение нескольких лет изучал политическую обстановку. Определив логику правления как не имеющую ни порядка, ни смысла, Ф. Беневини, учитывая, что «все дженерально между собою драки имеют», советовал отправить русское войско, ибо «сила все резоны уничтожит». Однако сам Ф. Беневини находился в положении заложника. Армия, которую готовил Петр I, была предназначена не для Средней Азии, но там об этом знать не могли.

Персидский поход был обусловлен слабостью Персии, внутренними междоусобиями в ней и вмешательством в ее дела Турции. Последнее обстоятельство особенно тревожило русское правительство. Бессилие Персии ставило ее на грань потери независимости, а усиление в данном регионе за ее счет Турции делало положение России здесь весьма неустойчивым. Чтобы не уступить своей вечной противнице, Петр сам решается использовать ситуацию в Персии. Именно туда была направлена 46-тысячная армия, которую «ждали» хивинские ханы. На Каспийском море создается флотилия. Успехи русского оружия охладили воинский пыл турок и заставили персидского хана Тахмаспа пойти на подписание в 1723 г. в Петербурге союзного договора, по которому русские обязывались помочь укрепить Тахмаспу власть взамен передачи России провинций по всему западному и южному побережью Каспийского моря, включая города Баку и Дербент. Конфликт с Турцией тоже удалось урегулировать.

Тем не менее восточный берег Каспийского моря оставался нерусским, и решение данного вопроса откладывалось на неопределенные времена. Активная политика Петра I в Средней Азии продолжения после его смерти не получила. Последний петровский посланник Ф. Беневини вернулся уже к Екатерине I, а новых посольств не предусматривалось.

«Со временем малую крепостцу сделать можно». Прикаспийская политика России в 20-е годы XVIII в. не отличалась активностью. Свертывание военного присутствия на западном и южном побережьях Каспия привело к передаче персидских завоеваний Петра I. Верховный Тайный совет, несмотря на некоторое нежелание Екатерины I, начал отступать задолго до фактической их передачи Персии. Серией договоров с персами Россия поэтапно возвращала Астрабад, Дербент, Баку и

территории до р. Терек. Взамен Россия получала союзнические отношения с Персией и свободную торговлю через нее. Кроме того, Россия рассчитывала усилить Персию в ее противостоянии с Турцией.

Именно Турция для России была главным геополитическим противником в XVIII в. в борьбе за Причерноморье. А. И. Остерман, определявший внешнюю политику России без малого 15 лет, выразил ее основное направление предельно просто: «Для России необходим Азов!». Англия, как всегда, стремившаяся делать свою политику чужими руками, подталкивала Турцию к войне с Россией. Расчет ее был на то, что русские войска и дипломаты увязнут в турецкой проблеме, сразу разрешить ее не смогут, и Петербург некоторое время не будет доставлять лишних хлопот колониальной политике Великобритании в Индии и развитию ее восточной торговли. Действительно, найденные политикой Петра I пути возможных подвижек России в Среднюю Азию продолжения не получили. Даже Елизавета Петровна, основным принципом которой являлось следование «системе Петра Великого», предполагавшей учет национальных интересов России главным критерием внешней политики, в отношении Средней Азии ограничивалась в основном частными указами о поддержании торговли. И то, видимо, находясь под впечатлением богатств Востока, брошенных к ее ногам Надир-шахом, приславшим 16-тысячное посольство в надежде увидеть пышную голубоглазую красавицу, дочь великого царя, в своем гареме. Но Елизавету Петровну более захватывала европейская дипломатия.

Неудачно посватавшийся Надир-шах в своих завоевательных походах на Среднюю Азию не скрывал, что Персия является союзником великой северной империи. Это придавало ему авторитет и, возможно, приносило успокоение. Таким образом, персидский правитель, опосредованно став выразителем воли России, наказал хивинцев за убийство А. Бековича-Черкасского. Понимание своих отношений с Россией Надир-шах продемонстрировал в 1740 г. на подступах к Хиве. Незадолго до этого казахский хан Абулхайяр, принявший российское подданство, стал и хивинским ханом. Прибывшие в то время в Хиву поручик Гладышев и геодезист Муравин сообщили Надир-шаха о покровительстве России Абулхайяру и его ханству, и персидский шах согласился пойти на договор с новоиспеченным хивинским ханом. «Он, шах, ради разорения сего города ходить не изволит», — писали русские посланцы. К сожалению для Хивы, Абулхайяр сбежал, а город подвергся разорению.

Екатерина II была апологетом модной среди монархов и дипломатов Старого Света европоцентристской идеи о закономерности и неизбежности продвижения европейцев на юг, в края, заселенные дики-

ми азиатскими народами, с целью привнесения культуры и цивилизации. Своими мыслями просвещенная императрица делилась с бароном Ф. М. Гриммом, считая, что южные народы всегда были слабы и не имели прочного могущества. В поисках мифической столицы для России взор Екатерины II остановился на Константинополе. Подготавливая почву для осуществления известного «Греческого проекта», Екатерина II приложила максимум усилий для умирения Турции. Восточное направление внешней политики ее интересовало постольку, поскольку оно было полезно для ситуации в Причерноморье. Императрица прекрасно осознавала и оценивала силы и возможности Российской империи и ею не владела жажда мирового господства. Сделать Босфор русским было пределом ее желаний. В связи с этим Екатерина II отказывалась от некоторых других геополитических проектов. Так, не добились ее поддержки русские землепроходцы Северной Америки. Предрешены были искания путей в Индию, а о существовавшем проекте похода туда Екатерина II высказалась в весьма категоричной форме: «У России довольно земель и произведений, чтобы не иметь никакой нужды отправляться в Индию». Еще менее шансов на внимание центральной власти имело практическое освоение Средней Азии.

Инициатива в данном вопросе вплоть до середины XIX в. принадлежала местным властям российских приграничных губерний. Особая роль здесь была у Оренбурга. Еще И. К. Кириллов, обер-секретарь Сената, доказывал, что если Россия откажется от активных действий на юго-востоке, то «не только новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства, со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подборанию рассыпанных бухарских и самаркандских провинций и богатого места Бодокшана упустим». Правительство вынуждено было признать справедливость логики И. К. Кириллова, и он получил «добро» на создание в 1734 г. Оренбургской экспедиции. Кроме строительства системы укреплений против башкир в целях экспедиции значились организация расширения торговли и, в связи с этим, использование вод Аральского моря. Энергия И. К. Кириллова привела к постройке с третьей попытки на реке Орь Оренбурга. Хивинцы прозвали крепость «Янги-кала» — новая крепость. Оренбург и одноименная оборонительная линия на долгое время стали границей южных рубежей империи. После смерти И. К. Кириллова Оренбургскую экспедицию возглавил В. Н. Татищев. В 1744 г., когда была образована Оренбургская губерния, экспедиция прекратила существование. Деятельность основателей губернии носила разносторонний характер, и отправляемые на юг и юго-восток караваны, кроме торговых, несли и разведывательную функцию.

В 1740–1741 гг. по поручению В. Н. Татищева из Орска в Хиву были направлены поручик Гладышев и геодезист Муравин. Помимо подтверждения опыта, что в степях небезопасно, ими было дано подробное и достоверное описание Аральского моря. Из показаний Муравина следовало, что «по тому морю судами ходить можно: по Сыр-Дарье до Туркестана, Самарканда и Ташкента; по Улу-Дарье до Хивы и Бухары».

В 1753 г. из Оренбурга вышел первый крупный караван «к познанию азиатских владений», описание маршрута которого дал самарский купец О. Рукавкин. Годом позже оренбургский губернатор И. И. Неплюев читал донесения о поездке в Хиву переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова. Цель поездки заключалась в том, чтобы подвигнуть хивинского хана на союз для охраны торговых караванов. Не менее, чем подписание договора, И. И. Неплюева интересовало положение самого строптивного среднеазиатского государства после его «отпадения» от Надир-шаха. Оказалось, что амбиции Хивы не изменились со времен экспедиции А. Бековича-Черкасского. В дальнейшем «среднеазиатская» деятельность оренбургских губернаторов продолжалась. Именно через Оренбург в конце XVIII в. планировалось движение казаков на Индию во время кратковременного союза Павла I и Наполеона, но по смерти российского императора казаков вернули с марша на пути к этому городу.

В докладах оренбургских властей Сенату выражалась надежда на укрепление позиций России и все чаще раздавались голоса о силовом решении проблемы, ибо никакой нормальной торговли быть не может без ее «охранения». В. Н. Татищев, успевший послужить губернатором другого юго-восточного форпоста Российской империи — Астрахани — в 1744 г. склонялся к мысли, что на восточном берегу Каспия «малую крепостцу сделать можно и... торг распространится и немалую прибыль приносить будет». Для «осмотрения местности» на Мангышлак был отправлен капитан Копытовский на шмаке «Гусь». Результаты осмотра не дали всеобъемлющей информации о возможности строительства защитных для торговли сооружений. Самого же В. Н. Татищева перевели на службу в Петербург, и дело, им намеченное, на время остановилось. Лишь в 1763 г. Сенат подготовил доклад — в немалой степени обусловленный просьбами туркмен — о посылке экспедиции на Мангышлак с тем, чтобы выбрать место для сооружения крепости. По результатам доклада Екатерина II пришла к выводу о необходимости «отправить знающего и надежного человека... для приискания удобного места к заведению крепости». Обязанность снаряжения экспедиции, возложенная опять на астраханского губернатора, вылилась в отправку на восточный берег Каспия М. Ладыженского и С. Токмачева.

Их тщательные разыскания рисовали не слишком радужную перспективу: «В Мангышлаке поселению быть не можно, горы от подошвы до верху меловые, а на поверхности песок и кремнь и изредка растет полынь. Дерну нет, зелени нет, лесу и камыша на всем берегу нет, колодези от берегу весьма далеко и в тех солодоватая вода...». Вместе с тем Ладыженский, побывав на о. Челекен, обнаружил, что туркмены, живущие на нем, добывают нефть, серу, соль и черную краску. На другом острове — Нефтяном — туркмены добывали до 4 тыс. пудов нефти в год. Таким образом, привлекательность Прикаспия увеличивалась, а усиливавшиеся англо-русские противоречия заставляли правительство ускорять движение на юго-восток. С 1781 г. по 30-е годы XIX в. на берегах Каспийского моря побывал ряд миссий, но только после экспедиции, снаряженной Оренбургским губернатором Сухтеленем, было выбрано место, где в 1833 г. начато строительство Ново-Александровского укрепления, перенесенного через 13 лет на Тюб-Караган и названное Новопетровским.

На протяжении XVIII в. Россия не вела активной политики ни в Прикаспии, ни в Средней Азии, несмотря на то, что юго-восточные границы империи не внушали доверия и требовали не только корректировки, но и укрепления. Ведущаяся усилиями Западно-Сибирской, Оренбургской и Астраханской губерний торговля, все более привлекавшая русских купцов, натывалась на неприемлемые условия ее проведения. Не только торговцы, но и местная администрация осознавали необходимость охраны торговых караванов. Лучший для этого вариант — строительство крепостей на караванных дорогах.

Но правительство вследствие других внешнеполитических интересов не стремилось к осуществлению проектов по «усмирению диких и кочевых народов» на юго-востоке.

В бумагах В. Н. Татищева был найден любопытный документ, принадлежащий Пьеру Куки. Предназначенные, видимо, Анне Иоанновне, его «Примечания о невыгодности торговли с Бухарией» составляли, в сущности, план завоевания Средней Азии — только в этом случае, по его мнению, утвердится прочная торговля. Ключом для покорения среднеазиатских земель являлась Хива, но чтобы завладеть ею, вначале необходимо было «усмирить казахов», для чего потребовалось бы 2 тыс. человек, а также устроить «добрую дорогу от Яика до Хивы, снабдив водою и жильем, а в Хиву вступить секретным образом». Автор «Примечаний» предлагал использовать против восточных правителей их же прием — хитрость, завуалированность истинных действий. Аналогичные советы после путешествия по странам Востока давал правительству и митрополит новопатарский Хрисанф. Столь необычный совет-

чик настоятельно рекомендовал «отправить в те места людей под видом врачей, путешествующих, и небольшим числом. Образ жизни им вести бедный, а называться турецкими подданными, быть лицемерными, особливо в отношении к их законам». А после сбора информации уже войском через Астрабад занять все течение Аму-Дарьи. Без покорения Хивы, по мнению Хрисанфа, нечего даже думать об овладении Бухарой.

Нам не известны побуждения Куки и новопатарского митрополита, заставлявшие обращаться к высшей российской власти, но они кажутся искренними. Их наблюдения во многом перекликаются с желанием администраций южных губерний России активизировать политику в Средней Азии.

«Английское правительство поддерживает дружеские отношения только с теми государствами, которых оно боится». Другой причиной проведения Россией более динамичной среднеазиатской политики следует считать англо-русские отношения. Блестящими их ни в XVIII, ни тем более в XIX в. назвать нельзя. Объяснением тому был ряд обстоятельств. Российская империя в лице Екатерины II, а затем Александра I заняла благожелательную позицию по отношению к США. В 1808 г. установление дипломатических связей между Россией и США вызвало явное раздражение Великобритании. Успехи русских войск во второй половине XVIII в. в Северном Причерноморье породили в британском правительстве версию о «русской угрозе» английским владениям в Индии. Опираясь на такую политику, английские власти активизировали действия в Центральной Азии, главной их целью стали Афганистан и прилегающие к нему с севера территории. В известном смысле Великобритания подтолкнула Россию к решению вопроса о защите своих юго-восточных рубежей. Неровные, даже, можно сказать, «рваные» англо-русские дипломатические отношения в начале XIX в. не выявили общности интересов в среднеазиатском регионе. Великобритания не хотела выпускать из рук инициативу индийской торговли — той торговли, ради достижения выгод от которой было положено много усилий.

История интереса Англии к богатствам Востока начинается в Средневековье. Но тогда на пути ее продвижения к водам Индийского океана лежало Московское государство. С XVI в. Англия ищет сухопутные пути в Индию через Среднюю Азию. Началом этих поисков надо считать мероприятия возникшей в 1555 г. британской торговой «Московской компании», одной из целей которой было своеобразное реанимирование известного еще до новой эры пути, пролежавшего из Китая и Индии через Каспийское море по Северному Причерноморью в Европу.

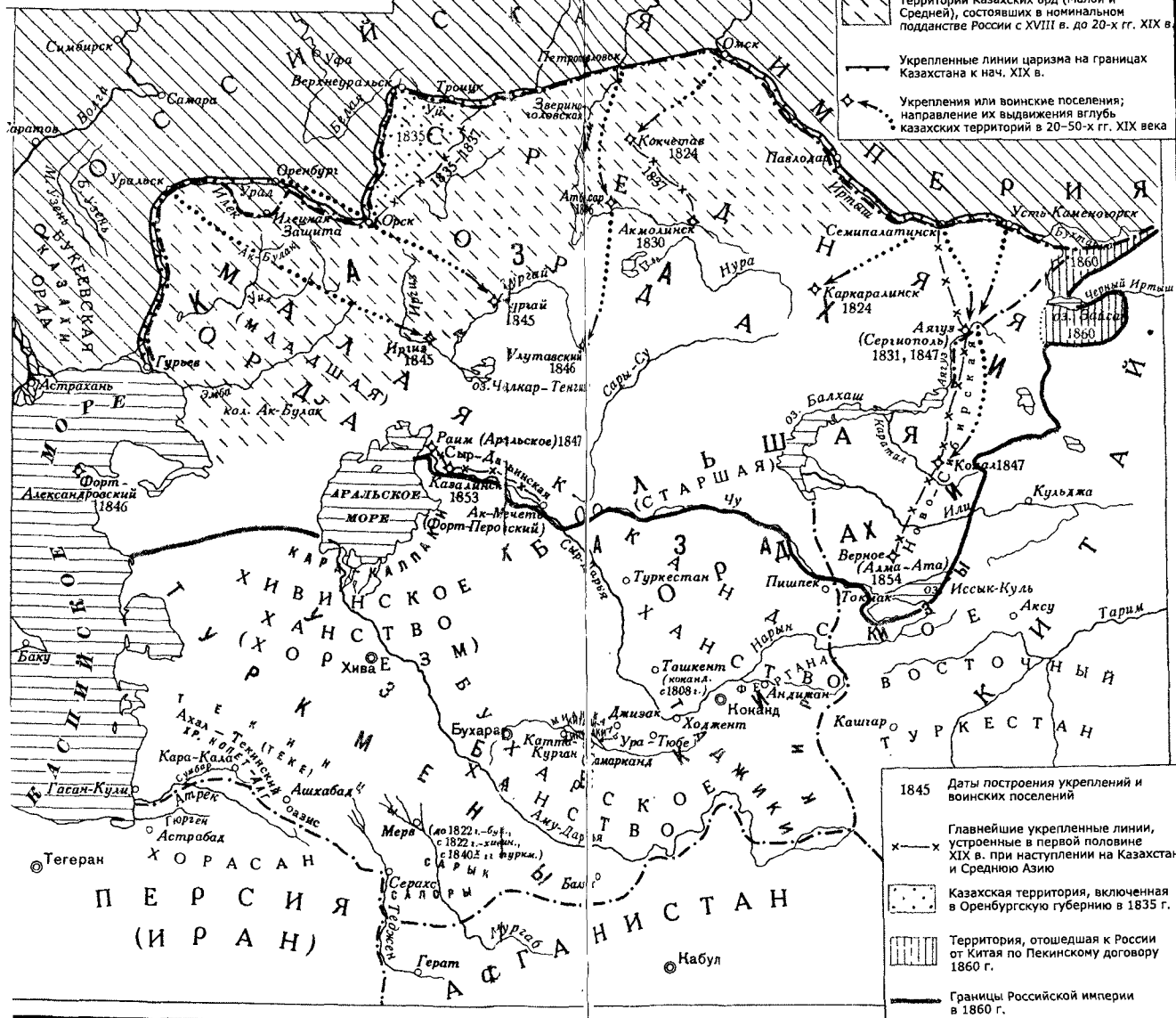
В XVI в. возможный маршрут из Индии должен был, по планам английских негоциантов, пересекать Среднюю Азию и Россию. В 1558–1560 гг. экспедицию «Московской компании» в Хиву и Бухару возглавил Антоний Дженкинсон. Иван IV сопровождал его соответствующими грамотами. В сущности, Дженкинсон стал в какой-то степени и первым посредником в делах среднеазиатско-русской торговли, приведя в Москву опасавшихся ехать туда бухарских купцов.

Главные цели английской экспедиции не достигли результата — пути в Индию и Китай пока были недоступны. Но проницательные английские монархи настойчиво пробивали брешь в неразрешимом вопросе, пытаясь установить монополию британской короны на торговлю с Востоком через Россию. В 1588 г. у королевы Елизаветы испрашивал право торговать через Россию, а также брать в России проводников, судовых людей, суда, пищу для поисков «китайской земли» Дж. Флетчер. Определявший политику России того времени Борис Годунов составил дальновидный ответ: «Государю нашему через свое государство пускать на отыскивание других государств непригоже». Однако же торговля была разрешена. Став царем, Годунов на подобные просьбы нового английского короля Иакова I отвечал тоже уклончиво. Не утратили англичане интереса к восточной торговле и при Петре I, разрешившем им вести транзитный торг через Россию.

Но было очевидно, что с ростом британского морского могущества преобладающим для Англии становится водный путь. В XVII в. на территории Индии уже существуют английские фактории. В XVIII в. успешная политика Англии натравливания мусульман на индусов приводит к усилению ее на Индостане. Становящаяся твердой ногой в Индии, реорганизованная Ост-Индская компания к концу XVIII в. распространила свое влияние вплоть до Афганистана. Перед англичанами на севере лежали земли, с имперской точки зрения еще не занятые. Но для их освоения требовалось дополнительное финансирование. И в ход была брошена выдвинутая с легкой руки премьер-министра Англии Питта версия о «русской угрозе». Используя как доказательство реальное продвижение России в Причерноморье, сановные англичане раздули этот факт до внушительных размеров. Лорд Стэнли, ссылаясь на честолюбие Екатерины II, считал, что она не сможет удовлетвориться меньшим, чем титул императрицы Востока. Руководитель индийской политики в английском правительстве Г. Дандас любезно уточнял: «Если Россия станет хозяйкой в Средиземноморском архипелаге, то угроза индийским владениям очевидна». Как бы лестно это ни было самой Екатерине II, Индия ее не интересовала. А вскоре ее встревожила французская революция, и антиреволюционные настроения императрицы и

КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (до 1860 г.)

100 0 100 200 300 400 км

антифранцузские Георга III на время смягчили англо-русские отношения.

Но Павел I — на основе взаимной неприязни к англичанам — позволил Наполеону вовлечь себя в затею сокрушения британского владычества в Индии и на Востоке в целом. План совместной операции отводил Астрахани роль опорного пункта союзной русско-французской армии, движение которой должно было проходить по Каспийскому морю, через Персию на Герат и далее в Индию. Часть русских войск другой колонной в том же направлении — только через Оренбург и Среднюю Азию — готовилась к маршу. Смерть Павла I прервала исполнение этих замыслов. В целом идея движения на Индию через Среднюю Азию могла бы привести к благоприятным для России геополитическим подвижкам в этом направлении, если бы не явное стремление Наполеона просто использовать русские возможности ради давней цели — завоевания Индии. Именно так — настороженно, относился к подобным предложениям французского императора Александр I. В результате русско-французского блокирования Англия заняла позицию укрепления своего влияния в странах Центральной Азии, считая, что чем больше и шире ее владения, тем меньше шансов на агрессию в Индию будет у ее противников.

Во время ирано-русских войн за спиной шаха стояли британские эмиссары, что, однако, не привело его к победе. После Гюлистанского мира 1813 г. Россия получила исключительное право содержания военного флота на Каспийском море. Не поколебал позиций России в регионе и Туркманчайский трактат. Иран в 30-е годы становится тем государством, которое в дипломатической игре пытались использовать и Англия, и Россия. Особенно очевидным это было во время решения Гератского вопроса в 1838–1842 гг.

В 1838 г. полковник Стоддарт прибыл в Бухару с целью вовлечь эмира Насруллу-хана в антирусскую коалицию среднеазиатских ханств, для чего предлагал реорганизацию и вооружение бухарской армии на средства Англии. Вслед за Стоддартом в эмират прибыл капитан Конолли с теми же намерениями. Но если хан Коканда был не против предложенного союза, то Бухара, издавна расположенная к России, не соглашалась. Более того, в 1842 г. обоих англичан публично повесили, обвинив в шпионаже.

Последний шаг эмира предопределил политическую направленность бухарского государства. Обоснованное опасение вторжения британских войск в Бухару, аналогично вторжению в Афганистан, вынудили бухарские власти искать поддержки у России. В 1848 г. в Оренбург прибыл посланник эмира Ходжи-Мирза Хайрулла Мирахур и в беседе

с местным генерал-губернатором предоставил полную информацию о происках англичан.

Примерно так же, как с Бухарой, обстояли дела и с Хивой. Несмотря на натянутые русско-хивинские отношения, хивинский Алла-Кули хан, стараясь подчеркнуть собственную независимость, не вел антирусской политики. В 1838 г. в Хиве за шпионаж было казнено трое англичан. Через два года Алла-Кули хан достойно представлял Хиву в переговорах с английским послом Эбботом и поверенным в делах Англии в Иране Тоддлом. В ответ на письменные предостережения английского короля о завоевании ханства Россией через 50 лет (надо отдать должное прозорливости его величества) и в связи с этим предложение предоставить Хиве Британское подданство, Алла-Кули хан ответил, что Россия пока не наступает, а что будет через 50 лет — сказать трудно, «в данное время не хотим вам отдать свою страну». Развернув широкую разведывательную сеть на территории ханства, Эббот был задержан при осмотре Ново-Александровска русскими разъездами и впоследствии выслан в Лондон.

В годы Крымской войны Великобритания стремилась максимально использовать болевые точки России, вынашивая планы отторжения Крыма и изгнания русских с Кавказа с помощью Шамиля. Через турецкую исламскую пропаганду Англия вернулась к идее антироссийского союза и призвала среднеазиатские народы к газавату против России. Были приложены и экономические рычаги. Привозимые английские товары продавались по ценам ниже российских, ханам предлагалось обустроить судоходство по Аму-Дарье. Но ожидаемой для английского правительства эффективности эти меры не принесли, а восстание сипаев в Индии в 1857–1859 гг. против английской системы управления потрясло Восток и не послужило увеличению симпатии к англичанам и в Средней Азии. Тем не менее английские эмиссары не прекращали своей деятельности вплоть до заключения англо-русского соглашения в 1885 г.

Напористость английских дипломатов и военных в Средней Азии не могла не пройти незамеченной в Петербурге. В правительстве постепенно осознали единственно возможную формулу противостояния агрессии Англии на юго-востоке, выраженную знатоком в восточных делах графом Н. П. Игнатьевым, директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел России, в докладе министру иностранных дел А. М. Горчакову: «Для сохранения хороших отношений с Англией нужно ей доказать, хотя бы однажды, что мы можем выйти из пассивного положения и причинить ей, в случае разрыва, чувствительный ущерб... Английское правительство поддерживает дружеские отношения только с теми государствами, которых оно боится».

«Сила — последний из вариантов давления». Сложности XVII–XVIII вв. в торговых и дипломатических отношениях между среднеазиатскими ханствами и Россией перешли и в следующий век. Каких-либо серьезных изменений не наблюдалось. На фоне все более нарастающего интереса к торговле русского и среднеазиатского купечества продолжались грабежи караванов, захват людей в рабство. Непростые с Хивой и ровные с Бухарой связи усложнились к концу XVIII в. появлением Кокандского ханства, подчинившего в начале XIX в. Ташкентский регион. Ташкент, всегда лояльно расположенный к России, стал яблоком раздора между Кокандом и Бухарой.

Российско-бухарские отношения славилась своей стабильностью. Было явно, что в Бухаре дорожат полусоюзническим с Россией положением. Такой подход подтвердил в начале XIX в. ряд посольств из Бухары, прибывавших в Петербург. Интересно заметить, что тон переговоров остался таким же, как и в XVII в. Бухарские дипломаты подчеркивали, что Бухара всегда дружна с Россией, «по соседству с оной производили торговлю, обеим державам полезную», и предлагали «возобновить прежние доброго соседства и полезной торговли связи». С российской стороны, обычно канцлер, подтверждал аналогичные стремления царских властей. Далее следовали долгие сетования на издержки торговли от беспокойного пути. По их окончании высказывали просьбы, например, в 1801 г. посол Им-Мухаммед Байкишев ходатайствовал о разрешении бухарским купцам пасти скот на азиатской части Урала или о позволении бухарским паломникам выехать через Россию в Мекку.

Обычно все пожелания выполнялись. Главное, что более всего тревожило обе стороны — безопасность торговых дорог. Но ни та, ни другая сторона не предпринимали конкретных шагов для реализации намеченного взаимодействия. Сорок лет спустя русская миссия в Бухару К. Бутенева также будет муссировать эту тему. Вместе с тем появляется новое веяние в посольских связях — бухарские представители стараются все чаще информировать правительственные круги России или глав пограничных губерний о состоянии дел как в Бухаре, так и в сопредельных государствах, и о важных событиях. В 1803 г. бухарские власти через посольство Юсуфа Байкишева передали опасение в связи с намерением русского царя послать через Бухару в Индию войско (имеется в виду поход казаков по приказу Павла I). Эмир велел передать, что были готовы и квартиры, и провиант, и проводники, но для бухарцев это было бы весьма беспокойно. Потому просьба заключалась в том, чтобы при необходимости данный поход поручить бухарскому правителю. Петербургу пришлось заверять, что подобных мер уже не требуется, однако

нежелание Бухары видеть вблизи своей территории русские войска правительство приняло к сведению.

Информирование дружественных соседей — важная часть дипломатии, позволяющая избежать ненужных недомолвок, могущих привести к серьезным конфликтам. России невыгодно было упускать Бухарский эмират из зоны своего экономического влияния, тем более, что эта зона попала в сферу интересов Британской империи. В частности, в Бухаре в 1811 г., по сообщению российского офицера Субханкулова, англичане пытались утвердиться на частных рынках при помощи демпинга. После смены здесь эмиров отношение к России в целом не изменилось. Вплоть до 1860 г. Насрулла-хан старался жить с Россией в мире, поддерживая тесные дипломатические связи и одновременно настойчиво укрепляя господство Бухары в Средней Азии. Тем не менее усилия использовать это обстоятельство в целях нажима на Хиву со стороны России успехом не увенчались. А амбициозность Насруллы-хана иногда проявлялась в некоторой прохладности к российским посольствам и неуважении к российскому купечеству.

Другим новшеством XIX в. становится внимание российского правительства к Кавказу — не только как к собственному геополитическому участку, но и как к своеобразному плацдарму для возможного проникновения в прикаспийские степи, в том числе на восточном берегу Каспия. Сторонниками такой постановки вопроса были выдающиеся деятели России: Н. С. Мордвинов, А. П. Ермолов, В. П. Кочубей. Развивая мысль, выдвинутую В. Н. Татищевым о постройке крепостей на Каспии, Н. С. Мордвинов считал, что в вопросе восточной торговли сила не должна иметь решающего значения. С его точки зрения азиатские народы следовало бы приучить к российским товарам, и тогда они «откроются» сами. После экспедиции Н. Н. Муравьева 1819–1820 гг. в туркменские земли и Хиву предложение Н. С. Мордвинова оказалось верным только по отношению к туркменским племенам йомутов. Хивинский хан Абдул-Гази Мухаммед Рахим-хан весьма недвусмысленно показал свою позицию по отношению к России: сначала он 40 дней держал Муравьева в яме, затем в записке к А. П. Ермолову было ясно указано, что ни в какие особенно дружественные связи хивинский правитель входить не желает. Столь амбициозная позиция была обусловлена географическими особенностями расположения Хивинского ханства — весь северо-запад окружали труднопроходимые пустыни, северо-восток Хивы «охраняли» бухарские владения, в Прикаспийских степях обитали туркмены, одинаково зависимые, в силу сложившихся обстоятельств, как от Хивы, так и от России. О передвижении любого каравана туркмены сообщали хану и в то же время сопровождали русские караваны, служили им проводниками и охраной.

Неудачные попытки наладить связи с Хивинским ханством через Кавказ были повторены с тем же успехом через Оренбург. Караваны систематически грабили уже не степные жители, а хивинское войско. Ноты протеста, направлявшиеся Мухаммеду Рахим-хану, оставались без ответа. Позицию Министерства иностранных дел России, возглавляемого К. В. Нессельроде, в таких условиях иначе как растерянной не назовешь. Принимались меры для поиска причин непримиримой позиции Хивы. В этих целях П. К. Эссен, губернатор Оренбурга, в 1823 г. по поручению правительства пытался созвать представителей Бухары, Хивы, казахов на «мирное урегулирование». Возлагаемые ожидания на встречу «по-европейски» оказались по-восточному несостоятельными — никто в Оренбург не приехал.

Тогда в очередной раз вернулись к вопросу об организации военной экспедиции, «дабы усмирить Хивинское ханство». Эту точку зрения отстаивал оренбургский губернатор П. П. Сухтелен, считая такую меру самой эффективной и экономной. Первоочередной задачей П. П. Сухтелен также считал необходимость учреждения военных поселений от Орска до Сырдарьи. Исполнением поставленных задач занялся новый губернатор В. А. Перовский.

Будучи одним из доверенных лиц Николая I, он мог позволить себе в политике по отношению к Средней Азии действовать более решительно, чем этого хотелось министру иностранных дел. В. А. Перовский ввел в практику отправление послов «от себя», а не от правительства. Кроме экономии такой ход в случае ошибки не мог бросить тень на императора и, соответственно, позволял избежать лишней огласки. В. А. Перовского интересовали не только состояние торговли с ханствами, но и географическое положение, возможность вызволения русских пленных и особенно степень британского влияния в Средней Азии. По результатам посольств «от Перовского», возглавлявшихся П. И. Демероном в 1833 г. и Я. В. Виткевичем в 1835/1836 г., оренбургский глава одной из причин, мешающих торговым связям, признал Хиву. И в 1834 г. был подготовлен проект воздействия на непокорное ханство. Факты, представленные в проекте были удручающими, а аргументы в пользу серьезного вмешательства убедительны. «Слишком сто лет существует Оренбург и Россия питает надежду на торговлю с Азией, но эта торговля все еще находится в самом жалком положении... самоуправство, грабеж, увоз людей, притеснения всякого рода продолжаются», — резюмировал В. А. Перовский.

Николай I встал на сторону В. А. Перовского — автора проекта — только в 1836 г. Началось осуществление задуманного. По всей России задерживались хивинские торговцы, на их товары налагался арест. От

хивинского хана Аллакули потребовали выдачи захваченных подданных империи. Из большого количества пленных, находящихся в Хиве, в течение двух лет вернулось лишь 130 человек. Поэтому репрессивные меры отменены не были и о дружбе и сотрудничестве речи не шло. Неопределенное состояние в отношениях между Россией и Хивой ждало своего разрешения. Окончательное решение правительства организовать военный поход созрело к осени 1839 г. Главнейшей целью его было «исключение состояния» враждебности Хивы, для чего предусматривалось заключение договора между новым (прорусским) ханом и Россией. Проект договора включал пункты об отказе Хивы от претензий на суверенитет над казахами — подданными России, срытии хивинских укреплений, отказе Хивы от неравных условий торговли и т. д.

В середине ноября 1839 г. В. А. Перовский начал поход. Серьезным упущением в его подготовке были сроки проведения. Суровые зимние условия могли за Хиву решить проблему ее охраны. Так и случилось: верблюды (а их насчитывалось 10 тыс.) быстро стерли ноги о ледовый покров. Уже на половине пути основное средство передвижения было потеряно более чем наполовину. Многие участники похода были обморожены. Дойдя в феврале 1840 г. до Ак-Булака В. А. Перовский приказал повернуть назад.

Несмотря на срыв военной операции, в Хиве наконец поняли серьезность требований России и не решились более ее дразнить: все русские пленники были отпущены, а в Петербург отправилось посольство Атаняда Ходжи Ренс Муфтия просить о мире.

Посетивший Москву и Петербург хивинский посол был встречен благожелательно, что должно было подчеркнуть удовлетворение Николая I подвижками в межгосударственных отношениях.

Снаряжавшиеся тем временем экспедиции К. Бутенева в Бухару и П. Никифорова в Хиву должны были закрепить упрочнение в ханствах монопольного влияния Российской империи.

П. Никифорова в Хиве ждали затруднения в связи с попыткой подписания «обязательного акта», определявшего на новых условиях отношения между Хивой и Россией. Лишь новое посольство Г. И. Данилевского в 1842 г. осуществило задуманное. Упомянутый документ стал первым письменным договором между Россией и одним из ханств Средней Азии, но для Хивы он был просто ненужной формальностью. Во время посещения ханства Н. П. Игнатьевым в 1858 г. о договоре там просто никто не знал.

Кокандское ханство со времени своего становления не было враждебным к России. Заинтересованность в отношениях между государствами подкреплялась конкретными мерами. В 1813 г. в Коканд отбыло

посольство Филиппа Назарова. Пробыв более полутора лет в ханстве, русский посол расположил Омар-хана к идее дружеских переговоров с российским правительством. Такой уровень поддерживался и в последующие 15 лет, что было подтверждено в 1828 г. кокандским посланцам, прибывшим вначале в Омск, а затем в Петербург. Прием кокандцев обставлялся необычайно тепло, хотя и уменьшил российскую казну на 10 тыс. руб. Вместе с тем обе стороны остались довольны переговорами. Николай I заверил послов, что и впредь кокандским представителям будут оказываться «приянь, защита и справедливость по их делам».

Тем не менее интересы Коканда и России пересеклись в вопросе о суверенитете над казахскими племенами. Расширяя сферу влияния, Коканд устремился на север от своих владений. Стал практикой сбор податей с казахов, считавшихся подданными Российской империи. Коканд явно поддерживал тех казахских султанов, которые были отрицательно настроены по отношению к России. В довершение всего кокандцы строили укрепления в районах казахских кочевий, используя, собственно говоря, русскую тактику колонизации. Налицо было вмешательство в дела России, которая с южной стороны Сибирской линии постоянно ощущала силу, противоборствующую распространению влияния империи на юго-востоке. Кокандское ханство среди неприятелей в данном регионе постепенно становится на первое место. Однако осторожный К. В. Нессельроде не спешил, не испытывав других средств, прибегать к силе оружия. Терпеливые переговоры не увенчались урегулированием спорных вопросов, и тогда российское правительство перешло к более решительным действиям.

В 1847 г. укрепляются позиции России в казахских степях. Строятся несколько крепостей вблизи устья Сыр-Дарьи, а на Аральское море доставляются из Оренбурга суда «Николай» и «Константин», положившие начало Аральской военной флотилии. Тем самым было определено направление основного удара — с Хивы на Коканд. Симптоматично было и то, что в Оренбурге вновь появился В. А. Перовский. Его решительные взгляды на политику в Средней Азии были известны всем, в том числе и в ханствах. В 1853 г. со второй попытки была взята сильная кокандская крепость Ак-Мечеть, контролировавшая значительную территорию по берегам Сыр-Дарьи, а в 1854 г. построено поселение Верное. На дальнейшее сосредоточение российских войск вокруг Ак-Мечети кокандское правительство отреагировало быстро и недружелюбно.

Взятие Ак-Мечети, названной фортом Перовским, положило начало созданию Сырдарьинской линии, т. е. одного из двух плацдармов, использовавшихся в 60-е годы XIX в. для дальнейшего проникновения в Среднюю Азию.

«Не бросаться вперед, чтобы после не идти назад». Крымская война внесла коррективы в среднеазиатскую политику России. Она уже не рассматривалась как только отношения с имевшимися там ханствами, поскольку откровенно враждебные действия Великобритании указывали Российскому правительству на серьезную опасность потери геополитического положения на юго-восточном направлении. На фоне продолжавшегося в английской прессе муссирования темы русской угрозы Индии английское правительство в 1857 г. практически установило контроль над Гератом, считавшимся воротами в британские владения с севера. Получив проход в Среднюю Азию, Англия уже не могла остановиться. Овладение ханствами стало бы логическим завершением максималистской концепции об обороне индийских владений с северо-запада. Однако данная концепция не укладывалась в геополитическую доктрину Российской империи. Терять инициативу в этом вопросе означало оголять южные рубежи империи. С другой стороны, естественные границы в виде горных хребтов Копет-дага, Гиндукуша, Памира и Тянь-Шаня как нельзя лучше способствовали их укреплению. С 60-х годов XIX в. начинается противостояние двух империй за овладение ключевыми территориями в Средней Азии.

Такой подход требовал активизации политики России в отношении среднеазиатских ханств. Однако этому после Крымской войны мешал общий внешнеполитический курс, провозглашенный новым министром иностранных дел А. М. Горчаковым: подчиненность внешнеполитических решений задачам внутреннего развития. Осторожность А. М. Горчакова объяснялась еще и тем обстоятельством, что для него наиболее важными были дела европейские, кроме того, ему была свойственна излишняя боязнь осложнений с Англией. А. М. Горчаков считал, что в среднеазиатской политике надо вести себя осторожно и *«не бросаться вперед, чтобы после не идти назад».*

Тем не менее в официальных российских кругах с середины 50-х годов XIX в. складывалась и другая точка зрения на данный вопрос. Накануне Крымской войны А. М. Чихачев выступил автором проекта о противодействии в случае войны с Англией на Среднем Востоке. По его мнению, если Россия отправит войска численностью в 4–5 тыс. человек из Астрабада на Герат и Кандагар, это произведет большее впечатление на Англию, чем подкрепление русской армии в 30 тыс. человек на берегах Дуная. После высадки союзного десанта в Крыму С. А. Хрулев предлагал поход через Герат на Индию. Бларамберг, выражая «реальную позицию на политику в Средней Азии, считал, что завоевание Индии — химера», главной же задачей является влияние в Афганистане, что стало бы дамочным мечом для английской администрации в Индии.

Руководитель Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевский стал сторонником активизации политики России на Востоке и пытался отстаивать перед императором инициативу оренбургского губернатора А. А. Катенина, ратовавшего за решительные действия в вопросах отношений со Средней Азией. Постепенно количество сторонников наступательной политики увеличивалось. Среди них оказались Н. П. Игнатьев, ставший директором Азиатского департамента в 1861 г., и Д. А. Милютин — военный министр.

Но чтобы склонить к такому же решению в данном вопросе Александра II, нужна была свежая информация об истинном положении дел в Средней Азии. В этих целях и для поиска способов ослабления английского влияния были направлены три комиссии: в Хиву и Бухару — Н. П. Игнатьева, в Восточный Туркестан — Ч. Валиханова, в Иран — Н. В. Ханькова.

Наиболее важной считалась экспедиция Н. П. Игнатьева. Ему предстояло добиться установления русско-хивинских и русско-бухарских дружественных отношений. Проявлением этого должно было стать разрешение обоим ханам на плавание русских судов по Аму-Дарье (при ее судоходности). Н. П. Игнатьев должен был добиваться равноправной торговли, уничтожения порочной практики взимания с российских купцов сборов и пошлин, достигавших половины стоимости товаров. Одной из главных задач было урегулирование пограничных споров: ни Хива, ни Коканд не относились с должным уважением к продвигающимся на юг русским границам. Кроме всего прочего Н. П. Игнатьев должен был внушить ханам, что для них приоритетна торговля с Россией, а не с Англией.

Бухарского хана необходимо было склонить к отпуску русских пленников, находящихся на территории ханства. В помощь миссии посылались и Аральская флотилия под руководством капитана-лейтенанта А. И. Бутакова, на чем особенно настаивал великий князь Константин Николаевич, курировавший российский флот. Корабли Бутакова (чуть было не севшие на мель в устье уже не столь полноводной к этому времени Аму-Дарьи), сопровождавшие свое продвижение пушечной пальбой, сильно насторожили хивинцев. Именно с переговоров в Хиве началась миссия Н. П. Игнатьева. Хивинский хан Сеид-Мухаммед согласился на все пункты договора, кроме плавания по Аму-Дарье. Но в ходе переговоров Н. П. Игнатьев все более убеждался, что любые подписанные документы никакого значения не имеют и единственным аргументом остается «физическое воздействие».

В Бухаре переговоры с Насруллой-Ханом шли более динамично. Добившись взаимопонимания по всем вопросам, Н. П. Игнатьев полу-

чил также согласие хана на плавание по Аму-Дарье. Однако самым важным результатом переговоров в Бухаре было определение позиции Бухарского эмира в отношении домогательств Великобритании по заключению союза против России. Насрулла-Хан заявил, что не намерен даже принимать английских послов. Глава миссии лишний раз убедился, что Британская империя проявляет к Средней Азии практический интерес и предпринимает конкретные шаги к утверждению там своего влияния. Это побудило Н. П. Игнатьева выработать самостоятельное решение по вопросу соперничества с Англией. Исходя из убеждения, что Англия поддерживает дружественные отношения только с теми государствами, которых она боится, он стоял за твердую политику — чтобы доказать Англии, что «мы можем выйти из пассивного положения и причинить ей в случае разрыва чувствительный ущерб».

Изучив внутривластическую и внешневластическую обстановку в ханствах Средней Азии, составив представление об их экономике и улучшив состояние среднеазиатско-русской торговли, Н. П. Игнатьев мог считать свою миссию выполненной удачно.

Александр II, прочитав докладную записку Н. П. Игнатьева, сделал на ней запись: «...читал с большим любопытством и удовольствием, надобно отдать справедливость генерал-майору Н. П. Игнатьеву, что он действовал умно и ловко и большего достиг, чем мы могли ожидать».

В российской внешней политике в начале 60-х годов можно было ожидать существенных перемен.

Вопреки мнению А. М. Горчакова и министра финансов М. Х. Рейтерна, боявшихся увеличения расходов, намечавшаяся активизация русских войск в Средней Азии имела ряд позитивных моментов. Во-первых, для подчинения ханств не требовалось многочисленного войска, поскольку обремененные войнами между собой, они, по информации миссии, не представляли серьезной силы. Во-вторых, вследствие малочисленности требующихся войсковых соединений, расходы на них не представлялись запредельными. В-третьих, после окончания Кавказской войны стабилизировалась обстановка на Кавказе, и опытные, обученные армейские части могли быть эффективно использованы в Средней Азии. И, наконец, наступление русских войск на азиатской границе (своеобразная демонстрация) могло отвлечь внимание опасающейся за свои индийские владения Англии от восстания в Польше в 1863 г.

Александр II утвердил решение о целесообразности соединения Сибирской и Оренбургских линий. С 1864 г. начался отсчет времени покорения среднеазиатских территорий.

«Когда б не было русских, не видали бы и холодов». В XIX в. в русском обществе уже могло сложиться определенное мнение о Средней Азии, ее государствах, жителях — во многом благодаря появляющимся в печати описаниям путешествий, посольств, позже научным исследованиям.

Одним из первых бытоописаний Средней Азии, изданных уже в 1776 г., было «Путешествие в Хиву» самарского купца Данилы Рукавкина. Не могло остаться незамеченным «Девятилетнее странствование» Филиппа Ефремова. Популярностью пользовалась «Записка о некоторых народах и землях Средней Азии» Филиппа Назарова. Книга Н. Муравьева «Путешествие в Среднюю Азию» стала одним из немногих источников, открывших европейцам современное состояние региона. В дальнейшем «банк данных» пополнился. Появились обширные и подробные работы о состоянии конкретных среднеазиатских государств, как, например, «Описание Хивинского ханства» Г. И. Данилевского или «Описание Бухарского ханства» Н. В. Ханыкова. Интересующийся Средней Азией россиянин имел представление о многих сферах ее жизнедеятельности, о политическом и экономическом состоянии, и, возможно, находил что-то общее.

Коканд, ставший крупнейшим в территориальном отношении ханством, насчитывал примерно 2,5 млн жителей. В его состав входил крупнейший город Средней Азии Ташкент, в котором проживало до 80 тыс. человек. Но если Ташкент был для России старым торговым партнером, то в самом Коканде, по свидетельству Ф. Назарова, на русских смотрели как на чудо, «рассматривали амуницию, сабли, ружья... народ с утра до ночи толпился в саду смотреть на нас».

К юго-западу от Кокандского ханства располагался Бухарский эмират с населением около 2 млн человек. Среди городов выделялся Самарканд, один из центров суннитского ислама.

Хивинское ханство, лежавшее к северо-западу от Бухары, занимало все южное побережье Аральского моря и имело слабообразованную городскую жизнь. Города располагались, в основном, по берегам главной водной артерии края — Аму-Дарьи. Пустыни, с кочевывшими там туркменскими племенами, отделяли Хиву от восточного берега Каспийского моря. Хивинское ханство, тем не менее, не утратило ключевой торговой позиции со времен древнего Хорезма. В. А. Перовский замечал, что находясь на перепутье всех дорог из Средней Азии в Россию, Хива является держателем и верного сообщения с Бухарой, Балхом по Аму-Дарье, с Ташкентом и Кокандом по Сыр-Дарье. Расположенная в засушливом климате, Хива максимально использовала искусственные инженерные сооружения каналы, проводящие воду по всему ее пространству.

В зимнее время ханство было почти не доступно, и хотя, по сведениям Н. Муравьева, «снегу в продолжении зимы бывает мало: гололедицы случаются часто и останавливают хождение караванов, если такая погода застанет их на пути, то наносит им ужаснейший вред» — верблюды обивают копыта и становятся обузой. Однако предостережение Н. Муравьева, к сожалению, не остановило В. А. Перовского в его походе на Хиву.

Выпадал снег и в Бухаре, но если ранее, по словам Ф. Ефремова, он не превышал двух вершков (44–45 мм), то в XIX в. выпадал и в поларшина (16 вершков = 71,12 см), а иногда и больше. «Правда, с восходом солнца снег быстро таял, если не было редкого для тех мест холода, появление которого бухарцы связывали с русскими: “когда бы не было русских, не видели бы снегу и холоду”». Отсюда и примета пошла, что их «города всеконечно будут в российском владении». Несмотря на мрачные предзнаменования и краткие холода, в Средней Азии многими путешественниками был отмечен здоровейший воздух и «райский климат».

Последнее обстоятельство послужило обитанию, в основном в поймах рек и в горах, разнообразной фауны, которая становилась предметом охоты — любимой потехи ханов. Охотились они на львов (барсов), волков, лисиц, маралов. Водились также барсуки, бобры. Реки наполнились белорыбницей и «всякой мелочью», по словам Муравина (1741 г.).

Благоприятный климат обуславливал и отменное здоровье местного населения, не имевшего серьезных заболеваний и эпидемий. Может быть, поэтому не было известно какой-либо организации, занимавшейся медицинским обслуживанием, за исключением частных лекарей-табиров. Т. Бурнашев и М. Поспелов в 1800 г. после посещения Ташкента лестно высказались о его жителях: «...они все крепкого сложения, болезней особенных не бывает, кроме оспы, горячки и других небольших припадков». Вместе с тем многие посещавшие государства Средней Азии отмечали загадочную болезнь, названную бухарской, или «волосатиком». И. Георги в своем «Описании всех в Российском государстве обитающих народов» так описывает течение болезни: «Червь ходит по всему телу, от чего образуются нарывы, нередко он вылезает в глазах, языке...». Данный червь («ришта»), по свидетельству врача Э. А. Эрисмана, располагается длинными завитками под кожей, многие люди получают их по 12 штук. Метод излечения приводился весьма простой: «...как вылупится из кожи, его хватают и, раскачивая, вытаскивают».

В городах Средней Азии были распространены и бани, способствовавшие укреплению здоровья местных жителей. Горный инженер

Т. Бурнашев описывал торговые бани в Бухаре: «Все они каменные и в хорошем состоянии. Мужские и женские построены отдельно. При входе в баню должны вымыть руки свежей водой, в противном случае не получишь банной посуды».

Несмотря на прекрасные условия для возделывания винограда, вино практически не производилось. Ограничительные функции предусматривались Кораном. Но предприимчивые обыватели все-таки без увеселительных напитков не обходились. Распространено было производство некой браги, получаемой посредством переброживания изюма в арбузе. Применялась и «буза» — дурманящее зелье из проса. В 1869 г. бузу запретили, поскольку русские солдаты, к ней не адаптированные, чувствовали себя весьма плохо после ее употребления. Не чурались среднеазиаты и русской водки. Часто приезжая в Россию, гости не отказывались от хлебосольного угощения. В жалобе В. Даудова в Посольский приказ на сокольника Епенета, везшего кречетов «в поминки» бухарскому хану, отмечалось, что Епенет «под Синбирском зазвал посла Хаджи Фарруха к себе на струт и напоя пьяным отпустил ночью». Однако сетования В. Даудова заключались не в том, что напоили, а в том, что чуть не утопили вверенного ему под охрану посла — «был в воде по самое горло». Астраханский губернатор в 1733 г. доносил в коллегию иностранных дел о Хаджи Батыре: «Тот хивинский посол Аджи Батыр от безмерного пьянства 8 числа апреля умре».

М. Терентьев отмечал, что страсть к одуряющим, опьяняющим веществам развита в народе довольно сильно. В числе первых курили опий, завернутый в английскую бумагу, а также анашу из листьев и цветов конопли. Маленький шарик опия укладывали на уголья внутри самодельного кальяна из тыквы, и несколько затяжек переносили любителя покурить в неземные пространства (*Терентьев М.* Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. Сентябрь. Кн. 9. С. 102–103). В процессе освоения русскими Туркестана в крае постепенно укоренялась водка, хотя продавалась она подконтрольно и в русских анклавах. Пьющие мусульмане нашли оригинальное согласие в этом вопросе с Кораном: водка — это еще и лекарство, поэтому ее употребление не противоречит канонам ислама.

Значительное влияние мусульманство оказывало на судопроизводство. Власть казиев, назначаемых ханом, в этом отношении была обширна, поскольку они решали все дела по части как духовной, так и гражданской. В известном смысле наказания дисциплинировали. После включения Средней Азии в орбиту российских интересов путешествующие россияне с большим удивлением отмечали, что на дверях жилищ аборигенов отсутствуют замки. На самом деле объяснение ле-

жит в воспитании по шариатским законам. «Бухарский пленник» Ф. Ефремов детально описал санкции: «В воровстве за малость мужчин вешают, а женщин окапывают по груди в землю и убивают камнями... За душегубство виновного отдают родственникам, кои поступают... соответственно поступкам; когда же увидит муж жену свою обращающуюся с посторонним, то убьет обоих, потом скажет сродникам о том дурном поступке... а суда не бывает». За полвека, прошедших со времени плена Ефремова, мало что изменилось. В 1814 г. переводчик Ф. Назаров отмечал, что за воровство рубят руки. «Я видел, — свидетельствует он, — что за покражу баранов отрубили у одного мечом кисть правой руки, обмакнули для останавливания крови в горячее масло и отпустили. За смертоубийства отдают преступника в распоряжение родственников».

В политическом отношении среднеазиатские государства были восточными деспотиями, правители которых единолично распоряжались жизнью и собственностью своих подданных. По описанию Е. К. Мейендорфа (1820 г.), «правление... деспотическое, но жестокость произвола умеряется влиянием религии и кочевого образа жизни многих подданных. Хан предается разврату, и ему усердно подражают его придворные. Политические связи... мало развиты вследствие равнодушия государя. Пока его доходы не страдают, он представляет государственные дела воле случая». Во многом справедливое высказывание нельзя применить абсолютно ко всем правителям. Например, ташкентский хан Юнус-ходжа вел весьма активную внутреннюю и внешнюю политику на рубеже XVIII–XIX вв. Несколько особняком развивалось устройство политической жизни у туркмен, которое укладывается в определение, данное Д. Рукавкиным: «...туркменцы — орда не сильная, и не многочисленная. Ханов над собой не имеют, а начальствуют над ними старшины». Часть туркменских племен находилась на службе у хивинского хана, часть в течение XVIII — начала XIX в. перешла в русское подданство, часть ушла в Мервский оазис к Копет-Дагу, но государства туркмены так и не создали.

Между собой ханства жили в постоянной вражде, и не было случая, когда бы они составляли вместе одну коалицию — вследствие своих амбиций и претензий друг к другу, что было весьма кстати для политики России в Средней Азии.

В военном отношении среднеазиатские государства не отличались силой. Русские путешественники сообщали, что все крепости стоят при каналах, и кроме невысоких глиняных стен и небольших рвов укреплений не имеют. Самое сильное фортификационное сооружение представлял собой Ташкент, имевший стены до 8 м высотой и до 2 м толщи-

ной. В город можно было попасть через 12 ворот. Вооружение до XIX в. в основном было «копейное и лучное», а пушки, лежа на регистане для одной только славы, никуда не употреблялись. А если и употреблялись, то весьма мало и неэффективно. Литье своих пушек началось в Средней Азии с начала XIX в., но, как сообщал М. Поспелов, побывавший в Ташкенте, «они льются из привозной меди и, впрочем, так толсты и неискусно сделаны, что служат более для страху народа».

Войско в каждом ханстве могло собираться большое, иногда до 10 тыс. человек, причем оно было «интернациональным», что отрицательно сказывалось на боевом духе. В случае неудачи оробевшие воины, несмотря на мужество предводителей, бросались в бегство. Войско сохраняло боеспособность, когда численность неприятеля была вдвое меньше его собственной. В середине XIX в. влияние Великобритании позволило часть войск ханств в некоторой степени вооружить современным оружием.

Основным средством дохода ханств была торговля, отчего инициатива в торговых отношениях с Россией во многом исходила из Средней Азии. А когда что-либо мешало проведению торговых операций, обращались с первойшей просьбой к России о возобновлении торговли. Отдаленность ханств и труднопроходимые вследствие грабежей пути затрудняли торговлю. Торговали ханства и между собой и даже использовали малые дощатые суда для перевоза товаров по рекам. Правители выжимали максимум дохода из торговли с Россией, используя таможенные пошлины. Известно, что немусульманские торговцы платили в 4, а то в 5 раз больше правозверных. Однако торговля была не единственным способом пополнения ханской казны.

Многочисленные налоги шли с различных отраслей экономики. Основными видами сельскохозяйственных культур были пшеница, рис, ячмень, а также хлопок. Под эти и другие культуры использовали превосходную почву оазисов. Хорошая почва и благоприятный климат позволяли снимать по два урожая в год. Хлопчатник не обладал высоким качеством, грубое и короткое волокно использовалось в местной промышленности. Весьма было развито шелководство, не требовавшее в местных условиях больших затрат. А урожай зерновых убирали серпами.

Садоводство было специализировано на выращивании винограда (для изюма) и плодовых деревьев. Повсеместно выращивался лук.

Скотоводство, особенно распространенное у туркмен, ориентировалось на разведение овец, верблюдов и лошадей. Породы лошадей, например ахалтекинская, имеют и по сей день мировую известность. Меньшую роль в хозяйстве играли крупный рогатый скот, козы и ослы. Скотоводство развивалось экстенсивно, а заготовки кормов практичес-

ки не производилось — использовались саксаул и верблюжья колючка.

Торговля с такими государствами, как Россия, восполняла необходимые средства производства в сельском хозяйстве, поскольку собственное ремесло не удовлетворяло его потребности. Из числа ремесленников можно выделить ткачей, скорняков, ковроделов, ювелиров, купцов.

Каждый из видов деятельности облагался определенным видом налога. В Бухаре их насчитывалось до 50, в Хиве до 25 видов. Основным считался харадж (поземельная подать). Несмотря на предусмотренную шариатом норму в 15%, он иногда доходил до половины урожая (*Перепелицына Л. А. Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии. М., 1966. С. 35*). Вторым по значимости был зякат — пошлина с продукции, находящейся более года у торговцев. С садов и огородов брали танаппули, который рассчитывался исходя из обложения одного танапа (375 десятин) 10 танга (2 руб.). Имея пять верблюдов или отару численностью от 40 овец, хозяин должен был платить 1 барана. На хашар, общественные ирригационные и другие работы, население привлекалось по мере необходимости. Имели место различные сборы в чью-либо пользу. Поскольку чиновники не получали жалования, они кормились «на местах», т. е. часть налогов шла в их карман. Сборщик налогов (амлякард), заведующий ирригацией (мирабон) (духовное лицо), (казий, раис) существовали на подобные средства.

Большая часть земель находилась в собственности государства, крестьяне ею пользовались на правах аренды. Земля отдавалась в пользование «за службу» и обычно становилась наследственной (вакфной), а также дарилась (мульк). Значительные территории вакфной земли находились у духовенства.

В целом хозяйствование в ханствах не было эффективным, хан или эмир зачастую заботились только о своих доходах. Бывший в Бухаре Д. Н. Логофет симптоматично в этом отношении заметил, что все государственное хозяйство Бухары ведется хищнически, и результаты его плачевны, «бедного бухарца правительство высасывает со всех сторон, и если когда-нибудь Бухара будет присоединена к России, то мы получим буквально нищих». Экономическое состояние среднеазиатских государств внушало опасение русскому правительству при решении вопроса о возможном их присоединении, и это было одной из причин, побудивших Петербург отказаться от прямого завоевания Бухары, Коканда и Хивы.

«Ташкент взят. Никто не знает, почему и для чего». Конкретные задачи укрепления юго-восточных границ России поручались местной администрации, и для решительных действий в связи с этим фор-

мально у нее развязывались руки. Но мнения в Петербурге и у приграничных губернаторов о российской политике в Средней Азии явно не совпадали. Если А. М. Горчаков всячески увещевал не продвигаться далеко на юг, а только выпрямить Оренбургскую и Сибирскую линии, то на местах любую подвижку Петербурга по активизации действий расценивали как сигнал к наступлению. Складывающееся таким образом развитие событий для российской дипломатии было как нельзя выгодно. Официально не давая приказа на занятие той или иной территории в Средней Азии, правительство тем самым всю вину за происходящее или уже произошедшее перекладывало перед лицом британских политиков на Оренбургского или Сибирского генерал-губернатора, или на «зарвавшихся» командующих войсками. Один и тот же шаблон «оправданий» повторялся довольно часто. С каждым годом русские войска все глубже и глубже проникали в самое сердце Средней Азии. Великобритания требовала объяснений и получала всевозможные заверения на тот счет, что царь будто бы не собирается аннексировать ни единого квадратного метра земли (*Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 133*). И поначалу такого рода утешительные слова помогали снять и сам вопрос, и напряжение в межгосударственных отношениях, тем более, что и Англия нередко пользовалась подобным дипломатическим прикрытием в отношении Афганистана. А. М. Горчаков в 1868 г. успокаивал британского посла Э. Бьюкенена по поводу взятия русскими войсками Самарканда и сожалел о происшедшем, а в 1872 г. в Лондоне граф П. А. Шувалов заверял английское правительство о напрасном их беспокойстве по поводу вступления русской армии в Хиву.

Для России к концу 60 — началу 70-х годов XIX в. создалась благоприятная международная обстановка. Все европейские державы увязли в своих проблемах, обусловленных борьбой за первенство в Германии между Пруссией и Австрией. Усиливавшаяся Пруссия вызывала оправданные опасения у Франции относительно своих территорий. США, умиротворенные покупкой Русской Америки, старались если не поддерживать Россию, то, по крайней мере, не вмешиваться в ее дела. Великобритания, никогда не делавшая в Европе что-нибудь в одиночестве, и на этот раз не решилась противодействовать России. Сложившуюся ситуацию блестяще использовал А. М. Горчаков в деле отмены «нейтрализации» Черного моря. Более того, после 1873 г. позиция России в Европе временно усилилась благодаря заключенному между Германией, Австрией и Россией Союзу трех императоров. Несмотря на различные интересы участников Союза, Конвенция заключала в себе пункт о предоставлении каждой из них 200 тыс. армии в случае нападения других держав на одну из трех сторон. Угроза столкнуться с 600-тысяч-

Туркестан и степные области

ной армией могла сдерживать любое возможное нападение. Охлаживала она и Англию в ее политике в Средней Азии.

Между тем в Петербурге не только директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел России Н. П. Игнатьев и военный министр Д. А. Милютин понимали важность Средней Азии как геополитического узла, потеря которого могла привести к потере инициативы на юго-востоке и к усилению Британской короны, но и сам министр иностранных дел А. М. Горчаков, что позволило склонить Александра II к решениям, направленным на укоренение России в Средней Азии. «Железный канцлер» А. М. Горчаков, возможно, и не стремясь к этому, обеспечил тыловое прикрытие среднеазиатской политике России, интерес к которой из европейских держав проявляла лишь Англия. В отношениях между двумя империями в 60-е годы сложилась ситуация, когда никто из них не хотел уступать и поэтому возможное разрешение противостояния скрывалось в определении некой нейтральной территории между владениями, которая устраивала бы обе стороны. В 1869 г. английское правительство предложило России создать таковые территории. Но без определения четких границ договореннос-

ти были невозможны, поскольку будущие нейтральные земли, т. е. Афганистан, виделись английским политикам своими. Вместо переговоров получилась их видимость, после чего английские войска потянулись от индийских владений на север. В таком положении было очевидно, что если земли среднеазиатских государств не будут в руках России — они окажутся в руках Англии.

После выравнивания юго-восточных границ России взятием Аулие-Аты, Туркестана и Чимкента задача правительства, казалось бы, была выполнена, но, не дожидаясь указаний из Петербурга, командующий войсками в этом регионе М. Г. Черняев двинулся к Ташкенту, захватить который ранее — в 1864 г., не удалось.

Ситуация осложнялась тем, что уже взятые и включенные в состав России города кокандский хан отдавать не хотел, и соперничество за южно-казахские земли разгорелись с новой силой, но уровень соперничества уже не был прежним. Серьезность намерений русских, видимо, понимали и в Коканде, правительство которого ради усиления своих позиций стремилось укрепить власть в Ташкенте, ставшем своеобразным стратегическим ключом для Средней Азии. Тем временем и бухарский эмир был не прочь овладеть ключ-городом. Воспользовавшись борьбой между Кокандом и Бухарой, новоиспеченный военный губернатор созданной Туркестанской области генерал-майор М. Г. Черняев в мае 1865 г. занял этот крупнейший в Средней Азии город. Потери русской армии составили 25 убитых и 89 раненых. Некоторую роль в успехе русских войск сыграли горожане прорусской ориентации (*История Ташкента*. Ташкент, 1988. С. 140). Овладение Ташкентом не было санкционировано Петербургом. Министр внутренних дел П. А. Валуев даже говорил так: «Ташкент взят. Никто не знает, почему и для чего». В известной степени эта неясность определялась слабым знакомством правительства с конкретной обстановкой. Несмотря на правительственные колебания, Ташкент в 1866 г. был включен в состав России, предлогом для чего послужили набеги бухарского эмира.

Новые земли требовали нового административного устройства, и в 1867 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство во главе с генерал-адъютантом К. П. Кауфманом. Он был облечен широкими полномочиями и, обладая решительной натурой, немало способствовал успеху русского оружия. В новых землях объявлялось о неприкосновенности веры, обычаев, до 10% снижался основной налог — харадж, увеличивались возможности для развития частного землевладения.

В Туркестанское генерал-губернаторство вошли Сыр-Дарьинская и Семиреченская области. Решительность России побудила Коканд пойти на переговоры, и в 1868 г. первое из последующего ряда согла-

шений со среднеазиатскими государствами было подписано. Торговый по своему характеру договор свидетельствовал о фактическом контроле над Кокандом. Впервые были уравнены права русских и кокандских купцов. Устанавливалась 2,5-процентная пошлина на ввозимые товары как в Россию, так и в Коканд. Русское торговое представительство получало право находиться в Коканде.

Внешнее урегулирование русско-кокандских отношений вызвало обострение отношений с бухарским эмиратом. Эмир Музаффар развернул широкую кампанию для привлечения заинтересованных сторон в союз против России, но согласия нигде не нашел. Самостоятельные военные действия эмира привели к тому, что Коканд был занят бухарскими войсками, а размещавшееся там русское представительство арестовано. Последнее обстоятельство привело в движение русскую армию, которая в короткое время заняла Ходжент, разбила на р. Зеравшан бухарцев и вошла в открытые ворота Самарканда. Несмотря на объявленную ранее «священную войну» против русских, бухарский эмир вынужден был подписать с Россией аналогичный кокандскому договор, с признанием за победительницей Ходжента, Джизака, Ура-Тебе, а также обязывающий Музаффара выплатить контрибуцию в размере 500 тыс. руб. Названное соглашение разделило бухарское общественное мнение на сторонников и противников эмира — начались беспорядки. Чтобы иметь при своих границах спокойного соседа, российское правительство рекомендовало К. П. Кауфману возвратить Самарканд Бухаре.

Генерал-губернатору Туркестанского края стоило немалых усилий убедить императора не делать этого, ибо, по его мнению, передача Самарканда будет показателем слабости и неуверенности политики России и вместе с тем шагом назад в удержании на должном расстоянии Англии. В 1872 г. судьба Зеравшанского округа с Самаркандом была решена в пользу его присоединения к России. Твердая поступь российских политиков и войск привела к пересмотру российско-бухарского договора. Суть пересмотра сводилась к уточнению новой границы между государствами. Россия в новом соглашении выступила гарантом целостности эмирата в обмен на право эмира проводить самостоятельную внешнюю политику.

Ввести Хиву в подобное вассальное состояние было предпринято еще в 1872 г. на особом совещании по обсуждению доклада К. П. Кауфмана «О положении дел в Средней Азии». Тремя годами раньше российское правительство, обеспокоенное стремлением Англии включить во владение земли по нижнему течению Аму-Дарьи подконтрольного ей афганского эмира, увеличивает военное присутствие на восточном

побережье Каспийского моря, для чего был снаряжен отряд под руководством Н. Г. Столетова.

Благополучно утвердившийся в Красноводском заливе, он вместе с тем не стал сдерживающим фактором для все более агрессивных действий со стороны независимой Хивы. В феврале 1873 г. начался третий военный поход на Хиву, сопровождавшийся дипломатическим сдерживанием выпадов со стороны Великобритании. Некоторым умиротворением последней послужили возобновленные переговоры о нейтральных территориях, т. е. о том же Афганистане. Россия признала, что Афганистан не входит в сферу ее интересов. К маю 1873 г. 12-тысячная экспедиция в Хиву в конечном счете закончилась успешно. Хивинский хан Мухаммед Рахим II подписал вассальное соглашение с Россией, отказываясь от внешнеполитической деятельности и становясь под ее контроль при заключении каких-либо торговых договоров. Одним из важных достижений соглашения было запрещение рабства и работорговли — освобождались десятки тысяч невольников, в основном персов. Кроме предусмотренной контрибуции устанавливалась твердая граница по Аму-Дарье. Северный берег реки переходил под юрисдикцию Российской империи, а противоположный стал доступным для бесполошинной торговли русских купцов.

В Средней Азии у России, таким образом, складывалась благоприятная геополитическая обстановка. Не присоединяя среднеазиатские государства, Россия фактически контролировала их политическое развитие. Одновременно с этим в лице вассальных территорий между Россией и Великобританией образовался санитарный кордон. Учитывая полунейтральное положение Афганистана, юго-восточные границы можно было считать вполне защищенными. Кроме этого, российское правительство не имело обязательств экономического освоения формально независимых государств, тем самым средства казны тратились только на присоединенные земли.

Однако в 1875 г. ситуация осложнилась восстанием национально-религиозного толка в Кокандском ханстве. Направленное против правящего Худояр-хана и вместе с ним против русских, оно постепенно приобретало форму газавата, расширение которого было не на пользу российским интересам. Оказаться втянутой в войну, подобную Кавказской, было не лучшей для России перспективой. К счастью для нее, лидер восстания Мулла-Исхак Мулла-Хасан-оглы не дотянул до авторитета Шамиля. Несмотря на возможность переговоров, предложенных К. П. Кауфманом, они по причине нежелания нового кокандского хана Насреддина их вести не состоялись. Начавшиеся военные действия привели русские войска в столицу ханства, а Коканд — к заключению

нового договора, по которому очередное бекство, на сей раз Наманганское, вошло в Туркестанское генерал-губернаторство.

Однако Насреддин-хан был не в состоянии навести порядок в собственном ханстве. С подачи К. П. Кауфмана, ввиду угрозы разрастания недовольства в соседние земли, Александр II согласился на присоединение всего Коканда, исходя из геополитического постулата: лучше завоевать, нежели иметь Коканд в качестве беспокойного соседа, готового при благоприятном для него стечении обстоятельств «перекинуться» в сети английской политики, тем более что такой прецедент в первой половине XIX в. был. Под названием Ферганской области Коканд продолжил свое существование, но уже в составе России.

Ревниво наблюдая за успехами России, Англия всеми возможными средствами мешала им. В конце 1876 г. в Лондоне был разработан конкретный план военных действий против России, который предусматривал операции и в Средней Азии, и на Ближнем Востоке: начать наступление из Индии, поднять на свою сторону туркменские племена. Великобритания не нашла союзников для борьбы против России, а в одиночку воевать не решилась. Но противодействие в отношении России не прекратилось. В 1877 г. Англия в очередной раз попыталась сколотить «мусульманский блок» государств против России, для чего создавалась широкая агентурная сеть. Туркменов Ахалтекинского и Мервского оазисов запутали русскими так, что они, не имея представления ни о планах англичан, ни о планах русских, начали вооружаться современным английским оружием. Параллельно, пока Россия воевала на Балканах, Англия вторглась в Афганистан, захватила его столицу Кабул, готовилась подчинить туркмен.

Еще с 1874 г. по «Временному положению о военном управлении в Закаспийском крае» этот округ, включивший в себя территории от восточного берега Каспийского моря до западных границ Хивинского ханства, входил в Кавказское наместничество. Но, закрепившись на Каспии, русская администрация не была уверена в прочности своего положения. Угроза военных действий повлияла на увеличение численности войск Туркестанского округа и на укрепление их материальной базы. В этих условиях правительство России отдало приказ овладеть стратегическим Ахалтекинским оазисом для противовеса Англии. Но попытка овладеть сразу центром оазиса городом Геок-Тепе была крайне неудачной. Русская армия потеряла 464 человека убитыми и ранеными. Эта неудача встревожила Александра II, опасавшегося, что Англия, завоевав Афганистан, начнет наступление на Среднюю Азию. Поэтому в Петербурге в 1880 г. ввиду агрессивности англичан было решено предпринять в Азии «серьезные меры». Командующим русскими

войсками был назначен герой русско-турецкой войны генерал М. Д. Скобелев. Сторонник наступательной тактики, М. Д. Скобелев масштабно подошел к поставленной перед ним задаче. В ходе продвижения русских войск он большое значение придавал северным районам Персии как источнику снабжения войск продовольствием, особо важным в полупустынной местности. Через посланника России в Тегеране удалось получить согласие шаха на продажу продовольствия (*Киняпина И. С.* Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974. С. 265). Сопротивление русским войскам было ожесточенным — текинцы, жители оазиса, использовали современное оружие, в том числе пулеметы, их обучали инструкторы-англичане. Овладение Ахалтекинским оазисом было принципиальным с точки зрения геополитической инициативы в регионе: если оно удастся России — Англия останавливает свою экспансию в Среднюю Азию, если это удастся Англии, Россия лишается безопасности своих южных границ.

М. Д. Скобелев говорил о сложности военной обстановки: «Взятие Геок-Тепе есть дело серьезное. Неприятель решил драться упорно и все подготовил». Чем упорнее сопротивлялись текинцы, тем большая ярость овладевала русскими солдатами: сжигались аулы, уводился скот. Надо сказать, что не только у подножия Гиндукуша российские войска действовали жестоко. Любое сопротивление русским властям вызывало карательные меры, как в Самарканде или Коканде. Население Средней Азии не всегда приветствовало завоевателей как представителей порядка и гражданской свободы (*Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Лондон, 1991. С. 329). Только в январе 1881 г. текинцы прекратили борьбу, оставив город. Стараясь заручиться поддержкой населения, М. Д. Скобелев объявил амнистию всем воевавшим против русских войск (а воевали почти все). Через два месяца в город вернулось более 8 тыс. кибиток.

После Геок-Тепе Аншхабад сдался без боя. Он и стал центром Закаспийской области. Между тем ситуация требовала урегулирования пограничных разногласий с Персией, поскольку российские войска вышли к границам ее владений. Конвенция, заключенная в 1881 г., содержала не только соглашение о пограничном разделении, она явилась своеобразным гарантом регионального одиночества Великобритании.

Взятие под контроль Ахалтекинского оазиса имело важное значение — его не заняли англичане. Благожелательность русских властей к местным жителям сыграла свою роль — жители следующего оазиса, в г. Мерв, приняли «на собрании народных представителей» решение добровольно присоединиться к России. Причем вопрос на собрании

стоял простой: входить ли в состав России, или подчиниться Англии? (см.: Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960). В английской прессе это вызвало истерию русофобии, что повлияло на решение парламента о продолжении противостояния России. Сыграла роль и жесткая позиция Александра III, избегавшего военных конфликтов с Англией, но в тоже время не боявшегося и не желавшего уступать. Великобритания тоже не хотела прямого военного столкновения с Россией, но к войне готовилась и вначале вынудила это сделать афганского эмира, однако русские войска в районе Кушки наголову разбили афганцев. Афганские войска были пробным камнем англичан. После поражения Великобритания пошла на переговоры с Россией. В 1885 г. обе стороны договорились о границах. В качестве нейтральной территории между Россией и Англией был определен Афганистан. В 1887 г. окончательно установили русско-афганскую границу от р. Герируд на западе до Аму-Дарьи на востоке. И лишь только после этого в отношениях двух империй подул теплый ветер.

Нормализация отношений с Великобританией означала новый поворот в развитии политики не только в Средней Азии, но и в мире. Перегруппировка сил в Европе привела к мирному сосуществованию двух империй на Востоке. Их соперничеством другие державы интересовались мало, что позволило поставить Великобританию в условия дипломатического одиночества в регионе. Соглашение 1885 г. было явным выигрышем российской дипломатии и русского оружия и выглядело своеобразным реваншем за дипломатический проигрыш в 1878 г. на Берлинском конгрессе. Потеряв влияние на Балканах, Россия приобрела Среднюю Азию. Осторожное противостояние Англии в конечном счете вывело Россию к стабильным границам на юго-восточных рубежах и было обеспечено завоеванием Кокандского ханства, ставшего вместе с другими территориями Туркестанским генерал-губернаторством, а также туркменских земель, образовавших Закаспийскую область, подчиненную генерал-губернатору Кавказа (впоследствии переподчиненную тому же Туркестанскому генерал-губернаторству). Хивинское ханство и Бухарский эмират с уменьшенными в пользу России территориями, оставаясь независимыми, постепенно экономически вращались в российский рынок и вовлекались в сферу влияния России. Угроза потери влияния и заставила Российское правительство прийти к необходимости покорения Средней Азии.

«Хотя русские противоположны нам по религии, но в дружбе, искренности, человечности они превыше всех». В начале XIX в. никто не мог вообразить, что через 70–80 лет в Средней Азии и прилегающих

к ней землях воцарится спокойствие, как политическое, так и экономическое, что кокандское и хивинское ханства и Бухарский эмират, «помирённые» русским покорением, не будут уже иметь взаимных претензий, что отправляющиеся на юго-восток торговцы и путешественники смогут быть спокойными не только за свои товары, но и за свою жизнь, что русские купцы, добравшись до мест торгов, уже не будут опасаться многократного налогового обложения.

Действительно, включение в состав Российской империи значительных территорий и введение Бухарского эмира и хивинского хана в вассальное состояние позволили стабилизировать внешнюю и внутреннюю обстановку в регионе и дать возможность их экономическому росту. То, что в Бухаре и Хиве сохранялась известная самостоятельность в налоговой, административной, судебной и финансовых системах, определяло отличие их положения от положения Туркестанского края. Вместе с тем наблюдались и общие тенденции.

Устанавливалась общая граница, имевшая важное геополитическое значение, ее охрану нельзя было доверять бухарским войскам. Как новые — российско-афганские и российско-персидские, так и бухаро-афганские рубежи ставились под контроль российской пограничной службы. Армейские подразделения в вассальных государствах хотя и имелись, но реального значения и тем более угрозы для России уже не представляли. Русские войска вместе с тем практически не дислоцировались на их территориях, тем самым поддерживая иллюзию независимости.

К концу XIX в. установился и общий таможенный контроль для защиты интересов русских товаропроизводителей и в целях запрещения провоза через границу наркотиков. Политическая власть в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате осуществлялась местной администрацией, однако в большей степени она зависела от воли и распоряжений туркестанского генерал-губернатора. Осложнение обстановки в Средней Азии в 80-х годах привело русское правительство к необходимости создания политического агентства в Бухаре. В такой ситуации бухарский эмир, а впоследствии и хивинский хан превращались в «русских уездных начальников» (*Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1906. С. 262–263*). Политические агенты были и своего рода судебной инстанцией. По договорам между Россией и среднеазиатскими государствами русские граждане были подсудны только им. Со временем агенты стали разбирать иски, возникшие в результате российско-бухарских конфликтов. Рассматривались дела и местных жителей, решения по ним приравнивались к решению суда казиев. Либеральность русского судопроизводства притягивала население (*Григорьев С. Е. Российская империя и Бухарский эмират в конце XVI–нача-*

ле XX века: Социально-культурное взаимодействие метрополии и протектората // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 43). В этом заключалась одна из основных задач политики российского правительства, стремившегося усилить интеграцию Средней Азии в ткань российской государственности.

На присоединенных и зависимых землях отменялись работорговля и рабство (число невольников выросло к середине XIX в.) Освобождение рабов и запрет на такого рода деятельность были по заслугам отмечены даже англичанами, несмотря на их негативное отношение ко всему, что делалось русскими в Средней Азии. Первым был закрыт невольничий рынок в Ташкенте, а желающим экс-рабам отвели земли. Зачастую отправка на родину пленников, освобожденных русскими войсками, осуществлялась русской военной администрацией, как это произошло после взятия Хивы — около 40 тыс. персов было возвращено на родину.

Строительство железной дороги в 1880-х годах дало значительный толчок экономическому развитию Средней Азии. Начатое параллельно движению войск М.Д. Скобелева к туркменским землям, в дальнейшем оно, пройдя через Ашхабад, Чарджоу, Самарканд, замкнуло железнодорожное кольцо по линии Ташкент — Оренбург. Мысли о железнодорожном строительстве появились у российских предпринимателей еще в 50-х годах XIX в. К 1880 г. в правительство было подано около 40 проектов постройки. В большинстве из них предпочтение отдавалось направлению Оренбург — Ташкент. Но самым грандиозным считался в правительстве проект строителя Суэцкого канала Ф. Лессепса, предложившего соединить железной дорогой Оренбург и Индию. Однако строительство железных дорог могло рассматриваться англичанами как шаг к агрессии на север их индийских колоний. При обсуждении в 1875 г. в Петербурге проекта Лессепса единогласно было признано, что мысль о соединении железнодорожной сетью с Индией более вредна, чем полезна для России (*Дневник Д. А. Милютина 1873–1875 гг.* Т. 1. М., 1947. С. 181).

Другим транспортом в Средней Азии стал водный. Существовавшее с 40-х годов XIX в. Каспийское пароходство дополнялось Аральской и Аму-Дарьинской флотилиями. Причем в 60-е годы пытались реанимировать проект времен Петра I об использовании старого русла реки, вытекавшей из Саракамышского озера, принимавшегося за русло Аму-Дарьи (*Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е годы XIX века.* М., 1963. С. 88–89).

Как правило, вдоль коммуникаций и строились предприятия, специализировавшиеся в основном на переработке хлопка. Возникший в 60-е годы хлопковый голод в России и, как следствие, повышение цен

на это сырье привели российских промышленников в единственно благоприятный по климатическим условиям регион для его выращивания — в Среднюю Азию. В 80–90-е годы заводчики российской текстильной промышленности проявили немало энергии, чтобы внедрить там наиболее качественные сорта американского хлопка. Подчас этот процесс проходил форсированными темпами: хлопководам раздавались бесплатно семена для посева, а в некоторых районах под хлопок использовали земли, ранее засевавшиеся зерновыми культурами, в результате росли цены на хлеб. Основным районом хлопководства стала Ферганская долина, к концу XIX в. дававшая до 70% урожая хлопка. Культивирование и селекция хлопка сделали российских промышленников независимыми от американской хлопковой монополии.

Менее успешным оказалось расширение в Средней Азии шелкопрядения. Созданное для этих целей Московско-Ташкентское общество для содействия российской шелковой промышленности выделяло немалый капитал. Однако благие цели остались нереализованными вследствие эпизоотии шибрины — болезни шелковичного червя. В целом по Средней Азии наблюдался упадок отрасли.

Другие традиционные сельскохозяйственные занятия жителей разных регионов Средней Азии также не оставались без внимания Министерства сельского хозяйства России. В них вносились поправки, связанные с потребностями российского народного хозяйства. Продукция виноградарей использовалась не только для приготовления изюма, но и в виноделии и винокурении. Официально производством алкоголя (в основном спирта) занималось немусульманское население. Заметное движение получило табаководство. Применявшийся ранее для жевания табак стал выращиваться для нужд российских курильщиков. Посевы мака не уничтожались, в нем была заинтересована фармацевтическая промышленность, и в течение Первой мировой войны опиум использовался в качестве наркоза в госпиталях.

Процесс перехода от кочевого к оседлому образу жизни, прежде всего туркменских племен, сопровождался развитием скотоводства. Улучшались породы скота, появлялись новые. Ветеринарное обслуживание, прививки, ранее не использовавшаяся заготовка сена впрок позволили в голодные годы избежать падежа скота. Новый импульс получили овцеводство и каракулеводство. Кроме хлопкоочистительных предприятий значимыми для российского рынка были маслобойное, мыловаренное и кожевенное производства. Все возрастающая потребность в нефти по мере становления российского капитализма нашла свое выражение в развитии нефтедобычи на землях туркмен, в частности, на некоторых островах в Каспийском море — Челекен, Нефтяный.

Для стимулирования производств, и прежде всего хлопкового, в Средней Азии была создана разветвленная банковская система. Отделения Государственного банка существовали и в Хивинском ханстве, и в Бухарском эмирате.

Особое место в среднеазиатских планах российского правительства принадлежало переселенческой политике. Переселение крестьян из Центральной России смягчало там земельный вопрос, а в Средней Азии приводило к укреплению национальной опоры России. Постепенная миграция воспринималась благожелательно, но если поток усиливался, местная администрация часто с ним не справлялась и иногда официально приходилось ее приостанавливать. Пики волн переселенцев приходились на голодные для российского крестьянства 1891–1892 гг., а также на начало XX в. В связи с непригодностью почв для зернового земледелия в Бухаре и Хиве большинство переселенцев оседало в Семиречье. Присутствие русского населения в более южных районах связывалось как со строительством и обслуживанием железной дороги, так и с промышленным производством.

К 1915 г. русское население в Туркестанском крае насчитывало 865 742 человек, что составляло 11% численности всего населения. Переселенцы привнесли в жизнь местных жителей некоторое разнообразие, в частности, в быт. Появилась потребность в европейских и русских товарах. Это касалось не только знати, но и средних обывателей. Увеличился спрос на различного типа посуду, стулья, кровати, керосиновые лампы, свечи, мыло и т. д.

В Ташкенте и других городах Средней Азии началась застройка европейского типа. С 1867 г. в Ташкенте создается новый «русский» квартал, разраставшийся по мере увеличения администрации, числа военных, торговцев и промышленников. Видимо, последнее обстоятельство и привело к росту населения в городе с 2073 человек в 1871 г. до 4859 в 1874 г. С 1870 г. начинается и шоссирование дорог (*История Ташкента*. С. 146). Но Ташкент — город особый, центр управления Туркестанским краем. Другие «русские» города в Средней Азии переживали меньший строительный бум. А в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате русское население старались селить отдельно. Так, например, рядом с исторической Бухарой возникла Новая Бухара. Значительное количество русских проживало в Самарканде, Чарджоу, Термезе.

Осторожная политика российского правительства при размещении переселенцев увязывалась с внимательным отношением к мусульманству. В самом начале приобщения магометанских народов к российскому подданству попытки распространения православия не приносили значительных результатов, и с конца XVIII в. от них отказались.

Мирное сосуществование конфессий — принцип российской колонизации, ставший определяющим и в Средней Азии. Отсюда — запрещение миссионерской деятельности и политика невмешательства в дела мусульманской веры. При образовании Туркестанского генерал-губернаторства это положение легло в основу политики России. Православные храмы разрешалось строить только в местах плотного проживания русского населения и на территории воинских частей. Более того, российское правительство оказывало поддержку совершающим традиционный для мусульман хадж. Еще в начале XIX в. оно пропускало через Россию паломников из Бухары, а с постройкой железной дороги этот процесс упростился. Мусульманское население не подлежало призыву в российскую армию, а складывавшаяся система образования отличалась отсутствием насильственного внедрения русских программ. Практически не затрагивались низшие школы — мактабы, а высшая ступень конфессионального образования — медресе — оставалась верной традициям и принятым среди мусульман нормам обучения. Наряду с названными учебными заведениями вводились и новые. В 1884 г. генерал-губернатор Туркестанского края Н. О. Розенбах выступил с проектом создания сети упрощенных начальных школ для детей русского и местного населения. С 1884 г. проект «русско-туземных» училищ начал реализовываться. Вместе с основами ислама и узбекским языком вводились и светские предметы. Русский язык не являлся обязательным для обучения, а для желающих его изучать открывались специальные курсы. К концу XIX в. грамотность населения несколько увеличилась — до 1,6%.

Значительный вклад в культурно-просветительское развитие Средней Азии внесло появление книгопечатания. Первая типография возникла в Ташкенте. Там же появилась и первая газета — «Туркестанские ведомости», печатавшие приложение на местном языке. В 1883 г. газета превратилась в самостоятельное краевое издание «Туркестан волоятининг газетаси». В начале XX в. газеты выпускались и в других регионах, в частности, в столице Бухарского эмирата издавалась газета «Бухара-йи шариф» («Благородная Бухара»). Кроме газет печатались переводы известных произведений русских писателей на узбекский язык, а также произведения Навои, Фузули, Фурката, Мукими, Завки, Дониша.

Таджикский поэт-просветитель, участник многих бухарских посольств в Россию Ахмад Дониш писал: «Хотя русские противоположны нам по религии, но в дружбе, искренности, человечности они превыше всего». Его пафосная фраза служит своеобразной оценкой деятельности российского правительства в Средней Азии.

Вызванное геополитической необходимостью, покорение Средней

Азии выявило в то же время осторожный и осознанный подход российских властей к процессу культурно-идеологического приобщения народов к общероссийскому цивилизационному потоку, процессу втягивания ранее замкнутого среднеазиатского рынка в общеевропейскую систему через Россию. Установившаяся стабильность политической обстановки ликвидировала «железный занавес», отделявший Среднюю Азию от других стран. Начинаясь ее интеграция в Российскую империю.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмеджанов Г. А. Советская историография присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1989.
- Веселовский А. И. Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персию и Бухару в XVII веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Кн. 1.
- Глуценко Е. А. Строители империй. Портреты колониальных деятелей. М., 2000.
- Григорьев С. Е. Российская империя и Бухарский эмират в конце XIX — начале XX века: Социально-культурное взаимодействие метрополии и протектората // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996.
- Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова. СПб., 1842.
- Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году. СПб., 1897.
- История Ташкента. Ташкент, 1988.
- История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1988.
- Киняпина Н. С., Блиев М. И., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.
- Марков Е. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Ташкенту и Ферганской области, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901.
- Материалы военно-учетного архива Главного штаба. СПб., 1871.
- Перепелицына Л. А. Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии. М., 1966.
- Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е годы XIX века. М., 1963.
- Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. Ашхабад. 1963.
- Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. I–III. СПб., 1906.
- Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974.
- Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент, 1964.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Очерк первый. Древняя Русь и Степь (И. Б. Михайлова)	7
--	---

Гунны. — Авары-обры. — «Великая Болгария». — Волжско-Камская Болгария. — Хазары. — Восточные славяне и Хазарский каганат. — Древняя Русь и Хазария в IX-X вв. — Венгры. — Печенеги. — Усиление печенежской агрессии и разгром «Пачинакии». — Торки. — «Черные клобуки». — «Свои поганые» на русской службе. — Кипчаки-половцы. — Русско-половецкие войны 1093–1096 гг. — Военная «доктрина» и победоносные походы Владимира Мономаха. — Консолидация половецких орд и борьба с кочевниками в 70–80-е годы XII в. — Загадочный поход князя Игоря Святославича. — Русь и половцы в конце XII — первой трети XIII в.

Очерк второй. Русь и Золотая орда (Ю. В. Кривошеев)	129
---	-----

Средневековые монголы в русской историографии. — Русь и монголы: взгляды отечественных историков. — «Батыево пленение». — После нашествия. — Установление даннической зависимости. — Данничество и средневековая русская государственность. — Князья и ханы; вече и татары. — Русь, Россия и государства-преемники Золотой орды.

Очерк третий. Русь и степное Поволжье (В. В. Шапошник)	195
--	-----

Русь и Большая орда перед решительным столкновением (40–70-е годы XV в.). — Стояние на Угре. Освобождение от ордынской зависимости. — Образование Казанского ханства. Суздальская битва. — Россия и Казанское ханство при Иване III. — Москва и Казань в первой трети XVI в. — Первые походы Ивана IV. — Взятие Казани. — Окончательное покорение Казанского ханства. — Астраханское ханство. — Образование Ногайской орды. — Усиление влияния России при бее Исмаиле. — Гибель Ногайской орды.

Очерк четвертый. Россия и Крым (М. В. Кривошеев) 251

«...Другу другом быти, а недругу недругом...». — «А посошную пошлину не платить...». — «А стояти сторожем на сторожах с конь не сседа...». — «Дружбы подарками не покупают». — «Государевы украины». — «С воеводами царскими против всякого врага великого государя итти готовы поголовно...». — «Всеа Великия и Малыя и Белья Руси самодержец...». — «Не первый раз России побеждать врагов». — «...Сколько проистечет от сего выгодностей — изобилие, спокойствие жителей, а от того... умножение доходов».

*Очерк пятый. Российское государство и кочевые народы
(В. М. Викторин) 319*

Особенности вхождения кочевников в состав России. — Ногайская орда и ногайско-русские отношения в XVI-XVII вв. — Кочевники Урала и Сибири. Казахи. — Калмыки и Россия в XVII в. Хан Аюка. — Казахские жузы и Россия в XVIII в. Деятельность И. К. Кириллова и В. Н. Татищева. — Калмыцкие дела. — Освоение Оренбуржья. Переход кочевников к оседлости. — Правительственное влияние на управление кочевых народов и их присоединение к России во второй половине XVIII-XIX вв. — Положение кочевых народов в составе Российской империи в XIX — начале XX в.

Очерк шестой. Россия и Средняя Азия (М. В. Кривошеев) 359

Предварительные замечания. — «И пришли послы их в Хорезм». — «А от Хвалимского моря до Синего на солнечный восход 250 верст». — «А там без всяких правил правительства». — «А русским купцам обиды всякие творят». — «Русские ведут торговлю в Ургенче, если хотят — в Бухаре, если хотят — в Балхе...». — «Ты ж, государь, не веди с моих товаров пошлину имать». — Лензибаши Филипп Ефремов. — «Присматривать прилежно, проведывать искусно...». — «Сила все резоны уничтожит». — «Со временем малую крепостцу сделать можно». — «Английское правительство поддерживает дружеские отношения только с теми государствами, которых оно боится». — «Сила — последний из вариантов давления». — «Не бросаться вперед, чтобы после не идти назад». — «Когда б не было русских, не видали бы и холодов». — «Ташкент взят. Никто не знает, почему и для чего». — «Хотя русские противоположны нам по религии, но в дружбе, искренности, человечности они превыше всех».

Научное издание

РОССИЯ И СТЕПНОЙ МИР ЕВРАЗИИ

Очерки

Редактор *И. П. Комиссарова*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать 31.08.2006. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0 + 3,0 вкл.
Тираж 700 экз. Заказ № 408.

Издательство СПбГУ.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., 41